This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

СОВРЕМЕННИКЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ XIV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА

1849

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
AUG 1 1975
AP50
S695
[n.s.] v.14:1
849

Fotomechanischer Neudruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
LEIPZIG 1975

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin – DDR
Ag 509/122/1974

I.

ПРИЗНАНІЯ ЛАМАРТИНА.

КНИГА I.

1.

Вы хотите знать первую половину моей жизни, потому-что вы меня любите; но вы любите меня не всего вполнѣ: прошедшее отъ васъ ускользаетъ; у васъ похищена часть меня, — надо возвратить вамъ ее. Мнѣ самому будетъ иногда пріятно, иногда прискорбно восходить для васъ и только съ вами къ живымъ, безвѣстнымъ истокамъ моего существованія, моихъ мыслей и чувствъ. Когда рѣка уже поизсякла и катитъ горькія воды по безплодному песку, готовая исчезнуть въ общемъ океанѣ, кому не пріятно пройти, волна за волною, долина за долиною, вверхъ по долгимъ извилинамъ ея теченія, и зачерпнуть въ самомъ истокѣ воду, струящуюся изъ скалы, прикрытую чащею листьевъ, свѣжую какъ снѣгъ, изъ котораго она раждается, голубую и глубокую, какъ отражающееся въ ней небо? Исполненіе вашего требованія освѣжитъ мою душу и удовлетворитъ вашему дружескому любопытству. Я дошелъ почти до той неопредѣленной точки въ жизни, когда человѣкъ, проживши половинное число лѣтъ, удѣляемыхъ Творцомъ своимъ любимцамъ, останавливается на минуту между двухъ поло-

вишъ существованія и не знаетъ собственно, идетъ ли онъ еще на гору, или спускается уже съ горы. Тутъ кстати остановиться, если вы сами къ себѣ и другіе не сдѣлались еще къ вамъ равнодушны; тутъ кстати оглянуться назадъ и выхватить изъ готоваго сокрыть ихъ мрака мѣстности, часы, лица, всѣ сладкія, блѣднѣющія въ вечернемъ сумракѣ воспоминанія, которыя вамъ хотѣлось бы воскресить въ сердцѣ другого, какъ живутъ они въ вашемъ собственномъ. Но собираясь провести васъ по сокровеннѣйшимъ извилинамъ моихъ воспоминаній, я чувствую, какъ грусть и скорбь горячими волнами подступаютъ къ сердцу и почти лишаютъ меня голоса. Они спали, но они не умерли; можетъ быть мнѣ не слѣдовало бы будить ихъ; можетъ быть я не въ состояніи буду продолжать. Молчаніе—саванъ минувшаго; отбросить его — иногда преступно, часто опасно; и первый моментъ такого поступка тяжелъ, даже если разоблачаешь прошедшее съ любовью и благоговѣніемъ. Знакомо ли вамъ одно изъ самыхъ ужасныхъ испытаній въ жизни? Я пережилъ его два раза и не могу о немъ вспомнить безъ трепета.

Смерть похищаетъ у васъ внезапно, во время вашего отсутствія, существо, жизнью котораго сами вы жили: мать, дитя, жену. Призванные роковою вѣстью, вы возвращаетесь домой, когда земля не успѣла еще принять священныхъ останковъ тѣла, почившаго на-вѣки. Вы переступаете черезъ порогъ, всходите по лѣстницѣ, вступаете въ комнату, и васъ оставляютъ наединѣ съ Богомъ и смертью. Вы падаете на колѣни у самаго ложа и нѣсколько часовъ остаетесь тутъ съ распростертыми руками, припавъ лицомъ къ пологу смертнаго одра. Наконецъ вы встаете, торопливо или медленно дѣлаете по комнатѣ нѣсколько шаговъ, то подходите, то удаляетесь отъ ложа, гдѣ бѣлое покрывало, прильнувши къ неподвижному тѣлу, обрисовываетъ формы существа, котораго вамъ не увидѣть уже больше. Васъ беретъ страшное раздумье: вы можете откинуть саванъ и еще разъ взглянуть на это лицо.... но взглянуть ли? не лучше ли поцаловать его сквозь покровъ и созерцать только въ памяти, съ выраженіемъ, цвѣтомъ и взглядомъ, какой имѣло оно при жизни? Что утѣшительнѣе для пережившаго, что лучше сохранитъ чувство горячей любви къ усопшему? Задача неразрѣшимая! Я слишкомъ хорошо понимаю, какъ можно задать ее себѣ, и почему разрѣщаютъ ее такъ различно. Я тоже зада-

валъ себѣ этотъ вопросъ, и инстинктъ всегда одерживалъ во мнѣ верхъ надъ умствованіемъ. Что-то влекло меня взглянуть на мертвеца, и я глядѣлъ. Чувство любви отъ этого не ослабѣвало; лицо, полное жизни, сливалось въ памяти моей съ лицомъ, какъ-будто изсѣченнымъ изъ мрамора, и неподвижныя черты одушевлялись чѣмъ-то животрепещущимъ и вѣчнымъ, какъ безсмертіе.

Такъ и теперь, раскрывая передъ вами книгу моихъ воспоминаній, я чувствую какую-то нерѣшимость. Подъ этимъ покровомъ забвенія покоится мертвецъ: то моя юность! Сколько очаровательныхъ образовъ, но зато сколько и сожалѣній воскреснутъ вмѣстѣ съ нею! Но все равно; вы этого хотите, и я повинуюсь. Гдѣ найти мнѣ руку, болѣе достойную хранить не совсѣмъ еще остывшій пепелъ того, что нѣкогда было моимъ сердцемъ?

2.

Боже мой! я часто жалѣлъ, зачѣмъ я родился. Часто желалъ я отступить назадъ до небытія, вмѣсто того, чтобы итти впередъ среди лжи, страданій и безпрестанныхъ утратъ, къ конечной утратѣ самого себя, называемой смертью. Но и въ минуты страшнаго унынія, когда отчаянье беретъ верхъ надъ разсудкомъ, и когда забываешь, что жизнь работа, заданная намъ для самоуничтоженія, я всегда думалъ: есть однако же нѣчто, о чемъ я пожалѣлъ бы, если бы мнѣ не довелось вкусить его; то молоко матери, ласки отца, родство души и сердца съ братьями, — семейныя радости и даже горе! Семейство — второе я, существовавшее до меня и переживающее меня. Это символъ единства существъ, выраженнаго группою людей, дорогихъ другъ другу. Я понимаю, что можно желать раздвинуть семейство; но разрушить его!... это хула на природу, оскорбленіе человѣческаго сердца. Куда дѣвались бы всѣ чувства, рожденныя и оперившіяся въ отцовскомъ домѣ? Жизнь лишилась бы своего источника, текла бы неизвѣстно откуда и куда. Всякое задушевное чувство сдѣлалось бы метафизическимъ отвлеченіемъ. Господь великъ въ своемъ творчествѣ именно тѣмъ, что законы, сохраняющіе цѣлость человѣчества, слиты Имъ воедино съ сладостнѣйшими чувствами отдѣльной личности. Кто не любитъ, тотъ не понимаетъ.

чинѣ капитана кавалеріи, онъ внесъ туда съ собою любовь къ вліянію, блеску и удовольствіямъ, къ которымъ привыкъ при дворѣ и въ военной службѣ. Имѣя хорошее состояніе, онъ женился на богатой наслѣдницѣ въ Франшъ-Конте; она принесла ему въ приданое прекрасныя земли и пространные лѣса въ окрестностяхъ Сенъ-Клода и въ дефиленхъ Юры, недалеко отъ Женевы. У него было шесть дѣтей: три сына и три дочери. Согласно понятіямъ того времени, все родовое имѣніе было предназначено старшему сыну. Второй поневолѣ вступилъ въ духовное званіе, къ которому не чувствовалъ никакого расположенія. Двухъ дочерей засадили на воспитаніе въ монастыри, третья постриглась въ монахини. Отецъ мой былъ младшимъ въ семействѣ. Шестнадцати лѣтъ его записали на службу въ тотъ самый полкъ, въ которомъ служилъ отецъ его. Онъ никогда не долженъ былъ жениться: въ то время было такое правило. Онъ долженъ былъ состарѣться въ скромномъ и рано полученномъ чинѣ капитана кавалеріи, отъ времени до времени брать отпускъ и пріѣзжать въ отцовскій домъ, получить, нескоро, орденъ св. Людовика, — предѣлъ честолюбія деревенскаго дворянина; потомъ, на склонѣ лѣтъ, пользуясь небольшою пенсіею отъ короля и еще меньшею законною частію изъ родового имѣнія, прозябать гдѣ-нибудь въ уголку одного изъ старинныхъ замковъ старшаго брата, смотрѣть за садомъ, охотиться съ кюре, выѣзжать лошадей, играть съ дѣтьми, играть въ шахматы или триктракъ съ сосѣдями, — словомъ, быть всеобщимъ угодникомъ, всѣми любимымъ и пренебрегаемымъ, и дожить свой вѣкъ незамѣтно, безъ имущества, безъ жены, безъ потомства, покамѣстъ болѣзнь не удалитъ его изъ салона въ комнату, гдѣ висятъ на голыхъ стѣнахъ его каска и шпага, и покамѣстъ въ какое-нибудь утро не скажутъ въ замкѣ: «шевалье умеръ».

Такая жизнь ожидала отца моего шевалье Ламартина. Скромный и почтительный, онъ покорился бы своей участи съ скорбью въ душѣ, но безъ ропота. Неожиданное обстоятельство измѣнило всѣ эти предначертанія судьбы. Старшій братъ заболѣлъ; врачи отсовѣтовали ему жениться. Онъ сказалъ отцу: «надо женить шевалье». Это возмутило всѣ фамильныя чувства, всѣ предразсудки. Кавалеры не должны жениться. Отца моего оставили въ полку. Годъ отъ году отклады-

вали разрѣшеніе этого затруднительнаго обстоятельства, всѣхъ болѣе возмущавшаго мою бабушку. — Женить шевалье! Это казалось ей чѣмъ-то чудовищнымъ. А съ другой стороны дать исчезнуть безвѣстному имени казалось преступленіемъ противъ крови. Надо было на что-нибудь однако же рѣшиться. Они не рѣшались, а между тѣмъ близилась революція.

5.

Въ то время были во Франціи, какъ и теперь еще въ Германіи, духовно-свѣтскія заведенія, о которыхъ теперь мы не можемъ вспомнить безъ улыбки: до такой степени были въ нихъ перемѣшаны въ миломъ и строгомъ контрастѣ свѣтъ и отреченіе отъ свѣта. Эти заведенія назывались монастырями благородныхъ монахинь. Вотъ что это было:

Въ провинціи, гдѣ-нибудь на живописной мѣстности, недалеко отъ какого-нибудь большого города, сосѣдство котораго оживляло эти монастыри, богатыя дворянскія фамиліи поселяли тѣхъ изъ своихъ дочерей, которыя не желали постричься, и которыхъ между тѣмъ они не могли выдать за-мужъ съ достаточнымъ приданымъ.

Каждой изъ нихъ давали маленькій капиталъ, строили имъ, по общему плану, красивый домикъ, окруженный садомъ. Это былъ родъ вольныхъ келій, стоящихъ одна возлѣ другой, съ полуоткрытыми для міра дверьми, нѣчто въ родѣ несовершенной секуляризаціи прежнихъ монашескихъ орденовъ, изящная средина между монашествомъ и свѣтскою жизнью. Молодыя дѣвушки вступали въ эти монастыри лѣтъ 14 и 15-ти. Онѣ жили тамъ подъ очень не строгимъ надзоромъ старыхъ инокинь, уже произнесшихъ обѣтъ отреченія; потомъ, достигши двадцати лѣтъ, дѣлались самостоятельными хозяйками, вступали въ товарищество съ одной или двумя изъ своихъ пріятельницъ и жили по двѣ, по три вмѣстѣ.

Въ монастырѣ жили онѣ только лѣтомъ, зимою же возвращались въ сосѣдніе города повеселиться и блеснуть въ салонѣ маменьки. Пребываніе въ монастырѣ не обязывало ихъ ни къ чему; только дважды въ день онѣ должны были пѣть при служеніи въ церкви, да и тутъ достаточно было малѣйшаго пред-

лога, чтобы не итти. По вечерамъ онѣ собирались то у настоятельницы, то у которой-нибудь изъ своихъ подругъ, играли, разговаривали, читали, сообразуясь единственно съ своимъ вкусомъ, подъ снисходительнымъ надзоромъ какой-нибудь старой монахини. Только въ назначенный часъ онѣ должны были возвращаться домой. Мужчины не допускались, по положенію, въ эти кружки; но было исключеніе, все примирявшее. Молодыя монахини могли въ продолженіи извѣстнаго числа дней принимать своихъ братьевъ и представлять ихъ своимъ подругамъ на монастырскихъ собраніяхъ. Отсюда проистекали нѣжнѣйшія сердечныя связи между молодыми офицерами, пріѣзжавшими къ сестрамъ, и подругами этихъ сестеръ. Случались конечно иногда и похищенія и разные толки; но вообще эти сближенія были чисты, и изъ взаимнаго чувства, оживляемаго ежегоднымъ посѣщеніемъ монастыря, раждались браки по любви, столь рѣдкіе, въ то время, во французскомъ обществѣ.

6.

Одна изъ сестеръ моего отца была монахинею въ такомъ монастырѣ, на берегу Саоны, между Ліономъ и Макономъ. Она постриглась 21 года отъ роду. Она жила въ домѣ, построенномъ для нея моимъ дѣдомъ. У ней поселилась премилая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, только-что поступившая въ монастырь. Отецъ мой, посѣщая сестру свою въ Саллѣ (такъ называлась та деревня), былъ пораженъ красотою, умомъ и кроткимъ характеромъ молодой дѣвушки. Они полюбили другъ друга. Сестра моего отца естественно сдѣлалась повѣренною ихъ взаимной привязанности. Она покровительствовала имъ, и послѣ многихъ лѣтъ постоянства и препятствій со стороны родственниковъ, судьба ихъ свершилась, и отецъ мой женился на подругѣ сестры своей.

7.

Аликса де Руа (такъ звали мою мать) была дочь г. де Руа, генералъ-интенданта финансовъ при герцогѣ орлеанскомъ. Г-жа де Руа, жена его, была помощницею надзирательницы дѣтей

его, любимицею прекрасной и добродѣтельной герцогини орлеанской, которую уважила революція, выгоняя ее изъ дворца и пославши сыновей ея въ ссылку, а мужа на эшафотъ. Г. и г-жа де Руа жили зимою въ Пале-Роялѣ, а лѣтомъ въ Сенъ-Клу. Тамъ родилась мать моя; тамъ воспитана она вмѣстѣ съ королемъ Луи Филиппомъ, въ почтительно короткихъ отношеніяхъ, всегда возникающихъ между дѣтьми, почти ровесниками, вмѣстѣ играющими и учащимися.

Сколько разъ разсказывала намъ матушка объ этомъ человѣкѣ, котораго революція такъ далеко отбросила отъ отечества, и котораго революція же должна была возвести на престолъ! Нѣтъ въ Сенъ-Клу ни одного фонтана, ни одной аллеи, ни одной поляны, которой мы не знали бы по воспоминаніямъ дѣтства матери, еще не видавши ея сами. Сенъ-Клу былъ ея Мильи; онъ былъ ея колыбелью, мѣстомъ, гдѣ зародились, развѣли, росли и выросли вмѣстѣ съ растеніями прекраснаго парка ея первыя мысли. Всѣ звучныя имена XVIII столѣтія были первыми именами, запечатлѣвшимися въ ея памяти.

Г-жа де Руа, мать ея, была достойная женщина. Должность, занимаемая ею въ домѣ перваго принца крови, собирала вокругъ нея много знаменитостей того времени. Вольтеръ, во время своего краткаго, послѣдняго пребыванія въ Парижѣ, посѣтилъ молодыхъ принцевъ. Матери моей было тогда лѣтъ семь или восемь, но она догадалась по впечатлѣнію, ясно произведенному его появленіемъ на другихъ, что передъ нею былъ Вольтеръ. Поза Вольтера, его костюмъ, трость, жесты, слова напечатлѣлись въ ея дѣтской памяти какъ образъ допотопнаго животнаго на горномъ камнѣ:

Даламберъ, Ланкло, г-жа Жанлисъ, Бюффонъ, Флоріанъ, англійскій историкъ Джиббонъ, Гриммъ, Морелле, Неккеръ, философы, ученые и государственные люди составляли общество г-жи де Руа. Болѣе всѣхъ была она близка съ Ж. Ж. Руссо. Несмотря на благочестивую приверженность къ догматамъ католицизма, она питала къ нему глубокое удивленіе, — конечно потому, что онъ обладалъ болѣе нежели геніемъ — душою. Она не признавала религіи его ума, но признавала религію его сердца.

2.

[illegible] Смольномъ монастырѣ [illegible] ей было лѣтъ [illegible]. У меня есть еще портретъ, снятый съ нея въ это время. Она представлена [illegible] — [illegible], съ [illegible], съ прекрасными бѣлыми руками, въ [illegible] черныхъ [illegible]. На груди [illegible] крестъ. На головѣ, сверхъ черныхъ волосъ, [illegible] [illegible] черные, [illegible] какъ [illegible]. [illegible] среди [illegible] цвѣтовъ.

Свѣжесть колорита [illegible] лѣтъ [illegible] нѣсколько отъ времени. Въ черты еще свѣжи, какъ-будто кисть живописца не успѣла еще обсохнуть. Нельзя не увидѣть внутренней улыбки жизни, [illegible] нѣжности души, взгляда и рѣчи, и сіяніемъ ума, проникнутаго чувствами. [illegible] изъ глазъ ея, нѣсколько [illegible] и [illegible], какъ-будто она [illegible] ослѣпить зрителя, не хочетъ дать полной воли ихъ блеску. Глядя на этотъ портретъ, понимаешь страсть, пробудившую оригиналъ въ этой [illegible], и благоговѣніе, пробуждаемое имъ въ дѣтяхъ.

Отецъ мой былъ въ то время по наружности и характеру достоинъ сердца такой женщины. Онъ былъ уже не молодъ: ему было тридцать восемь лѣтъ. Но для человѣка крѣпкаго сложенія, который дожилъ до девяноста лѣтъ, не утративъ ни бодрости духа и тѣла, ни зубовъ, ни волосъ, и сохранивъ строгую красоту старости, — тридцать восемь лѣтъ для такого человѣка была цвѣтущая пора жизни. Онъ былъ высокаго росту; воинская осанка его говорила, что онъ привыкъ хранить порядокъ и командовать. Физіономія его оставляла въ зрителѣ впечатлѣніе гордости и прямодушія. Въ сердцѣ его кипѣла горячая кровь, но съ виду онъ былъ холоденъ и равнодушенъ, потому-что боялся самъ себя и стыдился своей чувствительности.

Не было, кажется, на свѣтѣ человѣка, который бы меньше его показывалъ въ себѣ доблести и больше скрывалъ суровыя

достоинства героя съ истинно-женскою стыдливостью. Я самъ долго въ немъ обманывался. Я считалъ его жестокимъ и суровымъ, а онъ былъ только строгъ и справедливъ. Его можно обозначить двумя словами: патріархъ и солдатъ. Занятія его были: лѣтомъ, во время отпуска, охота; въ остальное время года—военная служба, верховая лошадь, оружіе, точное выполненіе обязанностей, облагороженное энтузіазмомъ воина. Дальше чина кавалерійскаго капитана и уваженія товарищей онъ не видѣлъ ничего. Полкъ былъ для него важнѣе семейства. Собственная честь была для него не дороже чести полка. Онъ зналъ наизустъ имена всѣхъ офицеровъ и кавалеристовъ. Они боготворили его. Званіе его было его жизнью. Онъ не домогался ни богатствъ, ни повышеній. Идеалъ его былъ — быть тѣмъ, что онъ есть, т. е. хорошимъ офицеромъ; честь была его душою; полгода проводилъ онъ въ городѣ въ гарнизонѣ, и полгода въ своемъ деревенскомъ домѣ, съ женою и дѣтьми.

Революція, несчастіе, лѣта и идеи измѣнили его въ старости. Я могу сказать, что самъ видѣлъ, какъ его гибкая и великая натура развивалась за семьдесятъ лѣтъ жизни. Онъ былъ похожъ на дубъ, который растетъ и обновляется, пока сѣкира не коснется его корня. Въ восемьдесятъ лѣтъ онъ еще совершенствовался.

9.

Я сказалъ уже, что фамильные предразсудки препятствовали его браку. Онъ и мать моя побѣдили ихъ своимъ постоянствомъ. Они были обвѣнчаны въ то самое время, когда революція готова была пошатнуть всѣ общественныя учрежденія и самую почву, на которой они держались.

Конституціонное собраніе принялось уже за свое дѣло. Оно подкапывало привилегіи, на которыхъ покоился старый общественный порядокъ Франціи. Народныя толпы, какъ волны, поднятыя вѣтромъ, сносили уже то Версаль, то Бастилію, то парижскую ратушу (Hôtel-de-Ville). Но дворянство не падало еще духомъ и думало возстановить религію и политическое устройство. Несмотря на первые удары землетрясенія, думали, что все это скоро пройдетъ. Въ прошедшемъ не нахо-

дили мѣрки для измѣренія высоты, которой достигнетъ разливъ новыхъ идей. Отецъ мой, женившись, не оставилъ службы; онъ думалъ, что все это кончится для него тѣмъ, что ему придется пойти за своимъ знаменемъ на защиту короля, побороться мѣсяцъ, другой, для возстановленія порядка, и пожертвовать можетъ быть долгу нѣсколькими каплями крови. Первыя молніи грозы, разрушившей престолъ, и цѣлыхъ полстолѣтія потрясавшей Европу, были не замѣчены отцомъ моимъ и матерью, упоенными первымъ наслажденіемъ любви. Однажды, помню, случилось мнѣ видѣть вѣтвь ивы, оторванную бурею отъ дерева и плавающую на разлившейся Саонѣ; самка соловья сидѣла на яйцахъ въ гнѣздѣ, уносимомъ волнами, и самецъ летѣлъ за своимъ жилищемъ.

КНИГА II.

1.

Едва вкусили они счастье, такъ долго ожиданное, какъ надо было разстаться, — и можетъ быть навсегда! Началась эмиграція. Эмиграція не была въ то время тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась она послѣ — средствомъ уйти отъ преслѣдованія или смерти. То былъ потокъ, увлекавшій за собою все французское дворянство. Примѣръ поданъ былъ принцами. Цѣлые полки лишались въ одну ночь всѣхъ своихъ офицеровъ. Надо было имѣть много свѣтлаго ума и твердости характера, чтобы устоять противъ этого эпидемическаго сумасбродства, прикрывавшагося именемъ чести. Отецъ мой устоялъ и не эмигрировалъ. Только когда отъ офицеровъ арміи потребовали присяги, противорѣчившей его совѣсти, онъ подалъ отставку. Приближалось 10 августа; всѣ это чувствовали. Знали напередъ, что конституція 91-го года падетъ, или явится торжествующей среди потоковъ крови. Люди, преданные остатку монархіи и питавшіе личную привязанность къ королю, примкнули къ конституціонной гвардіи Людовика XVI и окружили его въ день опасности. Отецъ мой былъ изъ числа этихъ храбрыхъ.

Мать моя не думала его удерживать. Обливаясь слезами, она не могла понять жизни безъ чести, и ни минуты не колебалась между скорбью и долгомъ. Она была тогда беременна мною.

Отецъ мой уѣхалъ безъ надежды, но съ рѣшимостью. Онъ сражался въ рядахъ конституціонной гвардіи и швейцарцевъ, защищая замокъ. Когда Людовикъ XVI оставилъ свое жилище, битва превратилась въ рѣзню. Отецъ мой былъ раненъ въ Тюльерійскомъ саду. Онъ ускользнулъ, но былъ схваченъ при переправѣ черезъ рѣку противъ дома Инвалидовъ, отведенъ въ Вожираръ и на нѣсколько часовъ запертъ въ погребъ. Его вытребовалъ и спасъ садовникъ одного изъ его родственниковъ, муниципальный офицеръ, узнавшій его почти чудомъ. Избѣжавши такимъ образомъ смерти, отецъ мой возвратился къ женѣ и жилъ въ совершенной безвѣстности, въ деревнѣ, до того времени, когда революціонное преслѣдованіе не оставило приверженцамъ стараго порядка вещей другого убѣжища, кромѣ тюрьмы и эшафота.

2.

Трудно было найти предлогъ для преслѣдованія семейства моего дѣда. Никто изъ членовъ фамиліи не эмигрировалъ. Дѣду самому было уже за восемьдесятъ лѣтъ. Старшій сынъ его, и второй, аббатъ де Ламартинъ, воспитанные въ духѣ XVIII столѣтія, были съ самаго дѣтства пропитаны философіей, обольщавшей міръ новымъ устройствомъ.

Какъ бы то ни было, дѣдъ мой и въ особенности дяди были пропитаны идеями революціи. Они были страстными приверженцами конституціоннаго правленія, народной представительности, сліянія сословій въ одну націю, подчиненную одинакимъ законамъ и платящую общую подать: Мирабо, Ламеты, Лафайетъ, Моннье, Вирьё, Ларошфуко были главнѣйшими виновниками ихъ политическихъ убѣжденій. Г-жа де Моннье (Софья Мирабо) жила нѣсколько времени у моего дѣда. Лафайетъ воспитывался вмѣстѣ съ аббатомъ Ламартиномъ. Они встрѣтились снова въ Парижѣ и вели дѣятельную переписку. Ихъ связывала искренняя дружба, дружба, пережившая сорокъ лѣтъ отсутствія, — дружба, о которой генералъ говорилъ мнѣ еще за годъ до своей смерти.

Вотъ какой былъ образъ мыслей семейства моего дѣда. Въ немъ не было ничего противорѣчащаго революціи 89 года; отецъ мой и дяди не отставали отъ новаго движенія до тѣхъ поръ, пока революція не сдѣлалась демагогіей и не превратилась въ насиліе, грабежъ и казни. Тогда гоненіе коснулось и ихъ, и оставило ихъ въ покоѣ только со смертію Робеспьера.

3.

Однажды ночью народъ вытащилъ изъ дому дѣда моего, несмотря на его 84 года, бабку мою, больную и почти столько же старую, двухъ моихъ дядей и трехъ тетокъ, монахинь, уже изгнанныхъ изъ монастыря. Всѣхъ ихъ посадили какъ попало въ повозку, окруженную жандармами, и отвезли въ Отёнь (Autun). Тамъ огромная тюрьма была устроена для принятія всѣхъ подозрительныхъ лицъ провинціи. Отецъ мой, по неизвѣстной ему причинѣ, былъ разлученъ съ прочими членами семейства и посаженъ въ темницу въ Маконѣ. Мать моя, кормившая меня въ то время, осталась одна въ огромномъ домѣ моего дѣда, подъ надзоромъ нѣсколькихъ солдатъ революціоннаго войска. И послѣ этого удивляются, что люди, увидѣвшіе свѣтъ въ эту печальную эпоху, внесли съ собою, при самомъ рожденіи, элементъ грусти и меланхоліи во французскій характеръ? Виргилій, Цицеронъ, Тибуллъ, даже Горацій, наложившіе ту же печать меланхоліи на римскій характеръ, не родились ли они, подобно намъ, во время великихъ гражданскихъ войнъ, во время проскрипцій Марія, Суллы и Цезаря? Вспомните только, сколько ужасовъ, сколько скорбныхъ чувствъ потрясали римлянокъ, когда онѣ носили подъ сердцемъ этихъ людей! Вспомните, что и я сосалъ изъ груди матери молоко, отравленное слезами во время заключенія всей фамиліи,—заключенія, которое оканчивалось только смертью! въ то время, когда любимый супругъ стоялъ у подножія эшафота, и сама она была плѣнницею въ опустѣвшемъ домѣ, подъ надзоромъ солдатъ, подстерегавшихъ ея слезы и готовыхъ вмѣнить ей въ преступленіе чувство любви.

4.

Позади дѣдовскаго дома, выходившаго на двѣ улицы, былъ маленькій, тусклый и мрачный домикъ, сообщавшійся съ главнымъ корпусомъ посредствомъ темнаго коридора и тѣсныхъ двориковъ, сырыхъ какъ колодцы. Въ этомъ домикѣ жили старые отставные служители моего дѣда, сохранившіе еще связь съ его семействомъ: они получали небольшую пенсію и оказывали прежнимъ господамъ своимъ разныя добровольныя услуги. То были люди въ родѣ римскихъ вольноотпущенныхъ,— люди, съ какими каждое семейство сохраняетъ старинныя связи. Когда главный корпусъ былъ секвестрованъ, мать моя перешла съ одною или двумя служанками въ этотъ домикъ. Ее влекло туда особенное обстоятельство.

Какъ разъ противъ оконъ этого домика, на другой сторонѣ мрачнаго, тѣснаго и безмолвнаго, какъ генуезская улица, проулка, возвышались и теперь еще возвышаются высокія, съ немногими окнами, стѣны стариннаго урсулинскаго монастыря, — зданіе мрачное съ виду, съ довольно красивымъ порталомъ стоящей рядомъ церкви, съ обширными дворами и садомъ, окруженнымъ черною стѣною, высота которой отнимала всякую надежду перебраться за ограду. Такъ-какъ настоящія тюрьмы были полны арестантовъ, то революціонный трибуналъ въ Маконѣ приказалъ обратить этотъ монастырь въ дополнительную тюрьму для остальныхъ узниковъ. Случаю или провидѣнію угодно было, чтобы отецъ мой попалъ туда. Такимъ образомъ только стѣна и узкая улица отдѣляли его отъ его счастья. Случайно же этотъ урсулинскій монастырь былъ ему знакомъ во всѣхъ подробностяхъ какъ свой собственный домъ. Одна изъ сестеръ моего дѣда, г-жа де Люзи, была настоятельницею этого монастыря, и дѣти брата ея, будучи еще дѣтьми, безпрестанно ходили туда играть. Они забавляли бѣдныхъ сестеръ. Не было ни одной аллеи, ни одного чулана, потайной лѣстницы, чердака, подъемной двери, которая не напечатлѣлась бы въ ихъ дѣтской памяти со всѣми мелочными подробностями.

Отецъ мой, попавши въ эту тюрьму, очутился какъ дома. Къ довершенію счастія, тюремщикъ, республиканецъ не очень су-

дили мѣрки для измѣренія высоты, которой достигнетъ разливъ новыхъ идей. Отецъ мой, женившись, не оставилъ службы; онъ думалъ, что все это кончится для него тѣмъ, что ему придется пойти за своимъ знаменемъ на защиту короля, побороться мѣсяцъ, другой, для возстановленія порядка, и пожертвовать можетъ быть долгу нѣсколькими каплями крови. Первыя молніи грозы, разрушившей престолъ, и цѣлыхъ полстолѣтія потрясавшей Европу, были не замѣчены отцомъ моимъ и матерью, упоенными первымъ наслажденіемъ любви. Однажды, помню, случилось мнѣ видѣть вѣтвь ивы, оторванную бурею отъ дерева и плавающую на разлившейся Саонѣ; самка соловья сидѣла на яйцахъ въ гнѣздѣ, уносимомъ волнами, и самецъ летѣлъ за своимъ жилищемъ.

КНИГА II.

1.

Едва вкусили они счастье, такъ долго ожиданное, какъ надо было разстаться, — и можетъ быть навсегда! Началась эмиграція. Эмиграція не была въ то время тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась она послѣ — средствомъ уйти отъ преслѣдованія или смерти. То былъ потокъ, увлекавшій за собою все французское дворянство. Примѣръ поданъ былъ принцами. Цѣлые полки лишались въ одну ночь всѣхъ своихъ офицеровъ. Надо было имѣть много свѣтлаго ума и твердости характера, чтобы устоять противъ этого эпидемическаго сумасбродства, прикрывавшагося именемъ чести. Отецъ мой устоялъ и не эмигрировалъ. Только когда отъ офицеровъ арміи потребовали присяги, противорѣчившей его совѣсти, онъ подалъ отставку. Приближалось 10 августа; всѣ это чувствовали. Знали напередъ, что конституція 91-го года падетъ, или явится торжествующей среди потоковъ крови. Люди, преданные остатку монархіи и питавшіе личную привязанность къ королю, примкнули къ конституціонной гвардіи Людовика XVI и окружили его въ день опасности. Отецъ мой былъ изъ числа этихъ храб-

Мать моя не думала его удерживать. Обливаясь слезами, она не могла понять жизни безъ чести, и ни минуты не колебалась между скорбью и долгомъ. Она была тогда беременна мною.

Отецъ мой уѣхалъ безъ надежды, но съ рѣшимостью. Онъ сражался въ рядахъ конституціонной гвардіи и швейцарцевъ, защищая замокъ. Когда Людовикъ XVI оставилъ свое жилище, битва превратилась въ рѣзню. Отецъ мой былъ раненъ въ Тюльерійскомъ саду. Онъ ускользнулъ, но былъ схваченъ при переправѣ черезъ рѣку противъ дома Инвалидовъ, отведенъ въ Вожираръ и на нѣсколько часовъ запертъ въ погребъ. Его вытребовалъ и спасъ садовникъ одного изъ его родственниковъ, муниципальный офицеръ, узнавшій его почти чудомъ. Избѣжавши такимъ образомъ смерти, отецъ мой возвратился къ женѣ и жилъ въ совершенной безвѣстности, въ деревнѣ, до того времени, когда революціонное преслѣдованіе не оставило приверженцамъ стараго порядка вещей другого убѣжища, кромѣ тюрьмы и эшафота.

2.

Трудно было найти предлогъ для преслѣдованія семейства моего дѣда. Никто изъ членовъ фамиліи не эмигрировалъ. Дѣду самому было уже за восемьдесятъ лѣтъ. Старшій сынъ его, и второй, аббатъ де Ламартинъ, воспитанные въ духѣ XVIII столѣтія, были съ самаго дѣтства пропитаны философіей, обольщавшей міръ новымъ устройствомъ.

Какъ бы то ни было, дѣдъ мой и въ особенности дяди были пропитаны идеями революціи. Они были страстными приверженцами конституціоннаго правленія, народной представительности, сліянія сословій въ одну націю, подчиненную одинакимъ законамъ и платящую общую подать: Мирабо, Ламеты, Лафайетъ, Моннье, Вирьё, Ларошфуко были главнѣйшими виновниками ихъ политическихъ убѣжденій. Г-жа де Моннье (Софья Мирабо) жила нѣсколько времени у моего дѣда. Лафайетъ воспитывался вмѣстѣ съ аббатомъ Ламартиномъ. Они встрѣтились снова въ Парижѣ и вели дѣятельную переписку. Ихъ связывала искренняя дружба, дружба, пережившая сорокъ лѣтъ отсутствія, — дружба, о которой генералъ говорилъ мнѣ еще за годъ до своей смерти.

дили мѣрки для измѣренія высоты, которой достигнетъ разливъ новыхъ идей. Отецъ мой, женившись, не оставилъ службы; онъ думалъ, что все это кончится для него тѣмъ, что ему придется пойти за своимъ знаменемъ на защиту короля, побороться мѣсяцъ, другой, для возстановленія порядка, и пожертвовать можетъ быть долгу нѣсколькими каплями крови. Первыя молніи грозы, разрушившей престолъ, и цѣлыхъ полстолѣтія потрясавшей Европу, были не замѣчены отцомъ моимъ и матерью, упоенными первымъ наслажденіемъ любви. Однажды, помню, случилось мнѣ видѣть вѣтвь ивы, оторванную бурею отъ дерева и плавающую на разлившейся Саонѣ; самка соловья сидѣла на яйцахъ въ гнѣздѣ, уносимомъ волнами, и самецъ летѣлъ за своимъ жилищемъ.

КНИГА II.

1.

Едва вкусили они счастье, такъ долго ожиданное, какъ надо было разстаться, — и можетъ быть навсегда! Началась эмиграція. Эмиграція не была въ то время тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась она послѣ — средствомъ уйти отъ преслѣдованія или смерти. То былъ потокъ, увлекавшій за собою все французское дворянство. Примѣръ поданъ былъ принцами. Цѣлые полки лишались въ одну ночь всѣхъ своихъ офицеровъ. Надо было имѣть много свѣтлаго ума и твердости характера, чтобы устоять противъ этого эпидемическаго сумасбродства, прикрывавшагося именемъ чести. Отецъ мой устоялъ и не эмигрировалъ. Только когда отъ офицеровъ арміи потребовали присяги, противорѣчившей его совѣсти, онъ подалъ отставку. Приближалось 10 августа; всѣ это чувствовали. Знали напередъ, что конституція 91-го года падетъ, или явится торжествующей среди потоковъ крови. Люди, преданные остатку монархіи и питавшіе личную привязанность къ королю, примкнули къ конституціонной гвардіи Людовика XVI и окружили его въ день опасности. Отецъ мой былъ изъ числа этихъ храбрыхъ.

Мать моя не думала его удерживать. Обливаясь слезами, она не могла понять жизни безъ чести, и ни минуты не колебалась между скорбью и долгомъ. Она была тогда беременна мною.

Отецъ мой уѣхалъ безъ надежды, но съ рѣшимостью. Онъ сражался въ рядахъ конституціонной гвардіи и швейцарцевъ, защищая замокъ. Когда Людовикъ XVI оставилъ свое жилище, битва превратилась въ рѣзню. Отецъ мой былъ раненъ въ Тюльерійскомъ саду. Онъ ускользнулъ, но былъ схваченъ при переправѣ черезъ рѣку противъ дома Инвалидовъ, отведенъ въ Вожираръ и на нѣсколько часовъ запертъ въ погребъ. Его вытребовалъ и спасъ садовникъ одного изъ его родственниковъ, муниципальный офицеръ, узнавшій его почти чудомъ. Избѣжавши такимъ образомъ смерти, отецъ мой возвратился къ женѣ и жилъ въ совершенной безвѣстности, въ деревнѣ, до того времени, когда революціонное преслѣдованіе не оставило приверженцамъ стараго порядка вещей другого убѣжища, кромѣ тюрьмы и эшафота.

2.

Трудно было найти предлогъ для преслѣдованія семейства моего дѣда. Никто изъ членовъ фамиліи не эмигрировалъ. Дѣду самому было уже за восемьдесятъ лѣтъ. Старшій сынъ его, и второй, аббатъ де Ламартинъ, воспитанные въ духѣ XVIII столѣтія, были съ самаго дѣтства пропитаны философіей, обольщавшей міръ новымъ устройствомъ.

Какъ бы то ни было, дѣдъ мой и въ особенности дяди были пропитаны идеями революціи. Они были страстными приверженцами конституціоннаго правленія, народной представительности, сліянія сословій въ одну націю, подчиненную одинакимъ законамъ и платящую общую подать: Мирабо, Ламеты, Лафайетъ, Моннье, Вирьё, Ларошфуко были главнѣйшими виновниками ихъ политическихъ убѣжденій. Г-жа де Моннье (Софья Мирабо) жила нѣсколько времени у моего дѣда. Лафайетъ воспитывался вмѣстѣ съ аббатомъ Ламартиномъ. Они встрѣтились снова въ Парижѣ и вели дѣятельную переписку. Ихъ связывала искренняя дружба, дружба, пережившая сорокъ лѣтъ отсутствія, — дружба, о которой генералъ говорилъ мнѣ еще за годъ до своей смерти.

Вотъ какой былъ образъ мыслей семейства моего дѣда. Въ немъ не было ничего противорѣчащаго революціи 89 года; отецъ мой и дяди не отставали отъ новаго движенія до тѣхъ поръ, пока революція не сдѣлалась демагогіей и не превратилась въ насиліе, грабежъ и казни. Тогда гоненіе коснулось и ихъ, и оставило ихъ въ покоѣ только со смертію Робеспьера.

3.

Однажды ночью народъ вытащилъ изъ дому дѣда моего, несмотря на его 84 года, бабку мою, больную и почти столько же старую, двухъ моихъ дядей и трехъ тетокъ, монахинь, уже изгнанныхъ изъ монастыря. Всѣхъ ихъ посадили какъ попало въ повозку, окруженную жандармами, и отвезли въ Отёнь (Autun). Тамъ огромная тюрьма была устроена для принятія всѣхъ подозрительныхъ лицъ провинціи. Отецъ мой, по неизвѣстной ему причинѣ, былъ разлученъ съ прочими членами семейства и посаженъ въ темницу въ Маконѣ. Мать моя, кормившая меня въ то время, осталась одна въ огромномъ домѣ моего дѣда, подъ надзоромъ нѣсколькихъ солдатъ революціоннаго войска. И послѣ этого удивляются, что люди, увидѣвшіе свѣтъ въ эту печальную эпоху, внесли съ собою, при самомъ рожденіи, элементъ грусти и меланхоліи во французскій характеръ? Виргилій, Цицеронъ, Тибуллъ, даже Горацій, наложившіе ту же печать меланхоліи на римскій характеръ, не родились ли они, подобно намъ, во время великихъ гражданскихъ войнъ, во время проскрипцій Марія, Суллы и Цезаря? Вспомните только, сколько ужасовъ, сколько скорбныхъ чувствъ потрясали римлянокъ, когда онѣ носили подъ сердцемъ этихъ людей! Вспомните, что и я сосалъ изъ груди матери молоко, отравленное слезами во время заключенія всей фамиліи,—заключенія, которое оканчивалось только смертью! въ то время, когда любимый супругъ стоялъ у подножія эшафота, и сама она была плѣнницею въ опустѣвшемъ домѣ, подъ надзоромъ солдатъ, подстерегавшихъ ея слезы и готовыхъ вмѣнить ей въ преступленіе чувство любви.

4.

Позади дѣдовскаго дома, выходившаго на двѣ улицы, былъ маленькій, тусклый и мрачный домикъ, сообщавшійся съ главнымъ корпусомъ посредствомъ темнаго коридора и тѣсныхъ двориковъ, сырыхъ какъ колодцы. Въ этомъ домикѣ жили старые отставные служители моего дѣда, сохранившіе еще связь съ его семействомъ: они получали небольшую пенсію и оказывали прежнимъ господамъ своимъ разныя добровольныя услуги. То были люди въ родѣ римскихъ вольноотпущенныхъ,— люди, съ какими каждое семейство сохраняетъ старинныя связи. Когда главный корпусъ былъ секвестрованъ, мать моя перешла съ одною или двумя служанками въ этотъ домикъ. Ее влекло туда особенное обстоятельство.

Какъ разъ противъ оконъ этого домика, на другой сторонѣ мрачнаго, тѣснаго и безмолвнаго, какъ генуезская улица, проулка, возвышались и теперь еще возвышаются высокія, съ немногими окнами, стѣны стариннаго урсулинскаго монастыря, — зданіе мрачное съ виду, съ довольно красивымъ порталомъ стоящей рядомъ церкви, съ обширными дворами и садомъ, окруженнымъ черною стѣною, высота которой отнимала всякую надежду перебраться за ограду. Такъ-какъ настоящія тюрьмы были полны арестантовъ, то революціонный трибуналъ въ Маконѣ приказалъ обратить этотъ монастырь въ дополнительную тюрьму для остальныхъ узниковъ. Случаю или провидѣнію угодно было, чтобы отецъ мой попалъ туда. Такимъ образомъ только стѣна и узкая улица отдѣляли его отъ его счастья. Случайно же этотъ урсулинскій монастырь былъ ему знакомъ во всѣхъ подробностяхъ какъ свой собственный домъ. Одна изъ сестеръ моего дѣда, г-жа де Люзи, была настоятельницею этого монастыря, и дѣти брата ея, будучи еще дѣтьми, безпрестанно ходили туда играть. Они забавляли бѣдныхъ сестеръ. Не было ни одной аллеи, ни одного чулана, потайной лѣстницы, чердака, подъемной двери, которая не напечатлѣлась бы въ ихъ дѣтской памяти со всѣми мелочными подробностями.

Отецъ мой, попавши въ эту тюрьму, очутился какъ дома. Къ довершенію счастія, тюремщикъ, республиканецъ не очень су-

ровый, служилъ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, кирасиромъ въ отрядѣ моего отца. Новая должность не измѣнила его сердца. Привыкшій уважать и любить своего капитана, онъ былъ тронутъ его участію, и когда двери затворились за плѣнникомъ, заплакалъ республиканецъ.

Отецъ мой попалъ въ хорошее и многочисленное общество. Въ тюрьмѣ сидѣло человѣкъ двѣсти, ни въ чемъ не провинившихся, а только подозрѣваемыхъ. Ими наполнены были залы, столовыя, коридоры стараго монастыря. Отецъ мой попросилъ у тюремщика, какъ милости, помѣстить его одного въ углу на чердакѣ. Высокое слуховое окно, выходившее на улицу, позволяло ему смотрѣть сквозь рѣшетку на кровлю собственнаго дома. Тюремщикъ сдѣлалъ ему это одолженіе, и онъ устроился на жительствѣ подъ черепицами съ помощью нѣсколькихъ досокъ и жалкой постели. Днемъ онъ сходилъ къ товарищамъ-плѣнникамъ пообѣдать, поиграть, поговорить о современныхъ дѣлахъ, насчетъ которыхъ они принуждены были ограничиваться предположеніями, потому-что всякое письменное сообщеніе было запрещено. Но одиночество длилось для моего отца недолго.

Тоже самое чувство, которое побудило его просить тюремщика о помѣщеніи его въ уголкѣ съ окномъ на улицу, и которое по цѣлымъ часамъ приковывало его взоры къ кровлѣ его домика, внушило и матери моей мысль часто всходить на чердакъ своего жилища и садиться у слухового окна, немного къ сторонѣ, такъ чтобы видѣть не будучи видимою. Оттуда смотрѣла она сквозь слезы на кровлю тюрьмы, скрывавшей отъ нея любимаго человѣка. Два взгляда, двѣ мысли, стремящіеся другъ къ другу съ двухъ концовъ вселенной, всегда наконецъ встрѣчаются; тѣмъ легче было встрѣтиться имъ, когда ихъ раздѣляли только двѣ стѣны да узкая улица. Глаза ихъ встрѣтились, души встрепенулись, мысли были поняты, знаки замѣнили слова, чтобы звуки голоса не выдали ихъ часовымъ. Такъ проводили они по нѣсколько часовъ въ день. Души ихъ переселились въ глаза. У матери моей нашлось нѣсколько перьевъ и бумаги; она вздумала писать большими буквами, кратко, въ немногихъ словахъ, что хотѣла сказать плѣннику. Онъ отвѣчалъ ей знаками. Съ этого времени сообщеніе между ними установилось. У *отца моего* былъ лукъ и стрѣлы, которыми я часто игралъ въ

дѣтствѣ. Мать моя вздумала воспользоваться ими для удобнѣйшихъ сообщеній. Нѣсколько дней она упражнялась у себя въ комнатѣ въ стрѣльбѣ, и увѣрившись наконецъ, что не дастъ промаха на разстояніи нѣсколькихъ футовъ, привязала къ стрѣлѣ нитку и пустила ее въ окно тюрьмы Отецъ мой спряталъ стрѣлу, потянулъ нитку къ себѣ и получилъ такимъ образомъ письмо. Этимъ средствомъ были ему переданы, во мракѣ ночи, бумага, перья и чернила. Мать моя до разсвѣта приходила на чердакъ и притягивала къ себѣ на ниткѣ длинныя письма плѣнника, въ которыхъ онъ говорилъ о своей любви, грустилъ, дѣлалъ вопросы, подавалъ совѣты, утѣшалъ жену и говорилъ о сынѣ. Мать приносила меня каждый день на чердакъ, показывала отцу, кормила на его глазахъ, заставляла меня протягивать ручонки къ рѣшеткѣ тюрьмы и потомъ, прижимая меня къ груди, осыпала меня поцалуями, думая о немъ.

5.

Такъ проходили мѣсяцы, въ страхѣ и надеждѣ. Любовь внушила отцу моему смѣлую мысль, успѣшное исполненіе которой сдѣлало для него самое заключеніе сладкимъ и отняло опасеніе за свою жизнь.

Я уже сказалъ, что улица, отдѣлявшая урсулинскій монастырь отъ дома моего отца, была очень узка. Отецъ мой, не довольствуясь тѣмъ, что видитъ жену свою, переписывается и бесѣдуетъ съ ней, задумалъ перебраться къ ней черезъ улицу. Она затрепетала при этой мысли, но онъ настоялъ. Нѣсколько часовъ счастья, похищенные у гоненія и смерти, стоили минуты опасности. Кто знаетъ, представится ли въ другой разъ къ тому случай? Завтра можетъ быть прикажутъ перевести его въ Ліонъ, въ Парижъ или поведутъ на эшафотъ. Мать моя уступила. Помощію стрѣлы и нитки, она переслала ему подпилокъ. Часть желѣзной рѣшетки была тихонько подпилена и поставлена опять на свое мѣсто. Потомъ, въ безлунную ночь, толстая веревка, привязанная къ ниткѣ, перебралась по воздуху къ плѣнному. Одинъ конецъ ея былъ крѣпко привязанъ къ перекладинѣ на чердакѣ нашего дома; отецъ мой прикрѣпилъ другой къ окну темницы, повисъ на веревкѣ руками и ногами и пробрался по уз-

ламъ ея надъ головами часовыхъ черезъ улицу въ объятія жены.

Уходи изъ тюрьмы, онъ могъ и не возвращаться туда; но тогда его обвинили бы какъ бѣглеца или эмигранта, и онъ погубилъ бы жену и семейство. Онъ и не подумалъ воспользоваться свободой. Онъ приберегъ возможность бѣжать какъ послѣднее средство спасенія наканунѣ того дня, когда его поведутъ къ революціонному трибуналу или на смерть. Онъ былъ увѣренъ, что тюремщикъ предваритъ его объ этомъ. Это была единственная услуга, о которой онъ его просилъ.

6.

Что это были за ночи, украдкою проводимыя на груди любимой, въ двухъ шагахъ отъ часовыхъ, темницы и смерти! Супруги считали движеніе ночныхъ свѣтилъ не по пѣнію соловья и жаворонка, какъ Ромео и Джульетта, а по шуму проходящаго подъ окнами патруля и по числу смѣнъ караула. Прежде, нежели займется на небѣ заря, надо было перебраться обратно черезъ улицу и молча спрятаться за рѣшеткою темницы. Отецъ отвязывалъ веревку, мать собирала ее и прятала для другого раза подъ матрацъ въ углу чердака. Такъ видѣлись отъ времени до времени любящіе; но свиданія должно было устраивать осторожно: кромѣ опасности упасть на улицу или быть замѣчену часовыми, мать моя не была увѣрена въ одной изъ своихъ служанокъ, одно слово которой стоило бы отцу моему жизни.

Въ это время проконсулы конвента раздѣлили между собою провинціи Франціи и во имя общественнаго блага распоряжались въ нихъ съ неограниченною властью и кровожаждностью. Состояніе, жизнь и смерть цѣлыхъ семействъ зависѣли отъ одного слова, произнесеннаго устами этихъ представителей, отъ одного движенія въ ихъ душѣ, отъ почерка ихъ руки. Мать моя, чувствуя, что топоръ виситъ надъ головою ея мужа, не разъ хотѣла итти броситься къ ногамъ этихъ членовъ конвента и молить ихъ о возвращеніи отцу свободы. Ее удерживали молодость, красота, одиночество, грудной ребенокъ и самые совѣты моего отца. Но просьбы остальныхъ членовъ семейства, заключеннаго въ Отёнѣ, заставили ее явиться просительницей, взяться за роль, оскорблявшую ея гордость и противорѣчившую

ея образу мыслей. Она получила отъ революціоннаго начальства въ Макончѣ паспортъ на проѣздъ въ Ліонъ и Дижонъ. Сколько разъ разсказывала она мнѣ, съ какимъ отвращеніемъ, съ какимъ страхомъ являлась она, послѣ тысячи грубо отвергнутыхъ просьбъ, къ народному представителю, отряженному конвентомъ въ провинцію! Иногда случалось ей встрѣтить въ немъ человѣка грубаго, нехотѣвшаго даже выслушать плачущую женщину и отсылавшаго ее съ угрозами, какъ виновную въ намѣреніи разжалобить правосудіе. Иногда встрѣчала она человѣка чувствительнаго, который, при видѣ такой привязанности и такого отчаянія, невольно поддавался жалобамъ, но, въ присутствіи товарищей, поневолѣ долженъ былъ сохранять безчувственную наружность и отказывалъ на словахъ въ томъ, на что соглашался въ глубинѣ души. Представитель Жавогъ сдѣлалъ лучшее изъ всѣхъ проконсуловъ впечатлѣніе на мою мать. Когда она представилась къ нему въ Дижонѣ, онъ обошелся съ ней ласково и почтительно. Она держала меня на рукахъ, желая вѣрнѣе пробудить въ немъ сожалѣніе. Жавогъ просилъ ее сѣсть и жаловался на строгость обязанности, возложенной на него республикою. Онъ посадилъ меня къ себѣ на колѣни, и когда мать моя сдѣлала жестъ, выражавшій опасеніе, чтобы онъ меня не уронилъ, онъ сказалъ ей: «не бойся, гражданка; у республиканцевъ тоже есть дѣти.» Я игралъ концами его трехцвѣтнаго шарфа, и онъ прибавилъ: «для аристократа сынъ твой очень хорошъ. Сдѣлай изъ него гражданина.» Онъ сказалъ ей нѣсколько утѣшительныхъ словъ и ободрилъ надеждой на скорое освобожденіе отца. Можетъ статься отецъ мой обязанъ ему, что его забыли въ тюрьмѣ, потому-что приказъ судить равнялся въ то время смертному приговору.

Возвратясь въ Маконъ, мать моя снова заключилась въ свое тѣсное жилище противъ урсулинскаго монастыря. Иногда, когда ночь была темна и безлунна и зимній вѣтеръ гасилъ фонари на улицѣ, веревка отправлялась изъ окна въ окно, и отецъ мой проводилъ съ женою часъ тревожнаго счастья.

Такъ прошло восемнадцать долгихъ мѣсяцовъ. Девятое термидора растворило темницы; отецъ мой получилъ свободу. Мать моя отправилась въ Отёнь за больными родителями и привезла ихъ обратно въ ихъ домъ. Вскорѣ потомъ дѣдъ и бабка моя скончались въ мирѣ. Буря пошатнула ихъ, но не сразила. Они

не потеряли никого изъ своихъ дѣтей и, закрывая глаза, могли надѣяться, что небо на-долго истощило свои грозы, и что жизнь пройдетъ мирно для тѣхъ, кого оставили они, покидая землю.

КНИГА III.

1.

Имѣніе моего дѣда должно было, по старинному обычаю, перейти все во владѣніе старшаго сына. Но новые законы уничтожили субституцію и права старшинства; обѣтъ бѣдности, произнесенный моими тетками, сестрами моего отца, не имѣлъ никакой силы передъ лицомъ закона, и члены семейства должны были приступить къ раздѣлу имѣнія. Родовыя помѣстья, находившіяся въ Франшъ-Комте и Бургоньи, были значительны. Отецъ мой, требуя своей части наравнѣ съ сестрами и братьями, могъ однимъ словомъ измѣнить свою участь и получить одну изъ лучшихъ вотчинъ. Но уваженіе къ волѣ отца не позволило ему и подумать о нарушеніи ея послѣ его смерти. Революціонные законы, уничтожавшіе право старшинства, были изданы еще очень недавно; они насилуютъ отцовскую власть. Опереться на нихъ въ свою пользу и противъ правъ старшаго брата казалось ему злоупотребленіемъ своего положенія. Онъ отказался отъ наслѣдства и удовольствовался весьма небольшою частью, принадлежавшею ему по брачному контракту. Онъ остался бѣденъ, когда ему стоило только сказать слово, чтобы сдѣлаться богатымъ. Имѣніе было раздѣлено. Каждому изъ братьевъ и сестеръ досталось по значительной части. Онъ не хотѣлъ взять ничего и остался владѣльцемъ небольшого помѣстья Мильи, назначеннаго ему при вступленіи въ бракъ и дававшаго тогда не больше двухъ или трехъ тысячъ ливровъ дохода. Приданое моей матери было очень незначительно. Жалованье за мѣста, которыя занимали при герцогѣ орлеанскомъ ея отецъ и братья, прекратилось съ революціей. Принцессы этой фамиліи были изгнаны, но помнили дѣтскую дружбу съ дочерьми помощницы ихъ гувернантки и не забыли ихъ потомъ въ дни счастья.

2.

Отецъ мой считалъ своимъ долгомъ, несмотря на революцію, остаться вѣрнымъ своему знамени, и это лишило его возможности сдѣлать карьеру. Три тысячи ливровъ дохода и маленькій, ветхій деревенскій домикъ, для него, жены и порядочнаго количества дѣтей, появившихся одинъ за другимъ, — это было невѣрное средство къ существованію, средина между скромнымъ достаткомъ и бѣдностью. Но его вознаграждали за то чистая совѣсть, любовь къ женѣ, строгая экономія, соразмѣрность желаній со средствами и упованіе на Бога. Это давало ему силы бороться съ обстоятельствами. Мать моя, молодая, красивая, воспитанная при роскошномъ дворѣ, съ улыбкою покоряясь своей участи, переселилась изъ царскихъ палатъ и садовъ въ плохо меблированныя комнаты дома, цѣлый вѣкъ простоявшаго безъ жильцовъ, въ садъ величиною въ четверть арпана, окруженный камнями, которыми пришлось ограничиться всѣмъ грандіознымъ мечтамъ ея молодости. Впослѣдствіи времени я не разъ слышалъ отъ отца и матери, что, несмотря на бѣдность, эти первые годы спокойствія послѣ бурь революціи, годы наслажденія любовью въ уединеніи, все-таки были лучшими годами въ ихъ жизни. Мать моя, терпя отъ бѣдности, всегда презирала богатство. Сколько разъ говорила она мнѣ потомъ, указывая на тѣсныя границы сада и полей Мильи: «Это пространство невелико, но его довольно, если только умѣть соразмѣрять съ нимъ свои желанія и привычки. Счастье въ насъ; его не прибавилось бы отъ лишняго луга или виноградника. Счастье нельзя мѣрить аршиномъ какъ землю; оно измѣряется только сердцемъ; Богу угодно было, чтобы на долю бѣдняка досталось его столько же, сколько и на долю богатаго, дабы оба они просили счастья только у него.»

3.

Я не буду подражать Ж. Ж. Руссо, не стану разсказывать вамъ мелочи моего дѣтства. Человѣкъ начинается съ той мину-

ты, когда пробуждаются чувство и мысль. До тѣхъ поръ онъ даже и не дитя, онъ просто существо. Дерево, безспорно, начинается съ корня, но корню не предназначено выступать на свѣтъ. Природа недаромъ его скрываетъ, — въ немъ заключается ея тайна. Дерево становится для насъ деревомъ только съ той минуты, когда выступаетъ изъ земли и развивается въ стволъ, кору, вѣтви и листья, бросая тѣнь и обѣщая принести плоды. Такъ и человѣкъ. Предоставимъ же колыбель нянькамъ, первыя слезы, улыбки и лепетъ восторгу матери. Вамъ начну я разсказывать о себѣ съ первыхъ разумныхъ воспоминаній.

Вотъ двѣ сцены изъ самой ранней молодости, часто приходящія мнѣ на память:

4.

Ночь. Двери маленькаго домика въ Миланѣ заперты. На дворѣ раздается иногда лай вѣрной собаки. Осенній дождь стучитъ въ стекла двухъ низкихъ оконъ, и порывистый вѣтеръ уныло воетъ въ вѣтвяхъ двухъ-трехъ чинаровъ и въ щеляхъ ставней, — вой, подобный которому можно услышать только на опушкѣ обширнаго сосноваго лѣса. Комната просторна, но почти пуста. Въ глубинѣ альковъ съ кроватью. Занавѣсы надъ нею изъ бѣлой съ голубыми клѣтками саржи. Это постель моей матери; у ногъ ея стоятъ двѣ колыбели на деревянныхъ стульяхъ: одна большая, другая поменьше. Это колыбели моихъ младшихъ сестеръ, давно уже уснувшихъ. Виноградныя вѣтви ярко пылаютъ въ каминѣ изъ бѣлаго камня; на таблеткѣ видны слѣды революціоннаго молотка, сбившаго гербъ. Толстыя перекладины, закоптѣлыя, такъ же какъ и лежащія на нихъ доски, отъ дыму, образуютъ потолокъ. Подъ ногами нѣтъ ни паркета, ни ковра; просто кирпичи земляного цвѣта, разбитые на тысячу кусковъ желѣзными подковами и деревянными башмаками крестьянъ, обратившихъ эту комнату во время заключенія моего отца въ танцовальный залъ. На стѣнахъ нѣтъ ни обоевъ, ни даже краски; одна только штукатурка, сквозь трещины которой виднѣются голые камни стѣнъ, какъ костлявое тѣло сквозь прорѣхи одежды. Въ углу открытый клавесинъ съ разбросанными на немъ тетрадками нотъ изъ *деревенскаго колдуна* Ж. Ж. Руссо; ближе къ камину, посреди комнаты, маленькій столикъ съ зеленымъ сукномъ, ис-

пещренными чернильными пятнами и дырками; на столѣ двѣ сальныхъ свѣчи въ мѣдныхъ посеребренныхъ подсвѣчникахъ, разливающія слабый свѣтъ и бросающія длинныя тѣни, дрожащія по выбѣленнымъ стѣнамъ комнаты.

Передъ каминомъ сидитъ человѣкъ съ книгою въ рукѣ, облокотившійся на столъ. Онъ высокъ станомъ и крѣпокъ. Онъ еще во всей силѣ молодости. У него открытый лобъ, голубые глаза; сквозь пріятную улыбку блестятъ бѣлые зубы. Кое-что въ его костюмѣ и въ особенности прическа и поза изобличаютъ въ немъ отставного офицера. Впрочемъ, если бы кто-нибудь въ этомъ усомнился, такъ стоило только взглянуть на его саблю, пистолеты, каску и позолоченную узду, блиставшіе на стѣнѣ въ глубинѣ маленькаго кабинета съ открытой дверью. Этотъ человѣкъ — отецъ мой.

На канапе изъ плетеной соломы, въ углу между каминомъ и стѣною алькова, сидитъ женщина, съ виду еще очень молодая, хотя ей уже около 35 лѣтъ. Талья ея гибка и стройна какъ у молодой дѣвушки. Черты ея такъ нѣжны, черные глаза ея смотрятъ такъ свѣтло и проницательно, сквозь прозрачную, блѣдную кожу ея такъ ясно видны голубыя вены, черные волосы ея ниспадаютъ вдоль щекъ на плечи такими шолковыми волнами, что невозможно сказать, восемнадцать ей лѣтъ или тридцать. Никто не захотѣлъ бы уменьшить лѣта ея хоть однимъ годомъ, потому-что время только развивало ея красоту.

Эта красота, чистая въ каждой отдѣльной чертѣ, всего поразительнѣе въ цѣломъ и просвѣтлена нѣжностью сердца, истинною красотою души, освѣщающею тѣло изнутри. Полулежа на подушкахъ, эта женщина держитъ припавшую къ плечу ея спящую дочь. Ребенокъ держитъ еще въ своей ручонкѣ длинную, черную косу матери, которою игралъ минуту тому назадъ. Другая дѣвочка, постарше, сидитъ на табуретѣ у канапе и склонила голову къ колѣнямъ матери. Эта молодая женщина— мать моя; дѣти — мои старшія сестры. Другія двѣ покоятся въ люлькахъ.

Отецъ, какъ я уже сказалъ, держитъ въ рукѣ книгу. Онъ читаетъ вслухъ. Какъ теперь еще слышу мужественный, полный и вмѣстѣ съ тѣмъ гибкій голосъ, произносящій длинные и звучные періоды, изрѣдка прерываемые воемъ вѣтра въ окнахъ. Мать моя, склонивши голову, слушаетъ его въ раздумьи.

Я, уставивши глаза на отца и облокотившись на его колѣно, впиваю каждое слово, забѣгаю впередъ разсказа, пожираю книгу, листы которой переворачиваются такъ медленно для моего нетерпѣливаго воображенія. Что́ же это за книга, которую я услышалъ при самомъ вступленіи въ жизнь, познакомившая меня съ истиннымъ значеніемъ книги, открывшая мнѣ, такъ сказать, внутренній міръ ощущеній, любви и мечтанія?

Это *Освобожденный Іерусалимъ*, переведенный Лебреномъ,— переводъ, сохранившій всю величественную гармонію итальянскихъ строфъ, но очистившій оригиналъ отъ аффектаціи и ложнаго блеска, кое-гдѣ портящихъ мужественную простоту разсказа. Тассъ, котораго читалъ отецъ, и мать слушала со слезами на глазахъ, былъ первый изъ поэтовъ, шевельнувшій мое воображеніе и сердце; и для меня онъ членъ всеобщаго и безсмертнаго семейства, какое каждый изъ насъ избираетъ для души своей со всѣхъ странъ и вѣковъ.

Я сохранилъ оба его тома; я вынесъ ихъ изо всѣхъ катастрофъ, постигающихъ семейныя библіотеки вслѣдствіе переселеній, кончинъ, наслѣдствъ, дѣлежа и т. п. Иногда я раскрываю ихъ наединѣ въ Мильи, въ той же самой комнатѣ, читаю вслухъ тѣже самыя строфы, подражая голосу отца, и воображаю, что мать и сестры мои сидятъ и слушаютъ Тасса. Стихи его тѣ же, вѣтеръ такъ же шумитъ въ деревьяхъ, дрова такъ же трещатъ въ каминѣ, но не слышно уже голоса отца моего, канапе пустъ, двѣ люльки превратились въ двѣ могилы, зеленѣющія на чужой землѣ, — и каждый разъ роняю я на книгу нѣсколько слезъ.

КНИГА IV.

1.

Я упомянулъ еще о другой сценѣ, живо напечатлѣвшейся въ моей дѣтской памяти. Я опишу вамъ ее, потому-что она ознакомитъ васъ съ характеромъ первоначальнаго воспитанія, полученнаго мною при матери.

Осень, — конецъ сентября или начало октября. Туманъ, еще *согрѣваемый* теплымъ солнцемъ, плаваетъ на вершинахъ горъ.

То онъ лѣниво тѣснится въ долинахъ, то плаваетъ надъ лугомъ, въ нѣсколькихъ футахъ отъ земли, бѣлою и неподвижною полосою, какъ полотно, растянутое на росѣ крестьянками; то легкіе порывы вѣтра разрываютъ и сворачиваютъ его съ двухъ концевъ линіи холмовъ, раскрывая кое-гдѣ далекія перспективы, фантастически освѣщенныя горизонтальными лучами восходящаго солнца. Еще не совсѣмъ разсвѣло. Я встаю. Платье на мнѣ такое же грубое, какъ на крестьянскихъ дѣтяхъ; нѣтъ ни чулокъ, ни башмаковъ, ни шляпы; панталоны изъ толстаго полотна; жилетка изъ долгошерстаго синяго сукна; на головѣ коричневая шапочка, какія носятъ и теперь еще дѣти въ Оверни,— вотъ мой костюмъ. Сверхъ всего этого набрасываю я тиковый мѣшокъ, прорѣха котораго приходится на груди. Въ этой сумѣ, такъ же какъ и у моихъ товарищей, находится кусокъ чернаго хлѣба, козій сыръ, твердый какъ камень, и грошовый ножъ, въ грубомъ, деревянномъ черенкѣ котораго торчитъ желѣзная двуконечная вилка. Этой вилкой крестьяне моей родины достаютъ изъ суповой чаши хлѣбъ, сало или капусту. Снаряженный такимъ образомъ, я выхожу на площадь села, къ двумъ большимъ орѣшникамъ близъ церкви. Туда сходятся по утрамъ, собираясь итти въ горы, съ своими овцами, козами и нѣсколькими тощими коровами, 8 или 10 пастуховъ, моихъ ровесниковъ.

2.

Мы отправляемся въ путъ и гонимъ передъ собою общее стадо, длинною вереницею и неровными шагами восходящее по каменистымъ тропинкамъ предгорій. Каждый изъ насъ по очереди сгоняетъ отдѣлившихся козъ къ стаду, бросая изъ пращи камни. Взобравшись, послѣ часовой ходьбы, на первыя, голыя возвышенности, мы входимъ въ горное широкое ущелье, гдѣ не видно уже ни жилищъ, ни дыма, ни слѣдовъ рукъ человѣка.

Бока этого уединеннаго ущелья покрыты верескомъ, фіолетовыми цвѣточками и желтою травою, изъ которой дѣлаютъ метлы. Кое-гдѣ гигантскіе каштаны распростираютъ свои полуобнаженныя вѣтви. Листья, пожелтѣвшіе отъ первыхъ морозовъ, сыплются съ деревьевъ при малѣйшемъ движеніи воздуха. Нѣсколько воронъ усѣлись на самыхъ голыхъ сучкахъ. Онѣ

Я, уставивши глаза на отца и обло
впиваю каждое слово, забѣгаю вп
книгу, листы которой переворачива
моего нетерпѣливаго воображенія. Ч
рую я услышалъ при самомъ вступле
шая меня съ истиннымъ значеніемъ
такъ сказать, внутренній міръ ощуще

Это *Освобожденный Іерусалимъ*, пер
переводъ, сохранившій всю величестве
скихъ строфъ, но очистившій оригина
наго блеска, кое-гдѣ портящихъ муже
сказа. Тассъ, котораго читалъ отецъ,
ми на глазахъ, былъ первый изъ поэт
воображеніе и сердце; и для меня онъ
смертнаго семейства, какое каждый изъ
ши своей со всѣхъ странъ и вѣковъ.

Я сохранилъ оба его тома; я вынес
строфъ, постигающихъ семейныя библ
селеній, кончинъ, наслѣдствъ, дѣлежа
крываю ихъ наединѣ въ Мильи, въ той
таю вслухъ тѣже самыя строфы, подража
ражаю, что мать и сестры мои сидятъ и с
его тѣ же, вѣтеръ такъ же шумитъ въ дер
трещатъ въ каминѣ, но не слышно уже
напе пустъ, двѣ люльки превратились въ
щія на чужой землѣ, — и каждый разъ
сколько слезъ.

КНИГА IV.

1.

Я упомянулъ еще о другой сценѣ, жи
моей дѣтской памяти. Я опишу вамъ ее,
мить васъ съ характеромъ первоначальна
ченнаго мною при матери.

Осень, — конецъ сентября или начал
согрѣваемый теплымъ солнцемъ, плава

каркаютъ и улетаютъ при нашемъ приближеніи. Большіе орлы и коршуны по цѣлымъ часамъ плаваютъ высоко надъ нашими головами, выглядывая жаворонковъ и молодыхъ козлятъ. По крутымъ отлогостямъ ущелья выступаютъ изъ земли большими массами группы сѣраго камня, испещренные желтоватымъ мхомъ.

Стадо, получивши свободу, разсѣевается въ разныя стороны. Мы выбираемъ скалу съ нависшей вершиной, защищающей отъ дождя нѣсколько шаговъ мелкаго песку. Туда сносимъ мы сухаго хворосту и мертвыхъ сучьевъ, упавшихъ въ продолженіи лѣта съ каштановъ. Мы достаемъ огниво и разводимъ огонь, такъ живописно рисующійся издали, когда смотришь на него съ подошвы горы или съ палубы корабля, идущаго вдоль берега.

Ясное, волнистое пламя сверкаетъ сквозь черныя, сѣрыя и голубыя волны дыма, взвѣваемыя вѣтромъ, какъ грива несущейся лошади. Мы раскрываемъ наши сумки, достаемъ хлѣбъ, сыръ, иногда крупныя яйца, приправленныя крупною сѣрою солью. Мы ѣдимъ медленно, какъ ѣстъ наше стадо. Иногда кто-нибудь изъ насъ увидитъ вдругъ на вѣткѣ кучку забытыхъ каштановъ, — мы беремся за пращи и пускаемъ туда тучу камней, которыя выбиваютъ плоды изъ полураскрытой шелухи ихъ и низвергаютъ ихъ къ нашимъ ногамъ.

Мы печемъ ихъ въ золѣ, и если кому-нибудь случится найти кучку картофля, забытую въ бороздѣ, онъ несетъ ее къ намъ; мы покрываемъ картофель пепломъ и углемъ, и съѣдаемъ его, приправленный гордостью открытія и сладостью добычи.

Въ полдень мы снова собираемъ козъ и коровъ, давно уже расположившихся отдохнуть на солнцѣ. Солнце разогнало туманъ съ озаренныхъ и согрѣтыхъ вершинъ, и онъ низпалъ въ долины и луга. Изъ него выглядываютъ только верхушки холмовъ, колокольни и, далеко на горизонтѣ, розовые снѣга Монблана, гигантскіе очерки котораго видны какъ-будто стоишь отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

Собравши стадо, мы идемъ въ настоящія горы. Ущелье, гдѣ провели мы утро, остается далеко за нами. Каштаны исчезаютъ; ихъ замѣняетъ мелкій кустарникъ; скаты становятся круче; они одѣты высокимъ папоротникомъ, иногда украшены голу-

быми колокольчиками или пурпуровыми дигиталіями. Скоро и это исчезаетъ; встрѣчаются только мохъ да камни.

Стадо останавливается здѣсь съ однимъ или двумя постухами. Прочіе, въ томъ числѣ и я, уже нѣсколько дней тому назадъ замѣтили на краю высочайшей изъ горныхъ вершинъ, возлѣ полосы снѣга, бѣлымъ пятномъ лежащей на сѣверномъ скатѣ и въ холодное лѣто тающей очень поздно, отверстіе въ скалѣ, ведущее вѣроятно въ какую-нибудь пещеру. Мы замѣтили, что орлы часто летаютъ къ этой скалѣ; храбрѣйшіе изъ насъ рѣшились итти туда за орленками. Мы идемъ, вооруженные палками и пращами. Мы предусмотрѣли все, даже и то, что въ пещерѣ должно быть темно. Каждый изъ насъ заготовилъ по факелу. Мы нарѣзали въ окрестныхъ лѣсахъ стволовъ десятилѣтнихъ елей и раскололи ихъ вдоль частей на 20 или 30, каждую толщиною въ линію или двѣ. Мы оставили въ цѣлости только нижнюю часть ствола, чтобы лучины не разваливались и рукѣ удобно было держать ихъ. Кромѣ того, въ извѣстныхъ мѣстахъ, мы скрѣпили ихъ проволокой, державшей весь пучекъ въ связи. Мы сушили ихъ въ печи въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Эти деревья, высушенныя и пропитанныя содержащеюся въ нихъ смолою, образуютъ факелы неугасимые, медленно горящіе яркимъ краснымъ огнемъ. Каждый изъ насъ съ трудомъ несетъ на плечѣ по одному такому факелу. Дошедши до подошвы скалы, мы обходимъ ее, ища доступа къ отверстію пещеры, зіяющему надъ нашими головами. Мы добираемся до него, карабкаясь съ камня на камень и исцарапавши руки и колѣни. Входъ, прикрытый естественнымъ навѣсомъ изъ огромныхъ камней, можетъ пріютить всѣхъ насъ. Скоро онъ становится уже, загроможденный камнями, и потомъ, круто поворотивши въ сторону, быстро идетъ внизъ, углубляясь въ нѣдра горы и ночи.

Тутъ мы немного робѣемъ. Мы бросаемъ камни, и далекое эхо ихъ паденія долетаетъ до насъ нескоро. Летучія мыши, испуганныя шумомъ, вылетаютъ изъ своего убѣжища и бьютъ насъ крыльями по лицу. Мы зажигаемъ два или три факела. Самый смѣлый и самый большой изъ насъ рѣшается итти впередъ. Мы слѣдуемъ за нимъ. Съ минуту полземъ мы, какъ лисица въ свою берлогу. Дымъ отъ факеловъ насъ душитъ, но ничто не можетъ поколебать нашей рѣшимости; сводъ вдругъ подымается, и вотъ мы въ одной изъ подземныхъ залъ, къ какимъ

каркаютъ и улетаютъ при нашемъ приближеніи. Большіе орлы и коршуны по цѣлымъ часамъ плаваютъ высоко надъ нашими головами, выглядывая жаворонковъ и молодыхъ козлятъ. По крутымъ отлогостямъ ущелья выступаютъ изъ земли большими массами группы сѣраго камня, испещренные желтоватымъ мхомъ.

Стадо, получивши свободу, разсѣевается въ разныя стороны. Мы выбираемъ скалу съ нависшей вершиной, защищающей отъ дождя нѣсколько шаговъ мелкаго песку. Туда сносимъ мы сухаго хворосту и мертвыхъ сучьевъ, упавшихъ въ продолженіи лѣта съ каштановъ. Мы достаемъ огниво и разводимъ огонь, такъ живописно рисующійся издали, когда смотришь на него съ подошвы горы или съ палубы корабля, идущаго вдоль берега.

Ясное, волнистое пламя сверкаетъ сквозь черныя, сѣрыя и голубыя волны дыма, взвѣваемыя вѣтромъ, какъ грива несущейся лошади. Мы раскрываемъ наши сумки, достаемъ хлѣбъ, сыръ, иногда крупныя яйца, приправленныя крупною сѣрою солью. Мы ѣдимъ медленно, какъ ѣстъ наше стадо. Иногда кто-нибудь изъ насъ увидитъ вдругъ на вѣткѣ кучку забытыхъ каштановъ, — мы беремся за пращи и пускаемъ туда тучу камней, которыя выбиваютъ плоды изъ полураскрытой шелухи ихъ и низвергаютъ ихъ къ нашимъ ногамъ.

Мы печемъ ихъ въ золѣ, и если кому-нибудь случится найти кучку картофля, забытую въ бороздѣ, онъ несетъ ее къ намъ; мы покрываемъ картофель пепломъ и углемъ, и съѣдаемъ его, приправленный гордостью открытія и сладостью добычи.

Въ полдень мы снова собираемъ козъ и коровъ, давно уже расположившихся отдохнуть на солнцѣ. Солнце разогнало туманъ съ озаренныхъ и согрѣтыхъ вершинъ, и онъ низпалъ въ долины и луга. Изъ него выглядываютъ только верхушки холмовъ, колокольни и, далеко на горизонтѣ, розовые снѣга Монблана, гигантскіе очерки котораго видны какъ-будто стоишь отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

Собравши стадо, мы идемъ въ настоящія горы. Ущелье, гдѣ провели мы утро, остается далеко за нами. Каштаны исчезаютъ; ихъ замѣняетъ мелкій кустарникъ; скаты становятся круче; они одѣты высокимъ папоротникомъ, иногда украшены голу-

быми колокольчиками
это исчезаетъ; встрѣчаются
Стадо останавливается
ми. Прочіе, въ томъ
замѣтили на краю высо
сы снѣга, бѣлымъ пятном
лодное лѣто тающей
вѣроятно въ какую-нибудь
сто летаютъ къ этой
туда за орленками. Мы
ми. Мы предусмотрѣли
быть темно. Каждый
зали въ окрестныхъ
кололи ихъ вдоль частей
линію или двѣ. Мы
ствола, чтобы лучины
держать ихъ. Кромѣ того
ли ихъ проволокой, дер
ли ихъ въ печи въ
вья, высушенныя и
лею, образуютъ факелы
кимъ краснымъ огнемъ.
плечѣ по одному такому
мы обходимъ ее, ища
надъ нашими головами.
камня на камень и испа
тый естественнымъ
пріютить всѣхъ насъ. Скоро
ный камнями, и потомъ,
идетъ внизъ, углубляясь въ

Тутъ мы немного робѣем
эхо ихъ паденія долетаетъ
пуганныя шумомъ, вылетают
насъ крыльями по лицу.
Самый смѣлый и самый
редъ. Мы слѣдуемъ за нимъ.
ца въ свою берлогу. Дымъ
что не можетъ поколебать
дымается, и вотъ мы

почти всегда ведутъ горныя пещеры, служащія имъ какъ-будто отдушинами. Маленькій бассейнъ чистой воды отражаетъ въ глубинѣ свѣтъ нашихъ факеловъ. Капли, сверкающія какъ алмазы, падаютъ со свода въ бассейнъ съ мѣрнымъ, гармоническимъ, печальнымъ звукомъ, общимъ всѣмъ водамъ, маленькому ключу такъ же какъ безбрежному океану. Вода — печальная стихія. *Super flumina Babylonis sedimus et flevimus.* А почему? Потому, что вода плачетъ со всѣми. Это тронуло даже и насъ, дѣтей.

Сидя на краю журчащей воды, мы радуемся открытію, хотя не нашли здѣсь ни львовъ, ни орловъ, и хотя копоть отъ дыму во многихъ мѣстахъ свода доказываетъ, что мы не первые проникли эту горную тайну. Мы купаемся въ холодной какъ ледъ водѣ; мы обмакиваемъ въ нее нашъ хлѣбъ; мы увлекаемся поисками еще другого поворота пещеры, такъ-что вышедши обратно вонъ, видимъ передъ собою первыя звѣзды ночи.

Мы ждемъ, чтобы совсѣмъ смеркло. Потомъ зажигаемъ наши факелы и, держа ихъ кверху, быстро спускаемся съ камня на камень, какъ падающія звѣзды. Мы дѣлаемъ эволюціи на выступахъ, гдѣ насъ могутъ увидѣть изъ далекихъ селъ. Мы скатываемся къ стаду огненною рѣкою, гонимъ его передъ собою съ кликами и пѣснями. На послѣдней возвышенности передъ Мильи, мы останавливаемся на покатой полянѣ, увѣренные, что на насъ смотрятъ. Мы становимся въ круги, исполняемъ танцы, держа факелы надъ головами; потомъ бросаемъ ихъ, полусгорѣвшіе, на траву и любуемся, опускаясь къ отцовскимъ домамъ, какъ сгараютъ они въ общемъ пламени.

Такъ проходили, съ немногими измѣненіями, смотря по времени года, мои пастушескіе дни, въ горахъ съ ихъ пещерами, въ долинахъ, съ ихъ водами, осѣненными ивами, въ шлюзахъ мѣльницъ, гдѣ мы упражнялись въ плаваніи; я объѣзжалъ, безъ сѣдла, непривычныхъ жеребятъ, погонялъ бичемъ быковъ, везущихъ собранный виноградъ, выжималъ, раздѣвшись, сокъ изъ его гроздій, молотилъ хлѣбъ цѣпомъ, сдѣланнымъ по моему дѣтскому росту. Никто не воспитанъ въ такой близи съ природою, никто раньше меня не всосалъ любви ко всему сельскому, не усвоилъ привычекъ крестьянъ и не привязался къ занятіямъ простымъ, но разнообразнымъ какъ мѣстности и времена года, которыя не дѣлаютъ изъ человѣка машину съ десятью

пальцами, подобно другимъ монотоннымъ занятіямъ, но существо чувствующее, мыслящее и любящее, состоящее въ вѣчной связи съ природой, которую оно вдыхаетъ всѣми порами, и съ Богомъ, котораго сознаетъ во всѣхъ его благодѣяніяхъ.

3.

Первыя впечатлѣнія моей жизни были просты, строги и кротки. Первыя картины, представившіяся моимъ взорамъ, были не таковы, чтобы раздвинули или разцвѣтили крылья моего юнаго воображенія. Великія сцены созданія,—море, высокія горы, свѣтлыя озера Альповъ, и памятники человѣческихъ рукъ въ большихъ городахъ, увидѣлъ я позже, одно за другимъ. Въ дѣтствѣ я видѣлъ то, что видятъ дѣти въ деревенской глуши, среди страны, неимѣющей грандіозной физіономіи. Можетъ-статься, это лучшій путь къ наслажденію природой и произведеніями рукъ человѣческихъ: начать съ самаго скромнаго и простого и знакомиться съ прочими зрѣлищами міра мало-по-малу, по мѣрѣ развитія души. Даже орелъ, которому суждено летать такъ высоко и видѣть такъ далеко, начинаетъ жизнь въ щели скалы и видитъ въ дѣтствѣ только грубый и часто вонючій край своего гнѣзда.

Въ безвѣстной деревнѣ, гдѣ судило мнѣ небо родиться и куда революція запрятала моихъ родителей, не было ничего такого, что могло бы отмѣтить или украсить мѣсто скромной колыбели живописца или созерцателя твореній Бога.

4.

Покидая русло Саоны, лежащее среди зеленыхъ луговъ и плодоносныхъ отлогостей Макона, и отправляясь къ городку и развалинамъ древняго аббатства де-Клюни, гдѣ умеръ Абеларъ, идешь гористою дорогой по почвѣ, возвышающейся волнами. Справа и слѣва бѣлѣютъ деревушки, въ зелени винограда. Надъ ними голыя, невоздѣланныя горы высятся скалистыми крутизнами, кое-гдѣ выказывая сѣрыя поляны со стадами, видимыми какъ бѣлыя точки. Всѣ эти горы вѣнчаны массами скалъ, вы-

каркаютъ и улетаютъ при нашемъ приближеніи. Большіе орлы и коршуны по цѣлымъ часамъ плаваютъ высоко надъ нашими головами, выглядывая жаворонковъ и молодыхъ козлятъ. По крутымъ отлогостямъ ущелья выступаютъ изъ земли большими массами группы сѣраго камня, испещренные желтоватымъ мхомъ.

Стадо, получивши свободу, разсѣевается въ разныя стороны. Мы выбираемъ скалу съ нависшей вершиной, защищающей отъ дождя нѣсколько шаговъ мелкаго песку. Туда сносимъ мы сухаго хворосту и мертвыхъ сучьевъ, упавшихъ въ продолженіи лѣта съ каштановъ. Мы достаемъ огниво и разводимъ огонь, такъ живописно рисующійся издали, когда смотришь на него съ подошвы горы или съ палубы корабля, идущаго вдоль берега.

Ясное, волнистое пламя сверкаетъ сквозь черныя, сѣрыя и голубыя волны дыма, взвѣваемыя вѣтромъ, какъ грива несущейся лошади. Мы раскрываемъ наши сумки, достаемъ хлѣбъ, сыръ, иногда крупныя яйца, приправленныя крупною сѣрою солью. Мы ѣдимъ медленно, какъ ѣстъ наше стадо. Иногда кто-нибудь изъ насъ увидитъ вдругъ на вѣткѣ кучку забытыхъ каштановъ, — мы беремся за пращи и пускаемъ туда тучу камней, которыя выбиваютъ плоды изъ полураскрытой шелухи ихъ и низвергаютъ ихъ къ нашимъ ногамъ.

Мы печемъ ихъ въ золѣ, и если кому-нибудь случится найти кучку картофля, забытую въ бороздѣ, онъ несетъ ее къ намъ; мы покрываемъ картофель пепломъ и углемъ, и съѣдаемъ его, приправленный гордостью открытія и сладостью добычи.

Въ полдень мы снова собираемъ козъ и коровъ, давно уже расположившихся отдохнуть на солнцѣ. Солнце разогнало туманъ съ озаренныхъ и согрѣтыхъ вершинъ, и онъ низпалъ въ долины и луга. Изъ него выглядываютъ только верхушки холмовъ, колокольни и, далеко на горизонтѣ, розовые снѣга Монблана, гигантскіе очерки котораго видны какъ-будто стоишь отъ него въ нѣсколькихъ шагахъ.

Собравши стадо, мы идемъ въ настоящія горы. Ущелье, гдѣ провели мы утро, остается далеко за нами. Каштаны исчезаютъ; ихъ замѣняетъ мелкій кустарникъ; скаты становятся круче; они одѣты высокимъ папоротникомъ, иногда украшены голу-

быми колокольчиками или пурпуровыми дигиталіями. Скоро и это исчезаетъ; встрѣчаются только мохъ да камни.

Стадо останавливается здѣсь съ однимъ или двумя постухами. Прочіе, въ томъ числѣ и я, уже нѣсколько дней тому назадъ замѣтили на краю высочайшей изъ горныхъ вершинъ, возлѣ полосы снѣга, бѣлымъ пятномъ лежащей на сѣверномъ скатѣ и въ холодное лѣто тающей очень поздно, отверстіе въ скалѣ, ведущее вѣроятно въ какую-нибудь пещеру. Мы замѣтили, что орлы часто летаютъ къ этой скалѣ; храбрѣйшіе изъ насъ рѣшились итти туда за орленками. Мы идемъ, вооруженные палками и пращами. Мы предусмотрѣли все, даже и то, что въ пещерѣ должно быть темно. Каждый изъ насъ заготовилъ по факелу. Мы нарѣзали въ окрестныхъ лѣсахъ стволовъ десятилѣтнихъ елей и раскололи ихъ вдоль частей на 20 или 30, каждую толщиною въ линію или двѣ. Мы оставили въ цѣлости только нижнюю часть ствола, чтобы лучины не разваливались и рукѣ удобно было держать ихъ. Кромѣ того, въ извѣстныхъ мѣстахъ, мы скрѣпили ихъ проволокой, державшей весь пучекъ въ связи. Мы сушили ихъ въ печи въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль. Эти деревья, высушенныя и пропитанныя содержащеюся въ нихъ смолою, образуютъ факелы неугасимые, медленно горящіе яркимъ краснымъ огнемъ. Каждый изъ насъ съ трудомъ несетъ на плечѣ по одному такому факелу. Дошедши до подошвы скалы, мы обходимъ ее, ища доступа къ отверстію пещеры, зіяющему надъ нашими головами. Мы добираемся до него, карабкаясь съ камня на камень и исцарапавши руки и колѣни. Входъ, прикрытый естественнымъ навѣсомъ изъ огромныхъ камней, можетъ пріютить всѣхъ насъ. Скоро онъ становится уже, загроможденный камнями, и потомъ, круто поворотивши въ сторону, быстро идетъ внизъ, углубляясь въ нѣдра горы и ночи.

Тутъ мы немного робѣемъ. Мы бросаемъ камни, и далекое эхо ихъ паденія долетаетъ до насъ нескоро. Летучія мыши, испуганныя шумомъ, вылетаютъ изъ своего убѣжища и бьютъ насъ крыльями по лицу. Мы зажигаемъ два или три факела. Самый смѣлый и самый большой изъ насъ рѣшается итти впередъ. Мы слѣдуемъ за нимъ. Съ минуту полземъ мы, какъ лисица въ свою берлогу. Дымъ отъ факеловъ насъ душитъ, но ничто не можетъ поколебать нашей рѣшимости; сводъ вдругъ подымается, и вотъ мы въ одной изъ подземныхъ залъ, къ какимъ

почти всегда ведутъ горныя пещеры, служащія имъ какъ-будто отдушинами. Маленькій бассейнъ чистой воды отражаетъ въ глубинѣ свѣтъ нашихъ факеловъ. Капли, сверкающія какъ алмазы, падаютъ со свода въ бассейнъ съ мѣрнымъ, гармоническимъ, печальнымъ звукомъ, общимъ всѣмъ водамъ, маленькому ключу такъ же какъ безбрежному океану. Вода — печальная стихія. *Super flumina Babylonis sedimus et flevimus.* А почему? Потому, что вода плачетъ со всѣми. Это тронуло даже и насъ, дѣтей.

Сидя на краю журчащей воды, мы радуемся открытію, хотя не нашли здѣсь ни львовъ, ни орловъ, и хотя копоть отъ дыму во многихъ мѣстахъ свода доказываетъ, что мы не первые проникли эту горную тайну. Мы купаемся въ холодной какъ ледъ водѣ; мы обмакиваемъ въ нее нашъ хлѣбъ; мы увлекаемся поисками еще другого поворота пещеры, такъ-что вышедши обратно вонъ, видимъ передъ собою первыя звѣзды ночи.

Мы ждемъ, чтобы совсѣмъ смеркло. Потомъ зажигаемъ наши факелы и, держа ихъ кверху, быстро спускаемся съ камня на камень, какъ падающія звѣзды. Мы дѣлаемъ эволюціи на выступахъ, гдѣ насъ могутъ увидѣть изъ далекихъ селъ. Мы скатываемся къ стаду огненною рѣкою, гонимъ его передъ собою съ кликами и пѣснями. На послѣдней возвышенности передъ Мильи, мы останавливаемся на покатой полянѣ, увѣренные, что на насъ смотрятъ. Мы становимся въ круги, исполняемъ танцы, держа факелы надъ головами; потомъ бросаемъ ихъ, полусгорѣвшіе, на траву и любуемся, опускаясь къ отцовскимъ домамъ, какъ сгараютъ они въ общемъ пламени.

Такъ проходили, съ немногими измѣненіями, смотря по времени года, мои пастушескіе дни, въ горахъ съ ихъ пещерами, въ долинахъ, съ ихъ водами, осѣненными ивами, въ шлюзахъ мѣльницъ, гдѣ мы упражнялись въ плаваніи; я объѣзжалъ, безъ сѣдла, непривычныхъ жеребятъ, погонялъ бичемъ быковъ, везущихъ собранный виноградъ, выжималъ, раздѣвшись, сокъ изъ его гроздій, молотилъ хлѣбъ цѣпомъ, сдѣланнымъ по моему дѣтскому росту. Никто не воспитанъ въ такой близи съ природою, никто раньше меня не всосалъ любви ко всему сельскому, не усвоилъ привычекъ крестьянъ и не привязался къ занятіямъ простымъ, но разнообразнымъ какъ мѣстности и времена года, которыя не дѣлаютъ изъ человѣка машину съ десятью

пальцами, подобно другимъ монотоннымъ занятіямъ, но существо чувствующее, мыслящее и любящее, состоящее въ вѣчной связи съ природой, которую оно вдыхаетъ всѣми порами, и съ Богомъ, котораго сознаетъ во всѣхъ его благодѣяніяхъ.

3.

Первыя впечатлѣнія моей жизни были просты, строги и кротки. Первыя картины, представившіяся моимъ взорамъ, были не таковы, чтобы раздвинули или разцвѣтили крылья моего юнаго воображенія. Великія сцены созданія,—море, высокія горы, свѣтлыя озера Альповъ, и памятники человѣческихъ рукъ въ большихъ городахъ, увидѣлъ я позже, одно за другимъ. Въ дѣтствѣ я видѣлъ то, что̀ видятъ дѣти въ деревенской глуши, среди страны, неимѣющей грандіозной физіономіи. Можетъ-статься, это лучшій путь къ наслажденію природой и произведеніями рукъ человѣческихъ: начать съ самаго скромнаго и простого и знакомиться съ прочими зрѣлищами міра мало-по-малу, по мѣрѣ развитія души. Даже орелъ, которому суждено летать такъ высоко и видѣть такъ далеко, начинаетъ жизнь въ щели скалы и видитъ въ дѣтствѣ только грубый и часто вонючій край своего гнѣзда.

Въ безвѣстной деревнѣ, гдѣ судило мнѣ небо родиться и куда революція запрятала моихъ родителей, не было ничего такого, что могло бы отмѣтить или украсить мѣсто скромной колыбели живописца или созерцателя твореній Бога.

4.

Покидая русло Саоны, лежащее среди зеленыхъ луговъ и плодоносныхъ отлогостей Макона, и отправляясь къ городку и развалинамъ древняго аббатства де-Клюни, гдѣ умеръ Абеларъ, идешь гористою дорогой по почвѣ, возвышающейся волнами. Справа и слѣва бѣлѣютъ деревушки, въ зелени винограда. Надъ ними голыя, невоздѣланныя горы высятся скалистыми крутизнами, кое-гдѣ выказывая сѣрыя поляны со стадами, видимыми какъ бѣлыя точки. Всѣ эти горы вѣнчаны массами скалъ, вы-

ступающими изъ земли, гребни которыхъ представляютъ глаз очерки старинныхъ разрушенныхъ замковъ. Идя по дорогѣ, огибающей подошву этихъ горъ въ двухъ часахъ ходьбы от города, встрѣчается поворотъ налѣво: узкая, отѣненная ивам дорога нисходитъ въ лугъ къ рѣчкѣ, гдѣ безъ умолку слышитс шумъ мельничныхъ колесъ.

Съ минуту эта дорога змѣится вдоль ручья подъ скрывающими ее ольхами; потомъ рѣчку перехватываетъ мостикъ, и вы всходите по крутому извилистому скату къ хижинамъ, покрытымъ красною черепицей, и сгруппированнымъ надъ вашею головою на маленькой площадкѣ. Это наша деревня. Пирамидальная колокольня изъ сѣраго камня возносится надъ семью или восемью крестьянскими домиками. Каменистая дорога скользитъ между хижинами отъ воротъ до воротъ. Прошедши ее всю, вы приходите къ воротамъ, нѣсколько шире и выше прочихъ. За ними, въ глубинѣ двора, скрывается домъ моего отца.

Онъ дѣйствительно скрывается: его невидно ни съ дороги, ни изъ села. Онъ построенъ во впадинѣ широкой лощины, отовсюду окруженъ высящимися надъ нимъ деревьями, колокольнею и сельскими зданіями, и прислонился къ высокой горѣ: только перешедши эту гору, видишь внизу его зданіе, выглядывающее изъ угла сада, какъ огромный черный камень. Домъ этотъ образуетъ квадратъ и состоитъ изъ одного этажа, съ тремя окнами въ каждой стѣнѣ. Стѣны не оштукатурены; дождь и мохъ придали камнямъ мрачный цвѣтъ вѣковыхъ аббатствъ. Со двора входишь въ домъ черезъ высокія рѣзныя деревянныя двери и широкое каменное крыльцо въ пять ступеней. Но колосальные камни, изъ которыхъ сложены эти ступени, такъ избиты, обломаны и растоптаны отъ времени и носки по нимъ тяжестей, что совершенно разошлись и шатаются съ глухимъ звукомъ подъ ногами; трава растетъ между ними въ разсѣлинахъ, и лѣтнія лягушки квакаютъ по вечерамъ въ томъ крыльцѣ, какъ въ болотѣ.

Прежде всего вы входите въ широкій, хорошо освѣщенный коридоръ, но загроможденный огромными орѣховыми шкафами, куда крестьяне прячутъ бѣлье, и мѣшками съ мукою и хлѣбомъ, насущнымъ запасомъ семейства. Налѣво кухня, въ которой сквозь вѣчно открытыя двери видѣнъ длинный дубовый столъ, окруженный скамьями. Рѣдко когда невидно за этимъ столомъ крестьянъ; онъ

всегда накрытъ, то для работниковъ, то для безкопечныхъ прохожихъ, которыхъ обыкновенно угощаютъ хлѣбомъ, виномъ и сыромъ въ деревняхъ, гдѣ нѣтъ ни гостинницъ, ни харчевень. По лѣвую руку столовая. Въней нѣтъ ничего, кромѣ еловаго стола, нѣсколькихъ стульевъ и стараго буфета со множествомъ ящиковъ, ящичковъ и полокъ, — неизбѣжная, наслѣдственная вещь во всѣхъ старыхъ жилищахъ, начинающая снова входить въ моду. Изъ столовой вы входите въ залъ съ двумя окнами — однимъ на дворъ, а другимъ въ садъ, на сѣверъ. Лѣстница, тогда бывшая еще деревянною, но потомъ построенная отцомъ моимъ изъ грубо-отесаннаго камня, ведетъ въ единственный низкій этажъ, гдѣ съ десятокъ комнатъ, почти безъ всякой мебели, примыкаютъ къ темнымъ коридорамъ. Въ нихъ жили тогда мы, наши гости и прислуга. Вотъ и весь домъ, такъ долго ютившій насъ въ своихъ мрачныхъ и теплыхъ стѣнахъ. Вотъ кровъ, который мать моя называла своимъ Іерусалимомъ, своею обителью мира. Вотъ гнѣздо, столько лѣтъ защищавшее насъ отъ дождя, холода, голода и дыханія свѣта,—гнѣздо, куда смерть явилась за отцомъ моимъ и матерью, и откуда вылетѣли одинъ за другимъ ихъ дѣти, кто въ одну сторону, кто въ другую, кто въ вѣчность! Я берегу еще его остатки, его солому и мохъ; гнѣздо опустѣло и остыло, но я люблю еще посѣщать его и засыпать въ немъ, какъ-будто увѣренъ, что проснувшись услышу голосъ матери, шаги отца, веселые клики сестеръ, говоръ юности, жизни и любви, звучащій еще только для меня подъ старою кровлей,—для меня, единственнаго существа, которое еще ему внимаетъ и увѣковѣчитъ его на нѣсколько времени.

5.

Окрестность дома соотвѣтствуетъ его внутренности. Со стороны двора передъ вами только жомы, дровяные сараи и конюшни. Сквозь вѣчно открытыя ворота этого двора видна улица села, по которой цѣлый день движутся крестьяне, то идя въ поле, то возвращаясь оттуда домой. На одномъ плечѣ несутъ они свои инструменты, на другомъ люльку съ спящимъ въ ней ребенкомъ. Жена идетъ слѣдомъ, нерѣдко неся другого, грудного ребенка. За ними коза съ своимъ козленкомъ; она остана-

вливается поиграть съ какою-нибудь собакой и потомъ догоняетъ ихъ прыжками.

По ту сторону улицы печь, мѣсто сходки стариковъ, бѣдныхъ пряхъ и дѣтей, грѣющихся у ея неугасающаго огня. Вотъ все, что видно изъ одного окна залы.

Сквозь другое окно, выходящее на сѣверъ, взоръ тонетъ поверхъ садовой ограды и нѣсколькихъ черепичныхъ крышъ въ вѣчно туманной дали мрачныхъ горъ, гдѣ выглядываетъ, то озаренный оранжевымъ лучемъ солнца, то облитый туманомъ, старый разрушенный замокъ съ башнями и башенками. Это характеристическая черта картиры. Исчезни эта развалина, съ ней исчезла бы и вечерняя игра лучей на ея стѣнахъ и фантастическіе клубы тумана вокругъ ея башень. Остались бы только черная гора да желтоватый ровъ. Парусъ на морѣ, руина на холмѣ, — это цѣлый ландшафтъ. Земля только сцена; мысль, драма, жизнь, проявляются глазу только въ слѣдахъ человѣка. А интересна только жизнь.

Задняя часть дома выходитъ въ садъ, — четверть арпана, огороженная черными камнями. Въ глубинѣ сада почва нечувствительно начинаетъ возвышаться въ гору; подошва отлогости воздѣлана и зеленѣетъ виноградниками; даль сѣра и гола, какъ мохъ, едва замѣтный на скалѣ, лишенной растительной почвы. Двѣ–три скалы слегка зазубриваютъ вершину. За чертою дикихъ травъ нѣтъ ни деревца, ни даже кустарника. Гору не оживляетъ ни одно жилье, ни одна дымящаяся труба. Въ этомъ-то можетъ быть и заключается тайна прелести этого сада. Онъ похожъ на колыбель младенца, запрятанную женою земледѣльца въ борозду на время работы. Стѣнки борозды скрываютъ берегъ ручья, и ребенокъ видитъ только клочокъ неба между двумя скатами земли.

Что касается до самаго сада, то онъ только по названію садъ. Онъ могъ бы считаться садомъ только развѣ въ тѣ невзыскательныя времена, когда Гомеръ описывалъ скромный участокъ и семь луговъ старика Лаерта. Восемь четырехъ-угольныхъ грядъ съ овощами, обсаженныя фруктовыми деревьями и раздѣленныя одна отъ другой дорожками, усыпанными желтымъ пескомъ. По концамъ этихъ дорожекъ, на сѣверѣ, восемь стволовъ старой грабины, образующіе тѣнистый навѣсъ надъ деревянною скамьею; другая бесѣдка, поменьше, свитая изъ ползу-

чаго винограда надъ двумя вишнями,—вотъ и все. Я забылъ.... не журчащій ключъ, и даже не колодезь изъ зеленоватаго сырого камня,—на этомъ клочкѣ земли не было ни капли воды....я забылъ маленькій резервуаръ, изсѣченный моимъ отцомъ въ скалѣ для дождевой воды, и вокругъ этой зеленой, стоячей воды двѣнадцать смоковницъ и нѣсколько чинаръ, осѣняющихъ скудною тѣнью уголокъ сада за оградой и сыплющихъ пожелтѣлыя за-лѣто листья на маслянистую гладь бассейна.

Теперь все. И этого было достаточно на много лѣтъ для удовольствій, сладкаго отдыха и трудовъ отца, матери и восьмерыхъ дѣтей! Достаточно и теперь для пищи ихъ воспоминаніямъ. Вотъ эдемъ ихъ дѣтства, куда обращаются ихъ свѣтлыя мысли, желая обрѣсти каплю утренней росы жизни и цвѣтистый лучъ зари, сверкающій во всей теплотѣ своей только на колыбели человѣка. Въ этомъ саду нѣтъ ни дерева, ни цвѣтка, которые не срослись бы съ нашею душою. Этотъ уголокъ земли кажется намъ необъятнымъ; столько заключаетъ онъ въ своемъ тѣсномъ пространствѣ воспоминаній. Жалкая загородка, сквозь которую мы съ кликами радости бросались въ садъ; гряды салата, которыя раздѣлили намъ на отдѣльные садики, и которыя мы обработывали собственноручно; площадка, на которой садился отдохнуть отецъ нашъ, возвращаясь съ своими собаками съ охоты; аллея, по которой гуляла при захожденіи солнца мать, въ-полголоса произнося молитвы и не спуская глазъ съ дѣтей; тѣнистый уголокъ сада, на сѣверной сторонѣ, теплая стѣна на югѣ, гдѣ мы становились съ книгами въ рукахъ рядкомъ и грѣлись на солнцѣ, какъ осенній шпалерникъ; три лиліи, два орѣшника, земляника, груши, персики, найденные по-утру въ росѣ подъ деревомъ; бесѣдка, куда чаще всѣхъ забирался я въ полдень предаться въ тишинѣ любимому чтенію; воспоминаніе о смутномъ впечатлѣніи этихъ книгъ, потомъ воспоминанія о задушевныхъ бесѣдахъ, случившихся тамъ-то и тамъ-то, въ такой-то аллеѣ сада; о мѣстахъ, гдѣ разставались на-долго, и другихъ, гдѣ снова встрѣчались послѣ разлуки,—мѣстахъ, гдѣ разыгрывались патетическія сцены тайной семейной драмы, гдѣ омрачалось лицо отца, гдѣ слезы капали изъ глазъ прощающей насъ матери, гдѣ мы припадали къ ней, пряча лицо въ ея платье,—мѣсто, гдѣ извѣстили ее о смерти дочери, гдѣ она съ кротостью и смиреніемъ вознесла руки и взоръ къ небу! Эти

образы, эти группы, эти картины счастья и любви оживляютъ для насъ еще этотъ уголокъ земли, какъ оживляли они его въ лучшіе дни. Собирая, такъ сказать, мысленно пролитую послѣ того жизнь, въ эти самыя аллеи, мы какъ-будто окутываемся этою почвою, этими деревьями и растеніями, рожденными вмѣстѣ съ нами, и желалось бы намъ, чтобы вселенная начиналась и кончалась для насъ въ стѣнахъ этого бѣднаго убѣжища!

Садъ этотъ и теперь еще въ томъ же видѣ. Только стволы постарѣвшихъ деревъ убрались мхомъ, и бордюры розъ и незабудокъ разрослись и съузили дорожки. Два соловья поютъ еще въ лѣтнія ночи въ двухъ опустѣвшихъ бесѣдкахъ. Вѣтеръ такъ же мелодически шумитъ въ вѣтвяхъ трехъ елей, посаженныхъ моею матерью. Заходящее солнце по-прежнему играетъ на облакахъ. Тишина по-прежнему нарушается только звономъ колокола и монотоннымъ стукомъ цѣповъ. Дикія травы разрослись между кустами розъ. Плющь гуще облегаетъ стѣны. Съ каждымъ годомъ онъ все больше и больше застилаетъ закрытыя окна комнаты нашей матери, и когда мнѣ случается забыться тамъ на минуту, меня пробуждаютъ только шаги стараго виноградаря, который служилъ у насъ прежде садовникомъ, и который приходитъ иногда навѣстить свои растенія, какъ я мои воспоминанія и мечты.

6.

Теперь вы знаете это жилище не хуже моего. Но зачѣмъ не могу я оживить его для васъ хотя на минуту? Мнѣ минуло уже десять лѣтъ, а я еще не зналъ, что такое душевная горечь, принужденіе, строгое лицо. Вокругъ меня все улыбалось. Я не былъ однакожь ни избалованъ тѣми, кому долженъ былъ повиноваться, ни оставленъ на произволъ прихотямъ собственнаго воображенія и дѣтской воли. Я жилъ въ здоровой и спасительной средѣ полноты жизни, между отцомъ и матерью, дыша любовью и [redacted]довольствомъ. Любить и быть любимымъ,—вотъ [redacted]мое физическое воспитаніе; дѣло дѣлали [redacted]въ воздухѣ, въ описанныхъ уже за[redacted]стеніе, не сажали въ теплиц[redacted]борьбѣ съ стихіями. Это п[redacted]

изъ красивѣйшихъ дѣтей, когда-либо попиравшихъ босыми ногами наши горы, жители которыхъ отличаются здоровьемъ и красотою. Темно-голубые глаза, какъ у матери; черты лица чистыя, почти римскія, но смягченныя, какъ и у матери, задумчивымъ выраженіемъ; яркій лучъ внутренней радости на этомъ лицѣ; мягкіе волосы, золотистаго цвѣта коры зрѣлаго каштана, падающіе на загорѣвшую шею скорѣе волнами, нежели локонами; ростъ высокій не по лѣтамъ, движенія свободныя и граціозныя; только кожа чрезвычайно нѣжная, другое наслѣдіе матери, и способность вдругъ блѣднѣть и краснѣть, говорившая о нѣжности тканей, быстротѣ и силѣ ощущеній сердца; вообще — портретъ матери, съ мужескимъ оттѣнкомъ на лицѣ, — вотъ чѣмъ былъ я тогда. Жизнь сулила мнѣ счастье, здоровье и силу. Время, воспитаніе, ошибки, люди, скорби измѣнили эти ожиданія; но я обвиняю только ихъ и себя. Мнѣ не въ чемъ упрекнуть природу.

7.

Воспитаніе мое заключалось все въ болѣе или менѣе ясномъ взглядѣ, въ болѣе или менѣе свѣтлой улыбкѣ матери. Бразды моего сердца были въ ея сердцѣ. Она требовала отъ меня только откровенности и доброты, и это не стоило мнѣ никакихъ усилій. Отецъ подавалъ мнѣ примѣръ величайшаго чистосердечія, мать — примѣръ доброты, доходившей до героизма. Душа моя, дышавшая добротою, не могла породить ничего другого. Мнѣ никогда не приходилось бороться ни съ собою, ни съ другими. Все меня привлекало, ничто не стѣсняло. Немногое, чему меня учили, передавалось мнѣ въ видѣ награды. Учителями моими были только мать и отецъ. Я видѣлъ, что они читаютъ, и мнѣ самому хотѣлось читать; я видѣлъ, что они пишутъ, и просилъ ихъ помочь мнѣ чертить буквы. Всѣ это дѣлалось играючи, въ часы досуга, на колѣняхъ, въ саду, у камина, среди улыбокъ, шутокъ и ласкъ. Это мнѣ нравилось; я самъ назывался на короткіе и занимательные уроки. Такъ научился я всему, нѣсколько позже, правда, но зато самъ не зная какъ, помимо грозно нахмуренныхъ бровей. Я подвигался впередъ, не чувствуя, что иду. Мысли мои, въ постоянномъ соприкосновеніи съ мысли матери, развивались, такъ сказать, въ ея мысляхъ.

Другія матери носятъ своихъ дѣтей только девять мѣсяцовъ; моя мать носила меня двѣнадцать лѣтъ; я жилъ ея нравственною жизнью, какъ сначала жилъ тѣлесною, до той минуты, когда былъ оторванъ отъ нея насильно и переселенъ въ гнилую или по-крайней-мѣрѣ ледяную жизнь коллегій.

Я ни у кого собственно не учился ни грамотѣ, ни языкамъ. Сосѣдъ нашъ, Брюи ди Вандранъ, человѣкъ даровитый, удалившійся изъ свѣта, въ которомъ долго жилъ, навѣщалъ насъ разъ въ недѣлю. Онъ писалъ для меня прекрасныя прописи; я списывалъ ихъ одинъ и давалъ ему потомъ поправлять. Рано полюбилось мнѣ чтеніе. Съ трудомъ находили довольно книгъ, годныхъ для удовлетворенія моего любопытства. Дѣтскія книги уже не удовлетворяли меня. Я съ завистью посматривалъ на книги, стоявшія на полкахъ въ маленькомъ кабинетѣ. Но мать умѣряла во мнѣ эту любознательность. Она давала мнѣ книги по-немногу, съ разборчивостью. Сокращенная библія, басни Лафонтена, казавшіяся мнѣ ребяческими, ложными, и которыхъ я никогда не могъ заучить наизустъ; творенія г-жи де Жанлисъ, Беркеня, отрывки изъ Фенелона и Бернардена де Сенъ Пьера, восхищавшія меня уже въ то время; освобожденный Іерусалимъ, Робинсонъ, нѣкоторыя трагедіи Вольтера, въ особенности Мерона, читанныя вслухъ отцомъ, — вотъ откуда сосалъ я, какъ растеніе изъ почвы, первую пищу для моего юнаго ума. Но главное черпалъ я все-таки изъ души матери: я читалъ ея глазами, чувствовалъ ея чувствомъ, любилъ ея любовью. Она уясняла мнѣ все: природу, чувства, ощущенія, мысли. Безъ нея я не усвоилъ бы ничего изъ окружавшаго меня міра; она заставляла меня прикасаться ко всему, Душа ея была такъ свѣтла и тепла, что ничто не оставалось въ тѣни или холодѣ. Давая мнѣ возможность понимать все, она пробуждала во мнѣ и любовь къ понятому. Словомъ, нечувствительное обученіе мое не состояло изъ уроковъ; оно было самымъ актомъ жизни, мышленія и чувства, совершаемымъ мною на ея глазахъ, съ ней и черезъ нее. Мы жили одною общею жизнью. Такимъ образомъ сердце мое сформировалось по образцу, на который мнѣ не для чего было и смотрѣть: такъ слитъ онъ былъ съ моимъ собственнымъ сердцемъ.

8.

Мать моя очень мало заботилась о томъ, что́ называется обученіемъ; она не думала сдѣлать изъ меня умника не по лѣтамъ. Она не подстрекала меня соревнованіемъ, которое не что иное какъ ревность дѣтскаго самолюбія. Она не сравнивала меня ни съ кѣмъ; она никогда не превозносила и не унижала меня этими опасными сравненіями. Она справедливо думала, что когда умственныя способности мои разовьются съ лѣтами въ здоровомъ тѣлѣ, я такъ же легко, какъ и всякой другой, научусь немного по-гречески, по-латынѣ и математикѣ, т. е. тому, что́ обыкновенно называется воспитаніемъ. Она хотѣла сдѣлать изъ меня только счастливаго ребенка, съ здравымъ умомъ и любящимъ сердцемъ, — созданіе Бога, а не людскую куклу. Эти идеи о воспитаніи почерпнула она во-первыхъ въ своей собственной душѣ, и потомъ въ Ж. Ж. Руссо и Бернарденѣ де Сенъ Пьерѣ, въ этихъ женскихъ философахъ, философахъ чувства. Она знала или по-крайней-мѣрѣ видѣла ихъ обоихъ у своей матери, будучи еще ребенкомъ; потомъ читала ихъ и полюбила. Въ молодости она тысячу разъ слышала споры о ихъ системахъ между г-жею Жанлисъ и лицами, которымъ поручено было воспитаніе дѣтей герцога орлеанскаго. Извѣстно, что этотъ принцъ первый отважился приложить теорію этой естественной философіи къ воспитанію своихъ сыновей. Мать моя, воспитанная съ ними и почти такъ же какъ они, естественно перенесла преданія своего дѣтства на своихъ дѣтей. Но она поступала осмотрительно. Она не смѣшивала того, чему слѣдуетъ учить принцевъ, поставленныхъ рожденіемъ и богатствомъ на верхней ступени общества, съ тѣмъ, что́ нужно знать дѣтямъ бѣднаго и безвѣстнаго семейства, поставленнаго вблизи природы, въ скромныя условія труда и простоты. Но она думала, что къ какому бы сословію ни принадлежалъ ребенокъ, прежде всего надо сдѣлать изъ него человѣка, и когда изъ него вышелъ человѣкъ, т. е. существо съ разумомъ и сердцемъ, поставленное въ вѣрныя отношенія къ самому себѣ, къ другимъ и къ Богу, — тогда все равно, будетъ ли онъ работникомъ, или принцемъ: онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ; дѣло матери тогда сдѣлано.

По этой системѣ воспитала она меня. Это было философское воспитаніе, исправленное и смягченное материнскимъ чувствомъ.

Въ физическомъ отношеніи мое воспитаніе основывалось преимущественно на идеяхъ Пиѳагора и Руссо въ Эмилѣ. Величайшая простота въ одѣяніи и умѣренность въ пищѣ составляли его основу. Мать моя не давала мнѣ ѣсть мяса до тѣхъ поръ, пока судьба не бросила меня въ омутъ училищной жизни. Чтобы лишить меня и самого желанія, если бы оно у меня появилось, она обращалась не къ уму моему, а къ инстинкту.

У меня былъ ягненокъ, подаренный мнѣ однимъ крестьяниномъ въ Мильи. Я выучилъ его ходить за мною какъ собаку. Мы любили другъ друга тѣмъ чувствомъ, которое естественно связываетъ дѣтей съ молодыми животными. Однажды кухарка сказала матушкѣ въ моемъ присутствіи: «ягненокъ откормился; мясникъ пришелъ, прикажете его отдать ему?» Я бросился къ моему ягненку и спросилъ, что̀ хочетъ дѣлать съ нимъ мясникъ, и что̀ такое мясникъ? Кухарка отвѣчала, что это человѣкъ, который убиваетъ ягнятъ, барашковъ, теленковъ и коровъ за деньги. Я не хотѣлъ повѣрить. Я обратился съ просьбой къ матери, и ягненокъ былъ пощаженъ. Необходимость заставила меня послѣ подчиниться условіямъ общества и ѣсть все, что̀ ѣдятъ другіе; но отвращеніе къ жареному мясу во мнѣ сохранилось.

Итакъ, до двѣнадцати лѣтъ я питался только хлѣбомъ, молокомъ, овощами и плодами. Здоровье мое отъ этого не сдѣлалось слабѣе, тѣлесное развитіе не замедлилось, и можетъ быть этой-то пищѣ и обязанъ я былъ чистотою чертъ физіономіи, воспріимчивостью и ясною кротостью нрава.

9.

Что касается до чувствъ и идеи, матушка слѣдила за естественнымъ ихъ во мнѣ развитіемъ, давая имъ извѣстное направленіе, такъ-что я того не замѣчалъ, да и сама она можетъ быть не замѣчала. Система ея была не искусствомъ, а любовью. Вотъ почему она была безошибочна. Всего болѣе старалась она обращать мои мысли безпрестанно къ Богу и до такой степени оживлять ихъ чувствомъ присутствія Божества въ душѣ моей, что

елигія сдѣлалась для меня наслажденіемъ и вѣра бесѣдою съ Невримымъ.

Мать моя была не то, что собственно разумѣютъ подъ геніальною женщиною теперь, когда женщины вознеслись до такой высоты мысли, стиля и талантовъ всякаго рода. Она даже не имѣла на это притязаній. Она не пускалась на эти вещи. Она не давила умствованіемъ гибкія, эластическія пружины своего воображенія. Она была чужда и ремеслу и искусству женщинъ высшаго разряда теперешняго времени.

Она никогда не писала затѣмъ, чтобы писать, еще менѣе затѣмъ, чтобы ей удивлялись; но она писала много сама для себя, чтобы имѣть въ перечнѣ своей совѣсти и событій внутренней жизни нравственное зеркало, въ которое могла бы глядѣться съ пользою дѣлаться лучше. Эта привычка вести дневникъ, сохраненная ею до конца жизни, породила отъ пятьнадцати до двадцати томовъ задушевныхъ исповѣдей передъ Богомъ; я имѣлъ частіе сохранить этотъ дневникъ и нахожу въ немъ мать мою акъ живую, когда чувствую потребность снова отдохнуть у ея ердца.

Она читала мало, изъ опасенія пошатнуть вѣру, покорную тому, что считала она глаголомъ Бога. Она не писала съ силою конепціи и блескомъ образовъ, характеризирующими даръ выраженія. Она говорила и писала съ ясною, прозрачною простотою женщины, которая чуждается изысканности и хочетъ только, чтобы слова вѣрно передавали мысль, точно такъ же какъ хочетъ, чтобы одежда только одѣвала, а не украшала ея. Превосходство ея заключалось не въ умѣ, а въ сердцѣ. Геній женщинъ Господь заключилъ въ сердцѣ, потому-что творенія этого енія суть творенія любви. Благочестіе, мужество, героизмъ, остоянство, преданность, самоотверженіе, ясность, умѣряющая вѣрою и волею внутреннія скорби, — вотъ черты ея возвышеннаго генія, который всѣ чувствовали въ ея жизни, а не въ исьменныхъ твореніяхъ. Близкіе къ ней сознавали, что ихъ одчиняетъ ей чувство привязанности. Превосходство ея призавали всѣ окружающіе ее.

10.

Основу этой души составляло глубокое, утѣшающее чувство езконечнаго. Она была слишкомъ чувствительна и широка для

Другія матери носятъ своихъ дѣтей только девять мѣсяцовъ; моя мать носила меня двѣнадцать лѣтъ; я жилъ ея нравственною жизнью, какъ сначала жилъ тѣлесною, до той минуты, когда былъ оторванъ отъ нея насильно и переселенъ въ гнилую или по-крайней-мѣрѣ ледяную жизнь коллегій.

Я ни у кого собственно не учился ни грамотѣ, ни языкамъ. Сосѣдъ нашъ, Брюи ди Вандранъ, человѣкъ даровитый, удалившійся изъ свѣта, въ которомъ долго жилъ, навѣщалъ насъ раз въ недѣлю. Онъ писалъ для меня прекрасныя прописи; я списывалъ ихъ одинъ и давалъ ему потомъ поправлять. Рано полюбилось мнѣ чтеніе. Съ трудомъ находили довольно книгъ, годныхъ для удовлетворенія моего любопытства. Дѣтскія книги уже не удовлетворяли меня. Я съ завистью посматривалъ на книги, стоявшія на полкахъ въ маленькомъ кабинетѣ. Но мать умѣряла во мнѣ эту любознательность. Она давала мнѣ книги по-немногу, съ разборчивостью. Сокращенная библія, басни Лафонтена, казавшіяся мнѣ ребяческими, ложными, и которыхъ я никогда не могъ заучить наизустъ; творенія г-жи де Жанлисъ, Беркеня, отрывки изъ Фенелона и Бернардена де Сенъ Пьера, восхищавшія меня уже въ то время; освобожденный Іерусалимъ, Робинсонъ, нѣкоторыя трагедіи Вольтера, въ особенности Мерона, читанныя вслухъ отцомъ, — вотъ откуда сосалъ я, какъ растеніе изъ почвы, первую пищу для моего юнаго ума. Но главное черпалъ я все-таки изъ души матери: я читалъ ея глазами, чувствовалъ ея чувствомъ, любилъ ея любовью. Она уясняла мнѣ все: природу, чувства, ощущенія, мысли. Безъ нея я не усвоилъ бы ничего изъ окружавшаго меня міра; она заставляла меня прикасаться ко всему, Душа ея была такъ свѣтла и тепла, что ничто не оставалось въ тѣни или холодѣ. Давая мнѣ возможность понимать все, она пробуждала во мнѣ и любовь къ понятому. Словомъ, нечувствительное обученіе мое не состояло изъ уроковъ; оно было самымъ актомъ жизни, мышленія и чувства, совершаемымъ мною на ея глазахъ, съ ней и черезъ нее. Мы жили одною общею жизнью. Такимъ образомъ сердце мое сформировалось по образцу, на который мнѣ не для чего было и смотрѣть: такъ слитъ онъ былъ съ моимъ собственнымъ сердцемъ.

8.

Мать моя очень мало заботилась о томъ, что́ называется обученіемъ; она не думала сдѣлать изъ меня умника не по лѣтамъ. Она не подстрекала меня соревнованіемъ, которое не что иное какъ ревность дѣтскаго самолюбія. Она не сравнивала меня ни съ кѣмъ; она никогда не превозносила и не унижала меня этими опасными сравненіями. Она справедливо думала, что когда умственныя способности мои разовьются съ лѣтами въ здоровомъ тѣлѣ, я такъ же легко, какъ и всякой другой, научусь немного по-гречески, по-латынѣ и математикѣ, т. е. тому, что́ обыкновенно называется воспитаніемъ. Она хотѣла сдѣлать изъ меня только счастливаго ребенка, съ здравымъ умомъ и любящимъ сердцемъ, — созданіе Бога, а не людскую куклу. Эти идеи о воспитаніи почерпнула она во-первыхъ въ своей собственной душѣ, и потомъ въ Ж. Ж. Руссо и Бернарденѣ де Сенъ Пьерѣ, въ этихъ женскихъ философахъ, философахъ чувства. Она знала или по-крайней-мѣрѣ видѣла ихъ обоихъ у своей матери, будучи еще ребенкомъ; потомъ читала ихъ и полюбила. Въ молодости она тысячу разъ слышала споры о ихъ системахъ между г-жею Жанлисъ и лицами, которымъ поручено было воспитаніе дѣтей герцога орлеанскаго. Извѣстно, что этотъ принцъ первый отважился приложить теорію этой естественной философіи къ воспитанію своихъ сыновей. Мать моя, воспитанная съ ними и почти такъ же какъ они, естественно перенесла преданія своего дѣтства на своихъ дѣтей. Но она поступала осмотрительно. Она не смѣшивала того, чему слѣдуетъ учить принцевъ, поставленныхъ рожденіемъ и богатствомъ на верхней ступени общества, съ тѣмъ, что́ нужно знать дѣтямъ бѣднаго и безвѣстнаго семейства, поставленнаго вблизи природы, въ скромныя условія труда и простоты. Но она думала, что къ какому бы сословію ни принадлежалъ ребенокъ, прежде всего надо сдѣлать изъ него человѣка, и когда изъ него вышелъ человѣкъ, т. е. существо съ разумомъ и сердцемъ, поставленное въ вѣрныя отношенія къ самому себѣ, къ другимъ и къ Богу, — тогда все равно, будетъ ли онъ работникомъ, или принцемъ: онъ будетъ тѣмъ, чѣмъ ему быть слѣдуетъ; дѣло матери тогда сдѣлано.

По этой системѣ воспитала она меня. Это было философское воспитаніе, исправленное и смягченное материнскимъ чувствомъ.

Въ физическомъ отношеніи мое воспитаніе основывалось преимущественно на идеяхъ Пиѳагора и Руссо въ *Эмилѣ*. Величайшая простота въ одѣяніи и умѣренность въ пищѣ составляли его основу. Мать моя не давала мнѣ ѣсть мяса до тѣхъ поръ, пока судьба не бросила меня въ омутъ училищной жизни. Чтобы лишить меня и самого желанія, если бы оно у меня появилось, она обращалась не къ уму моему, а къ инстинкту.

У меня былъ ягненокъ, подаренный мнѣ однимъ крестьяниномъ въ Мильи. Я выучилъ его ходить за мною какъ собаку. Мы любили другъ друга тѣмъ чувствомъ, которое естественно связываетъ дѣтей съ молодыми животными. Однажды кухарка сказала матушкѣ въ моемъ присутствіи: «ягненокъ откормился; мясникъ пришелъ, прикажете его отдать ему?» Я бросился къ моему ягненку и спросилъ, что̀ хочетъ дѣлать съ нимъ мясникъ, и что̀ такое мясникъ? Кухарка отвѣчала, что это человѣкъ, который убиваетъ ягнятъ, барашковъ, теленковъ и коровъ и деньги. Я не хотѣлъ повѣрить. Я обратился съ просьбой къ матери, и ягненокъ былъ пощаженъ. Необходимость заставила меня послѣ подчиниться условіямъ общества и ѣсть все, что̀ ѣдятъ другіе; но отвращеніе къ жареному мясу во мнѣ сохранилось.

Итакъ, до двѣнадцати лѣтъ я питался только хлѣбомъ, молокомъ, овощами и плодами. Здоровье мое отъ этого не сдѣлалось слабѣе, тѣлесное развитіе не замедлилось, и можетъ быть этой-то пищѣ и обязанъ я былъ чистотою чертъ физіономіи, воспріимчивостью и ясною кротостью нрава.

9.

Что̀ касается до чувствъ и идеи, матушка слѣдила за естественнымъ ихъ во мнѣ развитіемъ, давая имъ извѣстное направленіе, такъ-что я того не замѣчалъ, да и сама она можетъ быть не замѣчала. Система ея была не искусствомъ, а любовью. Вотъ почему она была безошибочна. Всего болѣе старалась она обращать мои мысли безпрестанно къ Богу и до такой степени оживлять ихъ чувствомъ присутствія Божества въ душѣ моей, что

религія сдѣлалась для меня наслажденіемъ и вѣра бесѣдою съ Незримымъ.

Мать моя была не то, что собственно разумѣютъ подъ геніальною женщиною теперь, когда женщины вознеслись до такой высоты мысли, стиля и талантовъ всякаго рода. Она даже не имѣла на это притязаній. Она не пускалась на эти вещи. Она не давила умствованіемъ гибкія, эластическія пружины своего воображенія. Она была чужда и ремеслу и искусству женщинъ высшаго разряда теперешняго времени.

Она никогда не писала затѣмъ, чтобы писать, еще менѣе затѣмъ, чтобы ей удивлялись; но она писала много сама для себя, чтобы имѣть въ перечнѣ своей совѣсти и событій внутренней жизни нравственное зеркало, въ которое могла бы глядѣться съ цѣлью дѣлаться лучше. Эта привычка вести дневникъ, сохраненная ею до конца жизни, породила отъ пятьнадцати до двадцати томовъ задушевныхъ исповѣдей передъ Богомъ; я имѣлъ счастіе сохранить этотъ дневникъ и нахожу въ немъ мать мою какъ живую, когда чувствую потребность снова отдохнуть у ея сердца.

Она читала мало, изъ опасенія пошатнуть вѣру, покорную тому, что считала она глаголомъ Бога. Она не писала съ силою концепціи и блескомъ образовъ, характеризирующими даръ выраженія. Она говорила и писала съ ясною, прозрачною простотою женщины, которая чуждается изысканности и хочетъ только, чтобы слова вѣрно передавали мысль, точно такъ же какъ хочетъ, чтобы одежда только одѣвала, а не украшала ея. Превосходство ея заключалось не въ умѣ, а въ сердцѣ. Геній женщинъ Господь заключилъ въ сердцѣ, потому-что творенія этого генія суть творенія любви. Благочестіе, мужество, героизмъ, постоянство, преданность, самоотверженіе, ясность, умѣряющая вѣрою и волею внутреннія скорби, — вотъ черты ея возвышеннаго генія, который всѣ чувствовали въ ея жизни, а не въ письменныхъ твореніяхъ. Близкіе къ ней сознавали, что ихъ подчиняетъ ей чувство привязанности. Превосходство ея признавали всѣ окружающіе ее.

10.

Основу этой души составляло глубокое, утѣшающее чувство безконечнаго. Она была слишкомъ чувствительна и широка для

По этой системѣ воспитала она меня. Это было философское воспитаніе, исправленное и смягченное материнскимъ чувствомъ.

Въ физическомъ отношеніи мое воспитаніе основывалось преимущественно на идеяхъ Пиѳагора и Руссо въ *Эмилѣ*. Величайшая простота въ одѣяніи и умѣренность въ пищѣ составляли его основу. Мать моя не давала мнѣ ѣсть мяса до тѣхъ поръ, пока судьба не бросила меня въ омутъ училищной жизни. Чтобы лишить меня и самого желанія, если бы оно у меня появилось, она обращалась не къ уму моему, а къ инстинкту.

У меня былъ ягненокъ, подаренный мнѣ однимъ крестьяниномъ въ Мильи. Я выучилъ его ходить за мною какъ собаку. Мы любили другъ друга тѣмъ чувствомъ, которое естественно связываетъ дѣтей съ молодыми животными. Однажды кухарка сказала матушкѣ въ моемъ присутствіи: «ягненокъ откормился; мясникъ пришелъ, прикажете его отдать ему?» Я бросился къ моему ягненку и спросилъ, что̀ хочетъ дѣлать съ нимъ мясникъ, и что̀ такое мясникъ? Кухарка отвѣчала, что это человѣкъ, который убиваетъ ягнятъ, барашковъ, теленковъ и коровъ и деньги. Я не хотѣлъ повѣрить. Я обратился съ просьбой къ матери, и ягненокъ былъ пощаженъ. Необходимость заставила меня послѣ подчиниться условіямъ общества и ѣсть все, что̀ ѣдятъ другіе; но отвращеніе къ жареному мясу во мнѣ сохранилось.

Итакъ, до двѣнадцати лѣтъ я питался только хлѣбомъ, молокомъ, овощами и плодами. Здоровье мое отъ этого не сдѣлалось слабѣе, тѣлесное развитіе не замедлилось, и можетъ быть этой-то пищѣ и обязанъ я былъ чистотою чертъ физіономіи, воспріимчивостью и ясною кротостью нрава.

9.

Что̀ касается до чувствъ и идеи, матушка слѣдила за естественнымъ ихъ во мнѣ развитіемъ, давая имъ извѣстное направленіе, такъ-что я того не замѣчалъ, да и сама она можетъ быть не замѣчала. Система ея была не искусствомъ, а любовью. Вотъ почему она была безошибочна. Всего болѣе старалась она обращать мои мысли безпрестанно къ Богу и до такой степени оживлять ихъ чувствомъ присутствія Божества въ душѣ моей, что

религія сдѣлалась для меня наслажденіемъ и вѣра бесѣдою съ Незримымъ.

Мать моя была не то, что собственно разумѣютъ подъ геніальною женщиною теперь, когда женщины вознеслись до такой высоты мысли, стиля и талантовъ всякаго рода. Она даже не имѣла на это притязаній. Она не пускалась на эти вещи. Она не давила умствованіемъ гибкія, эластическія пружины своего воображенія. Она была чужда и ремеслу и искусству женщинъ высшаго разряда теперешняго времени.

Она никогда не писала затѣмъ, чтобы писать, еще менѣе затѣмъ, чтобы ей удивлялись; но она писала много сама для себя, чтобы имѣть въ перечнѣ своей совѣсти и событій внутренней жизни нравственное зеркало, въ которое могла бы глядѣться съ пользою дѣлаться лучше. Эта привычка вести дневникъ, сохраненная ею до конца жизни, породила отъ пятьнадцати до двадцати томовъ задушевныхъ исповѣдей передъ Богомъ; я имѣлъ счастіе сохранить этотъ дневникъ и нахожу въ немъ мать мою какъ живую, когда чувствую потребность снова отдохнуть у ея сердца.

Она читала мало, изъ опасенія пошатнуть вѣру, покорную тому, что считала она глаголомъ Бога. Она не писала съ силою концепціи и блескомъ образовъ, характеризирующими даръ выраженія. Она говорила и писала съ ясною, прозрачною простотою женщины, которая чуждается изысканности и хочетъ только, чтобы слова вѣрно передавали мысль, точно такъ же какъ хочетъ, чтобы одежда только одѣвала, а не украшала ея. Превосходство ея заключалось не въ умѣ, а въ сердцѣ. Геній женщинъ Господь заключилъ въ сердцѣ, потому-что творенія этого генія суть творенія любви. Благочестіе, мужество, героизмъ, постоянство, преданность, самоотверженіе, ясность, умѣряющая вѣрою и волею внутреннія скорби, — вотъ черты ея возвышеннаго генія, который всѣ чувствовали въ ея жизни, а не въ письменныхъ твореніяхъ. Близкіе къ ней сознавали, что ихъ подчиняетъ ей чувство привязанности. Превосходство ея признавали всѣ окружающіе ее.

10.

Основу этой души составляло глубокое, утѣшающее чувство безконечнаго. Она была слишкомъ чувствительна и широка для

стнымъ лицомъ, обнимала насъ, помогала намъ одѣться, вн
мала веселому лепету дѣтей, освѣженное воображеніе которы
щебечетъ съ просонокъ, какъ щебечутъ ласточки въ гнѣздѣ п
приближеніи ихъ матери. Потомъ она говорила намъ: «Ко
обязаны мы этимъ счастьемъ? Богу, отцу небесному. Безъ не
не взошло бы, можетъ статься, это солнце, эти деревья лишили
бы листьевъ, веселыя птицы умерли бы съ голоду и холоду н
обнаженной землѣ, и у васъ, дѣти, не было бы ни постели, н
дома, ни сада, ни матери, которая бы васъ пригрѣла и нако
мила. Поблагодаримъ же его за все дарованное намъ въ этот
день и попросимъ его даровать намъ много и другихъ таки
же дней.» Потомъ она становилась на колѣни передъ нашей
постелью, складывала наши руки, и, часто цалуя ихъ, медленн
и вполголоса произносила краткую молитву, которую мы по
торяли съ ея словъ, подражая ея голосу.

Ввечеру она не дожидалась дремоты, чтобы заставить нас
безсознательно проговорить нѣсколько словъ, замедляющих
минуту сладкаго успокоенія; тотчасъ послѣ ужина она созывал
въ залу всѣхъ знакомыхъ и даже ближайшихъ сосѣдей-крест
янъ, брала назидательную книгу, написанную для народа, и чи
тала изъ нея отрывки деревенскимъ слушателямъ. За чтеніем
слѣдовала молитва; она произносила ее сама вслухъ; потом
произносили ее и сестры мои, когда подросли. Какъ теперь
слышу эти монотонные звуки, глухо звучащіе подъ сводомъ по
толка, какъ мѣрный приливъ и отливъ волнъ сердца, бьющих
о берегъ жизни.

Одинъ изъ насъ всегда произносилъ въ свою очередь малень
кую молитву о путешествующихъ, о бѣдныхъ, о больныхъ или
о чемъ-нибудь особенномъ для деревни или для дома. Предо
ставляя намъ такимъ образомъ небольшую роль въ актѣ молит
вы, она пробуждала въ насъ интересъ участія и не допускала
ей сдѣлаться для насъ холодною привычною или скучною цере
моніей. Кромѣ этихъ двухъ молитвъ, почти публичныхъ, мы и
въ остальное время дня часто возносились душою къ Богу. Но
эти молитвы, порожденныя случайнымъ обстоятельствомъ въ
сердцѣ и въ устахъ матери, были вдохновеніемъ минуты, въ
нихъ не было ничего правильнаго, ничего утомительнаго. На
противъ того, они пополняли и освящали, такъ сказать, каждое
наше впечатлѣніе, каждую радость.

Такъ, когда скромный, но лакомый для насъ обѣдъ бывалъ поданъ на столъ, матушка, передъ тѣмъ какъ садиться, дѣлала намъ легкій знакъ, который мы понимали. Мы удерживали на полъ-минуты нетерпѣніе голода и просили Бога благословить дарованную намъ пищу. Откушавши, мы благодарили его въ немногихъ словахъ. Отправляясь съ нами въ далекую, желанную прогулку въ хорошее лѣтнее утро, мать заставляла насъ произносить вполголоса краткую молитву, чтобы Богъ благословилъ намъ эту великую радость и оградилъ насъ отъ всякаго несчастія. Если передъ нами раскрывалось какое-нибудь величественное или граціозное, новое для насъ зрѣлище природы, — какой-нибудь мрачный сосновый лѣсъ съ его торжественнымъ сумракомъ и полосами свѣта въ вѣтвяхъ, — красивая скатерть водъ, бѣгущихъ каскадами и оглушающихъ насъ шумомъ, движеніемъ и брызгами, — облака необыкновенной формы и цвѣта, собравшіяся при закатѣ солнца вокругъ вершины горы, — она рѣдко когда не пользовалась величіемъ или новизною впечатлѣнія, чтобы обратить наши души къ творцу всѣхъ этихъ чудесъ и сблизить насъ съ нимъ нѣсколькими лирическими вздохами ея непрерывнаго обожанія.

Сколько разъ, лѣтомъ, гуляя съ нами по полямъ, гдѣ мы собирали цвѣты, насѣкомыхъ, блестящіе камушки съ русла рѣчки въ Мильи, садилась она съ нами въ тѣни ивы и съ сердцемъ, преисполненнымъ благочестиваго энтузіазма, изъясняла намъ религіозный, таинный смыслъ творенія, очаровавшаго наши глаза и сердце! Не знаю, согласовались ли съ наукою ея изъясненія природы, стихій, свойствъ растеній, назначенія насѣкомыхъ. Она почерпала ихъ изъ Плюша, Бюффона, Бернардена де Сенъ Пьера; но если изъ нихъ не выходило строгой системы, зато они пробуждали въ насъ безконечное чувство Провидѣнія.

Когда мы бывали растроганы этими возвышенными изъясненіями, и глаза наши становились влажны отъ восторга, она не давала этимъ сладкимъ слезамъ испариться среди развлеченія и разсѣянныхъ мыслей, но старалась обратить восторгъ созерцанія въ чувство любви. Нѣсколько стиховъ изъ псалма, приличные поразившей насъ сценѣ, слетали съ устъ ея. Они придавали всей землѣ благочестивый смыслъ и облекали наше чувство въ божественное слово.

2.

Возвращаясь домой, она почти всегда заводила насъ къ больнымъ или бѣднымъ. Она подходила къ ихъ ложу, давала имъ совѣты и лекарства. Она руководствовалась сочиненіями двухъ народныхъ врачей—Тиссота и Бушана. Она прилежно занималась медициной, съ цѣлью помогать бѣднымъ. Она обладала инстинктомъ и вѣрностью взгляда истинныхъ врачей. Мы помогали ей при посѣщеніи больныхъ. Одинъ изъ насъ несъ корпію и ароматическое масло для раненыхъ; другой бинты для перевязки. Это пріучило насъ не чувствовать отвращенія, которое дѣлаетъ человѣка слабымъ передъ больнымъ, безполезнымъ для страждущаго, робкимъ передъ смертью. Она не удаляла насъ отъ самыхъ ужасныхъ картинъ нищеты, страданія и даже агоніи. Я часто видѣлъ ее сидящую или стоящую на колѣняхъ у изголовья въ какой-нибудь хижинѣ, отирающую холодный потъ съ чела умирающаго бѣдняка, и читающую ему отходныя молитвы, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, пока душа его не улетитъ при звукахъ ея нѣжнаго голоса въ лоно Господне.

Мы постоянно были заняты. Въ особенности я, старшій, безпрестанно носилъ въ далекія, уединенныя жилища въ горахъ, то бѣлаго хлѣба для родильницъ, то стараго вина и сахару, то крѣпкаго бульону для стариковъ, истощенныхъ недостаткомъ въ пищѣ. Эти порученія были для насъ наградою и удовольствіемъ. Насъ знали всѣ крестьяне мили на двѣ или на три вокругъ. Они никогда не пропускали насъ безъ того, чтобы не кликнуть насъ по имени, зазвать къ себѣ и поподчивать кускомъ хлѣба, сала или сыру. Мы слыли во всемъ кантонѣ сыновьями *госпожи*, вѣстниками радости, ангелами помощи для всѣхъ бѣдныхъ жителей околодка. Съ нами входили въ ихъ жилища надежда, утѣшеніе, лучъ радости и милосердія. Слѣдствіемъ этого сближенія со всѣми несчастными и свободнаго входа во всѣ крестьянскія хижины было то, что обитатели полей сдѣлались для насъ одною общею семьею. Отъ стариковъ до дѣтей, мы знали всѣхъ по имени. Съ утра ступени крыльца домика въ Мильи и коридоръ были осаждаемы больными или родственниками больныхъ, приходившими за совѣтами къ мату-

нкѣ. Имъ, послѣ насъ, посвящала она утро. Она всегда была занята приготовленіемъ лекарствъ для бѣдныхъ и часто перевязывала раны и язвы самыя отвратительныя. Мы помогали ей всѣми силами. Другіе ищутъ въ этихъ алембикахъ золота; наша мать искала въ нихъ только облегченія несчастнымъ и считала единственными сокровищами на землѣ благословенія бѣдныхъ и волю Божію.

3.

Когда стихала наконецъ тревога дня, мы отобѣдали, сосѣди гости ушли домой, и тѣнь отъ горы, разстилаясь по саду, облекала его сумерками кончающагося дня, матушка разлучалась съ нами на минуту. Она оставляла насъ или въ маленькомъ салонѣ, или въ уголку сада, въ нѣкоторомъ отъ нея разстояніи. Она предавалась отдыху и размышленію. Въ эти минуты она, собравъ всѣ мысли и чувства, пролитыя въ продолженіи дня, углублялась въ созерцаніе Бога. Какъ молоды мы ни были, но мы понимали, что этотъ часъ принадлежитъ исключительно ей. Мы ускользали изъ аллеи, гдѣ она гуляла, какъ-будто опасаясь прервать или услышать ея таинственную бесѣду съ Богомъ. Эта аллея была усыпана красно-желтымъ пескомъ и обсажена крыжовникомъ и фруктовыми деревьями не выше ея ростомъ. Въ одномъ концѣ ея росъ орѣшникъ, въ другомъ возвышалась стѣна. Это было самое уединенное, самое закрытое мѣсто въ саду. Поэтому-то она его и любила: то, что она видѣла въ этой аллеѣ, было въ ней, а не вокругъ нея. Она ходила скорыми, но мѣрными шагами, какъ человѣкъ сильно занятый одною мыслью и идущій къ вѣрной цѣли. Голова ея была обнажена; прекрасные черные волосы предоставлены произволу вѣтра; лицо, нѣсколько серьёзнѣе, чѣмъ въ остальное время дня, то склонялось къ землѣ, то обращалось къ небу, гдѣ она искала, казалось, первыхъ звѣздъ, начинавшихъ мерцать на голубой тверди. Руки ея были обнажены до локтя. Она то складывала ихъ какъ въ молитвѣ, то разсѣянно срывала ими розы и шиповникъ, росшіе по сторонамъ аллеи. Уста ея были иногда открыты и неподвижны, иногда же, сомкнутыя, шевелились едва замѣтно, какъ уста говорящей во снѣ.

Такимъ образомъ въ продолженіи полу-часа или больше, смотря по погодѣ и полнотѣ внутренняго вдохновенія, она проходила разъ двѣсти или триста изъ конца въ конецъ аллеи. Что дѣлала она въ это время? Вы угадали: она жила въ лонѣ Бога, она освобождалась отъ земли, она добровольно отдѣлялась отъ всего, что было у нея близкаго въ этомъ мірѣ, и черпала, въ соприкосновеніи съ Божествомъ, въ самомъ источникѣ міра силы, необходимыя для души любящей и страждущей.

Одному Богу извѣстно, что говорилъ Онъ этой душѣ; что она говорила Богу, это мы знаемъ почти также какъ сама она. То была чистосердечная исповѣдь въ легкихъ проступкахъ, если ей случалось нарушить долгъ свой въ продолженіи дня; то были страстныя благодаренія Провидѣнію за счастье, дарованное ей въ насъ, — за сына, подающаго большія надежды, и дочерей, разцвѣтающихъ съ каждымъ днемъ, за мужа, благоразуміемъ и порядкомъ незамѣтно умножившаго ихъ малое достояніе и упрочившаго его въ будущемъ, за хорошій всходъ хлѣба, за виноградъ, главнѣйшій источникъ нашего богатства, и цвѣтъ котораго разливалъ въ воздухѣ ароматы и обѣщалъ богатый сборъ, за упоительное зрѣлище тверди небесной, полной ща звѣздъ, красоты лѣта, цвѣтовъ, насѣкомыхъ, материнскаго инстинкта птицъ, нѣсколько гнѣздъ которыхъ всегда видѣлись, не тронутыя нами, въ вѣтвяхъ розъ и кустарниковъ. Все это возлагалось на сердце ея, какъ на жертвенникъ, и зажигалось огнемъ восторга, сіявшаго въ глазахъ ея, и высказывавшагося вздохами, незамѣтными жестами и псалмами, произносимыми вполголоса. Вотъ что слышали только травы, листья, деревья и цвѣты этой аллеи.

4.

Эта аллея была для насъ святилищемъ, посѣщаемымъ самимъ Богомъ. Мы никогда не осмѣливались притти туда играть; мы предоставляли ее вполнѣ, но добровольно, ея таинственному назначенію И теперь еще, послѣ столькихъ лѣтъ, когда это мѣсто посѣщаетъ только тѣнь ея, я уважаю, приходя въ садъ, аллею моей матери. Я склоняю голову, проходя по ней, но не гуляю тамъ, чтобы не сгладить ея слѣдовъ.

Когда она выходила изъ этого святилища души своей и возвращалась къ намъ, глаза ея были влажны, лицо свѣтлѣе и спокойнѣе обыкновеннаго. Вѣчная улыбка на милыхъ устахъ была еще нѣжнѣе и привѣтливѣе. Она, казалось, сбросила съ себя бремя печали и легче принималась за обязанности остальнаго дня.

5.

Между тѣмъ я росъ; мнѣ было уже десять лѣтъ. Пора было научить меня чему-нибудь, чему учатся люди. Мать учила только мое сердце и образовывала чувство. Надо было приняться за латынь. Старикъ кюре сосѣдней деревни (приходъ Мильи былъ проданъ и церковь заперта) содержалъ школу для дѣтей нѣсколькихъ зажиточныхъ крестьянъ. Туда посылали меня по утрамъ. Въ мѣшкѣ, закинутомъ на спину, бралъ я съ собою хлѣба и фруктовъ, на завтракъ съ товарищами. Подъ мышкой я, также какъ и другіе, приносилъ связку виноградныхъ вѣтвей на топку бѣдному кюре. Деревня Бюссіеръ, въ которой онъ былъ приходскимъ священникомъ, лежитъ за четверть льё отъ Мильи, въ глубинѣ прелестной долины, ограниченной съ одной стороны виноградомъ и орѣшникомъ, и разстилающейся въ другую сторону лугомъ, орошаемымъ ручьемъ, съ разбросанными купами дубовъ и старыхъ каштановъ. Жилище кюре, съ садомъ, дворомъ и колодцемъ, скрывалось, съ сѣвера, за стѣною церкви и тонуло въ тѣни колокольни.

Только на южной сторонѣ зданія наружная галлерея, длиною въ нѣсколько шаговъ, съ колоннами изъ цѣльныхъ древесныхъ стволовъ съ ихъ корою, вела къ кухнѣ и залѣ, обращенной въ классную комнату. Какъ теперь слышу стукъ нашихъ башмаковъ по каменнымъ ступенямъ, ведущимъ на эту галлерею. Насъ приходило изъ Мильи ежедневно, несмотря ни на какую погоду, пятеро или шестеро. Чѣмъ холоднѣе или дождливѣе была погода, тѣмъ веселѣе было для насъ путешествіе, и мы старались продлить его. Между Мильи и Бюссіеромъ есть крутой холмъ, съ покатости котораго сбѣгаетъ въ долину каменистая тропинка. Зимою эта тропинка покрывалась глубокимъ снѣгомъ или гололедицей, и мы скользили съ нея какъ пастухи на Альпахъ. Внизу разлившійся ручей и луга нерѣдко

превращались въ озера льду съ выступающими изъ нихъ черными стволами ивъ. Мы добыли себѣ коньки и выучились кататься. Я пристрастился къ этой сѣверной забавѣ и въ послѣдствіи времени достигъ значительной степени искусства. Чувствовать, что несешься съ быстротою стрѣлы и плавностью птицы въ воздухѣ, по ровной, блестящей, звучной и предательской глади; двигать себя однимъ покачиваніемъ тѣла, такъ сказать единственно силою воли, по всевозможнымъ кривымъ линіямъ, качаться какъ лодка на морѣ или орелъ въ голубомъ небѣ, это было для меня, — и забудь я мои лѣта, было бы и теперь, — такимъ упоеніемъ чувства и мысли, что я немогу подумать объ этомъ равнодушно. Конь не доставитъ ѣздоку столько грустнаго самозабвенія, сколько даетъ его замерзшее озеро бѣгущему на конькахъ. Сколько разъ желалъ я, чтобы зима съ ея блестящимъ холоднымъ солнцемъ, играющимъ на голубыхъ льдахъ безбрежныхъ луговъ Саоны, сдѣлалась вѣчною вмѣстѣ съ нашимъ удовольствіемъ!

Разумѣется, въ такомъ обществѣ и по такой дорогѣ мы приходили иногда довольно поздно. Но старый кюре принималъ насъ всегда ласково. Удрученный лѣтами и болѣзнью, нѣкогда свѣтскій человѣкъ, богачъ и щеголь до революціи, но потомъ обнищавшій, онъ не очень любилъ шумное общество маленькихъ шалуновъ, которыхъ взялся учить. Все, чего онъ отъ насъ хотѣлъ, состояло въ скудномъ жалованьи, прибавляемомъ нашими родителями къ бѣднымъ приходскимъ доходамъ. Впрочемъ онъ сваливалъ преподаваніе на молодого жившаго съ нимъ въ его приходѣ викарія, съ которымъ онъ обращался больше какъ отецъ, нежели какъ начальникъ. Викарія этого звали аббатъ Дюмонъ. Кромѣ того у него въ домѣ жила мать молодого аббата, женщина уже пожилая, но все еще прекрасная и граціозная. Она управляла хозяйствомъ обоихъ священниковъ при помощи хорошенькой племянницы и церковнаго старосты, который рубилъ дрова, чистилъ садъ и звонилъ въ колоколъ.

Аббатъ Дюмонъ, о которомъ мнѣ придется говорить много, потому-что мы полюбили другъ друга, и потому-что одинъ случай изъ его молодости подалъ мнѣ мысль къ *Жосселину*, питалъ глубокое отвращеніе къ званію, въ которое посвятили его противъ воли на-канунѣ паденія священства во Франціи. Онъ не носилъ даже священнической одежды. Онъ былъ по привыч-

камъ солдатъ, по манерамъ—свѣтскій человѣкъ высшаго круга. Прекрасный собою, высокій ростомъ, гордый осанкою, съ серьёзнымъ, грустнымъ выраженіемъ лица, онъ говорилъ съ матерью нѣжно, съ кюре почтительно, съ нами гордо и повелительно. При немъ безотлучно находились двѣ-три охотничьи собаки, и онъ занимался ими больше, нежели нами. Два или три ружья, отлично вычищенныя, съ серебряною насѣчкою, блистали въ углу у камина; пороховницы, пули и крупная дробь лежали по столамъ. Въ рукѣ держалъ онъ обыкновенно арапникъ съ ручкою изъ слоновой кости, оканчивавшеюся свисткомъ. На стѣнахъ висѣло нѣсколько сабель и охотничьихъ ножей, а въ углу комнаты стояли тщательно вычищенные, вооруженные серебряными шпорами ботфорты. По виду, по мужественному, твердому голосу этого человѣка, по окружающимъ его предметамъ, можно было тотчасъ понять, что натура его была въ разладѣ съ его званіемъ.

Онъ былъ образованъ, и множество книгъ, разбросанныхъ по стульямъ, свидѣтельствовали о его любви къ чтенію. Но книги эти, также какъ и прочія вещи, очень мало отзывались богословіемъ. То были творенія Рейналя, Ж. Ж. Руссо, Вольтера, современные романы, противъ-революціонныя брошюры и газеты. Плохой теологъ, аббатъ Дюмонъ былъ горячимъ роялистомъ. Каминъ его былъ уставленъ бюстами и гравюрами, изображавшими несчастнаго Людовика XVI, королеву, дофина, знаменитыя жертвы революціи. Эта ненависть къ революціи ладила въ бо́льшей части людей того времени съ философіей, слѣдствіемъ которой была таже революція. Революція удовлетворяла ихъ ученію, системѣ, и уничтожала ихъ значеніе въ свѣтѣ. Въ душахъ ихъ былъ такой же хаосъ, какъ въ новомъ обществѣ: они терялись въ этомъ хаосѣ.

По этому портрету можно догадаться, что мы не дѣлали большихъ успѣховъ подъ руководствомъ больного старика, цѣлый день грѣвшагося у очага, и молодого человѣка, жаждавшаго дѣятельности и удовольствія и считавшаго казнью часы, отнятые у охоты для нашего обученія. За цѣлый годъ мы выучили всего два-три латинскихъ склоненія, понимая только измѣненіе окончаній. Остальное время проходило въ бѣганьи на конькахъ, плаваньи около мельницъ, посѣщеніи сватебъ и сельскихъ праздниковъ по сосѣдству, гдѣ насъ подчивали, какъ во-

дится, пирогами, и гдѣ мы безъ умолку стрѣляли изъ пистол товъ въ знакъ веселья.

Я говорилъ на народномъ нарѣчіи, какъ на своемъ природ номъ языкѣ, и никто лучше меня не зналъ наизустъ наивны пѣсень, распѣваемыхъ въ нашихъ деревняхъ ночью подъ окн ми новобрачной.

6.

Но этотъ вполнѣ крестьянскій образъ жизни и совершенн невѣдѣніе того, что́ знали въ мои лѣта другія дѣти, не мѣша развиться во мнѣ, подъ руководствомъ матери, вѣрности сужд нія, симпатичности сердца, послушанію и кротости. Жизн моя слагалась изъ сильныхъ упражненій и простыхъ ум вольствій. Мнѣ выбирали товарищей, такъ-что я самъ тог не зналъ, изъ дѣтей самыхъ честныхъ крестьянскихъ семейст Старшіе изъ нихъ отвѣчали за меня до извѣстной степени. Он не подавали мнѣ ни дурного примѣра, ни дурныхъ совѣтов Почтеніе и любовь, питаемыя всѣми къ отцу моему и матер отражались и на меня, и окрестные жители были для мен общею семьею.

Я никогда и не подумалъ бы о перемѣнѣ образа жизни. Ма тушка, боявшаяся публичнаго воспитанія, тоже хотѣла бы пр длить это счастливое дѣтство на-всегда. Но отецъ и братья его, о которыхъ я скоро буду имѣть случай говорить подробнѣе, с безпокойствомъ видѣли, что черезъ нѣсколько мѣсяцовъ мнѣ по полнится 12 лѣтъ, что скоро настанетъ для меня юношество, и что зрѣлый возрастъ застигнетъ меня далеко отставшимъ и знаніяхъ отъ моихъ сверстниковъ. Они громко высказывал свои опасенія. Я часто слышалъ, какъ они съ жаромъ убѣждал въ этомъ матушку. Она часто плакала. Буря проходила, и туч разбивались о ея непоколебимое чувство любви и энергію гибкой, но твердой воли; но таже буря возобновлялась съ каждым днемъ.

Старшій изъ моихъ дядей былъ человѣкъ стараго вѣка; он былъ добръ, но вовсе не нѣженъ. Воспитанный въ суровой школѣ военной жизни, онъ понималъ только воспитаніе обще ственное. Человѣкъ, по его понятіямъ, долженъ былъ образо ваться соприкосновеніемъ съ людьми; онъ опасался, чтобы лю

ювь матери, постоянно втѣснявшаяся между ребенкомъ и дѣйствительностью жизни, не ослабила во мнѣ мужества. Онъ былъ ень свѣдущъ — даже ученый и писатель. Онъ видѣлъ, что ома я не выучусь ничему, кромѣ искусства жить счастливо и орошо. Отъ хотѣлъ бо́льшаго.

Отецъ мой, отъ природы болѣе снисходительный и больше аходившійся подъ вліяніемъ идей матушки, не рѣшился бы амъ собою удалить меня изъ Мильи; но дяди настояли на этомъ. ни были оракулами семейства. Будущность его была въ руахъ этого дяди, потому-что онъ управлялъ братьями и сестами. Онъ былъ не женатъ. Власть его, нѣсколько деспотическая, какъ власть главы семейства того времени, высказывалась ѣмъ опредѣленнѣе, что онъ сознавалъ въ себѣ человѣка догойнаго и пользовался уваженіемъ другихъ. Матушка уступила му изъ благоразумія и любви къ дѣтямъ. Послѣ долгихъ отгрочекъ и слезъ, приговоръ мой былъ подписанъ.

Долго искали учебнаго заведенія, гдѣ религіозный принципъ, оторымъ такъ дорожила матушка, былъ бы соединенъ съ прочымъ обученіемъ и отеческимъ надзоромъ. Все это нашлось наонецъ, какъ думали, въ одномъ знаменитомъ тогда заведеніи ь Ліонѣ. Матушка отвезла меня туда сама. Я вступилъ въ учиище, какъ приговоренный къ смерти вступаетъ въ темницу а-канунѣ казни. Притворная улыбка и лицемѣрныя ласки наальниковъ, старавшихся за деньги разъигрывать чадолюбивыхъ одителей, не обманули меня. Я понялъ всю продажность этихъ аказныхъ ласкъ. Сердце мое заныло въ первый разъ въ жизни, когда желѣзная рѣшетка захлопнулась между мною и моею атерью, я почувствовалъ, что вступилъ въ новый міръ, и что едовый мѣсяцъ существованія миновалъ для меня безвозратно.

КНИГА XI.

1.

Представьте себѣ птицу, вольную и дикую, знающую только вое гнѣздо, лѣсъ и небо, наслаждующуюся всѣмъ въ природѣ, —

представьте себѣ, что эта птица попала вдругъ въ силокъ и пр
нуждена биться въ тѣсной клѣткѣ, гдѣ ее заперли съ другими пт
цами разныхъ породъ, поющими и каркающими на разные неп
нятные для нея голоса, и вы еще не вполнѣ поймете, что чу
ствовалъ я въ первые мѣсяцы моего заключенія.

Материнское воспитаніе развило во мнѣ сообщительност
откровенность и любовь. Я не зналъ, что такое страхъ; я зна
одну любовь. Приказъ никогда не сталкивался съ моею волею
постоянно согласною съ волею матери. Я зналъ только кротк
и естественное убѣжденіе, истекавшее изъ ея устъ, взглядовъ
жестовъ. Она не была моимъ начальникомъ, она была боль
— была моею волею. Эта здоровая жизнь подъ отцовским
кровомъ, гдѣ царствовалъ только законъ любви, гдѣ мы боял
только не поправиться, и гдѣ наказаніе ограничивалось печа
нымъ лицомъ, сильно развило во мнѣ чувство и сдѣлало ме
чувствительнымъ къ малѣйшей грубости. Изъ этого мягко ус
ланнаго гнѣзда, согрѣтый любовью родныхъ, я упалъ вдруг
на холодную, твердую почву шумной школы, населенной двум
стами незнакомыхъ мнѣ учениковъ, насмѣшливою, злою, поро
ною толпою подъ управленіемъ грубыхъ своекорыстныхъ на
чальниковъ, медовыя, но пошлыя, рѣчи которыхъ ни на минут
не скрыли отъ меня ихъ равнодушія.

Я ихъ возненавидѣлъ. Я видѣлъ въ нихъ тюремныхъ сто
рожей. Часы отдыха проводилъ я печальный и одинокій, гляд
сквозь рѣшетку, окружавшую дворъ, на небо и вершины гор
Божоле, и взыхая по оставленному тамъ счастью. Игры
моихъ товарищей наводили на меня тоску; лица ихъ отталки
вали меня. Въ нихъ все дышало злобой, лукавствомъ и испор
ченностью, возмущавшими мое сердце. Состояніе духа моего,
когда я очутился въ этой клоакѣ дѣтей, было таково, что мысли
о самоубійствѣ, — вещь, о которой я никогда не слышалъ ни
слова, начали осаждать мой умъ. Помню, что я проводилъ цѣ
лые дни и ночи, раздумывая, какимъ бы средствомъ лишить себя
жизни, которую не могъ выносить, и это состояніе духа не пре
кращалось ни на минуту за все время пребыванія моего въ этомъ
домѣ.

2.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцовъ этой пытки я рѣшился бѣжать. долго обдумывалъ способы побѣга. Наконецъ, въ часъ, когда вери залы отворялись для родственниковъ, приходившихъ въ сти къ ученикамъ, я постарался забраться въ эту залу. Играя ячикомъ, я какъ-будто нечаянно выбросилъ его на улицу и осился за нимъ вонъ. Я захлопнулъ за собою дверь и со всѣхъ гъ пустился по переулкамъ, мимо садовъ и стѣнъ предмѣстія руа Руссъ. Мнѣ удалось уйти отъ преслѣдовавшаго меня сто-жа, и, достигши лѣса на возвышенностяхъ Саоны, между Ліо-мъ и Нёвилемъ, я убавилъ шагу и сѣлъ подъ деревомъ пере-сти духъ.

У меня было всего три франка мелочью. Я зналъ, что отецъ риметъ меня дурно; но я думалъ: «бѣгство мое будетъ имѣть оть то хорошее слѣдствіе, что меня не отошлютъ обратно въ же училище». И кромѣ того, я не располагалъ являться къ цу. Я намѣренъ былъ просить убѣжища у кого-нибудь изъ ашихъ бравыхъ крестьянъ или наконецъ поселиться хоть въ онурѣ нашей большой дворовой собаки, гдѣ я такъ часто про-одилъ цѣлые часы, лежа съ нею на соломѣ. Оттуда, думалъ я, ожно будетъ извѣстить матушку о моемъ возвращеніи; она милостивитъ отца, меня примутъ, простятъ, и я заживу съ ими по-прежнему.

Вышло иначе. Пришедши въ мѣстечко за шесть миль отъ Ліона, я вошелъ въ гостинницу и спросилъ обѣдъ. Но едва олько принялся я за яичницу и сыръ, какъ отворилась дверь, и ередо мною явился директоръ училища, сопровождаемый жан-армомъ. Меня схватили, связали и увели убитаго стыдомъ при видѣ многочисленныхъ свидѣтелей моего позора. Меня за-ерли въ какую-то комнату, родъ тюрьмы. Два мѣсяца проси-дѣлъ я тамъ, не видя рѣшительно никого, кромѣ директора, на-прасно требовавшаго отъ меня сознанія въ проступкѣ. Наску-ивши наконецъ моимъ упорствомъ, меня отослали домой. Всѣ одные, кромѣ матери, приняли меня дурно. Она настояла на омъ, чтобы меня не отсылали обратно въ Ліонъ. Въ Беллеѣ, а савойской границѣ, была тогда коллегія, состоявшая подъ

управленіемъ іезуитовъ. Она славилась не только во Фран
но и въ Италіи, Германіи и Швейцаріи. Туда отвезла меня
тушка.

3.

Тамъ въ нѣсколько дней почувствовалъ я разницу ме
воспитаніемъ продажнымъ, даваемымъ золота ради учител
торгашами, и воспитаніемъ во имя Господне, изъ религіоз
желанія быть полезнымъ, въ ожиданіи возмездія на небѣ Т
не было, правда, со мною матери, но я нашелъ тамъ Бога, ч
стоту, молитву, милосердіе, кроткій отеческій надзоръ, сем
ный отрадный тонъ, дѣтей любящихъ и любимыхъ. Я бы
озлобленъ и ожесточенъ; я легко поддался ласкѣ. Я доброволь
склонился подъ иго, которое хорошіе наставники умѣли сдѣл
легкимъ и пріятнымъ. Все искусство ихъ состояло въ томъ, ч
они вели насъ собственною нашею волею и энтузіазмомъ. Од
и тотъ же божественный духъ одушевлялъ, казалось, и учите
и учениковъ. Наши души окрылились и непринужденно лет
къ доброму и прекрасному. Общее стремленіе увлекало за соб
даже самыхъ строптивыхъ. Тутъ я увидѣлъ, что можно сдѣл
изъ человѣка посредствомъ воодушевленія. Религіозное чувст
одушевлявшее нашихъ учителей, одушевляло и насъ. О
умѣли пробудить въ насъ любовь къ Богу. Помощью тако
рычага, заключавшагося въ нашемъ собственномъ серд
они могли двигать чѣмъ угодно. Что касается до нихъ, н
они не прикидывались, будто бы насъ любятъ: они дѣй
ствительно насъ любили, какъ любятъ свой долгъ, работ
ники свою работу, гордые свою гордость. Они начали с
того, что сдѣлали меня счастливымъ, и скоро удало
имъ сдѣлать меня благоразумнымъ. Благочестіе воскресло в
моей душѣ. Оно сдѣлалось пружиною, побуждавшею меня тр
диться. Я подружился съ нѣкоторыми изъ моихъ сверстнико
и въ дружбѣ нашелъ новое семейство. Поздно вступивши в
низшіе классы (мнѣ минуло уже 12 лѣтъ), я быстро дошелъ д
высшихъ. Въ три года я выучился всему. Каждый годъ полу
чалъ я всѣ первыя награды. Мать моя была отъ этого въ во
торгѣ, но я этимъ не гордился. Товарищи прощали мнѣ мои
успѣхи, потому-что они казались естественны, и я самъ ихъ не

ствовалъ. Для полнаго счастья мнѣ не доставало только ма-
ри и свободы.

4.

Однако же я никогда не могъ пріучить себя къ угнетенію, олько ни было бы оно смягчено ласками наставниковъ и ружбою товарищей. Свобода горизонта и движеній, которыми такъ долго наслаждался въ деревнѣ, дѣлала для меня стѣны илища еще тѣснѣе и мрачнѣе. Я былъ плѣнникомъ, счастли-ѣе прочихъ, но все-таки плѣнникомъ. Въ часы отдыха я бесѣ-овалъ съ товарищами только о счастьи выйти изъ насильствен-аго заключенія и снова обладать природою, небомъ, полями, ѣсами, водами и горами родины. Я страдалъ горячкой свободы безъ умолку бредилъ природой.

Высокое окно въ спальнѣ, ближайшее къ моей кровати, вы-одило на зеленую долину Бюжей, устланную лугами, окайм-енную буковыми рощами и голубоватыми горами, на скатахъ оторыхъ волновались бѣлые пары далекихъ водопадовъ. Часто, огда товарищи мои спали, а ночь была ясна и луна свѣтила въ ебѣ, я вставалъ тихонько, карабкался на спинку стула и по ѣлымъ часамъ стоялъ облокотясь на это окно и съ наслажде-іемъ глядѣлъ на пустынный и безмолвный горизонтъ. Душа оя неслась къ этимъ лугамъ, горамъ и водамъ. Блуждать тамъ опами, какъ блуждалъ я взорами и мыслью, казалось мнѣ вы-очайшимъ блаженствомъ. И если мнѣ удавалось уловить въ воѣ ѣтра, въ пѣніи соловья, въ шелестѣ листьевъ, въ далекомъ урчаніи водъ, въ звонѣ колокольчиковъ на шеѣ коровъ, знако-ый звукъ, напомнившій мнѣ Мильи и дѣтство, слезы воспоми-анія и восторга капали на каменную подоконницу, и, легши братно въ постель, я долго рисовалъ въ своемъ воображеніи юбимыя картины.

Они съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе смѣшивались съ ыслями о небѣ. Съ тѣхъ поръ какъ юношескій возрастъ, про-удивъ мои чувства, сдѣлалъ и самое воображеніе мое безпокой-ѣе и грустнѣе, нѣсколько дикая меланхолія набросила тѣнь на ою врожденную веселость, мысли сдѣлались серьёзнѣе и го-осъ мужественнѣе. Впечатлѣнія мои стали такъ сильны, что раничили съ болѣзненностью. Неопредѣленная печаль, наводи-

мая на меня всѣми земными предметами, обратила меня къ б
конечному. Чрезвычайно религіозное воспитаніе у іезуитов
частыя молитвы, богослуженія, длинныя, часто повторявшія
церемоніи, привлекавшія убранствомъ алтаря, великолѣпіе
костюмовъ, пѣніемъ, цвѣтами, музыкою, дѣлали на дѣтское
юношеское воображеніе впечатлѣніе, похожее на религіозны
экстазъ жителей востока. Наставники сами первые увлекали
съ чистосердечіемъ и жаромъ вѣрующихъ. Нѣсколько время
я не поддавался этому очарованію, находясь еще подъ вліяніе
антипатій, внушенной мнѣ учителями въ ліонской коллегі
Но кротость и вкрадчивое убѣжденіе системы воспитанія бол
здравой не замедлили овладѣть воображеніемъ пятнадцатил
няго юноши. Въ средѣ новыхъ наставниковъ я мало-по-мал
почувствовалъ присутствіе любви и благочестія, которыя и
салъ вмѣстѣ съ молокомъ матери. Съ ними обрѣлъ я и спок
ствіе духа, порядокъ въ жизни, охоту къ ученію, чувство дол
сознаніе близости Божества, сладость молитвы, любовь къ р
мышленію и восторги обожанія, съ которыми не сравнится
землѣ ничто. Но божественная любовь, — предметъ ея без
ченъ и вѣчно присутствуетъ въ душѣ любящаго. Я насла
дался ею во всей ея теплотѣ и безграничности.

Потомъ мнѣ осталось отъ нея тоже, что̀ остается у человѣк
прошедшаго сквозь огонь пожара: ослѣпленіе въ глазахъ
ожога на сердцѣ. Выраженіе лица моего измѣнилось: дѣтск
беззаботность уступила мѣсто кроткой задумчивости, сосред
точенности взора и чертъ, дающей лицу единство и нравстве
ный смыслъ. Я походилъ на статую молодости, вынесенную
минуту изъ-за алтаря на показъ, для образца, молодымъ лю
дямъ. Строгость святилища вѣяла вокругъ меня даже сред
игръ и отражалась въ дружескихъ отношеніяхъ съ товарищам
Они приближались ко мнѣ съ какою-то почтительностью.

Въ *Жосселинѣ*, подъ вымышленнымъ именемъ, я изобразил
всю сосредоточенность душевнаго жара, весь восторгъ благо
честія, изливавшійся въ паренiи мыслей и слезахъ обожанія, и
эти жгучіе годы юношества въ духовномъ училищѣ. Всѣ буду
щія страсти, еще только предчувствуемыя, всѣ способности ум
и сердца, еще покоившіяся въ зародышѣ, всѣ наслажденія и
скорби жизни, еще не болѣе какъ видѣнія сна, сосредоточились
и сплотились въ любви къ Богу, какъ-будто принося творцу мо-

бытія первенцовъ существованія, никѣмъ еще не тронутыхъ и не оскверненныхъ.

И тысячу лѣтъ проживу я, но никогда не забуду, какъ иногда вечеромъ ускользалъ я изъ толпы играющихъ товарищей, и украдкою маленькую потайную дверь входилъ въ церковь, уже объятую темнотою ночи и освѣщенную лампадою надъ алтаремъ. Я прятался въ густой тѣни колонны; я окутывался плащемъ какъ саваномъ; я приникалъ головою къ холодному мрамору балюстрады и, забывши время, погруженный въ безмолвное обожаніе, не чувствовалъ подъ собою земли и тонулъ въ глубинѣ Божества, какъ плаваетъ атомъ въ лучахъ, разлитыхъ по этой атмосферѣ и, становясь прозрачнымъ какъ эѳиръ, кажется такимъ же воздушнымъ, какъ самый воздухъ, и такимъ же свѣтлымъ, какъ самый свѣтъ.

Эта теплая ясность души, проистекавшая изъ любви къ Богу, не остыла и не померкла во мнѣ за четыре года, употребленные для окончанія курса наукъ. Я однако же съ нетерпѣніемъ ждалъ этого срока, желая поскорѣе возвратиться домой, къ свободной сельской жизни. Это влеченіе къ семейству и природѣ подстрекало меня къ труду сильнѣе соревнованія. Съ окончаніемъ курса отворялись для меня ворота темницы, и я спѣшилъ обогнать товарищей. Наградами, которыми я бывалъ буквально засыпанъ подъ конецъ каждаго года, былъ я обязанъ страстному желанію поскорѣе выйти изъ ссылки, на которую осуждаютъ дѣтей. Я расчитывалъ, что когда мнѣ нечему будетъ больше учиться въ коллегіи, меня разумѣется возвратятъ домой.

Этотъ день насталъ наконецъ. То былъ одинъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Съ чувствомъ признательности простился я съ наставниками, которые умѣли оживлять душу, развивая умъ. Отцы Деброссъ, Варле, Беке, особенно Вринтцъ, болѣе друзья мои, нежели учители, остались на-всегда въ моей памяти образцами святости, бодрости духа и отцовской любви къ воспитанникамъ. Они принадлежатъ къ семейству души моей, къ роднымъ не по плоти и крови, но по духу, образу мыслей и чувству.

Я не люблю учрежденія іезуитовъ. Воспитанный въ ихъ средѣ, я съ самого начала умѣлъ различить духъ соблазна, гор-

дости и властолюбія, скрывающійся или кстати высказы
щійся въ ихъ политикѣ, — духъ, который, принося отдѣль
личности въ жертву ордена и смѣшивая самый орденъ съ ре
гіей, ловко становится на мѣсто Божества и стремится дать е
жившей сектѣ власть надъ людскою совѣстью. Но эти отч
ченные недостатки ордена не даютъ мнѣ права заглушить
сердцѣ голосъ истины, справедливости и признательности к
заслугамъ и добродѣтели, которою было проникнуто ихъ уче
Въ отношеніяхъ къ свѣту ими управляли побужденія мірск
въ отношеніи къ намъ — побужденія божественныя.

Рвеніе ихъ было такъ пламенно, что необходимо долж
было проистекать изъ божественнаго начала. Вѣра ихъ бы
чистосердечна, жизнь безукоризненна, сурова, ежеминут
приносима въ жертву Богу и обязанностямъ. Вольтеръ, быв
ихъ ученикомъ, отдавалъ имъ туже справедливость. Во врагѣ
философіи онъ уважалъ наставниковъ своей молодости. Я та
же уважаю ихъ, за ихъ добрыя качества. Истинѣ не для ч
клеветать ни на малѣйшее достоинство, съ цѣлью восторж
ствовать посредствомъ лжи. Это было бы іезуитизмомъ филос
фіи. Разумъ долженъ побѣждать истиной.

Наконецъ, по окончаніи такъ называемаго философск
курса, т. е. по истеченіи года, въ продолженіи котораго нас
луютъ глупыми софизмами здравый смыслъ юношей, старая
подчинить его условнымъ истинамъ, я вышелъ изъ коллегіи, п
тѣмъ, чтобы никогда уже туда не возвращаться. Я оставилъ е
не безъ признательности къ наставникамъ. но съ упоеніем
плѣнника, который, любя своихъ сторожей, безъ сожалѣні
разлучается со стѣнами темницы. Я готовился снова окунуться
въ океанъ свободы, о которомъ не переставалъ мечтать. О, как
считалъ я, часъ за часомъ, послѣдніе дни послѣдней недѣли пе
редъ освобожденіемъ! Я не дожидался, чтобы за мною прислал
изъ дому; я отправился съ тремя изъ моихъ товарищей ровесни
ковъ, которые, также какъ и я, возвращались домой въ окре
сности Макона. Мы несли свои пожитки на плечахъ и останав
ливались въ каждой деревнѣ, въ каждой фермѣ дикихъ бюжей
скихъ ущелій. При видѣ горъ, ручьевъ, водопадовъ, развалин
на скалахъ, шалашей подъ елями и буками, разбросанныхъ по
альпійской мѣстности, мы вскрикивали отъ восторга. То были
наши греческіе и латинскіе стихи, переведенные самимъ Бо-

а языкъ грандіозныхъ живыхъ образовъ, прогулка чрезъ его творенія. Все путешествіе было упоеніемъ.

5.

вратившись въ Мильи за нѣсколько дней до паденія ли-, я, казалось мнѣ, никогда не буду въ состояніи изчерпать нняго блаженства, проистекавшаго изъ сознанія свободы тахъ моего дѣтства, въ средѣ семьи. Это было завоеваніе каго возраста. Матушка велѣла приготовить для меня ную комнату, въ углу зданія, съ окномъ на уединенную орѣшниковъ. Въ комнатѣ была кровать безъ полога, на стѣнѣ полки для книгъ. Отецъ купилъ мнѣ полный ой гардеробъ, часы, ружье и лошадь, какъ-будто желая сказать, что время, поля и пространство принадлежатъ мнѣ. Я ухватился за независимость съ упоеніемъ, жавшимся нѣсколько мѣсяцовъ. Весь день я охотился съ отцомъ, хозяйничалъ въ конюшнѣ или носился, запу-ку въ гриву, по окрестнымъ долинамъ; вечеръ проходилъ ной бесѣдѣ съ отцомъ, матерью и кое съ кѣмъ изъ близ-накомыхъ, или въ чтеніи вслухъ историковъ и поэтовъ.
мѣ этихъ поучительныхъ книгъ, на которыя отецъ умѣлъ инужденія обратить мое вниманіе, были еще и другія, я я читалъ наединѣ. Я скоро узналъ, что въ городѣ есть геки, изъ которыхъ ссужаютъ книгами жителей окрест-еревень. Я отправлялся за ними по воскресеньямъ, и онѣ ись для меня неистощимымъ источникомъ наслажденія ѣ. Заглавія этихъ книгъ я слышалъ еще въ училищѣ отъ хъ учениковъ, знавшихъ больше меня. Этотъ міръ идей, и романовъ, справедливо закрытый для насъ во время я, представлялся мнѣ настоящимъ Эдемомъ.
ова у меня закружилась, когда я въ первый разъ всту-ъ этотъ Эдемъ. въ публичную библіотеку, гдѣ свободно отягивать руку ко всѣмъ зрѣлымъ, зеленымъ и гнилымъ ъ древа познанія. Мнѣ казалось, что я вступилъ въ сокро-у человѣческаго духа. Увы! какъ быстро истощается ровищница! и сколько фальшивыхъ камней попадалось руки вмѣсто ожидаемыхъ чудесъ!

Благочестіе, внушенное мнѣ воспитаніемъ, и опасеніе оскор
бить религіозное чувство матери не позволили мнѣ однако о
обратить взоры мои на книги вредныя или подозрительныя, и
эти яды души, которыми конецъ прошедшаго столѣтія и гра
ный матеріализмъ имперіи завалили всѣ библіотеки. Я раскры
валъ ихъ краснѣя, съ боязливымъ любопытствомъ, и закрывал
съ ужасомъ. Цинизмъ — пародія на красоту душевную и тѣ
лесную, преступленіе духа, загрубѣлость воображенія. Мнѣ оп
не могъ поправиться: я былъ слишкомъ большой энтузіаст
Натура моя была крылатая.

Но я пожиралъ всѣ стихи и романы, въ которыхъ любов
возвышается до паѳоса страсти, до идеала. Г-жа де Стаэль, г-
Коттень, г-жа де Флаго, Ричардсонъ, аббатъ Прево, нѣмецк
романы Августа Лафонтена, этого прозаическаго Гесснера м
щанства, въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцовъ плѣняли мое юн
воображеніе. Я упивался этимъ духовнымъ *опіумомъ*, населя
щимъ баснословными призраками пустынное пространство праз
ныхъ, женщинъ и дѣтей. Перевертывая безконечные листы
этихъ книгъ, одуряющіе сильнѣе листьевъ мака, я жилъ тыс
чами жизней, блиставшихъ и исчезавшихъ передъ моими гл
зами.

Жизнь заключилась для меня въ сновидѣнія. Любовь м
олицетворялась въ идеальныхъ образахъ, являвшихся одинъ и
другимъ по волшебному мановенію писателей, и проносившихся
по воздуху, оставляя за собою образъ женщины, какое-нибуд
граціозное и меланхолическое лицо, черные или русые волосы,
лазоревые или черные глаза, и въ особенности мелодическое
имя. Что за могущество заключено въ этомъ творчествѣ слова,
удвоившемъ міръ и давшемъ жизнь всѣмъ мечтамъ человѣка!
Какъ сильно оно надъ юношей, жизнь котораго сама еще не
что иное какъ мечта, и который самъ еще весь воображеніе!

Но что увлекало меня больше всего, такъ это поэты,—поэты,
которыхъ намъ справедливо запрещено было читать во время
обученія, какъ опасныхъ волшебниковъ, раздружающихъ съ
дѣйствительностью, подносящихъ къ устамъ юноши полную
чашу обманчивыхъ видѣній.

Поэты, которыхъ я перелистывалъ болѣе другихъ, не бы
тѣ древніе поэты, страницы которыхъ мы преждевременно
сили нашимъ потомъ и ученическими слезами. Отъ ни

меня темницей, скукой и принужденіемъ, и я закрывалъ ихъ, къ освобожденный узникъ, не любящій смотрѣть на оковы. эты, которыхъ я читалъ, не состоятъ въ спискѣ учебныхъ гъ; это поэты новѣйшіе, итальянцы, англичане, нѣмцы, нцузы, плоть и кровь которыхъ наша плоть и наша кровь, торые мыслятъ, чувствуютъ и любятъ какъ мыслимъ, поемъ юбимъ мы, люди новѣйшаго времени: Тассъ, Данте, Петрка, Шекспиръ, Милльтонъ, Шатобріанъ, пѣвшій тогда какъ , въ особенности Оссіанъ, этотъ поэтъ тумановъ и неопреленныхъ образовъ, эта невнятная жалоба сѣверныхъ морей, отъ стонъ тѣней, это движеніе тучь вокругъ бурныхъ вершинъ Шотландіи, этотъ сѣверный Данте, столько же великій, личественный и сверхъестественный какъ Данте флорентійскій, но болѣе его чувствительный, въ голосѣ котораго слышит иногда больше человѣческаго и болѣзненнаго, чѣмъ въ голосѣ роевъ Гомера.

6.

Оссіанъ, поэтъ развалинъ и битвъ, царствовалъ тогда надъ ображеніемъ Франціи. Бауръ Лорміанъ передавалъ его въ учныхъ стихахъ для императорскаго лагеря. Женщины пѣли го въ грустныхъ романсахъ или побѣдныхъ гимнахъ на процаньи, на могилѣ или при возвращеніи любимыхъ. Маленькія карманныя изданія его проникли во всѣ библіотеки. Мнѣ тоже опался одинъ экземпляръ въ руки. Я утонулъ въ этомъ океанѣ ѣней, крови, слезъ, призраковъ, пѣны, снѣговъ, тумановъ и бразовъ, неизмѣримость которыхъ и печальный полусвѣтъ такъ орошо гармонировали съ грандіозною меланхоліею шестнадатилѣтняго юноши, заглядывающаго въ безконечное.

Оссіанъ съ его картинами мѣстности и лицъ очень ладилъ съ ористою въ родѣ Шотландіи страною и съ годомъ времени, въ которое я его читалъ. То было въ ноябрѣ и декабрѣ. Земля была покрыта скатертью снѣга; кое-гдѣ высились надъ нею ерные стволы сосенъ или разстилались голыя вѣтви дубовъ, съ тучами каркающихъ воронъ. Иней сверкалъ по кустамъ. Облака волновались на вершинахъ горъ. Изрѣдка прорѣзывалъ ихъ лучъ солнца, открывая взору озаренную глубь безконечной олины. Съ труда можно было предполагать море. То бы-

ла естественная, величественная декорація къ поэмамъ Оссі
которыя я держалъ въ рукѣ. Отправляясь въ горы, я уво
ихъ съ собою въ охотничьей сумкѣ, и покамѣстъ собаки
лаяли въ ущельяхъ, я читалъ ихъ сидя гдѣ-нибудь въ углуб
скалы, и когда сводилъ глаза съ страницъ, то встрѣчалъ на
ризонтѣ или у ногъ моихъ тѣже туманы, облака и поля
льду и снѣгу, которые видѣлъ воображеніемъ въ книгѣ. Сл
ко разъ чувствовалъ я, какъ слезы замерзали на моихъ р
цахъ! Я сдѣлался однимъ изъ сыновей барда, одной изъ г
ческихъ, страстныхъ, грустныхъ тѣней, сражающихся, л
щихъ, плачущихъ или играющихъ на арфѣ въ сумрачныхъ
дѣніяхъ Фингала. Оссіанъ, безспорно, одинъ изъ тѣхъ, у
воображеніе мое наиболѣе заимствовало красокъ, и колорит
тораго отражается на слабыхъ, набросанныхъ мною пот
эскизахъ. Это Эсхиллъ нашего мрачнаго времени. Ученые
верждали и утверждаютъ, что его никогда не было, и что
мы его не что иное какъ выдумка Макферсона. По-моему,
тоже, что́ утверждать, будто-бы Сальваторъ Роза выду
природу!

7.

Но чего-то мнѣ еще недоставало для полнаго понима
Оссіана: не доставало тѣни любви. Какъ любить безъ предме
какъ жаловаться безъ страданія? какъ плакать безъ сле
Дѣтскому воображенію моему нуженъ былъ предметъ. Слу
и сосѣдство не замедлили доставить мнѣ предметъ для обожа
и воспѣванія. Это было неизбѣжно: не отыщись его въ дѣйст
тельности, я создалъ бы его изъ сновидѣній, тумана и снѣга. Н
онъ существовалъ и былъ достоинъ поклоненія менѣе дѣт
скаго.

Отецъ мой проводилъ всѣ зимы въ деревнѣ. Вокругъ нас
жили сосѣди, дворяне или буржуа, семейства почтенныя, пр
водившія такъ же какъ и онъ, круглый годъ въ своихъ замка
или помѣстьяхъ. Сосѣди часто сходились пообѣдать и провес
вечеръ вмѣстѣ. Самая трезвая простота и самое чистосердечно
равенство царствовали на этихъ сходкахъ. Общество состоя
изъ бывшихъ вельможъ, раззоренныхъ революціей, изъ моло
лыхъ болтуновъ эмигрантовъ, возвратившихся въ отечество, из

—ре, нотаріусовъ, деревенскихъ медиковъ, богатыхъ воздѣлывателей земли, смѣшавшихся въ общей жизни сосѣдей съ буржуазіей и дворянствомъ.

Между тѣмъ какъ старшіе оставались бесѣдовать за столомъ или играли въ шахматы, триктракъ и карты, мы, молодые люди, затѣвали въ углу залы игры не столько степенныя, ходили въ садъ, играли въ снѣжки, доставали гнѣзда пѣночекъ, или повторяли роли небольшихъ пьесъ и живыхъ послѣницъ, и представляли ихъ по окончаніи игры и ужина.

Одна молодая дѣвушка шестнадцати лѣтъ, единственная очь зажиточнаго владѣльца нашихъ горъ, отличалась между всѣми умомъ, познаніями и рано развившимся дарованіемъ. Она тличалась отъ своихъ подругъ и болѣе зрѣлою красотою, заставлявшею ее задумываться и держать себя степеннѣе другихъ; ерты лица ея не были особенно правильны, но имѣли заразительное выраженіе задумчивости, заставляющее теряться въ аздумьи и мечтахъ и того, кто на нее смотритъ. Свѣтло-голубые глаза, черные взбитые волосы, уста, улыбавшіяся очень ѣдко и произносившія только краткія, полныя смысла не по ѣтамъ рѣчи; талья, въ которой проявлялись уже граціозно-олнистыя линіи молодости, походка свободная и плавная, юръ, любившій созерцать и отклонявшійся въ сторону, когда го заставали за этимъ созерцаніемъ, — вотъ ея портретъ. Она, азалось, предчувствовала, что жизнь ея будетъ коротка и туманна, какъ прекрасные зимніе дни, въ которые я ее узналъ. Она уже авно покоится подъ снѣгомъ, на которомъ напечатлѣны были аши первые шаги.

Ее звали Люси.

8.

Она нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ вышла изъ одного пажскаго монастыря, гдѣ родители дали сей воспитаніе выше ея азначенія и средствъ. Она была музыкантша. Голосъ ея исторгалъ слезы. Она танцовала превосходно и нѣсколько небрежно, го придавало искусству какой-то оттѣнокъ мягкихъ движеній ребенка. Она говорила на двухъ иностранныхъ языкахъ. Она привезла съ собою изъ Парижа книги, которыми и продолжала итать умъ свой въ уединенномъ жилищѣ отца. Она знала на-

изустъ поэтовъ, она подобно мнѣ обожала Оссіана, образы кот… раго напоминали ей наши родныя горы. Это общее обожа… одного и того же поэта, это общее пониманіе языка, незнак… мало для другихъ, было уже невольнымъ между нами сбли… ніемъ. Мы безпрестанно искали другъ друга, сходились пото… ковать объ Оссіанѣ. Не догадываясь еще о влеченіи другъ к… другу, мы уже встрѣчались въ пашихъ облакахъ, мы уже люб… ли другъ друга въ любимомъ поэтѣ. Часто, отдѣлившись от… остального общества, мы шли далеко впереди ея матери и моих… сестеръ, разговаривая мало, не смѣя взглянуть другъ на друг… и только указывая по-временамъ рукою на радугу въ облака… на мрачную долину, залитую туманомъ, съ выдающимися из… нея, подобно подводной скалѣ или мачтѣ утонувшаго корабл… стрѣлою колокольни или башнями стариннаго разрушенна… замка или на какой-нибудь ручей, замерзшій въ своемъ русл… съ распростертыми надъ нимъ, какъ руки старцевъ Лохли… снѣжными вѣтвями каштановъ и дубовъ.

Мы отвѣчали другъ другу взглядами нѣмого удивленія и бе… молвнаго единомыслія. Такъ мы шли иногда цѣлыхъ полчас… когда я провожалъ ее до конца долины, гдѣ жилъ отецъ ея, … не слышали иного звука, кромѣ хрустѣнья снѣга подъ нашим… ногами. Но мы никогда не разставались не вздохнувши и не по… краснѣвъ.

Родные и сосѣди улыбались этой взаимной склонности, под… мѣченной ими раньше насъ самихъ. Они находили ее естествен… ною и безопасною въ молодыхъ людяхъ нашего возраста, не… умѣвшихъ даже и назвать увлекавшее ихъ чувство. Мы не толь… ко не говорили объ этомъ влеченіи другъ другу, но не думали даже и объяснять его каждый себѣ.

9.

Но чувство разгоралось въ насъ между тѣмъ сильнѣе и силь… нѣе. Когда мнѣ случалось провести вечеръ съ Люси и проводить ее потомъ съ родными до ручья, надъ которымъ возвышалось на скалѣ жилище отца ея, мнѣ казалось, что у меня вырвали сердце и заперли его съ нею за толстыми стѣнами башни. Я возвращался домой медленно, не по дорогѣ, но сквозь чащу и

га, безпрестанно оглядываясь на тѣнь высокихъ стѣнъ, рисующуюся на небосклонѣ, и былъ счастливъ, когда блеснетъ огонь въ окнѣ высокой башни подъ ручьемъ: я зналъ, что это она читаетъ книгу въ ожиданіи сна.

Всякой день ходилъ я подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ ту сторону, съ ружьемъ и собакою. Я по цѣлымъ часамъ бродилъ вокругъ стараго дома, не слыша другого звука, кромѣ гоюса собакъ, визжавшихъ отъ удовольствія, играя съ своей госожой, — не видя никакихъ предметовъ, кромѣ дыму, поднимавшагося въ сѣрое небо. Иногда я видѣлъ и ее, въ бѣломъ платьѣ, легка пристегнутомъ на плечахъ; она отворяла свое окно треннимъ лучамъ или южному вѣтру, выставляла горшокъ съ вѣтами, чтобы дать растенію подышать вольнымъ воздухомъ, ли вѣшала на гвоздь клѣтку съ щегленкомъ, цаловавшимъ квозь рѣшетку ея губы.

Иногда она облокачивалась и смотрѣла, какъ пѣнится ручей бѣгутъ облака, и зимній вѣтеръ хлесталъ по стѣнѣ ея черными кудрями. Она не думала, что съ противоположнаго берега юбленный глазъ слѣдитъ за каждымъ ея движеніемъ, и полуаскрытыя уста ловятъ волны воздуха, игравшаго въ ея воосахъ и унесшаго съ собою ароматъ ихъ. Ввечеру я говорилъ обко, что днемъ проходилъ мимо ихъ дома, что въ такой-то асъ она поливала свои цвѣты, въ такой-то выставила на солне птичку, что потомъ она стояла въ раздумьи у окна, потомъ ѣла или играла на фортепьяно, и наконецъ затворила окно и идѣла долго, безъ движенія, какъ-будто читала книгу.

10.

Она краснѣла при мысли, что я слѣжу за нею такъ внимательно, и что невидимые взоры наблюдаютъ каждый шагъ ея аже за стѣнами башни, гдѣ, думала она, не видитъ ея никто, ромѣ Бога; но она не приписывала, казалось, этой неотвязчиости моихъ помысловъ никакого значенія особенной привязанности.

— А вы, говорила она мнѣ тономъ участія, но притворяясь овершенно равнодушною: — вы что сегодня дѣлали?

И я никогда не смѣлъ отвѣтить ей; «думалъ о васъ».

Такимъ образомъ мы не выходили изъ сладкой неизвѣст-
сти, изъ нерѣшимости двухъ сердецъ, чувствующихъ, что л
бятъ другъ друга, но не отваживающихся высказать это с
вомъ.

Оссіанъ былъ нашимъ нѣмымъ повѣреннымъ и посред
комъ. Она дала мнѣ томъ его твореній. Я долженъ былъ
вратить его. Въ его страницы закладывалъ я кусочки мху,
лубые лепестки цвѣтовъ, которые она любила собирать, к
мы гуляли съ нею еще до начала зимы; я старался этимъ о
тить ея мысли на меня и доказать ей, что замѣтилъ ея лю
къ этимъ цвѣтамъ. Потомъ мнѣ пришло на мысль прибавить
Оссіану страницы двѣ своихъ и сдѣлать такимъ образомъ т
шотландскихъ бардовъ повѣренною моей безнадежной лю
Собираясь отдать ей книгу, я разъ двадцать указывалъ ей
страницу, которую, говорилъ я, я безпрестанно перечитыв
которая выражаетъ всю мою душу, которая на-сквозь промо
слезами моего восторга, и которую я умоляю ее прочесть, т
ко наединѣ, въ своей комнатѣ, вечеромъ, при шумѣ вѣтр
вѣтвяхъ деревъ и ручья въ его руслѣ, какъ писалъ ее, б
сомнѣнія, самъ Оссіанъ». Возбудивши такимъ образомъ ея л
бопытство, я надѣялся, что она раскроетъ книгу на стран
содержащей поэму ея собственныхъ вздоховъ.

11.

. . . . . .

12.

Однажды вечеромъ я вручилъ ей, прощаясь, Оссіана съ вл
женными въ него этими стихами. Она прочла ихъ безъ гнѣва
вѣроятно безъ удивленія. Она отвѣчала на нихъ другою поэмо
въ духѣ Оссіана, вложивши ее въ другую часть его сочиненій
Стихи выражали только грустную жалобу молодой дѣвы Мор
вена, которая видитъ, какъ отплываетъ въ дальнія страны к
рабль ея брата, и оплакиваетъ на берегу родного ручья разлу
съ товарищемъ своей молодости. Я находилъ эти стихи удив
тельными, гораздо лучше Они дѣйствительно были пр
ильнѣе и граціознѣе. В ч звуки, неизвѣстные рет

и вылетающіе только изъ сердца женщины. Поэтическая писка продолжалась такимъ образомъ нѣсколько дней и зила насъ еще ближе.

13.

амъ всегда казались слишкомъ короткими часы, проводи-вмѣстѣ во время прогулокъ и вечернихъ собраній, въ про-сеніи которыхъ мы любовались дикимъ видомъ горъ, по-тыми снѣгомъ соснами, похожими на мертвецовъ, одѣтыхъ ванъ, луною въ облакахъ, пѣною водопада, изъ котораго малась *дуга дождя*, о которой говоритъ Оссіанъ. Мы меч-о наслажденіи созерцать эти ночныя картины въ часы по-принадлежащей намъ вполнѣ безъ раздѣла,—въ часы, когда огли бы свободнѣе нежели теперь, при равнодушныхъ сви-яхъ, мѣняться неистощимымъ восторгомъ души при видѣ ъ природы, такъ хорошо ладившихъ съ чудесами нашего о энтузіазма.

Какъ блаженны были бы часы — говорили мы — прово-е вмѣстѣ, въ уединеніи и тишинѣ зимней ночи, въ безко-ой бесѣдѣ съ глазу на глазъ о сокровеннѣйшихъ движе-ь нашихъ душъ,—часы, какіе проводили Фингалъ, Морни и ина на горахъ своихъ предковъ!»

лезы желанія и восторга выступали у насъ на глазахъ при картинѣ поэтическаго счастья, о которомъ мы мечтали въ цѣ, украденной у дня и взоровъ родителей. Разговоръ про-ъ въ насъ желаніе осуществить этотъ сонъ; мы сговори-тайно, но во всей невинности, доставить другъ другу во-каемое блаженство.

14.

шня, въ которой жила Люси, опиралась на террасу, окру-ую стѣною, и потомъ спускавшуюся отлогимъ упоромъ къ ручью. Мохъ и трава, наполнявшіе щели между иззуб-ми камнями фундамента, позволяли ловкому человѣку до-ся до парапета и спрыгнуть въ маленькій садикъ на тер-

серьёзный характеръ. Мы поклялись любить другъ друга звѣздами ночи, всѣми волнами ручья, всѣми деревьями ... Клятвы эти растаяли съ зимнимъ снѣгомъ. Я отправился начинать мое воспитаніе въ Парижѣ и другихъ большихъ ... родахъ. Люси вышла безъ меня за-мужъ, сдѣлалась совер... мой женщиной, осчастливила своего мужа и умерла ... въ обстоятельствахъ столько же обыкновенныхъ, какъ ... мы были ея первыя мечты. Я вижу иногда ея грустную ... на маленькой террасѣ башни***, когда проѣзжаю мимо в... линѣ, и когда сѣверный вѣтеръ играетъ гривою моего ... собаки лаютъ на дворѣ опустѣвшаго жилища.

17.

Я ничего не записалъ о трехъ годахъ, проведенныхъ вдали отъ отцовскаго крова, среди разсѣянія и шалостей при... молодости, — о годахъ, которые отзываются только стыдомъ ... зрѣломъ возрастѣ, и воспоминаніе о которыхъ отклоняешь ... себя какъ горькое питье отъ устъ.

Впрочемъ можетъ быть я и опишу ихъ когда-нибудь, ... отмѣчаютъ иногда крестомъ мѣсто на дорогѣ, гдѣ упалъ ... никъ, въ предостереженіе тѣмъ, которые будутъ прохо... дить послѣ него.

КНИГА VII.

I.

ГРАЦІЕЛЛА.

[illegible] меня поручили одной изъ нашихъ р... [illegible] отъѣзжавшей съ мужемъ своимъ въ Тоскану. Это... былъ [illegible] случай исторгнуть меня изъ опасной пра... [illegible] въ отцовскомъ домѣ или провин... ьномъ городѣ, ... [illegible] души порвется за не... ... дѣятельност... Я уѣхалъ съ [illegible], пер... ... готовы... [illegible] ...

ьны, вѣчные снѣга которыхъ я видѣлъ съ самого дѣтства
лекомъ гаризонтѣ; море, образы котораго живо срисованы
и путешественниками; итальянское солнце, теплотою и
ью котораго я уже наслаждался въ стихахъ Гёте и на
цахъ Коринны:

«Ты знаешь ли край, гдѣ цвѣтетъ апельсинъ?»

амятники римскаго міра, которыми полны были еще мои
; даль, облекающая всѣ предметы чѣмъ-то чарующимъ,
ючeнія, неизбѣжныя въ долгомъ путешествіи и заранѣе
ждавшія юношеское воображеніе, новый языкъ, новыя
, новые обычаи и съ ними новый міръ, — все это очаро-
ло мой умъ. Время до отъѣзда, довольно долгое, провелъ
какомъ-то упоеніи. Восторгъ этотъ, ежедневно оживляемый
колѣпіемъ природы въ Савойѣ, Швейцаріи, на Женевскомъ
, на ледникахъ Симплона, на Комскомъ озерѣ, въ Миланѣ
оренціи, остылъ только черезъ два года послѣ возвращенія
о домой.

Дѣла, по которымъ родственница моя отправилась въ Ли-
о, затянулись, и меня хотѣли отправить во Францію, не
ивши ни въ Римъ, ни въ Неаполь. Это значило перервать
идѣніе въ самомъ началѣ. Мысль о возвратной дорогѣ воз-
ала меня. Я написалъ къ отцу письмо, въ которомъ про-
ь позволенія продолжать путешествіе по Италіи одному, и,
адѣясь на благопріятный отвѣтъ, рѣшился предупредить
ослушаніе самимъ фактомъ. «Отказъ, думалъ я, получится
пкомъ поздно. Мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, но простятъ; я во-
усь назадъ, но уже увидѣвши то, что́ желалъ видѣть». Я со-
галъ свои деньги; ихъ оказалось очень немного; но я раз-
тывалъ на одного родственника моей матери, жившаго въ
полѣ; онъ, надѣялся я, не откажетъ мнѣ въ пособіи, когда
о будетъ ѣхать назадъ. Въ одну прекрасную ночь я выѣхалъ
Ливорно въ Римъ.

Зиму провелъ я тамъ въ маленькой комнаткѣ, въ темной
цѣ, выходящей на испанскую площадь, у римскаго живо-
да, принявшаго меня нахлѣбникомъ въ свое семейство. Моя
жность, молодость, восторженность, одиночество въ незна-
заинтересовали одного изъ моихъ спутниковъ
изъ Флоренціи въ Римъ. Мы вдругъ подру-

[illegible]

[illegible]

Я никогда не записывалъ [illegible]

Впрочемъ [illegible]

КНИГА VII.

I.

[illegible]

Семнадцати лѣтъ меня поручили одной изъ нашихъ родственницъ, отъѣзжавшей съ мужемъ своимъ въ Тоскану. Это былъ превосходный случай исторгнуть меня изъ опасной праздности въ отцовскомъ домѣ или провинціяльномъ городѣ, гдѣ первыя страсти души портятся за недостаткомъ дѣятельности. Я уѣхалъ съ восторгомъ юноши, передъ которымъ готовы ра[illegible]блачиться роскошнѣйшія сцены природы и жизни.

Альпы, вѣчные снѣга которыхъ я видѣлъ съ самого дѣтства далекомъ гаризонтѣ; море, образы котораго живо срисованы тами и путешественниками; итальянское солнце, теплотою и стью котораго я уже наслаждался въ стихахъ Гёте и на аницахъ Коринны:

«Ты знаешь ли край, гдѣ цвѣтетъ апельсинъ?»

Памятники римскаго міра, которыми полны были еще мои сли; даль, облекающая всѣ предметы чѣмъ-то чарующимъ, ключенія, неизбѣжныя въ долгомъ путешествіи и заранѣе аждавшія юношеское воображеніе, новый языкъ, новыя ца, новые обычаи и съ ними новый міръ, — все это очаровало мой умъ. Время до отъѣзда, довольно долгое, провелъ ъ какомъ-то упоеніи. Восторгъ этотъ, ежедневно оживляемый ликолѣпіемъ природы въ Савойѣ, Швейцаріи, на Женевскомъ зерѣ, на ледникахъ Симплона, на Комскомъ озерѣ, въ Миланѣ Флоренціи, остылъ только черезъ два года послѣ возвращенія его домой.

Дѣла, по которымъ родственница моя отправилась въ Ливорно, затянулись, и меня хотѣли отправить во Францію, не озивши ни въ Римъ, ни въ Неаполь. Это значило перервать овидѣніе въ самомъ началѣ. Мысль о возвратной дорогѣ возщала меня. Я написалъ къ отцу письмо, въ которомъ прослъ позволенія продолжать путешествіе по Италіи одному, и, надѣясь на благопріятный отвѣтъ, рѣшился предупредить послушаніе самимъ фактомъ. «Отказъ, думалъ я, получится ишкомъ поздно. Мнѣ сдѣлаютъ выговоръ, но простятъ; я вочусь назадъ, но уже увидѣвши то, что́ желалъ видѣть». Я соиталъ свои деньги; ихъ оказалось очень немного; но я разитывалъ на одного родственника моей матери, жившаго въ аполѣ; онъ, надѣялся я, не откажетъ мнѣ въ пособіи, когда до будетъ ѣхать назадъ. Въ одну прекрасную ночь я выѣхалъ ъ Ливорно въ Римъ.

Зиму провелъ я тамъ въ маленькой комнаткѣ, въ темной ицѣ, выходящей на испанскую площадь, у римскаго живосца, принявшаго меня нахлѣбникомъ въ свое семейство. Моя ружность, молодость, восторженность, одиночество въ незнамой странѣ заинтересовали одного изъ моихъ спутниковъ время переѣзда изъ Флоренціи въ Римъ. Мы вдругъ подру-

жились. Это былъ красивый молодой человѣкъ моихъ лѣтъ, к
жется сынъ или племянникъ знаменитаго пѣвца *Давида*, тог
перваго тенора итальянскихъ театровъ. Давидъ былъ уже нем
лодъ, и ѣхалъ пѣть въ послѣдній разъ на театрѣ Санъ Карл
въ Неаполѣ.

Давидъ обращался со мною какъ съ сыномъ, а молодой с
путникъ его осыпалъ меня ласками и угожденіями. Я отвѣча
ему тѣмъ же, со всѣмъ чистосердечіемъ моего возраста. Не до
хавши еще до Рима, мы сдѣлались уже неразлучными друзьям
Мы ѣхали изъ Флоренціи въ Римъ три дня. Въ гостинницѣ
пріятель мой былъ моимъ переводчикомъ; за столомъ онъ по
чивалъ меня перваго; въ каретѣ удѣлялъ мнѣ возлѣ себя лучш
мѣсто, и, засыпая, я былъ увѣренъ, что голова моя будетъ п
коиться на его плечѣ.

Когда я выходилъ изъ экипажа при въѣздѣ на долгія отд
гости Тосканы или Сабинума, онъ выходилъ вмѣстѣ со мно
называлъ мнѣ города, указывалъ памятники, даже собиралъ д
меня прекрасные цвѣты и покупалъ фиги и виноградъ. Онъ н
полнялъ ими мои руки и шляпу. Давидъ, казалось, смотрѣлъ с
удовольствіемъ на привязанность своего товарища къ молодо
иностранцу. Иногда они мѣнялись улыбками, поглядывая н
меня съ лукавымъ добродушіемъ.

Пріѣхавши въ Римъ, я естественно остановился въ одной с
ними гостинницѣ. Меня проводили въ мою комнату, и на друго
день я проснулся на голосъ моего пріятеля, стучавшаго въ двер
и звавшаго меня завтракать. Я поспѣшилъ одѣться и сошелъ в
общую залу. Я искалъ глазами моего пріятеля, желая пожа
ему руку, какъ вдругъ раздался общій смѣхъ. Вмѣсто сы
или племянника Давида, я увидѣлъ возлѣ него прелестную ри
лянку, изящно одѣтую, съ черными косами, обвивающими ви
и укрѣпленными сзади двумя золотыми съ жемчугомъ булавкам
какія и теперь еще носятъ крестьянки въ Тиволи. То былъ мо
пріятель, одѣвшійся, по пріѣздѣ въ Римъ, въ костюмъ своего
пола.

Я долженъ бы былъ догадаться объ этомъ по нѣжности его
взгляда и грацін улыбки. Но мнѣ и въ голову не приходило ни
чего подобнаго.

— Платье не измѣняетъ сердца, сказала мнѣ она краснѣя.—
Только вы не будете уже спать на моемъ плечѣ, и вмѣсто того

чтобы получать цвѣты отъ меня, будете приносить ихъ мнѣ. Это приключеніе да научитъ васъ не слишкомъ довѣрять тому, что кажется иногда дружбой; оно можетъ оказаться совсѣмъ не тѣмъ».

Эта молодая дѣвушка была пѣвица, ученица и любимица Давида. Старый пѣвецъ всюду возилъ ее съ собою и одѣвалъ въ мужское платье во избѣжаніе сплетней по дорогѣ. Онъ обращался съ нею какъ отецъ и нисколько не ревновалъ ея за невинную короткость обращенія со мною.

2.

Давидъ и его ученица пробыли въ Римѣ нѣсколько недѣль. На другой день послѣ нашего пріѣзда она опять одѣлась въ мужское платье и проводила меня сперва въ церковь св. Петра, потомъ въ Колизей, въ Фраскати, въ Тиволи, въ Альбано. Это избавило меня отъ утомительныхъ разсказовъ наемныхъ путеводителей, которые мѣшаютъ только впечатлѣнію своимъ монотоннымъ перечнемъ собственныхъ именъ и годовъ и не даютъ насладиться изящнымъ. *Камилла* не была учена; но римская урожденка, она по инстинкту знала прекрасныя мѣстности и величественные виды.

Она неумышленно водила меня на лучшія мѣста, въ лучшіе часы, любоваться остатками древняго города. Поутру къ елямъ Монте-Пинчіо; вечеромъ въ тѣнь огромной колонады св. Петра; при свѣтѣ луны въ безмолвныя стѣны Колизея; въ прекрасные осенніе дни въ Альбано, Фраскати и въ шумящій каскадами храмъ Сивиллы въ Тиволи. Она была весела и рѣзва какъ статуя вѣчной юности среди этихъ слѣдовъ времени и смерти. Она танцовала на гробницѣ Цециліи Метеллы, и покамѣстъ я сидѣлъ въ раздумьи на камнѣ, сценическій голосъ ея звучалъ подъ мрачными сводами дворца Діоклеціана.

Вечеромъ мы возвращались въ городъ и привозили съ собою кучу цвѣтовъ и обломковъ статуй. Потомъ Давидъ бралъ насъ съ собою въ театръ. Пѣвица была старше меня нѣсколькими годами, и выказывала ко мнѣ не болѣе какъ чувство пріязни. Я былъ слишкомъ робокъ и не отваживался выказать больше; и даже и не чувствовалъ ничего особеннаго, несмотря

на мою молодость и ея красоту. Ея мужской костюмъ, мужской голосъ и вольность обращенія дѣлали на меня такое впечатлѣніе, что я видѣлъ въ ней только товарища и друга.

3.

Когда Камилла уѣхала, я остался въ Римѣ совершенно одинъ, безъ рекомендательныхъ писемъ, безъ знакомыхъ. Я зналъ только мѣста и памятники, куда водила меня Камилла. Старый живописецъ, у котораго я жилъ, выходилъ изъ своей мастерской только по воскресеньямъ къ обѣдни, съ женою и дочерью, шестнадцатилѣтнею дѣвушкою, столько же трудолюбивою, какъ и онъ. Домъ ихъ походилъ на монастырь, гдѣ работа прекращалась только на время скромнаго обѣда и молитвы.

Ввечеру, когда послѣдніе лучи солнца угасали на окнахъ высокой комнаты бѣднаго живописца, и на колокольняхъ сосѣднихъ монастырей раздавалось *Ave Maria*, это гармоническое прощаніе дня въ Италіи, семейство, въ видѣ отдыха, начинало пѣть въ-полголоса псалмы, пока голоса ихъ не замирали въ дремотѣ неопредѣленнымъ и монотоннымъ шопотомъ, какъ шумъ волнъ, разбивающихся о берегъ, или шумъ затихающаго къ ночи вѣтра.

Мнѣ нравилась эта спокойная, священная сцена вечера, которою оканчивался трудовой день, этотъ гимнъ трехъ душъ, возносившихся къ небу, чтобы отдохнуть отъ работы. Это напоминало мнѣ отцовскій домъ, гдѣ матушка точно такъ же созывала насъ по вечерамъ на молитву, то въ комнатѣ, то въ саду. Нашедши здѣсь тѣже обычаи, ту же религіозность, я чувствовалъ себя какъ въ своемъ семействѣ. Я никогда не видывалъ жизни болѣе уединенной, трудовой и благочестивой, нежели жизнь этого римскаго живописца.

У него былъ братъ; онъ не жилъ съ нимъ. Онъ училъ по-итальянски знатныхъ иностранцевъ, проводившихъ зиму въ Римѣ. Онъ былъ болѣе нежели учитель. Молодой, чрезвычайно красивый собою, человѣкъ древняго характера; онъ былъ однимъ изъ народныхъ трибуновъ, Ріенци своего времени. Во время короткаго возстанія Рима, внушеннаго французами и задуманнаго Макомъ и неаполитанцами, онъ игралъ одну изъ

важнѣйшихъ ролей, и занималъ одну изъ первыхъ должностей республики. Преслѣдуемый, лишенный свободы во время реакціи, онъ былъ спасенъ прибытіемъ французовъ, спасшихъ республиканцевъ, но конфисковавшихъ республику.

Онъ обожалъ Францію, но ненавидѣлъ Наполеона.

4

Живя въ такомъ обществѣ, изучалъ я Римъ, его исторію и памятники. По утрамъ, когда городской шумъ не могъ еще развлечь мыслей созерцателя, я выходилъ одинъ, взявши съ собою какого-нибудь историка, поэта, описателя Рима. Я бродилъ по развалинамъ форума, колизея или римскаго поля. Я смотрѣлъ, читалъ, размышлялъ. Я изучалъ Римъ серьёзно, но не книжно. Это было моимъ лучшимъ курсомъ исторіи. Древность не наводила уже на меня скуки, — я чувствовалъ ее, Въ изученіи ея, я слѣдовалъ одному плану: собственной прихоти. Я шелъ, куда шли мои ноги. Я переходилъ отъ древняго Рима къ новому, отъ Пантеона ко дворцу Леона X, отъ жилища Горація къ жилищу Рафаэля. Поэты, живописцы, историки, великіе люди проходили передо мною попеременно.

Къ одинадцати часамъ я возвращался домой завтракать. Не оставляя книги, я съѣдалъ кусокъ хлѣба съ сыромъ, выпивалъ чашку молока и потомъ занимался до самого обѣда. Жена и дочь живописца сами готовили обѣдъ. Послѣ обѣда я опять выходилъ и возвращался только къ ночи. Нѣсколько часовъ бесѣды съ семействомъ живописца и чтеніе заключали мирный день. Я не чувствовалъ никакой потребности въ обществѣ и даже наслаждался одиночествомъ. Рима и собственной души моей было для меня достаточно. Такъ провелъ я цѣлую зиму, съ октября до апрѣля, не проскучавши ни одного дня. Вспоминая это время, я написалъ, десять лѣтъ спустя, мои стихи на Тибуръ.

Теперь, перебирая мои впечатлѣнія въ Римѣ, я вижу, что двѣ вещи покрываютъ собою все прочее: Колизей, созданіе римскаго народа, и храмъ св. Петра, созданіе католицизма. Колизей — гигантскій слѣдъ сверхчеловѣческаго народа, воздвигавшаго для удовлетворенія своей гордости и дикихъ страстей памятники, въ стѣнахъ которыхъ могло заключаться цѣ-

«Она узнала его въ ту же минуту, разсказываетъ б
графъ его, несмотря на болѣзненную блѣдность, посѣдѣвшую
роду и разорванный плащь. Она бросилась обнимать его съ бо
шимъ жаромъ, нежели если бы узнала его подъ золотымъ плать
Феррарскаго царедворца. Слезы долго не давали ей вымоли
слова; она только прижимала брата къ сердцу. Она омыла е
ноги, принесла ему плащь отца, приготовила для него пра
ничный обѣдъ. Но ни онъ, ни она не тронули ни одного ку
нья: такъ полны были слезъ сердца ихъ; они цѣлый день пр
плакали молча, глядя на море и вспоминая свое дѣтство.»

2.

Однажды — это было въ началѣ лѣта — въ минуту, кога
Неаполитанскій заливъ, окаймленный холмами, бѣлыми дома
и скалами съ виноградомъ, походитъ на чашу изъ серпентин
полную пѣнящейся влаги и обвитую плющемъ. Это было т
время, когда рыбаки Павзилиппа смѣло выходятъ ночью въ м
ре мили на двѣ или на три, до самыхъ скалъ Капри, Прочид
Исхіи и на средину Гаэтскаго залива.

Нѣкоторые изъ нихъ берутъ съ собою факелы, которы
обманываютъ рыбу. Рыба идетъ на свѣтъ, принимая его за з
рю утра. Ребенокъ, присѣвши на кормѣ, держитъ факелъ над
водою, а рыбакъ высматриваетъ въ глубинѣ воды добычу
старается уловить ее сѣтью. Красный огонь разливается по
морю длинными волнистыми полосами. Онъ дрожитъ отъ коле-
банія воды и далеко разбѣгается съ волны на волну. Свѣтъ
повинуется закону волнъ и кончается только тамъ, гдѣ кон-
чается борозда отъ проплывшей лодки.

3.

Я и другъ мой, мы по цѣлымъ часамъ просиживали на
влажныхъ развалинахъ дворца королевы Жанны, глядя на эту
фантастическую игру свѣта и завидуя безпечной жизни этихъ
рыбаковъ.

Нѣсколько мѣсяцовъ пребыванія въ Неаполѣ и безпрестанныя свиданія съ людьми простого званія ознакомили насъ съ ихъ звучнымъ языкомъ, съ ихъ рѣчью, въ которой взглядъ и жесты играютъ бо́льшую роль, нежели слова; философы по предчувствію, утомленные пустою тревогою свѣта, которой еще не испытали, мы часто завидовали лаззарони, которыми покрыты были тогда берега близъ Неаполя. Днемъ они спали въ тѣни своихъ лодокъ, слушали импровизаціи своихъ бродячихъ поэтовъ, а вечеромъ танцовали на морскомъ песку тарантеллу съ молодыми дѣвушками своей касты. Мы знали ихъ нравы и обычаи гораздо лучше быта свѣтскихъ людей, въ общество которыхъ никогда не являлись. Эта жизнь нравилась намъ и усыпляла въ насъ лихорадочныя движенія души, безплодно истощающія воображеніе молодыхъ людей, прежде нежели наступитъ для нихъ пора дѣйствовать или мыслить.

Другу моему было двадцать лѣтъ, — мнѣ осмнадцать. Слѣдовательно, намъ позволено было смѣшивать дѣйствительность съ мечтами. Мы рѣшились познакомиться съ этими рыбаками и прожить съ ними нѣсколько дней, отправившись въ море.

Никому не обязанные отчетомъ въ своихъ поступкахъ, мы на другой же день пошли привести въ исполненіе нашъ планъ. Проходя по берегу *Марджеллина*, разстилающемуся подъ гробницею Виргилія у подошвы Павзилиппа, тамъ, куда неаполитанскіе рыбаки вытаскиваютъ свои лодки и гдѣ они чинятъ свои сѣти, мы увидѣли бодраго старика. Онъ складывалъ свои рыбачьи приборы въ деревянную, ярко раскрашенную лодку, съ рельефнымъ изображеніемъ св. Франциска на кормѣ. Мальчикъ двѣнадцати лѣтъ, единственный гребецъ на его лодкѣ, принесъ въ эту минуту два хлѣба, сыръ, твердый и блестящій какъ камень, нѣсколько фигъ и кружку воды.

Лица старика и мальчика намъ понравились. Мы завязали разговоръ. Рыбакъ улыбнулся, услышавши, что мы предлагаемъ себя въ гребцы и желаемъ выйти съ нимъ въ море.

— У васъ не мозолистыя руки, чтобы править весломъ, сказалъ онъ. — Вашимъ бѣлымъ рукамъ владѣть перомъ, а не деревомъ.

— Мы молоды, отвѣчалъ мой товарищъ: — и хотимъ попробовать всѣ занятія, прежде нежели выберемъ себѣ какое-на-

будь. Ваше ремесло намъ нравится, потому-что его исправляешь на морѣ подъ открытымъ небомъ.

— Вы правы, отвѣчалъ старикъ. — Наше ремесло дѣлаетъ человѣка довольнымъ и пробуждаетъ упованіе на покровительство святыхъ. Рыбакъ состоитъ подъ непосредственною защитою неба. Человѣкъ не знаетъ, откуда набѣгаютъ вѣтеръ и волны. Пила и плугъ въ рукахъ работника; богатство и милость въ рукѣ короля; но лодка въ рукѣ Божіей.

Эта баркарольная философія укрѣпила насъ въ мысли пристать къ рыбаку. Послѣ долгаго сопротивленія, онъ наконецъ согласился. Мы условились платить ему въ день каждый по карлино за ученье и пищу.

Заключивши условіе, онъ послалъ мальчика за новымъ запасомъ хлѣба, вина, сыра и плодовъ. Подъ вечеръ мы помогли ему спустить лодку на воду, и отплыли.

4.

Первая ночь была упоительна. Море было спокойно, какъ озеро въ горахъ Швейцаріи. По мѣрѣ удаленія нашего отъ берега, огненныя полосы отъ оконъ въ Неаполѣ тонули въ мракѣ горизонта. Только маяки обозначали линію берега. Они блѣднѣли при легкомъ столбѣ огня, бившаго изъ жерла Везувія. Пока рыбакъ забрасывалъ и собиралъ свои сѣти, и факелъ колебался въ рукахъ полусоннаго мальчика, мы давали отъ времени до времени легкій толчокъ лодкѣ, и съ наслажденіемъ слушали, какъ падаютъ съ веселъ звучныя капли въ море, какъ жемчужины въ серебряный тазъ.

Мы уже давно обогнули Павзилиппъ, переѣхали заливъ Пуццуоли и Байскій, и Гаэтскій проливъ между Мизенскимъ мысомъ и островомъ Прочидою. Мы вышли въ открытое море. Насъ начало клонить ко сну. Мы легли подъ скамьи, возлѣ мальчика.

Рыбакъ прикрылъ насъ тяжелымъ парусомъ, свернутымъ на днѣ лодки Мы заснули, убаюканные едва замѣтнымъ волненіемъ. Когда мы проснулись, было уже совершенно свѣтло.

Яркое солнце развивало по волнамъ ленты свѣта и отражалось на бѣлыхъ домахъ незнакомаго берега. Легкій вѣтеръ съ

[illegible]ли играя парусомъ. То былъ зубчатый, крутой берегъ Исхіи, которую мнѣ суждено было такъ полюбить. Она явилась мнѣ въ первый разъ плавающею въ лучахъ свѣта, возставшею изъ моря, теряющеюся въ лазури неба, какъ-будто вынырнувшею изъ спа поэта въ лѣтнюю ночь....

5.

Островъ *Исхія*, отдѣляющій Гаэтскій заливъ отъ Неаполитанскаго, а самъ отрѣзанный отъ острова Прочиды узкимъ каналомъ, есть нечто иное, какъ высокая гора, бѣлая, обрывистая вершина которой вонзается своими зубцами въ небо. Бока тихъ зубцовъ, изрѣзанные лощинами, рытвинами, руслами, потоками, одѣты сверху до низу темно-зелеными каштанами. На площадкахъ, болѣе близкихъ къ морю и наклоненныхъ къ волнамъ, лѣпятся хижины, деревенскія виллы и селенья, въ половину прикрытыя виноградными лозами. У каждаго изъ селеній есть своя *марина;* такъ называются небольшія пристани, гдѣ скользятъ лодки рыбаковъ — жителей острова, и качаются нѣсколько судовъ съ треугольными парусами. Реи задѣваютъ за прибрежныя деревья и лозы.

Изъ этихъ домиковъ, построенныхъ на отлогостяхъ горы, спрятавшихся въ глубину овраговъ, высящихся на прогалинахъ посѣщенныхъ виноградомъ, прислонившихся къ каштановому лѣсу, скрывающихся подъ навѣсомъ группы сосенъ, окруженныхъ бѣлыми арками и виноградными фестонами, — нѣтъ ни одного, который бы во снѣ не представлялся поэту или любовнику идеальнымъ его жилищемъ.

Мы не могли налюбоваться этимъ зрѣлищемъ. У берега стояло много рыбы. Ловля рыбака была удача. Мы подъѣхали къ одной изъ маленькихъ бухтъ острова, чтобы начерпать воды изъ ближняго источника и отдохнуть подъ сводомъ скалъ. При солнечномъ закатѣ мы возвратились въ Неаполь, лежа на скамьяхъ лодки. Четвероугольнаго паруса, поднятаго на маленькой мачтѣ, прикрѣпленной на носу и управляемаго ребенкомъ, достаточно было для бѣга нашей лодки вдоль крутыхъ береговъ *Прочиды* и *Мизенскаго мыса*; морская поверхность пѣнилась за нами волнистою лентой.

Старый рыбакъ и мальчикъ, при нашей помощи, вытащ... лодку на песокъ и унесли корзины съ рыбою и раковинами ... свое жилище — какой-то погребъ подъ скалами *Мериллины*.

6.

Въ слѣдующіе дни мы весело принялись за наше новое ре... сло. Мы вспѣнили поочередно всѣ волны Неаполитанскаго мор... безразлично слѣдили за вѣтромъ всюду, куда онъ ни подует... Такъ посѣтили мы островъ Капри, гдѣ зловѣщая тѣнь Тибе... еще пугаетъ воображеніе; Куму и ея храмы, погребенные по... густыми лаврами и дикими фигами; Байю и ея мертвыя мѣст... которыя, кажется, одряхлѣли и посѣдѣли, какъ римляне, кот... рыхъ юности и наслажденіямъ они служили пріютомъ; *Порт...чи* и *Помпею*, смѣющіяся изъ-подъ лавы и пепла Везувія; *К...стелламаре*, котораго высокіе, черные лѣса лавровъ и дик... каштановъ, отражаясь въ морѣ, окрашиваютъ темно-зелены... цвѣтомъ вѣчно журчащія прибрежныя волны. У стараго ры... ка вездѣ были знакомыя семейства рыбаковъ, у которыхъ ... находили радушный пріемъ, когда море приходило въ волне... и не позволяло намъ возвратиться въ Неаполь.

Въ продолженіи двухъ мѣсяцовъ мы ни разу не входили в... трактиръ, жили на чистомъ воздухѣ воздержною жизнью нар... да; мы сами себя сдѣлали простолюдинами, чтобы быть бли... къ природѣ. Мы носили почти ихъ костюмъ, говорили ихъ язы... комъ, и простота ихъ привычекъ сообщила намъ, такъ сказать, наивность ихъ чувствованій.

Это преобразованіе мнѣ и моему другу стоило очень мало. Воспитанные оба въ деревнѣ во время ужасовъ революціи, уни... чтожившей или разсѣявшей наши семейства, въ дѣтствѣ мы, по большой части, жили жизнью поселянъ: онъ въ горахъ *грезиво... данскихъ*, у кормилицы, которая взяла его въ то время, когда мать его заключили въ тюрьму, я — на холмахъ *Маконнэ*, въ ма... ленькой крестьянской лачугѣ, куда мой отецъ и мать перенесли свое гнѣздо, которому грозила буря.

Пастухъ или хлѣбопашецъ нашихъ горъ отличается отъ нea... политанскаго рыбака только мѣстомъ своего жительства, язы... комъ и ремесломъ. Борозда или волна внушаютъ одинакія мы...

людямъ, трудящимся надъ землею или водою. Природа говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ съ тѣми, кто живетъ въ горахъ и на морѣ.

Мы испытали это. Посреди этихъ простыхъ людей, мы не считали себя чуждыми имъ. Одни и тѣ же инстинкты составляютъ родство между людьми. Самое однообразіе этой жизни нравилось намъ, хотя и усыпляло. Съ грустью видѣли мы конецъ лѣта и приближеніе осеннихъ и зимнихъ дней, по прошествіи которыхъ нужно было возвратиться въ отечество, куда призывали насъ наши семейства, находившіяся въ безпокойствѣ. Сколько возможно, мы отдаляли отъ себя мысль объ отъѣздѣ и воображали, что такая жизнь не имѣетъ предѣла.

7.

Однако же насталъ сентябрь, съ его дождями и грозами. Море уже не было такъ спокойно. Наше ремесло, сдѣлавшееся труднѣе, стало опасно. Вѣтеръ крѣпчалъ, вода пѣнилась и часто проницала насъ до костей. Мы купили два плаща изъ грубой коричневой шерсти, которые матросы и неаполитанскіе лаззарони набрасываютъ на плечи зимою. Широкіе укава этихъ плащей висятъ по обѣимъ сторонамъ голыхъ рукъ. Капишонъ, отброшенный назадъ или накинутый на голову, смотря по погодѣ, укрываетъ голову моряка отъ дождя и холода, или же позволяетъ вѣтерку и солнечнымъ лучамъ играть на его мокрыхъ волосахъ.

Однажды мы отправились съ Маргеллины по Масляному морю, совершенно спокойному, на ловлю *барвены* и первыхъ *тумановъ* (*) къ берегамъ Кумъ, куда теченіе приноситъ ихъ въ это время года. Рыжіе, утренніе туманы волновались и предвѣщали къ вечеру сильный вѣтеръ. Мы надѣялись опередить его и успѣть обогнуть Мизенскій мысъ прежде, нежели заволнуется тяжелое сонное ложе.

Ловля была обильна. Намъ захотѣлось забросить сѣти еще нѣсколько разъ. Вѣтеръ захватилъ насъ: онъ упалъ съ вершины *Эпомео*, огромной горы, возвышающейся надъ *Исхіей*, съ

(*) *Барвена* и *тумакъ*, или *тумецъ* — рыбы.

такимъ же шумомъ и тяжест
въ море. Сначала онъ сравня
странство, какъ борона разб
живаетъ борозды. Потомъ м
нія, надулось съ ропотомъ и
такую высоту, что берегъ и

Мы были равно далеко о
половину углубились въ кан
отъ греческаго острова Проч
шиться плыть далѣе по кана
то направиться влѣво, въ за
койныхъ водахъ.

Рыбакъ не колебался. Съ
сила сердитая пѣна, онъ быс
блудившійся человѣкъ, взл
отъискать дорогу; потомъ бр
сла, дѣти: намъ надо припль
онъ опередитъ насъ, то мы п

Мы повиновались, какъ т

Устремивъ глаза въ его г
заніе пути, мы налегли на ве
волнъ, то низвергаясь вмѣст
валовъ, мы старались замед
шихъ веселъ въ водѣ. Въ се
болѣе громадныхъ, загнало
Но вѣтеръ опередилъ насъ,
ворвавшись въ пространство
ва, онъ пріобрѣлъ такую сил

8.

Безумно было пытаться миновать этотъ проходъ на лодкѣ безъ палубы, безъ мачты, безъ паруса,—на лодкѣ, которую могла наполнить и поглотить одна пѣна. Рыбакъ бросилъ на мысъ, освященный пѣнистымъ столбомъ, взглядъ, котораго я никогда не забуду, потомъ, перекрестясь, сказалъ: «итти впередъ — невозможно, возвратиться въ открытое море — еще менѣе. Намъ остается одно изъ двухъ: причалить къ Прочидѣ или погибнуть».

Какъ мы ни были несвѣдущи въ морскомъ дѣлѣ, однако же чувствовали всю трудность этого маневра при такомъ ужасномъ вѣтрѣ. Въ направленіи къ мысу, вѣтеръ дулъ бы намъ въ корму, гналъ передъ собою, мы бы слѣдили по морю, которое убѣгало передъ нами, а волны, поднимая насъ на свои вершины, приподнимали бы вмѣстѣ съ собою. Слѣдовательно, имъ бы было труднѣе погребсти насъ въ пропастяхъ, которыя разверзались подъ ними. Но, чтобы достигнуть острова Прочиды, котораго вечерніе огни виднѣлись вправо отъ насъ, необходимо было косвенно разрѣзать волны и, такъ сказать, проскользнуть къ берегу среди ихъ ложбинъ, предоставивъ корпусъ лодки волнамъ, а тонкіе бока вѣтру. Однако же необходимость не позволяла намъ колебаться. Рыбакъ, подавъ намъ знакъ поднять весла, воспользовался промежуткомъ отъ одной волны до другой, чтобы направиться къ берегу. Мы обернули носъ къ Прочидѣ и полетѣли, какъ морская трава, которую одна волна перебрасываетъ на другую.

9.

Мы подвигались медленно; настала ночь. Пыль, пѣна, облака, несомыя вѣтромъ, все усиливало темноту. Старикъ приказалъ мальчику зажечь одну изъ смоляныхъ тряпокъ, какъ для того, чтобы хотя немного было свѣтлѣе для выполненія труднаго маневра, такъ и для того, чтобы дать знать морякамъ Прочиды, что лодка гибнетъ въ проходѣ и проситъ ихъ не о помощи, но о молитвѣ.

Восхитительную и вмѣстѣ съ тѣмъ печальную картину пре-те
ставлялъ собою бѣдный мальчикъ, зацѣпившійся одною ру- ка
за мачту, а другою поднявшій надъ головою тряпку, крас- в
пламя которой и дымъ крутились отъ вѣтра и жгли его пал- л
и волосы. Эта зыблющаяся искра, то показывавшаяся на вер- с
нѣ волнъ, то исчезавшая въ ихъ глубинѣ, безпрестанно гото-
погаснуть и непотухающая, была какъ символъ четырехъ ин-
ней людей, боровшихся между смертью и спасеніемъ во вре-
и томленіи этой ночи.

10.

Такъ прошли три часа, минуты которыхъ были такъ же дли-
ны и томительны, какъ мысли, толпившіяся тогда въ нашей го-
ловѣ. Взошла луна, и, какъ обыкновенно бываетъ, съ нею вмѣст
поднялся вѣтеръ съ бо́льшею силою. Если бы у насъ былъ хо
самый маленькій парусъ, то лодка наша непремѣнно бы опр
кинулась. Хотя низкіе борты ея представляли урагану мн
упора, однако же были минуты, когда онъ, казалось, отрыва
киль отъ воды; и мы вертѣлись, какъ засохшій листокъ, отор
вавшійся отъ вѣтки.

Въ лодку набралось много воды; мы не успѣвали ее откачи
вать, она набиралась съ быстротою. Иногда мы чувствовали,
что доска погружалась подъ нами, какъ гробъ, опускаемый в
могилу. Отъ тяжести воды лодка не такъ легко повиновалась
веслу: вода эта могла помѣшать ей подняться, когда она попа-
дала между двухъ волнъ.

Старикъ не могъ говорить: онъ знаками, со слезами на гла-
захъ, показалъ намъ, чтобы мы бросили въ море все, что́ лежа-
ло на днѣ нашего судна. Кружки съ водою, рыбныя корзины,
два толстыхъ паруса, желѣзный якорь, веревки, узлы съ его и
нашимъ платьемъ, даже наши плащи изъ грубой шерсти, напи-
тавшіеся водою, — все было выброшено за бортъ. Бѣдный ло-
вецъ съ минуту смотрѣлъ, какъ поплыло все его богатство. Лодка
приподнялась и побѣжала по гребню волнъ, какъ конь, высво-
бодившійся изъ упряжи.

Мы незамѣтно вступили въ море, болѣе спокойное, нѣсколь-
ко защищенное отъ вѣтра западною вершиною Прочиды Вѣ-

ъ слабѣлъ, факелъ нашъ сталъ горѣть свободнѣе, луна вы-лась изъ облаковъ, около нея очистилась голубая полоса; ны разширились, опали и уже не пѣнились надъ нашими го-вами. Мало-по-малу море стихло и колыхалось, какъ въ почти окойной бухтѣ; черная тѣнь утеса разрѣзала линію горизонта.

11.

При разсвѣтѣ море еще было бурно, и мы не могли войти въ вань; надо было рѣшиться причалить къ острову гдѣ-нибудь стороны, посреди утесовъ.

— Не бойтесь, дѣти, сказалъ рыбакъ, узнавъ берегъ при вѣтѣ факела: — Пресвятая Дѣва спасла насъ. Скоро берегъ, и нѣшнюю ночь мы проведемъ въ моемъ домѣ.

Мы подумали, что старикъ лишился разсудка, потому-что знали, что у него есть жилище кромѣ темнаго подвала на *Гарджеллинѣ*, а чтобы приплыть туда до наступленія ночи, мы нова должны были войти въ каналъ, обогнуть мысъ и снова роться съ бурнымъ моремъ, отъ котораго едва-едва спаслись.

Рыбакъ, улыбнувшись при видѣ нашего изумленія и угадавъ аши мысли по глазамъ, продолжалъ: «Будьте спокойны, мо-одые люди, мы доберемся такъ, что ни одна волна насъ не за-очитъ». Потомъ онъ объяснилъ намъ, что онъ съ Прочиды, то на этомъ берегу острова у него есть хижина и садъ, достав-шіеся ему отъ отца, и что въ настоящее время тамъ находится го старуха жена съ внучкою — сестрою Беппино, нашего юн-а, и еще двое ребятишекъ, для сушенія фигъ и уборки вино-радныхъ лозъ, плоды съ которыхъ они продаютъ въ Неаполѣ. Еще нѣсколько взмаховъ весломъ, прибавилъ онъ: — и мы апьемся водицы изъ источника, которая прозрачнѣе вина съ схіи».

Слова эти возвратили намъ всю твердость; мы гребли еще ь милю вдоль праваго берега Прочиды. Время отъ времени альчикъ поднималъ факелъ и махалъ имъ надъ головою. Свѣтъ амени падалъ на мрачные утесы, и отвсюду представлялась азамъ нашимъ недоступная стѣна. Наконецъ, обогнувъ гра-итную скалу, выходившую въ море какъ бастіонъ крѣпости, ы замѣтили одинъ болѣе отлогій утесъ, въ которомъ образова-

ствуемый азіятскими и итальянскими женщинами у жу… блеска ихъ дня и ясной лазури ихъ неба, моря и ночи. … ея были полны и округлы, съ рѣзкимъ абрисомъ, но цѣп… сколько блѣднаго и осмугленнаго климатомъ; на нихъ не… однако же болѣзненной блѣдности сѣвера, а была здоров… лизна юга, похожая на мраморъ, подверженный въ продо… ніи цѣлыхъ вѣковъ воздуху и влагѣ. Ротъ, губы котораго … болѣе открыты и потолще губъ нашихъ женщинъ, обозн… доброту и дѣвственность. Ея зубы, маленькіе, но блест… сверкали при волнистомъ свѣтѣ факела, какъ раскрыт… перламутровыя раковины въ морѣ, на которыя упалъ … солнца.

Дѣвушка разговаривала съ своимъ маленькимъ братом… рѣчи, живыя, нѣсколько рѣзкія и жосткія, половину кото… уносилъ вѣтеръ, звучали въ нашихъ ушахъ какъ музык… лицо, столь же подвижное, какъ свѣтъ факела, изобража… удивленіе, то ужасъ; отъ ужаса она переходила къ радост… умиленія къ смѣху. Наконецъ она примѣтила насъ за ст… фиговаго дерева; въ смущеніи она отошла отъ окна, ру… выпустила ставень, и онъ захлопалъ на свободѣ объ стѣну. … ціелла разбудила бабушку, полу-одѣлась, отворила намъ … подъ арками и съ чувствомъ обняла своего дѣда и брата.

13.

Скоро появилась старуха, съ свѣтильникомъ изъ кра… глины, который освѣщалъ ея блѣдное, исхудалое лицо и с… лосы бѣлые, какъ пасмы шерсти, вившіяся около ея пр… Она поцаловала у мужа руку, а мальчика въ лобъ. Все, … описано въ этихъ строкахъ, высказано было другъ другу … нами бѣднаго семейства нѣсколькими словами, нѣсколькими … ками. Мы не все слышали и стояли нѣсколько въ сторонѣ, … бы не стѣснять нашихъ хозяевъ въ ихъ сердечныхъ излія… Они были бѣдны, мы—иностранцы и обязаны были соблю… къ нимъ уваженіе. Мѣсто наше у самыхъ дверей безмолв… томъ свидѣтельствовало.

Граціелла время отъ времени бросала на насъ изумлен… взоры. Когда рыбакъ окончилъ свой разсказъ, то старуха … на колѣни близь очага, а *Граціелла* вышла на террасу и возв…

[illegible]сь съ вѣткою розмарина и нѣсколькими померанцовыми [illegible]тками съ широкими, бѣлыми звѣздочками; она взяла стулъ [illegible]николола букетъ длинными, золотыми булавками, которыя [illegible]ула изъ своихъ волосъ, передъ закоптѣлымъ изображеніемъ [illegible]оны, стоявшимъ надъ дверью; передъ Мадоною теплилась [illegible]падка. Мы поняли, что это было выраженіе признательности [illegible]ественной покровительницѣ за то, что она спасла дѣда и [illegible]та Граціеллы. Мы такъ же сердечно участвовали въ этомъ [illegible]годареніи.

14.

Внутренность дома была такъ же бѣдна и пуста и такъ же [illegible]ходила на скалу, какъ и наружность. Голыя стѣны безъ штука[illegible]турки, только слегка выбѣленныя известью. Ящерицы, раз[illegible]женныя свѣтомъ, шныряли и скользили между камней, шелестили подъ листьями папоротника, которые служили постелью [illegible]тямъ. На брусьяхъ, покрытыхъ корою, составлявшихъ крышу, лѣпились гнѣзда ласточекъ, откуда онѣ высовывали свои маленькія, черныя головки съ блестящими, безпокойными глазами. Граціелла и ея бабушка спали вмѣстѣ въ другой комнатѣ на постели, покрытой кускомъ холстины. Полъ заставленъ былъ корзинами для плодовъ, и лежало вьючное сѣдло съ мула.

Рыбакъ обратился къ намъ, какъ бы стыдясь своего положенія, и показалъ рукою на бѣдное свое жилище; потомъ онъ повелъ насъ на террасу, почетное мѣсто на востокѣ и югѣ Италіи. При помощи мальчика и *Граціеллы*, онъ сдѣлалъ нѣчто въ родѣ навѣса, прислонивъ весла однимъ концемъ къ стѣнѣ бруствера террасы, а другой поставивъ на полъ. Это убѣжище онъ покрылъ дюжиною каштановыхъ вѣниковъ, недавно срѣзанныхъ въ горахъ, а полъ устлалъ папоротникомъ; принесъ два [illegible]ска хлѣба, свѣжей воды, фигъ и пожелалъ намъ покойной [illegible]очи.

Усталость и сильныя ощущенія [illegible]чіи [illegible]
[illegible]съ измучили, что мы немедленно [illegible]
[illegible]роснулись, то ласточки щебетали [illegible]
[illegible]носились по самому полу террасы [illegible]
[illegible] послѣ нашего ужина; солн[illegible]

своими жгучими лучами каштановыя вѣтви, служившія нам крышею.

Долго лежали мы на папоротникѣ, въ томъ полу-сонном состояніи, которое позволяетъ нравственному человѣку чувствовать и думать, прежде чѣмъ чувственный человѣкъ соберет съ духомъ встать и дѣйствовать. Мы мѣнялись другъ съ другомъ нѣсколькими, невнятно произносимыми словами, перем жающимися длиннымъ молчаніемъ; мы снова впадали въ бытье. Вчерашняя ловля, лодка, качающаяся подъ нашими ногами, бѣшеное море, неприступныя скалы, личико Граціел между двумя ставнями, освѣщенное горящею смолою, — эти образы и картины мѣшались, путались и сливались въ од въ нашей головѣ.

Мы выведены были изъ этой сонливости воплями и упре ми старухи-бабушки, разговаривавшей въ домѣ съ своимъ ж жемъ. Черезъ печную трубу, отверстіе которой выходило террасу, до насъ доходили голоса и нѣкоторыя слова. Бѣдн женщина жаловалась на утрату прекрасныхъ кувшиновъ, по ря, почти совсѣмъ новыхъ снастей, и въ особенности двухъ десныхъ сѣтей, связанныхъ ею изъ собственной пеньки, ко рыя мы, безъ всякой жалости, бросили въ море, чтобы спа собственную жизнь.

— Нужно тебѣ было, говорила она пораженному и нѣмом старику: — брать съ собою этихъ чужеземцевъ, этихъ фран цузовъ? Развѣ ты не знаешь, что они язычники *(pagani)*, что с ними приходитъ бѣда и беззаконіе? Вотъ святые угодники тебя и наказали. Они вѣдь отняли все наше достояніе; благодар что еще душъ-то нашихъ не загубили.

Бѣдный старикъ не зналъ что́ отвѣчать.

Однако же *Граціелла* съ силою и нетерпѣливостью ребенк (бабушка ей все позволяла) возстала противъ несправедливости этихъ упрековъ и взяла сторону дѣда.

— Кто сказалъ вамъ, что эти чужеземцы *язычники?* отвѣчала она старухѣ. — Развѣ *язычники* смотрятъ такъ сострадательно, какъ эти бѣдные люди? развѣ *язычники* крестятся какъ мы передъ ликами святыхъ? А я говорю вамъ, что вчера, когда вы упали на колѣни, чтобы благодарить Бога, а я ставила букетъ къ изображенію Богородицы, я видѣла, какъ они опустили головы, какъ на молитву, и перекрестились,—видѣла даже, что у

, который помоложе, въ глазахъ заблестѣла слеза и упала
ко руку.
— Это капля морской воды, скатившаяся съ волосъ, сухо
азила старуха.
— Говорю вамъ, что не капля воды, а слеза, перебила ее съ
щемъ молодая дѣвушка. — Вѣтеръ давно бы успѣлъ высу-
ть ихъ волосы отъ берега до верху скалы. Сердца вѣтеръ
огда не изсушитъ. Повторяю еще разъ, что то была слеза.
Мы поняли, что у насъ въ домѣ всесильная защитница, по-
у-что старуха не отвѣчала болѣе и уже не ворчала.

15.

Мы поспѣшили войти въ комнату и поблагодарить бѣдныхъ
невъ за оказанное намъ гостепріимство. Рыбакъ, старуха,
по, *Граціелла* и даже маленькія дѣти собирались спуститься
берегу, къ лодкѣ, оставленной нами наканунѣ, и посмотрѣть,
ежно ли она укрѣплена, потому-что буря еще не утихла. Мы
стились вмѣстѣ съ ними, опустивъ головы, робкіе и смущен-
, какъ люди, которые сдѣлались причиною несчастія въ се-
ствѣ, и которые не знаютъ, какія чувства питаютъ къ намъ
ева.
Рыбакъ и жена его опередили насъ нѣсколькими ступенями;
ціелла, держа одного изъ своихъ маленькихъ братьевъ за
у, несла на другой самаго младшаго: она шла за дѣдомъ, а
молча шли сзади. При послѣднемъ поворотѣ одного изъ ска-
ь, откуда видны подводные камни, закрытые еще отъ насъ
рымъ ребромъ скалы, мы услыхали болѣзненные крики,
етѣвшіе въ одно время изъ устъ рыбака и его жены. Они
няли къ небу свои голыя руки и ломали ихъ, какъ въ судор-
ь отчаянія, ударяли себя кулакомъ по лбу и глазамъ и вы-
али клоки своихъ сѣдыхъ волосъ, уносимыхъ вѣтромъ къ
амъ.
Къ этимъ крикамъ присоединились вопли Граціеллы и ея
гьевъ. Всѣ они бросились, какъ безумные, перескакивая по
нѣднимъ ступенямъ, къ камнямъ, погрузились въ пѣну, при-
ую вѣтромъ къ землѣ, и упали на плоскій берегъ — кто на
ѣни, кто навзничь; старуха, закрывъ лицо руками, бросилась
вою въ мокрый песокъ.

Мы смотрѣли на эту сцену отчаянія съ вершины послѣд
маленькаго мыска, не имѣя силы ни двинуться впередъ,
итти назадъ. Лодка, хотя привязанная къ скалѣ, но не снабж
ная на кормѣ якоремъ, который бы могъ удержать ее, б
приподнята ночью волнами и раздроблена въ куски объ остр
ребра камней, которые должны были служить ей защит
Половина несчастной лодки еще держалась веревкою за ж
камень, къ которому мы прикрѣпили ее наканунѣ. Она бил
съ зловѣщимъ гуломъ, подобнымъ голосу гибнущихъ люд
которые замираютъ въ дикихъ, отчаянныхъ вопляхъ.

Прочія части лодки — корма, мачта, ребра, раскрашенн
доски — были разсѣяны тамъ и сямъ по песчаному бер
подобно членамъ труповъ, разорванныхъ воинами послѣ бит
Когда мы подошли къ этому мѣсту, то рыбакъ занятъ бы
тѣмъ, что бѣгалъ отъ одного обломка къ другому: онъ под
малъ ихъ, смотрѣлъ на нихъ нѣсколько времени потухш
взоромъ, потомъ бросалъ на землю и шелъ далѣе. Граціе
сидѣла на землѣ и плакала, закрывшись передникомъ. Дѣти
голыми ногами въ водѣ, бѣгали съ крикомъ за обломками
сокъ, стараясь изо всѣхъ силъ пригнать ихъ къ берегу.

Что́ касается до старухи, то она не переставала вопи
говорить. До насъ долетали только смѣшанные голоса и от
вистыя сѣтованія, раздиравшія воздухъ и обливавшія сер
кровью: «О, море свирѣпое! море глухое! море, ты хуже
скихъ демоновъ! море жестокосердое и безчестное, крича
старуха, сопровождая свои восклицанія цѣлымъ лексиконо
проклятій и грозя кулаками волнамъ: — зачѣмъ не поглота
ты насъ самихъ, насъ всѣхъ? ты вѣдь отняло нашъ насущны
хлѣбъ! Вотъ, вотъ, возьми меня по-крайней-мѣрѣ по частям
если не взяло всю разомъ.

И, говоря это, она привставала и бросала, вмѣстѣ съ лох
мотьями своего платья, клоки своихъ волосъ въ море. Она дв
женіемъ поражала зоду, топала ногами по пѣнѣ; потомъ, попе
ремѣнно переходя отъ злости къ сѣтованіямъ и отъ судорог
къ жалобному тону, она садилась на песокъ, опускала голо
на руки и, заливаясь слезами, глядѣла, какъ разрозненныя до
колотились о зубчатый камень.

— Бѣдная лодка! вопила она, какъ-будто эти остатки был
трупъ милаго сердцу существа, только-что лишившагося жизни

Развѣ такую судьбу должны мы были тебѣ приготовить? Не жны ли мы были погибнуть вмѣстѣ съ тобою? погибнуть стѣ, какъ жили вмѣстѣ! И вотъ ты въ кускахъ, обломкахъ, битая впрахъ! умершая, ты еще негодуешь на камень, призывала насъ всю ночь, и гдѣ мы должны были спасти ! Что ты должна о насъ думать? Ты такъ вѣрно служила съ, а мы измѣнили тебѣ, покинули, погубили такъ близко дому, на разстояніи голоса твоего хозяина, брошенною на брежье, какъ трупъ вѣрнаго пса, выкинутаго волною къ по- хозяина, его утопившаго!

Тутъ слезы захватывали ея голосъ, потомъ снова начинала исчислять достоинства своей лодки и то, чего она имъ стои- приводила всѣ обстоятельства, связанныя съ этими обломками.

— Для того ли, говорила она:—чинили мы ее и такъ хорошо красили послѣ послѣдней ловли тумакъ! Для того ли бѣдный нъ мой, передъ смертію и передъ тѣмъ, какъ оставилъ на ня этихъ трехъ дѣтей безъ отца и матери, для того ли скололъ онъ ее, съ такой любовью и заботливостію, почти всю бственными руками! Когда я брала изъ трюма корзины, я навала на деревѣ удары его топора и цаловала ихъ въ-память немъ. Теперь акулы и морскіе раки будутъ цаловать ихъ. Въ мніе вечера онъ собственными руками вырѣзалъ ножемъ на скѣ изображеніе св. Франциска и прибилъ ее къ носу, чтобы радить ее отъ непогодъ. Что сталось съ моимъ сыномъ, его ною и лодкой, которую онъ оставилъ намъ послѣ себя для ставленія насущнаго хлѣба его дѣтямъ?

— Бабушка, бабушка! закричалъ одинъ изъ дѣтей, поднявъ прибрежьи обломокъ лодки, выкинутой волною на землю:— гъ ликъ святого!

Бѣдная женщина забыла свой гнѣвъ, бросилась въ воду къ льчику, схватила кусокъ доски, вырѣзанной ея сыномъ, прильла къ ней губами и облила слезами, потомъ сѣла на прежнее сто и уже болѣе не сказала ни слова.

16.

Мы помогли Беппо и старику собрать всѣ обломки, вытяли изуродованную корму далѣе на берегъ и изъ всего этого

Мы смотрѣли на эту сцену отчаянія съ вершины послѣд
маленькаго мыска, не имѣя силы ни двинуться впередъ,
итти назадъ. Лодка, хотя привязанная къ скалѣ, но не сваб
ная на кормѣ якоремъ, который бы могъ удержать ее, б
приподнята ночью волнами и раздроблена въ куски объ остр
ребра камней, которые должны были служить ей защит
Половина несчастной лодки еще держалась веревкою за д
камень, къ которому мы прикрѣпили ее наканунѣ. Она бил
съ зловѣщимъ гуломъ, подобнымъ голосу гибнущихъ люд
которые замираютъ въ дикихъ, отчаянныхъ вопляхъ.

Прочія части лодки — корма, мачта, ребра, раскрашенн
доски — были разсѣянны тамъ и сямъ по песчаному бере
подобно членамъ труповъ, разорванныхъ воинами послѣ бит
Когда мы подошли къ этому мѣсту, то рыбакъ занятъ бы
тѣмъ, что бѣгалъ отъ одного обломка къ другому: онъ под
малъ ихъ, смотрѣлъ на нихъ нѣсколько времени потухш
взоромъ, потомъ бросалъ на землю и шелъ далѣе. Граціе
сидѣла на землѣ и плакала, закрывшись передникомъ. Дѣти
голыми ногами въ водѣ, бѣгали съ крикомъ за обломками
сокъ, стараясь изо всѣхъ силъ пригнать ихъ къ берегу.

Что́ касается до старухи, то она не переставала вопи
говорить. До насъ долетали только смѣшанные голоса и отр
вистыя сѣтованія, раздиравшія воздухъ и обливавшія сер
кровью: «О, море свирѣпое! море глухое! море, ты хуже
скихъ демоновъ! море жестокосердое и безчестное, кричал
старуха, сопровождая свои восклицанія цѣлымъ лексикон
проклятій и грозя кулаками волнамъ: — зачѣмъ не поглотил
ты насъ самихъ, насъ всѣхъ? ты вѣдь отняло нашъ насущны
хлѣбъ! Вотъ, вотъ, возьми меня по-крайней-мѣрѣ по частям
если не взяло всю разомъ.

И, говоря это, она привставала и бросала, вмѣстѣ съ лох
мотьями своего платья, клоки своихъ волосъ въ море. Она дви
женіемъ поражала зоду, топала ногами по пѣнѣ; потомъ, попе
ремѣнно переходя отъ злости къ сѣтованіямъ и отъ судорог
къ жалобному тону, она садилась на песокъ, опускала голов
на руки и, заливаясь слезами, глядѣла, какъ разрозненныя дос
колотились о зубчатый камень.

— Бѣдная лодка! вопила она, какъ-будто эти остатки был
трупъ милаго сердцу существа, только-что лишившагося жизни

...звѣ такую судьбу должны мы были тебѣ приготовить? Не ...ны ли мы были погибнуть вмѣстѣ съ тобою? погибнуть ...тѣ, какъ жили вмѣстѣ! И вотъ ты въ кускахъ, обломкахъ, ...итая впрахъ! умершая, ты еще негодуешь на камень, ... призывала насъ всю ночь, и гдѣ мы должны были спасти ...! Что ты должна о насъ думать? Ты такъ вѣрно служила ...ъ, а мы измѣнили тебѣ, покинули, погубили такъ близко дому, на разстояніи голоса твоего хозяина, брошенною на ...брежье, какъ трупъ вѣрнаго пса, выкинутаго волною къ по... хозяина, его утопившаго!

Тутъ слезы захватывали ея голосъ, потомъ снова начинала ... исчислять достоинства своей лодки и то, чего она имъ стои... приводила всѣ обстоятельства, связанныя съ этими обломками.

— Для того ли, говорила она:—чинили мы ее и такъ хорошо ...красили послѣ послѣдней ловли тумакъ! Для того ли бѣдный ...нъ мой, передъ смертію и передъ тѣмъ, какъ оставилъ на ...я этихъ трехъ дѣтей безъ отца и матери, для того ли сколо...ъ онъ ее, съ такой любовью и заботливостію, почти всю ...ственными руками! Когда я брала изъ трюма корзины, я ...авала на деревѣ удары его топора и цаловала ихъ въ-память ...емъ. Теперь акулы и морскіе раки будутъ цаловать ихъ. Въ ...ніе вечера онъ собственными руками вырѣзалъ ножемъ на ...скѣ изображеніе св. Франциска и прибилъ ее къ носу, чтобы ...радить ее отъ непогодъ. Что сталось съ моимъ сыномъ, его ...еною и лодкой, которую онъ оставилъ намъ послѣ себя для ...ставленія насущнаго хлѣба его дѣтямъ?

— Бабушка, бабушка! закричалъ одинъ изъ дѣтей, поднявъ ... прибрежьи обломокъ лодки, выкинутой волною на землю:— ...отъ ликъ святого!

Бѣдная женщина забыла свой гнѣвъ, бросилась въ воду къ ...альчику, схватила кусокъ доски, вырѣзанной ея сыномъ, прильула къ ней губами и облила слезами, потомъ сѣла на прежнее ...ѣсто и уже болѣе не сказала ни слова.

16.

Мы помогли Беппо и старику собрать всѣ обломки, вытянули изуродованную корму далѣе на берегъ и изъ всего этого

говали у всѣхъ молодыхъ *прочиданокъ* корзинки съ фигами, ше
шки, виноградъ, который онѣ несли, и такимъ образомъ ста
лись, чтобы прошло время. Когда же, съ вершины мыса, м
увидали, что лодка наша украдкой скользила подъ тѣнью у
систаго берега, то ускорили шаги, чтобы притти въ одно вр
съ гребцами.

Ни въ домикѣ, ни въ окружающемъ его виноградникѣ
слышно было ни голосовъ, ни шаговъ. Два прекрасныхъ го
бя съ широкими, бахромчатыми лапками, съ бѣлыми крыль
испещренными черными пятнышками, клевали зерна маис
брустверѣ террасы: они были единственнымъ признакомъ ж
ни, оживившей домъ. Безъ шума взошли мы подъ навѣсъ и
шли все семейство въ глубокомъ снѣ. Всѣ, за исключеніемъ
тей, которыхъ хорошенькія головки покоились на рукахъ Г
ціеллы, дремали, какъ изнеможенные горемъ.

Старуха опустила голову на колѣни; въ дыханіи ея
слышались вопли. Старый рыбакъ лежалъ на спинѣ, скрест
руки; солнце обливало его своими лучами. Ласточки, лета
кругъ, развѣвали своимъ полетомъ его сѣдые волосы; мух
крывали его лобъ, съ котораго струился потъ. Двѣ глубо
бразды, доходившихъ до самыхъ губъ, ясно показывали,
сила мужчины въ немъ разбилась, и что онъ заснулъ въ слез

Эта картина болѣзненно отозвалась въ нашемъ сердцѣ;
насъ утѣшала мысль, что скоро возвратимъ мы счастіе эт
бѣднымъ людямъ. Мы ихъ разбудили, бросили къ ногамъ Г
ціеллы и ея маленькихъ братьевъ свѣжіе хлѣбы, сыръ, соло
ну, виноградъ, апельсины, фиги, — все, чѣмъ мы запаслись
рогой. Молодая дѣвушка и дѣти не смѣли подняться посре
этого дождя изобилія, который, какъ съ неба, падалъ око
нихъ. Старикъ благодарилъ насъ за все семейство. Жена е
смотрѣла на все это какимъ-то мертвымъ взоромъ. Выраже
ея лица ближе было къ злости, чѣмъ къ равнодушію.

— Послушай, *Адреа*, сказалъ мой другъ старику: — чел
вѣкъ не долженъ дважды плакать о томъ, что можетъ сно
пріобрѣсти трудомъ и терпѣніемъ. Въ лѣсу много досокъ, и к
нопля не перевелась. Только изводится жизнь человѣка, есл
онъ предается печали. Слезы въ одинъ день загубятъ больш
силы, чѣмъ годъ труда. Пойдемъ съ нами, возьми жену и д
тей. Мы твои матросы; мы вамъ поможемъ стащить сегодня

домъ во дворъ что̀ осталось отъ лодки. Изъ обломковъ можно
лать ограду, постель, столъ, разную мебель для твоего се-
йства. Вамъ пріятно будетъ въ старости покойно заснуть сре-
досокъ, такъ долго качавшихъ васъ на волнахъ.

— Хоть бы для гробовъ-то онѣ намъ пригодились, глухо
обормотала старуха.

20.

Однако же они встали и послѣдовали за нами по ступенямъ
берегу; видно было, что видъ моря и шумъ волнъ дѣйство-
ли на нихъ болѣзненно. Я не стану описывать удивленіе и ра-
сть этихъ бѣдняковъ, когда они увидали прекрасную, новую
дку, блестѣвшую на солнцѣ и вытащенную на сушу къ тому
сту, гдѣ лежали обломки прежней, и когда другъ мой ска-
лъ: «она ваша!»

Какъ пораженные молніей, они, отъ радости, упали на колѣ-
, на ступенькахъ, гдѣ кто стоялъ, чтобы поблагодарить Го-
пода Бога, прежде чѣмъ нашлись у нихъ слова, чтобы побла-
одарить насъ самихъ. Но намъ достаточно было ихъ радости.

Они поднялись, услыхавъ голосъ моего друга, который ихъ
валъ, и побѣжали за нимъ къ лодкѣ. Сначала на почтительномъ
зстояніи они обошли ее кругомъ, какъ бы боясь, не очаро-
ніе ли это какое, и не сокроется ли все это отъ глазъ ихъ,
акъ какое чудо. Потомъ они подошли поближе, потомъ косну-
сь лодки рукою и поднесли эту руку къ головѣ, къ губамъ, и
аловали эту руку. Наконецъ издали крикъ удивленія и радости,
схватившись за руки — отъ старухи до ребенка, стали танцо-
ать около новой лодки.

21.

Беппо первый вошелъ въ нее. Вставъ на кубринъ, онъ вы-
скивалъ изъ трюма всѣ снасти, которыя мы туда уложили —
юрь, веревки, кувшины съ четырьмя ручками, прекрасные,
овые паруса, корзины, плащи съ широкими рукавами; онъ по-
гукивалъ якоремъ, поднималъ весла надъ головою; развертыв-

валъ холстину, мялъ между пальцами грубую шерсть плащ
всѣ эти богатства онъ показывалъ дѣду, бабушкѣ, сестрѣ,
радостными криками, и топалъ ногами. Старикъ, старух
Граціелла плакали, смотря то на лодку, то на насъ.

Моряки, которые привели судно, спрятавшись за боль
камни, также плакали. Всѣ благословляли насъ. Граціелла,
лущенною головою, болѣе серьёзная въ своей благодарнос
подошла къ бабушкѣ, и мы слышали, что проговорила она,
зывая на насъ. «Вы говорили, сказала добрая дѣвушка, что
язычники; а я говорила вамъ, что они скорѣй похожи на ан
ловъ: кто же изъ насъ справедливѣе?

Старуха бросилась къ нашимъ ногамъ и просила прощен
за свои подозрѣнія. Съ этой минуты она полюбила насъ по
также, какъ любила свою внучку или Беппо.

22.

Заплативъ морякамъ условные три цехина, мы ихъ о
стили. Забравъ все, что лежало въ трюмѣ, мы перенесли
богатство счастливой семьи въ ея домикъ. Вечеромъ по
ужина, при свѣтѣ лампы, Беппо отвязалъ отъ изголовья пост
своей бабушки обломокъ доски, на которой отецъ его вырѣзал
изображеніе *святого* Франциска, сравнялъ ее пилою, выч
тилъ ножемъ, отполировалъ и снова выкрасилъ. На другой де
утромъ онъ намѣревался врѣзать ее въ конецъ внутренней час
кормы, для того, чтобы въ новой лодкѣ было что-нибу
отъ старой.

Такъ древніе народы, воздвигая храмъ на томъ мѣстѣ, г
прежде стоялъ другой, всегда старались употребить при нов
постройкѣ матеріялы или, по-крайней мѣрѣ, колонну отъ ст
раго, для того, чтобы въ этой новой постройкѣ сохранить дре
ніе, священные остатки, и чтобы самое воспоминаніе, блѣдно
и грубое, связанное въ этими остатками, сохранило еще д
сердца прелесть и очарованіе, посреди высокихъ образцовъ и
кусства, которыми они украшали жилище своихъ боговъ. Чел
вѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Въ его натурѣ одни и тѣже на
ла — строитъ ли онъ партенонъ, храмъ св. Петра въ Римѣ и
бѣдную рыбацкую лодку на берегахъ Прочиды.

23.

очь эта была можетъ быть самая счастливая изо всѣхъ
, которыми Провидѣніе подарило этотъ домикъ съ тѣхъ
, какъ онъ воздвигся изъ скалы и до минуты его паденія.
пали подъ оливами, при завываніи вѣтра, при шумѣ волнъ
регу, при свѣтѣ луны, упадавшемъ на нашу террасу. Про-
пись, мы увидали небо, чистое какъ хрусталь. море темное
нѣ, какъ-будто по немъ выступилъ потъ отъ усталости
ительности. Однако же вѣтеръ завывалъ сильнѣе; бѣлая
, которою волны орошали оконечность мыса Мизенскаго,
малась еще выше, чѣмъ наканунѣ: она затопляла весь бе-
Кумъ приливомъ и отливомъ густыхъ, блестящихъ тума-
Ни въ Байскомъ, ни въ Гаэтскомъ заливѣ не видно
ни одного паруса; морскія ласточки разсѣкали своимъ бѣ-
крыломъ пѣну: птица эта живетъ въ бурѣ и испускаетъ
радости во время кораблекрушенія, подобно проклятымъ
телямъ залива *Успшихъ*, ожидающимъ добычи отъ гибели
.
ы сами въ себѣ испытывали тайную радость, видя, что за-
ны ненастьемъ въ домѣ и виноградникѣ рыбака: это да-
возможность насладиться нашимъ положеніемъ и налюбо-
я на счастье бѣдной семьи, къ которой привязались какъ

акъ прожили мы девять дней. Мы, и особенно я, желали,
буря никогда не кончалась, и чтобы роковая необходи-
удержала насъ на многіе годы въ этомъ счастливомъ плѣ-
Однако же дни наши протекали незамѣтно и однообразно.
такъ не доказываетъ, какъ мало нужно для счастія, когда
е еще молодо и способно наслаждаться. Такъ самыя про-
явства поддерживаютъ и обновляютъ жизнь тѣла, когда
риправляетъ апетитъ и когда органы еще свѣжи и здоровы.

24.

ы просыпались при щебетаньи ласточекъ,
лиственною кровлею террасы, гдѣ мы с

дѣвственный голосъ Граціеллы, пѣвавшей вполголоса, что
не нарушить сна двухъ пришлецовъ; быстро сбѣгали на бер
чтобы погрузиться въ море и поплавать нѣсколько минут
заливу, котораго мелкій песокъ блисталъ сквозь прозрач
глубину, и куда не доходило колыханіе и пѣна взволнова
моря. Потомъ мы тихо поднимались къ дому, сушили наш
лосы и плечи; въ виноградникѣ, вмѣстѣ съ молодой дѣву
ѣли за завтракомъ хлѣбъ и сыръ, пили чистую и прохла
воду изъ глинянаго, продолговатаго кувшина, который она
нѣя наклоняла къ нашимъ устамъ; помогали хозяевамъ в
сячѣ мелкихъ домашнихъ и садовыхъ работъ: поправляли с
окружавшія виноградникъ и поддерживавшія террасу, отта
вали большіе камни, падавшіе зимою изъ стѣнъ на мол
лозы; сносили въ подвалъ огромныя, жолтыя тыквы, изъ
рыхъ человѣкъ могъ поднять не болѣе одной; между лоза
рывали канавки для стока дождевой воды, а вокругъ фиго
и лимонныхъ деревьевъ съ тою же цѣлью копали ямы. Та
были наши утреннія занятія до того часа, когда солнце,
ливъ крышу, садъ и дворъ, заставляло насъ скрываться
сѣнь виноградныхъ лозъ. Прозрачность и отблескъ листье
рашивали волнующуюся тѣнь теплымъ, золотистымъ цвѣто

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

СТЕПАНЪ ГРАБЛИНЪ И СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

Былъ пятый часъ утра. Двадцатиградусный морозъ давалъ
5я знать каждому, кто не принялъ противъ него надежныхъ
ръ. Но онъ, казалось, не имѣлъ никакого вліянія на молодого
ловѣка въ холодной шинели, который, быстро переходя ши-
кую улицу, размахивалъ руками и говорилъ самъ съ собою:

— Партикулярное мѣсто.... да! наконецъ у меня есть пар-
кулярное мѣсто.... теперь я буду имѣть средства....

Тутъ онъ сталъ расчитывать по пальцамъ и наконецъ остановил-
у огромнаго дома, испещреннаго множествомъ вывѣсокъ. Гла-
его обратились на окна второго этажа, надъ которыми красо-
лась вывѣска во всю длину дома. Окна не были освѣщены.

Постоявъ передъ ними, молодой человѣкъ началъ прохажи-
ться мимо дома.

Фонари, зажженные съ вечера, еще горѣли, и освѣщени
алюдный проспектъ представлялъ воображенію его чу.

дѣвственный голосъ Граціеллы, пѣвавшей вполголоса, что
не нарушить сна двухъ пришлецовъ; быстро сбѣгали на бере
чтобы погрузиться въ море и поплавать нѣсколько минутъ
заливу, котораго мелкій песокъ блисталъ сквозь прозрач
глубину, и куда не доходило колыханіе и пѣна взволнован
моря. Потомъ мы тихо поднимались къ дому, сушили наши
лосы и плечи; въ виноградникѣ, вмѣстѣ съ молодой дѣвуш
ѣли за завтракомъ хлѣбъ и сыръ, пили чистую и прохлад
воду изъ глинянаго, продолговатаго кувшина, который она
нѣя наклоняла къ нашимъ устамъ; помогали хозяевамъ въ
сячѣ мелкихъ домашнихъ и садовыхъ работъ: поправляли сте
окружавшія виноградникъ и поддерживавшія террасу, отта
вали большіе камни, падавшіе зимою изъ стѣнъ на моло
лозы; сносили въ подвалъ огромныя, желтыя тыквы, изъ ко
рыхъ человѣкъ могъ поднять не болѣе одной; между лозами
рывали канавки для стока дождевой воды, а вокругъ фиго
и лимонныхъ деревьевъ съ тою же цѣлью копали ямы. Та
были наши утреннія занятія до того часа, когда солнце, р
лило крышу, садъ и дворъ, заставляло насъ скрываться
сѣнь виноградныхъ лозъ. Прозрачность и отблескъ листьевъ
рашивали волнующуюся тѣнь теплымъ, стымъ цвѣто

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

ОЧЕРКЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

ПАНЪ ГРАБЛИНЪ И СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

ый часъ утра. Двадцатиградусный морозъ давалъ
ждому, кто не принялъ противъ него належащихъ
ь, казалось, не имѣлъ никакого вліянія на молодаго
холодной шинели, который, быстро переходя ши-
, размахивалъ руками и говорилъ самъ съ собою:
кулярное мѣсто.... да! наконецъ у меня есть пар-
ѣсто.... теперь я буду имѣть средства....
талъ расчитывать по пальцамъ и наконецъ остановил-
о дома, всевозможнаго множествомъ вывѣсокъ. Гля-
шись на окна второго этажа, надъ которыми красо-
ка во всю длину дома. Окна не были освѣщены.
передъ ними, молодой человѣкъ началъ прохажи-
ома.
жженные съ вечера, еще горѣли, и освѣщенный
роспектъ представлялъ воображенію его чудную

валъ холстѣну, мялъ между пальцами грубую шерсть плащ
всѣ эти богатства онъ показывалъ дѣду, бабушкѣ, сестрѣ,
радостными криками, и топалъ ногами. Старикъ, старуш
Граціелла плакали, смотря то на лодку, то на насъ.

Моряки, которые привели судно, спрятавшись за боль
камни, также плакали. Всѣ благословляли насъ. Граціелла,
• лущенною головою, болѣе серьёзная въ своей благодарнос
подошла къ бабушкѣ, и мы слышали, что́ проговорила она, у
зывая на насъ. «Вы говорили, сказала добрая дѣвушка, что
язычники; а я говорила вамъ, что они скорѣй похожи на анг
ловъ: кто же изъ насъ справедливѣе?

Старуха бросилась къ нашимъ ногамъ и просила прощ
за свои подозрѣнія. Съ этой минуты она полюбила насъ по
также, какъ любила свою внучку или Беппо.

22.

Заплативъ морякамъ условные три цехина, мы ихъ о
стили. Забравъ все, что́ лежало въ трюмѣ, мы перенесл
богатство счастливой семьи въ ея домикъ. Вечеромъ по
ужина, при свѣтѣ лампы, Беппо отвязалъ отъ изголовья пост
своей бабушки обломокъ доски, на которой отецъ его вырѣз
изображеніе *святого* Франциска, сравнялъ ее пилою, выч
тилъ ножемъ, отполировалъ и снова выкрасилъ. На другой д
утромъ онъ намѣревался врѣзать ее въ конецъ внутренней час
кормы, для того, чтобы въ новой лодкѣ было что-нибу
отъ старой.

Такъ древніе народы, воздвигая храмъ на томъ мѣстѣ, г
прежде стоялъ другой, всегда старались употребить при нов
постройкѣ матеріялы или, по-крайней мѣрѣ, колонну отъ ст
раго, для того, чтобы въ этой новой постройкѣ сохранить дре
ніе, священные остатки, и чтобы самое воспоминаніе, блѣдно
и грубое, связанное въ этими остатками, сохранило еще
сердца прелесть и очарованіе, посреди высокихъ образцовъ
кусства, которыми они украшали жилище своихъ боговъ. Чело
вѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Въ его натурѣ одни и тѣже нача
ла — строитъ ли онъ партенонъ, храмъ св. Петра въ Римѣ ил
бѣдную рыбацкую лодку на берегахъ Прочиды.

23.

очь эта была можетъ быть самая счастливая изо всѣхъ
, которыми Провидѣніе подарило этотъ домикъ съ тѣхъ
какъ онъ воздвигся изъ скалы и до минуты его паденія.
пали подъ оливами, при завываніи вѣтра, при шумѣ волнъ
регу, при свѣтѣ луны, упадавшемъ на нашу террасу. Про-
нись, мы увидали небо, чистое какъ хрусталь. море темное
нѣ, какъ-будто по немъ выступилъ потъ отъ усталости
тельности. Однако же вѣтеръ завывалъ сильнѣе; бѣлая
, которою волны орошали оконечность мыса Мизенскаго,
алась еще выше, чѣмъ наканунѣ: она затопляла весь бе-
кумъ приливомъ и отливомъ густыхъ, блестящихъ тума-
Ни въ Байскомъ, ни въ Гаэтскомъ заливѣ не видно
ни одного паруса; морскія ласточки разсѣкали своимъ бѣ-
крыломъ пѣну: птица эта живетъ въ бурѣ и испускаетъ
радости во время кораблекрушенія, подобно проклятымъ
гелямъ залива *Успшихъ*, ожидающимъ добычи отъ гибели

ы сами въ себѣ испытывали тайную радость, видя, что за-
ны ненастьемъ въ домѣ и виноградникѣ рыбака: это да-
озможность насладиться нашимъ положеніемъ и налюбо-
на счастье бѣдной семьи, къ которой привязались какъ

къ прожили мы девять дней. Мы, и особенно я, желали,
буря никогда не кончалась, и чтобы роковая необходи-
удержала насъ на многіе годы въ этомъ счастливомъ плѣ-
Однако же дни наши протекали незамѣтно и однообразно.
такъ не доказываетъ, какъ мало нужно для счастія, когда
е еще молодо и способно наслаждаться. Такъ самыя про-
явства поддерживаютъ и обновляютъ жизнь тѣла, когда
правляетъ апетитъ и когда органы еще свѣжи и здоровы.

24.

ы просыпались при щебетаньи ласточекъ, кружившихся
лиственною кровлею террасы, гдѣ мы спали; слушали

дѣвственный голосъ Граціеллы, пѣвавшей вполголоса, что
не нарушить сна двухъ пришлецовъ; быстро сбѣгали на бере
чтобы погрузиться въ море и поплавать нѣсколько минутъ
заливу, котораго мелкій песокъ блисталъ сквозь прозрачн
глубину, и куда не доходило колыханіе и пѣна взволнован
моря. Потомъ мы тихо поднимались къ дому, сушили наши
лосы и плечи; въ виноградникѣ, вмѣстѣ съ молодой дѣвуш
ѣли за завтракомъ хлѣбъ и сыръ, пили чистую и прохлад
воду изъ глинянаго, продолговатаго кувшина, который она к
нѣя наклоняла къ нашимъ устамъ; помогали хозяевамъ въ т
сячѣ мелкихъ домашнихъ и садовыхъ работъ: поправляли ст
окружавшія виноградникъ и поддерживавшія террасу, оттас
вали большіе камни, падавшіе зимою изъ стѣнъ на моло
лозы; сносили въ подвалъ огромныя, жолтыя тыквы, изъ ко
рыхъ человѣкъ могъ поднять не болѣе одной; между лозами
рывали канавки для стока дождевой воды, а вокругъ фиговы
и лимонныхъ деревьевъ съ тою же цѣлью копали ямы. Так
были наши утреннія занятія до того часа, когда солнце, ра
ливъ крышу, садъ и дворъ, заставляло насъ скрываться
сѣнь виноградныхъ лозъ. Прозрачность и отблескъ листьевъ
рашивали волнующуюся тѣнь теплымъ, золотистымъ цвѣто

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

СТЕПАНЪ ГРАБЛИНЪ И СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

Былъ пятый часъ утра. Двадцатиградусный морозъ давалъ себя знать каждому, кто не принялъ противъ него надежныхъ мѣръ. Но онъ, казалось, не имѣлъ никакого вліянія на молодого человѣка въ холодной шинели, который, быстро переходя широкую улицу, размахивалъ руками и говорилъ самъ съ собою:

— Партикулярное мѣсто.... да! наконецъ у меня есть партикулярное мѣсто.... теперь я буду имѣть средства....

Тутъ онъ сталъ расчитывать по пальцамъ и наконецъ остановился у огромнаго дома, испещреннаго множествомъ вывѣсокъ. Глаза его обратились на окна второго этажа, надъ которыми красовалась вывѣска во всю длину дома. Окна не были освѣщены.

Постоявъ передъ ними, молодой человѣкъ началъ прохаживаться мимо дома.

Фонари, зажженные съ вечера, еще горѣли, и освѣщенный безлюдный проспектъ представлялъ воображенію его чудную

валъ холстѝну, мялъ между пальцами грубую шерсть плащ
всѣ эти богатства онъ показывалъ дѣду, бабушкѣ, сестрѣ,
радостными криками, и топалъ ногами. Старикъ, старуш
Граціелла плакали, смотря то на лодку, то на насъ.

Моряки, которые привели судно, спрятавшись за боль
камни, также плакали. Всѣ благословляли насъ. Граціелл
• лущенною головою, болѣе серьёзная въ своей благодарно
подошла къ бабушкѣ, и мы слышали, что́ проговорила она, у
зывая на насъ. «Вы говорили, сказала добрая дѣвушка, что
язычники; а я говорила вамъ, что они скорѣй похожи на ан
ловъ: кто же изъ насъ справедливѣе?

Старуха бросилась къ нашимъ ногамъ и просила проще
за свои подозрѣнія. Съ этой минуты она полюбила насъ по
также, какъ любила свою внучку или Беппо.

22.

Заплативъ морякамъ условные три цехина, мы ихъ о
стили. Забравъ все, что́ лежало въ трюмѣ, мы перенесли
богатство счастливой семьи въ ея домикъ. Вечеромъ по
ужина, при свѣтѣ лампы, Беппо отвязалъ отъ изголовья посте
своей бабушки обломокъ доски, на которой отецъ его вырѣзал
изображеніе *святого* Франциска, сравнялъ ее пилою, выч
тилъ ножемъ, отполировалъ и снова выкрасилъ. На другой де
утромъ онъ намѣревался врѣзать ее въ конецъ внутренней част
кормы, для того, чтобы въ новой лодкѣ было что-нибу
отъ старой.

Такъ древніе народы, воздвигая храмъ на томъ мѣстѣ, г
прежде стоялъ другой, всегда старались употребить при новой
постройкѣ матеріялы или, по-крайней мѣрѣ, колонну отъ ста
раго, для того, чтобы въ этой новой постройкѣ сохранить древ
ніе, священные остатки, и чтобы самое воспоминаніе, блѣдное
и грубое, связанное въ этими остатками, сохранило еще для
сердца прелесть и очарованіе, посреди высокихъ образцовъ ис
кусства, которыми они украшали жилище своихъ боговъ. Чело
вѣкъ вездѣ одинъ и тотъ же. Въ его натурѣ одни и тѣже нача
ла — строитъ ли онъ партенонъ, храмъ св. Петра въ Римѣ или
бѣдную рыбацкую лодку на берегахъ Прочиды.

23.

Ночь эта была можетъ быть самая счастливая изо всѣхъ ей, которыми Провидѣніе подарило этотъ домикъ съ тѣхъ ъ, какъ онъ воздвигся изъ скалы и до минуты его паденія. спали подъ оливами, при завываніи вѣтра, при шумѣ волнъ берегу, при свѣтѣ луны, упадавшемъ на нашу террасу. Про-вшись, мы увидали небо, чистое какъ хрусталь. море темное ъ пѣнѣ, какъ-будто по немъ выступилъ потъ отъ усталости ѣятельности. Однако же вѣтеръ завывалъ сильнѣе; бѣлая ль, которою волны орошали оконечность мыса Мизенскаго, ымалась еще выше, чѣмъ наканунѣ: она затопляла весь бе-съ Кумъ приливомъ и отливомъ густыхъ, блестящихъ тума-ъ. Ни въ Байскомъ, ни въ Гаэтскомъ заливѣ не видно ало ни одного паруса; морскія ласточки разсѣкали своимъ бѣ-мъ крыломъ пѣну: птица эта живетъ въ бурѣ и испускаетъ ики радости во время кораблекрушенія, подобно проклятымъ ителямъ залива *Усопшихъ*, ожидающимъ добычи отъ гибели дна.

Мы сами въ себѣ испытывали тайную радость, видя, что за-ючены ненастьемъ въ домѣ и виноградникѣ рыбака: это да-ало возможность насладиться нашимъ положеніемъ и налюбо-аться на счастье бѣдной семьи, къ которой привязались какъ ѣти.

Такъ прожили мы девять дней. Мы, и особенно я, желали, тобы буря никогда не кончалась, и чтобы роковая необходи-ость удержала насъ на многіе годы въ этомъ счастливомъ плѣ-нѣ. Однако же дни наши протекали незамѣтно и однообразно. Ничто такъ не доказываетъ, какъ мало нужно для счастія, когда ердце еще молодо и способно наслаждаться. Такъ самыя про-тыя явства поддерживаютъ и обновляютъ жизнь тѣла, когда ихъ приправляетъ апетитъ и когда органы еще свѣжи и здоровы.

24.

Мы просыпались при щебетаньи ласточекъ, кружившихся подъ лиственною кровлею террасы, гдѣ мы спали; слушали

[illegible] Гранвилля. [illegible]
[illegible] двухъ [illegible]
[illegible] въ море [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] хлѣбъ и сыръ. [illegible]
[illegible] предпочтительно [illegible]
[illegible] къ нашимъ уставъ; [illegible]
[illegible] садовыхъ работъ: [illegible]
[illegible] виноградникъ и поддерживаніи [illegible].
[illegible] падавшіе [illegible]
[illegible] огромныя, желтыя [illegible]
[illegible] не болѣе одной: [illegible]
[illegible] для стока дождевой воды, а [illegible]
[illegible] съ того же [illegible]
[illegible] утреннія занятія до того часа, когда солнце. [illegible]
[illegible] крышу, садъ и дворъ, заставляло насъ скрываться [illegible]
[illegible] виноградныхъ лозъ. Прозрачность и отблескъ листьевъ
[illegible] тѣнь теплымъ, золотистымъ цвѣт[illegible]

ТРИ СТРАНЫ СВѢТА.

РОМАНЪ ВЪ ОСЬМИ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА I.

СТЕПАНЪ ГРАБЛИНЪ И СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ.

Былъ пятый часъ утра. Двадцатиградусный морозъ давалъ себя знать каждому, кто не принялъ противъ него надежныхъ мѣръ. Но онъ, казалось, не имѣлъ никакого вліянія на молодого человѣка въ холодной шинели, который, быстро переходя широкую улицу, размахивалъ руками и говорилъ самъ съ собою:

— Партикулярное мѣсто.... да! наконецъ у меня есть партикулярное мѣсто.... теперь я буду имѣть средства....

Тутъ онъ сталъ расчитывать по пальцамъ и наконецъ остановился у огромнаго дома, испещреннаго множествомъ вывѣсокъ. Глаза его обратились на окна второго этажа, надъ которыми красовалась вывѣска во всю длину дома. Окна не были освѣщены.

Постоявъ передъ ними, молодой человѣкъ началъ прохаживаться мимо дома.

Фонари, зажженные съ вечера, еще горѣли, и освѣщенный безлюдный проспектъ представлялъ воображенію его чудную

картину спокойствія и счастія жителей роскошной улицы. Очень грустной показалась ему недавно покинутая комната полусгнившемъ домикѣ Семеновскаго Полка, съ перегородкой изъ-за которой слышались тоскливые вздохи старухи-матери. Почти съ первыхъ дней юности онъ жилъ въ этомъ домикѣ, прожилъ въ немъ не мало лѣтъ; но не жаль ему полусгнившаго домика, гдѣ онъ безплодно убилъ свои свѣжія силы въ вѣчной битвѣ съ нуждой, въ этой всесокрушающей битвѣ; не нашелъ онъ въ памяти своей ни одного отраднаго дня изъ нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ полусгнившемъ домикѣ.... и не жаль ему этого домика. Но серьёзное лицо его проясняется. Онъ снимаетъ шляпу и благоговѣйно крестится на Казанскій соборъ. Въ перспективѣ у него теперь сухая квартира; чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ приведетъ онъ въ эту квартиру свою старуху, ничего не подозрѣвающую теперь о близкой перемѣнѣ въ ихъ жизни, — и успокоятся и отдохнутъ наконецъ старыя косточки, такъ долго, долго и много странствовавшія по горькому пути нищеты, и наконецъ самъ онъ не будетъ кашлять и пугать старуху опасностью лишиться въ немъ послѣдней опоры.

Такъ мечталъ молодой человѣкъ и не чувствовалъ двадцатиградуснаго мороза, и кашель его глухо отдавался въ морозномъ воздухѣ, возбуждая подозрительное вниманіе будочника, готоваго прозакладывать голову, что этотъ кашель недаромъ, что этотъ кашель — сигнальный кашель, на который вотъ сію минуту отвѣтитъ тѣмъ же кашлемъ забравшійся куда-нибудь на чердакъ воръ и сброситъ съ крыши какой-нибудь узелъ съ бѣльемъ или другимъ чѣмъ, — и чуткому уху его чудится уже и отвѣтный сигналъ, и узелъ, летящій къ ногамъ молодого человѣка. Таково ужь свойство людей — смотрѣть на все съ точки зрѣнія своей спеціяльности!

Дѣло однакожь было гораздо проще и чище. Молодой человѣкъ такъ обрадовался своему партикулярному мѣсту, что, обязавшись являться къ пяти часамъ утра, пришелъ гораздо раньше, и теперь дожидался, пока освѣтятся окна магазина.

Звали его Граблинымъ, Степаномъ Петровичемъ. Былъ онъ сынъ смотрителя и дѣтство свое провелъ въ деревнѣ. Изъ жизни дѣтства у него мало сохранилось воспоминаній. Помнилъ онъ рѣку съ крутыми песчаными берегами, пастуха, съ которымъ лѣтомъ пропадалъ съ утра до вечера. Онъ дѣлился съ пасту-

ъ колобками, которые давала ему мать, а тотъ ему дѣлалъ
ныя свистульки и училъ его играть на нихъ. Помнилъ дѣ-
пѣсни, пѣтыя пастухомъ, когда онъ лежа смотрѣлъ на бѣ-
ія облака, между тѣмъ какъ въ горахъ вторилась и перели-
лась звонкая пѣсня. Помнилъ, какъ отецъ, передавъ ему все,
му самъ выучился самоучкой, то есть, выучивъ его читать и
сать, все тосковалъ потомъ, что его долго «Господь не при-
ретъ», потому-что сироту скорѣе примутъ въ школу. Да еще:
къ въ одно утро онъ бѣгалъ въ саду.... въ саду было весело,
рошо.... его позвали домой — тамъ стоялъ гробъ, въ немъ
жалъ его отецъ, у гроба въ ногахъ рыдала мать. А потомъ
ѣхали незнакомые люди и увезли сироту въ школу. Въ школѣ
ъ долго заливался слезами, забравшись въ уголъ въ темномъ
ридорѣ и перебирая въ горячемъ воображеніи то рыдающую
ать, провожавшую его до первой станціи и оторванную нако-
цъ силою отъ него, то рѣку, пастуха и бесѣдку, торчавшую
холмѣ, въ видѣ гриба, гдѣ онъ укрывался съ пастухомъ отъ
ждя; а между тѣмъ дровяной дворъ съ безконечнымъ забо-
мъ тосквило смотрѣлъ на него и, казалось, тоже плакалъ. Ди-
рь не разъ замышлялъ побѣгъ.

Образованіе кончилось благополучно: мальчикъ не пріобрѣлъ
ишкомъ большихъ свѣдѣній, но и не утратилъ естественнаго
ысла. Сидя въ классѣ и уставивъ на толкующаго учителя гла-
, повидимому полные вниманія, онъ имѣлъ способность уле-
ать въ тоже время воображеніемъ далеко, далеко — на роди-
у, въ «зелены луга». Къ тому же, учителя щадили себя, и
олкованія въ классахъ были не часто, а чаще въ нихъ разда-
лись голоса учениковъ, отвѣчавшихъ одинъ за другимъ уроки,
ызубренные по тетрадкамъ и книгамъ. Впрочемъ Граблинъ,
аткнувъ уши, покачиваясь и повторяя по тысячѣ разъ сряду
дну фразу, не хуже другихъ вытверживалъ все, что велѣли,
очно такъ же, какъ охотно пѣлъ свои пѣсни по требованію стар-
аго ученика; только пѣсни его не безпокоили, а крѣпко зау-
енный урокъ часто преслѣдовалъ его и на яву и во снѣ. Ни съ
ого, ни съ сего, вдругъ пробарабанитъ онъ въ мозгу, такъ-что
альчикъ проснется и вздрогнетъ:

«Когда земля станетъ между солнцемъ и луною, тог-
«да земная тѣнь падаетъ на луну и на оной усматривается

«круглое черное пятно, а какъ круглыя тѣни происход
«отъ круглыхъ тѣлъ, слѣд. земля кругла».

Въ другой разъ, какъ-будто его же собственный голосъ д
битъ ему въ ухо таблицу умноженія или однообразно повторяет

«Озера, въ кои рѣки впадаютъ и изъ нихъ вытекаю
«озера въ кои рѣки впадаютъ но изъ нихъ не вытекаю
«озера въ кои рѣки не впадаютъ но изъ нихъ выте
«ютъ....»

Даже по окончаніи ученья, цѣлые два года неотступно пр
слѣдовали его уроки. Примѣры же на прилагательное же: по
ный во всѣхъ его измѣненіяхъ:

«свѣтъ полонъ обмана, жизнь полна заботъ»,

рѣшительно не давали ему покоя среди тяжкихъ трудов
угрожали проводить его въ могилу.

Получивъ мѣсто съ небольшимъ жалованьемъ, онъ вызва
къ себѣ изъ деревни мать. Глубоко запали въ его память и
сердце тѣ рѣдкія минуты, когда вдругъ, бывало, среди общ
жужжанья школьной братьи, вызубривающей школьную
дрость по тетрадкамъ, раздастся чей-нибудь голосъ:

— Обрадовать тебя, Граблинъ?

— Ну, отвѣчаетъ онъ, вздрогнувъ вдругъ отъ какого-то о
радно-болѣзненнаго чувства, быстро пробѣжавшаго по всем
его существу. — Ну? повторяетъ онъ, вѣря и не вѣря мель
нувшей уже въ умѣ догадкѣ и страшно боясь обмануться.

— Да ты не пугайся, продолжаетъ добрый товарищ: —
вотъ ужь и поблѣднѣлъ!... Ступай — мать пріѣхала!

И жужжавшіе товарищи вдругъ утихаютъ, провожая глаз
ми счастливца, который бросался бѣгомъ въ пріемную.

Тамъ старушка, ни жива, ни мертва, робко и нетерпѣли
глядитъ на дверь, читая про-себя молитву,—и вдругъ она вск
киваетъ со стула, хочетъ броситься на встрѣчу вбѣжавшему сы
ну, но колѣни ея дрожатъ, и она падаетъ снова на стулъ,
сынъ ужь у нея на груди,— и долго замираютъ они, крѣпко об
нявшись и улыбаясь и обливаясь слезами въ одно и тоже вре
мя.

Глубоко запали въ душу его эти минуты, которыми старуш
ка дарила его почти каждый годъ, являясь какъ снѣгъ на голо

у изъ-за четырехъ сотъ верстъ, Богъ знаетъ какими способа-
ш, — взглянуть на сынка, обласкать, полакомить и опять уйти,
пять ждать цѣлый годъ какой-нибудь оказіи въ Петербургъ. И
акъ ни были бѣдны его средства, онъ выписалъ свою мать и
ялъ мыслью доставить ей спокойную старость. Партикулярное мѣсто значительно увеличивало его средства, и онъ горѣлъ етерпѣніемъ приступить къ дѣлу.

И вотъ наконецъ въ окнахъ второго этажа мелькнулъ свѣтъ вмѣстѣ съ первымъ вспыхнувшимъ газовымъ рожкомъ вспыхнула торговая дѣятельность «Книжнаго Магазина и Библіотеки ля Чтенія на всѣхъ языкахъ Кирпичовъ и К°».

Счастливый обладатель партикулярнаго мѣста, вошедши въ агазинъ, засталъ въ немъ одного Петрушку, съ которымъ уже емного знакомъ читатель.

Отецъ его, засѣдавшій въ качествѣ чего-то въ Думѣ, годъ ому назадъ встрѣтившись съ Кирпичовымъ, упросилъ его взять къ себѣ сына *въ ученіе*. Отпуская его учиться уму-разуму, одитель говорилъ: «Съ Богомъ, Петруша, поди-ка, поди, полно тебѣ за голубями бѣгать по улицамъ; отцу твоему нѣкогда съ тобой возиться, а матери нѣтъ у тебя, — ступай, Петруша, чукой человѣкъ лучше выучитъ. Да смотри же, прибавилъ онъ: — я пристроилъ тебя, такъ ты чуствуй: чтобъ я не слышалъ о тебѣ отъ почтеннаго хозяина твоего ничего кромѣ хорошаго, а нето.... ну, ступай, ступай, заключилъ онъ, замѣтивъ поматившіяся слезы по блѣдному лицу мальчика: — благослови Христосъ!» — И вотъ Петрушка стоитъ теперь у дверей магазина въ качествѣ швейцара, возитъ въ почтамтъ посылки, получаетъ по повѣсткамъ деньги, а по утрамъ убираетъ магазинъ.

Петрушка страшно возился съ коврами и подымалъ метелкой пыль съ полу, полокъ и прилавковъ, приводя такимъ образомъ магазинъ въ надлежащій видъ. Пыль ходила туманомъ. Молодой человѣкъ чихнулъ. — Будьте здоровы! прокричалъ гдѣ-то Петрушка и снова принялся возиться и стучать метелкой сильнѣе прежняго. Защитивъ платкомъ носъ и глаза отъ пыли, будущій сподвижникъ Кирпичова началъ осматриваться. Онъ остановился въ комнатѣ, въ которой производилась упаковка посылокъ и которую Кирпичовъ назначалъ теперь для конторскихъ занятій. Она была уже преобразована и имѣла видъ конторы значительнаго торговаго дома: по стѣнамъ тянулись полки съ

картину спокойствія и счастія жителей роскошной улицы. – Очень грустной показалась ему недавно покинутая комната в полусгнившемъ домикѣ Семеновскаго Полка, съ перегородкою, изъ-за которой слышались тоскливые вздохи старухи-матери. Почти съ первыхъ дней юности онъ жилъ въ этомъ домикѣ и прожилъ въ немъ не мало лѣтъ; но не жаль ему полусгнившаго домика, гдѣ онъ безплодно убилъ свои свѣжія силы въ вѣчной битвѣ съ нуждой, въ этой всесокрушающей битвѣ; не нашелъ онъ въ памяти своей ни одного отраднаго дня изъ нѣсколькихъ лѣтъ, прожитыхъ въ полусгнившемъ домикѣ.... и не жаль ему этого домика. Но серьёзное лицо его проясняется. Онъ снимаетъ шляпу и благоговѣйно крестится на Казанскій соборъ. Въ перспективѣ у него теперь сухая квартира; чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ приведетъ онъ въ эту квартиру свою старуху, ничего не подозрѣвающую теперь о близкой перемѣнѣ въ ихъ жизни, – и успокоятся и отдохнутъ наконецъ старыя косточки, такъ долго, долго и много странствовавшія по горькому пути нищеты, и наконецъ самъ онъ не будетъ кашлять и пугать старуху опасностью лишиться въ немъ послѣдней опоры.

Такъ мечталъ молодой человѣкъ и не чувствовалъ двадцатиградуснаго мороза, и кашель его глухо отдавался въ морозномъ воздухѣ, возбуждая подозрительное вниманіе будочника, готоваго прозакладывать голову, что этотъ кашель недаромъ, что этотъ кашель — сигнальный кашель, на который вотъ сію минуту отвѣтитъ тѣмъ же кашлемъ забравшійся куда-нибудь на чердакъ воръ и сброситъ съ крыши какой-нибудь узелъ съ бѣльемъ или другимъ чѣмъ, — и чуткому уху его чудится уже и отвѣтный сигналъ, и узелъ, летящій къ ногамъ молодого человѣка. Таково ужь свойство людей — смотрѣть на все съ точки зрѣнія своей спеціяльности!

Дѣло однакожь было гораздо проще и чище. Молодой человѣкъ такъ обрадовался своему партикулярному мѣсту, что, обязавшись являться къ пяти часамъ утра, пришелъ гораздо раньше, и теперь дожидался, пока освѣтятся окна магазина.

Звали его Граблинымъ, Степаномъ Петровичемъ. Былъ онъ сынъ смотрителя и дѣтство свое провелъ въ деревнѣ. Изъ жизни дѣтства у него мало сохранилось воспоминаній. Помнилъ онъ рѣку съ крутыми песчаными берегами, пастуха, съ которымъ лѣтомъ пропадалъ съ утра до вечера. Онъ дѣлился съ пасту-

комъ колобками, которые давала ему мать, а тотъ ему дѣлалъ разныя свистульки и училъ его играть на нихъ. Помнилъ двѣ-три пѣсни, пѣтыя пастухомъ, когда онъ лежа смотрѣлъ на бѣгущія облака, между тѣмъ какъ въ горахъ вторилась и переливалась звонкая пѣсня. Помнилъ, какъ отецъ, передавъ ему все, чему самъ выучился самоучкой, то есть, выучивъ его читать и писать, все тосковалъ потомъ, что его долго «Господь не приберетъ», потому-что сироту скорѣе примутъ въ школу. Да еще: какъ въ одно утро онъ бѣгалъ въ саду.... въ саду было весело, хорошо.... его позвали домой — тамъ стоялъ гробъ, въ немъ лежалъ его отецъ, у гроба въ ногахъ рыдала мать. А потомъ пріѣхали незнакомые люди и увезли сироту въ школу. Въ школѣ онъ долго заливался слезами, забравшись въ уголъ въ темномъ коридорѣ и перебирая въ горячемъ воображеніи то рыдающую мать, провожавшую его до первой станціи и оторванную наконецъ силою отъ него, то рѣку, пастуха и бесѣдку, торчавшую на холмѣ, въ видѣ гриба, гдѣ онъ укрывался съ пастухомъ отъ дождя; а между тѣмъ дровяной дворъ съ безконечнымъ заборомъ тосквило смотрѣлъ на него и, казалось, тоже плакалъ. Дикарь не разъ замышлялъ побѣгъ.

Образованіе кончилось благополучно: мальчикъ не пріобрѣлъ слишкомъ большихъ свѣдѣній, но и не утратилъ естественнаго смысла. Сидя въ классѣ и уставивъ на толкующаго учителя глаза, повидимому полные вниманія, онъ имѣлъ способность улетать въ тоже время воображеніемъ далеко, далеко — на родину, въ «зелены луга». Къ тому же, учителя щадили себя, и толкованія въ классахъ были не часто, а чаще въ нихъ раздавались голоса учениковъ, отвѣчавшихъ одинъ за другимъ уроки, вызубренные по тетрадкамъ и книгамъ. Впрочемъ Граблинъ, заткнувъ уши, покачиваясь и повторяя по тысячѣ разъ сряду одну фразу, не хуже другихъ вытверживалъ все, что велѣли, точно такъ же, какъ охотно пѣлъ свои пѣсни по требованію старшаго ученика; только пѣсни его не безпокоили, а крѣпко заученный урокъ часто преслѣдовалъ его и на яву и во снѣ. Ни съ того, ни съ сего, вдругъ пробарабанитъ онъ въ мозгу, такъ-что мальчикъ проснется и вздрогнетъ:

«Когда земля станетъ между солнцемъ и луною, тог-
«да земная тѣнь падаетъ на луну и на оной усматривается

«круглое черное пятно, а какъ круглыя тѣни происходятъ
«отъ круглыхъ тѣлъ, слѣд. земля кругла».

Въ другой разъ, какъ-будто его же собственный голосъ дробитъ ему въ ухо таблицу умноженія или однообразно повторяетъ:

«Озера, въ кои рѣки впадаютъ и изъ нихъ вытекаютъ
«озера въ кои рѣки впадаютъ но изъ нихъ не вытекаютъ
«озера въ кои рѣки не впадаютъ но изъ нихъ вытека-
«ютъ....»

Даже по окончаніи ученья, цѣлые два года неотступно преслѣдовали его уроки. Примѣры же на прилагательное же: полный во всѣхъ его измѣненіяхъ:

«свѣтъ полонъ обмана, жизнь полна заботъ»,

рѣшительно не давали ему покоя среди тяжкихъ трудовъ и угрожали проводить его въ могилу.

Получивъ мѣсто съ небольшимъ жалованьемъ, онъ вызвалъ къ себѣ изъ деревни мать. Глубоко запали въ его память и въ сердце тѣ рѣдкія минуты, когда вдругъ, бывало, среди общаго жужжанья школьной братьи, вызубривающей школьную мудрость по тетрадкамъ, раздастся чей-нибудь голосъ:

— Обрадовать тебя, Граблинъ?

— Ну, отвѣчаетъ онъ, вздрогнувъ вдругъ отъ какого-то отрадно-болѣзненнаго чувства, быстро пробѣжавшаго по всему его существу. — Ну? повторяетъ онъ, вѣря и не вѣря мелькнувшей уже въ умѣ догадкѣ и страшно боясь обмануться.

— Да ты не пугайся, продолжаетъ добрый товарищь: — вотъ ужь и поблѣднѣлъ!... Ступай — мать пріѣхала!

И жужжавшіе товарищи вдругъ утихаютъ, провожая глазами счастливца, который бросался бѣгомъ въ пріемную.

Тамъ старушка, ни жива, ни мертва, робко и нетерпѣливо глядитъ на дверь, читая про-себя молитву,—и вдругъ она вскакиваетъ со стула, хочетъ броситься на встрѣчу вбѣжавшему сыну, но колѣни ея дрожатъ, и она падаетъ снова на стулъ, а сынъ ужь у нея на груди,— и долго замираютъ они, крѣпко обнявшись и улыбаясь и обливаясь слезами въ одно и тоже время.

Глубоко запали въ душу его эти минуты, которыми старушка дарила его почти каждый годъ, являясь какъ снѣгъ на голо-

ву изъ-за четырехъ сотъ верстъ, Богъ знаетъ какими способами, — взглянуть на сынка, обласкать, полакомить и опять уйти, опять ждать цѣлый годъ какой-нибудь оказіи въ Петербургъ. И какъ ни были бѣдны его средства, онъ выписалъ свою мать и жилъ мыслью доставить ей спокойную старость. Партикулярное мѣсто значительно увеличивало его средства, и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ приступить къ дѣлу.

И вотъ наконецъ въ окнахъ второго этажа мелькнулъ свѣтъ и вмѣстѣ съ первымъ вспыхнувшимъ газовымъ рожкомъ вспыхнула торговая дѣятельность «Книжнаго Магазина и Библіотеки для Чтенія на всѣхъ языкахъ Кирпичовъ и К°».

Счастливый обладатель партикулярнаго мѣста, вошедши въ магазинъ, засталъ въ немъ одного Петрушку, съ которымъ уже немного знакомъ читатель.

Отецъ его, засѣдавшій въ качествѣ чего-то въ Думѣ, годъ тому назадъ встрѣтившись съ Кирпичовымъ, упросилъ его взять къ себѣ сына *въ ученіе*. Отпуская его учиться уму-разуму, родитель говорилъ: «Съ Богомъ, Петруша, поди-ка, поди, полно тебѣ за голубями бѣгать по улицамъ; отцу твоему нѣкогда съ тобой возиться, а матери нѣтъ у тебя, — ступай, Петруша, чужой человѣкъ лучше выучитъ. Да смотри же, прибавилъ онъ: — я пристроилъ тебя, такъ ты чуствуй: чтобъ я не слышалъ о тебѣ отъ почтеннаго хозяина твоего ничего кромѣ хорошаго, а нето.... ну, ступай, ступай, заключилъ онъ, замѣтивъ понатившіяся слезы по блѣдному лицу мальчика: — благослови Христосъ!» — И вотъ Петрушка стоитъ теперь у дверей магазина въ качествѣ швейцара, возитъ въ почтамтъ посылки, получаетъ по повѣсткамъ деньги, а по утрамъ убираетъ магазинъ.

Петрушка страшно возился съ коврами и подымалъ метелкой пыль съ полу, полокъ и прилавковъ, приводя такимъ образомъ магазинъ въ надлежащій видъ. Пыль ходила тумапомъ. Молодой человѣкъ чихнулъ. — Будьте здоровы! прокричалъ гдѣ-то Петрушка и снова принялся возиться и стучать метелкой сильнѣе прежняго. Защитивъ платкомъ носъ и глаза отъ пыли, будущій сподвижникъ Кирпичова началъ осматриваться. Онъ остановился въ комнатѣ, въ которой производилась упаковка посылокъ и которую Кирпичовъ назначалъ теперь для конторскихъ занятій. Она была уже преобразована и имѣла видъ конторы значительнаго торговаго дома: по стѣнамъ тянулись полки съ

Разсвѣло. Начали являться покупатели. При входѣ каждаго, Кирпичовъ вскакивалъ со стула и, выглядывая въ щель двери, наблюдалъ за дѣйствіями прикащика.

—Ну, такъ! говорилъ онъ молодому человѣку, смотря въ щель: — опять не продалъ, опять, разбойникъ, упуститъ покупателя. Книги продать не съумѣетъ! снаровки нѣтъ никакой.... А вотъ я пойду, смотрите, и.... того ...

И онъ выбѣжалъ-было въ магазинъ, но вдругъ вернулся и взглянулъ на незапертое бюро, на которомъ писалъ молодой человѣкъ.

— Вамъ, Степанъ Петровичъ, сказалъ онъ, подходя къ бюро: — кажется, мѣшаетъ ключикъ-то.

— Какой ключикъ?

— Да вотъ.... Онъ, кажется, упираетъ вамъ въ грудь.

Ключикъ, торчавшій въ замочной скважинѣ, нисколько не мѣшалъ писать молодому человѣку, который даже и не замѣтилъ его.

— Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ молодой человѣкъ простодушно.

— Кажется, мѣшаетъ.... Или ужь пусть, если ничего.

И Кирпичовъ сдѣлалъ шагъ къ двери, но тотчасъ же онъ вернулся.

— Нѣтъ, кажется, мѣшаетъ, сказалъ онъ и, торопливо подойдя къ бюро, взялся за ключъ. Замокъ щелкнулъ. Молодой человѣкъ вздрогнулъ и вспыхнулъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, а Кирпичовъ, поспѣшно выдернувъ ключъ, побѣжалъ въ магазинъ къ покупателю, оставивъ молодого человѣка въ страшномъ смущеніи.

Выбѣжавъ въ магазинъ, Кирпичовъ схватилъ съ полки двѣ книги и, хлопнувъ ими одну о другую со всего размаха подъ самымъ носомъ покупателя, сказалъ:

— Вотъ-съ!... пожалуйте.

— Мнѣ не нужно въ переплетѣ, отвѣчалъ оглушенный покупатель, приготовляясь чихнуть: — у васъ переплетъ дорогъ.

— Какъ дорогъ-съ? Сафьянный корешокъ-съ. Сами закажете, дороже возьмутъ-съ.

Покупатель съ этимъ не совсѣмъ соглашался и хотѣлъ что-то сказать, но лицо его вдругъ стало подергиваться, ноздри разширились, и, уставивъ на Кирпичова глаза, покрывшіеся слезой, онъ закинулъ голову и широко раскрылъ ротъ. Кирпичовъ по-

агнулся впередъ и, казалось, прицѣливался нырнуть къ покупателю въ ротъ, но въ самомъ дѣлѣ онъ только приготовлялся сказать: «исполненія желаній», чего сказать однако не пришось, потому-что покупатель вдругъ привелъ свою физіономію въ прежнее положеніе и, повернувшись къ Кирпичову спиной, ошелъ изъ магазина.

— Какъ угодно-съ, все равно-съ, говорилъ ему вслѣдъ Кирпичовъ: — магазинъ нашъ для иногородныхъ, они выписываютъ все болѣе въ переплетахъ; а для здѣшнихъ и держать не тóитъ: кошкамъ на молоко не добудешь!

И, обиженный небрежнымъ обращеніемъ ускользнувшаго покупателя, Кирпичовъ накинулся на Харитона Сидорыча, которому, по какой-то непостижимой игрѣ случая, пришла небывалая охота завернуть въ бумагу книжку журнала, выдавая ее одписчику.

— Вѣдь бумага-то денегъ стóитъ, вѣдь васъ кормить, поить надо, ворчалъ онъ: — а вамъ ничего хозяйскаго не жаль.

— Вы не сказывали, чтобъ журналы не завертывать въ бумагу, отвѣчалъ Перечумковъ.

— Не сказывалъ! А у самихъ догадки нѣтъ. Вѣдь видите, тó за человѣкъ пришелъ: даровой, и по билету видно, что даровой.

— Онъ сотрудникъ журнала, пробормоталъ прикащикъ себѣ одъ носъ.

— Сотрудникъ! А чтó намъ въ немъ? Я спрашиваю васъ, тó намъ въ немъ? Не напоитъ, не накормитъ, не одѣнетъ, не буетъ онъ насъ съ вами тѣмъ, что онъ сотрудникъ. У самого онъ холодная шинелишка.... а у васъ шуба, да еще новенькая. Такъ вы и берегите хозяйское!

За тѣмъ Кирпичовъ снова сѣлъ вписывать адресы въ толстую книгу и составлять счеты, а молодой человѣкъ отправился а службу.

Когда письма и посылки были отправлены на почту, хозяинъ уѣхалъ по дѣламъ.

Но, оставаясь все еще подъ вліяніемъ неопредѣленнаго страа, Кирпичовъ во время своего отсутствія изъ магазина находился въ состояніи пѣсеннаго любовника, разлученнаго съ своей озлюбленной. Сильно безпокоился онъ, что дѣлается въ его магазинѣ или съ его магазиномъ. Ни съ того, ни съ сего, вдругъ

покажется ему, что въ домѣ, гдѣ его магазинъ, можетъ быть теперь пожаръ, и что вотъ пока онъ разъѣзжаетъ безразсудно, гоняя своихъ лошадей, сгоритъ у него магазинъ весь до тла, такъ-что и мѣста не отыщешь, гдѣ онъ стоялъ; то вообразитъ онъ, что въ магазинѣ его толпа покупателей и Перечумковъ, бестія, упуститъ ихъ всѣхъ отъ своей неспособности, неповоротливости, неумѣнья подать книгу съ этою необходимою ловкостію, хлопнувъ ею подъ носомъ у покупателя. И онъ летитъ, летитъ, погоняя кучера. Такимъ образомъ, чрезъ каждые почти полчаса Кирпичовъ возвращался и, опрометью вбѣжавъ въ магазинъ, распрашивалъ Перечумкова и другихъ прикащиковъ, что̀ продано и что̀ происходило безъ него вообще, и глаза его подозрительно останавливались на прикащикѣ или бѣгали по полкамъ и всѣмъ угламъ магазина, какъ-бы ожидая, что вотъ-вотъ выскочитъ откуда-нибудь покупатель и обличитъ Перечумкова въ продажѣ книги, о которой тотъ умолчалъ, а деньги взялъ себѣ. Иногда онъ дѣлалъ Перечумкову замѣчаніе, что въ его отсутствіи покупателей является меньше, нежели когда онъ самъ бываетъ въ магазинѣ. Но какъ прикащикъ молчалъ, не зная, что̀ хозяинъ хотѣлъ этимъ сказать: то ли, что книгъ, предполагалъ онъ, продано болѣе, чѣмъ показано, или что хозяинъ его обладаетъ чуднымъ свойствомъ притягивать покупателей, противъ ихъ воли, единственно своей счастливой особой, — то Кирпичовъ наконецъ махалъ рукой и уходилъ обѣдать.

Книжная продажа, если нельзя сказать не выручаетъ для торговцевъ *даже кошкамъ на молоко*, какъ говорилъ Кирпичовъ, то по-крайней-мѣрѣ даетъ прикащикамъ полную возможность и свободу спать въ магазинѣ послѣ обѣда. Поэтому и въ магазинъ Кирпичова послѣ обѣда покупатели являлись рѣдко, и торговая дѣятельность въ это время засыпала въ немъ вмѣстѣ съ прикащиками. Хозяинъ тоже имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣда отдохнуть четверть часика, что̀ означало никакъ не менѣе двухъ часовъ. Это обыкновеніе впрочемъ нарушалось, когда была необходимость съѣздить куда-нибудь по неотложному дѣлу. Тогда Петрушкѣ грозила неминуемая потасовка. Стоя у дверей въ магазинѣ, послѣ обѣда, какъ ни старался онъ ободрять себя, набивалъ носъ табакомъ и даже — когда не случалось табаку — пылью, какъ ни старался онъ представлять, всѣ разомъ, угрозы, дѣлаемыя ему хозяиномъ при вся-

комъ случаѣ, воображеніе его рѣшительно не поддавалось никакимъ ужасамъ и настроивалось, противъ его воли, совсѣмъ на другой ладъ. Оно представляло ему стаю голубей, усѣвшихся возлѣ лабаза, которые со всею птичьей безпечностью занялись разсыпаннымъ кормомъ и не отнимаютъ отъ него ни на минуту своихъ носовъ. Минута рѣшительная. Сильно бьется сердце птицелова. Вотъ онъ ловко взмахнулъ уже гибельной веревкой съ свинцовымъ наконечникомъ и, пошатнувшись отъ этого движенія, вдругъ рухнулся прямо къ ногамъ вошедшаго въ эту минуту хозяина, который и принимался, не говоря худого слова, щипать его, пока птицеловъ, ошеломленный такимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, не обнаруживалъ наконецъ самосознанія дрожащимъ крикомъ, выражавшимъ въ одно время и испугъ, и боль, и мольбу о пощадѣ.

Впрочемъ страданія Петрушки скоро кончились. Кирпичовъ пріобрѣлъ себѣ другого вѣрнаго слугу Въ числѣ бѣдняковъ, отыскивающихъ работы и хлѣба, въ магазинъ Кирпичова забрелъ однажды полузамерзшій, сѣдой старикъ съ мальчикомъ лѣтъ осьми. Бѣлая борода старика, покрытая инеемъ, блестѣла на солнцѣ, которое проглядывало въ магазинъ черезъ окно, полосой.

— Не прогоните, Бога ради, старика, говорилъ мужикъ глухимъ дрожащимъ голосомъ. — Будьте милосливы!

И старикъ объяснилъ Кирпичову, что хотѣлъ бы у него работать что-нибудь. Кирпичовъ залился смѣхомъ.

— Ну, что ты у меня будешь работать? что умѣешь? спросилъ онъ старика.

Старикъ понурилъ голову и, подумавъ немного, отвѣчалъ:

— Тягости всякія подымаю.

Кирпичовъ посмотрѣлъ на него съ любопытствомъ, словно онъ былъ въ самомъ дѣлѣ новоизобрѣтенная машина для подъема тяжестей.

— Вотъ и мальчишко, внучекъ мой, продолжалъ мужикъ:— сталъ бы тоже что ни заставите...

— Да нѣтъ у меня такой работы, прервалъ въ досадѣ Кирпичовъ: — вотъ, правда, посылки бы на почту возить, для нихъ я каждый день нанимаю ломового извозчика, да вѣдь не запряжешь же тебя въ возъ, вмѣсто лошади, вѣдь не запряжешь, а?

Мужикъ что-то думалъ и, казалось, грустно соглашался, что человѣкъ въ иныхъ случаяхъ точно не можетъ замѣнить лошади.

— Вѣдь ты человѣкъ, а? Вотъ еслибъ ты былъ лошадь.

И Кирпичовъ снова захохоталъ. Мужикъ кланялся и повторялъ:

— Возьмите хоть одного мальчишку, — можетъ приводится на что-нибудь; а со мной онъ что? окромя что мерзнетъ да мретъ съ холоду и голоду.

— Да нѣтъ, говорятъ тебѣ, перебилъ его опять съ досадой Кирпичовъ: — нѣтъ у меня работы ни для него, ни для тебя. — Ищи у кого-нибудь другого.

— Къ кому пойдешь? спрашивалъ себя мужикъ. — Я здѣсь какъ въ лѣсу — ни души не знаю.

— Не зачѣмъ было итти сюда, упрекнулъ его Кирпичовъ:— жилъ бы себѣ въ деревнѣ.

— Да сгорѣла деревня-то, поспѣшно сказалъ старикъ, спохватившись, что онъ не разсказалъ еще своего горя: — вся выгорѣла, полтораста душъ по міру пошло; а вотъ мать его, моя-то дочь, такъ сгорѣла и сама тутъ же.

Старикъ вздохнулъ и положилъ свою руку мальчику на голову.

— Возьмите его, Бога-ради, молилъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Парнишко послушной такой, понятливой, по гробъ былъ бы слугой вѣрнымъ благодѣтелю.

Мальчикъ поднялъ было глаза на Кирпичова, полные слезъ, но тотчасъ же робко опустилъ ихъ, встрѣтивъ нетерпѣливое движеніе Кирпичова.

— Экъ пристадъ! закричалъ Кирпичовъ. — Ну, что мнѣ съ нимъ? Вѣдь его надо хлѣбомъ кормить, вѣдь онъ овса ѣсть не станетъ, вѣдь не станетъ? спрашивалъ онъ, какъ-будто это подлежало еще сомнѣнію.

Не получивъ отвѣта, Кирпичовъ велѣлъ прикащику выдать старику грошъ и, махнувъ рукой, сказалъ: съ Богомъ!

Старикъ съ мальчикомъ вышли.

Но вдругъ Кирпичовъ велѣлъ ихъ воротить. У него наконецъ мелькнула счастливая мысль воспользоваться случаемъ къ *пріобрѣтенію* преданнаго человѣка, котораго онъ спасетъ отъ

видимой погибели. Старикъ перекрестилъ своего внука на добрый путь, — и черезъ нѣсколько времени Павлушка (такъ звали новаго мальчика), одѣтый и остриженный по-нѣмецки, караулилъ и охранялъ Петрушку, снавшаго у дверей послѣ обѣда, отъ нечаянныхъ нападеній Кирпичова. Вѣрный слуга крѣпко помнилъ наставленіе своего благодѣтеля и обѣщаніе сдѣлать его человѣкомъ.

Только въ комнатѣ для конторскихъ занятій дѣятельность не прерывалась и послѣ обѣда. Тамъ Граблинъ, кончившій одну службу и пообѣдавшій на-скоро, плотно усаживался за толстую книгу и, заглядывая по временамъ въ адресы и счеты, записанные въ нее Кирпичовымъ, продолжалъ отписываться на письма иногородныхъ требователей. Высидѣвъ убитымъ до 9 часовъ вечера, онъ гордо выпрямлялся, вовсе не обращая вниманія на боль въ груди, плечахъ и спинѣ, — и шелъ спать, казалось, совершенно довольный своей судьбой.

На другое утро молодой человѣкъ опять приходилъ, когда еще весь Петербургъ погруженъ въ сладкій предъ-утренній сонъ. Дворникъ, котораго ему приходилось будить, потому-что парадная лѣстница не отиралась такъ рано, ворчалъ, отпирая калитку: «ишь ты! теперь только домой вернулся, а добрые люди скоро вставать начнутъ»; но видя, что на другой день повторилось тоже, на третій — тоже, свыкся съ этой неизбѣжностью и не ворчалъ уже болѣе на неисправимаго ночного гуляку.

Раннее освѣщеніе въ магазинѣ, среди общаго мрака во всѣхъ другихъ окнахъ большой улицы, многихъ заставляло предполагать тутъ Богъ знаетъ какія дѣла. Трубочистъ на крышѣ противоположнаго дома невольно простанвалъ нѣсколько минутъ лишнихъ, занятый зрѣлищемъ, какъ неловко карабкался Петрушка въ магазинѣ по лѣстницѣ, сбрасывая книги съ полокъ, для отправленія на почту, подъ диктовку прикащика. — Заставилъ бы я тебя карабкаться по крышамъ! думалъ трубочистъ.— Запоздалый гость, возвращавшійся грустный и усталый, проѣзжая мимо ярко освѣщенной квартиры, утѣшалъ себя этимъ обстоятельствомъ, открывъ такимъ образомъ, что не одинъ онъ такъ поздно возвращается, а что вотъ эти люди, которые вѣроятно теперь танцуютъ, играютъ и предаются всѣмъ удоволь-

ствіямъ бала, будутъ возвращаться домой еще позже и можетъ быть болѣе его усталые и проигравшіеся.... Только будочникъ, стоявшій у будки противоположнаго дома, не могъ дѣлать подобныхъ ошибочныхъ заключеній насчетъ ранняго освѣщенія у Кирпичова. Видывалъ онъ всякіе виды въ продолженіи своей долгой службы, и окна другого магазина когда-то также свѣтло смотрѣли на проспектъ по утрамъ, а потомъ стали тѣ окна блестѣть и по ночамъ и въ нихъ стали мелькать тѣни съ бокалами въ рукахъ, а потомъ офиціяльныя лица вдругъ стали имѣть разныя касательства до владѣтеля яркихъ оконъ... а потомъ поваръ владѣтеля блестящихъ оконъ, свидѣтельствавшій ему, будочнику, по утрамъ, на пути за провизіей, свое *наиглубочайшее*, докладывалъ, что провизію-то давно уже закупаетъ онъ *на свои*, и просилъ у него, будочника, наставленія, относительно мѣръ къ полученію денегъ съ задолжавшаго хозяина; а потомъ и потухли свѣтлыя окна и стали мрачно смотрѣть на свѣтъ Божій, какъ смотрятъ грустныя очи изъ глубокихъ впадинъ преждевременно отжившаго, но еще живого человѣка.

ГЛАВА II.

КОЛЕСО БѢЖИТЪ ШИБКО.

Житель отдаленной провинціи, имѣющій иногда нужду до столичныхъ книгопродавцевъ, рѣшительно лишенъ возможности судить о нихъ по чему-нибудь, кромѣ ихъ собственныхъ объявленій и журнальныхъ отзывовъ.

Журналы, считая неважнымъ дѣломъ исполнить просьбу богатого книгопродавца, который могъ и самъ въ свою очередь пригодиться имъ, провозгласили Кирпичова человѣкомъ извѣстной честности, исправности и аккуратности и время отъ времени повторяли свою похвалу, съ легкими варіяціями. Что́ касается до объявленій, то Кирпичовъ не скупился на нихъ, и они были дѣйствительно заманчивы. Между прочимъ Кирпичовъ сильно добивался званія коммиссіонера разныхъ мѣстъ. Имя каждаго изъ тѣхъ мѣстъ приплеталось въ его ти-

тулъ, который въ объявленіяхъ и письмахъ его эффектно заканчивался словами «и проч., и проч.»: это должно было, по его расчету, внушать иногороднымъ покупателямъ всесовершеннѣйшее довѣріе къ его особѣ и замѣнять имъ такимъ образомъ отсутствіе солидной его физіономіи, которая неотразимо внушала тоже самое его покупателямъ петербургскимъ.

Такимъ образомъ въ то время, когда въ столицѣ уже начинали поговаривать, что Кирпичовъ совсѣмъ не такъ дѣятеленъ и богатъ, какъ кричатъ журналы, — слава его во внутренней Россіи только еще достигала полнаго своего развитія.

Въ комнатѣ, назначенной для конторскихъ занятій, то-и-дѣло прибывали толстыя книги съ надписью *для записки требованій иногородныхъ*. Число иногородныхъ покупателей съ каждымъ днемъ возрастало, и наконецъ ихъ было уже столько, что Харитону Сидорычу пришла однажды мысль, что «если бы ему удалось «пріобрѣсть» совсѣхъ этихъ господъ хоть по цѣлковому съ каждаго, онъ тотчасъ могъ бы открыть свой магазинъ, да еще почище кирпичовскаго». Въ магазинѣ явились новые прикащики. Они имѣли благовидныя и франтовскія наружности; можно было бы сказать даже, что они не уступали самымъ лучшимъ прикащикамъ, еслибъ не были постоянно подвержены глубокой апатіи, заставлявшей ихъ, при появленіи покупателя — нарушителя своего покоя, — корчить гримасу и отвѣчать ему угрюмо и безтолково... Погрузивъ руки въ карманы, новые прикащики Кирпичова смотрѣлись въ зеркало или засыпали въ сладкихъ мечтахъ о субботѣ, къ чему обыкновенно направлены были всѣ дѣйствія ихъ въ теченіи недѣли и чѣмъ единственно заняты были ихъ красивыя, напомаженныя головы, покрытыя, какъ и весь костюмъ, густымъ слоемъ пыли. Въ субботу и воскресенье всякой изъ нихъ старался вознаградить себя, какъ могъ и успѣлъ *подготовиться*, за всю недѣлю заключенія въ магазинѣ или въ душной и грязной комнатѣ, гдѣ отведено было имъ помѣщеніе.

Громадныя книги съ адресами иногородныхъ покупателей грозили раздавить молодого человѣка, который работалъ теперь и по праздникамъ. Онъ прочитывалъ полученныя письма, рылся въ толстыхъ книгахъ и часто останавливался въ недоумѣніи надъ счетами, записанными въ нихъ Кирпичовымъ. Но онъ не

просилъ у Кирпичова разгадки своему недоумѣнію: Кирпичовъ не *любилъ* такихъ объясненій.

— Видно, что не коммерческій человѣкъ! говорилъ онъ. — Что тутъ за объясненія! Дѣло въ томъ состоитъ, чтобъ послать что-нибудь, а не удержать деньги.... Знаю я, что дѣлаю! Ато объясни ему все по пальцамъ; да еще учить вздумалъ: это повредитъ, говоритъ, моимъ дѣламъ!

Граблинъ скоро привыкъ безмолвно писать и переписывать письма съ необъяснимыми счетами и далъ себѣ слово держаться въ сторонѣ отъ всего, что бы ни дѣлалось въ дѣлахъ или съ дѣлами Кирпичова и болѣе дорожить своимъ *жалованьемъ*, чѣмъ будущею судьбою торговли Кирпичова. Живо представлялся ему въ памяти гнилой домикъ въ Семеновскомъ полку со всѣми грустными подробностями и безобразной обстановкой нищеты, и онъ скоро привыкъ обходиться со счетами безъ объясненій съ Кирпичовымъ насчетъ разныхъ несообразностей ихъ съ требованіями корреспондентовъ. Если книга не послана, онъ отвѣчалъ наугадъ, что ея «нѣтъ за распродажею,» или: «вышлется по полученіи изъ Москвы»; если книги или вещи высланы нескоро, причину медленности онъ относилъ къ «случайному стеченію множества разно-«родныхъ требованій со всѣхъ концовъ Россіи, которыхъ не-«полнить въ одно и тоже время не было никакой возможности; даже если приходилось похоронить кого-нибудь для того, чтобъ вывернуться за Кирпичова, надѣлавшаго путаницу, — молодой человѣкъ не задумывался: «хозяинъ фабрики» — писалъ онъ въ такихъ случаяхъ — «съ которой вы поручили взять требуе-«мыя вещи, умеръ, и пока вводятся во владѣніе наслѣдники, «производство продажи пріостановлено; поэтому вещи взяты «съ другой фабрики, съ которою магазинъ имѣетъ постоянныя «сношенія и за достоинство вещей можетъ ручаться», и проч., и проч. Короче: молодой человѣкъ сдѣлался чрезвычайно изобрѣтателенъ на выдумки и сочинялъ такія письма, что Кирпичовъ послѣ ненарадовался своимъ письмоводителемъ и подписывалъ не читая. При этомъ случалось, что конторщикъ, переписывавшій счеты, ошибался въ итогѣ, а Кирпичовъ смерть не любилъ, если цыфра написана на скобленомъ мѣстѣ.

— Вотъ и навралъ! вскрикивалъ про себя переписчикъ: — *вогъ и* не уйдетъ!

Но подумавъ говорилъ:

— А нѣтъ же, уйдетъ; приставлю ноги, и уйдетъ!

. . . . . .

Корреспондентъ, получивъ счетъ съ передѣланными цыфрами, который препровождался иногда, если было кстати, съ вѣжливымъ поздравленіемъ съ праздникомъ и искренними пожеланіями всякихъ радостей, не зналъ, что и думать, благодарилъ, въ слѣдующемъ письмѣ, Кирпичова за поздравленіе, но счетъ просилъ исправить. Кирпичовъ не уступалъ, утверждая, что цѣны вѣрны; завязывалась переписка, требовавшая всей изобрѣтательности молодого человѣка, и кончалась однако тѣмъ, что корреспондентъ обращался уже къ другому книгопродавцу.

Несмотря на все это, почетныя прибавленія къ имени Кирпичова продолжались, и значеніе его начинало уже принимать колоссальные размѣры въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи: разъ Кирпичовъ получилъ письмо съ такимъ адресомъ, что хоть бы и не книгопродавцу.... Добрый корреспондентъ, сбитый съ толку объявленіемъ магазина «*на новыхъ основаніяхъ, соотвѣтствующихъ его назначенію*» и необозримымъ исчисленіемъ мѣстъ, сдѣлавшихъ Кирпичова своимъ коммиссіонеромъ, вообразилъ въ Кирпичовѣ что-то особенное, неимѣющее ничего общаго съ обыкновенными книгопродавцами. Посылая деньги, онъ объяснялъ, что «никакъ не осмѣлился бы утруждать его «особу своею просьбой, еслибъ не прочиталъ собственными глаза«ми объявленіе Кирпичова, который съ великодушной рѣши«мостью благоволилъ снизойти до нуждъ ихъ, бѣдныхъ иного«родцевъ, и высылать, по ихъ требованіямъ, книги и вещи, жер«твуя, безъ всякаго сомнѣнія, многими условіями свѣтской «своей жизни въ обширномъ и блестящемъ кругу и подвергая себя «хлопотамъ и безпокойствамъ». И все письмо было наполнено однимъ вступленіемъ; только подъ конецъ корреспондентъ рѣшился открыть цѣль своего посланія, прося Кирпичова выслать ему «чучелу на крякву, свистокъ и хлыстъ».

Возвеличенный книгопродавецъ читалъ, и незнакомое чувство сильно охватывало его душу и необъятно широко раздувало его ноздри. И много чего прочиталъ онъ умственными очами въ письмѣ простодушнаго провинціяла, и умственныя очи его далеко прозрѣвали въ счастливую будущность. Ясно слышалъ онъ, какъ имя его произносится во всѣхъ концахъ

Вообще, очень немного оказалось охотниковъ заплатить деньги единственно за то, что ихъ, ни съ того, ни съ сего, называютъ «цѣнителями всего изящнаго» и «просвѣщенными любителями отечественной словесности». Но у Кирпичова было еще довольно корреспондентовъ, которыхъ онъ, какъ-то промахнувшись, не успѣлъ еще, съ перваго разу, ошеломить своими дивными счетами: эти-то добрые люди, изъ одного неудобства отказаться отъ его предложенія, подписались на «Умственную Пищу». Но ихъ мало. Подписныхъ денегъ не хватитъ и на бумагу. Что́ нужды! Кирпичовъ не унываетъ.

. . . . . .

Корреспонденція увеличивается съ страшной быстротой. Колесо бѣжитъ шибко! Грудами приноситъ съ почты Петрушка пакеты съ пятью печатями.

— Экъ везетъ .....! замѣчаютъ другіе книгопродавцы: — ужь чего лучше, самъ въ петлю лѣзетъ, а ничего!

Шибко бѣжитъ колесо! Кирпичовъ это знаетъ. Бойко и торопливо подписываетъ онъ письма, заготовленныя молодымъ человѣкомъ. Подписалъ.

— Эй, ты! кричитъ онъ, обратясь къ дверямъ: — ты!!

Одинъ изъ мальчиковъ прибѣгаетъ къ Кирпичову, но тужь минуту летитъ прочь, смущенный грознымъ голосомъ хозяина.

— Развѣ тебя я звалъ? ты!!

Прибѣжалъ другой мальчикъ

— Узнай поди, пришелъ ли Алексѣй Иванычъ.

Мальчикъ убѣгаетъ и черезъ минуту воротившись говоритъ:

— Нѣтъ еще-съ.

Кирпичовъ налагаетъ нетвердую, но неумолимую руку на черновые счеты въ толстой книгѣ,— и цыфры растутъ, растутъ отъ магическаго прикосновенія его руки, далеко оставляя за собою всякое вѣроятіе. И это кончено.

— Эй, ты!

Подбѣгаютъ оба мальчика, и одинъ изъ нихъ опять летитъ къ дверямъ, между тѣмъ какъ другой убѣгаетъ, получивъ приказаніе:

— Узнай!

Кирпичовъ въ нетерпѣніи барабанитъ по столу.

— Пришелъ-съ, докладываетъ возвратившійся мальчикъ.

И Кирпичовъ исчезаетъ.

Изрѣдка еще является онъ въ магазинъ, прикрикнетъ на одного, распечетъ другого и опять пропадетъ. Поздно и нетвердыми шагами возвращается онъ домой. Засыпаетъ. Но кровь, густая, черная кровь — несмотря на то, что онъ бросаетъ ее раза четыре въ годъ — не даетъ ему спокойно спать.

— Ты баринъ, ты литераторъ, бредитъ онъ: — а я не литераторъ.... я купецъ.... да у меня и слава... и деньги... что мнѣ литераторъ...

(Это относится къ одному литератору, который замѣтилъ Кирпичову, что онъ *не купецъ*, когда тотъ торговался, покупая у него рукопись.)

— У меня будутъ и кареты и лакеи.... связи въ высшемъ кругу... еще годъ — два.... домъ свой.... могу и теперь.... на векселя могу.... векселя мои.... банкирскіе.... бил.... Кирпичовъ!... знаютъ вездѣ.... да! кха, кха, к-х-а!!

Онъ начинаетъ давиться отъ приливающей крови къ груди. Поворачивается на другой бокъ и снова продолжаетъ бредить.

Встаетъ онъ поздно, какъ разъ къ тому времени, когда приходитъ Алексѣй Иванычъ и другіе благопріятели. «Какое зрѣлище!» привѣтствуетъ ихъ Кирпичовъ, и на столѣ, вмѣстѣ съ чаемъ, является бутылка шампанскаго, потомъ другая; бутылки не застаиваются, а чай стынетъ нетронутый. Въ конторѣ, опять Кирпичовъ торопится подписать письма и счеты, списанные съ пересмотренныхъ имъ черновыхъ — и скрывается, условившись съ Алексѣемъ Иванычемъ увидѣться ужо *тамъ*. И опять возвращается домой поздно и нетвердыми шагами; опять всю ночь слышится его бредъ и кха, к-х-а!

Голова его постоянно въ чаду; мысли и языкъ безтолковы. Приходитъ къ нему пріѣзжій корреспондентъ и рѣшительно не понимаетъ его, на первыхъ порахъ, при всемъ напряженномъ вниманіи.

— Что это я въ толкъ не возьму, говоритъ пріѣзжій корреспондентъ тихонько своей женѣ: — что это, Марья Тимофѣевна, говоритъ онъ про иногородныхъ-то?

— Вы говорите, спрашиваетъ жена его, обращаясь къ Кирпичову: — что только и хлопочете, что для иногородныхъ?

— Да-съ... нѣтъ-съ, бормочетъ Кирпичовъ: — то есть, оно нельзя сказать.... того-съ.... А дѣло въ томъ состоитъ, напри-

мѣръ, вотъ — Камчатка!... гдѣ тамъ?... того-съ. А мы — съ первою почтою!... Здѣшнимъ что-съ!

И вдругъ передъ дамой — бокъ Кирпичова, изогнувшагося, чтобъ запустить въ носъ обыкновенные три пріема, одинъ за другимъ, не вынимая пальцевъ изъ табакерки.

— Да вотъ-съ, продолжаетъ онъ, выпрямившись: — теперича, пожалуйте!

Подбѣгаетъ къ толстымъ книгамъ, приподнимаетъ одну изъ нихъ и вдругъ опускаетъ ее на загремѣвшій столъ. Дама вздрагиваетъ.

— Петропавловскій портъ-съ! пожалуйте, бормочетъ Кирпичовъ, водя пальцемъ по раскрытой книгѣ. — И сухимъ путемъ и моремъ-съ... укупорка двадцать рублей серебромъ-съ... и на лошадяхъ и на собакахъ... И доставили-съ! За пятнадцать тысячъ (верстъ) съ первою почтою — вотъ-съ!

И струя пыли полетѣла на посѣтителей изъ толстой книги, вдругъ захлопнутой Кирпичовымъ.

— Зато вамъ всѣ, я думаю, благодарны, сказала дама, закрывая носъ платкомъ.

— Могу сказать-съ! множество писемъ.... благодарятъ.... Встаемъ раньше дворниковъ!...

И снова передъ дамой очутился бокъ Кирпичова.

ГЛАВА III.

СУДЬБА «УМСТВЕННОЙ ПИЩИ». — КРАТКАЯ ИСТОРІЯ ПРАВОЙ РУКИ. — ПРЕДОСТОРОЖЕНІЕ. — НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

А что «Умственная Пища?» Злополучная судьба видимо тяготѣла надъ бѣднымъ журналомъ: на другой годъ подписчиковъ не оказалось и половины противъ прошлаго.

Кирпичовъ роздалъ векселя на сумму убытковъ. Но первая неудача еще болѣе раздражила его упрямство.

— Такъ пусть же не подписываются, говорилъ онъ въ азартѣ: — а я вотъ потрачусь на него еще больше въ нынѣшнемъ году, издамъ на славу — и посмотримъ, то ли будетъ въ будущемъ году!

И онъ точно началъ сильно тратиться на свой журналъ, но журналъ отъ того не выигралъ. Статьи въ немъ были изъ рукъ вонъ, хотя редакторъ, продавшій Кирпичову право изданія и продолжавшій редижировать журналомъ, помѣщалъ въ немъ нерѣдко статьи литераторовъ извѣстныхъ, своихъ пріятелей, и платилъ имъ, по желанію самого Кирпичова, сколько просили; нѣсколько отдѣловъ журнала взялъ отъ редактора одинъ молодой неизвѣстный литераторъ, который смотрѣлъ на литературу съ практической стороны и отдѣлывалъ эти отдѣлы съ-плеча, сообразно дешевой платѣ.

Не выигралъ отъ этого и Кирпичовъ: векселей все прибывало. Убытки по журналу, безпорядокъ и безпрестанные пиры начали обнаруживать гибельное вліяніе на дѣла книгопродавца. Прикащики тоже съ своей стороны не упускали случая помочь дѣлу, особенно Харитонъ Сидорычъ, котораго краткая біографія теперь слѣдуетъ.

Дѣтство и первую молодость свою провелъ онъ на Толкучемъ рынкѣ, гдѣ можетъ быть и родился. Тамъ, торгуя на ларяхъ книгами, пріобрѣлъ онъ тѣ знанія, за которыя былъ наконецъ принятъ въ контору одного знаменитаго въ то время книгопродавца. Кромѣ этихъ свѣдѣній, отличался онъ еще красивымъ почеркомъ. Но дѣла знаменитаго книгопродавца были уже такъ запутаны, что никакая опытность и конторскія способности не могли помочь, и хозяинъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать съ красивымъ почеркомъ Перечумкова. Ежедневно осаждаемый требованіями и угрозами петербургскихъ кредиторовъ и иногородныхъ его покупателей, давно уже не получавшихъ ничего за высланныя деньги, знаменитый книгопродавецъ оторопѣлъ со всею своею смышленостью и изворотливостью. Никакія уже новыя книжныя предпріятія, новыя изданія небыли возможны (за бумагу и печать платить нечѣмъ, а кредитъ потерянъ); оставалось изворачиваться одними только деньгами, все еще поступавшими изъ провинціи, — и растерявшійся хозяинъ хваталъ принесенные съ почты пакеты, проворно разрѣзалъ ихъ съ ловкостію, пріобрѣтенною навыкомъ въ этомъ дѣлѣ, и, вынувъ деньги, уплачивалъ болѣе неотвязчивымъ кредиторамъ и вымаливалъ отсрочку у тѣхъ, кто поснисходительнѣе; потомъ онъ выбѣгалъ изъ конторы въ магазинъ и принимался распекать своихъ прикащиковъ да переставлять книги съ одной полки на

другую, съ такою торопливостью, какъ-будто отъ этого именно зависѣло спасеніе его торговли отъ угрожающаго банкротства. Прикащики — все люди почтенныхъ лѣтъ и наружности, съ солидными животами, переглядывались между собою, насмѣшливо кивая на развозившагося хозяина; а усердный Перечумковъ бралъ между тѣмъ письма, изъ которыхъ только-что вынуты хозяиномъ деньги, и принимался вписывать ихъ въ толстую книгу, какъ бы отъ скуки, щедро разсыпая всѣ красоты своего красивѣйшаго почерка. Этимъ и ограничивались всѣ распоряженія относительно требованій, полученныхъ изъ провинцій.

Перечумковъ ясно видѣлъ, къ чему вело такое направленіе дѣлъ знаменитаго книгопродавца, и положилъ себѣ, во что бы то ни стало, открыть свою торговлю, пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ.

И онъ открылъ ее. Дѣла новаго книгопродавца, скромно помѣстившагося въ небольшой лавчонкѣ въ Гостиномъ дворѣ, пошли превосходно: онъ увѣдомилъ неудовлетворенныхъ корреспондентовъ прежняго своего хозяина о плачевномъ состояніи его дѣлъ и предложилъ имъ свои услуги: почти всѣ они перешли къ нему. Много и еще разныхъ изворотовъ употреблялъ онъ, чтобъ подняться съ гроша, съ которымъ началъ свою торговлю.

Никто лучше его не зналъ, гдѣ какую книгу купить дешевле, то есть такъ дешево, какъ не купить никому другому, не посвященному въ таинства торговли Толкучаго рынка. Ему извѣстно было значеніе всѣхъ палочекъ и крестиковъ, выставляемыхъ тамошними торговцами на внутренней сторонѣ обертки или переплета книгъ и означавшихъ, что́ книга стоитъ себѣ. Взглянувъ на эти хитрые знаки, онъ тотчасъ уличалъ продавца, что онъ требуетъ за книгу въ десять разъ болѣе своей цѣны. — Давно бы сказалъ, что знаешь! говорилъ торговецъ, и отдавалъ ему книгу за *настоящую* цѣну. Харитонъ Сидорычъ зналъ, сверхъ того, наизустъ публикованныя цѣны почти всѣхъ книгъ, прежнія и нынѣшнія, и слылъ за это ходячимъ каталогомъ.

. . . . . .

Въ дѣлахъ своихъ съ авторами Перечумковъ держался особенной системы, о которой самъ съ гордостію разсказывалъ иногда такимъ образомъ:

— Что̀ съ ними артачиться? Вѣдь они, сочинители-то, можно сказать, дѣти. Съ ними умѣй только дѣло повести, такъ твори, что̀ хочешь. Разъ отдаетъ мнѣ на коммиссію одинъ докторъ свою книгу, пять сотъ экземпляровъ. Отдалъ, а самъ и пропалъ; книга идетъ, шибко идетъ, а его нѣтъ! Наконецъ мѣсяца черезъ четыре приходитъ.

— Я, говоритъ, въ отлучкѣ былъ, что̀ какъ идетъ моя книга?

— Да, нейдетъ-съ. Всего экземплярчиковъ сорокъ продано-съ.

Поблѣднѣлъ мой докторъ.

— Неужели, говоритъ, только сорокъ? Не можетъ быть!

— Если угодно, можете посмотрѣть. Они у насъ въ кладовой. Извольте приходить завтра.

— Хорошо, приду.

Ушелъ; вотъ я и думаю: какъ быть? книги экземпляровъ четыреста продано, не хочется почти три тысячи платить. Думалъ, думалъ; въ кладовой, знаете, темновато, а въ ту пору я только-что купилъ по семи копѣекъ за рубль все изданіе «Прогулки по Лифляндіи», точно такой величины, и оберточка такая же, желтая, Богъ съ ней! Вотъ я впереди положилъ его сочиненіе, что̀ оставалось, а потомъ понимаете «Прогулочки» да «Прогулочки». Приходитъ, повелъ его въ кладовую; взялъ одну книгу, другую, окинулъ глазомъ.

— Да, что̀, говоритъ, считать? Не хотите ли купить у меня цѣлымъ все изданіе?

Я того и ждалъ. Торговались, торговались и порѣшили на четырехъ стахъ *карбованцахъ*.... да еще и деньги не всѣ отдалъ, только двѣсти пятьдесятъ, а на послѣднія росписочку. Онъ ужь потомъ ходилъ, ходилъ съ ней, я все просилъ потерпѣть, да видно деньги ему крѣпко понадобились: онъ на меня разсердился, а росписку продалъ сосѣду, Колесову. Тотъ сейчасъ же ее и принесъ ко мнѣ — круговая порука Ужь посмѣялись мы!

При такомъ взглядѣ на дѣло, Перечумковъ наживался довольно быстро; но была у него одна страсть, которая сгубила его: онъ любилъ покутить и даже иногда пилъ запоемъ. Сперва запой продолжался по недѣлѣ, потомъ по двѣ, наконецъ вотъ ужь скоро и мѣсяцъ, а Перечумковъ не унимается. Тогда прика-

щикъ, страшнѣйшій плутъ, котораго Перечумковъ держалъ изъ гордости особеннаго рода, убѣжденный, что онъ его не переплутуетъ, принялся обдѣлывать свои дѣлишки и въ короткое время обдѣлалъ все такъ, что лавчонку Перечумкова припечатали, а его притянули къ отвѣту. Въ то самое время Кирпичовъ, только-что открывшій магазинъ, искалъ опытнаго прикащика. Ему посовѣтовали взять Перечумкова. Кирпичовъ спасъ его отъ тюрьмы, скупивъ его векселя, и Перечумковъ, закаявшись пить, три года былъ его правой рукой. Но неровное и часто дерзкое обращеніе хозяина скоро возстановило противъ него прикащика, который еще помнилъ, что самъ былъ хозяиномъ. Упреки въ неряшествѣ, какъ самые, по его мнѣнію, незаслуженные и несправедливые, особенно бѣсили его. Онъ съ удовольствіемъ взялся помогать горбуну, который скоро смекнулъ, что Кирпичову не сдобровать. Но открыто возставать противъ хозяина Перечумковъ не рѣшался, опасаясь, что Кирпичовъ предъявитъ ко взысканію векселя и засадитъ его въ тюрьму. И только когда векселя были *зажиты*, онъ сталъ дѣйствовать смѣлѣе, началъ даже грубить своему хозяину. Кирпичовъ охладѣлъ къ нему и почти каждый день повторялъ, что прогонитъ его, однакожь не прогонялъ. Убѣдившись, что тутъ не уживешься, Перечумковъ принялся снова кутить, и всѣ свои способности и старанія сталъ употреблять уже единственно на то, чтобы *подготовиться побогаче* къ воскресенью.

. . . . . .

Настанетъ суббота, и Перечумковъ пропадетъ съ той самой минуты, какъ запрутъ магазинъ, до понедѣльника. Возвращался онъ прямо въ магазинъ, весь въ пуху, и хрипло и отрывисто отвѣчалъ на вопросы покупателя, а дождавшись наконецъ послѣобѣденной льготы, растягивался за прилавкомъ и высыпался тамъ подъ звенѣвшую еще въ головѣ его пѣсню:

Какъ по питерской, по дороженькѣ.

И слышались ему въ этой пѣснѣ и мѣрный топотъ тройки, и подзваниванье колокольчика, и заливанье дружныхъ голосовъ разгульной молодежи, и подсвистыванье, и подщолкиванье.... Кто слышалъ эту пѣсню, когда тройка, подъ тактъ ей, мѣрной рысью бѣжитъ по хрупкому снѣгу, кто слышалъ, какъ смолкала эта пѣсня и скрывалась изъ глазъ тройка пущенная во весь

ухъ, и какъ потомъ лишь изрѣдка свиснутъ да гаркнутъ вда-
и, такъ-что дрогнутъ окрестности, — тотъ пойметъ, что про-
сходило въ головѣ прикащика, высыпавшагося послѣ воскре-
енья... Проснувшись, Харитонъ Сидорычъ самымъ безпечнымъ
бразомъ смѣялся и надъ головною болью и надъ своими праз-
ичными приключеніями.

— Вотъ хоть бы на табакъ осталось! говорилъ онъ, обра-
щаясь къ пустымъ своимъ карманамъ: — все фукнулъ! ха,
а, ха!...

. . . . . .

. . . . . .

Кирпичовъ кутилъ, прикащики кутили, редакторъ «Умствен-
ой Пищи», бравшій съ Кирпичова хорошее жалованье, тоже
утилъ, — все кутило! Даже Граблинъ увлекся общимъ при-
ѣромъ и сталъ покучивать.

Минувшее горе забывается скорѣе, чѣмъ минувшее счастіе.
еловѣкъ, оттаявшій отъ холода жизни, при благопріятныхъ
бстоятельствахъ, не цѣнитъ настоящаго благополучія, о кото-
омъ прежде едва могъ мечтать.

Граблинъ, пригрѣтый партикулярнымъ мѣстомъ, забылъ
жедневно повторявшіяся въ его жизни внутреннія терзанія,
елкія и незамѣтныя для глаза посторонняго наблюдателя, но
оторыя неотразимо разрушаютъ одно за другимъ всѣ свѣтлыя
ѣрованія души и доводятъ ее до того полумертваго состоянія,
ъ которомъ міръ человѣку кажется *огромнымъ комомъ грязи*.
онъ забылъ важность и силу денегъ. Доставивъ старухѣ-матери
покойную и довольную жизнь, нестоившую ему и третьей доли
аработываемыхъ денегъ, онъ распоряжался остальными доволь-
о неблагоразумно. То онъ сошьетъ себѣ пальто въ пятьсотъ
ублей, и это оправдывалось необходимостью стать на солидную
огу, поставить себя въ самостоятельное, независимое положе-
іе, по совѣту одного молодого литератора, который принялъ
ь немъ участіе, видя, что молодой человѣкъ далеко не полу-
алъ того отъ Кирпичова, чего стоили его труды. То вдругъ въ
ругу пріятелей, одинаково любившихъ всякой напитокъ — отъ
этерна до рома голью — являлась у него бутылка шампан-
каго, недоставлявшая тѣмъ другого удовольствія, кромѣ слу-
ая потолковать послѣ о фанфаронствѣ и расточительности мо-
одого человѣка и приписать эту расточительность, по всѣмъ

вѣроятіямъ, легкому пріобрѣтенію денегъ на купеческой конторѣ, не совсѣмъ согласному съ правилами чести. Не отказывалъ онъ себѣ также, по воскресеньямъ, въ театрѣ или маскарадѣ, хотя послѣ этихъ развлеченій грустно ему было возвращаться домой и невыносимо-больно подумать о цѣлой недѣлѣ нескончаемаго безпрерывнаго труда, о неизбѣжной необходимости умереть на это время для всего, что̀ ни есть въ мірѣ, притиснувшись грудью къ рабочему столику.

Въ одно воскресенье Граблинъ былъ въ маскарадѣ. Маскарадъ собственно не занималъ его, и дамы — что̀ касается до него — смѣло могли бы ходить и безъ масокъ: онъ не узналъ бы ни одной; но маскарадъ этотъ былъ съ лотереею-аллегри. Молодой человѣкъ сначала равнодушно смотрѣлъ на пытателей счастья, прохаживаясь по разбросаннымъ около цвѣтныхъ колесъ пустымъ билетамъ, — разбросаннымъ можетъ быть съ наружной небрежностію и тайнымъ неголованіемъ на несчастливую судьбу. Мало-по-малу онъ началъ заглядывать въ чужіе билеты, развертываемые дрожащими руками, прислушиваться къ разговорамъ. Какой-то господинъ, стоявшій у колеса, очень сёрьезно увѣрялъ, что онъ выигрываетъ въ каждыхъ пяти билетахъ, и тутъ же предлагалъ большое пари желающимъ поспорить съ нимъ; возлѣ господина стоялъ черкесъ и смотрѣлъ на него съ благоговѣйнымъ удивленіемъ, готовый, казалось, воскликнуть: «великъ Аллахъ!» У другого колеса Граблинъ собственными глазами видѣлъ, какъ какой-то низенькій человѣкъ взялъ одинъ билетъ и выигралъ серебряный сервизъ. У молодого человѣка завертѣлась мысль, не рискнуть ли и ему какимъ-нибудь десяткомъ цѣлковыхъ — куда не шло! «Вѣдь выигрываютъ же люди», думалъ онъ, «и на одинъ билетъ, а я возьму двадцать. Вѣдь если выиграю что-нибудь и 500 — 600 цѣлковыхъ, я получу въ минуту почти то, за что работаю цѣлый годъ». Онъ рѣшительно оглянулъ залу. Зала блестѣла. Музыка гремѣла какой-то торжественный маршъ. Дѣвочки съ привлекательными наружностями, поставленныя у колесъ на возвышеніи и раздававшія билеты, казались нимфами, раздававшими кому радость, кому горе, — по заслугамъ: но въ лицѣ ихъ мечтатель читалъ столько неземной доброты, столько желанія всѣмъ радости, одной радости, что онъ поспѣшно досталъ бумажникъ, вынулъ ассигнацію и проте-

улъ руку за билетами. Двадцать билетовъ развернуты; а одномъ изъ нихъ стоялъ нумеръ; счастливецъ справился о лотерейному списку, лежавшему у колеса: онъ выигралъ — хлыстикъ. Грустная улыбка пробѣжала по его лицу; днако онъ пошелъ смотрѣть свой хлыстикъ. Глаза его долго кользили по всѣмъ вещамъ, эффектно разставленнымъ въ нѣколько ярусовъ, и онъ забылъ о своемъ жалкомъ хлыстикѣ; евольно смотрѣлъ онъ на груды серебра, золотыя табакерки, асы, зрительныя трубки. Молодой человѣкъ очутился опять у олеса. Еще развернуты сорокъ билетовъ — и брошены. Губы есчастливца дрожали отъ злости.

— Еще сорокъ билетовъ! сказалъ онъ, протягивая руку ь послѣдними деньгами; и голосъ, и рука его дрожали; лицо ыражало истомленіе, какъ послѣ десяти часовъ сряду тяжелой аботы. И эти сорокъ билетовъ разлетѣлись по полу — хоть бы лыстикъ! Вдругъ раздались вокругъ него восклицанія: на динъ билетъ! серебряный сервизъ! вотъ счастливецъ! И опять ередъ Граблинымъ стояла низенькая фигурка, улыбалась и вертѣла въ масляныхъ рукахъ билетъ, выигравшій сервизъ. Онъ лянулъ залу. Зала блестѣла по прежнему; только становилось олѣе душно и жарко. Музыка, которой онъ рѣшительно не ышалъ въ продолженіи лотерейной игры, теперь вдругъ грянула и, казалось, разразилась хохотомъ. Сильно стучало въ вискахъ у молодого человѣка. Онъ боялся насмѣшливаго взгляда, отя за нимъ никто не думалъ наблюдать, и закинувъ голову, мотрѣлъ на музыкантовъ, на огромную люстру и, казалось, ни его такъ не желалъ въ эту минуту, какъ еслибъ и раекъ съ музыкантами и люстра съ грохотомъ рухнулись и раздавили подъ обой его, жалкаго несчастливца.... Но кто-то ударилъ его по лечу.

— А, здравствуй, сказалъ Граблинъ, протягивая руку своему знакомцу.

— Что ты смотришь такимъ ... будто наступили тебѣ на озоль?

— Нѣтъ, ничего....

— Э, братъ, хитришь? вѣдь я видѣлъ издали: ты бралъ билеты. Проигралъ, видно? а?

— Да, отвѣчалъ Граблинъ, стараясь казаться равнодушнымъ. — Нѣтъ, не совсѣмъ: выигралъ хлыстикъ.

векселя, подписывая на нихъ свою фамилію съ великолѣпны
шимъ росчеркомъ, и лицо его выражало величайшее наслаж
ніе. Потомъ онъ совершенно углубился въ свои новыя издан
заказывалъ нарочно бумагу, долго любовался принесенны
изъ типографіи мокренькимъ, только-что отпечатаннымъ л
томъ, подравнивалъ, обрѣзалъ его, приговаривая:

— Экой шрифтъ-отъ какой, словно бисеромъ.... А бума
то — атласъ! Погладьте, Степанъ Петровичъ, — рѣшитель
атласъ!

И Граблинъ гладилъ, вмѣстѣ съ Кирпичовымъ, кажды
листъ, принесенный изъ типографіи.

Только урывками отъ этихъ занятій и пировъ Кирпичов
обращался къ порученіямъ иногородныхъ и еще свирѣпѣе нав
далъ на ихъ счеты, ожесточенный потерями по изданію жур
ла, еще безтолковѣе исполнялъ ихъ порученія, — ито поруче
только мелкія, а крупныя лежали, придавленныя тяжелы
прессъ-папье, въ ожиданіи будущихъ благъ отъ новыхъ и
даній.

— Подождутъ, говорилъ Кирпичовъ молодому человѣку об
этихъ порученіяхъ: — вы напишите ужь только, что деньги
лучены и вещи заказаны.

— Да это ужь было писано давно; теперь спрашивают
причинѣ остановки, грозятъ полиціей.

— Ну вотъ, причину?... Напишите что-нибудь.... выд
майте; вамъ вѣдь не привыкать-стать, говорилъ Кирпичов
дружески ударивъ по плечу молодого человѣка.

И молодой человѣкъ отписывался, напрягая силы свои
изобрѣтеніи разныхъ причинъ «невольно произшедшимъ» ос
новкамъ въ исполненіи порученій; онъ видѣлъ, что такимъ
разомъ колесо можетъ вовсе остановиться — и спасалъ с
партикулярное мѣсто.

Наконецъ огромное объявленіе возвѣстило о выходѣ нов
роскошныхъ изданій Кирпичова. Они пошли, но не такъ, к
ждалъ Кирпичовъ. А между тѣмъ вотъ и лѣто. Лѣтомъ зас
и въ литературѣ и въ книжной торговлѣ. Денегъ съ почты
лучаетъ Кирпичовъ немного, а векселя поступаютъ и пост
ютъ. Онъ мечется, ищетъ занять, наконецъ рѣшается пр
гнуть къ горбуну. Въ добавокъ ко многимъ прежнимъ, горб
принялъ въ свои подвалы его новыя изданія, по гривнѣ съ

я. Но хоть Кирпичовъ и взялъ съ Добротина слово держать дѣлку въ секретѣ, однакожь молва о плохомъ состояніи его ѣлъ начинаетъ доходить даже до собственныхъ ушей его.

— Намъ только до зимы, говоритъ Кирпичовъ Граблину. — удетъ зима, будутъ и деньги. Вы только напишите объявленьце половчѣе, поговорите побольше объ улучшеніяхъ и.... того... жь вы знаете.

У Кирпичова зима и деньги всегда составляли совершенно дно, нераздѣльное понятіе. По его мнѣнію, что бы ни дѣлалось съ его торговлей, онъ могъ ждать ихъ зимой непремѣнно,— ждалъ, какъ ждутъ люди зимой снѣгу, лѣтомъ — дождя и ругихъ неизмѣнныхъ явленій природы.

— Говорятъ, что дѣла мои плохо идутъ! продолжалъ Кирпичовъ. — А я вотъ теперь же созову всѣхъ этихъ, кто говоитъ.... знаю я, кто говоритъ.... созову, да и задамъ, примѣрно, бѣдъ, какого имъ во снѣ не снилось! вотъ ей-Богу. Пусть помотрятъ, какъ худы мои дѣла!

И въ самомъ непродолжительномъ времени Кирпичовъ точно алъ обѣдъ. Онъ продолжался до разсвѣта, и какъ все уже было ыпито и съѣдено, а благодѣтель Иванъ Тимоѳеичъ, отпиравшій зой погребъ для друзей во всякую пору дня и ночи, давно уже риказалъ долго жить, пристукнутый апоплексіей, то подъ коецъ пошла, послѣ шампанскаго, *лекарственная*, настоянная на ѣнникѣ, которая употреблялась Кирпичовымъ раза три и болѣе ъ день, во уваженіе многихъ цѣлебныхъ ея свойствъ.

Обѣдъ стоилъ половины денегъ, занятыхъ у горбуна.

ГЛАВА IV.

КОЛЕСО ОСТАНОВИЛОСЬ.

Зима давно ужь на дворѣ, а деньги не сыплются къ Кирпиву какъ снѣгъ на голову: колесо пошло тише. Петрушка ного приноситъ съ почты писемъ простыхъ и страховыхъ, но ало денежныхъ. Въ простыхъ и страховыхъ письмахъ требуютъ выслать вещи или возвратить деньги, грозятъ полиціей. овыя изданія продаются не такъ шибко, какъ расчитывалъ ирпичовъ, несмотря на ихъ атласную бумагу и бисерный

шрифтъ, а дурные толки о дѣлахъ Кирпичова распространяются въ торговыхъ домахъ болѣе и болѣе, несмотря на чудовищный обѣдъ, данный для уничтоженія ихъ. Ни кредита, ни денегъ. Въ магазинъ являются кредиторы напомнить о наступающемъ срокѣ векселямъ, — являются иногородные корреспонденты узнать о причинѣ невысылки вещей.

Кирпичовъ принимаетъ мѣры. Мѣра первая: при появленіи корреспондента, пришедшаго сдѣлать справку, прикащикъ сообщаетъ его адресъ въ комнату конторы; тамъ конторщикъ, приставляющій счетамъ ноги, поспѣшно раскрываетъ толстую книгу и, отыскавъ въ ней счетъ по адресу корреспондента, отмѣчаетъ противъ этого счета: *отправлено тогда-то*; послѣ чего корреспондента просятъ *пожаловать*.

— Скажите пожалуйста! съ удивленіемъ спрашиваетъ онъ, смотря на отмѣтку: — отчего же я не получилъ, если вещи отправлены уже полгода тому назадъ?

— Не знаемъ-съ, отвѣчаетъ конторщикъ: — надо справиться на почтѣ; пожалуйте черезъ нѣсколько дней.

— Позвольте, быстро прерываетъ корреспондентъ конторщика, который хотѣлъ-было закрыть книгу. — Что́ это? говоритъ онъ, смотря на отмѣтку: — чернила, кажется, свѣжія.... какъ-будто сейчасъ только написано.... а?

И онъ подозрительно смотритъ на конторщика, а конторщикъ старается не смотрѣть на корреспондента.

— Такія ужь чернила-съ, отвѣчаетъ поправившись конторщикъ и закрываетъ скорѣе книгу.

— А если я узнаю, что вещи не были посланы?

— Нѣтъ-съ! какъ можно-съ! У насъ — исправность. Извѣстно всему иногородному человѣчеству.... Сколько благодарственныхъ писемъ; можемъ показать-съ.

И конторщикъ идетъ къ шкапу показывать благодарственныя письма, а корреспондентъ уходитъ, махнувъ рукой на благодарственныя письма и обѣщаясь притти черезъ нѣсколько дней за справкой.

Этой продѣлкой нельзя долго скрывать тайны, но Кирпичову только-бы выиграть время. У него много надеждъ. Онъ разъѣзжаетъ. Ѣдетъ онъ къ одному человѣчку, о которомъ было позабылъ, а этотъ человѣчекъ когда-то приставалъ къ нему возьми его въ компаньоны, да и только; не придумаю, говоритъ,

что дѣлать мнѣ съ деньгами, а вы, молъ, знаете, что́ съ ними дѣлать; да тогда Кирпичову что́ за охота была связываться; у него первый пунктъ всякаго условія по торговлѣ: «*А въ дѣла мои, Кирпичова, не вмѣшиваться*»; а теперь вотъ онъ и пригодился, этотъ человѣчекъ.

Пріѣзжаетъ онъ къ нему.

— А подо что? спрашиваетъ человѣчекъ: — подъ движимое или недвижимое?

Человѣчекъ зналъ уже каковы дѣла у Кирпичова.

— Вотъ дуракъ! говоритъ про себя Кирпичовъ и ѣдетъ къ *береговымъ ребятамъ*, съ которыми *сошелся* не такъ давно. Береговые ребята — славные ребята! шампанское у нихъ — ковшами. Для друга — ничего завѣтнаго. Деньги — плевое дѣло; не откажутъ, только заикнись. Только трудно застать; здѣсь имъ тѣсно, какъ раскутятся: наровятъ все въ Кронштатъ аль въ Шлюшинъ — вонъ куда! Зато въ нуждѣ — якорь спасенія!

Пріѣзжаетъ.

— Что́ не приходилъ вчера! пѣняютъ ему береговые ребята: — а ужь какъ мы!... ящикъ цѣлёхонькій уходили, слышь ты, вотъ сквозь землю провалиться! Да вѣдь ты, знаешь, голова. И уха была на шампанскомъ, стерляжья уха. А теперь и денегъ нѣтъ. Погоди вотъ ужо.

Ѣдетъ теперь Кирпичовъ — у него много надеждъ — ѣдетъ къ одному старичку, чтобъ онъ помогъ ему просить помощи отъ правительства во вниманіе къ понесеннымъ убыткамъ, а равно къ полезной дѣятельности его на коммерческомъ поприщѣ и несомнѣннымъ заслугамъ, заключающимся въ распространеніи просвѣщенія въ отечествѣ изданіемъ полезныхъ книгъ и быстрою разсылкою ихъ къ покупателямъ, разсѣяннымъ по обширному пространству Россіи. Кирпичовъ везетъ съ собой и записку, гдѣ изложено все его дѣло, — дѣло страшное, вопіющее противу неблагодарности иногородныхъ къ его неутомимымъ трудамъ, которые добровольно, безкорыстно несъ онъ для нихъ, проникнутый сознаніемъ добраго дѣла; въ ней изложено и какъ онъ устроилъ свой магазинъ на новыхъ основаніяхъ, соотвѣтствующихъ его назначенію, и какъ онъ не щадилъ себя, исполняя разнородныя порученія иногородныхъ, и какъ неблагодарно отплатили они ему возмутительнымъ невниманіемъ къ благимъ его предпріятіямъ, невни-

маніемъ къ его журналу, къ его изданіямъ.... Слева прошибл
негодующаго Кирпичова, когда онъ подъѣзжалъ къ старичку,
припоминая всю изложенную въ запискѣ исторію своей торгов-
ли, *сочиненную* Граблинымъ, — и онъ входитъ къ старичку с
рѣшительною увѣренностью, что правительство пособитъ ему.

Старичокъ, лишенный зрѣнія и слуха, радушно принял
Кирпичова, усадилъ его въ кресло, предварилъ, чтобъ он
читалъ какъ-можно громче, потомъ предался весь слуху и ожи-
далъ, въ чемъ дѣло. Кирпичовъ читалъ.

— Какъ? прерывалъ его старичокъ послѣ всякой фразы. —
Ничего не слышу, ничего, повторялъ онъ грустно.

И Кирпичовъ перечитывалъ снова. Наконецъ исторія пр
слушана; оставалось заключеніе.

— «За тѣмъ, продолжалъ читать Кирпичовъ, мнѣ н
«было другого выхода изъ этого затруднительнаго положен
«въ которое я поставленъ былъ въ отношеніи къ кредиторам
«какъ продать весь лучшій товаръ по самой убыточной цѣн

— Какъ? прервалъ опять старичокъ.

Кирпичовъ надсѣдался, перечитывая снова прочита
Старичокъ прокричалъ наконецъ: гм! хорошо. Чтеніе пр
жалось.

....«а впослѣдствіи удовлетворять кредиторовъ день
«поступавшими на разныя закупки отъ иногородныхъ
«въ прилагаемомъ спискѣ означенныхъ»....

Старичокъ остановилъ Кирпичова.

— Въ прилагаемомъ спискѣ? спросилъ онъ. — Гдѣ же
сокъ?

Кирпичовъ показалъ.

— Читайте же теперь прилагаемый списокъ. Все по по
ку.

Вспотѣвшій Кирпичовъ читалъ, обтершись платкомъ:

— «Изъ Полтавы, ***, 600 р., дамскіе наряды.
«Енисейска, ***, 200 р., шуба. Изъ Ярославля, ***, 400
«флигель, слуховая труба....

— Какая труба?

— Слуховая! кричалъ Кирпичовъ.

— А на что ему?...

— Вѣроятно глухъ.

— А?

- Вѣроятно глухъ-съ! крикнулъ Кирпичовъ старичку въ са-
хо.
- Да. А вы и не послали....
ицо старика выразило тоску. Кирпичовъ продолжалъ:
«Изъ Перми, ***, 800 р.. ружье. дамскіе нарлы....
гаричокъ дремалъ.
«Изъ Перми, ***, 100 р., разныхъ назидательныхъ книгъ,
и образа.
гаричокъ остановилъ Кирпичова.
- Назидательныхъ книгъ? — Что́ же? спросилъ онъ. за-
, въ чемъ дѣло.
- Онъ выписывалъ назидательныя книги, объяснялъ Кир-
ъ, съ приличнымъ титуломъ.
- Да. Ну, и посланы?
ирпичовъ молчалъ.
- А?
- Никакъ нѣтъ-съ. Это списокъ лицъ-съ, которымъ....
- Какъ нѣтъ? назидательныя-то книги?... воскликнулъ ста-
къ, въ изумленіи, поднимаясь съ креселъ и уставивъ глаза
ирпичова. — Да, молитесь ли вы, батюшка, Богу?
- Чтожъ дѣлать, отвѣчалъ струсившій Кирпичовъ. — Вотъ
маю мѣры-съ....
аричокъ ничего не слышалъ и боязливо пятился отъ Кир-
а.
- А читали ли вы Уголовное Уложеніе? спрашивалъ онъ.—
вы.... вѣдь вы.... знаете ли, кто вы?.... Подите, подите!!
аричокъ затрясся.
ирпичовъ бормоталъ что-то и молилъ его спасти отъ бан-
тва.
- Отъ чего спасти?
- Отъ банкротства.
- А?
- Отъ банктротства!! крикнулъ Кирпичовъ во всю мочь и
ово прислушивался, какъ зловѣщее эхо, въ большихъ ком-
ъ старичка, нѣсколько разъ повторило:

Банкротство!

аричокъ велѣлъ оставить записку и обѣщалъ сдѣлать. что
ъ, повторивъ Кирпичову:

маніемъ къ его журналу, къ его изданіямъ.... Слева прошибли негодующаго Кирпичова, когда онъ подъѣзжалъ къ старичку, припоминая всю изложенную въ запискѣ исторію своей торговли, *сочиненную* Граблинымъ, — и онъ входитъ къ старичку съ рѣшительною увѣренностью, что правительство пособитъ ему.

Старичокъ, лишенный зрѣнія и слуха, радушно принялъ Кирпичова, усадилъ его въ кресло, предварилъ, чтобъ онъ читалъ какъ-можно громче, потомъ предался весь слуху и ожидалъ, въ чемъ дѣло. Кирпичовъ читалъ.

— Какъ? прерывалъ его старичокъ послѣ всякой фразы. — Ничего не слышу, ничего, повторялъ онъ грустно.

И Кирпичовъ перечитывалъ снова. Наконецъ исторія прослушана; оставалось заключеніе.

— «За тѣмъ, продолжалъ читать Кирпичовъ, мнѣ не «было другого выхода изъ этого затруднительнаго положенія, «въ которое я поставленъ былъ въ отношеніи къ кредиторамъ, «какъ продать весь лучшій товаръ по самой убыточной цѣнѣ»...

— Какъ? прервалъ опять старичокъ.

Кирпичовъ надсѣдался, перечитывая снова прочитанное. Старичокъ прокричалъ наконецъ: гм! хорошо. Чтеніе продолжалось.

....«а впослѣдствіи удовлетворять кредиторовъ деньгами, «поступавшими на разныя закупки отъ иногородныхъ лицъ, «въ прилагаемомъ спискѣ означенныхъ»....

Старичокъ остановилъ Кирпичова.

— Въ прилагаемомъ спискѣ? спросилъ онъ. — Гдѣ же списокъ?

Кирпичовъ показалъ.

— Читайте же теперь прилагаемый списокъ. Все по порядку.

Вспотѣвшій Кирпичовъ читалъ, обтершись платкомъ:

— «Изъ Полтавы, ***, 600 р., дамскіе наряды. Изъ «Енисейска, ***, 200 р., шуба. Изъ Ярославля, ***, 400 р., «флигель, слуховая труба....

— Какая труба?

— Слуховая! кричалъ Кирпичовъ.

— А на что ему?...

— Вѣроятно глухъ.

— Вѣроятно глухъ-съ! крикнулъ Кирпичовъ старичку въ самое ухо.

— Да. А вы и не послали....

Лицо старика выразило тоску. Кирпичовъ продолжалъ:

«Изъ Перми, ***, 800 р., ружье, дамскіе наряды....

Старичокъ дремалъ.

«Изъ Перми, ***, 100 р., разныхъ назидательныхъ книгъ,

«и образа.

Старичокъ остановилъ Кирпичова.

— Назидательныхъ книгъ? — Что́ же? спросилъ онъ, забывъ, въ чемъ дѣло.

— Онъ выписывалъ назидательныя книги, объяснялъ Кирпичовъ, съ приличнымъ титуломъ.

— Да. Ну, и посланы?

Кирпичовъ молчалъ.

— А?

— Никакъ нѣтъ-съ. Это списокъ лицъ-съ, которымъ....

— Какъ нѣтъ? назидательныя-то книги?... восклицалъ старичокъ, въ изумленіи, поднимаясь съ креселъ и уставивъ глаза а Кирпичова. — Да, молитесь ли вы, батюшка, Богу?

— Что́жь дѣлать, отвѣчалъ струсившій Кирпичовъ. — Вотъ ринимаю мѣры-съ....

Старичокъ ничего не слышалъ и боязливо пятился отъ Кирпичова.

— А читали ли вы Уголовное Уложеніе? спрашивалъ онъ.— ѣдь вы.... вѣдь вы.... знаете ли, кто вы?.... Подите, подите!!

Старичокъ затрясся.

Кирпичовъ бормоталъ что-то и молилъ его спасти отъ банротства.

— Отъ чего спасти?

— Отъ банкротства.

— А?

— Отъ банктротства!! крикнулъ Кирпичовъ во всю мочь и оязливо прислушивался, какъ зловѣщее эхо, въ большихъ коматахъ старичка, нѣсколько разъ повторило:

Банкротство!

Старичокъ велѣлъ оставить записку и обѣщалъ сдѣлать ожетъ, повторивъ Кирпичову:

— Что здѣсь дѣлать теперь? пойдемъ-ка хоть *по чаямъ*!

— Въ *славный городъ*, что ли?

— Нѣтъ, въ новооткрытый. Зеркала, братъ, тамъ какія! А органъ — 12 валовъ! Какъ поставятъ «Не одна ли во полѣ дороженька», такъ я-те скажу.... ревѣлъ, братъ, я вчера у нимъ, что силы было — не слышно! А Робертъ, — что супротивъ него палкинскій? тамъ, братъ, почище будетъ. Пойдемъ!

— Пойдемъ.

И пошли.

Еще немного погодя, въ магазинъ явилось офиціяльное лицо. Вслѣдъ за нимъ явился еще человѣкъ, державшій въ одной рукѣ какую-то книгу, въ другой сургучъ и печать. Офиціяльные посѣтители потребовали свѣчку и подошли къ двери магазина. Какое зрѣлище! тутъ впервые воскликнуть Кирпичову было-бы кстати, но его тутъ нѣтъ. Онъ у себя въ комнатѣ. Онъ позвалъ Граблина.

— Это ничего, Степанъ Петровичъ, говоритъ онъ ему: — ничего, что тамъ, въ магазинѣ-то, того.... съ вами-то я всегда расчитаюсь ужо, только ужь вы того.... вонъ тамъ, въ конахъ-то — уголовный судъ! если книги не въ порядкѣ; да этого не дойдетъ: я вотъ только съѣзжу къ одному человѣку, велятъ распечатать. А все оно не мѣшаетъ.... ишь время-то такое вышло!

Молодой человѣкъ сѣлъ работать, а Кирпичовъ поѣхалъ съ офиціяльнымъ лицомъ.

Ѣдутъ они по Мѣщанской, ѣдутъ по Гороховой; вотъ передъ ними домъ, гдѣ Кирпичовъ весело проводилъ время, — мимо; переѣзжаютъ Сѣнную, передъ ними еще домъ, напомнившій Кирпичову много веселыхъ вечеровъ,— мимо; ѣдутъ по Обуховскому шоссе, передъ ними опять домъ, но его не знаетъ Кирпичовъ; онъ читаетъ вывѣску: «*Долговое Отдѣленіе Тюрьмы.*» —

— Стой! сказало офиціяльное лицо.

Колесо остановилось!

ГЛАВА V.

ПИСЬМА ДОШЛИ ПО АДРЕСУ.

Струнниковъ переулокъ находился въ большомъ волненіи: имя Полиньки переходило изъ устъ въ уста. Дѣвица Кривоно-

[illegible]ова по-праву ея прежней хозяйки, кричала сильнѣе всѣхъ. Она [illegible]ыла источникомъ всѣхъ странныхъ слуховъ о Полинькѣ, по-[illegible]ергавшихъ скромныхъ жителей переулка въ истинное удивле-[illegible]ie.

— Мнѣ ужь вѣрно на роду написано, говорила она, кстати и [illegible]е кстати, каждой встрѣчной и каждому встрѣчному: — только [illegible] чужомъ счастьи и заботиться! Ну, эта хоть смазлива сълица, а [illegible]о жила до нея у меня, такъ просто передъ ней дрянь, а какъ [illegible]строилась — то! въ шолковомъ салопѣ гуляетъ, и шляпа съ пе-[illegible]ромъ!

— Такъ-таки она за барскимъ столомъ и сидитъ? съ удив-[illegible]леніемъ спрашивали любопытныя слушательницы.

— За столомъ?... да чего? она въ каретѣ ѣздитъ, и два ла-[illegible]кея сзади! съ гордостью отвѣчала дѣвица Кривоногова.

— Ахъ ты, Господи! съ ужасомъ произносили слушатель-ницы.

— И смѣху-то сколько! съ усиліемъ продолжала дѣвица Кри-[illegible]воногова, поощряемая ихъ возгласа и: — я прихожу и говорю [illegible]ему (она указала на венеціянское окно Доможирова), что его-[illegible]то невѣста... вѣдь туда же, старый шутъ, сватался къ ней! (красное лицо дѣвицы задергалось, а глаза злобно забѣгали).

—Небось теперь двумя руками крестится, что Богъ избавилъ его отъ такой жены. Вотъ ужь такъ прибрала бы его къ рукамъ!

— Ну да что́ бы ей въ немъ? замѣтила одна кумушка.

— Что́!? какъ? а домъ!! а деньги въ ламбардѣ! Вѣдь онъ какъ жилъ скупъ!

Этими восклицаніями дѣвица Кривоногова высказала всѣ свои тайныя помышленія, задушевные планы.

— Да вѣдь сынъ есть, замѣтили ей.

— Сынъ!! Что́жь такое, что сынъ? Это благопріобрѣ-тенное: онъ властенъ не только женѣ, да хоть своимъ котятамъ отдать.... вотъ какъ-съ! — я дѣло-то лучше дру-гого крючка знаю! Ишь, не повѣрилъ, какъ я ему сказала, что въ каретѣ ѣздитъ: побѣжалъ самъ посмотрѣть. Ха, ха, ха! онъ ей шапку снялъ, а она отвернулась.... ха, ха, ха!

И дѣвица Кривоногова долго хохотала.

— А этотъ пѣмчура, продолжала она съ новымъ жаромъ:— кажись, ужь какъ сладко смотрѣлъ на нее, словно она сестра ему, а небось, какъ я стала разсказывать, глаза выпучилъ, ротъ

— А назидательныя книги пошлите. Теперь же пошлите.

— Экъ напугалъ, старый шутъ! подумалъ Кирпичовъ, отправляясь развозить такія же записки къ другимъ лицамъ.

Принявъ такимъ образомъ *всѣ нужныя мѣры*, Кирпичовъ возвратился домой, черезъ черную лѣстницу, и заперся въ своей комнатѣ, гдѣ, бывало, весело бесѣдовалъ онъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ и куда теперь являлись подъ-вечеръ забытый нѣкоторое время пріятель Кирпичова очень смирный книгопродавецъ, имѣвшій обыкновеніе соглашаться со всѣмъ, что бы вы ему ни сказали, да одинъ господинъ, часто навѣщавшій Кирпичова. съ тѣхъ поръ, какъ Граблинъ началъ отписываться по жалобамъ иногородныхъ корреспондентовъ, да еще являлась одушевлявшая бесѣду бутылка хересу или бутылка мадеры, не считая лекарственной, постоянной, домашней собесѣдницы Кирпичова. Уходя, гости брали по нѣсколько книгъ у Кирпичова, вѣроятно въ знакъ дружбы, а одинъ изъ нихъ, *соглашавшійся* пріятель, въ знакъ того еще, что онъ завтра принесетъ деньжонокъ, которыя и приносилъ дѣйствительно. У этого пріятеля давно уже былъ свой магазинъ, но онъ не соперничалъ съ Кирпичовымъ и не принималъ никакихъ почти мѣръ къ развитію своей торговли; онъ ждалъ покупателей, открывъ магазинъ, какъ ждутъ волковъ, выкопавъ яму: авось забѣжитъ. И покупатели забѣгали, такъ-что безмятежный книгопродавецъ имѣлъ деньжонки. Судьба!

Къ этимъ собесѣдникамъ, немного погодя послѣ описанныхъ мѣръ Кирпичова, присоединились Уголовное Уложеніе и томъ торговыхъ законовъ, раскрытый на главѣ о торговой несостоятельности.

Мѣры Кирпичова повторились еще разъ. Еще разъ съѣздилъ онъ къ береговымъ ребятамъ, но ребята уѣхали въ Кронштатъ *по дѣлу*. Съѣздилъ онъ и къ Добротину, своему главному кредитору, упрашивалъ его повременить, дать еще денегъ подъ старый залогъ, но горбунъ былъ неумолимъ. Еще разъ съѣздилъ онъ къ глухому старичку, но старичокъ не принялъ, увидавъ вѣроятно *въ прилагаемомъ спискѣ* много еще назидательныхъ книгъ, не посланныхъ Карпичовымъ, по требованіямъ господъ иногородныхъ. Впрочемъ въ запискѣ Кирпичовъ просилъ ссуды, подъ залогъ магазина, рубль за рубль, а магазинъ *его* не въ состояніи былъ отвѣчать и гривной за рубль. Кирпи-

чову хотѣлось только *принять нужныя мѣры*. «Ужь вы только напишите» говорилъ онъ Граблину, и Граблинъ написалъ.

Въ магазинъ Кирпичовъ не заглядывалъ, избѣгая встрѣчи съ кредиторами. Тамъ теперь было тихо. Прикащики не возились съ посылками, не стучали по щетамъ; они подумывали о мѣстахъ въ другихъ магазинахъ. Петрушка съ Павлушкой безпечно засыпали у дверей пустого магазина или возились, будучи совершенно упрочены насчетъ своей дальнѣйшей участи воспитаніемъ Кирпичова, обѣщавшаго сдѣлать ихъ человѣками. Они точно могли теперь по-справедливости носить это имя, кончивъ курсъ своихъ наукъ и зная, какъ вычистить платье, снять шинель или шубу, подать трубку и вообще все, что нужно знать исправному человѣку. Только Граблинъ сильнѣе прежняго налегалъ на рабочій свой столъ и, казалось, старался удержаться за ускользавшее изъ-подъ него партикулярное мѣсто. Ему теперь сданы были всѣ книги, бумаги и письма по магазину, для приведенія въ порядокъ книгъ. Роясь въ безчисленномъ количествѣ счетовъ и писемъ, Граблинъ наткнулся на одно письмо, которое поразило его. Въ немъ дѣло шло не о высылкѣ какой-нибудь пороховницы или руководствъ, не о жалобѣ на неисправность, а о вещахъ болѣе нѣжныхъ и отвлеченныхъ, нисколько не относящихся къ занятіямъ магазина «на новыхъ основаніяхъ». Прочитавъ конвертъ, Граблинъ увидалъ, что оно было собственно не къ Кирпичову, а прислано къ нему для передачи по означенному на немъ адресу. Сжалось сердце Граблина, когда, продолжая рыться, нашелъ онъ цѣлый десятокъ такихъ же писемъ, адресованныхъ къ Кирпичову той же рукой, для передачи по тому же адресу. Иныя были даже не распечатаны, а просто смяты и брошены въ кучу другихъ съ пятью печатями, вскрытыхъ повидимому, единственно затѣмъ, чтобъ вынуть изъ нихъ деньги.

Граблинъ тогда же далъ себѣ слово отнести всѣ эти письма по адресу, при первомъ удобномъ случаѣ.

На другой день у Кирпичова отслужили молебенъ.

— Знать скоро! съ улыбкой злобнаго удовольствія сказалъ Харитонъ Сидорычъ и пошелъ отыскивать мѣста къ пріятелю.

— Лопнетъ! сказалъ франтъ-прикащикъ другому франту-прикащику.

— Лопнетъ! отвѣчалъ тотъ.

— Что здѣсь дѣлать теперь? пойдемъ-ка хоть *по чаямъ*!

— Въ *славный городъ*, что ли?

— Нѣтъ, въ новооткрытый. Зеркала, братъ, тамъ какія! А органъ — 12 валовъ! Какъ поставятъ «Не одна ли во полѣ дороженька», такъ я-те скажу.... ревѣлъ, братъ, я вчера и нимъ, что силы было — не слышно! А Робертъ, — что супротивъ него палкинскій? тамъ, братъ, почище будетъ. Пойдемъ.

— Пойдемъ.

И пошли.

Еще немного погодя, въ магазинъ явилось офиціяльное лицо. Вслѣдъ за нимъ явился еще человѣкъ, державшій въ одной рукѣ какую-то книгу, въ другой сургучъ и печать. Офиціяльные посѣтители потребовали свѣчку и подошли къ двери магазина. Какое зрѣлище! тутъ впервые воскликнуть Кирпичову было-бы кстати, но его тутъ нѣтъ. Онъ у себя въ комнатѣ. Онъ позвалъ Граблина.

— Это ничего, Степанъ Петровичъ, говоритъ онъ ему: — ничего, что тамъ, въ магазинѣ-то, того.... съ вами-то я все-таки расчитаюсь ужо, только ужь вы того.... вонъ тамъ, въ законахъ-то — уголовный судъ! если книги не въ порядкѣ; *дело* этого не дойдетъ: я вотъ только съѣзжу къ одному человѣку — велятъ распечатать. А все оно не мѣшаетъ.... ишь время ужъ такое вышло!

Молодой человѣкъ сѣлъ работать, а Кирпичовъ поѣхалъ съ офиціяльнымъ лицомъ.

Ѣдутъ они по Мѣщанской, ѣдутъ по Гороховой; вотъ передъ ними домъ, гдѣ Кирпичовъ весело проводилъ время, — мимо; переѣзжаютъ Сѣнную, передъ ними еще домъ, напоминавшій Кирпичову много веселыхъ вечеровъ,— мимо; ѣдутъ по Обуховскому шоссе, передъ ними опять домъ, но его не знаетъ Кирпичовъ; онъ читаетъ вывѣску: «*Долговое Отдѣленіе Тюрьмы.*» —

— Стой! сказало офиціяльное лицо.

Колесо остановилось!

ГЛАВА V.

ПИСЬМА ДОШЛИ ПО АДРЕСУ.

Струнниковъ переулокъ находился въ большомъ волненіи: имя Полиньки переходило изъ устъ въ уста. Дѣвица Кривоно-

гова по-праву ея прежней хозяйки, кричала сильнѣе всѣхъ. Она была источникомъ всѣхъ странныхъ слуховъ о Полинькѣ, повергавшихъ скромныхъ жителей переулка въ истинное удивленіе.

— Мнѣ ужь вѣрно на роду написано, говорила она, кстати и не кстати, каждой встрѣчной и каждому встрѣчному: — только о чужомъ счастьи и заботиться! Ну, эта хоть смазлива сълица, а то жила до нея у меня, такъ просто передъ ней дрянь, а какъ устроилась — то! въ шолковомъ салопѣ гуляетъ, и шляпа съ перомъ!

— Такъ-таки она за барскимъ столомъ и сидитъ? съ удивленіемъ спрашивали любопытныя слушательницы.

— За столомъ?... да чего? она въ каретѣ ѣздитъ, и два лакея сзади! съ гордостью отвѣчала дѣвица Кривоногова.

— Ахъ ты, Господи! съ ужасомъ произносили слушательницы.

— И смѣху-то сколько! съ усиліемъ продолжала дѣвица Кривоногова, поощряемая ихъ возгласа и: — я прихожу и говорю ему (она указала на венеціянское окно Доможирова), что его-то невѣста... вѣдь туда же, старый шутъ, сватался къ ней! (красное лицо дѣвицы задергалось, а глаза злобно забѣгали). —Небось теперь двумя руками крестится, что Богъ избавилъ его отъ такой жены. Вотъ ужь такъ прибрала бы его къ рукамъ!

— Ну да что́ бы ей въ немъ? замѣтила одна кумушка.

— Что́!? какъ? а домъ!! а деньги въ ламбардѣ! Вѣдь онъ какъ жидъ скупъ!

Этими восклицаніями дѣвица Кривоногова высказала всѣ свои тайныя помышленія, задушевные планы.

— Да вѣдь сынъ есть, замѣтили ей.

— Сынъ!! Что́жь такое, что сынъ? Это благопріобрѣтенное: онъ властенъ не только женѣ, да хоть своимъ котятамъ отдать.... вотъ какъ-съ! — я дѣло-то лучше другого крючка знаю! Ишь, не повѣрилъ, какъ я ему сказала, что въ каретѣ ѣздитъ: побѣжалъ самъ посмотрѣть. Ха, ха, ха! онъ ей шапку снялъ, а она отвернулась.... ха, ха, ха!

И дѣвица Кривоногова долго хохотала.

— А этотъ пѣмчура, продолжала она съ новымъ жаромъ:— кажись, ужь какъ сладко смотрѣлъ на нее, словно она сестра ему, а небось, какъ я стала разсказывать, глаза выпучилъ, ротъ

Молодой человѣкъ сказалъ ему, что ищетъ дѣвицу Клинову и Карла Иваныча.

— Погодите, крикнулъ Доможировъ и сбѣжалъ внизъ. — Вы ее знаете? сказалъ онъ впопыхахъ, выбѣгая изъ воротъ.

— Нѣтъ, но....

— Такъ вы не знаете? а! такъ вы не знаете. Да она....

Въ ту минуту собачонка, отчаянно взвизгнувъ, вырвалась изъ рукъ своего палача и пустилась бѣжать. Дѣвица Кривоногова, забывъ свою полноту, съ крикомъ пустилась догонять ее, громко потряхивая въ воздухѣ розгой.

Доможировъ позабылъ молодого человѣка и пристально слѣдилъ за щенкомъ и его преслѣдовательницей; онъ дрожалъ, если она настигала щенка, и заливался радостнымъ смѣхомъ, когда щенокъ увертывался. И молодой человѣкъ невольно увлекся зрѣлищемъ, которое давала дѣвица Кривоногова всему Струпникову переулку.

— Ай, кажись поймаетъ! съ ужасомъ кричалъ Доможировъ.

Точно, дѣвица Кривоногова схватила уже собачонку за короткій обрубленный хвостикъ, уже воздухъ потрясся ея побѣдоноснымъ крикомъ: «Ага»! но вдругъ собачонка скользнула между ногъ дѣвицы Кривоноговой и пустилась бѣжать назадъ; а дѣвица Кривоногова, запутавшись въ платье, стала на четверенькы.

Доможировъ сѣлъ у воротъ, скорчившись, какъ-будто ему сводило животъ, и неистово смѣялся.

— Что, упустили? ха! ха! ха! сказалъ онъ, когда дѣвица Кривоногова, подобно полководцу, возвращающемуся съ поля проиграннаго сраженія, уныло приблизилась къ своему дому.

— Погоди, пробормотала она сквозь зубы, бросивъ злобный взглядъ на своего сосѣда. — Я вотъ повѣшу ее передъ твоимъ носомъ, такъ ужь она не будетъ тебя больше тѣшить да играть съ твоими котятами!

Доможировъ повелъ молодого человѣка къ башмачнику.

Башмачникъ лежалъ за перегородкой блѣдный, исхудалый.

Узнавъ, что молодой человѣкъ ищетъ Полиньку, чтобъ отдать ей письма отъ ея жениха, найденныя въ конторѣ Кирпичова, онъ приподнялся и сказалъ ему слабымъ голосомъ:

— Я не совѣтую вамъ ходить къ ней: она.... она никого не хочетъ знать.

И онъ ѣталъ кашлять.

— По письму, которое я прочелъ, замѣтилъ молодой человѣкъ, въ которомъ читатель узналъ Граблина:—видно, что она не изъ такихъ....

Башмачникъ быстро вскочилъ и замахалъ руками.

— Вотъ-съ все такъ, шепнулъ Граблину Доможировъ. — Начнешь дѣло ему говорить, а онъ на стѣну лѣзетъ. И вѣдь какъ измѣнился! иной подумаетъ, что онъ человѣкъ пьющій: такъ извелся!

— Я разъ двадцать былъ у нея, началъ съ жаромъ башмачникъ:—меня не пустили, да и никого! Она никого не хочетъ видѣть. А сама....я знаю.... да, я знаю! она ходитъ въ шолковыхъ салопахъ и катается. — Вотъ онъ, продолжалъ башмачникъ, вздрогнувъ и указавъ на Доможирова: — вотъ онъ видѣлъ ее, поклонился ей, она отвернулась! А что говоритъ прислуга....Боже мой!

И онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ-было, но кашель помѣшалъ ему.

— Я все-таки считаю долгомъ своимъ отдать ей письма, сказалъ рѣшительно Граблинъ.

— Не ходите, прошу васъ, не ходите! не отдавайте ей его писемъ: ужь теперь поздно, поздно! умолялъ башмачникъ.

— Конечно, началъ Доможировъ.—И что ей теперь въ женихѣ? слава Богу, не въ бѣдности....

— Замолчите, замолчите! отчаянно воскликнулъ башмачникъ, зажимая уши.

Онъ бросился лицомъ въ подушки и сталъ кашлять.

Граблинъ ушелъ. Провожая его, Доможировъ разсказалъ съ мельчайшими подробностями все, что зналъ о Полинькѣ: какъ она жила мирно и тихо въ ихъ переулкѣ, какъ у ней явился женихъ, какъ уѣхалъ, какъ она тосковала, какъ потомъ задумала переѣхать на мѣсто, и переѣхавши не стала принимать никого изъ старыхъ знакомыхъ, даже свою пріятельницу Надежду Сергѣевну, которая была ей все равно, что сестра. А люди, говорилъ Доможировъ, такіе ужасы говорятъ про нее, что волосъ дыбомъ становится: будто она по ночамъ бѣгала изъ своей комнаты! Въ домѣ, изволите увидѣть, лакеевъ тьма-тьмущая и баринъ молодой; говорятъ, что она приколдовала и самую барыню, и такъ морочитъ ее, что та ничего не видитъ, какія у нихъ

тамъ машки съ сынкомъ, и позволятъ ей всѣмъ теломъ ворочать.... Да видно, продолжалъ Доможировъ, переведя духъ: — правду сказано, что худыя дѣла не остаются безъ наказанія: говорятъ, извелась, такая блѣдная стала и все плачетъ.... Ну, ужъ намъ и неслѣдъ лѣзть къ ней, чего добраго, еще велятъ въ шею вытолкать. И что стыда натерпѣлся вотъ несчастный то нѣмецъ, какъ бѣгалъ къ ней, пока ноги служили. Люди смѣются надъ нимъ, потомъ ее начнутъ бранить такими словами.... Ахъ ты, Господи! вотъ что надѣлала, быстроглазая!

Несмотря на общіе совѣты не отдавать Полинькѣ писемъ Каютина, Граблинъ рѣшился видѣть ее и отправился въ домъ Бранчевскихъ.

Швейцарская полна была лакеями. При имени дѣвицы Климовой, они насмѣшливо переглянулись, и высокій дѣтина въ гороховыхъ штиблетахъ грубо отвѣчалъ:

— Дома нѣтъ.

— Когда же она бываетъ дома?

— А мы почемъ знаемъ.

— Да кто же долженъ знать? сердито спросилъ Граблинъ, и повышеніе голоса подѣйствовало: лакеи пошептались, и молодой дѣтина спросилъ Граблина довольно кротко:

— А какъ доложить? кто вы такой?

Въ эту минуту послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Лакеи пришли въ волненіе; кто бѣжалъ внизъ, кто въ комнаты, кто прятался за двери. Граблинъ остался одинъ. Два лакея высадили Бранчевскую изъ кареты и внесли въ швейцарскую. Вмѣстѣ съ ней вошла дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ, одѣтая довольно богато и со вкусомъ. Граблинъ слегка поклонился. Бранчевская остановилась и, указывая на него головой, обратилась къ лакеямъ:

— Кто это?

Лакеи медлили отвѣтомъ; молодой человѣкъ поклонился еще разъ и отвѣчалъ:

— Я имѣю важное дѣло къ дѣвицѣ Климовой. Не ее ли я имѣю счастіе видѣть? прибавилъ онъ, кланяясь молодой дѣвушкѣ.

— Кто это? гордымъ и строгимъ голосомъ спросила ее Бранчевская.

Вся вспыхнувъ, она молчала.

Бранчѣвская тревожно смотрѣла на нее и ждала отвѣта.

— Я пришелъ по дѣлу и самъ имѣю удовольствіе только въ ервый разъ видѣть ихъ. Моя фамилія....

— Ты знаешь его? повелительно спросила Бранчевская.

— Нѣтъ, тихо отвѣчала дѣвушка.

— Я.... отъ господина Каютина.... тихо произнесъ молодой еловѣкъ.

Радостный крикъ вырвался изъ груди молодой дѣвушки, въ лазахъ блеснули слезы.

— Онъ живъ? едва слышно спросила она.

— Живъ.... я имѣю къ вамъ письма.

— О, дайте, дайте мнѣ ихъ! съ восторгомъ сказала Полинька, кинувшись къ молодому человѣку.

Бранчевская остановила ее, замѣтивъ сухо:

— Если ты знаешь этого молодого человѣка, то здѣсь не ѣсто говорить; пригласи его наверхъ.

За тѣмъ два лакея чуть не внесли ее на лѣстницу, усланную оврами. Граблинъ и Полинька послѣдовали за ней.

Въ залѣ Бранчевская остановилась и, пытливо поглядѣвъ на раблина, сказала:

— Если вы имѣете дѣло до нея (она указала на Полиньку), о прошу васъ говорить. Я надѣюсь, что не могу вамъ помѣать?

— Я имѣю письма....

— Письма? отъ кого? быстро спросила Бранчевская.

— Отъ очень близкаго имъ человѣка, отвѣчалъ Граблинъ, росивъ взглядъ на Полиньку, которая, казалось, немного бы-а испугана и нетерпѣливо кусала губы.

— Да-съ... этихъ писемъ я давно ждала... мнѣ нужно! бор-отала она, глядя умоляющими глазами на Граблина, какъ-удто просила его помощи.

Онъ догадался и сказалъ:

— Кромѣ писемъ, долженъ я вамъ сообщить по секрету ваное дѣло!

Бранчевская тревожно поглядѣла на Полиньку и вышла. роводивъ ее глазами, они кинулись другъ къ другу: онъ по-тѣшно сунулся въ карманъ, а Полинька протянула къ нему ку.

разинулъ; я ему говорю, а онъ не вѣритъ! А потомъ плакать началъ: ишь, зависть какая, подумаешь, у человѣка!

И дѣвица Кривоногова тяжело вздохнула, поближе придвинулась къ своимъ слушательницамъ и продолжала таинственнымъ голосомъ:

— Да она мнѣ тогда же не разъ говорила: что́, говоритъ, моя голубушка Василиса Ивановна, за бѣднаго-то выходить.— Слава-те Господи, я рада-радехонька, что отдѣлалась: я себѣ найлу мужа, какъ деньги будутъ, а пока поживу въ свое удовольствіе!

Такіе толки повторялись безпрестанно, каждый день разростаясь и питая праздное любопытство жителей всего переулка, въ которыхъ страсть къ новостямъ, сплетнямъ и пересудамъ была развита почти столько же, какъ въ уѣздныхъ городкахъ. Всякая мелочь, будь только новая, возбуждала въ нихъ живѣйшее движеніе. Такъ въ одно утро общее вниманіе было привлечено молодымъ человѣкомъ, который, Богъ знаетъ откуда взявшись, бродилъ по Струнникову переулку и читалъ надписи на воротахъ. Дѣвица Кривоногова въ то время занята была дѣломъ: она сѣкла небольшого щенка, очевидное отродіе Розки, нисколько неперещеголявшее красотой свою родительницу. Щенокъ визжалъ на весь переулокъ, а дѣвица Кривоногова приговаривала за каждымъ ударомъ:

— Не бѣгай на чужой дворъ, не играй съ кошками; вотъ-тебѣ! вотъ тебѣ!!

— Это домъ Кривоноговой? спросилъ молодой человѣкъ, смотря на поучительную сцену.

— Я; а что́? кого нужно? запыхавшись спросила дѣвица Кривоногова, придерживая за шиворотъ собачонку.

— Дѣвица Климова не здѣсь ли живетъ?

— Кто́? Палагея Ивановна?

И дѣвица Кривоногова выпустила изъ рукъ собачонку и радостно отвѣчала:

— Она около четырехъ лѣтъ у меня жила; я, можно сказать, знаю ее, какъ свои пять пальцевъ.

— Можно ее видѣть? поспѣшно спросилъ молодой человѣкъ.

— Нѣтъ, она ужь не живетъ, но она четыре года жила.... я....

— Гдѣ же она? скажите скорѣе ея адресъ, перебилъ молодой человѣкъ.

— Адресъ? какъ не знать мнѣ ея адреса? да кому же какъ не мнѣ и знать-то его! да я ее и пристроила-то на это мѣсто; она, можно сказать, должна вѣкъ помнить мое усердствіе; ужь такое доброе сердце имѣю! я за зло....

— Хорошо-съ, только скажите скорѣе, куда она переѣхала? съ нетерпѣніемъ перебилъ ее молодой человѣкъ.

Дѣвица Кривоногова, разсерженная, что ей мѣшаютъ пересесть свои добродѣтели, перемѣнила тонъ и сухо спросила:

— А вамъ на что?

— Какъ! да мнѣ нужно, я имѣю дѣло! отвѣчалъ молодой человѣкъ, удивленный такимъ вопросомъ

— Какое?

— Какое! что вамъ за дѣло?

— То есть, примѣрно, вамъ слѣдуетъ знать, гдѣ она проживаетъ или просто такъ: любопытство? Такъ я все знаю: я сама идѣла, какъ она въ каретахъ разъѣзжаетъ!.... Да-съ, у меня ридцать рублей платила за квартиру съ дровами; я по два мѣяца денегъ ждала, бывало....

— Извините, мнѣ нѣкогда слушать, прошу только сказать корѣе, куда она переѣхала? сердито сказалъ молодой человѣкъ.

Грудь дѣвицы Кривоноговой заколыхалась.

— Я не указчикъ, отвѣчала она съ гордостью.—Честью все дѣлаю, силой — ничего не заставите! Извольте итти, ищите сами, если такъ!

И, поймавъ опять собачонку, она принялась сѣчь ее съ новымъ увлеченіемъ.

Молодой человѣкъ съ минуту стоялъ какъ потерянный.

— Да скажите хоть, гдѣ живетъ какой-то Карлъ Иванычъ? закричалъ онъ наконецъ дѣвицѣ Кривоноговой, которая, повернувшись къ нему своей массивной спиной, повторяла визжавшей собачонкѣ:

— Не играй, не играй, не ходи, не ходи на чужой.... Да го пристала, прости Господи! отвѣтила она молодому человѣку повернувшись, и потомъ снова обратилась къ своей жертвѣ.

Въ это время Доможировъ надсаживалъ горло, крича изъ своего окна молодому человѣку:

— Кого нада? кого!

Молодой человѣкъ сказалъ ему, что ищетъ дѣвицу Климо и Карла Иваныча.

— Погодите, крикнулъ Доможировъ и сбѣжалъ внизъ. — Вы ее знаете? сказалъ онъ впопыхахъ. выбѣгая изъ воротъ.

— Нѣтъ, но....

— Такъ вы не знаете? а! такъ вы не знаете. Да она....

Въ ту минуту собачонка, отчаянно взвизгнувъ, вырвалась изъ рукъ своего палача и пустилась бѣжать. Дѣвица Кривоногова, забывъ свою полноту, съ крикомъ пустилась догонять ее, грозно потряхивая въ воздухѣ розгой.

Доможировъ позабылъ молодого человѣка и пристально слѣдилъ за щенкомъ и его преслѣдовательницей; онъ дрожалъ, если она настигала щенка, и заливался радостнымъ смѣхомъ, когда щенокъ увертывался. И молодой человѣкъ невольно увлекся зрѣлищемъ, которое давала дѣвица Кривоногова всему Стружникову переулку.

— Ай, кажись поймаетъ! съ ужасомъ кричалъ Доможировъ.

Точно, дѣвица Кривоногова схватила уже собачонку за короткій обрубленный хвостикъ, уже воздухъ потрясся ея побѣдоснымъ крикомъ: «Ага»! но вдругъ собачонка скользнула между ногъ дѣвицы Кривоноговой и пустилась бѣжать назадъ; а дѣвица Кривоногова, запутавшись въ платье, стала на четверенькахъ.

Доможировъ сѣлъ у воротъ, скорчившись, какъ-будто ему сводило животъ, и неистово смѣялся.

— Что, упустили? ха! ха! ха! сказалъ онъ, когда дѣвица Кривоногова, подобно полководцу, возвращающемуся съ поля проиграннаго сраженія, уныло приблизилась къ своему дому.

— Погоди, пробормотала она сквозь зубы, бросивъ злобный взглядъ на своего сосѣда. — Я вотъ повѣшу ее передъ твоимъ носомъ, такъ ужь она не будетъ тебя больше тѣшить да играть съ твоими котятами!

Доможировъ повелъ молодого человѣка къ башмачнику.

Башмачникъ лежалъ за перегородкой блѣдный, исхудалый.

Узнавъ, что молодой человѣкъ ищетъ Полиньку, чтобъ отдать ей письма отъ ея жениха, найденныя въ конторѣ Кирпичова, онъ приподнялся и сказалъ ему слабымъ голосомъ:

— Я не совѣтую вамъ ходить къ ней: она.... она никого не хочетъ знать.

И онъ сталъ кашлять.

— По письму, которое я прочелъ, замѣтилъ молодой человѣкъ, въ которомъ читатель узналъ Граблина:—видно, что она не изъ такихъ....

Башмачникъ быстро вскочилъ и замахалъ руками.

— Вотъ-съ все такъ, шепнулъ Граблину Доможировъ. — Начнешь дѣло ему говорить, а онъ на стѣну лѣзетъ. И вѣдь какъ измѣнился! иной подумаетъ, что онъ человѣкъ пьющій: такъ извелся!

— Я разъ двадцать былъ у нея, началъ съ жаромъ башмачникъ:—меня не пустили, да и никого! Она никого не хочетъ видѣть. А сама....я знаю.... да, я знаю! она ходитъ въ шолковыхъ салопахъ и катается. — Вотъ онъ, продолжалъ башмачникъ, вздрогнувъ и указавъ на Доможирова: — вотъ онъ видѣлъ ее, поклонился ей, она отвернулась! А что говоритъ прислуга....Боже мой!

И онъ закрылъ лицо руками и зарыдалъ-было, но кашель помѣшалъ ему.

— Я все-таки считаю долгомъ своимъ отдать ей письма, сказалъ рѣшительно Граблинъ.

— Не ходите, прошу васъ, не ходите! не отдавайте ей его писемъ: ужь теперь поздно, поздно! умолялъ башмачникъ.

— Конечно, началъ Доможировъ.—И что ей теперь въ женихѣ? слава Богу, не въ бѣдности....

— Замолчите, замолчите! отчаянно воскликнулъ башмачникъ, зажимая уши.

Онъ бросился лицомъ въ подушки и сталъ кашлять.

Граблинъ ушелъ. Провожая его, Доможировъ разсказалъ съ мельчайшими подробностями все, что зналъ о Полинькѣ: какъ она жила мирно и тихо въ ихъ переулкѣ, какъ у ней явился женихъ, какъ уѣхалъ, какъ она тосковала, какъ потомъ задумала переѣхать на мѣсто, и переѣхавши не стала принимать никого изъ старыхъ знакомыхъ, даже свою пріятельницу Надежду Сергѣевну, которая была ей все равно, что сестра. А люди, говорилъ Доможировъ, такіе ужасы говорятъ про нее, что волосъ дыбомъ становится: будто она по ночамъ бѣгала изъ своей комнаты! Въ домѣ, изволите увидѣть, лакеевъ тьма-тьмущая и баринъ молодой; говорятъ, что она приколдовала и самую барыню, и такъ морочитъ ее, что та ничего не видитъ, какія у нихъ

тамъ шашни съ сынкомъ, и позволяетъ ей всѣмъ домомъ ворочать.... Да видно, продолжалъ Доможировъ, переведя духъ: — правду сказано, что худыя дѣла не остаются безъ наказанія: говорятъ, извелась, такая блѣдная стала и все плачетъ.... Ну, ужъ намъ и неслѣдъ лѣзть къ ней, чего добраго, еще велитъ въ шею вытолкать. И что́ стыда натерпѣлся вотъ несчастный то нѣмецъ, какъ бѣгалъ къ ней, пока ноги служили. Люди смѣются надъ нимъ, потомъ ее начнутъ бранить такими словами.... Ахъ ты, Господи! вотъ что надѣлала, быстроглазая!

Несмотря на общіе совѣты не отдавать Полинькѣ писемъ Каютина, Граблинъ рѣшился видѣть ее и отправился въ домъ Бранчевскихъ.

Швейцарская полна была лакеями. При имени дѣвицы Климовой, они насмѣшливо переглянулись, и высокій дѣтина въ гороховыхъ штиблетахъ грубо отвѣчалъ:

— Дома нѣтъ.

— Когда же она бываетъ дома?

— А мы почемъ знаемъ.

— Да кто же долженъ знать? сердито спросилъ Граблинъ и повышеніе голоса подѣйствовало: лакеи пошептались, и дюжій дѣтина спросилъ Граблина довольно кротко:

— А какъ доложить? кто вы такой?

Въ эту минуту послышался стукъ подъѣзжавшаго экипажа. Лакеи пришли въ волненіе; кто бѣжалъ внизъ, кто въ комнаты, кто прятался за двери. Граблинъ остался одинъ. Два лакея высадили Бранчевскую изъ кареты и ввели въ швейцарскую. Вмѣстѣ съ ней вошла дѣвушка, лѣтъ двадцати трехъ, одѣтая довольно богато и со вкусомъ. Граблинъ слегка поклонился. Бранчевская остановилась и, указывая на него головой, обратилась къ лакеямъ:

— Кто это?

Лакеи медлили отвѣтомъ; молодой человѣкъ поклонился еще разъ и отвѣчалъ:

— Я имѣю важное дѣло къ дѣвицѣ Климовой. Не ее ли я имѣю счастіе видѣть? прибавилъ онъ, кланяясь молодой дѣвушкѣ.

— Кто это? гордымъ и строгимъ голосомъ спросила ее Бранчевская.

Вся вспыхнувъ, она молчала.

Бранчѣвская тревожно смотрѣла на нее и ждала отвѣта.

— Я пришелъ по дѣлу и самъ имѣю удовольствіе только въ ервый разъ видѣть ихъ. Моя фамилія....

— Ты знаешь его? повелительно спросила Бранчевская.

— Нѣтъ, тихо отвѣчала дѣвушка.

— Я.... отъ господина Каютина.... тихо произнесъ молодой еловѣкъ.

Радостный крикъ вырвался изъ груди молодой дѣвушки, въ лазахъ блеснули слезы.

— Онъ живъ? едва слышно спросила она.

— Живъ.... я имѣю къ вамъ письма.

— О, дайте, дайте мнѣ ихъ! съ восторгомъ сказала Полинь-а, кинувшись къ молодому человѣку.

Бранчевская остановила ее, замѣтивъ сухо:

— Если ты знаешь этого молодого человѣка, то здѣсь не ѣсто говорить; пригласи его наверхъ.

За тѣмъ два лакея чуть не внесли ее на лѣстницу, усланную оврами. Граблинъ и Полинька послѣдовали за ней.

Въ залѣ Бранчевская остановилась и, пытливо поглядѣвъ на раблина, сказала:

— Если вы имѣете дѣло до нея (она указала на Полиньку), о прошу васъ говорить. Я надѣюсь, что не могу вамъ помѣ-ать?

— Я имѣю письма....

— Письма? отъ кого? быстро спросила Бранчевская.

— Отъ очень близкаго имъ человѣка, отвѣчалъ Граблинъ, росивъ взглядъ на Полиньку, которая, казалось, немного бы-а испугана и нетерпѣливо кусала губы.

— Да-съ... этихъ писемъ я давно ждала... мнѣ нужно! бор-отала она, глядя умоляющими глазами на Граблина, какъ-удто просила его помощи.

Онъ догадался и сказалъ:

— Кромѣ писемъ, долженъ я вамъ сообщить по секрету ва-ное дѣло!

Бранчевская тревожно поглядѣла на Полиньку и вышла. роводивъ ее глазами, они кинулись другъ къ другу: онъ по-тѣшно сунулся въ карманъ, а Полинька протянула къ нему ку.

Писемъ было около дюжины. Почти всѣ, кромѣ двухъ, были запечатаны. Полинька стала быстро читать ихъ одно за другимъ. Лицо ея попеременно то улыбалось, то хмурилось.

— Эти письма я нашелъ въ бумагахъ Василья Матвѣича, сказалъ Граблинъ, замѣтивъ въ лицѣ Полиньки изумленіе.

Она вдругъ покраснѣла, и съ досадой разорвавъ письмо, сказала взволнованнымъ голосомъ:

— А, меня обвиняютъ!

И она продолжала читать.

— Мнѣ не совѣтовали къ вамъ нести ихъ.

— Кто? язвительно спросила Полинька, продолжая читать...

— Да всѣ.... ваши знакомые....

Полинька гордо подняла голову и, посмотрѣвъ прямо въ лицо молодому человѣку, твердымъ голосомъ спросила:

— Они вѣрно вамъ много дурного обо мнѣ говорили, — не правда ли?

Граблинъ потупилъ глаза. Онъ хотѣлъ отвѣчать, но Полинька продолжала:

— Я все знаю, что обо мнѣ они говорятъ и думаютъ. Они бросили меня въ чужомъ домѣ и сами потомъ пишутъ ко мнѣ, что знать меня не хотятъ, увѣряютъ, будто я не хочу ихъ видѣть, что я поступаю нечестно, что я.... Нѣтъ, я не буду вамъ говорить всего! я только вамъ скажу одно, что я ничего не понимаю, что дѣлаютъ со мною всѣ: я потеряла голову: отсюда меня не выпускаютъ, а тамъ отрекаются отъ меня. Въ домѣ здѣсь мнѣ скучно и тяжело: но куда мнѣ итти, когда всѣ мои прежніе знакомые отказались отъ меня?

Полинька пришла въ такое волненіе, что руки ея дрожали: она не могла продолжать говорить. Оправившись, она распечатала послѣднее письмо и, пробѣжавъ нѣсколько строкъ, въ отчаяніи опустилась на стулъ.

— И онъ тоже! сказала она съ негодованіемъ.

Потомъ опять стала читать, и негодованіе все сильнѣй выражалось въ ея лицѣ.

Окончивъ письмо, она разорвала его на мелкіе клочки и далеко бросила отъ себя, отвернулась отъ молодого человѣка и тихо заплакала.

— Вы напрасно оскорбились: онъ вѣроятно не зналъ, что вы не получаете его писемъ, сказалъ Граблинъ.

— Онъ не зналъ? съ досадой повторила Полинька. — А отчего же я, не получая его писемъ, не писала ему, чтобъ онъ бросилъ мое кольцо, которое я ему дала? что я не желаю, чтобъ оно было отдано другой? что я не буду ему мѣшать и постараюсь забыть его? Отчего я его не упрекала, что я скучаю, что онъ можетъ быть загубилъ мою жизнь, мою молодость? Нѣтъ, я ничего и никого знать не хочу! они всѣ противъ меня! Боже мой!

И она горько зарыдала.

Вошелъ человѣкъ и доложилъ Полинькѣ, что Бранчевская проситъ ее къ себѣ. Полинька отерла слезы, поклонилась Граблину и хотѣла итти; но онъ удержалъ ее:

— Вы позволите мнѣ вамъ принести письмо, если еще получится.....

— Нѣтъ, я не хочу: мнѣ и такъ тяжело! Пусть ихъ думаютъ, что́ хотятъ обо мнѣ, — теперь мнѣ все-равно, если ужь и онъ тоже думаетъ! въ негодованіи отвѣчала Полинька.

И пошла въ двери, но вдругъ вернулась и прибавила:

— Извините меня, я вамъ очень, очень благодарна. Но мнѣ... мнѣ тяжело!

И она опять заплакала.

— Васъ барыня ждетъ, сказалъ опять вошедшій лакей.

Полинька, закрывъ лицо руками, выбѣжала изъ залы.

ГЛАВА VI.

ПОСЛѢДНЕЕ СВИДАНІЕ.

Въ ночь, когда Полинька сидѣла у постели мнимо-умирающаго, когда неизбѣжная гибель, подготовленная предательскимъ умысломъ, угрожала ей, — положеніе ея совершенно измѣнилось. Привезенная домой перепуганной Анисьей Ѳедотовной, она тотчасъ же была позвана къ Бранчевской. Больная, сильно разстроенная Бранчевская долго распрашивала ее, помнитъ ли она своихъ родителей, есть ли у ней родные, и что́ было съ ней въ дѣтствѣ. Ей отвели комнату близъ спальни Бранчевской. На

Писемъ
запечатан
гимъ. Лиц
— Эт
сказалъ Г
Она
зала взво
— А
И он
— М
—
тать
—
П
цо
—
прав
ка
бро
что
что
рить
что л
выпуск
скучно и
комые от
Полинь
она не могл
тала послѣдне
чаяніи опустил
— И онъ тож
Потомъ опять
жалось въ ея лицѣ.
Окончивъ письмо,
леко бросила отъ себя
тихо заплакала.

ихъ противъ нея. Будто раскаявшись въ своей безумной къ Полинькѣ, онъ, въ минуту притворной откровенности, алъ за страшную тайну Надеждѣ Сергѣевнѣ, какъ По- сама завлекала его, какъ Надежда Сергѣевна была для едметомъ постоянной зависти, какъ Полинька старалась ь его съ нею, чтобъ онъ взялъ отъ ея мужа капиталъ, и аконецъ самъ онъ доведенъ былъ до страшнаго положе- кокетствомъ, увезъ ее, чему она была рада, и даже со- лась вытти за него за мужъ, но только съ условіемъ, онъ взялъ свой капиталъ отъ Кирпичова. Много было на- ено горбуномъ страшныхъ вещей о прошедшей и настоя- жизни Полиньки, и въ заключеніе онъ прибавлялъ, будто отому никого знать не хочетъ, что задумала выйти за- за сына Бранчевской, котораго она также свела съ ума, прежде и его, бѣднаго старика. Вслѣдствіе всего этого раженная Надежда Сергѣевна написала Полинькѣ оскорби- ное письмо, которое заключалось такъ: «какъ ни ничтожны старые знакомые въ сравненіи съ тѣми, которыхъ ты намъ почла, однакожь мы сами знать тебя не хотимъ, и ты луч- не приходи къ намъ» и пр.

Полинька, не понимая причины этого гнѣва, съ своей сто- я была возмущена несправедливостью тѣхъ, которыхъ лю- а, въ которыхъ привыкла видѣть снисхожденіе и защиту. онецъ даже тотъ, съ чьимъ именемъ соединены были ея шія надежды, кому она всѣмъ жертвовала, и тотъ оскорбилъ Конечно онъ не зналъ, что его письма, которыя онъ съ нѣ- тораго времени адресовалъ въ магазинъ Кирпичова, думая, о они вѣрнѣй будутъ доходить, именно потому не доходили Полиньки (Кирпичовъ бросалъ ихъ, по просьбѣ горбуна),— можно ли быть столько малодушнымъ, столько низкимъ, тобъ сдѣлать такія заключенія, какія онъ сдѣлалъ? Него- ующая Полинька позабыла, что сама она, не получая съ олгода писемъ Каютина, легко повѣрила, что онъ давно уже абылъ о ней [illegible] женился, и с [illegible] бѣдной дѣвушки кипѣ- враждой къ [illegible] человѣ

[illegible] одно только поддер- ней Бранчевская, и енныя съ этимъ не- что же это такое?

утро тѣже разспросы. Съ той поры Брапчевская почти каждый день требовала, чтобъ Полинька повторяла ей исторію своего дѣтства. Она вникала въ мельчайшія подробности, и часто Полиньку поражали и трогали слезы, мелькавшія въ глазахъ Брапчевской; напротивъ, голосъ ея замиралъ, когда она подмѣчала холодный взглядъ своей слушательницы.—Полинька разсказала всю свою жизнь, умолчавъ только о преслѣдованіяхъ горбуна. Она замѣтила, что горбунъ съ того самого дня, какъ произошла перемѣна въ ея положеніи, началъ довольно часто появляться въ домѣ Брапчевской. Брапчевская говорила съ нимъ всегда безъ свидѣтелей, и послѣ такихъ свиданій Полинька замѣчала въ ней сильное волненіе, и еще рѣзче тогда бросалась въ глаза странность и неровность въ обращеніи Брапчевской. Брапчевская была съ нею то ласкова и нѣжна, то вдругъ становилась холодна и рѣзка. О горбунѣ Полинька узнала отъ Анисьи Ѳедотовны, что онъ прежде былъ управляющимъ у Брапчевскихъ, и что до сихъ поръ у Брапчевской есть съ нимъ какія-то дѣла. Къ этому Анисья всегда присоединяла упрашиванья, чтобъ Полинька не проронила слова при Брапчевской о горбунѣ: иначе она можетъ испортить счастье, которое скоро ей откроется. Она также совѣтовала Полинькѣ во всемъ слушаться Брапчевскую, не противорѣчить ей: «у нея, матушка вы моя, характеръ вспыльчивый; разсердится, такъ все пропало!» Перемѣна въ обращеніи Брапчевской, двусмысленные намеки Анисьи Ѳедотовны, таинственность, окружавшая Полиньку,—все приводило ее въ страшное недоумѣніе. Она начала догадываться, не скрывается ли тутъ тайна ея рожденія. Сердце ея сильно билось, голова шла кругомъ, при одной мысли, что она наконецъ найдетъ отца, мать или хоть кого-нибудь изъ родныхъ, въ которыхъ такъ нуждалась въ эту минуту. Положеніе ея было ужасно. Не зная о строгомъ приказаніи Брапчевской никого къ ней не пускать, кто будетъ ее спрашивать, она думала, что всѣ ее бросили, какъ только она вступила въ этотъ домъ. И точно: Надежда Сергѣевна и башмачникъ, получивъ грубые отказы черезъ людей, переданные имъ за собственныя слова Полиньки, пришли въ негодованіе. Сначала они не совсѣмъ вѣрили страшнымъ слухамъ, распускаемымъ Анисьей, горбуномъ и всей дворней; но потомъ, когда увидѣли сами, что Полинька ѣздитъ въ каретѣ, уже трудно было примирить ихъ съ ней. Горбунъ окончательно возста-

новилъ ихъ противъ нея. Будто раскаявшись въ своей безумной любви къ Полинькѣ, онъ, въ минуту притворной откровенности, разсказалъ за страшную тайну Надеждѣ Сергѣевнѣ, какъ Полинька сама завлекала его, какъ Надежда Сергѣевна была для нея предметомъ постоянной зависти, какъ Полинька старалась ссорить его съ нею, чтобъ онъ взялъ отъ ея мужа капиталъ, и какъ наконецъ самъ онъ доведенъ былъ до страшнаго положенія ея кокетствомъ, увезъ ее, чему она была рада, и даже соглашалась выйти за него за мужъ, но только съ условіемъ, чтобъ онъ взялъ свой капиталъ отъ Кирпичова. Много было наговорено горбуномъ страшныхъ вещей о прошедшей и настоящей жизни Полиньки, и въ заключеніе онъ прибавлялъ, будто она потому никого знать не хочетъ, что задумала выйти замужъ за сына Бранчевской, котораго она также свела съ ума, какъ прежде и его, бѣднаго старика. Вслѣдствіе всего этого раздраженная Надежда Сергѣевна написала Полинькѣ оскорбительное письмо, которое заключалось такъ: «какъ ни ничтожны твои старые знакомые въ сравненіи съ тѣми, которыхъ ты намъ предпочла, однакожь мы сами знать тебя не хотимъ, и ты лучше и не приходи къ намъ» и пр.

Полинька, не понимая причины этого гнѣва, съ своей стороны была возмущена несправедливостью тѣхъ, которыхъ любила, въ которыхъ привыкла видѣть снисхожденіе и защиту. Наконецъ даже тотъ, съ чьимъ именемъ соединены были ея лучшія надежды, кому она всѣмъ жертвовала, и тотъ оскорбилъ ее! Конечно онъ не зналъ, что его письма, которыя онъ съ нѣкотораго времени адресовалъ въ магазинъ Кирпичова, думая, что они вѣрнѣй будутъ доходить, именно потому не доходили до Полиньки (Кирпичовъ бросалъ ихъ, по просьбѣ горбуна),— но можно ли быть столько малодушнымъ, столько низкимъ, чтобъ сдѣлать такія заключенія, какія онъ сдѣлалъ? Негодующая Полинька позабыла, что сама она, не получая съ полгода писемъ Каютина, легко повѣрила, что онъ давно уже забылъ о ней и даже женился, и сердце бѣдной дѣвушки кипѣло враждой къ любимому человѣку.

Теперь въ этомъ страшномъ положеніи одно только поддерживало ее — участіе, которое приняла въ ней Бранчевская, и темныя, неопредѣленныя надежды, соединенныя съ этимъ непонятнымъ и причудливымъ участьемъ. Но что же это такое?

утро тѣже разспросы. Съ той поры Брамбеусъ почти каждый день требовала, чтобъ Полинька повторяла ей исторію своего дѣтства. Она вникала въ мельчайшія подробности, и часто Полиньку коражали и трогали слезы, мелькавшія въ глазахъ Брамбеусской: напротивъ, голосъ ея замиралъ, когда она подмѣчала холодный взглядъ своей слушательницы.—Полинька разсказала всю свою жизнь, умолчавъ только о преслѣдованіяхъ горбуна. Она замѣтила, что горбунъ съ того самаго дня, какъ произошла перемѣна въ ея положеніи, началъ довольно часто появляться въ домѣ Брамбеусской. Брамбеусская говорила съ нимъ всегда безъ свидѣтелей, и послѣ такихъ свиданій Полинька замѣчала въ ней сильное волненіе, и еще рѣзче тогда бросалась въ глаза странность и неровность въ обращеніи Брамбеусской. Брамбеусская была съ нею то ласкова и нѣжна, то вдругъ становилась холодна и рѣзка. О горбунѣ Полинька узнала отъ Анисьи Ѳедотовны, что онъ прежде былъ управляющимъ у Брамбеусскихъ, и что до сихъ поръ у Брамбеусской есть съ нимъ какія-то дѣла. Къ этому Анисья всегда присоединяла упрашиванья, чтобъ Полинька не проронила слова при Брамбеусской о горбунѣ: иначе она можетъ испортить счастье, которое скоро ей откроется. Она также совѣтовала Полинькѣ во всемъ слушаться Брамбеусскую, не противорѣчить ей: «у нея, матушка вы моя, характеръ вспыльчивый; разсердится, такъ все пропало!» Перемѣна въ обращеніи Брамбеусской, двусмысленные намеки Анисьи Ѳедотовны, таинственность, окружавшая Полиньку,—все приводило ее въ страшное недоумѣніе. Она начала догадываться, не скрывается ли тутъ тайна ея рожденія. Сердце ея сильно билось, голова шла кругомъ, при одной мысли, что она наконецъ найдетъ отца, мать или хоть кого-нибудь изъ родныхъ, въ которыхъ такъ нуждалась въ эту минуту. Положеніе ея было ужасно. Не зная о строгомъ приказаніи Брамбеусской никого къ ней не пускать, кто будетъ ее спрашивать, она думала, что всѣ ее бросили, какъ только она вступила въ этотъ домъ. И точно: Надежда Сергѣевна и башмачникъ, получивъ грубые отказы черезъ людей, переданные имъ за собственныя слова Полиньки, пришли въ негодованіе. Сначала они не совсѣмъ вѣрили страннымъ слухамъ, распускаемымъ Анисьей, горбуномъ и всей дворней; но потомъ, когда увидѣли сами, что Полинька ѣздитъ въ каретѣ, уже трудно было примирить ихъ съ ней. Горбунъ окончательно возста-

новилъ ихъ противъ нея. Будто раскаявшись въ своей безумной любви къ Полинькѣ, онъ, въ минуту притворной откровенности, разсказалъ за страшную тайну Надеждѣ Сергѣевнѣ, какъ Полинька сама завлекала его, какъ Надежда Сергѣевна была для нея предметомъ постоянной зависти, какъ Полинька старалась ссорить его съ нею, чтобъ онъ взялъ отъ ея мужа капиталъ, и какъ наконецъ самъ онъ доведенъ былъ до страшнаго положенія ея кокетствомъ, увезъ ее, чему она была рада, и даже соглашалась выти за него за мужъ, но только съ условіемъ, чтобъ онъ взялъ свой капиталъ отъ Кирпичова. Много было наговорено горбуномъ страшныхъ вещей о прошедшей и настоящей жизни Полиньки, и въ заключеніе онъ прибавлялъ, будто она потому никого знать не хочетъ, что задумала выйти замужъ за сына Бранчевской, котораго она также свела съ ума, какъ прежде и его, бѣднаго старика. Вслѣдствіе всего этого раздраженная Надежда Сергѣевна написала Полинькѣ оскорбительное письмо, которое заключалось такъ: «какъ ни ничтожны твои старые знакомые въ сравненіи съ тѣми, которыхъ ты намъ предпочла, однакожь мы сами знать тебя не хотимъ, и ты лучше и не приходи къ намъ» и пр.

Полинька, не понимая причины этого гнѣва, съ своей стороны была возмущена несправедливостью тѣхъ, которыхъ любила, въ которыхъ привыкла видѣть снисхожденіе и защиту. Наконецъ даже тотъ, съ чьимъ именемъ соединены были ея лучшія надежды, кому она всѣмъ жертвовала, и тотъ оскорбилъ ее! Конечно онъ не зналъ, что его письма, которыя онъ съ нѣкотораго времени адресовалъ въ магазинъ Кирпичова, думая, что они вѣрнѣй будутъ доходить, именно потому не доходили до Полиньки (Кирпичовъ бросалъ ихъ, по просьбѣ горбуна),— но можно ли быть столько малодушнымъ, столько низкимъ, чтобъ сдѣлать такія заключенія, какія онъ сдѣлалъ? Негодующая Полинька позабыла, что сама она, не получая съ полгода писемъ Каютина, легко повѣрила, что онъ давно уже забылъ о ней и даже женился, и сердце бѣдной дѣвушки кипѣло враждой къ любимому человѣку.

Теперь въ этомъ страшномъ положеніи одно только поддерживало ее — участіе, которое приняла въ ней Бранчевская, и темныя, неопредѣленныя надежды, соединенныя съ этимъ непонятнымъ и причудливымъ участьемъ. Но что же это такое?

чѣмъ же все это кончится? Сколько уже прошло времени, а мучительная неизвѣстность продолжается и Богъ знаетъ когда кончится!

Въ тотъ день, когда Полинька получила письма Каютина и когда всѣ эти мысли, сильнѣе чѣмъ когда-нибудь, тревожили ее, Бранчевская рано отослала ее спать. Былъ двѣнадцатый часъ вечера. Оставшись одна, Бранчевская долго ходила по комнатѣ. На ея гордомъ и надмѣнномъ лицѣ видны были слѣды страшнаго страданія и тревоги. Она часто вдругъ останавливалась среди комнаты какъ статуя и прислушивалась; потомъ съ досадой снова начинала ходить.

Пробило двѣнадцать часовъ,— и занавѣска у двери заколыхалась: безобразная и огромная голова высунулась и снова спряталась. Чуткое Бранчевской ухо, казалось, различило знакомое движеніе; она быстро повернулась и повелительно произнесла:

— Войди!

Съ низкимъ поклономъ вошелъ въ комнату горбунъ и остановился у двери. Не отвѣчая на его поклонъ, Бранчевская молчаво опустилась въ кресло. Нѣсколько секундъ продолжалось молчаніе.

На губахъ горбуна блуждала его обычная улыбка.

— Ну, что же? съ сердцемъ и нетерпѣливо сказала Бранчевская, не глядя на горбуна, который, заложивъ одну руку назадъ и придерживаясь пальцемъ другой за петлю сюртука, спокойно смотрѣлъ на нее.

— Слѣдъ найденъ, отвѣчалъ онъ медленно.

Бранчевская радостно вскрикнула и привстала.

— Говори! сказала она дрожащимъ голосомъ, стараясь принять спокойный и холодный видъ.

Не спуская своихъ блестящихъ глазъ съ Бранчевской, которая видимо ихъ избѣгала, горбунъ съ разстановкой повторилъ:

— Слѣдъ най денъ.

— Говори же скорѣе! нетерпѣливо крикнула Бранчевская.

— Пока я больше ничего не могу сказать! равнодушно отвѣчалъ горбунъ.

Бранчевская подскочила къ нему и грозно закричала:

— Послушай! я наконецъ потеряю терпѣніе! ты обманываешь меня! я знаю, ты такъ черенъ, что способенъ на все! говори сейчасъ же, какіе слѣды?

И она приняла гордый видъ; но гнѣвъ ея, казалось, не дѣйствовалъ на горбуна.

— Кажется, отвѣчалъ онъ спокойно: — въ теченіи стольких лѣтъ я имѣлъ много случаевъ доказать вамъ мою усердную готовность....

— Замолчи!... о прошломъ ни слова! повелительно перебила Бранчевская.

— А если дѣло требуетъ? возразилъ съ усмѣшкой горбунъ.

— Неправда! сказала Бранчевская, подавляя свой гнѣвъ. — Дѣло тебѣ извѣстно! я требую одного, чтобъ скорѣе все кончилось. Я не хочу оставаться долѣе въ ложномъ, неизвѣстномъ положеніи. Я скорѣй готова отказаться.... но уже поздно! прибавила она съ отчаяніемъ. — Я привязалась къ ней.... мнѣ страшно.

Она остановилась и потомъ продолжала спокойнѣе:

— Я имѣю доказательства ясныя: такъ или иначе, но ты обманулъ меня, и теперь я тебѣ не вѣрю!

— Если къ человѣку не имѣютъ довѣрія, какъ же можно ждать его помощи? замѣтилъ горбунъ.

— Отыщи мнѣ ту женщину.

— Она давно умерла, твердо произнесъ горбунъ.

Бранчевская съ ужасомъ повторила:

— Умерла?!

— Да, но есть еще одна женщина, которая знавала ее....

— Ну, что же?... говори, кто она и что знаетъ? умоляющимъ голосомъ сказала Бранчевская.

— Дѣло очень темно....

— Злодѣй! ты, кажется, намѣренъ меня замучить! Говори, ты видѣлъ ее, ты говорилъ съ ней? а?

— Нѣтъ еще; но она сейчасъ же явится ко мнѣ по одному моему слову. Я долженъ васъ предупредить, что она женщина хитрая, — даромъ рта не раскроетъ, ей нужны деньги.

— Сколько ей нужно, я все заплачу!

— Потомъ.... не знаю, согласитесь ли вы?

И горбунъ замялся.

— На что?

— Сибирь.... мрачно произнесъ горбунъ.

Бранчевская дико засмѣялась. Горбунъ вздрогнулъ.

Въ ту минуту рѣзкій стукъ послышался въ сосѣдней комнатѣ. Смѣхъ Бранчевской замеръ.

— Насъ подслушиваютъ! съ ужасомъ сказала она и кинулась сперва къ одной двери, потомъ къ другой.

— Подслушиваютъ? пугливо повторилъ горбунъ.

Схвативъ свѣчку, Бранчевская отворила дверь, которая вела въ ея спальню; горбунъ, тоже взявъ свѣчу, исчезъ въ другую дверь.

Черезъ минуту они воротились; лица ихъ были спокойны.

— Никого! сказала Бранчевская, свободно вздохнувъ.

Но они долго еще не рѣшались продолжать разговоръ, прислушиваясь. Бранчевская первая нарушила молчаніе, но такъ понизила голосъ, что ее едва можно было слышать.

Черезъ полчаса горбунъ вышелъ, низко кланяясь; Бранчевская съ отвращеніемъ проводила его глазами. Но голова его тотчасъ опять показалась между занавѣсками.

— Завтра! сказалъ онъ тихо, съ насмѣшливой и злобной улыбкой.

Бранчевская вздрогнула, кивнула ему головой и съ ужасомъ закрыла лицо. Такъ она сидѣла долго, полная грустныхъ мыслей. Съ тяжкимъ вздохомъ достала она съ своей груди маленькой образокъ, долго разсматривала его, осыпала поцалуями. Слезы брызгнули изъ глазъ ея, и, упавъ на кушетку, въ бархатныхъ подушкахъ заглушала она свои стоны.

Полинька въ своей комнатѣ тоже рыдала. Угрызенія совѣсти терзали ее. Когда она пришла въ себя и раздумалась, ей стало такъ грустно, такъ невыносимо тяжело, что она кинулась къ Бранчевской, готовая рыдать и умолять ее, сама не зная о чемъ; но Бранчевской въ спальнѣ не было. Въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса; одинъ принадлежалъ Бранчевскій, въ другомъ Полинькѣ нетрудно было узнать голосъ горбуна. Мучимая неизвѣстностью, невольно приблизилась она къ занавѣскѣ и стала вслушиваться въ ихъ разговоръ. Она не сознавала, что̀ дѣлаетъ, и плохо понимала, что̀ они говорили. Дикой хохотъ Бранчевской такъ испугалъ ее, что она кинулась вонъ, забывъ всякую осторожность, и задѣла стулъ....

Многое было непонятно Полинькѣ въ разговорѣ, который она невольно подслушала. Но она увѣрилась въ одномъ что, тайна ея рожденія наконецъ будетъ открыта, и что она можетъ быть даже найдетъ свою мать. И когда прошелъ первый порывъ стыда, сердце ей забилось радостью; тысячи плановъ столпились въ ея головѣ; она торжествовала при мысли, какъ поразитъ эта вѣсть ея враговъ, къ которымъ уже причислила Кирпичову и башмачника.

Наступило утро. Полинька истомилась, ожидая, когда ее позовутъ къ Бранчевской. Но утро прошло — она не видала Бранчевской. Наступилъ и вечеръ — ее все не зовутъ къ ней. Полинька трепетала при мысли, не догадалась ли Бранчевская о ея поступкѣ. «Можетъ быть она не хочетъ больше меня видѣть» — съ ужасомъ думала она.

Но Бранчевская ничего не подозрѣвала; только къ вечеру встала она съ постели и перешла въ комнату, гдѣ наканунѣ видѣлась съ горбуномъ. Жаль было ее видѣть: изъ гордой и бодрой женщины она превратилась въ слабую и дряхлую старуху.

Бранчевская поминутно смотрѣла на часы; пробило уже одинадцать, но тотъ, кого она повидимому такъ нетерпѣливо ждала, не приходилъ. Наконецъ занавѣска заколыхалась. Бранчевская приподнялась, и на ея блѣдномъ лицѣ появилась улыбка. Вошелъ горбунъ.

— Наконецъ все кончено? говори! нетерпѣливо сказала Бранчевская.

— Нѣтъ еще.... мнѣ необходимо видѣть ее! отвѣчалъ горбунъ.

— Ты хочешь ее видѣть? съ ужасомъ спросила Бранчевская.

— Напрасно вы боитесь! Тайна, которую хранилъ я слишкомъ двадцать лѣтъ, умретъ со мною! торжественно произнесъ горбунъ.

— Неужели нельзя избѣжать свиданія? умоляющимъ голосомъ сказала она.

— Нѣтъ! твердо отвѣчалъ онъ.

Подумавъ съ минуту, она протянула руку къ снурку, висѣвшему у кушетки, но горбунъ быстро остановилъ ее.

— Безъ свидѣтелей, сказалъ онъ.

— Неужели даже я не могу присутствовать? съ удивленіемъ спросила она.

— Вамъ самой нужно ее видѣть.

И горбунъ впился своими пытливыми глазами въ лицо Бранчевской, въ которомъ мелькнулъ испугъ. Она долго думала и наконецъ нерѣшительнымъ голосомъ сказала:

Я рѣшаюсь!... съ однимъ условіемъ, чтобъ ты мнѣ поручился, что она будетъ нѣма какъ мертвая!

— Вы желаете сказать, какъ я!... кланяясь и усмѣхаясь, сказалъ горбунъ.

— Молчаніе твое слишкомъ связано съ личной твоей выгодой, замѣтила Бранчевская.

— Если такъ, то что же можетъ заставить молчать эту женщину? она....

— Ты! гордо сказала Бранчевская.

Горбунъ вздрогнулъ, но тотчасъ же побѣдивъ свой испугъ, съ злобой посмотрѣлъ на Бранчевскую и сказалъ:

— Вы, кажется, сейчасъ изволили гнѣваться на меня, зачѣмъ я говорю о прошломъ? Я сказалъ бы въ свое оправданіе, но боюсь....

— Говори смѣло! я убѣждена, что въ своихъ поступкахъ ты его не найдешь

Горбунъ молчалъ, будто о чемъ-то думалъ. Наконецъ онъ быстро поднялъ голову и, не спуская глазъ съ Бранчевской, сказалъ:

— Вашъ сынъ....

— Что мой сынъ? онъ занялъ у тебя денегъ? сколько? ты ихъ сейчасъ получишь! перебила презрительно Бранчевская.

— Нѣтъ-съ.... не то-съ....

— Что же?

— Онъ можетъ быть дорожитъ....

Горбунъ остановился и значительно поглядѣлъ на Бранчевскую.

—А, понимаю! наглецъ! неужели ты думаешь, что онъ повѣритъ тебѣ? Одно мое слово и ты можешь погибнуть.... Да, ты доведешь меня до того, что я пожертвую всѣмъ, чтобъ наконецъ наказать тебя за всѣ твои преступленія!

Горбунъ побѣдѣлъ.

— Я ихъ надѣлалъ! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ.— Заемныя ваши письма....

— Они недѣйствительны! перебила Бранчевская.

— Такъ мнѣ остается напомнить вамъ одно....

И горбунъ оглядѣлся во всѣ стороны.

Бранчевская съ ужасомъ тоже оглядѣлась кругомъ; потомъ они въ одно время сдѣлали движеніе другъ къ другу.

Горбунъ понизилъ голосъ и мрачно сказалъ:

— Ночь въ Парижѣ.... вы призвали меня, я вамъ отдалъ пукъ писемъ, вы бросили ихъ въ каминъ...

И онъ опять оглядѣлся кругомъ.

Бранчевская жадно слушала его и нетерпѣливо кивала головой. Ея черные глаза сдѣлались огромными, брови сдвинулись, ноздри разширились. Она походила на одушевленную статую гнѣва. Горбунъ, казалось, наслаждался ея волненіемъ.

— Вы поспѣшили ихъ бросить въ каминъ, продолжалъ онъ, медленно, съ страшной улыбкой. — Хе, хе, хе! (онъ тихо смѣялся), но ваши письма были только сверху, а остальныя я спряталъ.... хе! хе, хе!

Бранчевская помертвѣла. Стиснувъ зубы, будто желала остановить стонъ, готовый вырваться, она прислонилась къ кресламъ. Горбунъ продолжалъ:

— Да, я предчувствовалъ, что вы не сдержите своего слова, и вотъ мое предчувствіе оправдалось!

Бранчевская долго стояла молча и неподвижно. Наконецъ, упавъ въ изнеможеніи на кресло, она слабо сказала:

— Доказательства, какія ты имѣешь противъ чести моей и нашего семейства, ничтожны!

Горбунъ улыбнулся. Бранчевская продолжала:

— Да, я сама буду просить сына, чтобъ онъ взялъ ихъ у тебя. Я рѣшилась на все, но зато и ты хорошо будешь наказанъ!

И она опять пришла въ страшное негодованіе. Смущенный ея угрозами, горбунъ потупилъ глаза.

Да! продолжала она. — Ты вѣрно хорошо знаешь законы, такъ скажи же мнѣ, какое наказаніе назначено за подлогъ подписи? а?

Горбунъ повѣсилъ голову, согнулся какъ дряхлый старикъ и молчалъ.

— Ну, говори же! повелительно сказала Бранчевская.

Горбунъ продолжалъ молчать.

— Я тебя спрашиваю, какое наказаніе бываетъ за подлогъ руки? грозно закричала Бранчевская.

— Сибирь.... мрачно произнесъ горбунъ.

Бранчевская дико засмѣялась. Горбунъ вздрогнулъ.

Въ ту минуту рѣзкій стукъ послышался въ сосѣдней комнатѣ. Смѣхъ Бранчевской замеръ.

— Насъ подслушиваютъ! съ ужасомъ сказала она и кинулась сперва къ одной двери, потомъ къ другой.

— Подслушиваютъ? пугливо повторилъ горбунъ.

Схвативъ свѣчку, Бранчевская отворила дверь, которая вела въ ея спальню; горбунъ, тоже взявъ свѣчу, исчезъ въ другую дверь.

Черезъ минуту они воротились; лица ихъ были спокойны.

— Никого! сказала Бранчевская, свободно вздохнувъ.

Но они долго еще не рѣшались продолжать разговоръ, прислушиваясь. Бранчевская первая нарушила молчаніе, но такъ понизила голосъ, что ее едва можно было слышать.

Черезъ полчаса горбунъ вышелъ, низко кланяясь; Банчевская съ отвращеніемъ проводила его глазами. Но голова его тотчасъ опять показалась между занавѣсками.

— Завтра! сказалъ онъ тихо, съ насмѣшливой и злобной улыбкой.

Бранчевская вздрогнула, кивнула ему головой и съ ужасомъ закрыла лицо. Такъ она сидѣла долго, полная грустныхъ мыслей. Съ тяжкимъ вздохомъ достала она съ своей груди маленькой образокъ, долго разсматривала его, осыпала поцалуями. Слезы брызгнули изъ глазъ ея, и, упавъ на кушетку, въ бархатныхъ подушкахъ заглушала она свои стоны.

Полинька въ своей комнатѣ тоже рыдала. Угрызенія совѣсти терзали ее. Когда она пришла въ себя и раздумалась, ей стало такъ грустно, такъ невыносимо тяжело, что она кинулась къ Бранчевской, готовая рыдать и умолять ее, сама не зная о чемъ; но Бранчевской въ спальнѣ не было. Въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса; одинъ принадлежалъ Бранчевскій, въ другомъ Полинькѣ нетрудно было узнать голосъ горбуна. Мучимая неизвѣстностью, невольно приблизилась она къ занавѣскѣ и стала вслушиваться въ ихъ разговоръ. Она не сознавала, что дѣлаетъ, и плохо понимала, что они говорили. Дикой хохотъ Бранчевской такъ испугалъ ее, что она кинулась вонъ, забывъ *всякую осторожность*, и задѣла стулъ....

Многое было непонятно Полинькѣ въ разговорѣ, который она невольно подслушала. Но она увѣрилась въ одномъ что, тайна ея рожденія наконецъ будетъ открыта, и что она можетъ быть даже найдетъ свою мать. И когда прошелъ первый порывъ стыда, сердце ей забилось радостью; тысячи плановъ столпились въ ея головѣ; она торжествовала при мысли, какъ поразитъ эта вѣсть ея враговъ, къ которымъ уже причислила Кирпичову и башмачника.

Наступило утро. Полинька истомилась, ожидая, когда ее позовутъ къ Бранчевской. Но утро прошло — она не видала Бранчевской. Наступилъ и вечеръ — ее все не зовутъ къ ней. Полинька трепетала при мысли, не догадалась ли Бранчевская о ея поступкѣ. «Можетъ быть она не хочетъ больше меня видѣть» — съ ужасомъ думала она.

Но Бранчевская ничего не подозрѣвала; только къ вечеру встала она съ постели и перешла въ комнату, гдѣ наканунѣ видѣлась съ горбуномъ. Жаль было ее видѣть: изъ гордой и бодрой женщины она превратилась въ слабую и дряхлую старуху.

Бранчевская поминутно смотрѣла на часы; пробило уже одинадцать, но тотъ, кого она повидимому такъ нетерпѣливо ждала, не приходилъ. Наконецъ занавѣска заколыхалась. Бранчевская приподнялась, и на ея блѣдномъ лицѣ появилась улыбка. Вошелъ горбунъ.

— Наконецъ все кончено? говори! нетерпѣливо сказала Бранчевская.

— Нѣтъ еще.... мнѣ необходимо видѣть ее! отвѣчалъ горбунъ.

— Ты хочешь ее видѣть? съ ужасомъ спросила Бранчевская.

— Напрасно вы боитесь! Тайна, которую хранилъ я слишкомъ двадцать лѣтъ, умретъ со мною! торжественно произнесъ горбунъ.

— Неужели нельзя избѣжать свиданія? умоляющимъ голосомъ сказала она.

— Нѣтъ! твердо отвѣчалъ онъ.

Подумавъ съ минуту, она протянула руку къ снурку, висѣвшему у кушетки, но горбунъ быстро остановилъ ее.

— Безъ свидѣтелей, сказалъ онъ.

— Неужели даже я не могу присутствовать? съ удивленіемъ спросила она.

Горбунъ кивнулъ головой.

Бранчевская остановила на немъ долгой, пристальный взглядъ и потомъ, указавъ на дверь своей спальни, сказала:

— Иди, только помни, что ты не долженъ ни однимъ словомъ....

— Будьте покойны! перебилъ онъ и вышелъ.

Полинька въ то время уже готовилась ко сну; распустивъ свои длинные чорные волосы, покрывшіе, будто черной мантіей, ея худыя, но все еще прекрасныя плечи, она стояла передъ зеркаломъ. Зеркало висѣло противъ самой двери.

Вдругъ Полинька дико вскрикнула, уронила гребенку и пошатнулась, закрывъ лицо руками.

Горбунъ стоялъ въ дверяхъ и пожиралъ ее жадными глазами. Бѣлая, немного короткая юбочка выказывала вполнѣ ея граціозныя ножки; руки и плечи были открыты, и черные волосы, свѣсившись напередъ, почти касались полу. Горбунъ быстро повернулъ голову и провелъ рукою по глазамъ. Слѣды слезъ блестѣли еще на его рѣсницахъ, когда онъ тихо сказалъ:

— Какъ измѣнилась!

Полинька, отнявъ медленно руки отъ лица, встрѣтила кроткій взглядъ горбуна; лицо его больше изумило, чѣмъ испугало ее. Точно, въ эту минуту онъ былъ скорѣе жалокъ, чѣмъ страшенъ или отвратителенъ. Тоска и страданіе рѣзко изображались въ чертахъ его лица.

— Какъ попали вы сюда? спросила Полинька, оправившись.

— Не пугайтесь! вы въ безопасности: малѣйшій вашъ крикъ услышатъ; къ томужь я не ступлю шагу, не скажу слова безъ вашего согласія. Вы хотите меня выслушать?

— Говорите; но если вы сдѣлаете шагъ впередъ, я стану кричать!

Горбунъ пожалъ плечами, тяжело вздохнулъ и прошепталъ грустнымъ голосомъ:

— Все тоже дитя! Не безпокойтесь, продолжалъ онъ, обратясь къ Полинькѣ. — Я уже сказалъ, что не ступлю шагу безъ вашего согласія. Мы видимся, можетъ быть, въ послѣдній разъ; мое объясненіе съ вами будетъ очень коротко. Я только спрошу васъ: что́ вы думаете о своемъ положеніи, и надѣетесь ли вы, *что оно долго* можетъ продлиться? а?

— На что̀ вамъ это знать? по какому праву вы меня спрашиваете? гордо отвѣчала Полинька.

— По праву человѣка, въ рукахъ котораго ваша участь! надменно отвѣчалъ горбунъ.

Полинька вспомнила подслушанный ею разговоръ и вздрогнула. Горбунъ продолжалъ:

— Желаете ли вы богатства? желаете ли узнать, кто была женщина, которой вы обязаны жизнію?

— Умоляю васъ, скажите, кто она? гдѣ она? въ волненіи сказала Полинька.

— Позвольте! спокойно отвѣчалъ горбунъ. — Я хочу знать прежде, поняли ли вы, какова жизнь дѣвушки безъ защиты, безъ родныхъ, безъ состоянія? Я знаю, хорошо знаю, какъ вы жили здѣсь прежде. Но вдругъ....

— Я сама ничего не понимаю! съ жаромъ перебила Полинька. — Я чуть съ ума не сошла въ этомъ домѣ; меня всѣ притѣсняли, я жила наравнѣ съ прочими людьми, я терпѣла страшное униженіе.... и вдругъ меня ласкаютъ, заботятся обо мнѣ, даже та, которая прежде смущала меня своимъ презрѣніемъ, стала со мной добра, нѣжна.... Если вы все знаете, скажите мнѣ, что̀ это значитъ?

Горбунъ тихо засмѣялся.

— А подозрѣвали вы, спросилъ онъ: — мое участіе въ томъ, что сюда переѣхали?... Нѣтъ!... Знайте же, что этимъ вы обязаны мнѣ.... Я имѣлъ свои причины желать, чтобъ вы вполнѣ извѣдали нужду и горе. Но теперь вы въ довольствѣ....

И горбунъ злобно оглядѣлъ комнату. Она была убрана просто, но роскошно, въ сравненіи съ прежней комнатой Полиньки.

— Вы сыты, вы одѣты, вамъ ненужно думать о завтрашнемъ днѣ, вы можете даже ничего не дѣлать; васъ ласкаютъ; но ваше довольство непрочно: мнѣ стоитъ сказать одно слово— и вы лишитесь всего!

— А, понимаю! сказала Полинька. — Вы все старое.... Но предупреждаю васъ, что я не приму никакихъ условій, еслибъ даже дѣло шло о моей жизни!

— Я тоже предупреждаю, что одинъ только знаю тайну, которая можетъ перемѣнить вашу участь, сказалъ онъ. — Подумайте! Вы теперь привыкли къ довольству, вамъ невозможно

воротиться къ прежней жизни, вы не вынесете! И куда пойдете вы? Ваши друзья васъ отвергли; да и что они могутъ сдѣлать?... Но ваше счастье въ вашихъ рукахъ. Все зависитъ отъ вашего благоразумія.... Мы здѣсь одни....

И горбунъ оглядѣлся.

— Я запру дверь....

— Замолчите! нѣтъ счастья во всемъ мірѣ, которое я рѣшилась бы купить такой цѣной!

— Къ чему горячиться? кротко возразилъ горбунъ.—Я прошу васъ перестать ребячиться и хладнокровно взвѣсить обстоятельства....

Долго и много говорилъ горбунъ Полинькѣ о счастьи, которое ожидаетъ ее, если упрочится положеніе, въ которомъ она теперь находится. Мрачными красками описывалъ вѣчную нужду и униженіе, которыя угрожаютъ ей, если она своимъ упрямствомъ вооружитъ его. Опять повторены были всѣ обѣщанія, всѣ клятвы сдѣлать ее счастливою, принести ей въ жертву и состоянье и жизнь, но краснорѣчивыя, страстныя убѣжденія его не дѣйствовали. Полинька сильно качала головой и не хотѣла слушать его. Истощивъ безполезно всѣ свои убѣжденія, мольбы и слезы, горбунъ наконецъ пришелъ въ бѣшенство.

— Гордый и безумный ребенокъ! сказалъ онъ грозно: — помни, что со мной нельзя шутить! — Тысячу разъ клялся я не щадить тебя больше, и если теперь, послѣ всѣхъ оскорбленій, которыми ты осыпала меня, я увлекся опять, пожалѣлъ тебя, снова унижался у ногъ твоихъ, — я дорого выкуплю мое униженіе: и счастьемъ, и жизнью, и честью поплатишься ты за свои дѣтскіе капризы! Ты вспомнишь мои слова, когда придешь къ моимъ воротамъ оборванная и голодная. Да я велю прогнать, я не дамъ гроша за послѣднее тряпье твое, которое принесешь ты, чтобъ достать кусокъ хлѣба.... хе! хе, хе! Много видалъ я такихъ примѣровъ. Хе! хе, хе!

Горбунъ тихо и злобно хохоталъ, будто мрачное предсказаніе его уже сбылось и передъ нимъ уже стояла съ бѣднымъ *узелкомъ* своимъ несчастная женщина, которую онъ казнилъ *презрительнымъ* хохотомъ.

— Въ послѣдній разъ, сказалъ онъ немного спокойнѣе: — спрашиваю, согласны ли вы?... Если — да, я упрочу ваше счастіе..... Если нѣтъ....

— Не безпокойтесь! насмѣшливо перебила негодующая Полинька. — Я знаю, кто мать моя! Сначала я думала, что образокъ, который висѣлъ у меня на груди, съ того времени, какъ я себя помню, пропалъ въ ту самую ночь, какъ, помните? вы *умирали*.... но теперь я знаю у кого онъ и знаю....

— Вы думаете, что она? спросилъ горбунъ, указывая на дверь.

Да! видите, я тоже знаю вашу тайну!

— Горбунъ покачалъ головой. Насмѣшливая и злая улыбка обезобразила его лицо.

— Да, да! я все знаю, все! продолжала Полинька. — Вы думаете, что она напрасно заставляла меня сто разъ повторять ей одну и ту же исторію о моемъ дѣтствѣ? А ея слезы, когда я говорила, сколько страдала въ своей жизни? А образокъ? Я все поняла.... Онъ висѣлъ въ моей комнатѣ и пропалъ въ ту ночь, какъ я поѣхала къ вамъ.... (Низкій обманъ! и вы еще думали, что я могу чувствовать къ вамъ что-нибудь, кромѣ отвращенія?) пропалъ, а она, я знаю, была въ ту ночь въ моей комнатѣ: мнѣ Анисья Ѳедотовна, ваша же сообщница, сказывала. И какъ я пріѣхала, она тотчасъ же стала меня распрашивать.... А потомъ я разъ видѣла, какъ она разсматривала и цаловала мой образокъ. Что все это значитъ? съ торжествомъ спрашивала Полинька.

Горбунъ презрительно засмѣялся.

— Дитя! дитя! сказалъ онъ. — Если на этомъ основываются ваши надежды, если изъ этого выходитъ ваше сопротивленіе, то клянусь вамъ — вы ошибаетесь!

— Увидимъ, отвѣчала гордо Полинька. — Если я точно дитя, то мнѣ еще нужнѣй мать.... и какъ ни клянитесь, вамъ не удастся отнять ее у меня!

Насмѣшливый и недовѣрчивый тонъ Полиньки довелъ горбуна до крайней степени бѣшенства. Онъ злобно топнулъ ногой, и огнемъ неумолимой, жестокой рѣшимости сверкнули дикіе глаза его.

— Прощайте! сказалъ онъ. — Наше послѣднее свиданіе кончилось также дурно, какъ всѣ прежнія. Не моя вина. Я все сдѣлалъ, что могъ! Но что́жь дѣлать, если вы вѣрите своимъ

пустымъ фантазіямъ больше, чѣмъ моимъ словамъ? Раскаетесь, но будетъ поздно!

Онъ ушелъ, скрежеща зубами.

До поздней ночи горбунъ оставался въ комнатѣ Бранчевской. Двери кругомъ были крѣпко заперты, и они говорили шопотомъ.

ГЛАВА VII.

ПОЛИНЬКА НАХОДИТЪ НОВУЮ ПОКРОВИТЕЛЬНИЦУ.

Утромъ довольно рано горничная позвала Полиньку къ Бранчевской. Волнуемая ожиданіемъ, Полинька нетвердыми шагами вошла въ спальню. Ноги едва держали ее.

Въ спальнѣ былъ полусвѣтъ. Бранчевская еще лежала въ постели. Полинька приблизилась къ ней, чтобъ поцаловать, по обыкновенію, ея руку, но Бранчевская поспѣшно закуталась въ одѣяло и пугливо сказала:

— Не надо, не надо!

Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ Полиньки; она пошатнулась и оперлась на стулъ. И такъ, нѣтъ сомнѣнія: горбунъ исполнилъ свои низкія угрозы!

— Васъ обманули! въ волненіи сказала Полинька: — вамъ наговорили на меня; не вѣрьте ему, онъ....

— Что такое? протяжно, нахмуривъ брови, перебила ее Бранчевская, медленно приподымаясь.

Голосъ у Полиньки замеръ: по одному слову она узнала въ Бранчевской прежнюю свою госпожу! Кровь застыла у ней въ жилахъ; она отшатнулась и горько зарыдала.

— Что это?... слезы! тоскливо и съ отвращеніемъ сказала Бранчевская. — Перестань, прибавила она повелительно: — ради Бога, перестань, я не могу ихъ слышать!

Слезы стѣснились у Полиньки въ груди, она дико смотрѣла на Бранчевскую, которая, избѣгая ея взглядовъ, сказала смущеннымъ голосомъ:

— Я очень довольна тобой.... но я.... я желаю, чтобъ ты *оставила* мой домъ!

Полинька съ дикимъ крикомъ кинулась къ кровати, упала къ ногамъ Бранчевской и, цалуя ихъ, умоляющимъ голосомъ твердила:

— Онъ васъ обманулъ, онъ способенъ меня лишить матери! защитите меня, я погибну, погибну!

Страшно было отчаяніе бѣдной дѣвушки, но Бранчевская съ отвращеніемъ отталкивала ее отъ себя и плачущимъ голосомъ сказала:

— Боже! она уморитъ меня!

Полинька вздрогнула, медленно подняла голову и устремила свои большіе, полные мольбы и муки, глаза на Бранчевскую. Бранчевская быстро дернула за снурокъ колокольчика и холодно сказала:

— Я слаба, избавь меня отъ такихъ сценъ. Я прошу.... нѣтъ, я приказываю тебѣ оставить мой домъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Вотъ тебѣ на первое время.

И она подала Полинькѣ пакетъ и прибавила: — живи какъ прежде жила!

Полинька сорвала печать, болѣзненно вскрикнула и бросила пакетъ.

— Въ немъ есть деньги, возьми ихъ, поспѣшно сказала Бранчевская.

Полинька презрительно взглянула на пакетъ и съ отчаяніемъ сказала:

— Я буду просить васъ объ одномъ....

— Что? дрожащимъ голосомъ спросила Бранчевская.

— Образокъ, который вы у меня взяли.... это единственная память моей матери! отдайте мнѣ его, отдайте!

Бранчевская громко засмѣялась.

— Ты, кажется, помѣшалась, сказала она. — Что такое? какой образокъ твоей матери? ты забываешься!! Не совѣтую, насмѣшливо прибавила она.

Полинька взглянула на нее и вздрогнула, встрѣтивъ ея презрительный и холодный взглядъ. Съ минуту она стояла неподвижно, съ дикими, блуждающими глазами, наконецъ сдѣлала отчаянный жестъ и выбѣжала изъ спальни.

Какъ сумасшедшая пришла она въ свою комнату, бралась за вещи, увязывала ихъ, но вдругъ съ ужасомъ бросала, вспомнивъ, что онѣ принадлежатъ Бранчевской. Она не плакала

растерзанное сердце ея было полно негодованіемъ. Накинувъ салопъ и шляпку, она быстро выбѣжала изъ дому. И вотъ она среди улицы. Несчастная долго стояла на одномъ мѣстѣ, спрашивая себя: «куда ей итти?» Къ Кирпичовой? Но съ какими глазами придетъ она къ женщинѣ, которая не постыдилась оскорбить ее самыми черными подозрѣніями? И притомъ Кирпичова сама предупредила, что выгонитъ ее... Къ башмачнику?

И будто испуганная, Полинька побѣжала прямо. Долго бродила она изъ улицы въ улицу, останавливалась, осматривалась кругомъ, будто искала кого.... Силы начинали измѣнять ей, волненіе все увеличивалось. Куда я пойду? что буду дѣлать? спрашивала она себя. — Боже мой! что они со мной сдѣлали!

И она заплакала. Вдругъ раздались звуки шарманки и крикливое пѣнье.

Полинька встрепенулась. Многое напомнили ей эти звуки и особенно крикливый, пронзительный голосъ. Утро пасмурное и холодное. Низенькій домикъ въ три окна, бѣдная комната, загроможденная лоскутками, и посреди нихъ старуха, рябая, безобразная, съ очками на носу. Бѣдное семейство шарманщика, идущее на скудный свой промыселъ....

Вотъ оно! Полинька такъ обрадовалась, какъ будто встрѣтила лучшихъ друзей. Слезы выступили у ней на глазахъ.

— Ради Боги, возьмите меня съ собой, сказала она, подбѣжавъ къ шарманщику.

Шарманщикъ, высокій и тощій нѣмецъ, переглянулся съ своей долгоносой женой; видно было по всему, что они совершенно забыли о Полинькѣ. Дѣвочка въ шерстяной сѣточкѣ долго всматривалась въ нее и наконецъ заболтала по-нѣмецки своимъ родителямъ.

— Отведите меня хоть къ вашей хозяйкѣ! продолжала Полинька умоляющимъ голосомъ.

Поговоривъ съ дочерью, шарманщикъ приподнялъ фуражку и сказалъ:

— Не распозналъ! вы худая такая выглядитъ!

Потомъ онъ обратился къ женѣ и началъ говорить ей по-нѣмецки, указывая на Полиньку.

— *Ja, ja, ja!* воскликнула нѣмка. — Пойдемте, *либе мамзель, пойдемте*! прибавила она ласково, обратясь къ Полинькѣ.

Шарманщикъ взвалилъ на спину свою тяжелую шарманку, согнулся въ дугу и пошелъ: за нимъ двинулось все семейство и Полинька.

Они проходили улицы, слишкомъ знакомыя Полинькѣ. Издали завидѣвъ Струнниковъ переулокъ, она слабо и радостно вскрикнула, но потомъ стала упрашивать шарманщика какъ-нибудь обойти его. Ей было страшно пройти мимо дома дѣвицы Кривоногової, Доможирова и всѣхъ сосѣдей. Когда они пришли въ длинный переулокъ съ заборами и поровнялись съ единственнымъ серенькимъ двухъэтажнымъ домикомъ, Полинька содрогнулась; она пугливо прижалась къ шарманщику и дрожащимъ голосомъ спросила:

— Скоро ли мы придемъ?

— Тотчасъ, либе мамзель, отвѣчалъ онъ, подозрительно глядя на ея испуганное лицо.

И вотъ они пришли въ переулокъ, обставленный дрянными домишками. Шарманщикъ, перекинувъ шарманку напередъ и поддерживая ее одной ногой, бойко заигралъ; все семейство прибавило шагу; дѣвочка стала прискакивать и весело постукивать въ бубны; мальчикъ, спавшій на рукахъ матери, проснулся. Лай собакъ и крики мальчишекъ, игравшихъ посреди улицы, встрѣтили ихъ и проводили до самого домика о трехъ окнахъ, вросшихъ въ землю. Полинька тотчасъ узнала его.

Дѣвочка скользнула подъ ворота и раскрыла изъ внутри калитку.

Шарманщикъ указалъ Полинькѣ на калитку и сказалъ:

— Идить, либе мамзель.

Въ сѣняхъ ихъ встрѣтила старуха лоскутница. Она нисколько не перемѣнилась съ той поры, какъ Полинька ее видѣла. Тоже рябое страшно безобразное лицо, съ сѣдыми нависшими бровями, даже все тотъ же старомодный чепчикъ съ изорванными кружевами. На носу очки, опутанные нитками, въ рукахъ ножницы.

— Что такъ рано домой, а? сказала она съ удивленіемъ, но замѣтивъ Полиньку, замолчала.

— Мамзель васъ спрашиваетъ, сказалъ старухѣ шарманщикъ.

— А, вѣрно мѣнять угодно? съ усмѣшкой спросила лоскутница. — Милости просимъ!

Она растворила дверь своей комнаты. Полинька вошла. Въ комнатѣ лоскутницы было все также мрачно и сыро. Только куча лоскутьевъ и стараго платья, лежавшая въ углу, увеличилось. Все остальное было по прежнему.

— Ну, моя дорогая гостья, чего желаешь, ситцу ли, аль шолку, аль шерстяной какой матеріи? все есть! говорила лоскутница, жадно осматривая полинькинъ салопъ.

Но Полинька не слушала ея. Въ изнеможеніи упала она на тотъ самый оборванный диванъ, на которомъ, полная отчаянія, сидѣла въ ту памятную и страшную ночь, когда бѣжала отъ горбуна.... Но тогда она не была еще всѣми покинута, не была одна-одинехонька въ большомъ городѣ; у нея было свое пристанище, были друзья, были надежды!...

Полинька горько заплакала.

— Что̀ съ тобой, что ты, что́ ты? пугливо спросила лоскутница, прислушиваясь къ ея рыданьямъ.

Полинька продолжала плакать, вполнѣ предавшись отчаянію.

Лоскутница перекрестилась.

— Господи, Господи! сказала она, пугливо оглядываясь по сторонамъ и блѣднѣя. — Что̀ это? точно она плачетъ! Ну что́ плакать-то, продолжала старуха съ участьемъ, наклонясь къ Полинькѣ: — полно, лебедушка! лучше разскажи мнѣ свое горе! деньги, что́ль, обронила?

— Нѣтъ... мое не такое горе, проговорила Полинька, всхлипывая. — У меня нѣтъ никого, никого.... ни родныхъ, ни знакомыхъ.... ни дома, гдѣ бы переночевать!

— Какъ такъ, сударыня ты моя, вѣдь ты здѣшняя? съ удивленіемъ спросила лоскутница, подвигаясь къ Полинькѣ.

— Здѣшняя! отвѣчала она.

— Ну, какъ же это? ишь, салопъ-то шолковой и шляпка.... а?

— Да, но зато ни куска хлѣба, ни дома!

— Да гдѣ же ты жила?

— Меня выгнали оттуда! въ негодованіи сказала Полинька.

— За что́? быстро спросила лоскутница.

— Я не знаю! отвѣчала Полинька и еще сильнѣе прежняго заплакала.

— Ахъ ты, моя злосчастная! Ну, что́ же я стану съ тобой дѣлать? растроганнымъ голосомъ замѣтила лоскутница.

— Позвольте мнѣ хоть переночевать у васъ, я вамъ салопъ отдамъ, дайте только мнѣ хоть день пожить, завтра я пойду искать себѣ мѣста! умоляющимъ голосомъ сказала Полинька.

— И полно! ну, ночуй хоть и двѣ ночи, Христосъ съ тобой. Вѣдь ты въ покражѣ не была замѣшана? а?

— Что́? въ испугѣ спросила Полинька.

— Въ по-кра-жѣ! отвѣчала протяжно лоскутница.

Полинька съ отчаяніемъ покачала головой.

— Ну, такъ погости у меня, погости; дай я салопъ-то твой повѣшу, ато изомнешь его.

И лоскутница сняла съ Полиньки салопъ и стала его разсматривать; долго она вертѣла его въ рукахъ, потомъ подсѣла къ Полинькѣ и сказала:

— Ну, хочешь, я тебѣ деньгами дамъ? а? ну, сколько возьмешь?

— Что́ дадите! машинально отвѣчала Полинька, погруженная въ свои мысли.

Мучительно было ея положеніе. До встрѣчи съ Бранчевской она легче вынесла бы и нищету, и безпріютность, и всякое униженіе. Но она успѣла уже привыкнуть къ мысли, что Бранчевская ея мать; она уже привязалась къ ней. И вдругъ все рушилось.... А что́, если она точно ей мать?...

И мать выгнала родную свою дочь изъ дому!

Лоскутница, какъ могла, угощала Полиньку, утѣшала ее, обѣщала ей сыскать мѣсто или работу, а покуда на другой же день усадила ее за перешивку разнаго тряпья.

Полинька охотно принялась за дѣло, радуясь, что можетъ сколько-нибудь заработать и не быть ей въ тягость. Лоскутница работала рядомъ съ ней и распрашивала ее о причинѣ горя.

Въ распросахъ старухи было столько участья, столько доброты, что Полинька рѣшилась разсказать ей свою исторію, съ самого дѣтства до той минуты, какъ пришла къ ней, думая, что по-крайней-мѣрѣ старуха не будетъ бояться держать ее.

Заваленная грудами тряпья, вооруженная то ножемъ, то ножницами, старуха внимательно слушала ее, и участіе къ судьбѣ бѣдной дѣвушки видимо возрастало въ ней. Иногда она переспрашивала ее, справлялась объ именахъ нѣкоторыхъ лицъ.

Когда же наконецъ Полинька дошла до разсказа, какъ жила у Бранчевской, какія надежды поселила въ ней странная перемѣна гордой барыни, и какъ наконецъ ее выгнали, — старуха отбросила ножницы, выпрямилась и уже не спускала глазъ съ Полиньки. Казалось, она боялась проронить слово, и ужасъ все рѣзче и рѣзче обозначался на ея безобразномъ лицѣ.

— Такъ это ты?! наконецъ вскрикнула лоскутница. — Такъ они тебя-то злодѣи выгнали!... а?... такъ??

Голосъ измѣнялъ ей; дрожа всѣмъ тѣломъ, едва переводя дыханіе, она дѣлала отрывистые вопросы, которые удивляли и пугали Полиньку.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать два! отвѣчала Полинька въ испугѣ.

— Господи! Палагея.... да вѣдь ей имя Палагея.... она Палагея! съ рыданьемъ воскликнула лоскутница. — Голубушка ты моя! продолжала она, обращаясь къ Полинькѣ. — Голубушка ты! ради-то Бога, дай мнѣ перевести духъ. Господи, пресвятая Богородица! что я надѣлала? А онъ злодѣй... они обманули, обманули меня!... Слушай, я разскажу тебѣ. Сядь.... сядемъ, вотъ увидишь....

Лоскутница, сильно взволнованная, посадила Полиньку подлѣ себя на грудѣ тряпья и продолжала:

— Я давно знавала этого злодѣя. Онъ мѣнялъ мнѣ старыя свои вещи,—скряга такой.... только какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ.... Да.... да, именно вотъ съ мѣсяцъ тому.... и завелъ разговоръ про одну женщину, Марью Прохоровну.—Я знавала ее, давно, давно; то есть я не видала ее въ лицо: меня, видишь ты, тогда здѣсь не было.... да я писала къ ней по одному нужному дѣлу, вотъ мы такъ и спознались, и письмо отъ нея было ко мнѣ. Вотъ про нее-то да про письмо ея часто я говорила съ кумой.... а кума моя знается съ нимъ, съ злодѣемъ: сынишка ея, еще крестникъ мнѣ приходится, живетъ у него, у горбатаго злодѣя.

— Ну знаю, знаю! сказала Полинька. — Рыжій, Осипомъ зовутъ?...

— Да, да, подхватила лоскутница. — Такой азартникъ, будетъ еще матери слезъ съ нимъ.... ну, да не о немъ я хочу говорить. Господи! я ужь и не помню. Да, да! вотъ онъ мнѣ и говоритъ, этотъ горбатый злодѣй, отдай я ему письмо, что мнѣ

писала Марья Прохоровна. Я дѣло смекнула; думаю, ужь значитъ ему нужно письмо, коли проситъ, — и говорю: заплати! Вчера и покончили: я за сто рублевъ и продала ему письмо! Такъ ужь, говоритъ злодѣй, по добротѣ такую сумму даю, ато чего стоитъ дрянной писаный лоскутишка? и въ правду, я и сама рада была. А выходитъ, вѣдь я значитъ сгубила тебя, красавица ты моя.... да ты бы въ золотѣ ходила!

Полинька ничего не понимала. Сердце въ ней громко билось и болѣзненно ныло.

— Такъ она моя мать? наконецъ невольно спросила Полинька, волнуемая темными догадками.

Лоскутница зарыдала. Она упала лицомъ къ ногамъ Полиньки, обхватила ихъ руками и радостно проговорила:

— Матушка, родная ты моя! вѣдь я знавала твою мать, твоего дядю, твою бабушку. Я ихъ въ гробъ клала!

Полинька вскочила.

— Такъ не она моя мать? радостно спросила она.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала лоскутница. — Твоя мать, точь-въ точь какъ ты была. Она давно умерла.

— Такъ зачѣмъ же она меня ласкала, зачѣмъ отняла образокъ моей матери? спросила Полинька.

— Они ошиблись, ошиблись, моя красавица.

Лоскутница съ восторгомъ глядѣла на Полиньку, смѣялась, гладила ея волосы, цаловала ея руки и все повторяла:

— Я нашла, нашла ее! Я все, все тебѣ отдамъ, говорила она Полинькѣ. — Ты будешь со мной жить, ты будешь моя дочь! да дочь моя! ты не убѣжишь отъ меня?

И она пугливо ждала отвѣта.

— Нѣтъ, я буду съ вами жить! отвѣчала Полинька.

Лоскутница дико засмѣялась и стала изо всей силы стучать въ стѣну и кричать:

— Сюда, сюда, всѣ сюда! я ее нашла! скорѣе, скорѣе сюда!

Дверь распахнулась, и перепуганное семейство шарманщика явилось на порогѣ.

— Что, пожаръ? а? съ ужасомъ спросилъ шарманщикъ.

— Старуха схватила его за руку, подвела къ Полинькѣ и остановивъ передъ ней, съ странными ужимками сказала:

— Ну, гляди, нѣмецъ, ну, гляди!

— А? что?... спросилъ онъ.

Старуха лукаво глядѣла на него, потомъ какъ дѣвочка начала смѣяться, прикрывая ротъ рукой.

Шарманщикъ въ недоумѣніи глядѣлъ то на Полиньку, то на старуху, которая дико смѣялась. Наконецъ она забила въ ладоши, и схвативъ шарманщика за плечи, гнула его книзу.

— Ну, становись, становись на колѣни.... погляди.... а? что? теперь узналъ ее! Глаза-то ея, и волосы ея!

Лоскутница проворно распустила у Полиньки волосы и, торжественно указывая на нее, сказала шарманщику:

— Ты забылъ Катерину, твою невѣсту? а?

Шарманщикъ вздрогнулъ, радостно всплеснулъ руками и закричалъ:

— Мейнъ готъ! А, мейнъ готъ!

— Что, похожа? а?

Онъ закивалъ головой и не спускалъ глазъ съ Полиньки. Старуха сказала ей:

— Слышь, онъ тоже узналъ тебя! Ну, и вы всѣ, повелительно продолжала она, обратясь къ женѣ и дѣтямъ шарманщика, стоявшимъ въ дверяхъ и пугливо смотрѣвшимъ на эту сцену: — ну, и вы всѣ на колѣни, просите у нея прощенья за него (она указала на шарманщика). — Ну же!

И старуха погрозила имъ. Полинька умоляющимъ голосомъ сказала:

— Ради Бога, скажите мнѣ скорѣе о матери моей, объ отцѣ!

— Да, тебѣ надо, надо разсказать, задумчиво сказала старуха и потомъ, притопнувъ ногой, крикнула:

— Вонъ, всѣ отсюда вонъ!

Семейство шарманщика выбѣжало изъ комнаты, а старуха заперла дверь на ключъ. Потомъ она кинулась къ Полинькѣ и, лаская ее, умоляющимъ голосомъ говорила:

— Погоди, я все тебѣ разскажу, дай мнѣ прежде насмотрѣться на тебя, мое солнышко, моя радость. Сколько-то лѣтъ я искала тебя, сколько слезъ пролила!

И лоскутница начала душить Полиньку въ своихъ объятіяхъ.

ГЛАВА VIII.

ПОЛИНЬКИНЫ РОДНЫЕ.

.... На Васильевскомъ Острову, тогда еще бѣдно обстроенномъ, въ шестнадцатой линіи стоялъ одноэтажный деревянный домишко, довольно жалкій и старый. Въ комнаткѣ съ кривымъ поломъ, блѣдно-зеленоватыми стѣнами и небольшими, покрытыми льдомъ окнами, на ветхомъ диванѣ у овальнаго стола, сидѣла старушка, закутанная въ ситцевую кацавейку. На головѣ ея былъ чепчикъ, густая фалбала котораго скрывала половину ея добраго лица; сверхъ чепчика была еще надѣта шерстяная шапочка. Въ рукахъ ея было вязанье, и она быстро шевелила спицами. Несмотря на огромную изразцовую печь, возлѣ которой стоялъ диванъ, руки старушки посинѣли отъ холода, глаза слезились, можетъ быть и оттого, что она поставила себѣ свѣчку подъ носъ. Всякой разъ, когда петля спускалась, старушка ворчала про себя. Противъ нея сидѣла дѣвушка лѣтъ семнадцати, очень красивая; черты лица у ней были нѣжныя, глаза и волосы черные какъ смоль. Склонивъ голову, она прилежно шила. Въ ея чистенькомъ, но полиняломъ ситцевомъ платьицѣ и во всей обстановкѣ комнаты довольно ясно обнаруживалась нищета. Кромѣ дивана, стола и стула, на которомъ сидѣла дѣвушка, въ комнатѣ былъ еще старый комодъ; на немъ красовался чисто вычищенный самоваръ съ подносомъ и чашками. По перегородкѣ, отдѣлявшей другое окно комнаты, стояло три стула, а у замерзшаго окна маленькій столикъ.

Тихо было въ холодной комнатѣ, уныло и монотонно стучали стѣнные часы, изрѣдка заглушаемые сухимъ кашлемъ, выходившимъ изъ-за перегородки, гдѣ былъ также огонь.

Пробило семь часовъ; старушка въ-слухъ сочла ихъ и тяжело вздохнула, положила чулокъ на столъ и начала дыханьемъ согрѣвать свои руки.

— Ничего не вижу, тихо бормотала она, потирая ихъ: — въ глазахъ заститъ, а руки словно окоченѣли, спицы валятся! Эхъ, и чай-то весь.... хоть бы погрѣться.... да что-то и Иванъ

Карлычъ нейдетъ! хоть бы у него заняла. Ато и лавки запрутъ!

Дѣвушка еще ниже опустила голову и продолжала шить.

— Катя, скоро ли ты кончишь рубашки? спросила старуха, еще больше понизивъ голосъ.

— Ужь послѣдняя, маменька, нехотя отвѣчала Катя.

Старушка, указывая головой на перегородку, шепнула дочери:

— То-то, вѣдь у Мити сапогъ нѣтъ!

— Опять шептаться! не стыдно вамъ! раздался изъ-за перегородки слабый, но сердитый голосъ.

Старушка въ испугѣ приложила руку къ губамъ и какъ молоденькая дѣвочка, пойманная врасплохъ отцомъ, лукаво глядѣла на свою дочь и грозила ей пальцемъ, будто та была всему виной.

— Ну, вотъ теперь и замолчали! съ горячностью крикнулъ тотъ же голосъ, и скорые шаги раздались за перегородкой.

Это восклицаніе произвело совершенно различное дѣйствіе на мать и на дочь. Катя поблѣднѣла и уколола палецъ, пугливо поднявъ глаза на свою мать Старушка, напротивъ, обидѣлась и разворчалась.

— Ну, что это, Митя, развѣ можно такъ понукать? Ну, мы шептались, да замолчали; ну, что тутъ такого? Мы говорили, прибавила она болѣе кроткимъ голосомъ, подмигнувъ Катѣ: — говорили, что пора бы ставить самоваръ.

— Ну, о чемъ же тутъ шептаться?... Пора, такъ и поставьте! отвѣчалъ раздраженнымъ голосомъ человѣкъ, ходившій за перегородкой.

Старушка пожала плечами, покачала головой и задумалась; но черезъ минуту она крехтя встала съ дивана и поплелась къ двери, сказавъ:

— Катя, посвѣти!

Катя встала, пошла въ-слѣдъ за старушкой и, проходя мимо дверей перегородки, слегка кашлянула. Шаги въ туже секунду замолкли, и ей отвѣчали такимъ же легкимъ кашлемъ.

Старушка осталась въ темной, холодной и маленькой кухнѣ ставить самоваръ. Катя возвратилась въ комнату. Проходя мимо дверей перегородки, она опять кашлянула и сѣла на прежнее мѣсто. Старушка поворчала въ кухнѣ, что вода въ кадкѣ замерзла, и стала отколачивать ледъ. Подъ этотъ шумъ Катя на цы-

почкахъ подкралась къ перегородкѣ, стала на стулъ и тихо произнесла :

— Митя, скорѣе !

Въ тоже самое время дверь въ перегородкѣ скрыпнула, и худое блѣдное лицо, съ разстрепанными волосами, высунулось въ комнату, съ тихимъ восклицаніемъ :

— Катя !

Дѣвушка легко спрыгнула со стула и подкралась къ двери, а между тѣмъ блѣдное лицо показалось надъ перегородкой, въ томъ мѣстѣ, откуда ушла Катя.

— Да гдѣ ты ?

Слезы досады слышались въ этомъ вопросѣ.

Катя печально улыбнулась. Но Митя страшно разсердился; онъ подошелъ къ двери и сердито протянулъ руку къ Катѣ. Катя пугливо подала ему серебряную монету.

— Два рубли, прошепталъ онъ: — а сколько?... часъ ?

— Нѣтъ, два , отвѣчала Катя.

— Безсовѣстный ! презрительно сказалъ Митя.

— Катя, а Катя! раздался голосъ старушки изъ кухни, откуда запáхло дымомъ.

Катя быстро кинулась къ столу ; старушка показалась на порогѣ и съ упрекомъ сказала :

— Чтó ты, не слышишь, чтò ли, Катя ?

— Сейчасъ, маменька! складывая шитье, отвѣчала дѣвушка.

— Скорѣе, ишь какъ задымилъ самоваръ ; вынеси-ка его въ сѣни.

Катя побѣжала въ кухню исполнять приказаніе старушки, а старушка нерѣшительно подошла къ двери перегородки и какъ-будто къ чему-то готовилась.

— Митя, а Митя ! робко произнесла она, заглядывая въ щолку дверей.

— Чтó вамъ, маменька ? спросилъ Митя.

— Голубчикъ мой.... Митя.... у насъ... нѣтъ чаю ! нерѣшительно отвѣчала старушка.

— Вотъ деньги ! быстро раскрывъ двери , сказалъ Митя и подалъ матери монету , которую передала ему Катя , а самъ сѣлъ къ столу, на которомъ стояла неоконченная копія съ портрета довольно тучной купчихи.

Радостная улыбка озарила доброе лицо старушки, когда она увидѣла деньги на своей ладони; но вдругъ она, какъ-будто что-то вспоминала и, глядя въ недоумѣніи на сына, спросила:

— Митя, откуда эти деньги? а?

— Какъ откуда? я досталъ! быстро отвѣчалъ Митя, не поворачивая головы.

— Какъ досталъ? ты никуда сегодня не выходилъ! Утромъ я шла въ рынокъ, — у тебя ихъ не было, строго сказала старушка.

Съ минуту длилось молчаніе. Наконецъ Митя, тяжело вздохнувъ, отвѣчалъ:

— Я, маменька, эти деньги спряталъ-было на краски, чтобъ окончить вотъ этотъ портретъ.

И онъ указалъ на толстую купчиху.

— Ахъ, Боже мой, Митя! пугливо перебила старушка: — на́, возьми ихъ назадъ. Возьми!

И старушка вошла за перегородку.

— Полно, Митя, продолжала она:—мы и безъ чаю ляжемъ! полно! какъ это можно тратить ихъ! хуже, работу проволочишь, а вишь у тебя сапоги худы.... жилетъ-то я штопаю, штопаю... весь въ дырахъ! Сестра что-то лѣнится: ужь какъ давно взяла рубашки! Ну, впрочемъ извѣстно, дѣвушка молодая, не понимаетъ еще хорошенько горя.

— Что́ тутъ говорить! будутъ деньги, такъ все купимъ! раздражительнымъ голосомъ перебилъ Митя, и такъ отчаянно схватилъ себя за голову, что старушка только махнула рукой и побрела отъ него... Она сѣла къ столу, подняла свои полные слезъ глаза на образъ, висѣвшій въ углу, и оставалась неподвижною, пока Катя не внесла въ комнату кипящій самоваръ. Старушка очнулась и, подойдя къ самовару, стала грѣть свои холодныя руки.

Катя вопросительно глядѣла на столъ и на перегородку, наконецъ спросила громко:

— Что́ же, нужно купить чаю?

— Купи шалфею да меду,—смотри, не больше, какъ на гривенникъ: деньги нужны, строго и тихо шепнула старушка.

За перегородкой Митя сердито двинулъ столомъ и быстро вышелъ оттуда.

Онъ былъ еще очень молодъ, высокъ ростомъ, но страшно худъ. Несмотря на блѣдность и худобу, въ чертахъ его было поразительное сходство съ сестрой. Только на его губахъ безпрерывно блуждала злая улыбка. Длинные черные волосы придавали его лицу страдальческое выраженіе. Сюртукъ его, запачканный красками, лоснился отъ времени, локти были худы.

— Развѣ хорошо по ночамъ ее посылать? сердито сказалъ Митя старушкѣ. — Я самъ пойду.

И съ сердцемъ взявъ фуражку и шинель, висѣвшую въ углу на гвоздѣ, онъ вышелъ изъ комнаты. Старушка и Катя тревожно слѣдили за его судорожными движеніями, и только, когда онъ ушелъ, старушка заговорила, крестясь:

— Господи, что̀ это съ нимъ?... Развѣ я ей не мать! продолжала она, разсуждая сама съ собою: — разумѣется, я человѣкъ бѣдный; но развѣ я пошлю свою дочь куда не слѣдуетъ? да и въ первый ли разъ я ее посылаю въ лавочку?...

Старушка вздохнула.

— Что̀ это, Господи! прибавила она: — и какъ онъ страшно сталъ иногда глядѣть, — морозъ пробѣжитъ по тѣлу!

И она снова вздохнула тяжелѣй прежняго. Катя стояла не шевелясь, съ поникнутой головой, безсмысленно устремивъ глаза въ полъ. На ея еще свѣжемъ и юномъ личикѣ было столько нѣмого отчаянія, что еслибъ паръ отъ кипящаго самовара, густо наполнившій холодную комнату, не скрылъ этого лица отъ слабыхъ глазъ старушки, то не такъ бы еще дрогнуло сердце бѣдной матери. Митя принесъ чай и сахаръ, молча положилъ на столъ и быстро удалился за перегородку. Старушка долго пересчитывала принесенную имъ сдачу и покачивала головой. Но черезъ нѣсколько минутъ на грустномъ лицѣ ея появилась улыбка самодовольствія, и она съ наслажденіемъ постукивала чашками, перетирая ихъ.

Катя усѣлась на прежнее свое мѣсто и продолжала шить.

Вдругъ вдали послышались звуки шарманки. Катя боязливо взглянула на свою мать, которая въ то время, приподнявъ дрожащей рукой крышку у чайника, съ улыбкой заглядывала, настоялся ли чай.

Печальные звуки «Лучинушки» слышались все ближе и ближе, наконецъ раздались у самого окна.

Старушка прислушалась и весело сказала:

— А вотъ и Иванъ Карлычъ!

И она лукаво посмотрѣла на Катю, которая вся вспыхнула и съ какимъ-то ужасомъ прислушивалась къ звукамъ шарманки. Вдругъ они замерли, и черезъ нѣсколько минутъ въ кухнѣ послышался шорохъ и отрывочный, плачевный звукъ: видно, нечаянно задѣли ручкой шарманки.

— Катя, посвѣти! съ упрекомъ замѣтила старушка.

Но было уже поздно: въ комнату вошелъ высокій молодой человѣкъ съ добрымъ и кроткимъ лицомъ. Одѣтъ онъ былъ очень легко для зимняго времени. Очень потертая бекешь табачнаго цвѣта, а подъ ней шерстяной вязаный красный шарфъ, служившій ему вмѣсто сертука, въ рукахъ фуражка съ ушками и съ кисточкой. Онъ неловко поклонился старушкѣ и Катѣ, которая сидѣла къ нему спиной. Катя привстала съ работой и, неподнимая отъ нея лица, поклонилась шарманщику.

Шарманщикъ старался улыбнуться, но не могъ: губы его окоченѣли отъ холоду.

— Милости просимъ, садитесь, привѣтливо говорила повеселѣвшая старушка. — Катя, продолжала она съ неудовольствіемъ, обратясь къ дочери: — Катя, что же это ты, подай кружку!

Катя поспѣшно кинулась въ кухню.

Шарманщикъ билъ свои красныя руки одну объ другую, дышалъ на нихъ, грѣлъ ихъ надъ самоваромъ и въ тоже время слѣдилъ за Катей

— Палагея Семеновна, обратился онъ къ старушкѣ, выговаривая слова не совсѣмъ чисто по-русски: — вашъ дочь изъ лица похудѣла.

Старушка вздохнула и печально отвѣчала:

— Охъ, Иванъ Карлычъ, невеселая имъ жизнь-то! они у меня и безъ того слабые; да еще работа! оно, знаете, не разцвѣтешь.

— Маменька! чуть не рыдая произнесла Катя, появляясь на порогѣ и указывая головой на перегородку.

Старушка печально махнула ей рукой и замолчала.

— Ваша здоровье, Катерина Петровна? застѣнчиво спросилъ шарманщикъ, поглядывая съ робостью въ тоже время то на мать, то на дочь.

Катя отвѣтила «хорошо съ» и скрылась въ уголъ комнаты.

— Митя, хочешь чаю? спросила старушка.

— Нѣтъ! сердито отвѣчалъ Митя, но въ ту же минуту прибавилъ болѣе кроткимъ голосомъ: — не хочется, маменька.

Шарманщикъ, услышавъ голосъ Мити, привсталъ и уже хотѣлъ поклониться, но опомнился и сѣлъ опять.

— Налейте чаю, я подамъ брату, можетъ онъ и выпьетъ, подойдя къ столу, тихо сказала Катя.

— Отнеси, радостно прошептала старушка и съ упрекомъ прибавила: — онъ не такъ *на тебя* сердится!

Катя взяла чашку и пошла къ брату за перегородку. Положивъ голову на руки, Митя сидѣлъ у стола, по которому валялись краски и кисти; двѣ нагорѣлыя свѣчи тускло освѣщали портретъ толстой купчихи и неоконченную копію. При появленіи сестры, Митя быстро поднялъ голову, и на его впалыхъ щекахъ показался яркій румянецъ. Катя поставила чай и, встрѣтивъ глаза брата, отчаяннымъ жестомъ указала на другую комнату. Краска бросилась ей въ лицо, и она закрыла его руками.

Митя, ломая руки и весь дрожа, съ упрекомъ смотрѣлъ на сестру; Катя быстро отняла руки отъ лица, вытерла слезы и съ испугомъ посмотрѣла на него. Онъ былъ угрюмъ, и лицо его выражало упрекъ и отчаяніе. Катя принужденно улыбнулась, поправила волосы, ласково кивнула головой брату и вышла. Проводивъ ее глазами, Митя вскочилъ со стула и кинулся къ мольберту, стоявшему въ углу съ большой картиной, покрытой простыней: онъ судорожно сдернулъ простыню, схватилъ свѣчу, поднесъ къ картинѣ и отшатнулся немного.

Картина была только еще начата. Для одного творца ея доступны были неопредѣленныя, блѣдныя черты, обозначавшія фигуру женщины, въ полулежачей позѣ.

Митя долго глядѣлъ на начатую картину, и на губахъ его блуждала какая-то злая улыбка. Но вдругъ его лицо стало смягчаться; онъ поставилъ свѣчу на столъ, усѣлся съ ногами на оборванный диванъ и не спускалъ съ своей картины глазъ, полныхъ необыкновеннаго блеска.

Между тѣмъ у самовара старушка пресерьёзно разсказывала свои сны шарманщику, который внимательно слушалъ и въ тоже время не спускалъ глазъ съ Кати, усѣвшейся за свою работу. Старушка усердно угощала и занимала шарманщика, который въ свою очередь передавалъ ей все, что̀ замѣтилъ въ продолженіи дня на улицѣ.

— Вотъ ужь богатые-то похороны я видалъ сегодня! что каретовъ, каретовъ-то, а позади за гробомъ народу сколько шло!

— Богатому, Иванъ Карлычъ, съ-пола горя и умирать-то, замѣтила со вздохомъ старушка и тихо прибавила: ну, умри и теперь, право лучше было бы: меньше имъ заботъ, да какъ вспомнишь, что́ траты-то имъ будетъ, такъ сердце кровью обольется.

Катя съ упрекомъ взглянула на мать и указала на перегородку.

Старушка потупила глаза и завела совершенно постороннiй разговоръ.

Пробило девять часовъ, шарманщикъ всталъ и раскланялся съ Катей и со старушкой, которая побрела за нимъ въ кухню и вышла проводить его въ сѣни. Казалось, она хотѣла что-то сказать ему, и когда онъ уже началъ сходить съ крыльца, старушка робко произнесла:

— Иванъ Карлычъ!

— Что́ вамъ нужно, Палагея Семеновна? спросилъ шарманщикъ.

Старушка запинаясь сказала:

— Батюшка, нѣтъ ли у васъ мнѣ взаймы?

— Сколько желаете? смущеннымъ голосомъ спросилъ шарманщикъ и началъ шарить въ карманѣ.

Онъ вынулъ худенькiй носовой платокъ, развязалъ узелокъ, и два гривенника блеснули въ темнотѣ.

— Еще тридцать копейка мѣди есть, замѣтилъ онъ, шаря въ другомъ карманѣ: — это мнѣ барына выкинула изъ форточки.

Старушка закрыла лицо руками и дрожащимъ голосомъ сказала:

— Право, мнѣ совѣстно; а что́ дѣлать! хоть умирай! Митя боленъ, да еще картину къ выставкѣ задумалъ; расходъ большой, а работы заказной нѣтъ, да и время у него на свою картину идетъ.... Ей Богу, иной разъ подумаешь, да за что́ же это насъ такъ Богъ наказалъ? за какiе грѣхи тяжкiе? Сегодня, голубчикъ, Иванъ Карлычъ, я взяла у Мити два рубля; онъ ихъ отложилъ было на краски; вѣдь если красокъ-то не купить, такъ хуже будетъ: просто ѣсть нечего будетъ; а вотъ скоро и за *квартиру* срокъ!

Старушка расплакалась. Шарманщикъ утѣшалъ ее, какъ умѣлъ.

— Ахъ, право, тяжело жить! рыдая говорила старушка: — и за что я ихъ вѣкъ заѣдаю?

— Палагея Семеновна, ну, какъ можно! восклицалъ пугливо шарманщикъ.

Пока старушка плакала въ сѣняхъ, дочь ея также рыдала, стоя за перегородкой у брата, который ходилъ скорыми шагами и умоляющимъ голосомъ говорилъ:

— Не плачь, перестань, она ничего не узнаетъ!

— Митя, Митя! мнѣ страшно! съ ужасомъ сказала сестра.

— Ну, не надо! я все брошу! въ отчаяніи закричалъ Митя, схвативъ себя за голову. — Я дуракъ, ну, гдѣ мнѣ нищему быть художникомъ!

И онъ, весь дрожа, сѣлъ у стола, взялъ палитру и краски и съ язвительной улыбкой смотрѣлъ на неконченную копію толстой купчихи.

Подъ окнами раздались печальные звуки «Лучинушки». Катя вздрогнула и сказавъ рѣшительно:

— Я завтра не пойду! выбѣжала отъ брата. Онъ бросилъ далеко отъ себя палитру и кисть и страшно закашлялся.

Въ это время старушка съ принужденно-веселой улыбкой вошла въ комнату, но продолжительный кашель сына опять вызвалъ слезы на влажныя еще глаза ея.

— Митя, полно работать, нѣжно сказала она: — лягъ... хочешь, я тебѣ грудного чайку сдѣлаю? самоваръ не остылъ еще.

— Не надо! слабо отвѣчалъ Митя.

Катя и старушка попрежнему усѣлись у стола и молча работали. Наконецъ старушка посмотрѣла на часы и зѣвая сказала:

— Ого! скоро десять часовъ. Митя! Митинька! не хочешь ли поужинать?... а?... Чай, простыли, продолжала она, разсуждая сама съ собою. — Я чуть только протопила сегодня печку-то.

— Нѣтъ, я ничего не хочу! отвѣчалъ Митя.

Старушка покачала головой и, обратясь къ Катѣ, спросила:

— А ты хочешь ужинать?

Катя замотала головой.

— Ну, и я тоже не буду, сказала старушка. — Оно и лучше: завтра, небось....

И старушка нахмурилась и договорила шопотомъ:

— Завтра, небось, придетъ опять Дарья къ нему, надо позавтракать дать!... Господи! кажись, я бы лучше согласилась, чтобъ дочь моя умерла, чѣмъ этакой сдѣлаться, какъ она. И что за охота Митѣ непремѣнно ее брать! чай, есть и другія натурщицы.

Сильный кашель раздался за перегородкой, и Митя сказалъ:

— Что вы все бормочете! пора бы вамъ спать!

— Ну, что я такое сказала, Митя? разгорячась возразила старушка. — Ужь нынче ты мнѣ ротъ не даешь раскрыть, продолжала она запальчиво. — Право, ты такой чудной сталъ! ужь не приворожила ли она тебя? слова не дашь сказать о ней! ужь какъ хочешь, а она нехорошая женщина! вотъ что!

Старуха спохватилась и со страхомъ ожидала отвѣта на свои слова.

— Какъ вамъ нестыдно! ну, не все ли равно трудиться! вѣдь она тоже себѣ хлѣбъ достаетъ. А вы какъ наладили на одно, такъ вотъ ничѣмъ васъ не разъувѣришь. И что она вамъ такое.... развѣ она что дурное дѣлаетъ?

Митя тоже горячился.

— Ужь ты мнѣ лучше не говори, не говори о ней, вся покраснѣвъ, перебила его старушка. — Я вотъ что тебѣ скажу, продолжала она рѣшительнымъ голосомъ: — если, Боже упаси, что случится.... Она ужь хвастаетъ и носъ подымаетъ у меня въ домѣ, я брошу все!... я въ богадѣльню пойду, а ужь жить съ такой женщиной не буду! да, не буду!

И старушка застучала кулакомъ по столу и залилась слезами.

Катя во все время, пока разговаривала старушка съ сыномъ, зажавъ уши лежала головой на столѣ, и когда старушка заплакала, она вскочила со стула и выбѣжала въ кухню.

Старушка продолжала всхлипывать и говорила:

— Ты, кажется, братъ катинъ, и на порогъ бы ее не долженъ пускать. Она, чего добраго, и ее такой же сдѣлаетъ. Я слышала, какъ она тихонько куда-то звала Катю танцовать! Митя! Митя! смотри! возвысивъ голосъ, заключила старушка.

За перегородкой была мертвая тишина, никакого отвѣта. Старушка позвала Катю и очень разсердилась, замѣтивъ, что у *ней красны* глаза.

— Господи, ужь мнѣ нельзя слова сказать! ну, зачѣмъ замѣчать, что я сержусь! старый человѣкъ иногда неволенъ въ своихъ словахъ!

И добрая старушка, при глубокомъ молчаніи сына и дочери, искренно обвиняла старость и сердилась отъ души на нее.

Пришло время ложиться спать. Катя постлала постель на диванѣ для своей матери, которая этимъ временемъ стояла на колѣняхъ у образа, шептала молитву и усердно клала земные поклоны. Окончивъ молитву, старушка поправила себѣ подушки и нѣжно сказала:

— Митя, прощай!

— Прощайте, маменька! глухимъ голосомъ отвѣчалъ Митя.

Катя поцаловала у старушки руку. Старушка заботливо перекрестила свою дочь. Крехтя улеглась она въ постель, а Катя въ головахъ ея сдѣлала себѣ изъ стульевъ кровать и тоже легла. Старушка, засыпая, разсуждала:

— Ну, вотъ мало, мало, а пойдетъ фунтъ мыла — 40 копѣекъ, на рѣку 2 гроша, да поденщицѣ четвертакъ, а еще, чего добраго, однимъ днемъ не управится. Катя, а сколько чистыхъ рубашекъ у Мити осталось? а?

— Катя, закутавшаяся въ одѣяло съ головой, отвѣчала:

— Двѣ!

— Ахъ, Господи! надо скорѣе вымыть бѣлье-то. Господи, Господи! позѣвывая повторяла старушка.

Наконецъ въ комнатѣ настала тишина. Старушка и Катя уже не ворочались на своихъ постеляхъ. Митя тихо вышелъ изъ-за своей перегородки и подошелъ къ постели матери. Старушка вздрогнула и, открывъ глаза, перекрестилась.

— Ахъ, Господи! Митя! сказала она: — я тебя испугалась, вздремнула.

И она, протирая глаза, старалась улыбнуться.

— Прощайте!

И Митя поцаловалъ мать, которая, обхвативъ шею своего сына, нѣжно его цаловала въ лобъ и въ глаза и шептала дрожащимъ голосомъ:

— Митя, голубчикъ, не сердись на свою воркунью мать! ну, ты знаешь, я старый человѣкъ, да еще горе, я вотъ разворчусь да надоѣдаю вамъ!

— Маменька! не сердитесь вы на меня, сказалъ онъ голосомъ, полнымъ глубокаго чувства.

— Чего сердиться!

И старушка еще жарче стала цаловать своего сына, который также отвѣчалъ ей ласками. Она съ радостью поглядѣла ему въ глаза, пригладила его длинные волосы и съ упрекомъ сказала:

— Ну, что ты, Митя, все худѣешь! ты береги себя, я ужъ стара, тихо прибавила она: — ну, если что случится, что тогда будетъ съ ней?

Она указала головой на Катю и продолжала чуть слышно:

— Иванъ Карлычъ вотъ ужь сколько разъ мнѣ говорилъ, что желаетъ на ней жениться, и давно бы женился. Да ужь мы вѣрно такіе несчастные. Вѣдь, право,отчего же это? а, Митя?... Все шло хорошо, а какъ задумалъ онъ жениться, отецъ у него умеръ, банкрутъ оказался, магазинъ закрыли. Нищій просто сталъ, какъ и мы. А я было ужь радовалась: думала себѣ, устрою Катю, легче тебѣ будетъ; анъ нѣтъ, еще хуже стало!

— Жаль, очень жаль его; онъ честный человѣкъ, задумчиво замѣтилъ Митя.

Старушка радостно улыбнулась, притянула Митю къ себѣ и, указывая глазами на Катю, тихо сказала:

— Она что-то измѣнилась къ нему! ужь не оттого ли, что онъ обѣднѣлъ? пугливо спросила старушка.

— И полноте! перебилъ Митя.

— То-то, голубчикъ, мнѣ бы страшно подумать, что моя дочь такая Она хорошо знаетъ, что ея мать пуще всего не любитъ — это спѣси да гордости. Она вѣрно помнитъ, что я вамъ разсказывала, какъ я вышла за-мужъ за вашего отца. Чѣмъ мнѣ ни грозили: и что мои дѣти-то солдаты будутъ, а мужъ непремѣнно пьяницей будетъ, только потому, что онъ былъ музыкантъ, а его отецъ былъ крѣпостной, да баринъ отпустилъ на волю, я на все плюнула! меня тетка выгнала изъ дому, ничего не дала, а слава Богу, дай всѣмъ такого счастья, какъ я имѣла, какъ жила съ нимъ! Если бы не вы, я его бы не пережила: такъ мнѣ было тяжело одной. Ахъ, Митя, кабы твой отецъ былъ живъ, не горевали бы мы такъ съ тобой, жили бы весело!

И старушка украдкой выгерла слезы и съ принужденной веселостію продолжала:

— Ну ужь, Митя, какъ-нибудь пробьемся до сентября! авось ог дастъ справимся. Я бы и не пикнула: слава Богу, сыта! да отъ что́! на васъ-то глядя у меня сердце надрывается. Ни латья, ни сапогъ, шинелишка холодная, а время зимнее, да ты се еще и кашляешь.

— Ну, что дѣлать, погодите маменька, вотъ если мнѣ удастя картина, что я началъ.... о! я тогда не буду двадцать разъ исовать какую-нибудь тупую рожу, вотъ какъ теперь. Все одно тоже за какіе-нибудь пять рублей. У меня будутъ покупать артины и заказывать, а если пошлютъ въ Италію.... ахъ, маенька!

И Митя въ какомъ-то восторгѣ обвилъ шею матери и заплаалъ. Долго мать и сынъ мечтали о будущемъ счастіи. Пробило ва часа.

— Митя, пора спать! замѣтила старушка.

— Да, пора, прощайте!

И Митя простился съ матерью и пошелъ за перегородку. олго онъ еще сидѣлъ у стола съ карандашомъ въ рукахъ и го-то рисовалъ. Глаза его блистали, румянецъ ярко игралъ на екахъ, и веселая улыбка не сходила съ его губъ. Портретъ олстой купчихи и копія съ него были брошены подъ столъ. вѣчи догорѣли. Митя съ неудовольствіемъ оставилъ карандашъ кинулся на диванъ, но прежде чѣмъ заснулъ, долго еще кашялъ....

Утромъ едва разсвѣло, Катя встала, не спуская глазъ съ маери, еще спавшей, одѣлась, накинула старый салопъ и шляпку на цыпочкахъ прокралась въ кухню. Черезъ минуту мимо заерзшаго окна мелькнула ея тѣнь. Въ это самое время дверь крыпнула въ перегородкѣ, и Митя высунулъ голову и пугливо глядѣлъ комнату. Улыбка удовольствія разлилась по его изнеоженному лицу при видѣ пустой кровати сестры, и онъ проорно притворилъ дверь.

Пробило девять часовъ. Старушка перевернулась на другой окъ. Митя высунулъ голову и тревожно смотрѣлъ на мать, коорая, не открывая глазъ, сказала:

— Катя, а Катя? вставай!

Митя на цыпочкахъ прокрался въ кухню и сталъ шумѣть ь ней.

— А, ты ужь встала, ну?.. сейчасъ, сейчасъ.... заболталась съ вечера! пробормотала старушка и замолкла.

Митя выглянулъ изъ кухни, и видя, что мать опять заснула, прокрался въ свой уголъ и занялся около своей картины. Онъ такъ углубился въ работу, что не слыхалъ, какъ старушка проснулась. Она сидѣла на постели и ощупывала голову и грудь.

— Катя, Катя! слабымъ голосомъ сказала старушка.

Митя кинулся въ комнату и быстро спросилъ:

— Что вамъ?

— Катю мнѣ нужно! пошли ее ко мнѣ, Митя! и, какъ бы разсуждая сама съ собою, она продолжала: — вѣрно это я вчера въ сѣняхъ простудилась?... Что-то такъ тяжело!... да гдѣ же Катя? съ сердцемъ спросила старушка.

— Я ее послалъ купить мнѣ красокъ, отвѣчалъ Митя изъза перегородки.

— Ужь, право, Митя, мнѣ признаться, не нравится, что ты ее сталъ такъ часто усылать изъ дому: она дѣвушка молодая, чего добраго, еще встрѣтится кто съ ней да... Охъ! вскрикнула вдругъ старушка: — что-то колетъ въ грудь!... Митя, вынь хоть ты мнѣ фуфайку изъ комода: такой холодъ здѣсь!

— Истопить, что ли? а вы полежите, сказалъ Митя, выглянувъ изъ двери.

Старушка горько улыбнулась и сказала:

— Истопить?... ахъ, Митя, Митя! у насъ еще вчера дрова всѣ вышли.

Въ кухнѣ послышался шорохъ. Митя кинулся туда, а старушка радостно крикнула:

— Катя, что ли?

Отвѣта не было. Изъ кухни слышался шопотъ. Старушка съ безпокойствомъ стала прислушиваться, и вдругъ на ея лицѣ показалось сильное безпокойство. Она стала одѣваться и крикнула:

— Митя! да съ кѣмъ это ты говоришь?

Митя блѣдный вошелъ въ комнату; руки его дрожали, губы какъ-то странно улыбались.

— Кто? Катя? спросила мать.

— Нѣтъ!... это.... Дарья приходила.... спрашивать, нужна ли она сегодня? задыхающимся голосомъ отвѣчалъ Митя, *стараясь повернуться* спиной къ матери.

— Она не нужна сегодня тебѣ? радостно спросила старушка.

— Нѣтъ, нужна, отрывисто отвѣчалъ Митя.

Старушка тяжело вздохнула.

Черезъ десять минутъ все было прибрано старушкой, которая охала, что Катя долго нейдетъ, и что у ней боль въ груди.

Митя, не отвѣчая на вопросъ «куда онъ?», накинулъ шинель и ушелъ. Черезъ четверть часа Катя возвратилась домой, а вскорѣ за ней воротился и Митя. Старушка, поворчавъ, улеглась на диванъ, жалуясь на холодъ. Катя сѣла шить, прибравъ все въ кухнѣ и въ комнатѣ. Кушанье не готовилось, потому-что не было дровъ. Митя сидѣлъ за работой, по временамъ вставалъ и ходилъ скорыми шагами за своей перегородкой. Вдругъ сильный стукъ раздался изъ кухни. Старушка вскочила съ дивана и кинулась туда, Катя поблѣднѣвъ тоже привстала, и Митя поспѣшно раскрылъ свою дверь.

— Что, дома? громко насмѣшливымъ голосомъ спросилъ кто-то.

— Дома; пожалуйте къ нему! холодно отвѣчала старушка, возвращаясь въ комнату.

— Митя, къ тебѣ пришли, сказала она.

Позади старушки шла высокая, стройная женщина. Черты лица ея были неуловимы: оно было изрыто страшными рябинами; глаза дико блестѣли подъ нависшими вѣками, густыя брови были мѣстами какъ-будто вызжены; черные волосы рѣзко выставляли глубокія рябины на открытомъ лбу. Она какъ-то надмѣнно улыбалась, идя позади старушки.

— Катерина Петровна, здравствуйте закричала смѣясь высокая женщина и сдѣлала-было шагъ къ Катѣ, но старушка заслонила ей дорогу и, указывая на дверь къ Митѣ, сказала:

— Нѣтъ-съ, сюда!

— Я знаю дорогу! нагло отвѣчала высокая женщина и опять крикнула Катѣ:

— Ишь какая гордая! не хочетъ и поклониться мнѣ! ха, ха, ха!

Митя распахнулъ дверь. Смѣхъ замеръ на губахъ высокой женщины; потупивъ глаза, молча вошла она за перегородку.

Старушка съ ворчаньемъ улеглась снова на диванъ, а Катя, закрывъ лицо шитьемъ, сидѣла неподвижно.

Высокая рябая женщина была та самая натурщица Дарья, которую старушка такъ не любила. Благодаря болтливости сосѣдокъ, старушка узнала, что Дарья была очень коротка съ ея сыномъ еще до ея пріѣзда въ Петербургъ.... Она боялась дальнѣйшихъ послѣдствій этой странной связи.

За перегородкой слышалось шептанье и грубый смѣхъ Дарьи, въ которомъ было что-то дикое и натянутое.

Не прошло часу, какъ Дарья громко сказала:

— Я устала и ѣсть хочу!

— Еще хоть десять минутъ, умоляющимъ и тревожнымъ голосомъ сказалъ Митя.

— Десять да десять минутъ — вотъ тебѣ и цѣлыхъ полчаса! бормотала Дарья.

Старушка, нахмуривъ брови, поднялась, пошла въ кухню и скоро застучала тарелками.

— Катерина Петровна! мнѣ, что ли, ваша матушка-то готовитъ кушать? а? тихо спросила Дарья, потягиваясь и выходя изъ-за перегородки. — Уфъ! что-то устала, да и холодъ какой у васъ сегодня!

И Дарья повернулась спиной къ Катѣ и сказала:

— Потрудитесь-ка застегнуть мнѣ платье.

Катя, поблѣднѣвъ, съ ужасомъ глядѣла въ кухню.

— Ну, что-же?

И Дарья захохотала.

— Дарья! перестань! ты не въ трактирѣ! грозно сказалъ Митя.

— Господи, ужъ будто я не вижу, гдѣ я! развѣ нельзя и смѣяться при его сестрѣ? ишь какъ важно! за завтракъ хочетъ, чтобъ я два часа сидѣла, да еще и не пикнула! Ну-съ а вы устаете, Катерина Петровна? спросила Дарья у Кати.

Митя быстро выскочилъ изъ-за перегородки и закричалъ:

— Замолчи!

Дарья вся вспыхнула.

Страшенъ былъ взглядъ, брошенный ею на Катю и на ея брата.

— Ну, что вы раскричались? сказала она съ презрѣніемъ. — Развѣ я хуже, что ли, васъ, да и она.... что такое?...

И Дарья указала на Катю. Катя затрепетала и, слабо вскрикнувъ, кинулась къ брату, который, обнявъ сестру одной рукой, другой указывалъ на кухню и грозилъ натурщицѣ.

Вдругъ старушка вошла въ комнату и застала эту нѣмую и странную сцену.

— Дарья! покраснѣвъ и задыхаясь отъ гнѣва, сказала она: — прошу убираться изъ моего дому; здѣсь живутъ честные люди!

Дарья вопросительно взглянула на Митю.

— Маменька! произнесъ онъ съ укоромъ и ужасомъ.

Это невольное восклицаніе страшно раздражило старушку, и, вся задрожавъ, она закричала, указывая на дверь:

— Вонъ отсюда!

Дарья вздрогнула и дико оглядѣла всѣхъ; на ея рябомъ и безобразномъ лицѣ мелькнула на одну секунду какая-то робость; она потупила глаза; но вдругъ, будто сдѣлавъ надъ собою усиліе, она тяжело вздохнула и гордо подняла голову; лицо ея все задергалось, и она залилась дикимъ и презрительнымъ смѣхомъ, который потрясъ всѣхъ. Замѣтивъ это, Дарья одушевилась, глаза ея заблистали, грудь поднялась высоко отъ ускореннаго дыханія, и, злобно глядя на старушку и ея дѣтей, она сказала:

— Такъ я по вашему нечестная женщина? а? такъ меня вы выгоняете изъ вашего дому?.. Ужь если на то пошло, такъ знай же, что твоя....

Съ раздирающимъ крикомъ «молчи!» Митя въ эту секунду кинулся къ Дарьѣ, схватилъ ее за плечи и вытолкнулъ въ кухню. Захлопнувъ дверь, онъ сталъ къ ней спиной, какъ бы защищая входъ; но онъ едва стоялъ на ногахъ, дико глядя на мать и на сестру, рыдавшую на груди старушки.

Все это такъ быстро совершилось, что старушка едва вѣрила своимъ глазамъ. Опомнясь отъ перваго испуга, она стала утѣшать свою дочь, горько рыдавшую.

— Полно, дурочка, ничего! такъ ее и надо проучить! ишь какъ носъ подняла, и диво бы кто, ато натурщица! ужь извѣстно, что́ за птица натурщица!

— Отчегожь.... вырвалось у Мити, но въ то время Катя упала на колѣни передъ матерью, и онъ замолчалъ въ какомъ-то новомъ испугѣ.

— Митя! закричала старушка.—Господи! что это съ ней?.. Боже мой! это все она, скверная женщина, перепугала ее!

Катя ломала руки, била себя въ грудь и страшно рыдала у ногъ матери, которая тоже заливалась слезами, продолжая бранить Ларью и всѣхъ натурщицъ.

— Митя! видишь, что она надѣлала? не позволяй ей больше приходить!

Митя блѣдный, съ блуждающими глазами, въ какомъ-то ожиданіи смотрѣлъ на сестру. Онъ вздрогнулъ при словахъ матери и съ презрѣніемъ сказалъ:

— Это послѣдній разъ, что она была здѣсь!

Черезъ часъ въ комнатѣ съ замерзшими окнами все было по прежнему. Бѣднымъ людямъ даже нѣкогда предаваться долго своему горю. Катя, еще съ красными глазами, шила у окна. Старушка бодрилась и тоже взяла свой чулокъ. Только Митя лежалъ за перегородкой и поминутно кашлялъ. Объ обѣдѣ никто и не упоминалъ.

Старушка поминутно поглядывала на свою дочь, которая, замѣтивъ это, еще усерднѣе шила.

— Катя, хочешь кофею? спросила старушка.

Катя съ удивленіемъ посмотрѣла на мать. Кофей въ ихъ хозяйствѣ считался роскошью. Теперь старушка желала сколько-нибудь развеселить свою дочь.

— Нѣтъ-съ, я не хочу! отвѣчала Катя.

Черезъ нѣсколько времени старушка сказала:

— Господи, что это такъ мнѣ сегодня хочется кофею!

И побрела въ кухню.

Катя улыбнулась въ-слѣдъ ей, поняв ея хитрость.

Вечеромъ, какъ только послышались печальные звуки «Лучинушки», Митя накинулъ шинель и вышелъ изъ дому. Онъ шелъ очень скоро и черезъ полчаса вошелъ въ раскрытую калитку каменнаго дома Пройдя пустой и огромный дворъ, онъ подошелъ къ деревянной лачужкѣ, спустился нѣсколько ступенекъ по каменной лѣстницѣ и раскрылъ дверь. Холодный воздухъ въ минуту наполнилъ паромъ всю комнату. Митя закашлялся.

— Кого нелегкая принесла? крикнулъ кто-то.

Паръ поднялся вверхъ, и яркій огонь на таганѣ освѣтилъ грязную маленькую кухню. Безобразная горбатая старушонка, съ сѣдыми волосами, выбивавшимися изъ-подъ чорной косынки,

стояла у огня и что-то ворчала, шевеля подбородкомъ, который выдавался клиномъ.

— Дарья дома? спросилъ Митя.

— А кто ее знаетъ! крикливо отвѣчала старушонка, мѣшая что-то въ горшкѣ: — я сама не была дома. Машка, а Машка! дома Дарья? закричала старушонка, заглянувъ на печь, которая была увѣшана сухими травами и какими-то кожами.

— Дома; а что? отвѣчало точно такое же безобразное и старое существо, которое, сидя на печи, гадало въ карты.

— Мнѣ нужно ее видѣть, сказалъ Митя.

— Лучше приди завтра: чай, не узнаетъ и родного отца теперь! со смѣхомъ отвѣчала та, которую товарка ея назвала Машкой.

Митя пошелъ къ двери, Машка свѣсила съ печи свое безобразное сморщенное лицо и весело сказала:

— Сестра, а сестрица!

— Ну, что! нехотя отвѣчала старушонка, занятая стряпаньемъ.

— Она вишь была такая печальная, все ревѣла.... Я ей и купила вина, выпей, говорю, легче будетъ! ха! ха! ха!

И обѣ старухи залились отвратительнымъ смѣхомъ.

Митя въ это время вошелъ въ комнату Дарьи, которая сидѣла, опершись локтями на столъ и закрывъ руками лицо. Передъ ней стояло вино и нагорѣлая свѣча.

Въ комнатѣ было грязно, стѣны почернѣли отъ сырости; кровать, стоявшая въ углу, была вся измята; подушки были разбросаны по полу. На комодѣ стоялъ небольшой туалетъ. Зеркало въ этомъ туалетѣ было разбито въ мелкіе куски.

Митя, кусая губы, глядѣлъ на Дарью, которая не слышала его прихода.

— Дарья! сказалъ онъ разтроганнымъ голосомъ.

Дарья вскочила на ноги. Увидавъ Митю, она нахмурилась, сжала кулаки и сквозь зубы спросила:

— Что.... опять меня бить?

Митя закашлялся и слабымъ голосомъ сказалъ:

— Какъ тебѣ бестыдно! посмотри, похожа ли ты на женщину?

Дарья была страшна: рябое ея лицо было красно, глаза опухли и дико блистали, сжатые кулаки и злая улыбка придавали ей еще болѣе грозный видъ.

— Ну, что́жь? если я непохожа на женщину, такъ кто виноватъ? ты!

И Дарья сѣла на стулъ, подперла голову рукою и смотрѣла на одну точку. Слезы потекли градомъ по ея рябому лицу.

Митя тоже стоялъ въ какомъ-то раздумьи. Увидавъ слезы Дарьи, онъ окликнулъ ее. Дарья вскочила и вытерла слезы, потомъ язвительно усмѣхнулась и налила себѣ вина.

— Я не дамъ тѣбѣ больше пить! повелительно закричалъ Митя и выхватилъ стаканъ изъ ея рукъ.

Дарья засмѣялась и спросила:

— Пить мнѣ нельзя, а бить меня можно?

— Ктоже тебя билъ? въ отчаянія закричалъ Митя.

— Ты! задыхаясь отъ ярости, отвѣчала Дарья.

— Неправда, ты лжешь! я тебя вытолкнулъ, потому-что ты чуть не выболтала всего! плачущимъ голосомъ сказалъ Митя.

— А зачѣмъ твоя мать меня назвала почестной женщиной при тебѣ? а?

И у Дарьи все лицо задрожало.

— Если я тебѣ позволяю, продолжала она: — многое мнѣ говорить, такъ это дѣло другое! Ты вѣдь знаешь, у меня не было никого—ни отца, ни матери, ни брата. Я была брошена семи лѣтъ на произволъ судьбы, и вотъ что́ изъ меня она сдѣлала! обезобразила да еще и умъ оставила, чтобъ я понимала, когда меня вытолкаютъ какъ самую послѣднюю женщину! хоть бы ужь она сдѣлала меня слѣпой, чтобъ я не видала своего лица!... хоть бы она отняла у меня слухъ, чтобъ я не слышала о своемъ безобразіи!

И Дарья ломала руки; стонъ вылетѣлъ изъ ея груди. Она сѣла, склонила голову на столъ и, глухо рыдая, продолжала говорить:

— Если бы я не была тебѣ противна, я стала бы жить иначе, я все, все бы сдѣлала для тебя!

Митя судорожно мялъ фуражку въ рукахъ. Дарья вдругъ вытерла слезы и съ нѣжной грустью сказала:

— Сядь! ты у меня давно не былъ!

— Ты сама виновата, замѣтилъ глухимъ голосомъ Митя.

— Я виновата? ахъ! если бы ты зналъ хоть сколько-нибудь, что вотъ у меня иногда здѣсь дѣлается.

Дарья указала на грудь.

— По мнѣ, продолжала она: — гораздо легче камни ворочать, чѣмъ быть натурщицей: лежать въ одномъ положеніи по два часа; голова одурѣетъ, косточки всѣ болятъ; холодно—тебя одѣваютъ въ кисею, жарко — въ сукно драпируютъ. А шуточки на счетъ моего рябого лица! Господи! чего я не перечувствовала въ это время! Подъ-часъ я готова Богъ знаетъ что съ собою сдѣлать. Я для тебя одного только рѣшилась быть натурщицей! съ упрекомъ заключила Дарья.

— Дарья, развѣ я тебя просилъ объ этомъ? съ горячностью сказалъ Митя.

— Ты не просилъ! Да я не имѣла другого средства видѣть тебя!

— Дарья, я ужь тебѣ сказалъ разъ навсегда, что я не люблю тебя! рѣшительно произнесъ Митя.

Дарья забила въ ладоши и залилась дикимъ смѣхомъ.

— Перестань! сердито сказалъ Митя.

— Я не у твоей матери: я у себя дома! гордо отвѣчала Дарья.

— Хорошо! но слушай: ни одного слова никому, ни даже мнѣ о моей сестрѣ! нето я...

Митя остановился и грозно смотрѣлъ на Дарью, которая быстро спросила:

— Ну, что ты сдѣлаешь?

Я ужь знаю, грозно отвѣчалъ Митя.

— Ты очень любишь свою сестру? а?

И, дѣлая этотъ вопросъ, Дарья поблѣднѣла и, злобно улыбаясь, заглядывала ему въ лицо.

— Тебѣ на что знать?

— Такъ!... говорятъ, что она....

Митя заскрежеталъ зубами и кинулся къ Дарьѣ, которая съ какою-то радостью тоже кинулась къ нему, какъ-будто готовая принять ударъ, но Митя вдругъ опустилъ поднятую руку, бросилъ презрительный взглядъ на ошеломленную Дарью и пошелъ къ двери.

— Чтобъ нога твоя не была у меня! твердо сказалъ онъ, выходя.

Дарья поблѣднѣла и кинулась къ нему съ такимъ отчаяннымъ крикомъ, что онъ вздрогнулъ и быстро повернулъ къ ней голову; но на его блѣдномъ лицѣ не было состраданія; онъ еще грознѣе и презрительнѣе произнесъ:

— Не смѣй! и вышелъ, захлопнувъ дверь.

Дарья долго оставалась неподвижною на одномъ мѣстѣ; потомъ вдругъ кинулась въ кухню.

— Гдѣ онъ? ушелъ! а? какъ помѣшанная спрашивала Дарья старушонокъ, которыя покачивали своими клинообразными подбородками и улыбались.

— Улетѣлъ! прошипѣла одна и тихо засмѣялась, другая начала вторить ей, и вдругъ, указывая на Дарью, которая, скрестивъ руки на груди, стояла въ какомъ-то ужасѣ съ потупленной головой, — закричала:

— Сестрица! что это съ ней? а?

Товарка погрозила ей пальцемъ, схватила кружку и, набравъ въ ротъ воды, прыснула Дарьѣ въ лицо. Машка захохотала. А Дарья, застонавъ, упала на полъ, и ее начало ломать; она дико кричала и била себя въ грудь.

Двѣ старушонки прыгали около нея и что-то нашептывали.

— Сестрица! смотри, чтобъ она не умерла! замѣтила одна.

Дарья точно вытянулась и лежала безъ чувствъ.

— Молчи! уходитъ! это изъ нея уходитъ нечистый... закрой трубу и дверь!

И старушонка, что-то напѣвая, стала посыпать Дарью какой-то сухой травой, снятой съ печи, и нашептывать въ носъ....

На другой день рано утромъ Катя и Митя шептались въ кухнѣ. Катя, закрывъ лицо руками, отрицательно мотала головой, и указывала на дверь, гдѣ спала старушка.

— Митя, я не пойду, я не пойду! умоляющимъ голосомъ говорила Катя.

Митя махнулъ отчаянно рукой и кинулся къ себѣ за перегородку. Онъ сдернулъ простыню съ своей картины и долго смотрѣлъ на нее съ какою-то жадностію. Онъ взялъ мѣлъ и сдѣлалъ черту на полотнѣ, но вдругъ съ ужасомъ отскочилъ и бросилъ мѣлъ; столкнувъ съ мольберта картину, онъ началъ топтать ее ногами, и потомъ съ дикимъ плачемъ упалъ на диванъ.

Старушка проснулась отъ шуму, и шепча молитву, кинулась за перегородку. Отчаянный крикъ вылетѣлъ изъ ея груди. Митя лежалъ безъ чувствъ, съ посинѣлыми губами. Старушка чуть не помѣшалась отъ горя; она звала дочь, плакала, цаловала руки у безчувственнаго своего сына.

Сосѣдки сбѣжались на крикъ старушки и помогли ей привести въ чувство сына. Первое слово Мити, когда онъ очнулся, было о сестрѣ.

— Ея нѣтъ дома! угрюмо отвѣчала старушка и потомъ прибавила нерѣшительно: — Митя, ты ея братъ, ты долженъ узнать, куда она стала бѣгать изъ дому!

Митя дико оглядѣлся, вскочилъ съ дивана и сталъ одѣваться. Старушка въ слезахъ уговаривала его не ходить со двора, но онъ, несмотря на ея мольбы и слезы, выбѣжалъ изъ дому.

— Господи! Господи! прошептала старушка, когда онъ ушелъ, и упала въ изнеможеніи на свою постель.

Не прошло десяти минутъ, какъ дверь скрипнула, и рябое лицо Дарьи показалось въ дверяхъ. Она злобно и насмѣшливо кивнула головой испуганной старушкѣ, которая поспѣшно, съ ужасомъ сказала:

— Его нѣтъ дома!

— Да я не къ нему пришла! отвѣчала Дарья и смѣло подошла къ старушкѣ, смотрѣвшей на нее съ отвращеніемъ.

— Вчера меня выгнали отсюда, глухо сказала Дарья, оглядывая комнату и какъ бы припоминая прошедшее.

Лицо ея все задергалось; она радостно засмѣялась, бросила къ ногамъ старушки катинъ салопъ, который былъ у ней подъ мышкой, и сказала:

— Такъ не меня одну нужно выгнать отсюда! Жди своей дочери, готовь ей жениха поскорѣе!

И Дарья, сіяющая торжествомъ, гордо вышла изъ комнаты, оставивъ старушку въ тревожномъ недоумѣніи: сплеснувъ руками, съ ужасомъ смотрѣла она на салопъ своей дочери, лежавшій у ея ногъ. Такъ долго она сидѣла, и еслибъ не стукъ въ кухнѣ, заставившій ее вздрогнуть и поднять голову, то она не замѣтила бы прихода Мити.

— Она была здѣсь? спросилъ Митя, появившись на порогѣ и весь задрожавъ.

— Митя, Митя! отчаяннымъ голосомъ завопила старушка, протянувъ къ нему руки.

Митя кинулся къ матери, которая, упавъ къ нему на грудь, горько зарыдала.

— Что́ такое вамъ говорила Дарья? въ ярости спросилъ Митя.

— Боже мой, неужели я такъ прогнѣвила Бога, что дочь моя Катя.... Нѣтъ, Митя, не можетъ быть!

И старушка въ ужасѣ оттолкнула ногой салопъ и, указывая на него, съ отвращеніемъ, тихо сказала:

— Сестра твоя.... она, она..... натурщица!!

Митя вскрикнулъ и закрылъ лицо руками; старушка грозно продолжала:

— Я не хочу ее видѣть, пусть идетъ куда хочетъ! у меня нѣтъ больше....

Митя съ крикомъ кинулся въ ноги матери и задыхающимся голосомъ сказалъ:

— Она не виновата!

— А! ты хочешь оправдать ее? нѣтъ, она осрамила насъ!

У Мити недоставало голосу... онъ зарыдалъ и дико закричалъ

— Это я, я, злодѣй, погубилъ ее!

И онъ упалъ въ ноги матери, которая съ ужасомъ привстала и, грозно поднявъ руки, съ минуту оставалась въ этомъ положеніи. Но вдругъ по ея страдальческому лицу ручьями потекли слезы; безъ воплей и рыданій опустила она свою голову въ подушки.

Митя робко взглянулъ на мать и, не вставая съ колѣнъ, взялъ ея руку и, обливаясь слезами, дрожащимъ голосомъ говорилъ:

— Выслушайте меня только, и вы увидите, что сестра ни въ чемъ не виновата. Я клянусь вамъ моимъ отцомъ, я самъ не понимаю, какъ все это случилось. Я все, все вамъ разскажу, только простите, простите ее!

И Митя зарыдалъ; онъ какъ преступникъ дрожалъ, стоя на колѣняхъ, и не смѣлъ поднять глазъ на свою мать. Она подняла его голову и въ недоумѣніи глядѣла на него. Онъ продолжалъ:

— Я сохну, я чувствую съ каждымъ днемъ, что силы мои *слабѣютъ*....

— Старушка сдѣлала къ нему движеніе; онъ поднялъ глаза и взглянулъ на нее въ первый разъ съ той минуты, какъ сталъ на колѣни.

— Это не отъ работы, а отъ недостатка, прибавилъ онъ поспѣшно. — Я чувствую иногда въ себѣ силы написать хорошую картину, но ожиданіе удобнаго времени и неимѣніе матеріяловъ такъ меня измучатъ, что я упаду духомъ, потеряюсь въ тысячѣ плановъ, которые вертятся въ моей несчастной головѣ. Неужели вы думаете, что только ночи безъ сна и голодные дни были причиной моей болѣзни? Нѣтъ, нѣтъ! у меня постоянная тоска, я постоянно изнемогаю отъ стыда и желанія: мои товарищи уже давно въ Италіи, ждутъ меня! А я! я, которому всѣ завидовали, остаюсь здѣсь, дѣлаю копію какой-нибудь безобразной фигуры, при взглядѣ на которую у меня всѣ нервы подергиваются! Да я ли это? Неужели я долженъ навсегда остаться такъ?!

И Митя вопросительно смотрѣлъ на мать, которая сидѣла молча въ какомъ-то отчаяніи.

— Вы часто видѣли, что я сидѣлъ сложа руки, а?... Но я готовъ былъ бы лучше цѣлый день проработать, чѣмъ такъ проводить время. Я можетъ быть тысячу картинъ самыхъ трудныхъ потомъ и кровью написалъ.... только не на полотнѣ, а въ моей головѣ. Боже! какъ это тяжело, какъ ужасно! Я наконецъ почти дошелъ до безумія. Я васъ обижалъ, да, я знаю, я помню!

И Митя поцаловалъ руку у матери, которая глядѣла на него съ испугомъ и качала головой.

— Полноте! я много зла сдѣлалъ! но я не виноватъ! Я сталъ бояться смерти... да, я сдѣлался трусомъ. Мнѣ казалось иногда, что потолокъ обрушится надо мною, вотъ я и умру, ничего не оставивши послѣ себя.... Я далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, писать картину; три мѣсяца я боролся съ преступной мыслью, которая пришла мнѣ въ голову. Наконецъ я занялъ денегъ, купилъ красокъ и полотно. Нужно было купить время... я забылъ все, я только видѣлъ одно будущее: мнѣ казалось, что счастье и слава моя — все зависитъ отъ этой картины. Она меня душила, я состарѣлся! я всякой день до изнеможенія уставалъ, горя нетерпѣніемъ работать и работать ее!... Я не могъ безъ отвращенія взять кисть въ руки для другой работы, кромѣ моей картины. А чѣмъ кормить себя? да я самъ не подумалъ бы

объ этомъ, но совѣсть.... но мысль, что тамъ сидитъ моя мать, и я, я сынъ ея, морю ее голодомъ.... Я прибѣгнулъ къ сестрѣ, я молилъ ее памятью нашего отца помочь мнѣ, чтобъ улучшить нашу жизнь. Я смотрѣлъ на нее какъ на спасительницу.... И она, тронутая моими слезами, согласилась быть.... натурщицей!

Митя едва договорилъ послѣднія слова.

Старушка съ упрекомъ, съ ужасомъ воскликнула:

— Митя! Митя!!

— Теперь вы видите, она не виновата, это я погубилъ всѣхъ васъ, я, которому слѣдовало заботиться о васъ. Я человѣкъ низкій.... прокляните меня!

И Митя въ изступленіи билъ себя въ грудь и рвалъ волосы на головѣ.

Старушка въ испугѣ схватила голову своего сына и крѣпко прижала къ сердцу, обливая ее горячими слезами. Митя старался спрятать лицо въ колѣни матери и какъ дитя всхлипывалъ.

Они такъ были погружены въ свое горе, что не слыхали прихода Кати, которая давно уже съ распущенными косами, въ одномъ платьѣ, сверхъ котораго накинуто было какое-то черное сукно, стояла какъ тѣнь блѣдная на порогѣ и жадно слушала.

Старушка, утѣшая сына, цаловала его и наконецъ сказала:

— Митя, голубчикъ, не плачь; я знаю, что ты не пожелалъ бы своей сестрѣ ничего дурного, ты самъ, вишь, какъ плачешь, перестань!... Отнеси ей лучше салопъ, ато она перепугается да еще по морозу и такъ прибѣжитъ. Да не говори ей, что я знаю; нѣтъ, это ее будетъ мучить; я ужь знаю!...

Катя при этомъ словѣ тихо, но быстро скрылась въ темную кухню.

Вечеромъ всѣ трое печально сидѣли за самоваромъ; на всѣхъ лицахъ замѣтны были слѣды тяжелаго горя, но изъ ихъ груди не вырвалось ни одного вздоха; они, казалось, своимъ наружнымъ спокойствіемъ желали обмануть другъ друга. Одна старушка обнаруживала небольшое безпокойство. Она поглядывала на часы и какъ-будто къ чему-то прислушивалась.

Было уже десять часовъ вечера. Жители шестнадцатой линіи, не слышавъ въ обычный часъ печальныхъ звуковъ шарманки, не обратили на это вниманія. Зато старушка, утомленная

напраснымъ ожиданіемъ услышать «Лучинушку», неохотно улеглась въ постель, лицомъ къ стѣнѣ и поминутно сморкалась. Катя изрѣдка всхлипывала, заглушая свои рыданія въ подушкѣ, а Митя, какъ дикій звѣрь въ первыя минуты своего заключенія въ клѣткѣ, метался за перегородкой, посылая проклятія Дарьѣ, злоба которой могла раскрыть и шарманщику ихъ семейную тайну....

Съ этого дня болѣзненные стоны наполнили комнату. Митя лежалъ за перегородкой, а старушка на диванѣ. Катя, потерявъ всю свѣжесть лица, ухаживала за больными; но каждое утро она ихъ оставляла на нѣсколько часовъ... Больные ждали съ нетерпѣніемъ ея возвращенія....

Иногда по вечерамъ въ кухнѣ слышался шопотъ; старушка тревожно спрашивала: кто тамъ? Катя отвѣчала ей, что сосѣдка; но она лгала: то была Дарья!

Когда первый порывъ злобы прошелъ у Дарьи, она сама ужаснулась своего поступка. Нѣтъ словъ высказать ея отчаяніе, когда она узнала о болѣзни Мити. Встрѣтивъ Катю на улицѣ, она кинулась ей въ ноги, умоляла дать ей хоть тихонько взглянуть на *ея* брата.

— Я тебя не буду больше мучить, никто изъ васъ не услышитъ больше даже моего имени, только дайте мнѣ въ послѣдній разъ взглянуть на него и проститься съ нимъ!

Катя тронулась отчаяніемъ Дарьи и вечеромъ впустила ее въ кухню. Когда ее позвалъ Митя, она раскрыла дверь такъ, чтобъ Дарья могла его видѣть.

На другой день Дарья принесла лекарства, увѣряя, что ей далъ знакомый аптекарь.

Съ этихъ поръ все, что̀ Дарья заработывала, она приносила Катѣ и двѣ натурщицы кормили больныхъ. Дарья не разговаривала съ Катей; она вѣчно сидѣла на дровахъ за печкой. Но если Катя плакала, то Дарья становилась на колѣни передъ ней и отчаяннымъ голосомъ просила ее перестать.

— Я васъ всѣхъ загубила, говорила она: — я это очень хорошо знаю! такъ ты лучше не плачь. Я и жить-то бы не стала ни одного дня; да кто же станетъ ихъ кормить?

И Дарья робко указывала на комнату, гдѣ лежали больные, и продолжала:

— Я обманывала тебя, у меня нѣтъ знакомаго аптекаря, и на деньги покупаю лекарство. А ты одна развѣ можешь их прокормить? Не терзай меня, погоди! когда я не буду никому нужна, дѣлай тогда со мною что хочешь!

Катя слушалась и переставала плакать, а Дарья ложилась на дрова за печь.

Митѣ какъ-то сдѣлалось очень плохо, онъ стоналъ. Дарья привела доктора, который, узнавъ, что она чужая въ домѣ, прямо сказалъ ей, что ему не долго жить.

Дарья едва добрела до своего обычнаго мѣста и легла на дрова; она не помнила, что потомъ съ нею было, и когда очнулась, то руки ея были въ крови и всѣ искусаны, клоки волосъ были вырваны, и каждая косточка болѣла у нея. Ночью, наблюдая за больными, Дарья подсѣла къ Катѣ и сказала:

— Хочешь, я тебѣ разскажу мою жизнь? можетъ быть я тебѣ не буду противна, и если что случится, ты простишь мнѣ.

— Говори, только тише, чтобъ они не услышали, замѣтила Катя.

— Я бы хотѣла, чтобъ и она слышала! тихо сказала Дарья, указывая на комнату, гдѣ лежала старушка.—Можетъ быть!.. да нѣтъ, ужь теперь не поправишь!

И Дарья отчаянно махнула рукой; помолчавъ, она начала:

«Еще ребенкомъ, осталась я круглой сиротой; помню только свою мать, да и то когда ужь она лежала въ гробу, блѣдная съ распущенными волосами. Я такъ же смутно помню богатыя комнаты и игрушки, какія у меня были. Меня баловали, возили въ каретѣ. — Но кто былъ мой отецъ, кто мать, я ничего не знаю, да, кажется, и никто не знаетъ... Потомъ я воспитывалась у какой-то женщины толстой и злой, которая никогда и слова мнѣ не говорила о моей матери; она меня била и заставляла голодать на своей кухнѣ: когда мнѣ минуло четырнадцать лѣтъ, она стала меня наряжать и выдавать за свою племянницу. Я была красива собой.... что, вѣришь ли ты? а?

И Дарья насмѣшливо заглянула Катѣ въ лицо.

— «Чѣмъ больше я хорошѣла, продолжала она:—названная моя тетка тѣмъ рѣже и рѣже меня била; но она строго меня держала. Я поняла свое положеніе и не ужаснулась его. Я такъ ненавидѣла эту женщину, что задумала ей мстить, за все, что *отъ нея* вытерпѣла. Я понравилась одному старику, страшному

богачу, и не испугалась его любви; напротивъ, хитро и ловко завлекала его. Иногда мнимая тетушка трогалась моими уловками и со слезами говорила мнѣ:—«Ну, Лаша, я вижу, что ты будешь мнѣ утѣшеніемъ подъ старость».... Когда моя власть была сильна надъ старикомъ, я выгнала изъ дому свою мнимую тетку, а вскорѣ отдѣлалась и отъ самого старика. Я была молода, стало быть глупа. Я такъ обрадовалась свободѣ, что не подумала о деньгахъ, которыхъ много могъ бы подарить мнѣ старикъ. И черезъ нѣсколько мѣсяцовъ я съ ужасомъ увидѣла, что я нищая: я привыкла къ роскоши и лѣни. Но, благодаря школѣ моей мнимой тетушки, я скоро разбогатѣла. У меня были великолѣпные экипажи, наряды; я жила въ роскоши. Мнѣ были всѣ мужчины ровно гадки.... Я видѣла, что одно тщеславіе заставляетъ ихъ быть со мной ласковыми, щедрыми. Съ каждымъ годомъ я все хорошѣла, глаза мои были ясны, лицо нѣжно и гладко, какъ твое; на меня даже дѣти заглядывались, не то, что́ теперь.... укажи на меня ребенку, да скажи: у! у!... такъ весь затрясется и голову спрячетъ.... Я жила, какъ всѣ живутъ изъ насъ, какъ вѣрно жила и моя мать: то есть не думая о завтрашнемъ днѣ. Иногда отъ скуки на меня находили минуты состраданія, и я сыпала деньгами безъ разбора тѣмъ, кто подвертывался подъ руку. Въ такія минуты, если я шла по улицѣ и нищій протягивалъ мнѣ руку, я отдавала все, что́ у меня было въ кошелькѣ, и его нѣмое удивленіе тѣшило меня....

«Вотъ какъ теперь помню, утромъ мнѣ привели въ первый разъ твоего брата, чтобъ снять съ меня портретъ. Я сидѣла на бархатѣ, въ позолоченныхъ комнатахъ, разодѣтая въ-пухъ, всѣ брильянты надѣла на себя. Увидавъ меня, онъ ужасно сконфузился, голосъ у него дрожалъ. Брильянты или лицо мое поразили его, — не знаю; но я въ первый разъ покраснѣла при мысли, что́ онъ можетъ подумать обо мнѣ и моемъ богатствѣ. Вдругъ, какъ-будто всѣ брильянты раскалились и жгли мнѣ шею и руки; я выбѣжала изъ комнаты, сняла съ себя всѣ эти вещи, сняла бархатное платье, надѣла бѣлый утренній капотъ, сорвала бѣлую розу, стоявшую на окнѣ, и приколола въ волосы. Мнѣ сдѣлалось легко. Сама не знаю отчего, я долго глядѣлась въ зеркало, какъ-будто по предчувствію, что ужь недолго мнѣ быть такой. Когда я опять вошла въ комнату, то твой братъ какъ дуракъ глядѣлъ на ме-

ня. Не знаю отчего, но онъ мнѣ понравился; я въ первый раз не чувствовала ни злобы, ни желанія кокетничать перед мужчиной. Я много болтала; мнѣ было весело его конфузить смотря ему прямо въ глаза. Я, признаться, почти не видала такихъ мужчинъ. Мы простились до другого дня. Мнѣ было и весело и въ тоже время слезы душили меня. Въ этотъ-то вечеръ мнѣ пришли сказать, что одна изъ моихъ знакомыхъ, такихъ же какъ и я, проситъ меня прислать хоть сколько-нибудь денегъ, что она лежитъ въ больницѣ. Будь это въ другой разъ, я не была бы такъ сострадательна, но тутъ я расплакалась и поскакала къ ней. Я посидѣла у ней и возвратившись домой, вскорѣ почувствовала какой-то жаръ и головную боль; и чѣмъ-бы мнѣ лечь, я поѣхала гулять. Въ ночь у меня такъ усилился жаръ, что я лишилась памяти. Я долго лежала, ничего не помня и не видя, и въ первый разъ, когда я открыла свои опухшіе еще глаза, — кровь остановилась у меня въ жилахъ. Я лежала въ большой комнатѣ, окруженная все кроватями. Я не вѣрила своимъ глазамъ: мнѣ казалось, что я лежу въ гробу: я стала кричать, плакать, метаться точно сумасшедшая; вѣрно въ припадкахъ я царапала лицо, и потому мнѣ завязали руки; но было уже поздно!....

«Когда я оправилась, я узнала все: отъ страху, что у меня оспа, меня безжалостно всѣ бросили, и ни одна душа не навѣстила меня въ больницѣ. Твой братъ сначала забѣгалъ ко мнѣ на квартиру узнавать обо мнѣ; но люди мои грубо обошлись съ нимъ, и онъ не являлся больше. Ну, какъ-бы ты думала, кто приходилъ навѣщать меня въ больницу? — Старикъ-нищій. Онъ сидѣлъ недалеко отъ моего дома, и я часто ему подавала милостыню. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ сначала доктора пріѣзжали ко мнѣ, потомъ перестали; люди цѣлый день сидѣли у воротъ, шатались по трактирамъ, таскали мое добро. Потомъ меня свезли въ больницу, изъ которой я вышла.... безобразной.... и нищей: все, что́ было у меня, взяли за долги. Старикъ-нищій пріютилъ меня у себя; мнѣ смѣшно было глядѣть на него: тотъ, которому я бросала, что́ мнѣ было ненужно, теперь кормитъ и призрѣваетъ меня. Я не рѣшалась просить милостыню, а начать прежнюю жизнь я не могла. Къ томужь я только и думала, что о твоемъ братѣ. Я живо его помнила, хоть видѣла только одинъ разъ; я отыскала, гдѣ онъ жилъ, я подсматривала

за нимъ, я знала, куда и зачѣмъ онъ идетъ. Я долго не рѣшалась показаться ему на глаза; наконецъ узнала, что онъ задумалъ писать картину, и что ему нужна натурщица. Я рѣшилась итти къ нему. Ну, какъ я тебѣ разскажу все то, что̀ я перечувствовала, когда я вошла къ нему? вѣрно мое безобразное лицо было страшно, что онъ усадилъ меня и далъ мнѣ воды.

Дарья улыбнулась и, опустивъ свое рябое лицо, спросила Катю:

— «Что̀, я очень страшна? а?... Я послѣ болѣзни только разъ взглянула-было на себя въ зеркало, да такъ испугалась, что съ тѣхъ поръ и не смотрюсь. Не знаю, можетъ еще хуже стала!

И Дарья съ отвращеніемъ вздрогнула и продолжала:

«Я сказала твоему брату, что я натурщица. Онъ такъ поглядѣлъ на мое лицо, что у меня сердце повернулось, и, сама не знаю отчего, я засмѣялась такъ громко, что самой страшно стало. Форма моихъ плечь и рукъ поразила его своей правильностью. За часъ я брала съ него вдвое дешевле, чтобъ другія натурщицы не отбили его у меня.... Ахъ, что̀ я вытерпѣла! мнѣ кажется иногда, что теперь мои страданія не такъ ужасны, какъ тогда! Всякой день видѣть человѣка, котораго любишь, ну, сколько есть силы, и знать, что если ты проронишь одно слово, онъ съ ужасомъ отскочитъ отъ тебя и выгонитъ вонъ,—что мои ласки оскорбятъ его.... и къ тому-жь помнить все прежнее! его взгляды, его смущеніе... а можетъ быть онъ уже думалъ тогда: что̀, если бы эта женщина полюбила меня! А, каково?... Разъ я прихожу къ нему, а онъ сидитъ у стола, поддерживая голову руками, такъ-что зажалъ уши. Передъ нимъ портретъ какой-то женщины. Я только заглянула— и чуть не упала. То была я; я узнала себя: мои глаза, мой носъ; я кинулась къ нему на шею, я цаловала его руки, я была какъ безумная отъ радости. Мнѣ казалось, что я уже больше не безобразна, что мой портретъ опять меня сдѣлаетъ красавицей.... Я все разсказала ему.... и даже призналась, что люблю его....

Дарья глухо и скоро пробормотала послѣднюю фразу и съ минуту молчала. Вздохнувъ тяжело, она продолжала:

— «Я жила хорошо; иногда мнѣ было тяжело, особенно если солнце свѣтитъ да онъ взглянетъ на меня. Впрочемъ я прятала всегда въ темный уголъ. Съ нимъ я никуда не выходила, я боялась людей, чтобъ они не напомнили мнѣ о моемъ безо-

бразіи.... я была ревнива! Ну, еще бы мнѣ думать, что онъ мен
любитъ! Я мучила себя и его; я иногда доходила до изступленія
и отчаяніе мое было страшно; я часто готова была убить себя
Вѣрно, все это надоѣло ему, и разъ, выйдя изъ терпѣнія, онъ мн
что-то много говорилъ; но я изъ всѣхъ его словъ только одно
помнила, что мнѣ какъ ножемъ повертывало въ сердцѣ: «ты бе
зобразна, ты безобразна!» Эти слова какъ громъ меня оглушил
Тутъ только я почувствовала страшное униженіе свое. Я рѣши
лась бѣжать отъ него. Цѣлые три мѣсяца я не видала его,
обѣгала всѣхъ знахарокъ и колдуновъ, чтобъ найти зелья — при
ворожить его къ себѣ. Я подкупала хозяйку его дома, чтобъ она
ему клала въ кофей разныхъ корешковъ и травъ, что мнѣ дава
ли старыя вѣдьмы. Этимъ-то временемъ вы пріѣхали къ нему.
Извѣстно, въ Петербургѣ жить дорого, особенно человѣку, ко
торому еще нужно заработывать кусокъ хлѣба, чтобъ учиться.
А онъ любилъ писать картины. Сколько я ни видѣла художни
ковъ, ни у кого такъ не мѣняется лицо, когда онъ беретъ въ
руки кисть. Глаза у него такъ заблестятъ, словно два угля, и
какъ глядитъ-то онъ на картину свою, когда пишетъ.... да! онъ
любилъ рисовать.... Я знала, что онъ любитъ тебя и свою мать,
и ревность моя не знала мѣры. Я упрашивала его сама помириться
ся со мною, клялась ему, что не буду ревновать его! А онъ
отвѣтъ мнѣ и скажи, что теперь онъ никакъ не можетъ, пото
му-что любитъ свою мать и сестру и съ ними хочетъ жить. Вы
мнѣ не давали покою; мнѣ казалось, что онъ любилъ бы меня,
если бы не вы!.... И кто могъ больше любить его, какъ не я!....
Мѣсяцъ тому назадъ, онъ приходитъ ко мнѣ — можешь судить о
моей радости!—и говоритъ: «Дарья, я хочу писать картину; хо
чешь ли быть моей натурщицей?— я, говоритъ, возьму лицо съ
твоего портрета».... Ахъ, какъ мнѣ было весело! Старые колду
ньи, у которыхъ я нанимала квартиру, увѣряли меня, что это
ихъ травы приворожили его; я имъ давала денегъ. я какъ дура
была. Въ первый разъ, какъ я увидѣла тебя и вашу мать, у ме
ня все перевернулось! мнѣ и цаловать-то васъ хотѣлось, и не
смѣла-то я.... Забыла я всю злобу къ вамъ, только помнила, что
ты его сестра, а она его мать.... Братъ твой все дѣло испор
тилъ, онъ такъ крикнулъ и посмотрѣлъ на меня, когда я было
хотѣла кинуться въ ноги къ его матери, просить и умолять ее,
чтобъ она сжалилась надъ несчастной.... что злоба еще стра-

нѣе прежней обхватила меня. Ты теперь поймешь мою радость, когда я узнала, что ты тихонько отъ своей матери сдѣлалась натурщицей!

— «Въ послѣдній разъ, какъ я была у васъ, мать ваша и ты такъ меня приняли, что я чуть васъ всѣхъ не убила. Ты помнишь ли, какъ меня вытолкали? а? спросила Дарья, злобно глядя на Катю, которая съ ужасомъ потупила глаза.

— «Вечеромъ, продолжала Дарья:—у меня былъ твой братъ; я старалась его раздосадовать, чтобъ онъ меня хоть задушилъ: такъ мнѣ было легко! А онъ только страшно поглядѣлъ на меня и запретилъ ставить ногу на его порогъ.... Я, въ злобѣ, украла салопъ у тебя, пока ты была у художника, и бросила его твоей гордой матери въ лицо: я также все разсказала твоему жениху и такъ была зла на васъ всѣхъ, что дала волю своему языку и вездѣ болтала о тебѣ.

Катя съ ужасомъ закрыла лицо руками и отвернулась отъ Дарьи, которая схватила ее за руки и сказала въ волненіи:

— «Ты развѣ мнѣ не простила? зачѣмъ отворачиваешься отъ меня?? Я, видишь, во всемъ тебѣ призналась....хоть ты будь добрѣе ихъ! хоть одно слово скажи мнѣ, хоть взгляни на меня!

Въ голосѣ Дарьи было столько мольбы и отчаянія, что Катя съ состраданіемъ взглянула на нее. Дарья радостно вскрикнула и кинулась обнимать Катю, цалуя ея руки и осыпая ее самыми нѣжными названіями.

Стоны раздались въ другой комнатѣ. Катя кинулась туда, а Дарья какъ-бы окаменѣла въ одномъ положеніи.

Долго страдалъ Митя, наконецъ умеръ. Старушка такъ была слаба, что вѣсть о смерти сына перенесла, казалось, очень спокойно. Только вынувъ изъ-подъ одѣяла свою высохшую руку, она перекрестилась и едва слышно сказала:

— Ну, слава Богу, окончились его страданія! пора и мнѣ!...

На третій день изъ деревяннаго домика вывезли на однихъ дрогахъ два гроба: одинъ черный, а другой желтый. Катя и Дарья въ своихъ истасканныхъ салопахъ молча шли за гробами, едва вытаскивая ноги изъ глубокого снѣгу. Онѣ крѣпко держались за руки, какъ-бы ища другъ у друга опоры.

ГЛАВА IX.

ДАЛЬНѢЙШАЯ ИСТОРІЯ РЯБОЙ ДАРЬИ.

Дарья, не спуская глазъ съ своей слушательницы, несвязно разсказала исторію полинькиныхъ родственниковъ и часть своей собственной, и продолжала:

«Вотъ, видишь ли, моя голубушка, моя лебедушка, остались-то мы двѣ круглыми сиротами. Катя-то горькія слезы лила, а я ужь крѣпилась; только вотъ здѣсь-то болѣло, хоть кричать (она показала на сердце). Видя ея слезы, я передъ образомъ поклялась съ лихвой замѣнить ей то, что я у ней отняла. Я всякой день бѣгала на толкучіи рынокъ, продавала разную рухлядь и хламъ, что осталось по наслѣдству ей, даже обманывала иной разъ, лишь бы моей Катѣ принести какого-нибудь гостинцу. Долго я билась, много я вынесла, зато такъ понаторѣла, что любому жиду не дамся въ обманъ! Я перепродавала и перекупала всякія вещи, которыя иной разъ Богъ знаетъ откуда брались. Перешью ихъ, бывало, а съ бѣлья мѣтку сгоню, да еще другую наложу и продаю. День на толкучкѣ кричишь: «коверъ у меня купи, купи у меня!» А ночь всю на пролетъ перешивала разное тряпье. Катя маленько повеселѣла.... Я ужь, бывало, земли подъ собой не чувствую, какъ она улыбнется. Я ее какъ барыню водила; она у меня руки сложа сидѣла, только все еще иногда поглядывала на меня искоса. Я ее полюбила, какъ родную дочь... нѣтъ! больше: какъ ея брата! да она и съ лица-то походила на него. Я въ два года такъ обдѣлала дѣла, что стала Катѣ приданое копить. Разъ-было я ей заикнулась о женихѣ, прежнемъ-то. Она такъ на меня прикрикнула, что я ни гугу; потомъ «я, говоритъ, его и не думала любить, это я для брата и матери хотѣла итти, чтобъ имъ было меньше заботъ». Кажись, я жила въ эту пору всѣхъ счастливѣе; я на всѣ руки пускалась и цѣлый день хлопотала, какъ угорѣлая; а вечеръ съ моей Катей сидѣла. Стала я замѣчать, что моя Катя чудно на меня поглядываетъ. Я видно уродилась такой, что коли полюблю кого, такъ сама исхудаю отъ дурныхъ мыслей и того загублю. Я ни дать ни взять также ее полюбила, какъ брата. Если

бывало кого Катенька приласкаетъ, вотъ я бы его такъ и задушила! Стала я сосѣдокъ распрашивать, что̀ Катя безъ меня дѣлаетъ; а онѣ мнѣ все и разскажи: что она познакомилась съ какимъ-то фертикомъ, что сперва онъ только хаживалъ мимо ея окна, а потомъ она стала съ нимъ заговаривать, а потомъ гулять, и что онъ къ ней сталъ ходить въ гости. Каково?

Дарья съ ужасомъ смотрѣла на Полиньку, которая слушала ее съ судорожнымъ любопытствомъ.

«Вотъ я натерпѣлась-то горя, продолжала Дарья, какъ-будто разсуждая сама съ собой. — Можетъ статься, еслибъ я ее не любила такъ сильно, она бы не дѣлала того со мною. Но что̀же мнѣ было дѣлать? развѣ человѣкъ воленъ надъ собою? а? да еще когда у тебя сердце тоскуетъ, а кровь такъ и подступаетъ къ горлу. Я плакала, тосковала, точно также, какъ когда мнѣ казалось, что ея братъ любитъ другую. Ничего ей не сказала, а бросила все и стала цѣлый день дома сидѣть.... Не понутру ей это было, да нечего дѣлать. Сидитъ у окна да плачетъ; а у меня-то самой такъ сердце и надрывается, такъ и хочется кинуться къ ней, да приголубить ее; да какъ вспомню, что она плачетъ съ досады, что я у нея передъ глазами торчу, такъ вотъ бы такъ все и перебила въ комнатѣ. Я ужь разузнала и о немъ-то. Онъ былъ сынокъ богатаго господина. Катя ему приглянулась, ишь губа не дура!... онъ и наври ей, что онъ тоже сирота, и такіе турусы на колесахъ понесъ, что моя дѣвка день-деньской все горюетъ о немъ!... Разъ утромъ она встала и ну одѣваться; я спрашиваю: куда она йдетъ? «я, говоритъ, гулять хочу». — Пойдемъ вмѣстѣ.... «Нѣтъ, одна пойду!» да такъ это сказала, что у меня все завертѣлось въ головѣ; и я прикрикнула на нее съ-горяча и выболтала все, что̀ знала. Катя въ слезы; я ее и ну упрашивать, улещать, чтобъ она бросила всѣ глупости, что ужь чего добраго ждать, коли человѣкъ лжетъ. Ну, дѣло молодое, старымъ мало вѣрятъ; она какъ-будто и согласилась и слово дала мнѣ все бросить, а на другой день я съ-дуру и уйди со двора; прихожу домой, она сидитъ, только такая странная: я догадалась и спросила ее, ходила ли она со двора? «Нѣтъ». Ну, мнѣ ужь такъ стало тяжело, что я и ну ее бранить; она какъ встанетъ да какъ глянетъ на меня. «Да что̀ ты, говоритъ, мнѣ такое! мать, или сестра, что̀ ли? я, говоритъ, ненавижу тебя, ты мнѣ мать и брата уморила, теперь хочешь и

меня! я знать тебя не хочу, ты мнѣ противна. Я и жить-т съ тобой не стану!...» Накинула салопъ и шляпку и поня къ двери; я заслонила ей дорогу и говорю, что не пущу ее пусть она меня лучше задушитъ. «Пусти, говоритъ, а нето пожалуюсь на тебя въ полицію, у тебя есть вещи такія.... Бог знаетъ, у кого ты ихъ купила.... я все понимаю». Она так страшно глядѣла на меня, ну точь-въ-точь какъ ея братъ, когд я его видѣла въ послѣдній разъ у себя. Я слушала и не вѣрил что Катя меня хочетъ въ полицію отдать.... Катя-то моя, дл которой я ночи не спала, морочила всѣхъ до нищаго, чтобъ ей же купить шляпку или платье! Она меня двинула отъ двери, словно шальная пошатнулась, а она и порхнула. Тутъ мнѣ показалось, что старуха ея мать съ своими впалыми глазами, как мы ее положили въ гробъ, стала передо мной и грозитъ мн пальцемъ, потомъ Митя, страшный такой, насмѣшливо кивнул мнѣ головой.

«А какъ только я очнулась, тотчасъ кинулась на квартир гдѣ жилъ этотъ фертикъ: сердце ужь мое чуяло, что Катя у него. Меня не впустили въ комнату и подъ носомъ заперли двери: стала стучаться: отворилъ лакей и ну бранить меня. Я в отчаяніи стала его молить, чтобъ онъ только вызвалъ Катю мнѣ; сбѣгала домой, принесла ему денегъ. Я увидала Катю; он раскрыла дверь, выглянула, я ей бухъ въ ноги; хочу говорить не могу, такъ и душатъ слезы. А она всунула мнѣ въ руку какія-то деньги: «на, говоритъ, тебѣ за все, что я у тебя съѣла и выпила, иди, я больше тебя знать не хочу!» и захлопнула дверь. Я стала кричать; мнѣ хотѣлось всѣхъ задушить. Вышелъ лакей и спровадилъ меня. Я просто чувство потеряла. А какъ очнулась, припомнивши все, кинулась къ отцу его. Меня не впустили; я подождала его у подъѣзда, и когда старикъ хотѣлъ садиться въ карету, ухватилась за его ноги и молила его выслушать меня; я разсказала ему все и просила вырвать мою Катю изъ рукъ его сына. Онъ пообѣщалъ, да на другое утро сдѣлали обыскъ у меня на квартирѣ, нашли перекупленныя мною вещи и посадили меня въ часть....

«Тамъ вмѣстѣ со мной сидѣла одна женщина; мы разговорились о томъ, о семъ, и я узнала, что моя мать была изъ одной деревни съ ней, но что она знала о ней только одно, что матушка *была* красавица, поѣхала въ Питеръ вмѣстѣ съ господами, ее

отпустили на волю, и больше ужь никто о ней не слыхалъ. Да и не нужно было: я догадалась объ остальномъ. На поруки меня выпустили; мнѣ было горько жить въ Петербургѣ, я и поѣхала въ деревню къ бабушкѣ, единственной родной, которая оставалась у меня.

«Когда въѣхала я въ деревню, гдѣ родилась моя мать, мнѣ почудилось что-то родимое, какъ-будто и избы, и лѣсъ, — все было знакомое, и сердце у меня весело забилось. Вотъ я подъѣзжаю къ избѣ, гдѣ жилъ Артамонъ съ женой, а у него моя бабушка Ирина. Вхожу въ избу: жаръ, духота, ребятишки визжатъ, поросята хрюкаютъ. Никого не видать, кромѣ дѣтей, малъ-мала-меньше, въ однѣхъ рубашонкахъ, и какъ завидѣли меня, всѣ подъ лавки попрятались. Одинъ постарше мальчишка закричалъ: «Дѣдушка, а дѣдушка! вставай, чужая тетка пришла»; въ углу на лавкѣ что-то закопошилось подъ тулупомъ, курицы, сидѣвшія на тулупѣ, спрыгнули, и показалась сѣдая голова стараго-престараго мужика. Кажись, я такого стараго и не видала сроду. «Дѣдушка! чужая тетка пришла за бабкой Ириной»! крикнулъ опять мальчишка. Старикъ долго тянулся, зѣвалъ, думалъ, потомъ что-то пробормоталъ и рукой указалъ мнѣ на печь. Я кинулась туда; смотрю — и не вѣрю глазамъ: спитъ свернувшись старенькая старушонка, въ грязной рубашкѣ и въ оборванномъ сарафанѣ, спитъ себѣ крѣпкимъ сномъ, и не чуетъ, что родная ея внучка издалека пріѣхала посмотрѣть на нее. Лицо у нее все сморщенное, носъ съ подбородкомъ сошелся, а губъ и не видать. Я долго стояла и смотрѣла на нее: мнѣ и страшно и жаль было старухи. Эхъ! жили столько лѣтъ родные, не вѣдая даже другъ про друга. А сколько денегъ-то черезъ руки мои перешло! Я раздѣлась и стала ждать, когда она проснется. Старикъ дѣдъ разпрашивалъ меня, какъ и кто я? разъ двадцать я ему повторила одно и тоже. Кажись, ужь онъ изъ ума выжилъ: такъ старъ былъ. Пришелъ Артамонъ съ женой. Я разсказала имъ, кто я и зачѣмъ пріѣхала; вотъ они и ну тормошить старуху. Долго она не вѣрила имъ, что къ ней внучка пріѣхала изъ Питера; потомъ стала плакать и жаловаться на мою мать, что она забыла старуху и вѣсточки ей не шлетъ. Я не вытерпѣла, кинулась старухѣ въ ноги и долго плакала, — такъ мнѣ было горько, что въ первый только разъ теперь я увидѣла ее! а она-то словно чужая, коритъ мнѣ свою дочь, которой ужь

и на свѣтѣ давно не было; да ей не втолкуешь. И только тогда приласкала меня старуха и назвала своей внучкой, когда я ей подарила гостинцу: душегрѣйку да на сарафанъ. Вотъ уморила то меня! кажись, ужь чего? старая, руки дрожатъ, нѣтъ! а туда же, точно молодая: тотчасъ и ну рядиться, любоваться, показывать старику обновку. всѣмъ сосѣдкамъ хвастать стала и говорить: «глянь-ка какой гостинецъ внучка привезла, а вонъ небось и родная дочь ничего не присылаетъ и знать не хочетъ...» Какъ ни старалась, не могла я ей вбить въ голову, что ужь нечего ей на свою дочь жаловаться: ее и въ-живыхъ нѣтъ давно. Нѣтъ! старуха моя, какъ чуть разсердится, сейчасъ ну мою мать корить.

«Я за ней какъ за малымъ ребенкомъ ходила; я ее въ баню водила, по цѣлымъ днямъ сидѣла съ ней на печи. Она все умѣетъ обобрала: что ни увидитъ, сейчасъ ей подавай, а сама все прячетъ. А когда всѣ улягутся спать, она и ну разбирать свое добро и шепчетъ и гладитъ всякой лоскутокъ! такой чудной старухи и не видывала я! вишь положи я ей ластовицы красныя въ рубашку, диви бы носила, нѣтъ, въ старомъ сарафанишкѣ ходитъ, а что получше — лежитъ. «Бабушка, да носи! ну куда берегти тебѣ?» скажешь ей, бывало, а она разсердится и кричитъ: «ты меня учишь! а по праздникамъ-то мнѣ что носить? меня ремычную дочь бросила и знать не хочетъ; кто же мнѣ-то поможетъ?» Я захворала: видно, съ непривычки жить въ избѣ; особенно ночью было тяжеленько: взвалятъ намъ съ бабушкой ребятишекъ малыхъ, внизу старикъ да Артамонъ съ женою, да еще сродники какіе-нибудь. Ну, просто хоть вонъ бѣги. А и ѣда не завидная! Все грязно, щи да каша и горшокъ-то отъ святой и до святой не вымоютъ. Да и то, признаться сказать, нѣкому и хозяйничать. Артамонъ день на работѣ, а жена если дома, придетъ. Старуха моя избаловалась, давай ей подарковъ всякой день, а я ужь все прожила, обдарила всѣхъ; у самой ничего не осталось. Я стала шить изъ лоскутковъ, что попало, и тѣмъ кормила себя и бабушку, которую Артамонъ ужь держать не хотѣлъ: «у тебя есть, говоритъ, внучка, пусть она тебя и кормитъ». Старуха начала совсѣмъ изъ ума выживать; цѣлый день ворчитъ на меня, то не такъ, другое не такъ. Поди, ищи у нея въ головѣ, когда нужно работать; жалуется всѣмъ, что у ней *внучка* не добрая. Просто замучила меня! Я, признаться ска-

вать, стала скучать объ Катѣ, да наконецъ и задумала ѣхать въ Питеръ; сказала бабушкѣ. Господи, Господи! что́ за вой подняла моя старуха, словно покойника хоронитъ. «Ты, говоритъ, на кого меня бросишь? да кто меня горемычную въ баню сведетъ? кто накормитъ? и умру-то я — нѣкому будетъ въ гробъ положить, и бросила меня родная дочь и знать не хочетъ свою старуху-мать!»

«Ну, что́, думаю, въ-самомъ-дѣлѣ, пожалуй умретъ безъ меня; не захотѣла еще на душу грѣха брать — осталась. А сама написала къ одной знакомой, чтобъ она дала мнѣ вѣсточку объ Катѣ. И получила отвѣтъ».

Дарья встала, подошла къ комоду и долго рылась; наконецъ она принесла Полинькѣ засаленную бумажку, которая почти распалась на-четверо отъ времени.

Долго Полинька трудилась и только могла разобрать: «Катерина Бѣлкова была больна.... умерла.... дочь.... осталась...»

— Не трудись, я помню, что́ написано, замѣтила Дарья и продолжала: «Катерина Петровна Бѣлкова умерла (ей, видишь «прозванье было Бѣлкова, а тебя ужь видно по крестному отцу «Климовой прозвали), у нея осталась дочь, которую взяла изъ «жалости сосѣдка ея Марья Прохорова».

«Я свѣту Божьяго не взвидѣла! вотъ ужь поплакала; такъ меня и тянуло въ Питеръ,—и опять думаю, ну, а какъ старуху бросить? думала, думала и послала письмо Марьѣ Прохоровой. Ужь я ее молила, молила, какъ могла, чтобъ она держала пока дочь Катерины Бѣлковой, что я заплачу ей за все, только пріѣду въ Петербургъ. Она мнѣ пишетъ.... да это-то вотъ письмо злодѣю горбуну и продала я.

«Я — пишетъ — призрѣла этого ребенка изъ жалости, мнѣ, «говоритъ, отданъ былъ также какой-то ребенокъ, и не про«стой, слышала я; дѣвочка такая нѣжная, и образокъ богатый «на шеѣ. Обѣщали много денегъ, да мало дали. Я держала ее, «думала, авось еще мать аль отецъ опомнятся, да заплатятъ. «На ту бѣду корь: она и умри! Образокъ на шеѣ у ней былъ— «я надѣла его сироткѣ, дочери Катерины Бѣлковой, Палашѣ. «Авось, можетъ статься, мать покойной-то дѣвочки отъищется, «такъ хоть этой счастье будетъ. Такъ вотъ — пишетъ — не«нужно мнѣ твоихъ денегъ, я взяла ее по доброму сердцу и такъ «прокормлю ее.» Вотъ какое письмо было, заключила Дарья.

— Такъ это-то письмо продала ты горбуну? спросила Полинька.

— Да, да, голубушка ты моя!

Полинька поняла печальную ошибку, по милости которой такъ долго жила у Бранчевскихъ въ неопредѣленномъ и томительномъ положеніи.

Дарья продолжала:

«Старуха моя стала хилѣть и ужь съ печи не вставала; словно малый ребенокъ сдѣлалась: разложитъ лоскутки около себя да и играетъ ими. Разъ ночью она меня будитъ. «Даша, а Даша, касаточка!» — Ну, что, бабушка? — «Да дай мнѣ, лебедушка, твои серьги.» — На что тебѣ ночью-то? — «Дай, голубушка моя, дай».... И стала хныкать. Я дала ей: думаю, пусть себѣ тѣшится старуха. Она обрадовалась, ворочалась долго возлѣ меня; я заснула.... Утромъ встаю, сошла съ печи, ижу бабушка закуталась и спитъ. Только заварила я ей чай, жду, кричу: «пора вставать, бабушка!» нѣтъ, все спитъ моя бабушка; я взлѣзла на печку, стала будить ее, да чуть не упала внизъ со страху. Старуха моя лежитъ и глазомъ не мигнетъ; на шеѣ ни бусы, одна серьга надѣта, а другая сжата въ рукѣ, лоскутки увѣшала себѣ голову... и страшно и смѣшно было на нее смотрѣть. Я похоронила ее, поплакала и стала собираться въ Петербургъ. Денегъ, что были у старухи, не нашла, всѣ уголки обыскала; старуха, видно, такъ ихъ запрятала, что никому они ужь и не достанутся.

«Первымъ дѣломъ, что я пріѣхала въ Питеръ, разумѣется, было искать Марью Прохорову. Я ужь ее искала, искала ровно съ мѣсяцъ — насилу нашла слѣды, да толку мало было. Она умерла, а ребенокъ, что у ней былъ, Богъ вѣсть куда дѣвался! Тебѣ тогда этакъ около пяти лѣтъ было, что ли,— кажись такъ, я, бывало, иду, да какъ увижу дѣвочку такихъ лѣтъ, кинусь къ ней, и ну глядѣть: все думаю, не ты ли? не узнаю ли я? Кажись, кабы я тогда тебя увидала, сейчасъ бы признала. И волосы-то точно ея, а глаза совсѣмъ какъ у дяди!

И Дарья съ какими-то странными ужимками заглядывала въ лицо Полиньки, смѣялась, плакала и бормотала несвязныя слова. Полинька, тронутая исторіей своихъ родныхъ, тоже заплакала. Дарья пришла въ отчаяніе; она забѣгала по комнатѣ и била себя въ грудь, повторяя:

— И она тоже плачетъ отъ меня! Господи, Господи!

Полинька перестала плакать и поспѣшила успокоить старуху, оторая впала въ другую крайность: она заливалась смѣхомъ, одпрыгивала, говорила безъ умолку, но безсвязно. Она облокила Полиньку старыми платьями, салопами, перьями, наколола а ея простенькую шляпку измятыхъ цвѣтовъ и любовалась ими. Наконецъ она вскрикнула:

— Ахъ, ты Господи! да что же это я ей портрета не покажу!

И Дарья кинулась къ комоду. Бережно принесла она къ Полинькѣ какой-то узелокъ, завязанный въ пестрый платокъ, рожащими руками развязала его и сказала:

— Вотъ этотъ платокъ твоего дяди; онъ въ послѣдній день воей жизни спросилъ его; говоритъ: «дай мнѣ, Катя, повязать орло».

Изъ платка посыпались краски и кисти.

— А вотъ его краски, продолжала Дарья и усердно стала азматывать полотенце.

Развернувъ его, она вынула небольшой портретъ, взглянула а него и дико засмѣялась и, подавая Полинькѣ, сказала какимъо строгимъ голосомъ:

— Смотри-ка! сказала она, подавая его Полинькѣ, какимъо строгимъ голосомъ. — Смотри-ка, какіе глаза-то у меня, мотри! а волосы? не хуже твоихъ! а?

И Дарья выдернула изъ головы у Полиньки гребенку: гутые, черные ея волосы разсыпались по плечамъ.... Дарья заила въ ладоши и стала смѣяться.

Полинька съ жадностью смотрѣла на портретъ молодой женщины, очень красивой собой. Она была одѣта въ бѣлый капотъ, въ ея черныхъ волосахъ была бѣлая роза. Чѣмъ пристальнѣе мотрѣла Полинька на портретъ, тѣмъ болѣе оживлялись черты рекрасной женщины, такъ-что Полинька вздрогнула.

— Это портретъ моей матери? спросила она.

Дарья жадно слѣдила за Полинькой, пока та разсматрива а портретъ, и самодовольно отвѣчала:

— Это я, это я, голубушка моя! а-га! не вѣрила мнѣ... ишь акія у меня брови-то!

И Дарья выхватила портретъ изъ рукъ Полиньки, поставила го на полъ у комода, сама стала въ уголъ и, припавши на полъ,

смотрѣла на портретъ, улыбалась ему, кивала головой и дѣлала ручкой.

Полинька вздрогнула; ей стало страшно, она окликнула Дарью. Дарья погрозила ей и попрежнему стала смотрѣть на портретъ. Долго она оставалась въ такомъ положеніи, потомъ вдругъ вскочила, спрятала проворно портретъ, закуталась въ простыню, сбросила съ себя чепчикъ, распустила свои длинные сѣдые волосы, достала какой-то смятый цвѣтокъ и воткнула его въ голову; долго она охорашивалась, наконецъ подошла къ Полинькѣ и спросила:

— А что? я похожа теперь на портретъ?

И, не дождавшись отвѣта, она сѣла въ уголъ и осталась неподвижно.

Полинька испугалась. Она видѣла, что старуха сильно расшевелила тяжелыя воспоминанія, что этотъ портретъ, котораго она не видала около тридцати лѣтъ, произвелъ болѣзненное впечатлѣніе на несчастную. И перепуганная Полинька кинулась къ шарманщику. Скоро собрались всѣ, стали окликать рябую старуху; но она не говорила ни слова, не шевелилась, не мигнула глазомъ. Наконецъ черезъ четверть часа старуха поднялась на ноги и сказала:

— Ухъ, устала!

Она сняла цвѣтокъ, надѣла чепчикъ. Въ ея лицѣ и въ движеніяхъ замѣтно было изнеможеніе.

— Ну, что вытаращили на меня глаза? сердито крикнула она на шарманщика и его жену: — не видали, что ли, какъ пишутъ портреты? надо сидѣть смирно, а вы меня кличите! Ну, развѣ можно поворачивать голову во всѣ стороны? глупые!

Глаза ея были дики, она улыбалась поминутно и, забравшись на постель, госкливо запѣла:

Ахъ, скажи, зачѣмъ меня ты полюбила.

Полинька кинулась къ женѣ шарманщика и въ отчаяніи вскрикнула:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! Она съ ума сошла!

ГЛАВА X.

ИТАТЕЛЬ УЗНАЕТЪ, КТО БЫЛЪ МЛАДЕНЕЦЪ, ПОДКИНУТЫЙ 17 АВГУСТА 179 ГОДА БОГАТОМУ ПОМѢЩИКУ.

Послѣ тонкаго обѣда и только-что разставшись съ друзьями, ульчиновъ сидѣлъ въ креслахъ, покуривая сигару; его полное немного раскраснѣвшееся лицо выражало столько спокойствія довольства, что каждый бы могъ позавидовать ему.

Передъ нимъ стоялъ поваръ, съ глубокомысленной думой на елѣ; онъ соображалъ обѣдъ къ завтрашнему дню. Тульчиновъ а сытый желудокъ дѣлалъ оцѣнку каждому предложенному люду. Если онъ чувствовалъ влажность на языкѣ при какомъ-ибудь кушаньи, то утверждалъ его на завтра.

— Ну, Артамонъ Васильичъ, у насъ, кажется, обѣдъ-то фор-ируется на аглицкой манеръ, сказалъ онъ.

— Да-съ! ужь росбивъ будетъ деликатный! отвѣчалъ Арта-онъ Васильичъ, съ гордостью.

— Ну, а супъ?

— А-ла тортю-съ!

— И-и-и! ты думаешь?

Тульчиновъ закрылъ глаза и съ минуту пребывалъ въ этомъ оложеніи, а поваръ не сводилъ съ него глазъ и нетерпѣливо ждалъ рѣшенія.

— Да, хорошо! пожалуй! нерѣшительно проговорилъ Туль-иновъ. — Ну, а третье блюдо? спросилъ онъ вдругъ.

Артамонъ Васильичъ поднялъ кверху глаза, будто искалъ дохновенія.

Но въ эту самую минуту поднялся въ передней страшный лумъ и говоръ. На лицѣ Тульчинова изобразилась досада, и, гля-я на повара, продолжавшаго искать вдохновенія, онъ нетерпѣ-иво спросилъ:

— Какой же соусъ?... экіе! позаняться ничѣмъ не дадутъ!

Вдругъ Яковъ, противъ своего обыкновенія, съ шумомъ ра-пахнулъ дверь и, запыхавшись, радостнымъ голосомъ сказалъ:

— Изъ деревни нарочный присланъ!

Трудно вообразить, какъ сильно подѣйствовали эти слова на ульчинова и на повара; они, лукаво улыбаясь, съ минуту б олвно глядѣли другъ на друга.

— Что, а? какъ нарочно, къ жаркому, вѣрно свѣжая дич радостно воскликнулъ Тульчиновъ.

— Не молочничекъ ли? съ восторгомъ замѣтилъ поваръ.

— Прикажете Ѳедора сюда позвать? спросилъ Яковъ.

— Зови, зови сюда! самодовольно потирая руки, отвѣчал Тульчиновъ. — Нѣтъ, продолжалъ онъ, сгарая нетерпѣніем — самъ пойду!

И старикъ вскочилъ и пошелъ къ двери. Пріѣзжій Ѳедоръ, съ краснымъ лицомъ, въ пагольномъ тулупѣ, въ длинныхъ, большихъ сапогахъ, былъ окруженъ дѣтьми, женщинами, кучерами и лакеями; всѣ въ одинъ голосъ дѣлали ему вопросы: кто про корову свою, кто про знакомыхъ, кто о матери, кто объ отцѣ.

Ѳедоръ вертѣлъ голову во всѣ стороны, и не зналъ, кому отвѣчать; Тульчиновъ, появившись въ прихожей, вывелъ его изъ затрудненія; въ минуту онъ остался одинъ. Ѳедоръ отвѣсилъ низкій поклонъ своему барину.

— Ну, здорово, здорово! сказалъ Тульчиновъ. — Что? все ли благополучно?

— Слава Богу-съ, все благополучно у насъ! съ новымъ поклономъ отвѣчалъ Ѳедоръ.

— Что, Филипъ Филипычъ прислалъ!...

— Да-съ, изволили прислать къ вашей милости.

Ѳедоръ озабоченно сунулъ руку за пазуху, бережно вынулъ изъ кожанаго большого мѣшка пакетъ и съ поклономъ подалъ его барину. Тульчиновъ подозрительно осмотрѣлъ пакетъ.

— Вотъ и письмо къ вашей милости отъ Филипа Филипыча, сказалъ Ѳедоръ, подавая письмо.

— Ну, а еще чего-нибудь прислали съ тобой?

— Никакъ нѣтъ-съ.... я-съ на почтовыхъ.

— Это что значитъ? съ удивленіемъ воскликнулъ Тульчиновъ.

— Не могу знать-съ, Филипъ Филипычъ приказалъ-съ.

Тульчиновъ тяжело вздохнулъ и сказалъ:

— Ну, накормите его хорошенько, пусть поживетъ въ Петербургѣ.

Ѳедоръ поклонился.

—Посылать нарочнаго—и не прислать ничего! съ грустію сказалъ Тульчиновъ, обращаясь къ повару, стоявшему позади. — Нехорошо, право, нехорошо!

Поваръ печально покачалъ головой, будто совершенно согласясь съ мнѣніемъ своего барина. Воротившись къ себѣ въ кабинетъ, Тульчиновъ усѣлся въ кресло и нехотя распечаталъ письмо своего управляющаго Филиппа Филипыча:

«Ваше высокоблагородіе! По милости Божіей, все у «насъ обстоитъ благополучно. Простите великодушно, «что никакого гостинца не прислано: вы ниже увидите «причину. Я по дѣлу былъ въ городѣ, какъ за мной при- «слала повивальная бабка Авдотья Петрова Р***. Я на- «шелъ ее на смертномъ одрѣ, то есть на краю гроба! «Она немедленно требовала переслать вашей милости «какія-то важныя бумаги; я и снарядилъ при мнѣ на- «ходившагося Ѳедора»....

Тульчиновъ далѣе не читалъ письма. Онъ бросилъ его на столъ и поспѣшно распечаталъ пакетъ отъ Авдотьи Петровой Р***. Писала она въ своемъ письмѣ слѣдующее:

«Я чувствую, что конецъ мой близокъ..... облегчите «великую грѣшницу и помогите ей загладить преступле- «ніе, которое она такъ долго скрывала. Тридцать че- «тыре года тому назадъ, августа 17 числа, въ девять «часовъ вечера, въ сѣняхъ вашего дома, былъ подки- «нутъ младенецъ мужескаго пола, съ письмомъ несча- «стной матери, которая умоляла васъ призрѣть сироту; «собственными руками положила я младенца, только- «что родившагося, въ вашихъ сѣняхъ. Вы какъ христі- «янинъ исполнили свой долгъ — воспитали сироту; но «гдѣ онъ теперь? и что съ нимъ? Да поможетъ вамъ «Богъ соединить сына съ отцомъ. Да! я страшная грѣ- «шница: лишила его, по просьбѣ несчастной матери, «законнаго отца. По адресу на моемъ письмѣ къ отцу «вашего питомца, вы отъищите его, и снимите съ моей «души тяжкій грѣхъ. Духовную мою прошу васъ пе- «редать тому, кого я лишила отца; если же мой грѣхъ «такъ ужасенъ, что кто-нибудь изъ нихъ уже умеръ, то «прошу васъ передать ее наслѣдникамъ вашего питомца; «знаю, что старый домишко можетъ быть вмѣстѣ со «мной рухнется, но все-таки земля стоитъ хоть что-ни- «будь. Вотъ намедни у исправника торговали его быв-

«[illegible] огорчалъ и очень [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible]
«[illegible].

«Сжальтесь надъ бѣдной страдалицей, [illegible] и
«смертномъ одрѣ желаетъ васъ видѣть и очистить свою
«грѣшную совѣсть. Съ [illegible] почтеніемъ пребыва-
«ю проч. Авдотья Р—ва.

По мѣрѣ чтенія, лицо Тульчинова хмурилось все сильнѣе и сильнѣе; но когда онъ прочелъ адресъ письма Авдотьи Петровны къ отцу его питомца, онъ пришелъ въ страшное волненіе, тотчасъ же приказалъ давать одѣваться, закладывать лошадей и, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ, повторялъ:

— Боже! какой случай, какой случай!

Однакожъ какъ ни былъ онъ встревоженъ, а не забылъ, что обѣдъ не былъ еще заказанъ.

— Ну, Артамонушка, скорѣе, ну, соусъ! говорилъ онъ одѣваясь. — Скорѣе! кричалъ онъ въ тоже время и Якову, а потомъ восклицалъ: — ну, кто бы могъ подумать?... ну, а пирожное!... Да что же ты? чуть не со слезами спросилъ Тульчиновъ, замѣтивъ, что поваръ совершенно растерялся, щелкалъ пальцами за спиной и покусывалъ губы.

— Ну, шляпу! и, надѣвъ шляпу, Тульчиновъ съ упрекомъ сказалъ повару:

— Грѣхъ тебѣ на старости лѣтъ быть разсѣяннымъ, а еще ты знаешь, что первое достоинство талантливаго повара — точность....

Поваръ готовился оправдываться, но Тульчиновъ поспѣшно вышелъ.

Дѣйствіе переносится въ серенькій деревянный домикъ, въ переулкѣ съ безконечными заборами. Горбунъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у стола, обложенный бумагами и счетами. Онъ радостно потиралъ руками, поглядывая на итоги подведенныхъ счетовъ. Но понемногу лицо его начало омрачаться, и, облокотясь на столъ рукою, онъ задумался. О чемъ? о Полинькѣ! другихъ мыслей онъ не имѣлъ съ той минуты, какъ задумалъ обладать ею. И чѣмъ болѣе являлось препятствій, тѣмъ сильнѣе кипѣло въ немъ упорное и невольное желаніе достичь своей цѣли. Онъ углубился въ самого себя, и спрашивая свою совѣсть, не могъ не сознаться, что всѣ его поступки противъ нея были

низки, безчеловѣчны, что всѣхъ слезъ, пролитыхъ ею съ той минуты, какъ они познакомились, — онъ одинъ причиною! Горбунъ вздрагивалъ при этой мысли и, будто оправдываясь передъ кѣмъ-нибудь, бормоталъ: «сама виновата! зачѣмъ ты дала мнѣ почувствовать въ первое время нашего знакомства, что меня можно терпѣть? зачѣмъ ты приняла участіе въ моемъ одиночествѣ? зачѣмъ мнѣ дала почувствовать своей чистотой сердца все, что́ во мнѣ было гнуснаго?» Горбунъ тихо засмѣялся и взялъ листокъ газеты, гдѣ было публиковано, что купецъ Василій Матвѣевъ сынъ Кирпичовъ оказался несостоятеленъ, и что на-дняхъ товаръ и имущество его будутъ продаваться съ аукціоннаго торгу. Горбунъ въ сотый разъ прочелъ эти строки, и не спуская съ нихъ глазъ, сказалъ:

— Ну, теперь посмотримъ, упрямое дитя! Тебя выгнали, ты голодна, тебѣ нѣкуда голову преклонить, тебя всѣ оставили, женихъ бросилъ, не пишетъ больше! а несчастная твоя подруга съ голодными дѣтьми проклинаетъ тебя! хе, хе, хе!... Нѣтъ, нѣтъ! я развѣ умру, такъ прощусь съ мыслью моей, видѣть тебя у моихъ ногъ. Да! и будешь ты меня цаловать, миловать....

Горбунъ побагровѣлъ и склонилъ голову на столъ. Много выстрадалъ онъ отъ своей дикой страсти; злобная его натура не могла и не хотѣла обвинять самого себя; онъ приписалъ всю вину Полинькѣ и тѣмъ свирѣпѣе ожесточился противъ нея и мстилъ ей за пренебреженіе его любви. Оставшись одинъ въ небольшой комнатѣ, на Козьемъ Болотѣ, онъ не притворялся слегъ въ постель отъ злобы, что ему помѣшали исполнить давно преслѣдуемый планъ. Онъ упалъ духомъ и уже готовъ былъ отказаться отъ своихъ видовъ на Полиньку, какъ вдругъ странное стеченіе обстоятельствъ крѣпко связало судьбу Полиньки съ его интересами. Въ домѣ, куда онъ же помѣстилъ ее, чрезъ Анисью Ѳедотовну, въ надеждѣ, что она испытаетъ тамъ много горя и униженія, Полинька нашла ласку и покровительство, живетъ въ довольствѣ.... Но она въ его власти, судьба ея у него въ рукахъ.... онъ торжествуетъ! дни и ночи разъискиваетъ онъ тайну рожденія Полиньки, очевидно связанную съ другой роковой тайной, глубоко хранимой, но извѣстной ему. Сначала онъ самъ сомнѣвался въ успѣхѣ своего дѣла; но случай все раскрылъ ему. Дарья въ кругу своихъ многочисленныхъ кумушекъ часто вспоминала о Катѣ, о Палашѣ — ея дочери,

которая исчезла Богъ вѣсть куда. Много денегъ передавалъ горбунъ, много обѣгалъ разныхъ старушонокъ, пока наконецъ напалъ на слѣдъ лоскутницы, въ рукахъ которой была разгадка тайны. Овладѣвъ наконецъ ею, онъ хладнокровно придумалъ звѣрскій планъ. Сначала угрозами и обманомъ хотѣлъ склонить Полиньку принадлежать ему, а ужь потомъ ему нетрудно было бы держать ее всю жизнь въ своей власти, имѣя въ рукахъ тайну ея рожденія. Но Полинька осталась вѣрна себѣ, и онъ рѣшился мстить! Месть была довольно жестокая. Изъ довольства Полинька впала вдругъ въ нищету; притомъ тайна, думалъ онъ, осталась неизвѣстна ей: она вѣрно плачетъ и терзается, считая Брянчевскую своей матерью. Пусть плачетъ! пусть терзается! чѣмъ больше узнаетъ она нужды и горя, тѣмъ скорѣй пойметъ свое безразсудство, раскается....

Такъ думалъ горбунъ. Размышленія его были прерваны приходомъ Харитона Сидорыча, бывшей правой руки Кирпичова. Перечумковъ, противъ обыкновенія, былъ веселъ; опухлое лицо его слегка опало.

— Что? сказалъ горбунъ послѣ первыхъ привѣтствій, указывая на газету съ именемъ Кирпичова: — выпустили изъ тюрьмы, поотдохнулъ тамъ отъ кутежа! хе, хе, хе!

— Да что, Борисъ Антонычъ, внесите кормовые — опять поступитъ! полно скупиться! поживились-таки отъ него, не жаль и кормить.... ха! ха! ха!

Долго и отвратительно смѣялись они. Наконецъ Правая Рука униженно сказалъ:

— Ну, батюшка Борисъ Антонычъ, изволили видѣть мою усердную службу, довольны ею? право, чего у васъ понапрасну кладовыя-то книгами завалены? начните подумавши, и его книги скупить можно. Какъ откросте магазинъ, такъ я день и ночь буду стараться, рубль на рубль пользы представлю. Я ужь знаю все, какъ слѣдуетъ дѣлать, чего хочетъ публика.. въ вашихъ рукахъ будетъ вся книжная торговля!

Горбунъ лукаво глядѣлъ на Правую Руку, барабаня пальцемъ по столу.

— Ну, а зачѣмъ же ты свой-то магазинъ не повелъ такъ? хе, хе, хе!

— Что говорить, Борисъ Антонычъ, отвѣчалъ Перечумковъ: дѣло прошлое, молодость... глупость..

— Хе, хе, хе! молодость! охъ мнѣ эта молодость! ну, мы еще поговоримъ послѣ; я вѣдь толку въ книгахъ не знаю!

— Ужь будьте покойны, съ жаромъ перебилъ Правая Рука: — я поведу дѣло на славу, не ударю себя лицомъ въ грязь; вамъ ничего и не нужно знать; только счеты будете пересматривать.

— Хорошо, хорошо! ну а что, его жены не видалъ?

— Видѣлъ, вчера. Забилась, сердечная, Богъ знаетъ куда, за Тучковъ мостъ; домишко еле держится...

— Что плачетъ?

— У, какъ горько! я пришелъ, она и ну меня проклинать: вы, говоритъ-съ...

Правая Рука остановился.

— Ну, говори, говори! подхватилъ горбунъ, усмѣхаясь.—Не бось бранится? извѣстно, коли баба разозлится, не жди хорошаго!

Правая Рука улыбаясь продолжалъ:

— Вы, говоритъ, съ этимъ... Добротинымъ погубили насъ,— и Василья Матвѣича, и меня, и дѣтей нашихъ по-міру пустили!

— Хе, хе, хе! А что, о неи не упоминала? а? спросилъ горбунъ.

— Нѣтъ.

— Такъ если опять поѣдешь, скажи, знаешь, мимоходомъ, что она у меня сидитъ: вмѣстѣ, дескать, счеты сводятъ.

— Хорошо-съ, извольте... ну а насчетъ магазина что же?

— Экой пристадъ! положди, дай мнѣ сообразиться, и денегъ нѣтъ столько! сердито сказалъ горбунъ.

Правая Рука недовѣрчиво поглядѣлъ на него и, низко кланяясь, сказалъ:

— Такъ завтра понавѣдаться прикажете?

— Ну, зайди, зайди! да не забудь, такъ и скажи, что молъ считаетъ съ нимъ. Хе, хе, хе!

Перечумковъ ушелъ, а горбунъ долго смѣялся, потирая руки, какъ человѣкъ совершенно счастливый. Послышался стукъ въ дверь, которая впрочемъ была полураскрыта; горбунъ вздрогнулъ.

— Войдите! сказалъ онъ сердито: — дверь не заперта.

На порогѣ появился гость, совершенно неожиданный, судя по удивленію горбуна. То былъ Тульчиновъ.

«шій огородъ и очень выгодно давали. Земля здѣсь до-
«рожаетъ.

«Сжальтесь надъ бѣдной страдалицей, которая в
«смертномъ одрѣ молитъ васъ помочь ей очистить свою
«грѣшную совѣсть. Съ низкимъ почтеніемъ пребываю
«и проч. Авдотья Р***».

По мѣрѣ чтенія, лицо Тульчинова хмурилось все сильнѣе и сильнѣе; но когда онъ прочелъ адресъ письма Авдотьи Петровны къ отцу его питомца, онъ пришелъ въ страшное волненіе: тотчасъ же приказалъ давать одѣваться, закладывать лошадей и, расхаживая скорыми шагами по комнатѣ, повторялъ:

— Боже! какой случай, какой случай!

Однакожь какъ ни былъ онъ встревоженъ, а не забылъ, что обѣдъ не былъ еще заказанъ.

— Ну, Артамонушка, скорѣе, ну, соусъ! говорилъ онъ одѣваясь. — Скорѣе! кричалъ онъ въ тоже время и Якову, а потомъ восклицалъ: — ну, кто бы могъ подумать?... ну, а жаркое!... Да что же ты? чуть не со слезами спросилъ Тульчиновъ, замѣтивъ, что поваръ совершенно растерялся, щелкалъ пальцемъ за спиной и покусывалъ губы.

— Ну, шляпу! и, надѣвъ шляпу, Тульчиновъ съ упрекомъ сказалъ повару:

— Грѣхъ тебѣ на старости лѣтъ быть разсѣяннымъ, а еще ты знаешь, что первое достоинство талантливаго повара — точность....

Поваръ готовился оправдываться, но Тульчиновъ поспѣшно вышелъ.

Дѣйствіе переносится въ серенькій деревянный домикъ, въ переулкѣ съ безконечными заборами. Горбунъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, у стола, обложенный бумагами и счетами. Онъ радостно потиралъ руками, поглядывая на итоги подведенныхъ счетовъ. Но понемногу лицо его начало омрачаться, и, облокотясь на столъ рукою, онъ задумался. О чемъ? о Полинькѣ! другихъ мыслей онъ не имѣлъ съ той минуты, какъ задумалъ обладать ею. И чѣмъ болѣе являлось препятствій, тѣмъ сильнѣе кипѣло въ немъ упорное и невольное желаніе достичь своей цѣли. Онъ углубился въ самого себя, и спрашивая свою совѣсть, не могъ не сознаться, что всѣ его поступки противъ нея были

низки, безчеловѣчны, что всѣхъ слезъ, пролитыхъ ею съ той минуты, какъ они познакомились, — онъ одинъ причиною! Горбунъ вздрагивалъ при этой мысли и, будто оправдываясь передъ кѣмъ-нибудь, бормоталъ: «сама виновата! зачѣмъ ты дала мнѣ почувствовать въ первое время нашего знакомства, что меня можно терпѣть? зачѣмъ ты приняла участіе въ моемъ одиночествѣ? зачѣмъ мнѣ дала почувствовать своей чистотой сердца все, что̀ во мнѣ было гнуснаго?» Горбунъ тихо засмѣялся и взялъ листокъ газеты, гдѣ было публиковано, что купецъ Василій Матвѣевъ сынъ Кирпичовъ оказался несостоятеленъ, и что на-дняхъ товаръ и имущество его будутъ продаваться съ аукціоннаго торгу. Горбунъ въ сотый разъ прочелъ эти строки, и не спуская съ нихъ глазъ, сказалъ:

— Ну, теперь посмотримъ, упрямое дитя! Тебя выгнали, ты голодна, тебѣ нѣкуда голову преклонить, тебя всѣ оставили, женихъ бросилъ, не пишетъ больше! а несчастная твоя подруга съ голодными дѣтьми проклинаетъ тебя! хе, хе, хе!... Нѣтъ, нѣтъ! я развѣ умру, такъ прощусь съ мыслью моей, видѣть тебя у моихъ ногъ. Да! и будешь ты меня цаловать, миловать....

Горбунъ побагровѣлъ и склонилъ голову на столъ. Много выстрадалъ онъ отъ своей дикой страсти; злобная его натура не могла и не хотѣла обвинять самого себя; онъ приписалъ всю вину Полинькѣ и тѣмъ свирѣпѣе ожесточился противъ нея и мстилъ ей за пренебреженіе его любви. Оставшись одинъ въ небольшой комнатѣ, на Козьемъ Болотѣ, онъ не притворяясь слегъ въ постель отъ злобы, что ему помѣшали исполнить давно преслѣдуемый планъ. Онъ упалъ духомъ и уже готовъ былъ отказаться отъ своихъ видовъ на Полиньку, какъ вдругъ странное стеченіе обстоятельствъ крѣпко связало судьбу Полиньки съ его интересами. Въ домѣ, куда онъ же помѣстилъ ее, чрезъ Анисью Ѳедотовну, въ надеждѣ, что она испытаетъ тамъ много горя и униженія, Полинька нашла ласку и покровительство, живетъ въ довольствѣ.... Но она въ его власти, судьба ея у него въ рукахъ.... онъ торжествуетъ! дни и ночи разъискиваетъ онъ тайну рожденія Полиньки, очевидно связанную съ другой роковой тайной, глубоко хранимой, но извѣстной ему. Сначала онъ самъ сомнѣвался въ успѣхѣ своего дѣла; но случай все раскрылъ ему. Дарья въ кругу своихъ многочисленныхъ кумушекъ часто вспоминала о Катѣ, о Палашѣ — ея дочери,

которая исчезла Богъ вѣсть куда. Много денегъ передавалъ горбунъ, много обѣгалъ разныхъ старушонокъ, пока наконецъ напалъ на слѣдъ лоскутницы, въ рукахъ которой была разгадка тайны. Овладѣвъ наконецъ ею, онъ хладнокровно придумалъ звѣрскій планъ. Сначала угрозами и обманомъ хотѣлъ склонить Полиньку принадлежать ему, а ужь потомъ ему нетрудно было бы держать ее всю жизнь въ своей власти, имѣя въ рукахъ тайну ея рожденія. Но Полинька осталась вѣрна себѣ, и онъ рѣшился мстить! Месть была довольно жестокая. Изъ довольства Полинька впала вдругъ въ нищету; притомъ тайна, думалъ онъ, осталась неизвѣстна ей: она вѣрно плачетъ и терзается, считая Брянчевскую своей матерью. Пусть плачетъ, пусть терзается! чѣмъ больше узнаетъ она нужды и горя, тѣмъ скорѣй пойметъ свое безразсудство, раскается....

Такъ думалъ горбунъ. Размышленія его были прерваны приходомъ Харитона Сидорыча, бывшей правой руки Кирпичова. Перечумковъ, противъ обыкновенія, былъ веселъ; опухлое лицо его слегка опало.

— Что? сказалъ горбунъ послѣ первыхъ привѣтствій, указывая на газету съ именемъ Кирпичова: — выпустили изъ тюрьмы, поотдохнулъ тамъ отъ кутежа! хе, хе, хе!

— Да что, Борисъ Антонычъ, вносите кормовые — опять поступитъ! полно скупиться! поживились-таки отъ него, не жаль и кормить.... ха! ха! ха!

Долго и отвратительно смѣялись они. Наконецъ Правая Рука униженно сказалъ:

— Ну, батюшка Борисъ Антонычъ, изволили видѣть мою усердную службу, довольны ею? право, чего у васъ понапрасну кладовыя-то книгами завалены? начните подумавши, и его книги скупить можно. Какъ откросте магазинъ, такъ я день и ночь буду стараться, рубль на рубль пользы представлю. Я ужь знаю все, какъ слѣдуетъ дѣлать, чего хочетъ публика.. въ вашихъ рукахъ будетъ вся книжная торговля!

Горбунъ лукаво глядѣлъ на Правую Руку, барабаня пальцемъ по столу.

— Ну, а зачѣмъ же ты свой-то магазинъ не повелъ такъ? хе, хе, хе!

— Что говорить, Борисъ Антонычъ, отвѣчалъ Перечумковъ: *дѣло прошлое*, молодость... глупость..

— Хе, хе, хе! молодость! охъ мнѣ эта молодость! ну, мы це поговоримъ послѣ; я вѣдь толку въ книгахъ не знаю!

— Ужь будьте покойны, съ жаромъ перебилъ Правая Ру-а: — я поведу дѣло на славу, не ударю себя лицомъ въ грязь; амъ ничего и не нужно знать; только счеты будете пересма-ривать.

— Хорошо, хорошо! ну а что, его жены не видалъ?

— Видѣлъ, вчера. Забилась, сердечная, Богъ знаетъ куда, а Тучковъ мостъ; домишко еле держится...

— Что плачетъ?

— У, какъ горько! я пришелъ, она и ну меня проклинать: ы, говоритъ-съ...

Правая Рука остановился.

— Ну, говори, говори! подхватилъ горбунъ, усмѣхаясь.—Не ось бранится? извѣстно, коли баба разозлится, не жди хоро-аго!

Правая Рука улыбаясь продолжалъ:

— Вы, говоритъ, съ этимъ... Добротинымъ погубили насъ,— Василья Матвѣича, и меня, и дѣтей нашихъ по-міру пустили!

— Хе, хе, хе! А что, о ней не упоминала? а? спросилъ горбунъ.

— Нѣтъ.

— Такъ если опять поѣдешь, скажи, знаешь, мимоходомъ, то она у меня сидитъ: вмѣстѣ, дескать, счеты сводятъ.

— Хорошо-съ, извольте... ну а насчетъ магазина что же?

— Экой присталъ! положди, дай мнѣ сообразиться, и де-егъ нѣтъ столько! сердито сказалъ горбунъ.

Правая Рука недовѣрчиво поглядѣлъ на него и, низко кла-яясь, сказалъ:

— Такъ завтра понавѣдаться прикажете?

— Ну, зайди, зайди! да не забудь, такъ и скажи, что молъ читаетъ съ нимъ. Хе, хе, хе!

Перечумковъ ушелъ, а горбунъ долго смѣялся, потирая ру-и, какъ человѣкъ совершенно счастливый. Послышался стукъ ь дверь, которая впрочемъ была полураскрыта; горбунъ вздро-нулъ.

— Войдите! сказалъ онъ сердито: — дверь не заперта.

На порогѣ появился гость, совершенно неожиданный, судя о удивленію горбуна. То былъ Тульчиновъ.

Горбунъ въ смущеніи низко кланялся. Запыхавшійся Тульчиновъ сѣлъ у стола и, указывая горбуну на его прежнее мѣсто, сказалъ:

— Сядь, братецъ. Я пришелъ переговорить съ тобой по важному дѣлу; ты устанешь стоять.

Горбунъ пугливо поглядѣлъ на него: онъ вспомнилъ, по какому важному дѣлу съ годъ тому назадъ Тульчиновъ уже приходилъ къ нему.

— Ну, скажи мнѣ, вѣдь ты былъ женатъ? а?

— Былъ-съ! свободно вздохнувъ, отвѣчалъ горбунъ.

— Это было лѣтъ тридцать слишкомъ назадъ?

— Такъ-съ точно, слишкомъ тридцать лѣтъ.

— Ты жилъ тогда въ У** губерніи?

— Такъ-съ.

— И женатъ былъ всего около году?

— Да-съ, отвѣчалъ горбунъ, пытливо поглядѣвъ на Тульчинова и сдѣлавъ смиренную физіономію: — Богъ лишилъ меня молодой и очень доброй жены.

— У тебя были дѣти?

— Нѣтъ-съ... Но позвольте узнать, для чего вамъ желательно знать...

— Нужно! лаконически отвѣчалъ Тульчиновъ и, вынувъ изъ кармана письмо, заглянулъ въ него.

— Ты много мучилъ свою жену? спрашивалъ онъ: — ты оскорблялъ ее низкими и несправедливыми подозрѣніями, когда она была беременна? она уѣхала отъ тебя?

— Господи! кто вамъ такихъ ужасовъ насказалъ? мы жили дружно и согласно.

— Лжешь!

Горбунъ вздрогнулъ.

— Говорю тебѣ, что ты лжешь! Говори всю правду. Теперь поздно и безполезно, да и трудно скрыть отъ меня истину.

— Она.... она, знаете, капризная была; но я съ ней хорошо обходился, запинаясь началъ горбунъ.

— Отвѣчай на мои вопросы! Ты довелъ ее до того, что она бѣжала отъ тебя?

Горбунъ почти незамѣтно кивнулъ головой.

— Ты ее нашелъ уже при-смерти больной?

— Да, она по неопытности поѣхала на телѣгѣ беременная.... выкинула, а потомъ и сама умерла скоро.

Тульчиновъ задумался; въ комнатѣ было тихо; горбунъ не пускалъ глазъ съ своего гостя.

— Ну, не знавалъ ли ты, спросилъ вдругъ Тульчиновъ:—не стрѣчалъ ли купца по прозванью Кирпичова.... вотъ еще магазинъ книжный....

— Ужь опечатанъ и будетъ скоро продаваться съ аукціона! радостно подхватилъ горбунъ.

— Знаю, сказалъ Тульчиновъ, покачавъ головой. — Онъ наняхъ приходилъ ко мнѣ и просилъ денегъ, сумму очень большую, чтобъ удовлетворить одного своего кредитора, самаго главнаго и самаго неумолимаго.... Ужь не ты ли?

— Онъ-съ человѣкъ-то ненадежный, извините-съ! извините-съ! сказалъ горбунъ, усмѣхаясь и потирая руки.

— Знаю! сказалъ Тульчиновъ. — Я его лучше тебя знаю. Послушай. Въ 179***. когда я былъ въ своей усадьбѣ У* губерніи, вечеромъ подкинули мнѣ младенца. Я принялъ его; когда онъ подросъ, я велѣлъ управляющему учить его. Потомъ я уѣхалъ за границу. Пріѣзжаю: онъ ужь взрослый малый. Я рачиталъ, что купеческая карьера для него самая лучшая, и помѣстилъ его на первый разъ въ прикащики, въ ближайшемъ городѣ Ш***, къ купцу П***. Съ той поры я потерялъ его изъ виду. Только стороной доходили до меня слухи, что онъ уже открылъ свою лавку, и я радовался за него. Наконецъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ появился здѣсь книжный магазинъ. Я узналъ, что этотъ магазинъ принадлежитъ моему прежнему воспитаннику, котораго я по имени его крестнаго отца, моего правителя, назвалъ Кирпичовымъ. Я слышалъ о немъ много хорошаго и, признаюсь, радовался, что онъ забылъ меня. Но наконецъ недавно онъ явился ко мнѣ и умолялъ спасти его отъ гибели. Я отказалъ ему, думая, что лучше будетъ помочь его несчастной женѣ и дѣтямъ.

— Да-съ! трое малютокъ, жена! и вѣдь весь капиталъ-то почти ея былъ, соболѣзнуя сказалъ горбунъ.

Но не въ этомъ дѣло. Есть ли надежда спасти его, поправить его дѣла? строго спросилъ Тульчиновъ.

— Нѣтъ, никакой-съ! радостно отвѣчалъ горбунъ, покачивая головой.

— Ты его главный кредиторъ?

— Я—съ.

— Я увѣренъ, что ты не очень чисто поступалъ въ этомъ дѣлѣ. Слушай, я.... я прошу тебя, уладь дѣло какъ можно скорѣе; это твоя личная выгода, да! пойди, прими участіе, поправь дѣло; онъ слишкомъ озлобленъ противъ тебя, пойди помирись съ нимъ! растроганнымъ голосомъ сказалъ Тульчиновъ.

Горбунъ тихо засмѣялся прямо ему въ лицо, и, пожимая плечами, сказалъ:

— Какъ же это можно! я ужь и такъ много потеряю, а тутъ еще мириться, да вы изволите шутить!

Тульчиновъ стиснулъ зубы и протяжно сказалъ:

— Чорствая душа! я стану шутить, когда человѣкъ гибнетъ, когда его жена можетъ быть призываетъ проклятія на твою голову, можетъ быть она теперь говоритъ своимъ дѣтямъ, что ты убійца ихъ отца!. .

Тульчиновъ пришелъ въ сильное волненіе. Съ отвращеніемъ взглянувъ на наглое спокойное лицо горбуна, онъ продолжалъ болѣе спокойнымъ голосомъ:

— Часъ твой пришелъ. Я хотѣлъ приготовить тебя къ скаянію, но ты самъ отвергнулъ его. На, читай, читай!

И Тульчиновъ подалъ всѣ письма, привезенныя ему, часъ тому назадъ Ѳедоромъ

Горбунъ тревожно взялъ письма, долго онъ не рѣшался читать, искоса поглядывая на Тульчинова, который ходилъ по компатѣ.

Читая письмо къ Тульчинову, горбунъ все еще усмѣхался: но когда прочелъ онъ письмо, адресованное ему Авдотьей Петровной Р***, лицо его сдѣлалось страшно, онъ задрожалъ и упалъ на стулъ.

— А! сказалъ Тульчиновъ. — Ты не ожидалъ такой кары за свои дѣла! Богъ справедливъ! я пожалѣлъ тебя: и хотѣлъ сначала помирить васъ, а ужь потомъ объявить тебѣ страшную тайну. Но теперь поздно!

— Я не вѣрю, это обманъ! это подлогъ! меня хотятъ разжалобить! воскликнулъ горбунъ, впившись своими сверкающими глазами въ лицо Тульчинова.

Тульчиновъ спокойно вынулъ изъ портфеля маленькую записку и, подавая ее горбуну, сказалъ:

— На, читай и смотри, чья рука?

Заглянувъ въ записку, горбунъ дико вскрикнулъ и закрылъ лицо руками; потомъ онъ схватилъ ее и какъ помѣшанный сталъ читать. Поминутно протирая глаза, то всхлипывая, то дѣлая угрожающія движенія, онъ прочелъ дрожащимъ голосомъ:

«Всѣмъ, что̀ для васъ есть святого, заклинаю васъ, призрите сироту; онъ законнорожденный, но страшныя обстоятельства заставляютъ мать просить васъ замѣнить этому несчастному ребенку родителей. Я увѣрена, что онъ будетъ счастливъ, если вы не отвергнете его. Объ этомъ умоляетъ васъ умирающая мать....

179*, августа 17-го.

Съ послѣднимъ прочитаннымъ словомъ голосъ его замеръ, рука ослабла, роковая записка упала. Тульчиновъ съ невольнымъ трепетомъ наблюдалъ, какъ постепенно мертвѣло лицо горбуна, какъ проникалась каждая черта его глубокимъ страданьемъ. Онъ молчалъ, но Тульчинову слышались стоны, которыми, казалось, хотѣло и не могло разрѣшиться пораженное и убитое сердце несчастнаго отца; глаза его были сухи, но не такъ были бы страшны они, еслибъ хлынули изъ нихъ цѣлыя рѣки слезъ.

— Богъ наказалъ меня! наконецъ тихо произнесъ горбунъ и упалъ лицомъ на столъ.

Стоны безотраднаго отчаянія наполнили комнату. Все, чѣмъ нынѣ теперь его потрясенное сердце, высказалось въ нихъ. Онъ вѣчно былъ чуждъ всему міру и міръ былъ чуждъ ему. Узы любви и братства были ему невѣдомы, и ни однажды въ жизни не было согрѣто его сердце теплымъ участіемъ, искреннею привязанностью. Для него въ цѣломъ мірѣ не билось ни одно сердце. Онъ имѣлъ только враговъ и самъ былъ врагъ всѣмъ. А между тѣмъ и для него возможны были радости участія и любви. Но очерствѣлое, озлобленное сердце не подсказало ему, что губитъ онъ родное дѣтище, что возстановляетъ, ожесточаетъ онъ противъ себя единственное существо, которое не погнушалось бы его безобразіемъ, не посмѣялось бы надъ его чувствомъ!....

. . . . . .

— Кажется, и для него настала минута раскаянія, сказалъ Тульчиновъ, прислушиваясь къ отчаяннымъ стонамъ горбуна.

Долго рыдалъ горбунъ, наконецъ вскочилъ съ необыкновенной живостью и кинулся къ своему бюро, отперъ его, выдвинулъ всѣ ящики; дрожащими руками бралъ онъ деньги и набивалъ ими карманы. По его блѣдному лицу текли слезы.

— Ты лучше спѣши обнять своего сына и его дѣтей, а деньги понадобятся послѣ, сказалъ Тульчиновъ.

Ничего не отвѣчая, горбунъ съ такой скоростью послѣдовалъ его совѣту, что Тульчиновъ едва догналъ его.

Какъ только они ушли, рыжая голова показалась въ дверяхъ и стала осматриваться. Медленно, осторожно вошелъ въ комнату Волчокъ и прямо кинулся къ раскрытому бюро.

Н. НЕКРАСОВЪ. — Н. СТАНИЦКІЙ.

II.

ОБЗОРЪ СОБЫТІЙ РУССКОЙ ИСТОРІИ,

ОТЪ КОНЧИНЫ ЦАРЯ ѲЕОДОРА ІОАННОВИЧА ДО ВСТУПЛЕНІЯ НА ПРЕСТОЛЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

ГЛАВА VII.

ОКОНЧАНІЕ ЦАРСТВОВАНІЯ ВАСИЛІЯ ІОАННОВИЧА ШУЙСКАГО.

Въ то время, какъ Московское государство раздиралось усобицами, когда Шуйскій полагалъ спасеніе свое въ нѣсколькихъ тысячахъ иноземцевъ, — въ это время Польша оставалась спокойною, не хотѣла воспользоваться его бѣдственнымъ состояніемъ, чтобъ возвратить земли, отнятыя московскими государями у Александра и Сигизмунда I-го. Неужели Польша довольствовалась только тѣмъ, что могла кормить своихъ авантюристовъ въ сосѣдней державѣ? Что была за причина такой недѣятельности? Причина эта лежала въ самомъ строѣ Польскаго государства, который давно уже заставилъ его потерять вліяніе на сосѣднія страны. Въ началѣ царствованія Шуйскаго Сигизмунду было не до Москвы: онъ былъ въ открытой войнѣ съ своими подданными, не былъ въ состояніи ни объявить войны Шуйскому, ни выполнить мирный договоръ воспрепятствованіемъ Лисовскому, Сапѣгѣ и другимъ служить Лжедимитрію; съ другой стороны, занимала его война со шведами въ Лифляндіи; такъ-что онъ долженствовалъ быть доволенъ уже и тѣмъ, что появленіе Самозванца мѣшало Шуйскому

объявить себя противъ Польши. Но скоро обстоятельства нѣсколь перемѣнились: внутреннія смуты въ Польшѣ прiутихли; коро было болѣе досуга заняться дѣлами внѣшними, а между тѣмъ п дѣла Московскаго государства внѣшалась чуждая и враждебн Польшѣ держава. Сигизмундъ могъ ждать спокойно развязки дѣл. пока Шуйскій боролся съ Самозванцемъ: если бы послѣднему уд лось свергнуть перваго и сѣсть на московскомъ престолѣ, то этим не прекратились бы смуты въ государствѣ; слѣдовательно Польш бояться было нечего. Но когда Шуйскій завелъ переговоры с шведами, съ Карломъ IX, заклятымъ врагомъ Сигизмунда и Польш когда слѣдовательно во внутреннія дѣла Московскаго государств внѣшалась чужая держава и притомъ враждебная Польшѣ, вѣшал лась съ явною цѣлію усилить свое вліяніе и пріобрѣсть выгоды, тогда уже для Сигизмунда оставаться въ покоѣ было крайнею бе разсудностію (1); и какъ скоро въ Польшѣ узнали о переговорах Шуйскаго съ шведами, то уже и начали думать о войнѣ съ Моск вою. Сначала Сигизмундъ хотѣлъ, чтобъ дѣло обошлось безъ сей но этому воспротивились; впрочемъ король напрасно опасался сей ма: онъ встрѣтилъ противорѣчіе только въ трехъ или четырехъ с наторахъ; всѣ остальные были за походъ (2); о нарушеніи вѣчн мирія толковать было нечего: польское правительство наруш его, позволивъ своимъ подданнымъ, вопреки договору, помо Самозванцу, и Шуйскій, заключая оборонительный и наступател ный союзъ съ шведами противъ Польши, считалъ уже перемир нарушеннымъ. Король, выступая въ походъ, долженъ былъ поста стить сенаторамъ, что онъ отправляется въ Литву для наблюдені за войною съ шведами въ Лифляндіи и за ходомъ дѣлъ въ Россіи, обѣщаясь имѣть въ виду только однѣ выгоды республики (3). Это обѣщаніе важно для насъ, ибо показываетъ, съ какой точки зрѣнія должны мы смотрѣть на поведеніе Сигизмунда относительно нашего отечества. Упрекаютъ Сигизмунда въ близорукости, въ безразсу номъ упрямствѣ, упрекаютъ его въ томъ, что онъ непремѣнно хо тѣлъ взять Смоленскъ, не послалъ тотчасъ сына своего Владислава въ Москву, раздражилъ тѣмъ русскихъ и произвелъ возстаніе, кон чившееся избраніемъ Михаила Ѳеодоровича. Но мы должны обра тить вниманіе на положеніе Сигизмунда, который не смѣлъ преслѣ довать своихъ династическихъ цѣлей, обязавшись думать только о выгодахъ республики: какъ бы онъ могъ возвратиться въ Польшу, явиться предъ сеймомъ, потративши польскую кровь и деньги для

(1) Naruszewicz-Historia Iana Karola Chodkiewicza, I, IV, 253 et sqq.

(2) Рукопись Жолкѣвскаго, стр. 30.

(3) Narusz. Chodk I, VI. примѣч. 114.—Москвичъ, въ Сказ. Соврем., стр. 16.

го только, чтобы посадить сына своего на московскій престолъ, при чемъ Польша не получала ни одной пяди русской земли? Другое дѣло покореніе Москвы ему, Сигизмунду, т. е. присоединеніе Московскаго государства къ Польшѣ: это было выгодно для послѣдней, слѣдовательно этого Сигизмундъ могъ добиваться; но прежде онъ долженъ былъ овладѣть какою-нибудь областію для Польши, чтобы достигнуть цѣли своего похода, доставить рѣчи посполитой что-нибудь вѣрное, тогда-какъ овладѣніе Москвою было такимъ предпріятіемъ, котораго успѣхъ былъ очень сомнителенъ. Возразятъ, что возведеніе Владислава на престолъ московскій было такъ же выгодно для Польши: но, прежде всего не должно упускать изъ виду, что престолъ польскій былъ избирательный, что по смерти Сигизмунда сынъ его Владиславъ, царь московскій, могъ быть избранъ королемъ польскимъ и нѣтъ; что прежніе цари московскіе бывали такъ же кандидатами на польскій престолъ, но не достигали его по невозможности согласить интересы московскіе съ польскими; а эта невозможность должна была существовать и при Владиславѣ, потому что если бы королевичъ, сидя на московскомъ престолѣ, вздумалъ быть полезенъ Польшѣ, то ему не миновать бы участи Лжедимитрія. Однимъ словомъ, Сигизмундъ, связанный безнарядьемъ строемъ Польши, не могъ иначе дѣйствовать, какъ дѣйствовалъ. Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литва не могла позабыть такой важной потери, ибо этотъ городъ, ключъ днѣпровской области, считался твердынею неприступною: если его брали, то брали измѣною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода смоленскій Шеинъ и жители охотно сдадутся ему; король не хотѣлъ упускать такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ сѣверскую землю, гдѣ худо укрѣпленные городки не могли оказать упорнаго сопротивленія (1). Для подтвержденія сказанному выше о положеніи Сигизмунда, приведу письмо какого-то Отоевскаго изъ Польши къ какому-то Вашійскому въ Лифляндію отъ 12 декабря 1608 года.

Отоевскій извѣщаетъ о наймѣ шведами полковъ на помощь Шуйскому, при чемъ прибавляетъ: «И намъ нынѣ положитися во всемъ на всемогущаго Бога и упованіе все держати на тѣхъ, которые нынѣ въ русской землѣ *пасутся*, потому что имъ по ся мѣста все счастливо на руки шло... что нынѣ мірская молва здѣсь, что наши мало не всею русскою землею обладали, опрочѣ Москвы и Новгорода и иныхъ невеликихъ городовъ. И аще бы тако воисти-

(1) Рукоп. Жолкѣв., стр. 31, 32.

нѣ, и чтобъ намъ.... тѣми обычьи овладѣти, и я вашей ласк
надежно и тайно объявляю, что его королевское величество и
польскіе владѣльцы на будущемъ съѣздѣ однолично положатъ
томъ.... чтобъ посадити нашихъ земель добрыхъ людей, и
которыхъ бы мочно въ нужномъ времени надежи держати: и так
бы нынѣ *раньше, поколѣ тѣ иноземцы, которыхъ Карлусъ Король н
нялъ, на Русь придутъ*, тѣмъ бы промыслити, чтобъ того Шуйскаг
со всѣми его пріятели раззорити и искоренити до основанія, как
мы однолично чаемъ и есть мое мнѣніе, что мы потомъ будем
имѣть верхъ» (1). Это письмо любопытно для насъ, показывая, во-
первыхъ, какъ переговоры Шуйскаго съ шведами вывели Польш
изъ бездѣйствія; во-вторыхъ, показывая цѣль похода сигизмундов
для поляковъ — покореніе Московскаго государства, овладѣніе его
областями, а не династическій интересъ короля, который находил
въ прямой противоположности съ означенными ожиданіями народа
и о которомъ слѣдовательно Сигизмундъ не могъ думать прежд
удовлетворенія народному ожиданію (2).

Было сказано, что интересъ поляковъ не совпадалъ съ династи-
ческимъ интересомъ короля: поляки хотѣли воспользоваться смут-
нымъ состояніемъ Московскаго государства для завоеванія, для при-
соединенія областей. Но это завоеваніе не могло быть легко, ес
поляки вступали въ московскія области съ явно враждебнымъ ви-
домъ, съ явно высказанною цѣлію завоеванія. Москва была раздѣл
между двумя искателями престола; чтобъ облегчить себѣ завоеван
русскихъ областей, Польша должна была выставить также искател
должна была выставить королевича Владислава, на котораго еще
при жизни перваго Лжедимитрія указывали бояре, о которомъ не-
которые изъ нихъ думали и теперь, какъ доносили Сигизмунду (3);
итакъ, посаженіе Владислава на престолъ московскій было только
предлогомъ для достиженія цѣли, но не могло быть цѣлію сигизмун-
дова похода.

Обо всѣхъ зачинаніяхъ въ Польшѣ зналъ Шеинъ, смоленскій
воевода, который посылалъ въ Литву за рубежъ своихъ лазутчи-
ковъ или *лазучниковъ*; лазутчики приносили ему вѣсти, слышанныя
ими отъ своихъ *сходниковъ*, т. е. людей подкупленныхъ, которые,

(1) Акты арх. эксп. т. II, № 92.

(2) Подтвержденіемъ сказанному служитъ также письмо Жолкѣвскаго къ ко-
ролю, гдѣ гетманъ пишетъ, что всѣ думаютъ, будто король выступилъ въ по-
ходъ для собственныхъ выгодъ, а не для выгодъ республики: отсюда не толь-
ко простой народъ, но и сенаторы неохотно объ этомъ говорятъ; необходимо
слѣдовательно увѣрить сенаторовъ въ противномъ. Zrzodla do dziejów Polskich, I,
стр. 83.

(3) Рукоп. Жолкѣв., стр. 24, 25.

кодясь съ нашими лазутчиками, увѣдомляли ихъ обо всемъ, что у
ихъ дѣлалось (1). Но не отъ однихъ лазутчиковъ крестьянъ узна-
валъ Шеинъ польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ
акой-то Янъ Войтеховъ, который подробно доносилъ ему обо
семъ: такъ въ мартѣ 1609 года онъ писалъ ему (2), что по оконча-
іи сейма королевичъ хотѣлъ-было итти на Москву, но что пріѣ-
алъ воевода Сендомирскій и посолъ отъ Лжедимитрія вмѣстѣ съ по-
лами отъ тушинскихъ поляковъ съ просьбою къ королю и
панамъ, чтобъ королевича на Московское царство не слали,
ибо они присягнули царику головы свои положить, хотябъ
і противъ своей братьи. Войтеховъ сообщаетъ также вѣсти изъ
тушинскаго лагеря, «что тотъ Крути-голова Димитрій хочетъ оста-
вить Тушинъ и утвердиться на новомъ мѣстѣ, потому-что весною
смрадъ задушитъ войско, тогда же хочетъ непремѣнно добыть
Москвы; потомъ увѣдомлялъ, что воевода Сендомирскій присягнулъ
королю на сеймѣ отъ имени Лжедимитрія, который обязывался от-
дать Польшѣ Смоленскъ и Сѣверскую землю, и еслибъ, прибав-
ляетъ Войтеховъ, Сендомирскій не присягнулъ, то поляки непре-
мѣнно хотѣли посадить королевича на царство московское. Изъ
этихъ словъ также видно, что въ Польшѣ имѣли въ виду одно пріо-
брѣтеніе земель, и какъ скоро Сендомирскій присягнулъ, что мож-
но пріобрѣсть земли и съ помощію Лжедимитрія, то къ намѣренію
справить Владислава охладѣли. Войтеховъ писалъ также, что много
рыцарей польскихъ возвратилось въ отечество, и сказываютъ, будто
царикъ хочетъ бѣжать, боясь Ружинскаго и казаковъ, что у него нѣтъ
денегъ на жалованье польскимъ жолнерамъ, которые будто бы го-
ворятъ: если бы царь московскій заплатилъ намъ, то мы воровъ вы-
дали бы и изъ земли московской выступили; что Шуйскому стоитъ
только привлечь къ себѣ Заруцкаго и Донскихъ казаковъ, и тогда мож-
но сжечь таборы. Любопытны слѣдующія слова Войтехова о самомъ
себѣ: «Пожалуйте пришлите мнѣ бобра добраго чернаго самороднаго,
го, бо меня слово обошло за письмо прежнее до васъ отъ меня, яно
надобѣ въ очи закинуть». Любопытны также слухи, ходившіе въ
Литвѣ о нашихъ самозванцахъ: въ апрѣлѣ 1609 Шеину доносили» (3):
который де воръ стоитъ подъ Москвою, и тотъ де воръ пришелъ съ
Бѣлыя на Велижъ, а зовутъ де его Богдашкомъ, и жилъ онъ на Ве-
лижи шесть недѣль. А пришелъ де онъ съ Бѣлые, какъ убили Раз-
стригу вскорѣ, и сказывалъ на Велижи, что онъ былъ у Разстриги
писаремъ ближнимъ; и съ Велижи де съѣхалъ съ Литвиномъ въ

(1) Акты Историч. II, № 96.
(2) Тамъ же, № 174.
(3) Акты Историч. II, № 199.

Витепскъ, и изъ Витепска де онъ съѣхалъ въ Польшу, а изъ Польши объявился въ воровское имя. А который де Петрушка сидѣлъ на Тулѣ, а у васъ де его сказали казнили, и тотъ де Петрушка нынѣ живъ, у нихъ въ Литвѣ.... А Борисовъ де сынъ царевичь Ѳедоръ живъ, и нынѣ де онъ у Цесаря Хрестьянскаго.»

Между тѣмъ пограничные литовскіе жители, узнавъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ своего правительства, уже начали вторгаться и грабить Смоленскую область (¹); отсюда пошли взаимныя жалобы пограничныхъ правителей — велижскаго старосты Гонсѣвскаго (бывшаго посломъ въ Москвѣ) и смоленскаго воеводы Шеина; Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ, въ такое смутное время, боялся принять на себя отвѣтственость, особенно когда ему доносили, что Гонсѣвскій нарочно для того пріѣхалъ въ Велижъ, чтобы подговаривать смолянъ къ сдачѣ полякамъ (²). Негодованіе съ обѣихъ сторонъ возрастало: Шеинъ упрекалъ Гонсѣвскаго въ томъ, что онъ не здержалъ условій договора, заключеннаго имъ въ Москвѣ, что поляки не выведены изъ Московскаго государства, и оттого происходитъ страшное кровопролитіе (³). Гонсѣвскій отвѣчалъ: «Хочешь, чтобъ Польскіе и Литовскіе люди были выведены изъ Московскаго государства, но какимъ образомъ это сдѣлать? Грамотами королевскими? Грамоты были посланы къ нимъ; король хотѣлъ послать еще гонца и велѣлъ мнѣ обо всемъ этомъ переговорить съ тобою: и вы отъ того бѣгаете, держася своего обычая московскаго: братъ брату, отецъ сыну, сынъ отцу не вѣрите; и тотъ обычай такую великую теперешнюю погибель на царство Московское навелъ. И я, вѣдаючи то, что у васъ отъ вашихъ государей и въ народѣ вашемъ вѣры такой, какъ у насъ, нѣтъ, и тебѣ, собою, по обычаю московскому, нельзя было со мною на съѣздъ выслать, потому и въ листѣ своемъ приписалъ тебѣ, чтобы о томъ обвѣстилъ святѣйшему Архіепископу и инымъ Смолнянамъ, и съ ихъ вѣдома съѣздъ учинилъ: ажно и то не помогло. И я, расчитываючи у себя дѣла московскія, къ которымъ, будучи въ Москвѣ, приглядѣлся и прислухался, также и нынѣшнюю вашу справу видячи, дивуюся тому: что ни дѣлаете, то на большее кроволитье и на згубу государства своего». Гонсѣвскій былъ правъ на словахъ, но вовсе неправъ на дѣлѣ, потому-что онъ-то и извѣстилъ короля о желаніи бояръ имѣть царемъ Владислава, онъ-то и теперь всѣхъ больше хлопоталъ о сдачѣ Смоленска, какъ

(¹) Тамъ же № 186, 188, 192, 194, 209.
(²) Тамъ же, № 199.
(³) Тамъ же, № 219.

ямо самъ король сказалъ Жолкѣвскому (1); слѣдовательно, извѣстія, полученныя Шеинымъ о замыслахъ Гонсѣвскаго, были вполнѣ справедливы, и слѣдовательно Шеинъ въсвоихъ поступкахъ и въ своей недовѣрчивости къ несвижскому старостѣ совершенно былъ правъ.

Въ то время, какъ въ самой Смоленской волости происходили смуты и неустройства, стрѣлецкіе сотники и дѣти боярскіе отказывались стоять на-сторожѣ противъ поляковъ, — въ это время Шеинъ получалъ изъ-за-границы вѣсти одна другой страшнѣе о движеніяхъ Сигизмунда. Въ маѣ 1609 года лазутчики донесли воеводѣ (2), что король строго запретилъ Сендомирскому и всѣмъ вообще полякамъ ходить къ Москвѣ. Въ іюлѣ доносили (3), что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ (артиллеріею) подъ Смоленскъ, что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, ждутъ самого Сигизмунда, что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ русскихъ областей къ присягѣ на имя королевское. Вѣсти были справедливы: въ Минскѣ съѣхался съ королемъ гетманъ Жолкѣвскій. Послѣдній дѣлалъ вопросы касательно предпринятаго похода, хотѣлъ знать, что́ ручается королю за успѣхъ его (4). Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ московскимъ трудно отзываться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположеніе, королю необходимо спѣшить къ границамъ; въ Минскъ пришло письмо и отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ король какъ можно скорѣе выступалъ подъ Смоленскъ, откуда войско вышло на-помощь къ Скопину, и потому городъ долженъ непремѣнно сдаться. Все это заставило Сигизмунда скорить путь; въ Оршѣ явился другой подстрѣкатель, литовскій канцлеръ Левъ Сапѣга, получившій ненависть къ Москвѣ во время своего посольства туда при Годуновѣ, желавшій на ея счетъ разширить предѣлы своей Литвы. Сапѣга спѣшилъ съ войскомъ къ Смоленску передъ королемъ, безпрестанными записками побуждая къ корости и Жолкѣвскаго, которому очень не нравилась вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность похода, ибо опытному полководцу странно было предположить, что такая неприступная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдаться войску, въ которомъ было только 5,000 пѣхоты. Несмотря на то, 19 сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21 прибылъ туда и король.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную

(1) Рукопись Жолкѣв., стр. 39.
(2) Тамъ же № 220.
(3) Тамъ же № 246.
(4) Рукоп. Жолкѣв., стр. 41.

грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что по смерти послѣдняго Рюриковича, Ѳедора, стали московскими государями люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, а собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ; вслѣдствіе этого возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля, что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго государства и даже изъ самой Москвы, видя такую погибель, били челомъ ему, Сигизмунду, чтобъ онъ, какъ царь христіанскій и наближайшій родичъ Московскаго государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными, стариннными государями московскими, сжалился надъ гибнущимъ государствомъ ихъ. И вотъ Сигизмундъ, самъ идетъ съ великимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь русскую, но чтобъ оборонять ихъ, стараясь болѣе всего о сбереженіи православной русской вѣры. Вслѣдствіе этого смоляне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, и тѣмъ положить всему дѣлу доброе начало; въ противномъ же случаѣ войско королевское не пощадитъ никого(1). «Смоляне отвѣчали королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистыя Богородицы — православную вѣру, за св. церкви, за царя и за царское крестное цѣлованіе всѣмъ помереть, а Литовскому Королю и его панамъ отнюдь не поклониться (2)». Посады были пожжены, жоны и дѣти жилыхъ людей, бывшихъ далеко, въ войскѣ Скопина, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость... Тщетно смоляне посылали челобитныя въ Москву, прося помощи (3): Шуйскій не могъ подать имъ ее и утѣшалъ только милостивыми грамотами. Несмотря на то, осажденные защищались отчаянно и если вступали въ переговоры съ королемъ, то единственно для того, чтобъ выиграть время. При этихъ переговорахъ смоляне прямо объявляли посланнымъ королевскимъ, что они хотятъ Сигизмунда за его доброе къ нимъ расположеніе, но опасаются литовцевъ, на которыхъ положиться нельзя: еслибъ король и обѣщался въ чемъ подъ присягою, то подданные его не сдержатъ слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые, увѣряя, что сражаются за русскихъ, сами забираютъ семейства послѣднихъ и опустошатъ волости. Эти отзывы очень важны для историка: они показываютъ намъ, какъ Польша была ослаблена въ своей внѣшней дѣятельности раздвоеніемъ, господствовавшимъ между королемъ и такъ называемою республикою; это раздвоеніе не только препятствовало всякому внутреннему отправленію государственнаго тѣла, успѣшному исполненію всякаго плана, но лишало такъ же Польшу всѣ-

(1) Niemcewiza-Dzieie panowania Zygmunta III; t. II, Nota № VII, p. 240.
(2) Акты Истор, II, № 267.
(3) Niemcewicz, II, Nota № VIII.

довѣренности извнѣ; королю не вѣрили, еслибъ даже онъ и при-
нулъ, ибо знали, что короля не послушаютъ. Недостатокъ руча-
ьства противъ насилія поляковъ былъ одною изъ главныхъ при-
къ отчаяннаго сопротивленія смолянъ: нѣкоторые изъ нихъ
мо объявили, что не хотятъ терпѣть отъ поляковъ того же, что по-
шѣли отъ нихъ москвитяне во время перваго Лжедимитрія, и ско-
собственными руками умертвятъ жонъ своихъ, чѣмъ согла-
ся видѣть ихъ въ рукахъ поляковъ (1). Другою причиною одушев-
нія смолянъ была вѣра: духовенство, съ своимъ могущественнымъ
яніемъ на народъ, стояло за Москву (2), ибо знало, къ чему пове-
ъ владычество Сигизмунда, который главною причиною москов-
ой войны выставилъ славу Божію, распространеніе католической
лигіи и общее благо христіянства; ибо въ разрушеніи Москов-
аго государства отъ усобицъ король, по его словамъ, видѣлъ
рашную опасность для христіянства: турки или татары или другіе
клятые враги католицизма, островитяне (англичане), проникнув-
іе морскимъ путемъ въ Московію, могутъ овладѣть ею (3). Къ
умъ означеннымъ причинамъ сопротивленія смолянъ можно
йсоединить еще ту, что бо́льшая часть ратныхъ людей смолен-
ихъ была въ станѣ Скопина, а семейства ихъ остались въ Смолен-
ѣ: эти семейства, безъ сомнѣнія, должны были всѣми силами про-
ивиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо отцы, сыновья, мужья и
ратья ихъ были въ рукахъ Шуйскаго, который такимъ образомъ
бладалъ хорошимъ залогомъ вѣрности смолянъ; съ другой стороны,
го самое присутствіе смоленскихъ ратниковъ въ станѣ Скопина
душевляло осажденныхъ надеждою, что сограждане ихъ, рано или
оздно, непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ
воихъ: такимъ образомъ и у смолянъ были хорошіе залоги отно-
ительно помощи изъ Москвы. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя,
роизвели то, что большинство, по-крайней-мѣрѣ, рѣшилось на
чаянное сопротивленіе.

Сигизмундъ, увидавъ разсѣяніе надеждъ своихъ насчетъ скорой
дачи Смоленска, долженъ былъ позаботиться о подкрѣпленіи
воей вовсе немногочисленной рати. Съ этою цѣлію онъ отправилъ
ъ тушинскій лагерь посольство склонить тамошнихъ поляковъ къ
ставленію Лжедимитрія и соединенію съ войскомъ королевскимъ.
ослы должны были внушить тушинскимъ полякамъ, что гораздо
риличнѣе служить природному своему государю, чѣмъ иноземному

(1) Histor. Russiae Monum II, № XC. Дневникъ осады Смоленска, примѣч. къ I т. Истор. Смутн. врем., стр. 143.

(2) Тамъ же, № LXXXIX.

(3) Histor. Russiae Monum. II, № XCII.

искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, и притомъ они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ полками его; начальникамъ отрядовъ, — знатнымъ панамъ, сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ государствѣ, но и въ Польшѣ. Касательно русскихъ тушинцевъ Сигизмундъ уполномочилъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества, и богатое вознагражденіе, если они предадутся ему. Съ другой стороны, послы должны были войти въ сношенія съ самимъ Шуйскимъ и съ правительственными лицами въ Москвѣ: упорство смолянъ, плохая надежда на согласіе тушинцевъ, равно какъ плохая надежда на ревностное содѣйствіе и со стороны республики, заставляли Сигизмунда желать скорѣйшаго окончанія дѣлъ съ Москвою, если Шуйскій согласится пожертвовать ему нѣсколькими областями своего государства. Съ этою цѣлію, послы должны были войти въ тайныя сношенія съ Шуйскимъ и требовать у него высылки въ станъ королевскій уполномоченныхъ для заключенія вѣчнаго мира; но въ тоже время Сигизмундъ далъ посламъ грамоту къ патріарху и гражданамъ московскимъ, въ которой увѣщевалъ отдаться въ его покровительство на выгодныхъ для нихъ условіяхъ (1).

Означенное раздвоеніе въ Польшѣ между властію и народомъ обнаружилось и въ этомъ случаѣ и показало, что Польшѣ, помимому могущественной, не осилить Московскаго государства, помимому растерзаннаго и близкаго къ погибели. Едва узнали въ Тушинѣ о вступленіи Сигизмунда подъ Смоленскъ, какъ началось такое сильное волненіе. Поляки говорили, что Сигизмундъ пришелъ съ цѣлію лишить ихъ заслуженныхъ наградъ и воспользоваться выгодами, пріобрѣтенными ихъ кровію и трудами. Гетманъ Рожинскій былъ первый противъ короля, ибо въ Тушинѣ онъ былъ полновластнымъ хозяиномъ, а въ войскѣ королевскомъ долженъ былъ подчиниться коронному гетману Жолкѣвскому. Онъ собралъ *коло* и, разумѣется, легко уговорилъ ратниковъ не отказываться отъ цѣли, уже столь близкой, и дать другъ другу присягу не оставлять Димитрія, но, посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія, и если онъ станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Всѣ поляки охотно подписали конфедераціонный актъ (2); Рожинскій хотѣлъ уговорить къ тому же

(1) Niemcewicz.. II, p. 256.

(2) Niemcewicz, II, p. 243.

пѣгу, и потому поѣхалъ къ нему самъ въ лагерь подъ Троицкій
истырь. Но Сапѣгѣ не понравилось такое открытое сопротивле-
юлѣ королевской: онъ не хотѣлъ ссориться съ Сигизмундомъ
о время, когда приближеніе Скопина дѣлало опаснымъ положе-
всѣхъ тушинцевъ.

Соединившись снова съ Делагарди, Скопинъ двинулся изъ Коля-
на Александровскую слободу, откуда передовой отрядъ его,
начальствомъ Волуева и Сомма, вытѣснилъ поляковъ. Скопинъ
новился въ Слободѣ, дожидаясь Шереметева и обѣщанныхъ под-
леній изъ Швеціи: какъ видно, онъ боялся съ своимъ немного-
ленным и необученнымъ войскомъ прямо напасть на Сапѣгу,
, что на немъ теперь всѣ надежды Москвы и царя, что онъ со-
ляетъ единственную грозу враговъ государства, и слѣдовательно
ача его будетъ имѣть страшныя послѣдствія: въ такомъ положе-
трудно быть скорымъ и предпріимчивымъ. Скопинъ медлилъ, и
ква терпѣла голодъ: крестьянинъ Салковъ, съ толпою русскихъ
йниковъ, не пускалъ обозовъ изъ Коломны въ столицу, раз-
двухъ воеводъ Шуйскаго, но не устоялъ въ третій разъ про-
князя Димитрія Михайловича Пожарскаго (1). Между тѣмъ Са-
отправился изъ-подъ Троицкаго монастыря къ Слободѣ, раз-
высланный противъ него Скопинымъ отрядъ, но не могъ осп-
самого Скопина и послѣ жаркаго бою съ послѣднимъ возвратился
ъ подъ Троицу. Въ такихъ обстоятельствахъ онъ уговаривалъ
инскаго дѣйствовать вмѣстѣ противъ Скопина, но тотъ, раздоса-
нный отказомъ Сапѣги приступить къ конфедераціи, отрекся
огать ему и уѣхалъ въ Тушино. Когда силы тушинцевъ такимъ
зомъ раздѣлились, въ Слободу къ Скопину прибылъ Шереме-
, разбитый Лисовскимъ подъ Суздалемъ; прибыли къ нему и
оды царскіе изъ Москвы — князья Куракинъ и Лыковъ. Съ
ми силами онъ могъ отважиться на освобожденіе Москвы, кото-
ждала его съ нетерпѣніемъ. Уже прежде было сказано, какъ не-
атокъ точки опоры произвелъ страшное колебаніе, шаткость въ
донаселеніи Московскаго государства. Василій Шуйскій, нелю-
ый, не могъ быть этою точкою опоры: для этого нуженъ былъ
человѣкъ; такимъ, казалось, былъ Михаилъ Васильевичъ Ско-
ь-Шуйскій. Если необходимо было возвести на престолъ одного
бояръ московскихъ, если фамилія Шуйскихъ была виднѣе другихъ,
ъ толпѣ бояръ и въ фамиліи Шуйскихъ достойнѣе всѣхъ казался
инъ: несмотря на молодость, онъ уже выставлялся впередъ;
дость спасла его отъ соучастія въ крамолахъ, не дала ему здѣсь

(1) Никон. VIII, 126.

виднаго мѣста, однако молодость не помѣшала ему отличиться
подвигахъ ратныхъ. Казалось, что изо всего рода Шуйскихъ
благословилъ его одного удачею, счастьемъ; а удача, счас
Божіе благословеніе въ страшныя времена могущественно
ствуютъ на воображеніе народа, указываютъ ему на счастл
какъ на ходатая, умилостивителя, котораго само небо избрало
спасителемъ страны; и при упомянутой жаждѣ опоры, сосредото
нія, ясно, какая любовь, какія ожиданія должны были возбуди
относительно Скопина; но эта любовь, это напряженное ожи
опять, въ свою очередь, возвышало Михаила въ глазахъ народа,
ходимо преувеличивало его достоинства. Скопинъ, какъ видно
его поступковъ, отличался большою скромностію, осторожностію
довѣрчивостію къ самому себѣ: это заставляло его избѣгать
тельныхъ дѣйствій, предпочитать медленность отважности. Но
характеръ и поведеніе были для Скопина чрезвычайно выгодны,
только осторожностію онъ могъ спастись отъ пораженія: его нов
ранные на сѣверѣ полки не могли держаться противъ опытныхъ
цовъ Сапѣги, Лисовскаго, Рожинскаго. Съ другой стороны,
ченная осторожность Скопина заставляла предполагать въ нем
обыкновенный по молодости умъ; но если энергія увлекаетъ
зато уму, осторожности болѣе вѣрятъ; особенно горячо должны
вѣрить имъ въ то время, когда потеряли вѣру въ людей,
обезславили себя; Болотникову, Ляпунову, Шаховскому,
ну, Салтыкову нельзя было отказать въ энергіи, но какой же
результатъ этой энергіи? Скопинъ не былъ дерзокъ, не
битвъ, но если бился, то рѣдко выходилъ непобѣдителемъ.
должно такъ же упускать изъ виду смысла описываемой борь
борьба эта не была слѣдствіемъ стремленія къ новому; напрот
народъ стремился поддержать старое, возстановить Москов
государство, сосредоточивающее Русь, хранящее нарядъ, возста
вить его какъ оно было до прекращенія рюриковой династіи.
вотъ что составляло единственное желаніе добрыхъ граждан
Скопинъ, съ своею разумною, счастливою медленностію, осторож
стію, былъ именно человѣкомъ времени, именно тою точкою опо
сосредоточенія, которой жаждала московская Русь. Присоединя
къ тому скромность, мягкость характера, которая привлекаетъ вс
ибо не оскорбляетъ никого своими преимуществами: Скопинъ у
ужиться въ мирѣ съ вождями шведскими; кто только зналъ е
всѣ лестно отзывались о немъ (1); но для того, чтобъ не возбуди
зависти, нужно или вовсе не имѣть слишкомъ выдающихся

(1) Рукопись Жолкѣв., стр. 11.

стоинствъ, или обладать необыкновеннымъ умѣньемъ скрывать ихъ. Наконецъ прибавьте еще выгодную наружность Скопина, которая должна была пріятно дѣйствовать на народъ, особенно въ сравненіи съ очень некрасивою наружностію дяди его Василія. Итакъ, Скопинъ былъ желаннымъ избавителемъ всѣхъ добрыхъ гражданъ, возстановителемъ государственнаго наряда; юноша чистый отъ крамолъ и мужъ ума зрѣлаго, онъ былъ въ глазахъ всѣхъ достойнымъ престола царей московскихъ. Таково было общее желаніе; но для блага государства, для сохраненія наряда, для блага самого Скопина нужно было до времени утаить это желаніе, пока смерть Василія не очиститъ престола достойному его племяннику. Но если граждане спокойные могли утаить до времени свое желаніе видѣть Скопина на престолѣ, то примѣру ихъ не могли подражать тѣ люди, которые неспособны были сносить нерѣшительное положеніе, неспособны были долѣе терпѣть Шуйскаго на престолѣ, когда являлся преемникъ достойный; тѣ, которые, изъ ненависти къ Шуйскому, рѣшились даже стать подъ знамена Самозванца, тѣ не могли не броситься къ Скопину, не могли не выразить громко свое желаніе видѣть его на престолѣ. И тутъ является первымъ на сцену роковое лицо Ляпунова, выборнаго земли рязанской. Недаромъ въ лѣтописяхъ находимъ мы жалобы на дерзость, на буйство рязанцевъ; недаромъ наблюдательный Герберштейнъ хвалитъ ихъ отвагу: въ смутахъ Московскаго государства у рязанцевъ большая роль. Еще при послѣднемъ Рюриковичѣ, въ возстаніи противъ Годунова, рязанцы являются на первомъ планѣ: Ляпуновы, Кикины и др. Прокофій Ляпуновъ поднялъ знамя противъ Шуйскаго, человѣкъ, котораго безпокойная дѣятельность имѣла самое себя цѣлію, который дѣйствовалъ чтобъ только удовлетворить жгучей жаждѣ дѣятельности. Еще буйнѣе былъ братъ его Захаръ: лѣтописецъ разсказываетъ, какъ однажды этотъ Захаръ проигралъ битву противъ тушинцевъ потому только, что вышелъ на битву въ пьяномъ видѣ, съ пьяными товарищами. Мы еще увидимъ этого Захара въ достойномъ его положеніи.

Итакъ, теперь, когда всѣ удерживались отъ обнаруженія своего желанія видѣть Скопина на престолѣ, Ляпуновъ не могъ удержаться и послалъ въ Слободу поздравить его царемъ, прибавя въ своихъ грамотахъ укорныя рѣчи на дядю его Василія. Скопинъ, по своему характеру, менѣе другихъ былъ способенъ принять предложеніе Ляпунова, ибо между нимъ и Ляпуновымъ не было совершенно ничего общаго: это были двѣ совершенно противоположныя природы, люди изъ двухъ особыхъ міровъ. Въ первомъ пылу негодованія Скопинъ разорвалъ письмо Ляпунова и велѣлъ схватить присланныхъ; но по-

томъ, по мягкости своей природы, позволилъ имъ умолить себя
отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донесши въ Москву. Этимъ
пользовались, чтобъ заподозрить Скопина въ глазахъ дяди: послы
нему внушили, что если бы Михаилу не было пріятно предложе
Ляпунова, то онъ прислалъ бы въ Москву рязанцевъ, привезши
грамоту: это онъ собственно и долженъ былъ сдѣлать по смыс
присяги, которая требовала именно доносить о всякомъ лихѣ и о
кихъ неподобныхъ рѣчахъ на царя. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ л
тописецъ (1), царь и его братья начали держать мнѣніе на кня
Скопина. Будемъ ли мы упрекать въ этомъ Василія? Подозрѣ
было очень естественно, ибо нарушеніе присяги со стороны Скоп
было явно

Между тѣмъ въ Тушинѣ дѣла шли плохо: Рожинскому не удало
приманить къ себѣ запорожцевъ, которые обратились на службу к
ролевскую. Тушинскіе поляки отправили къ Сигизмунду подъ См
ленскъ пословъ, которые сказали королю, что если захотятъ лиш
ихъ пріобрѣтеннаго трудомъ и кровію, то они не будутъ призна
ни государя за государя, ни брата за брата, ни отечество за отеч
ство. Въ тоже время и королевскіе послы прибыли въ Тушино, и
не со всею свитою, вслѣдствіе представленія самозванцевыхъ п
водъ, что тушинскій лагерь и безъ нихъ нуждается въ продов
ствіи (2). Начались переговоры, сопровождаемые сильными ин
ніями. Что же дѣлалъ во все это время Самозванецъ? Его врем
шло, на него не обращали никакого вниманія; мало того, вожди Ту
шинскихъ поляковъ срывали на немъ свое сердце съ тѣхъ пор
какъ вступленіе короля въ московскія области поставило ихъ въ н
пріятное положеніе: такъ панъ Тишкевичъ ругалъ его въ глаза, н
зывая обманщикомъ, мошенникомъ. Лжедимитрій хотѣлъ уѣхать из
лагеря съ своими русскими приверженцами, которымъ непріятн
было такое обращеніе поляковъ съ ихъ царемъ прирожденнымъ; не
смотря на то, что всѣ лошади его были заперты поляками, царю
удалось-было выйти изъ стана съ 400 донскихъ казаковъ; но Рожи
скій догналъ его и привелъ назадъ въ Тушино, гдѣ онъ былъ съ того
времени подъ строгимъ надзоромъ (3). Когда 27 декабря Лжедимит
рій спросилъ у Рожинскаго, о чемъ идутъ у нихъ переговоры с
послами, то гетманъ, бывшій въ нетрезвомъ видѣ, отвѣчалъ ем
«Какое тебѣ дѣло до того, зачѣмъ послы пріѣхали ко мнѣ? Кто
знаетъ, кто ты таковъ! Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы
не видимъ!» Пьяный Рожинскій грозился даже прибить царика; то-

(1) Никон. VIII, 4.
(2) Акты Истор. II, № 270.
(3) Двевн. осады Смол. стр., 162, 166.

Да послѣдній рѣшился, во что́ бы то ни стало, бѣжать изъ лагеря, и въ тотъ же день вечеромъ, переодѣвшись въ крестьянское платье, сѣлъ въ навозныя сани и уѣхалъ въ Калугу самъ-другъ съ шутомъ своимъ Кошелевымъ (1). Послѣ отъѣзда Самозванца, оскорбленнаго тушинскими поляками, разрознившаго свои интересы съ ихъ интересами, Рожинскому съ товарищами ничего болѣе не оставалось, какъ вступить въ соглашенія съ королемъ, умѣривъ свои, сначала безразсудныя, требованія. Ничего болѣе не оставалось и русскимъ приверженцамъ Самозванца, въ челѣ которыхъ стояли Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и дьякъ Грамотинъ. Странно было бы имъ просить помилованія у Шуйскаго, промѣнять роль первостепенную на участь, еще неизвѣстную даже и въ случаѣ помилованія, ибо Салтыковъ помнилъ объ участи князя Шаховского, заточеннаго послѣ гульскаго взятія; а Грамотинъ зналъ, что измѣнникамъ одинакаго съ нимъ происхожденія грозитъ плаха въ Москвѣ; всѣ знали, что на нихъ московское правительство не будетъ смотрѣть такъ снисходительно, какъ смотрѣло оно на тѣхъ отъѣзжиковъ изъ Тушина, которые оставляли Самозванца во время его могущества; русскіе тушинцы знали, что на нихъ будутъ смотрѣть теперь въ Москвѣ, какъ на враговъ ожесточенныхъ, вовсе не по доброй волѣ оставившихъ Самозванца, но имъ самимъ оставленныхъ; наконецъ, еслибъ даже русскіе тушинцы и рѣшились покориться Шуйскому, то они не могли надѣяться, чтобъ поляки позволили имъ сдѣлать это безнаказанно. Вотъ почему королевскимъ посламъ нетрудно было войти въ соглашенія съ русскими тушинцами: замѣтивъ расположеніе послѣднихъ поддаться Сигизмунду, послы просили ихъ собраться въ *коло*. Собрались — нарѣченный патріархъ Филаретъ съ духовенствомъ, Заруцкій съ военными людьми, Салтыковъ съ людьми думными и придворными чиновниками, пришелъ и царь Касимовскій съ своими татарами. Одинъ изъ пословъ, панъ Пржемыскій, въ рѣчи своей доказывалъ благія намѣренія короля относительно Московскаго государства, говорилъ о готовности Сигизмунда принять его въ свою защиту для освобожденія отъ тирановъ безправныхъ. Въ этой неопредѣленной рѣчи не было еще выражено явнаго посяганія на покорность москвитянъ, слѣдовательно совѣсть многихъ могла быть еще спокойна; всѣ охотно слушали и рѣчь посла и грамоту королевскую, цаловали сигизмундову подпись и превозносили республику за скорую помощь. Нѣкоторые изъ русскихъ впрочемъ, вѣроятно духовные, принимая покровительство короля, требовали неприкосновенности православія, и послы поручились имъ въ этомъ. Тогда русскіе

(1) Авторъ Москов. Хрон. въ Сказ. Соврем., стр. 158, 159.

тушинцы вступили въ конфедерацію съ польскими, обязавшись взаимно не оставлять другъ друга и не приставать ни къ бѣжавшему царику, ни къ Шуйскому и его братьямъ. Но тайно многіе изъ нихъ спѣшили выйти изъ нерѣшительнаго положенія и цаловали при крестъ Сигизмунду (1). Рѣшено было также, чтобъ русскіе и польскіе тушинцы отправили отъ себя пословъ къ королю для окончательныхъ переговоровъ.

Между тѣмъ Марина оставалась въ лагерѣ. Мы выпустили изъ виду эту женщину съ тѣхъ поръ, какъ она принуждена была признать своимъ мужемъ второго самозванца. Я сказалъ *принуждена* была признать, ибо это принужденіе видно ясно изъ положенія ея въ Тушинѣ и изъ переписки ея съ отцемъ. Такъ изъ одного письма узнаемъ (2), что старый Мнишекъ уѣхалъ въ гнѣвѣ отъ дочь и не далъ ей благословенія. Изъ этого же письма узнаемъ объ ужасномъ положеніи Марины, которая отъ такого мужа, какимъ былъ для нея первый самозванецъ, должна была перейти человѣку грубому, неимѣвшему къ ней, какъ видно, никакой любви и никакого вниманія. Такъ она проситъ отца, чтобъ тотъ напомнилъ Лжедимитрію о ней, напомнилъ о любви и уваженіи, какое онъ долженъ былъ оказывать женѣ своей. Въ другомъ письмѣ (3) она на такъ увѣдомляетъ отца о дѣлахъ своихъ: «О дѣлахъ моихъ знаю, что́ писать, кромѣ того, что въ нихъ одно отлагательство дня на день: нѣтъ ни въ чемъ исполненія; со мною поступаютъ же, какъ и при васъ, а не такъ, какъ было обѣщано при отъѣздѣ вашемъ. Я хотѣла послать къ вамъ своихъ людей, но имъ не дать денегъ на пищу, а денегъ у меня нѣтъ.» Самая великость жертвъ принесенныхъ Мариною для достиженія блестящей цѣли своей, высила духъ этой энергической женщины. Претерпѣть болѣе того, что́ она уже претерпѣла, Марина не могла; всѣ физическія лишенія и терзанія были ничто для нея въ сравненіи съ тѣми душевными терзаніями, какія она уже испытала; она не могла отказаться отъ своихъ цѣлей, для которыхъ принесено было въ жертву все, что красится жизнь человѣка.... Вотъ почему, когда послы предложили Маринѣ, отъ имени короля, землю Саноцкую съ доходами экономіи Самборской, она отвѣчала между прочимъ родственнику своему Сапѣгѣ ницкому, сообщившему ей это предложеніе: «Солнце, заслоненное темнымъ облакомъ, не перестаетъ быть лучезарнымъ....» и т. д. Замѣчательно письмо ея къ королю, гдѣ она прибѣгаетъ къ его защитѣ и желаетъ счастливаго окончанія его предпріятію. Ма

(1) Дневн. осады Смол., стр. 170.
(2) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 171.
(3) Тамъ же, № 178.

тъ (1): «Ни съ кѣмъ не играло такъ счастіе, какъ со мною: изъ етскаго рода возвысило оно меня на престолъ великой имперіи пре стола ввергнуло въ мрачную темницу. Послѣ этого, желая будто усладить меня нѣкоторою свободою, привело меня въ состояніе, которое хуже самого рабства, и теперь я нахожусь комъ положеніи, въ какомъ не могу жить спокойно....» и пр. этого письма видно ужасное положеніе Марины въ Тушинѣ, торомъ Самозванцѣ,— положеніе, которому она предпочитаетъ во.... Марина какъ-будто отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла второго ванца: онъ могъ быть обманщикъ, какимъ признаетъ его кое правительство, но она чрезъ это не лишается правъ ь.

Марина напрасно такъ рано отчаялась въ дѣлѣ своего второго его положеніе вовсе не было такъ дурно, какъ слѣдовало ожи- Отдѣленіе отъ поляковъ имѣло для него свою выгодную сторо- ибо до сихъ поръ главный упрекъ ему состоялъ въ томъ, что опустошаетъ Русь съ помощію ляховъ, до сихъ поръ смотрѣли его какъ на орудіе послѣднихъ; но теперь ссора съ поляками ождала его отъ этого нареканія. Прибывъ подъ Калугу, Само- съ остановился въ подгородномъ монастырѣ и послалъ мона- въ городъ съ извѣщеніемъ, что онъ выѣхалъ изъ Тушина, спа- отъ гибели, которую готовилъ ему король польскій, злоби- на него за отказъ уступить ляхамъ Смоленскъ и Сѣверскую ; что онъ готовъ, въ случаѣ нужды, положить голову за пра- ые и отечество. Воззваніе оканчивалось словами: «Не дадимъ ствовать ереси, не уступимъ королю ни кола, ни двора!» жане спѣшили въ монастырь съ хлѣбомъ и солью, прово- Лжедимитрія съ торжествомъ въ городъ и дали ему сред- окружить себя царскою пышностію (2). Но ясно, что и по еніи отъ поляковъ Самозванецъ долженъ былъ оставать- овскимъ царемъ, ибо сила его основывалась не на полякахъ, азакахъ. Князь Шаховской, всей крови заводчикъ, остался ъ Самозванцу и привелъ къ нему казаковъ, съ которыми ь въ Царевѣ Займищѣ; Шаховской не хотѣлъ поступить по- Салтыкову, ибо Салтыковъ уже воспользовался передъ нимъ перваго отступничества, и слѣдовательно оставилъ ему второ- ную роль; притомъ Шаховской начальствовалъ довольно силь- отрядомъ казаковъ, которые бы не допустили его предаться

(1) Подлинныя Свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, изд. новымъ, стр. 241.

(2) Авторъ Московск. Хрон., стр. 159.

королю; въ Калугу же манила Шаховскаго надежда первой роли [illegible] Лжедимитріи, ибо тамъ не было болѣе Рожинскаго.

Несмотря однако на свое еще вовсе неотчаянное положеніе, С[illegible]мозванецъ долженъ былъ безпокоиться насчетъ движеній ту[illegible]скаго лагеря, которыя теперь ближе всего могли быть направл[illegible] противъ Калуги. Чтобъ отнять силу у Рожинскаго, Лжедим[illegible] хотѣлъ поселить разногласіе въ Тушинѣ, гдѣ находилось все [illegible]ное къ тому: притомъ, злобясь особенно на русскихъ ту[illegible]цевъ, показавшихъ мало къ нему усердія, онъ хотѣлъ вооруж[illegible] противъ нихъ поляковъ. Съ этою цѣлію Лжедимитрій отправил[illegible] Тушино шляхтича Казимирскаго съ письмами къ Маринѣ и друг[illegible] лицамъ, увѣряя, что готовъ возвратиться въ станъ, если [illegible] обяжутся новою присягою служить ему, и если будутъ каз[illegible] отложившіеся отъ него русскіе; но письма были отняты у Каз[illegible]скаго, и самъ онъ получилъ запретъ, подъ смертною казнію, [illegible]щать войско. Рожинскій хотѣлъ отплатить Самозванцу за кр[illegible] крамолою: онъ далъ Казимирскому письмо къ прежнему воевод[illegible] лужскому, поляку Скотницкому, гдѣ убѣждалъ послѣдняго, с[illegible]мощію бывшихъ въ Калугѣ поляковъ, схватить Лжедимитрія [illegible]реслать назадъ въ Тушино: но Казимирскій, пріѣхавъ въ Ка[illegible] отдалъ письмо Самозванцу, который тотчасъ велѣлъ бросить [illegible] Скотницкаго, хотя онъ вовсе не могъ быть убѣжденъ, что [illegible] несчастный исполнитъ порученіе Рожинскаго: той же участи [illegible]вергся и окольничій Иванъ Ивановичъ Годуновъ: окруженный [illegible]ною измѣною, не вѣря болѣе ни полякамъ, ни знатнымъ русск[illegible] Самозванецъ рѣшился жестокостію предупреждать вредные для [illegible] замыслы [1]. Я сказалъ, что Самозванецъ не вѣрилъ знатнымъ р[illegible]скимъ: холопамъ и казакамъ онъ вѣрилъ: интересы ихъ были т[illegible] связаны съ его собственными. Такъ донскіе казаки не послуш[illegible] Млоцкаго, убѣждавшаго ихъ вступить въ королевскую службу, [illegible] отправились въ Калугу [2]. Такъ и въ Тушинѣ ([3]), когда Мар[illegible] блѣдная, рыдающая, съ распущенными волосами ходила изъ ста[illegible] въ ставку и умоляла воиновъ снова принять сторону ея мужа, [illegible] поляки хотя сначала и тронулись слезами очаровательницы, од[illegible] чары скоро потеряли свою силу, и рыцари удержались при пре[illegible]немъ намѣреніи: казаки же, въ числѣ 3,000, отправились въ Калугу, подъ предводительствомъ Трубецкого и Засѣкина, вопреки вол[illegible] своему Заруцкому, державшему сторону поляковъ. Ушедшіе казаки, потерпѣвъ двойное пораженіе, сперва отъ Рожинскаго, потомъ отъ

[1] Двев. осады Смол., стр. [illegible]. Автоп. Москов. Хрон., стр. 163.
[2] Двев. осады Смол., стр. 17[illegible].
[3] Niemcewicz. II. 280, 281. Двев. осады Смол., стр. 179.

цкаго, въ небольшомъ числѣ успѣли достигнуть Калуги. Такимъ
зомъ поляки, во имя короля, уже начали войну съ Самозван-
ь, слѣдовательно въ пользу Московскаго государства, но не въ
зу того, кто назывался московскимъ царемъ, не въ пользу Шуй-
о. Тѣ, которые изъ нелюбья къ послѣднему приняли сторону
званца, и тѣ, которые приняли его сторону изъ ненависти къ
ду, равно не хотѣли Шуйскаго; предвидя неминуемое торжество
дарства, необходимость покориться ему, они не хотѣли, по-край-
мѣрѣ, покоряться Шуйскому, ибо, покорясь сопернику его, они
лись получить милость вмѣсто наказанія за прежнее противо-
дарственное поведеніе. Но кто же былъ этотъ соперникъ Шуй-
о, которому могло покориться и государство?

же прежде было сказано, почему Сигизмундъ не смѣлъ преслѣ-
ть своихъ династическихъ интересовъ, которые стояли въ про-
ложности съ интересами республики; и при этомъ было ска-
такъ же, что Сигизмундъ не могъ надѣяться на добровольное
реніе Московскаго государства прямо ему, отъявленному като-
ку государю державы вѣчно враждебной и теперь болѣе, чѣмъ
-либо. Замышляемое покореніе могло быть произведено только
ь посредство сына его Владислава, который могъ быть осо-
царемъ московскимъ, и на котораго уже указывали бояре еще
ервомъ Лжедимитріи. Такъ не удалась попытка пословъ поль-
, которымъ поручено было волновать Москву изъ Тушина
явъ Шуйскаго въ пользу Сигизмунда. Купцы изъ южной пра-
вной Руси, находившіеся въ Москвѣ, дали знать жителямъ,
ъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка, введшаго Унію (1). Видя
зможность дѣйствовать именемъ Сигизмунда, начали дѣйство-
именемъ Владислава, и получили успѣхъ. Самозванцевы вое-
, поставленные во Ржевѣ Володимеровѣ и Зубцовѣ — Гаврила
луновъ и князья Левъ Шаховской и Черкаскій присягнули Вла-
аву. 31 января имѣло мѣсто торжественное представленіе пос-
отъ русскихъ тушинцевъ; явились люди всякаго чина и при-
на себя представительство всего Московскаго государства: М.
алтыковъ съ сыномъ Иваномъ, князь Василій Михайловичъ Ру-
-Мосальскій, князь Юрій Хворостинъ, Левъ Плещеевъ, Никита
яминовъ, дьяки: Грамотинъ, Чичеринъ, Соловецкій, Витовтовъ,
ксинъ и Юрьевъ; явился и Михайло Молчановъ, и Тимоѳей Гря-
, и Ѳедоръ Андроновъ, московскій купецъ гостиной сотни.
йло Салтыковъ началъ рѣчь (2), говорилъ о расположеніи мос-

(1) Двен. осады Смол., стр. 165.
(2) Тамъ же, стр. 173; Niemcewicz, II, p. 269.

ковскаго народа къ королю и отъ имени народа благодарилъ коро
за милость. Сынъ Михайлы, Иванъ Салтыковъ билъ челомъ корол
отъ имени Филарета, нареченнаго патріарха, и отъ имени всег
духовенства, и такъ же благодарилъ Сигизмунда за стараніе во
ворить миръ въ Московскомъ государствѣ. Наконецъ дьякъ Гр
мотинъ, отъ имени думы, двора и всѣхъ людей, объявилъ, что и
Московскомъ государствѣ желаютъ имѣть царемъ королевича Вл
дислава, если только король сохранитъ ненарушимо греческую вѣру,
и не только не коснется древнихъ правъ и вольностей московскаго
народа, но еще прибавитъ такія права и вольности, какихъ преж
не бывало въ Московскомъ государствѣ. Изъ этого видно, что дол
гое пребываніе русскихъ и поляковъ въ одномъ лагерѣ произвел
свое дѣйствіе; но тутъ же обнаружилось непреодолимое препятств
къ слитію Московскаго государства съ Польшею, обнаружилась
основа русской самобытности: предводитель падшихъ чадъ Москов
скаго государства, М. Г. Салтыковъ заплакалъ, когда началъ про
сить короля о соблюденіи греческой вѣры; забывши все, пожертво
вавъ всѣмъ, Салтыковъ не могъ оставаться равнодушнымъ тольк
при мысли о той опасности, которая ждетъ православіе со стороны
фанатика Сигизмунда; слезы Салтыкова были для короля стран
нымъ вызовомъ, который онъ получилъ отъ Руси, вызовомъ н
смертельный бой за основу ея быта и народности. Такъ, когда ви
лись переговоры между сенаторами и послами объ условіяхъ, на
торыхъ Владиславу быть царемъ московскимъ, русскіе прежде всег
требовали сохранія православія. Наконецъ согласились на слѣ
ющихъ условіяхъ (1): 1) Владиславъ долженъ былъ короноваться в
Москвѣ отъ руки патріарха, по старому обычаю; король прибавил
сюда, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совер
шенное спокойствіе въ государствѣ. Изъ этой прибавки явно нам
реніе Сигизмунда не посылать сына въ Москву, но, подъ предло
гомъ неустановившагося спокойствія, домогаться подчиненія госу
дарства ему, королю. 2) Чтобъ святая вѣра греческаго закона оста
валась неприкосновенною «и абы учители римскіе и люторскіе и
иныхъ вѣръ разорванья церковнаго не чинили. А которые римскіе
вѣры захочутъ приходить до церкви греческіе, тые або при
ходили зо страхомъ, якъ пристоитъ православнымъ христіа
номъ, а не гордостію....» — Сюда король прибавилъ, что для
поляковъ въ Москвѣ былъ выстроенъ костелъ, въ который
русскіе должны входить съ благоговѣніемъ; король и сынъ его
обѣщались не отводить никого отъ греческой вѣры, «пото-

(1) Сборникъ Муханова, № 104.

го вѣра есть даръ Божій, и силою отводить и притѣснять
е не годится.» — Жидамъ запрещенъ въѣздъ въ Московское
арство. 3) Король и сынъ его обязались чтить гробы и тѣла
ыхъ, чтить русское духовенство наравнѣ съ католическимъ и
ѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только
огать прежнихъ имѣній и правъ духовенства, но и распростра-
нхъ. 5) Тоже самое условіе имѣетъ силу и относительно бояръ,
ьничихъ и всякихъ думныхъ и ближнихъ и приказныхъ людей.
ужилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье
ъ выдаваемо, какъ при прежнихъ законныхъ государяхъ. 7)
условіе имѣетъ силу относительно ружниковъ и оброчниковъ.
арина удерживается и относительно судовъ; перемѣны же зако-
зависитъ отъ бояръ и всей земли. 9) Оборонительный и наступ-
ьный союзъ Москвы и Польши противъ всѣхъ непріятелей.
а татарскихъ украйнахъ держать обоимъ государствамъ людей
ца, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ чинами
евства. 11) Повторено обѣщаніе Шуйскаго: никого не казнить,
дя сперва съ боярами и думными людьми; имѣніе казненныхъ
тся наслѣдникамъ; король не долженъ никого выводить [illegible]
о въ Литву и въ Польшу. Въ этой статьѣ замѣчательны еще
ловія: а) великихъ становъ невинно не понижати, а меншей
подносити водлугъ заслугъ.» Здѣсь видно вліяніе дьяковъ и
, подобныхъ Андронову; столкновеніе около Сигизмунда людей
сословій произвело свое дѣйствіе: выхваченные бурею междоусо-
вія снизу наверхъ, люди неродовитые хотятъ удержать свое
еніе, требуютъ, чтобъ новое правительство [illegible]
ганъ. b) «А для науки вольно каждому з народу московского
ъ ѣздити въ иншія государства христіанскія, окромъ бусур-
ихъ поганскихъ, а государь его милость отчины и маетности
овъ у нихъ за то отымовати не будетъ.» 12) Русскихъ плѣн-
ь, отведенныхъ въ Польшу, возвратить. 13) Польскимъ и ли-
мъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Москов-
государствѣ; тѣхъ пановъ, которые останутся при Владиславѣ
дать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и вотчинами; но
ь общаго совѣта обоихъ государствъ; также король велѣлъ
ворить съ думными боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ
тахъ польскіе люди могли остаться до совершеннаго успокое-
ударства. Это условіе было выгодно для Сигизмунда; онъ
ъ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей, могъ [illegible]
рѣ, удержать въ своихъ рукахъ пограничныя мѣста. 14) Сохра-
держивалась относительно денежныхъ сборовъ; король не
рибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ лю-

дей; податямъ подлежатъ только мѣста заселенныя. 15) Вольная торговля между обоими государствами; русскіе купцы могутъ ѣздить и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещенъ на Руси, и между Русью и Литвою. Причины этого условія могли быть слѣдующія: a) опасность возстановленія перехода при тогдашнемъ состояніи: лишивши возможность перехода, боялись увеличить число людей безъ домовныхъ. Должно замѣтить при этомъ, что Шуйскій хотя и не одобрялъ этой мѣры Годунова, однако подтвердилъ ее. b) Мѣра Годунова была выгодна для мелкихъ помѣщиковъ и отчинниковъ; уничтоженіе ея теперь могло разорить ихъ, ибо, послѣ страшнаго опустошенія, богатые отчинники и монастыри, нуждаясь въ крестьянахъ, дали бы большія льготы послѣднимъ, и такимъ образомъ переманили бы ихъ отъ помѣщиковъ мелкихъ; послѣдніе, какъ было замѣчено, имѣли большую силу при переговорахъ съ Сигизмундомъ; разумѣется, они постарались внести это выгодное для себя условіе. 17) Холоповъ невольниковъ боярскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобъ служили панамъ своимъ по прежнему, а волю не давать. 18) Относительно казаковъ волжскихъ, донскихъ, яицкихъ и терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли они надобны, или нѣтъ!

Въ приведенномъ договорѣ насъ поражаетъ особенно то, что первомъ планѣ король его милость, а не королевичъ; ясно было, что имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмунда, который спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впередъ для ихъ исполненія: онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласились повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали ему присягу: «А пока Богъ намъ дастъ его государя (Владислава) на Московское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть его государскому отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю польскому и великому князю литовскому, Жигимонту Ивановичу (1).» Достигнувъ этого, король отправилъ къ польскимъ сенаторамъ письмо, изъ котораго ясно оказывается намѣреніе его насчетъ Московскаго государства. Увѣдомивъ сенаторовъ о пріѣздѣ тушинскихъ пословъ и объ ихъ просьбѣ насчетъ Владислава, король продолжаетъ: «Хотя при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту здѣшнихъ пановъ нашихъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и москвитянъ, державшихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ выгоднѣйшій оборотъ: но такъ-какъ мы предприняли походъ не

(1) Niemcewicz, II, 275.

собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей
оды республики, то мы безъ соизволенія всѣхъ чиновъ ея не
ѣли постановить съ ними ничего положительнаго.» Отстранивъ
имъ образомъ отъ себя нареканіе въ томъ, что онъ преслѣдуетъ
ько свои династическія цѣли, король обращается къ сенаторамъ
просьбою о помощи войсковъ и деньгами, ибо, пишетъ онъ,
ько недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣту-
му положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умно-
нію славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже
совершенному овладѣнію цѣлою Московскою монархіею [1].

Русскіе тушинцы, заключивъ отдѣльный договоръ съ королемъ,
ъ самымъ нарушили обѣщаніе не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла
ьской конфедераціи. Польскіе тушинцы сильно негодовали на
ъ за это и, несмотря однако на отказаніе [illegible]
и своихъ требованій: они хотѣли не только обезпеченія жало-
ья и наградъ казною московскою въ случаѣ удачи похода, а эко-
ическими имѣніями и староствами въ Польшѣ въ случаѣ неудачи,
но какъ выдачи не въ зачетъ службы четверти жалованья [illegible]
ѣли такъ же удѣла для Марины и мужа ея. Король обѣщалъ удо-
творить ихъ требованіямъ касательно будущихъ наградъ, [illegible]
выдачи четвертного жалованья впередъ обѣщалъ сдѣлать [illegible]
ое вспоможеніе деньгами, оружіемъ и [illegible]
послѣ переговоровъ, для которыхъ отправлялъ въ Тушино [illegible]
оцкаго. Между тѣмъ Марина, видя, что трудно убѣдить тушин-
хъ поляковъ снова принять сторону мужа ея, и боясь, чтобъ [illegible]
скій не выдалъ ее королю, убѣжала изъ Тушина [illegible]
гусарскомъ платьѣ, самъ-третій съ двумя слугами [illegible]
браться прямо въ Калугу, но сбилась съ дороги и [illegible]
Дмитровъ къ Сапѣгѣ, и оттуда уже отправилась въ Калугу [illegible]
али въ лагерѣ о бѣгствѣ Марины, [illegible]
ой имѣлъ мѣсто и послѣ отъѣзда [illegible]
онны разносили по лагерю [illegible]
жаловалась на измѣну, [illegible]
да быть выданною королю, и [illegible]
ей присяги, не забывать, [illegible]
ъ только ожидать наградъ. [illegible]
инскихъ поляковъ [illegible]
отъ короля ожидать нечего, [illegible]
раду, и потому пришли въ страшную [illegible]
инскому съ обнаженными саблями [illegible]

---

[1]) Niemcewicz, II, Nota № IX.

дей; податямъ подлежатъ только мѣста заселенныя. 15) Вол… торговля между обоими государствами; русскіе купцы могутъ … и въ чужія страны черезъ Польшу и Литву; тамги остаются стар… 16) Крестьянскій переходъ запрещенъ на Руси, и между Русь… Литвою. Причины этого условія могли быть слѣдующія: а) … ность возстановленія перехода при тогдашнемъ состояніи: … ши возможность перехода, боялись увеличить число людей … домовныхъ. Должно замѣтить при этомъ, что Шуйскій … не одобрялъ этой мѣры Годунова, однако подтвердилъ ее. b) … Годунова была выгодна для мелкихъ помѣщиковъ и отчинни… уничтоженіе ея теперь могло разорить ихъ, ибо, послѣ страш… опустошенія, богатые отчинники и монастыри, нуждаясь въ кре… нахъ, дали бы большія льготы послѣднимъ, и такимъ образомъ … реманили бы ихъ отъ помѣщиковъ мелкихъ; послѣдніе, какъ … замѣчено, имѣли большую силу при переговорахъ съ Сигизмун… разумѣется, они постарались внести это выгодное для себя усл… 17) Холоповъ невольниковъ боярскихъ оставить въ прежнемъ … женіи, чтобъ служили панамъ своимъ по прежнему, а воли … давать. 18) Относительно казаковъ волжскихъ, донскихъ, … и терскихъ король долженъ будетъ держать совѣтъ съ бояр… думными людьми: будутъ ли они надобны, или нѣтъ!

Въ приведенномъ договорѣ насъ поражаетъ особенно то, … первомъ планѣ король его милость, а не королевичъ; ясно было … имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замы… Сигизмунда, который спѣшилъ сдѣлать и второй шагъ впереди … ихъ исполненія: онъ потребовалъ отъ пословъ, и послы согласи… повиноваться ему до прибытія Владислава, въ чемъ и дали ему … сягу: «А пока Богъ намъ дастъ его государя (Владислава) на … ковское государство, буду служить и прямить и добра хотѣть … государскому отцу, нынѣшнему наияснѣйшему королю польскому … великому князю литовскому, Жигимонту Ивановичу (1).» Достигнув … этого, король отправилъ къ польскимъ сенаторамъ письмо, … котораго ясно оказывается намѣреніе его насчетъ Московскаго … сударства. Увѣдомивъ сенаторовъ о пріѣздѣ тушинскихъ пословъ … объ ихъ просьбѣ насчетъ Владислава, король продолжаетъ: «Хотя … при такомъ усильномъ желаніи этихъ людей мы, по совѣту здѣшнихъ … пановъ нашихъ, и не разсудили вдругъ опровергнуть надежды ихъ … на сына нашего, дабы не упустить случая привлечь къ себѣ и мос… квитянъ, державшихъ сторону Шуйскаго, и дать дѣламъ нашимъ … выгоднѣйшій оборотъ: но такъ-какъ мы предприняли походъ не …

(1) Niemcewicz, II, 275.

собственной пользы нашей и потомства нашего, а для общей
ды республики, то мы безъ соизволенія всѣхъ чиновъ ея не
ли постановить съ ними ничего положительнаго.» Отстранивъ
мъ образомъ отъ себя нарсканіе въ томъ, что онъ преслѣдуетъ
ко свои династическія цѣли, король обращается къ сенаторамъ
росьбою о помощи войскомъ и деньгами, ибо, пишетъ онъ,
ко недостатокъ въ деньгахъ можетъ помѣшать такому цвѣту-
у положенію дѣлъ нашихъ, когда открывается путь къ умно-
ю славы рыцарства, къ расширенію границъ республики и даже
овершенному овладѣнію цѣлою Московскою монархіею (1).

Русскіе тушинцы, заключивъ отдѣльный договоръ съ королемъ,
ъ самымъ нарушили обѣщаніе не отдѣлять своего дѣла отъ дѣла
ской конфедераціи. Польскіе тушинцы сильно негодовали на
ъ за это и, несмотря однако на отпаденіе союзниковъ, не умѣ-
и своихъ требованій: они хотѣли не только обезпеченія жало-
я и наградъ казною московскою въ случаѣ удачи похода, и эко-
ическими имѣніями и староствами въ Польшѣ въ случаѣ неудачи,
ю какъ выдачи не въ зачетъ службы четверти жалованья: они
ли такъ же удѣла для Марины и мужа ея. Король обѣщалъ удо-
творить ихъ требованіямъ касательно будущихъ наградъ, вмѣсто
ыдачи четвертного жалованья впередъ обѣщалъ сдѣлать нѣко-
е вспоможеніе деньгами, оружіемъ и воинскими снарядами, но и
ослѣ переговоровъ, для которыхъ отправлялъ въ Тушино Яна
оцкаго. Между тѣмъ Марина, видя, что трудно убѣдить тушин-
съ поляковъ снова принять сторону мужа ея, и боясь, чтобъ Рос-
кій не выдалъ ее королю, убѣжала изъ Тушина ночью верхомъ
усарскомъ платьѣ, самъ-третей съ двумя слугами. Она хотѣла
браться прямо въ Калугу, но сбилась съ дороги и попала сперва
[митровъ къ Сапѣгѣ, и оттуда уже отправилась въ Калугу. Когда
ли въ лагерѣ о бѣгствѣ Марины, то возсталъ такой же мятежъ,
ой имѣлъ мѣсто и послѣ отъѣзда самозванцева. Приверженцы
ины разносили по лагерю оставленное ею письмо, въ которомъ
жаловалась на измѣну, писала, что удаляется, желая избѣжать
да быть выданною королю, и увѣщевала рыцарство не забывать
й присяги, не забывать, что отъ нея, Марины, они мо-
ъ только ожидать наградъ. Послѣднее напоминаніе поражало
инскихъ поляковъ всего болѣе: они очень хорошо знали,
отъ короля ожидать нечего, что онъ вырвалъ у нихъ изъ рукъ
аду, и потому пришли въ страшную ярость. Они приступили къ
инскому съ обнаженными саблями, называли его измѣнникомъ,

---

1) Niemcewicz, II, Nota № IX.

требовали возвращенія Лжедимитрія, единственнаго главы вы-
наго предпріятія, которое безъ него рушилось. Рожинскій долж
былъ скрыться отъ разъяренной толпы, хотѣвшей немедленно
правиться въ Калугу; на-силу остальные вожди уговорили шл
подождать обѣщанныхъ королемъ денегъ. Въ такихъ обстоя
ствахъ Рожинскій написалъ письмо къ Сигизмунду, гдѣ, увѣдом
его о бѣгствѣ Марины и мятежѣ войска, говорилъ, что если въ
ложенный срокъ не получится извѣстія, могущаго удовлетвор
рыцарство, то трудно будетъ удержать его отъ дальнѣйшаго бе
рядка. Чтобъ избавиться отъ опасностей, грозившихъ ему со всѣ
сторонъ — и отъ своей шляхты, и отъ Лжедимитрія изъ Калуги, и
войскъ московскихъ — Рожинскому необходимо было немедлен
прибытіе короля на-помощь: вотъ почему онъ старается убѣ
Сигизмунда къ скорому походу въ Тушино увѣдомленіемъ, что м
квичи сильно желаютъ этого, что Василій Шуйскій въ распрѣ с
Скопинымъ; Рожинскій прибавляетъ, что не мѣшалобъ напис
письмо къ Скопину, котораго, по словамъ лазутчиковъ, нетру
будетъ преклонить на польскую сторону; что русскіе тушинцы, в
стѣ съ патріархомъ Филаретомъ, оскорблены невниманіемъ коро
который не прислалъ къ нимъ еще ни одной грамоты, равно ра
бойничествомъ запорожцевъ въ Зубцовскомъ уѣздѣ (¹). Но н
роль, ни даже обѣщанный Потоцкій не тронулись изъ-подъ Смол
ска къ Тушину, и потому Рожинскій принужденъ былъ, заки
лагерь, выступить по дорогѣ къ Іосифову Волоколамскому мона
тырю: немногіе изъ русскихъ тушинцевъ послѣдовали за ним
бо́льшая часть поѣхали съ повинною или въ Москву, или въ Калу

Между тѣмъ Скопинъ, по своему обычаю, медленно, выжидая
поджидая, все болѣе и болѣе приближался къ Москвѣ. Одною из
главныхъ причинъ медленности его было несоглашеніе съ шведам
которые, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ Шуйскаго, вынуж
дали новые договоры, новыя уступки; несмотря на сопротивле
жителей, Корѣла была отдана шведамъ; мало того, Шуйскій долже
былъ обязаться: «Нашему царскому величеству вамъ любительно
государю Каролусу королю, противъ вашіе любви и дружбы и вспо
моженья и проторей, которые вамъ учинились и впередъ учинятся
полное воздаяніе воздати, чтобъ тѣхъ проторей стоило, чего вы
нашего царскаго величества, по достоянію попросишь, го́рода, или
земли́, или уѣзда» (²). Этою уступкою еще куплена была помощь

(¹) Niemcewicz, II, 266, 281—285.
(²) Истор. Смут. врем. III, прилож. № V.

4,000 отряда шведовъ. Несмотря на то, что отрядъ скопинскаго войска былъ разбитъ Лисовскимъ подъ Суздалемъ, Сапѣга не могъ долѣе оставаться подъ Троицкимъ монастыремъ и отступилъ въ Дмитровъ. Такъ кончилась знаменитая троицкая осада! Въ тоже время ожидаемое шведское подкрѣпленіе прибыло, и Скопинъ двинулся впередъ; Сапѣга принужденъ былъ выйти изъ Дмитрова и, оставя въ Іосифовомъ монастырѣ безпокойную шляхту свою, которая вошла въ сношенія съ Самозванцемъ, самъ отправился въ лагерь къ королю для переговоровъ. Дѣла Шуйскаго видимо принимали благопріятный оборотъ: тушинскій полякъ Вильчекъ, начальствовавшій въ Можайскѣ, продалъ этотъ городъ царю за 100 рублей (1) (333½ нынѣшнихъ серебряныхъ). Когда Скопинъ узналъ, что и Тушино оставлено Рожинскимъ, то, не имѣя болѣе причины опасаться съ кѣмъ-нибудь рѣшительнаго боя, тотчасъ двинулся къ Москвѣ

Уже выше было замѣчено, какъ сильное исканіе точки опоры возвысило Скопина въ глазахъ народа. Онъ не одержалъ ни одной рѣшительной побѣды, не прогналъ ни Сапѣги, ни Лжедимитрія, ни Рожинскаго: прогналъ ихъ Сигизмундъ; но Скопинъ не былъ самъ побѣжденъ въ рѣшительномъ бою, его имя такъ долго было неразлучно съ надеждою избавленія Москвы: вотъ почему, когда Рожинскій бѣжалъ изъ Тушина, а Сапѣга снялъ осаду Троицкаго монастыря, и Скопинъ вступалъ въ Москву непобѣжденнымъ, то восторженный народъ принялъ его какъ побѣдителя, ему приписалъ свое освобожденіе. Въ то время, какъ Василій Шуйскій оказывалъ видимую недѣятельность, сидя въ Москвѣ, подвергаясь поруганіямъ отъ возмутителей, что́ болѣе и болѣе унижало его въ глазахъ народа, Скопинъ былъ далеко и дѣйствовалъ для спасенія отечества, былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ, чего государство требовало отъ царя; справедливо сказано, что слава растетъ въ удаленіи, близость уменьшаетъ славу (2). Всѣ стороны положенія дяди и племянника были не къ выгодѣ Василія и къ выгодѣ Михаила, и народъ принялъ послѣдняго какъ царя. По приказу Василія, вельможи встрѣтили Скопина у городскихъ воротъ; но граждане предупредили ихъ, падали ницъ и со слезами били челомъ за избавленіе (3). Современный писатель сравниваетъ пріемъ Скопина съ торжествомъ Давида, котораго израильтяне чтили болѣе, чѣмъ Саула. Это сравненіе Палицына повторено и въ Псковской лѣтописи.... Для Василія было довольно оскорбительнаго въ народномъ восторгѣ къ Скопину; однако онъ не

(1) Дневникъ осады Смол., стр. 182.

(2) Fama crescit eundo, minuit praesentia famam.

(3) Никон. VIII, 131.

показался оскорбленнымъ и принялъ племянника какъ слѣдовало признательному государю и любящему родственнику. Иначе вел себя братъ царскій, князь Димитрій Шуйскій: царь Василій имѣлъ только одну или двухъ дочерей, которыя умерли въ младенчествѣ; слѣдовательно, братъ его Димитрій считалъ себя наслѣдникомъ престола; но вдругъ увидѣлъ старшаго соперника въ Михаилѣ, которому сулило вѣнецъ согласіе народа, при неутвержденномъ еще порядкѣ престолонаслѣдія; за Скопина же еще было право происхожденія отъ старшей линіи Шуйскихъ-Суздальскихъ. Вотъ почему, если Василій Шуйскій имѣлъ причины сердиться на Скопина за своевольный поступокъ съ лапуновскими посланцами, если имѣлъ причину завидовать ему, то Димитрій имѣлъ причины ненавидѣть Михаила. Онъ явился самымъ ревностнымъ навѣтникомъ на племянника передъ царемъ: послѣдній, или будучи увѣренъ въ скромности Скопина, не опасаясь видѣть въ немъ соперника и не имѣя причины желать отстраненія его отъ наслѣдства, или, по-крайней-мѣрѣ, побуждаемый благоразуміемъ не начинать вражды съ любимцемъ народа, сильно осердился на брата за его докучные навѣты, и даже, говорятъ, прогналъ его однажды отъ себя палкою. Говорятъ такъ же, что онъ имѣлъ искреннее объясненіе съ Скопинымъ, при чемъ послѣдній старался показать свою невинность и опасность вражды въ такое опасное время (1). Несмотря на то однако, что царь не показывалъ малѣйшей непріязни къ Скопину, народъ, нелюбившій Василія, привыкшій обвинять его, толковалъ уже о враждѣ дяди съ племянникомъ. Эти слухи разносились далеко, черезъ Тушино доходили въ станъ смоленскій. Делагарди, слыша о зависти и ненависти, преувеличенной любовію народа къ Скопину и нелюбьемъ къ Василію, остерегалъ Михаила, уговаривалъ его какъ можно скорѣе оставить дворъ и двинуться къ Смоленску. Въ это время послѣдовалъ окончательный ударъ судьбы для несчастнаго Василія: Скопинъ внезапно занемогъ и послѣ двухъ-недѣльной болѣзни умеръ. Пошелъ общій слухъ объ отравѣ; знали ненависть къ покойному дяди его, князя Димитрія, и указали на него, какъ на отравителя: толпа народа двинулась-было къ дому царскаго брата, но была отогнана войскомъ. Теперь мы должны заняться вопросомъ объ основательности народнаго слуха. Современникъ Полицынъ и современные лѣтописцы далеки отъ рѣшительнаго обвиненія. Въ лѣтописи читаемъ: «Мнози же на Москвѣ говоряху то, что испортила ево тетка ево княгиня Катерина князь Дмитреева Шуйсково, а подлинно то единому

(1) Карамз. XII, примѣч. 522.

огу вѣдомо» (1). Палицынъ (2) говоритъ почти тѣми же словами: Невѣмы, како реши, Божій ли судъ нань постиже, или злыхъ человѣкъ умышленіе совершися? единъ создавый насъ се вѣсть.» Жолкѣвскій, которому пріятели его бояре, враги Шуйскаго, не преминули бы разсказать подробно объ отравленіи, еслибъ оно въ-самомъ-дѣлѣ имѣло мѣсто, Жолкѣвскій отвергаетъ обвиненіе, приписывая мерть Скопина болѣзни (3). Этимъ важнымъ свидѣтельствомъ опровергается голословное свидѣтельство другого иноземца, автора московской хроники, нерасположеннаго къ Шуйскому. Псковскій лѣтописецъ, по извѣстнымъ намъ причинамъ такъ же нелюбившій Шуйскаго, говоритъ утвердительно объ отравѣ, обстоятельно разсказывая, какъ жена Димитрія Шуйскаго на пиру сама поднесла Скопину чашу, заключавшую отраву. Но въ этомъ разсказѣ встрѣчаемъ смѣшное искаженіе, отнимающее у него вѣру: въ извѣстной рукописи Филарета сказано, что Скопинъ разболѣлся на крестинномъ пиру у князя Ивана Мих. Воротынскаго; у псковского лѣтописца вмѣсто крестиннаго пира вышла Христина отравительница (4).

Какъ бы то ни было однако, я уже сказалъ, что смерть Скопина была самымъ тяжелымъ ударомъ для Шуйскаго: любовь народная ревнива и подозрительна, и потому пріятно было вѣрить слуху объ отравленіи Скопина и объ участіи Василія въ этомъ злодѣйствѣ; отсюда усиленіе народнаго нелюбья къ нему. Съ другой стороны, страшный ударъ, постигшій государство именно въ ту минуту, когда оно начинало только надѣяться на умилостивленіе небесное, долженъ былъ отнять у народа послѣдній духъ, послѣднія силы; не было болѣе точки опоры, нечего было ждать болѣе отъ Шуйскихъ: Василій при дверяхъ гроба, наслѣдникъ — братъ его Димитрій, который и безъ обвиненія въ отравѣ племянника не могъ быть любимъ и уважаемъ въ народѣ. Можно сказать, что смертію Скопина домъ Шуйскихъ пересталъ царствовать: Михаилъ былъ, собственно говоря, послѣдній изъ Рюриковичей, вѣнчанный въ сердцахъ народа, и народъ, говорятъ, плакалъ по немъ, какъ плакалъ по царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ (5); въ другой разъ домъ Рюрика пресѣкался на престолѣ московскомъ.

Но что же дѣлали враги Москвы, когда она торжествовала приходъ своего излюбленника, и потомъ оплакивала преждевременную его

(1) Никон. VIII, 132.
(2) Стр. 231.
(3) Стр. 63.
(4) См. № 111 приложеній къ рукописи Жолкѣвскаго, изд. Мухановымъ.
(5) Никон. VIII, 132.

кончину? Тушинскіе поляки, раздосадованные тѣмъ, что поход
роля виною всѣхъ ихъ неудачъ, отправили въ смоленскій стан
выхъ пословъ съ упреками Сигизмунду; на эти упреки отвѣчали
тоже, что и прежнимъ посламъ, нимало не склоняясь къ уступк
между тѣмъ Рожинскій умеръ въ Волоколамскѣ, еще очень мол
35 лѣтъ. Тогда войско его, оставя отрядъ въ Іосифовомъ монас
рѣ, подвинулось поближе къ королевскому лагерю и остановилось
селеніи Хлепень. Здѣсь то нашли его послы, отправленные къ С
гизмунду, и увѣдомили о неудачѣ своего посольства. Тогда поля
раздѣлились: одни, подъ начальствомъ Зборовскаго, остались
Хлепенѣ съ цѣлію не разрывать совершенно связи съ королемъ; др
гіе же двинулись къ Калугѣ съ цѣлію соединиться съ Самозванц
къ нимъ присталъ и Сапѣга. Но этотъ хитрецъ видимо только
нялъ ихъ сторону, тайно же сносился съ королемъ и принялъ о
него порученіе наблюдать за движеніями Самозванца. Поляки, п
шіеся въ Калугу къ Лжедимитрію, нашли здѣсь уже не тѣ отно
нія, что прежде, не то расположеніе царика и не то цвѣтущее с
стояніе дѣлъ его. Въ такихъ обстоятельствахъ они хотѣли куп
бо́льшія уступки у короля головою Самозванца и предложили С
гизмунду убить вора. Но кромѣ гнусности предложенія, Сигизмун
понималъ, какъ повредило его дѣлу обезсиленіе Лжедимитрія, и
тому никакъ не хотѣлъ конечной гибели этого пугала Москвы:
запретилъ полякамъ покушаться на убійство мужа Марины (1).

Между тѣмъ король, на всякой случай, хотѣлъ овладѣть с
скою страною, чтобы при неудачѣ дѣлъ московскихъ и смоленски
указывать рѣчи посполитой по-крайней-мѣрѣ на это пріобрѣте
Онъ велѣлъ двинуться туда семитысячному отряду запорожски
казаковъ.... Здѣсь обнаружилась и та внутренняя, духовна
связь, которая существовала между частями Московскаго госу
дарства.... Сѣверская страна, съ торжествомъ принявшая об
ихъ Самозванцевъ, теперь выставила отчаянное, геройское со
противленіе противъ казаковъ, хотѣвшихъ покориться подъ держа
ву иновѣрной Польши; этимъ геройскимъ сопротивленіемъ, которо
не должно терять своего блеска и достоинства ни предъ сопротивле
ніемъ Троицкаго монастыря, ни предъ сопротивленіемъ Смоленска
погибшая и оскверненная Украйна загладила свой грѣхъ пред
Русью, предъ Московскимъ государствомъ. Первую очистительную
жертву принесли стародубцы (2), которые прежде всѣхъ про-

(1) Рукопись Жолкѣвск., стр. 62, 67.
(2) Дневн. осады Смоленска, стр. 184.

возгласили вора: они ожесточенно рѣзались съ запорожцами, и когда городъ ихъ былъ охваченъ пламенемъ, бросили въ огонь сперва имущество, а потомъ кинулись и сами; только малое количество пушекъ и малое количество жителей, въ томъ числѣ воевода князь Андрей Хованскій, достались въ плѣнъ казакамъ и были отправлены къ Сигизмунду. Такое же мужество оказали и жители Почепа: 4,000 изъ нихъ погибли при упорной защитѣ; но и ихъ городъ, охваченный пламенемъ, принужденъ былъ сдаться. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ менѣе сопротивленія; Новгородъ-Сѣверскъ такъ же присягнулъ Владиславу; Мосальскъ былъ взятъ приступомъ; Бѣлая, послѣ шестимѣсячной осады, принуждена голодомъ къ сдачѣ. Смоленскъ все держался, и имѣлъ причины къ такому упорному сопротивленію: поляки, и особенно запорожцы, несмотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ народоселенія городовъ, сдававшихся на имя Владислава. Но у смолянъ было еще другое, высшее побужденіе; борьба ихъ съ Сигизмундомъ имѣла смыслъ религіозный; вотъ почему въ этой священной борьбѣ архіепископъ получаетъ особенное значеніе. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ польскомъ лагерѣ, что въ городѣ голодъ и моровое повѣтріе, что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ-было сдать крѣпость королю, но архіепископъ Сергій не допустилъ до того. Однажды міръ съ воеводою ходилъ уговаривать архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей не предастъ, и охотнѣе допуститъ умертвить себя, чѣмъ сдать крѣпость. Народъ, увлеченный этими рѣчами, отложилъ намѣреніе свое и, надѣвъ на Сергія опять святительское облаченіе, поклялся стоять противъ ляховъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку; но и на это архіепископъ не согласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ королю. (1) Послѣдній находился въ довольно затруднительномъ положеніи: онъ вошелъ въ предѣлы Московскаго государства, думая воспользоваться его смутами, и теперь видѣлъ, что его непріязненное движеніе всего болѣе способствовало прекращенію этихъ смутъ, и онъ, съ малочисленнымъ войскомъ, долженъ былъ бороться противъ соединенныхъ силъ Москвы и Швеціи. Въ королевскомъ совѣтѣ рѣшено было отправить въ Москву съ мирными предложеніями; но царь Василій, видя, что счастіе обратилось на его сторону, запретилъ своимъ воеводамъ пропускать польскихъ пословъ до тѣхъ поръ, пока король

(1) Дневн. осады Смол., стр. 187.

не выйдетъ изъ московскихъ предѣловъ. (1) Между тѣмъ Горихъ с 4,000 отрядомъ переступилъ русскую границу изъ Финляндіи, соединился въ Старицѣ съ княземъ Хованскимъ, истребилъ много запорожцевъ у Ржева, занялъ Зубцовъ; тогда предводители тушинцевъ, вступившихъ въ королевскую службу — Зборовскій и Зарудкій, принуждены были отступить; Лисовскій такъ же оставилъ Суздаль и перешелъ въ Великіе-Луки, — какъ вдругъ весь этотъ благопріятный оборотъ дѣлъ былъ испорченъ смертію Скопина; государство снова замутилось, и снова роковой человѣкъ явился на сцену.

Смертію Скопина окончательно разрывалась связь между Шуйскимъ и народомъ; но, какъ въ первый разъ, тотчасъ по избраніи Василія, хотя сердца народа были далеки отъ него, однако масса людей спокойныхъ не двигалась и ждала человѣка, который бы произнесъ роковое слово, указалъ какой-нибудь выходъ изъ мучительнаго, нерѣшительнаго положенія: однимъ изъ первыхъ двигателей явился тогда Ляпуновъ. И теперь, когда большинство было вооружено противъ Василія, приписывая ему смерть Михаила; другіе, хотя и не вѣрили отравленію, однако, видя, что Шуйскій не могъ дать никакого ручательства за будущее, готовы были отречься отъ него, — и въ эту важную минуту, когда всѣ были готовы, всѣ ждали, является опять Ляпуновъ. Мы видѣли, какъ онъ выдержалъ и предложилъ вѣнецъ Скопину. Потерпѣвъ неудачная, что царю открыты его замыслы, Ляпуновъ не могъ ожидать милости изъ Москвы, и потому ждалъ только предлога отложиться отъ Василія. Смерть Скопина и молва объ отравленіи послужили Ляпунову какъ нельзя лучше; земля рязанская опять встала на голосъ своего *властеля*, обвиняющій Шуйскаго; опять Ляпуновъ и сталъ разбирать средствъ для достиженія своей цѣли и завелъ переговоры съ царскомъ калужскимъ, а между тѣмъ послалъ возмущать города, вѣрные московскому правительству, между прочими и Зарайскъ, гдѣ воеводою тогда былъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Здѣсь впервые эти два лица — Ляпуновъ и Пожарскій, приходятъ въ столкновеніе другъ съ другомъ, и тотчасъ же обнаруживается разница между ними. Ляпуновъ былъ готовъ на все, чтобы только удовлетворить снѣдающей жаждѣ.... Цѣль возстанія Ляпунова и ему подобныхъ есть само возстаніе, а не возстановленіе мира и порядка. Совершенно инымъ характеромъ отличался Пожарскій. Потомки князей Стародубскихъ, происходившихъ отъ младшаго сына Всеволода III, князья Пожарскіе, *захудали* и были от-

(1) Рукоп. Жолкѣвскаго, стр. 65.

тѣснены отъ высшихъ мѣстъ въ государствѣ. Дмитрій Михайловичъ является при дворѣ Годунова вмѣстѣ съ матерью. Необыкновенно скромный, свято чтившій существующій порядокъ вещей, смотрѣвшій на всякое отступленіе отъ него, какъ на ересь, совѣстливый въ исполненіи своего долга, буквально исполнявшій присягу, разъ данную, Пожарскій былъ образцомъ и представителемъ спокойной массы народонаселенія, котораго единственнымъ желаніемъ было возстановленіе порядка вещей: вотъ почему, когда эта масса людей возстала, оскорбленная въ самыхъ святыхъ своихъ интересахъ, Пожарскій такъ пришелся по ней, явился естественнымъ ея предводителемъ, вполнѣ сочувствующимъ смыслу, цѣли возстанія. Что было прежде сказано о Скопинѣ, то должно быть повторено и о Пожарскомъ: это былъ безцѣнный начальникъ общаго ополченія, при отсутствіи власти, блюдущей порядокъ, сохраняющей подчиненность; ибо своею скромностію, уступчивостію, малымъ мнѣніемъ о самомъ себѣ, онъ ни кого не оскорблялъ, не возбуждалъ сильной зависти и нелюбья. Вѣрный Борису, вѣрный и Лжедимитрію, Пожарскій былъ вѣренъ и Шуйскому, давши разъ ему присягу. Какъ видно, и Шуйскій разгадалъ характеръ Пожарскаго, ибо употреблялъ его въ важныхъ случаяхъ, и Пожарскій оправдывалъ довѣренность царскую: гдѣ ни встрѣчался съ врагомъ, тамъ побѣждалъ. Довѣренность Шуйскаго къ князю Дмитрію видна еще изъ того, что онъ поручилъ ему воеводство въ Зарайскѣ, въ пунктѣ важномъ, въ странѣ безпокойной, между Рязанью и Калугою. И тутъ Пожарскій оправдалъ довѣренность царя: когда Ляпуновъ прислалъ къ зарайскому воеводѣ племянника своего, Ѳедора Ляпунова, убѣждать его соединиться съ землею рязанскою противъ Шуйскаго, то Пожарскій не присталъ къ его совѣту, отправилъ его грамоту въ Москву и требовалъ помощи у царя; при такомъ буквальномъ исполненіи присяги трудно заподозрить себя у человѣка самаго подозрительнаго; Василій тотчасъ отправилъ въ Зарайскъ отрядъ войска. Тогда Ляпуновъ кинулся на другую сторону, чтобъ ссадить Шуйскаго, по выраженію лѣтописца: онъ вошелъ въ думу съ боярином кн. Вас. Вас. Голицынымъ «и отъ Москвы отложися, и не нача царя Василья слушати». Такъ, когда послѣдній, слыша о пораженіи кн. Мосальскаго самозванцевымъ воеводою, кн. Черкаскимъ, послалъ къ первому подкрѣпленіе, то Ляпуновъ не пропустилъ его, «повелѣ имъ быти у себя».

Между тѣмъ нужно было двинуть войско противъ поляковъ; начальство надъ нимъ было поручено брату царскому, Димитрію. Король, узнавъ, что въ Можайскѣ собирается большое царское войско,

отправилъ на-встрѣчу къ нему гетмана Жолкѣвскаго. Дѣло шло у Царева Займища, гдѣ засѣли царскіе воеводы — князь Елецкій и Волуевъ. Несмотря на то, что у Жолкѣвскаго, по соединеніи съ Зборовскимъ, было 11,000 человѣкъ, и что слѣдовательно онъ былъ сильнѣе Елецкаго и Волуева, гетманъ не хотѣлъ приступомъ брать ихъ окоповъ, зная природу народонаселенія сѣверной Руси, слабаго въ чистомъ полѣ, по неимѣнію воинскаго искусства, но неодолимаго при защитѣ мѣстъ: «Московскій народъ очень стоекъ при защитѣ», говоритъ гетманъ въ своихъ запискахъ (1). Видя, что Жолкѣвскій намѣренъ голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, Елецкій и Волуевъ послали въ Можайскъ къ кн. Д. Шуйскому съ просьбою о немедленномъ освобожденіи. Шуйскій двинулся и сталъ у Клушина. Жолкѣвскій, узнавъ объ этомъ, рѣшился, несмотря на малочисленность своего войска въ сравненіи съ войскомъ царскимъ, напасть на послѣдняго, онъ расчитывалъ на выгоду, какую можетъ дать внезапное, стремительное нападеніе,—выгоду, которую такъ цѣнили военныя знаменитости позднѣйшаго времени — Суворовъ и Наполеонъ. Царское войско проиграло битву; причинами были, во-первыхъ, неискусство русской конницы, которая никакъ не шла въ сравненіе съ польскою, и которую Шуйскій неблагоразумно выставилъ впередъ; несмотря однако на разбитіе конницы, дѣло еще не было проиграно, и Шуйскій съ пѣхотою, засѣвши въ деревнѣ Клушинѣ, былъ готовъ къ сильный отпоръ, какъ дѣло было проиграно на другомъ пунктѣ шведскимъ военачальникомъ Делагарди, который былъ обращенъ въ бѣгство. За бѣгствомъ Делагарди послѣдовала измѣна наемныхъ иноземцевъ, перешедшихъ на сторону гетмана. Это послѣднее обстоятельство отняло духъ у Шуйскаго: онъ такъ же обратился въ бѣгство; весь обозъ его достался побѣдителю. Изъ наемниковъ — французы, нѣмцы и англичане вступили въ польскую службу; Делагарди и Горнъ, съ малочисленнымъ отрядомъ шведовъ, заключили договоръ съ Жолкѣвскимъ, по которому получили позволеніе отступить на сѣверъ, къ границамъ своего государства.

Изъ-подъ Клушина гетманъ возвратился опять подъ Царево Займище и увѣдомилъ Елецкаго и Волуева о своей побѣдѣ. Воеводы долго не вѣрили, и когда узнали страшную истину, то все еще не хотѣли сдаваться на имя королевича, а говорили Жолкѣвскому: «Ступай подъ Москву: будетъ Москва ваша, и мы будемъ готовы присягнуть королевичу». Гетманъ отвѣчалъ: «Когда возьму я васъ

(1) Стр. 83.

и Москва будетъ за нами (1)». Тогда воеводы неволею поцало-
крестъ Владиславу; но гетманъ, съ своей стороны, долженъ
присягнуть: христіянской вѣры у московскихъ людей не от-
ъ, престоловъ Божіихъ не разворять, костеловъ римскихъ въ
овскомъ государствѣ не строить; быть Владиславу государемъ
и прежніе природные государи; боярамъ и всякихъ чиновъ
ъ быть такъ же по прежнему; въ московскіе города не посылать
еводство польскихъ и литовскихъ людей, и въ старосство горо-
не отдавать; у дворянъ боярскихъ и всякихъ служилыхъ людей
анья, помѣстій и вотчинъ не отнимать; вообще московскимъ
ъ никакого вреда не дѣлать; противъ тушинскаго царика про-
ять за-одно; важна послѣдняя статья: «А какъ дастъ Богъ,
гъ челомъ государю наияснѣйшему королевичу Владиславу Жи-
товичу городъ Смоленскъ, и Жигимонту королю польскому и
зю литовскому итти отъ Смоленска прочь со всѣми ратными
кеми и литовскими людьми, и порухи и насильства на посадѣ и
здѣ никакіе не дѣлать, и помѣстья и вотчины смолнянамъ и
ыхъ городахъ, которые государю королевичу добили челомъ,
ити, и городамъ всѣмъ рубежнымъ быть къ московскому го-
ству по прежнему (2)».

олкѣвскій понималъ, что овладѣть Москвою можно только име-
Владислава, который долженъ былъ владѣть въ государствѣ,
владѣли прежніе природные государи; что малѣйшій намекъ
иженіе Московскаго государства предъ Польшею, на нарушеніе
блости, можетъ возстановить всю землю. Вотъ почему гетманъ
пается на условія, обезпечивающія самостоятельность и цѣ-
Московскаго государства, ибо его цѣль — какъ можно скорѣе
гуть Шуйскаго и возвести на его мѣсто королевича. Этимъ онъ
оканчивалъ походъ, который былъ начатъ при самыхъ не-
пріятныхъ обстоятельствахъ, въ который онъ вступилъ съ
жнымъ отрядомъ, какъ жертва, обреченная на гибель. Жол-
ій долженъ былъ выбирать изъ двухъ одно: или, уступая тре-
іямъ русскихъ, отнять Москву у Шуйскаго и отдать ее Влади-
; или, неуступая ихъ требованіямъ, преслѣдуя своекорыстныя
короля, видѣть противъ себя всю землю, стать между двумя
и, между Москвою и Калугою. Ясно, что Гетманъ долженъ
выбрать первое.

---

(1) Никон. VIII, 135.
(2) Сборникъ Муханова, № 105.

Послѣ присяги Елецкаго и Волуева Владиславу, и когда, по ихъ примѣру, присягнули ему Можайскъ, Борисовъ, Боровскъ, Іосифовъ монастырь, Погорѣлое Городище и Ржевъ, то войско Гетмана увеличилось 10,000 русскихъ. Самъ Жолкѣвскій говоритъ (1), что эти новые подданные королевича остались довольно вѣрными и доброжелательными, часто приносили ему изъ столицы извѣстія, входили въ сношенія съ своими, и переносили письма, которыя гетманъ писалъ въ Москву къ нѣкоторымъ лицамъ, равно какъ и универсалы, писанные съ намѣреніемъ низложить Шуйскаго. Къ этимъ универсаламъ гетманъ присоединялъ и запись, данную имъ воеводамъ при Царевѣ-Займищѣ, думая, что она послужитъ для московскихъ жителей полнымъ ручательствомъ за ихъ будущее при Владиславѣ. И вотъ что отвѣчали гетману изъ Москвы смоленскіе и брянскіе ратные люди, которымъ онъ чрезъ ихъ земляковъ подослалъ грамоты и запись: «Мы тѣ грамоты и отвѣтныя рѣчи и запись сами прочитали, давали читать въ Москвѣ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и многимъ разныхъ городовъ всякимъ людямъ; и они, прочитавъ, говорятъ что де въ записи не написано, чтобы Господарю нашему, Королевичу Владиславу Сигизмундовичу окреститися въ нашу христіанскую вѣру, и крестившись, сѣсть на Московскомъ господарствѣ». Гетманъ отвѣчалъ (2), что крещеніе королевича есть дѣло духовное, патріаршеское и всего духовенства; но въ Москвѣ считали это дѣло не патріаршескимъ только, а всей земли, и потому многіе, видя, что Шуйскому не усидѣть на престолѣ ни въ какомъ случаѣ, склонялись къ царику калужскому, чѣмъ къ Владиславу. Самозванецъ расчитывалъ на это расположеніе, и потому, узнавъ, что при Клушинѣ дѣло Шуйскаго проиграно, приманилъ къ себѣ деньгами войско Сапѣги и двинулся къ Москвѣ. На дорогѣ ему должно было взять Пафнутіевъ Боровскій монастырь, гдѣ засѣлъ московскій воевода, князь Михайло Волконскій съ двумя товарищами. Послѣдніе, видя непреклонность старшаго воеводы, рѣшили сдать монастырь тайно и отворили острожныя ворота, куда устремилось войско Лжедимитріево. Волынскій, увидавъ измѣну, бросился въ церковь. Тщетно изъ нихъ товарищи звали его выйти съ челобитьемъ къ побѣдителямъ. Волконскій отвѣчалъ: «Умру у гроба Пафнутія Чудотворца», сталъ въ церковныхъ дверяхъ и до тѣхъ поръ бился со врагомъ, пока не

(1) Стр. 108.

(2) Сборн. Мух., № 106.

(3) Тамъ же, № 107.

немогъ отъ ранъ, и палъ у лѣваго клироса, гдѣ и былъ убитъ (1). Разворивъ монастырь, Самозванецъ пошелъ на Серпуховъ: этотъ городъ сдался; крымскіе татары, пришедшіе на-помощь къ царю Василію, не устояли передъ дружиною Сапѣги; сдались Коломна и Кошира; но не сдался Зарайскъ, потому-что тамъ воеводствовалъ Пожарскій. Жители Зарайска пришли къ воеводѣ всѣмъ городомъ просить его, чтобъ цаловалъ крестъ Самозванцу; Пожарскій отказался и съ немногими людьми заперся въ Кремлѣ. И здѣсь честь подвига раздѣлило съ Пожарскимъ духовное лицо: «Никольскій же протопопъ Дмитрей, говоритъ лѣтопись, крѣпляше его, и благословляше умрети за истинную православную вѣру, онъ же паче крѣпляшесь (2)». Пожарскій видѣлъ ясно, что Шуйскому недолго царствовать; однако хотѣлъ остаться вѣренъ ему до конца, и въ случаѣ сверженія Василія хотѣлъ остаться вѣренъ Москвѣ, представительницѣ государства; съ этою цѣлію онъ сдѣлалъ такой уговоръ съ жителями Зарайска: «Будетъ на Московскомъ государствѣ по старому царь Василій — ему и служить, а будетъ кто иной — и тому такъ же служить; и на томъ укрѣпися крестнымъ цѣлованіемъ, и начаша быти въ Зарайскомъ городѣ безъ колебанія, и утвердишася межъ себя, и на воровскихъ людей начаша ходить и побивать, и градъ Коломну опять обратиша».

Лжедимитрій однако шелъ впередъ и сталъ у села Коломенскаго. У Шуйскаго было еще тысячь тридцать войска; но кто хотѣлъ сражаться за него? Мы видѣли, что ратные люди переписывались съ Жолкѣвскимъ объ условіяхъ, на которыхъ долженъ царствовать Владиславъ; бояре крамолили; Голицынъ ссылался съ Лапуновымъ, братъ котораго, извѣстный буйствомъ Захаръ, уже волновалъ народонаселеніе столицы. Начали сноситься съ поляками Лжедимитрія, однако не для того, чтобъ принять Самозванца на мѣсто Шуйскаго: не хотѣли ни того, ни другого, и потому условились, чтобъ тушинцы отстали отъ своего царя, а москвитяне сведутъ своего. Тушинцы обѣщали, и указывали на Сапѣгу, какъ на человѣка достойнаго быть московскимъ государемъ (3). Шуйскій видѣлъ, что трудно будетъ ему удержаться на престолѣ, и потому хотѣлъ вступить въ переговоры съ гетманомъ Жолкѣвскимъ; но когда предстоитъ намъ тяжкое дѣло, то мы любимъ отсрочивать его подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, и Шуйскій отложилъ посольство къ гетману, думая,

(1) Никон. VIII, 137.
(2) Тамъ же, 138.
(3) Никон. VIII, 139.

что выгоднѣе будетъ дождаться, пока самъ гетманъ пришлетъ к нему (2), а между тѣмъ Богъ вѣсть, что́ случится....

. . . . . .

Наконецъ однакожь обстоятельства побудили Шуйскаго сложи съ себя царское званіе. Потомъ онъ принужденъ былъ постричьс и вступить въ Вудовъ монастырь. Постриглась также и жена его.

(2) Рунов Жолкѣв., стр. 145

С. СОЛОВЬЕВЪ.

О НАЗНАЧЕНІИ РУССКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ

и

АСТІИ ИХЪ ВЪ ОБЩЕСТВЕННОМЪ ОБРАЗОВАНІИ (*).

Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о образованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности верситетовъ. На западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ — общій удъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного тоящаго. Для такихъ людей не существуютъ ни вѣра, ни законъ, права, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду влалюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси готовѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Рос— эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ аждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ ѣорическомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ гъ и Самодержцу, намъ остается лишь только наслаждаться этими гами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ ихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и неточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначе*и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ обществен-*

*) Эта прекрасная статья только на днях получена Редакціею «Современника», а спѣшимъ подѣлиться ею съ нашими читателями. *Ред. Совр.*

ному образованію, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностны… мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло … дутъ говорить исторія и статистика.

За сто безъ малаго предъ симъ лѣтъ, просвѣщенный русс… вельможа И. И. Шуваловъ, незабвенный по любви къ наукам… покровительству ученымъ, разумѣвшій, что науками всѣ образо… ные народы превознесены *надъ живущими во тьмѣ невѣдѣ…* представилъ въ Правительствующій Сенатъ достопамятное … объ учрежденіи въ Москвѣ университета (*). Всеподданнѣйшій … кладъ Государынею Императрицею Елисаветою Петровною … чайше утвержденъ. Хранить небесный огнь науки и проливать … готворный свѣтъ ея въ отечественномъ словѣ — таково было … ніе перваго русскаго университета.

И Московскій университетъ достойно исполнилъ свое назначе… Отсюда знанія стали обтекать общества столицы и другихъ город… расширять предѣлы мышленія, озарять всѣхъ своимъ свѣтомъ. … фессоры начали составлять учебныя руководства, переводить … ныя сочиненія, учреждать ученыя и литературныя общества, … вать періодическія сочиненія и вѣдомости: отъ этого образо… вкусъ къ чтенію, книги введены въ число необходимыхъ житейск… потребностей, учреждены университетскія гимназіи и благород… пансіонъ; отъ изложенія наукъ на отечественномъ языкѣ бес… сленныя проявленія духа получили правильныя формы въ слов… Изъ перваго университета вышелъ рядъ новыхъ писателей: … стровъ, Петровъ, Фонъ-Визинъ, князь Долгорукій, Муравьевъ … жду питомцами своими университетъ считалъ въ государствен… службѣ славныхъ сановниковъ: Потемкина, Шереметева, Салты… ва, Чернышева, Булгакова, Теплова, Лопухина, Татищева, кн… Волконскаго, князя Хованскаго, Васильчиковыхъ. Всѣ они при… сли на алтарь отечества сокровища, въ университетѣ пріобр… тенныя.

Екатерина II оживила и возвеличила твореніе Петра и Елисав… ты. «*Мы думаемъ*—говорила монархиня—*и за славу себѣ вмѣняем… сказать, что мы живемъ для нашего народа.*» И первымъ народ… нымъ воспитателемъ въ вѣкѣ Екатерины II видимъ Московскій у…

(*) Высочайше утвержденный проектъ объ учрежденіи Московскаго унив… тета 1755, января 12.

тетъ: питомцы его были первыми наставниками въ народныхъ
ицахъ, распространенныхъ Екатериною II во всей Россіи; они
давали и первыя учебныя для училищъ руководства. По повел
Императрицы, профессоръ Барсовъ составилъ первый сводъ
йскихъ лѣтописей.

резъ полъ-столѣтіе Императоръ Александръ I, желая поставить
зыблемомъ основаніи это общеполезное учрежденіе и преподать
новые способы къ ознаменованію дѣятельности, даровалъ ему
ій и пространнѣйшій составъ. Обращая особенное вниманіе на
ковскій Университетъ, который чрезъ цѣлые полъ-вѣка
ъ столь *великое участіе въ образованіи людей способныхъ
государственной службы, въ распространеніи знаній и
совершенствованіи отечественнаго языка*, Государь Импе-
ръ, во изъявленіе торжественной признательности первому
Россіи университету, Всемилостивѣйше даровалъ ему новыя
а и преимущества (*). Тогда же учреждены университеты: Харь-
кій, Казанскій, С. Петербургскій. Если сообразимъ состояніе
вѣщенія нашего во время учрежденія Московскаго университе-
въ эпоху преобразованія его при Александрѣ, то не полъ-вѣкомъ,
сколькими столѣтіями должны будемъ измѣрять неимовѣрные
хи въ наукахъ. — Тамъ, гдѣ за пятьдесятъ лѣтъ не было выс-
училища, подъ скипетромъ Благословеннаго уже образовалось
стерство народнаго просвѣщенія въ обширной системѣ. Благо-
ый свѣтъ наукъ проникалъ въ отдаленнѣйшія страны государ-
; науки преподавались въ объемѣ современномъ, по всѣмъ окру-
первыми наставниками явились питомцы перваго университе-
ъ царствованіе Александра уже привыкли уважать университет-
дипломы на-равнѣ съ дворянскими грамотами. Къ этому періо-
ниверситета и университетскаго пансіона принадлежатъ знамени-
писатели, наша гордость и слава: Карамзинъ, Мерзляковъ, Даш-
, Жуковскій, Гнѣдичъ, Грибоѣдовъ; краснорѣчивые проповѣд-
слова Божія, митрополиты: Михаилъ, Серафимъ, Евгеній. —
раскроемъ каталоги русскихъ книгъ учебныхъ по части сло-
сти, исторіи, статистики, математики, физики, астрономіи,
твенной исторіи, правовѣдѣнія, медицины, то увидимъ труды
ерситетскихъ питомцевъ и профессоровъ. Въ жизнеописаніяхъ
зниковъ имперіи и писателей нашихъ найдемъ вліяніе универ-
овъ: они или питомцы ихъ, или ученики профессоровъ.

ь настоящее царствованіе дѣятельность университетовъ еще бо-
силена. Государь Императоръ, наблюдая съ постояннымъ вни-

*) Утвердительная грамота Императорскаго Московскаго университета, 1804
ября 5.

маніемъ за ходомъ народнаго образованія и усматривая стремл всѣхъ состояній къ просвѣщенію, на истинныхъ, здравыхъ начал основанному, изъявилъ Высочайшую волю (*) содѣйствовать пор ву вѣрноподданныхъ усиленіемъ дѣятельности университета на с щественную пользу наукъ и народнаго воспитанія. И тамъ, п впервые пролился свѣтъ божественнаго ученія, разливается сн науки, въ юнѣйшемъ университетѣ Св. Владиміра. Соединеніе пол скаго юношества съ русскимъ, основательное изученіе русскаго я ка и словесности, знакомство съ учрежденіями и установленіями р скими—таково его назначеніе. Къ этому времени отнести должно дореніе русскаго образованія и въ литовскихъ губерніяхъ. Весь важнымъ дѣйствіемъ министерства почитаемъ приведеніе частны учебныхъ заведеній въ-уровень съ казенными и распростран женскаго воспитанія въ западныхъ губерніяхъ. Столь же благот тельно было распространеніе русскаго образованія и въ остзейск губерніяхъ. Мысль сдѣлать и евреевъ причастными благъ прос щенія осуществилась водвореніемъ между ними правильной систе обученія. Министерство просвѣщенія нынѣ считаетъ университ товъ, съ Главнымъ Педагогическимъ институтомъ и лицеями, въ имперіи 10; дворянскихъ институтовъ и гимназій съ благородны пансіонами 79; уѣздныхъ и приходскихъ училищъ 1461; частны учебныхъ заведеній 597; пансіоновъ при лицеяхъ и гимназіяхъ конвиктами 77; всѣхъ учащихся 119,045. Въ Царствѣ Польском гимназій и училищъ 1,464, учащихся 85,002. Стоитъ обратить вни ніе хоть на послѣднія пятнадцать лѣтъ, чтобы удостовѣриться, сколько въ продолженіе этого времени произошло улучшен преобразованій, распространенія заведеній, возвышенія ихъ во внут реннемъ значеніи и объемѣ преподаванія. Учреждено вновь учи ныхъ заведеній 784; число учащихся въ имперіи увеличилось 3 тысячами, а число учащихъ двумя тысячами; ученыхъ экспедиці совершено 40; русскихъ книгъ напечатано болѣе 7 милліоновъ то мовъ.

А какою благодарностію Министерству Просвѣщенія обязаны мы за ученыя изслѣдованія по разнымъ предметамъ академиками и про фессорами университетовъ, путешествія по обширному нашему от честву, за изданіе Славяно-Русскаго Словаря, Актовъ, собранныхъ въ библіотекахъ и архивахъ Россійской Имперіи Археографическою Коммиссіею, актовъ юридическихъ, актовъ историческихъ, полнаго собранія Россійскихъ лѣтописей.

(*) Высочайшіе указы 25 іюня и 26 іюля 1835 г.

Вотъ бѣглый очеркъ участія русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи. Не смотря на столь очевидныя и осязательныя указанія на благотворныя дѣйствія ихъ, люди легкомысленные обвиняютъ университеты въ образованіи, будто поверхностномъ и ничтожномъ. То, что̀ за сто почти лѣтъ считалось необходимымъ, что̀ въ продолженіе почти вѣка произвело столь благодѣтельное вліяніе на всю Россію, то нынѣ считаютъ преждевременнымъ! Полагаютъ, что у насъ можно съ пользою имѣть одни только спеціальныя училища, каковы: Военная Академія, Инженерное и Артиллерійское, Морской Корпусъ, Институтъ Путей Сообщенія, Горный Институтъ, всѣ военно-учебныя заведенія, Главный Педагогическій Институтъ, Училище Правовѣдѣнія. Но кѣмъ дышатъ и питаются всѣ эти заведенія? Профессорами и наставниками университетовъ. Да иначе и быть не можетъ: наука во всей обширности преподается только въ университетахъ; профессорское преподаваніе, какъ общее образованіе, приготовляетъ учащихся ко всѣмъ частнымъ занятіямъ; безъ универсальнаго ученія не можетъ быть и спеціальнаго. Самые факультеты университетскіе развѣ не спеціальныя училища правовѣдѣнія, медицины, математики, филологіи? Эти спеціальныя заведенія предъ прочими имѣютъ еще то преимущество, что устроены въ одномъ духѣ, снабжены первоклассными преподавателями и представляютъ учащимся возможность обогащаться разнообразными знаніями. Указываютъ на нѣкоторыя публичныя лекціи въ спеціальныхъ заведеніяхъ; но истинно живое преподаваніе наукъ въ современномъ состояніи, во всей обширности и изящнымъ русскимъ языкомъ, не слышится ли въ университетахъ? Каждая лекція профессора, читаемая въ аудиторіи, есть также публичная лекція, полное разсужденіе о какой-либо части науки. Писатели по всѣмъ отраслямъ наукъ и словесности или профессоры, или ихъ питомцы. Мы нарушили бы скромность дѣйствователей на поприщѣ просвѣщенія и словесности, если бы стали исчислять всѣ наши современныя знаменитости. Можетъ быть, между писателями нашлись бы немногіе, воспитывавшіеся не въ университетахъ, а въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ или въ своихъ семействахъ; но это развѣ можетъ омрачить университеты? При правильномъ развитіи способностей, во всякомъ заведеніи и въ домашнемъ воспитаніи могутъ возникать таланты, изъ каждаго училища выходить полезные слуги государю и отечеству

Иные возстаютъ на обученіе въ университетахъ и университетскихъ заведеніяхъ греческому и латинскому языкамъ. Новая борьба тьмы со свѣтомъ! Осмѣливаются увѣрять несвѣдущихъ, будто самые кровожадные изверги французской революціи были глу-

боко-ученые латинисты и располагали своя замыслы и дѣйствія к урокамъ, вычитаннымъ ими въ римскихъ писателяхъ,—что въ этих писателяхъ почерпается лишь безбожіе, безначаліе, мятежъ, развратъ! Такъ могутъ говорить не читавшіе латинскихъ писателей: для нихъ Робеспьеры, Мараты, Равальяки кажутся глубоко-ученымъ латинистамъ! Нынѣшніе заговоры и смуты на запад представляютъ намъ въ числѣ кровожадныхъ мятежниковъ и философовъ, и юристовъ, и историковъ, и медиковъ, и астрономовъ, и химиковъ; но станемъ ли осуждать за это и ученіе вѣры и науку? Развѣ виновна религія или наука въ томъ, что фанатики, во имя употребляя ихъ имя, безтрепетно попираютъ ногами все для человѣка священное?

Остановимся нѣсколько на этомъ предметѣ, въ воспитаніи и образованіи общественномъ весьма важномъ, даже существенномъ. Древніе писатели, по которымъ образовались Василій Великіе, Іоанны Златоусты, Григоріи Назіанзины, Августины, Дантъ, Аріостъ, Тассъ, Шекспиръ, Юнгъ, Ньютонъ, Лейбницъ, Лаплассъ, Гёте, Шиллеръ, Ломоносовъ, Платонъ, Сперанскій и всѣ великіе двигатели просвѣщенія,—эти писатели, по словамъ гасителей свѣта науки, преподаютъ уроки разврата и смутъ! Въ общественныхъ заведеніяхъ изучаютъ Гомера, Пиндара, Эсхила, Софокла, Эврипида, Лукреція, Виргилія, Цицерона: ктожъ когда-либо читалъ въ этихъ писателяхъ уроки безбожія, безначалія и кровопролитія? Если мы у Аристофанѣ и Ювеналѣ видимъ живую картину Аѳинъ и Рима, у Саллюстіи и Тацитѣ неистовыхъ Катилинъ, грозныхъ Тиверіевъ, то это достояніе исторіи. Развѣ она можетъ скрыть этихъ чудовищъ на скрижаляхъ своихъ? Напротивъ, исторія повѣствуетъ равно о Маркѣ Авреліѣ и Траянѣ, Неронѣ и Калигулѣ. И кто изъ древнихъ писателей можетъ сравниться въ униженіи человѣческаго достоинства съ новыми французскими и нѣмецкими, которыми думаютъ замѣнить греческихъ и римскихъ классиковъ? Какой адъ ужаснѣе того, который подносятъ въ позлащенныхъ чашахъ Викторъ Гюго и Кабе, Штраусъ и Фейербахъ? Для этого однако никто не подумаетъ истребить въ училищахъ языки нѣмецкій и французскій? Міръ новый столь тѣсно связанъ съ древнимъ, что жизни новыхъ народовъ нельзя объяснить безъ жизни древнихъ, нынѣшнихъ успѣховъ наукъ, искусствъ и словесности — безъ началъ ихъ, таящихся въ древнемъ мірѣ. Хотимъ ли мы основательно уразумѣть Державина, Озерова, Карамзина: мы должны обратиться къ Пиндару и Горацію, Софоклу и Эврипиду, Геродоту и Ѳукидиду. Точно такимъ же образомъ, изучая Лапласа и Лагранжа, Ньютона и Лейбница, обращаемся къ Архимеду и Эвклиду. Но Архимеда и Эвклида

можно изучать на всякомъ языкѣ, потому-что науки общее достояніе человѣчества; словесныя же произведенія творческія суть цвѣтъ родной страны, который блекнетъ на чужой почвѣ, подъ чуждымъ небомъ. Какъ живописецъ изучаетъ Рафаэля, Рубенса, такъ филологъ сроднятся съ Гомеромъ, Виргиліемъ на ихъ языкахъ; ему переводы Гнѣдича и Жуковскаго не могутъ замѣнить Иліады и Одиссеи.

Кромѣ этого въ воспитаніи и образованіи представляются двѣ обязанности: во-первыхъ, не останавливать въ юной душѣ ни одного врожденнаго стремленія, не ослаблять ни одной полезной силы, ни одной изъ способностей, необходимыхъ въ цѣломъ организмѣ; во-вторыхъ, противодѣйствовать направленію одностороннему, способствовать постепенному и совокупному развитію всего духовнаго организма; отраженіе цѣлаго въ одной какой-либо силѣ душевной и есть то, что называютъ геніемъ. Какимъ же ученіемъ выполнимъ мы эти двѣ обязанности: раскрытіемъ ли природы и примѣненіемъ ея къ потребностямъ жизни — науками физико-математическими, или изслѣдованіемъ самого человѣка — его ума, воли и чувства, науками историко-филологическими? Вѣка, просвѣщенные народы и опытъ давно рѣшили этотъ вопросъ: всѣ единогласно признаютъ классическое ученіе лучшимъ и дѣйствительнѣйшимъ способомъ всесторонняго развитія, какъ ученіе, занимающееся самимъ человѣкомъ. Одно ученіе есть частное, спеціальное, другое—общее; для наидежнѣйшаго развитія всего духовнаго организма, общее должно предшествовать частному. Всякая наука, по выраженію Бакона, есть могущество; но самое высшее могущество состоитъ въ мысли, и та наука даетъ намъ наибо́льшую силу, которая усиливаетъ мысль и развиваетъ нравственныя чувствованія. Это преимущество принадлежитъ филологіи древней и новой. Притомъ прежде, нежели Провидѣніе назначитъ каждому изъ насъ дѣйствованіе по способностямъ и знаніямъ, мы обязаны научиться одинаково мыслить и чувствовать; въ противномъ случаѣ мы можемъ быть способными дѣлателями, каждый по своей части, но не составимъ одной великой семьи съ одной мыслію, съ одною волею, съ однимъ чувствомъ. Такое умственное и вмѣстѣ нравственное образованіе отрываетъ человѣка отъ вещественныхъ выгодъ и корысти, возноситъ душу надъ низкимъ эгоизмомъ, располагаетъ насъ къ самопожертвованію пользѣ общей. Чтожъ необходимо намъ для такого развитія всѣхъ силъ духа? Намъ всѣмъ необходимы однѣ и тѣже идеи, для вступленія въ жизнь общественную; необходимо питать душу ученіемъ, развивающимъ умственныя и вмѣстѣ нравственныя способности. Всѣ разнообразныя знанія, приносимыя въ жертву другимъ, по разнымъ от-

[illegible] храма [illegible] какъ чистая цѣль [illegible] Универси-теты [illegible] причинъ [illegible] науки въ короткое время [illegible] Всѣ учебныя заведенія [illegible] просвѣщенія предназначены преимущественно для распространенія образованія общаго, равно пригоднаго во всѣхъ положеніяхъ общества, [illegible] на умъ, волю и чувство, и [illegible] образованію частному или спеціальному, согласному съ тѣмъ или другимъ родомъ занятій.

Возставшіе противъ русскихъ университетовъ не имѣютъ [illegible] надлежащаго понятія, называя ихъ подражаніемъ нѣмецкимъ университетамъ. Между нашими университетами и германскими нѣтъ никакого сходства, кромѣ того только, что науки преподаются въ одинаковомъ объемѣ, но одинакимъ способомъ. Это сходство [illegible] всѣхъ университетахъ, и Оксфордскому, и Берлинскому, и Гёттингенскому. По управленію же своему, внутреннему составу, наконецъ и самобытности русскіе университеты не походятъ ни на одинъ иностранный, всего менѣе на германскіе. Такъ у насъ ученіе православнаго вѣроисповѣданія и отечественныхъ законовъ составляетъ общій предметъ всѣхъ факультетовъ; а въ германскихъ университетахъ одно относится къ богословскому факультету, другое къ юридическому: прочіе студенты этими предметами не занимаются. Въ нашихъ университетахъ надъ студентами наблюдается надзоръ инспекторами съ нѣсколькими чиновниками, имъ подчиненными: а въ германскихъ университетахъ студенты внѣ всякаго надзора. Въ нашихъ университетахъ студенты по экзамену переходятъ изъ одного курса въ другой: а въ германскихъ университетахъ никакой отчетливости отъ студентовъ не требуется. Въ нашихъ университетахъ студенты носятъ однообразную одежду, ихъ всякой въ обществѣ узнаетъ: а въ германскихъ университетахъ студенты одѣваются въ блузы: ихъ нельзя различить въ толпѣ отчаянныхъ пролетаріевъ. Въ нашихъ университетахъ профессоры въ чтеніяхъ своихъ подлежатъ отвѣтственности; въ германскихъ университетахъ профессоры читаютъ на лекціяхъ, что имъ вздумается. Въ благополучное нынѣшнее царствованіе, проникнутые чувствомъ народности, мы умѣемъ заимствовать у нѣмецкихъ и другихъ ученыхъ все полезное для науки, оставаясь Русскими. Мудрые ис-

олнители священной воли Монарха, не щадящаго царственныхъ
едротъ и милостей для наукъ, и блюстители народнаго просвѣще-
ія, доставляя намъ всѣ способы къ усвоенію знаній, руководству-
тъ насъ къ самобытности. Ученые изъ природныхъ русскихъ, обо-
щенные современною наукою, распространяютъ ея живительный
вѣтъ на отечественномъ языкѣ. Уже мы не довѣряемъ сказаніямъ
насъ мно странцевъ, но сами изслѣдуемъ свою природу, свое небо,
вслѣдуемъ нравы и обычаи предковъ нашихъ, законы, языкъ,
скусство. Университетамъ, имѣющимъ дѣло съ идеями, элемен-
омъ, непрерывно измѣняющимся, предстоитъ непрестанная съ ни-
и борьба. Для идей нѣтъ ни стѣнъ, ни таможенъ: при всей бди-
ельности, онѣ, неудержимыя и неуловимыя, переносятся чрезъ
оря и горы; противъ нихъ одинъ оплотъ — народное образованіе,
снованное на благоговѣніи къ православной Вѣрѣ, преданности къ
равославному Государю и любви къ православной Россіи. Универси-
еты и ихъ учебныя заведенія этими священными чувствованіями
лубоко проникнуты.

Порицатели университетовъ не знаютъ даже и того, изъ какого
остоянія нынѣшніе студенты въ нихъ обучаются. За двадцать пять
ѣтъ предъ симъ еще поступали въ университеты воспитанники ду-
овныхъ семинарій и академій, и составляли большинство студен-
овъ; но въ наше время ежегодные отчеты Министерства Просвѣще-
ія показываютъ, что бо́льшая часть студентовъ дворяне и дѣти
иновниковъ. Такъ въ здѣшнемъ, Петербургскомъ, университетѣ
аъ 653 студентовъ 405 дворянъ, 77 сыновей чиновниковъ, и лишь
олько 19 изъ духовнаго званія. Точно также въ Казанскомъ уни-
ерситетѣ изъ числа 325 студентовъ дворянъ 141, сыновей чиновни-
овъ 78, изъ духовнаго званія 18. Во всѣхъ университетахъ студен-
овъ 3937: въ этомъ числѣ дворянъ и сыновей чиновниковъ 2,506, а
ъ духовнаго званія 279. Лучшіе студенты нынче въ университе-
ахъ не воспитанники духовныхъ семинарій и академій, а питомцы
имназій, лицеевъ, дворянскихъ институтовъ. Между профессорами
аже половина дворянъ. Уже студенты обучаются не для одного толь-
о аттестата, а остаются въ университетахъ для полнаго образованія
охотно трудятся для полученія ученыхъ степеней магистра и док-
ора. Университеты и ихъ учебныя заведенія, производя столь бла-
отворныя улучшенія по всѣмъ отраслямъ государственной службы
ыми питомцами, и сами согласуются съ современностью. Въ на-
тоящее время происходятъ улучшенія въ гимназіяхъ, институтахъ,
ицеяхъ, вызываемыя потребностями умственной жизни.

И такъ—мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное
бращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими

[illegible] ... (стр. [illegible]) ... [illegible]

[illegible] ... постоянно ... [illegible]

...:

«Пусть — говоритъ онъ — [illegible] болѣе [illegible] [illegible], въ которыхъ [illegible] [illegible] [illegible] съ котораго времени началъ онъ заниматься [illegible], въ [illegible] [illegible] [illegible] до сего [illegible]. [illegible] [illegible] которые [illegible] — что [illegible]. [illegible] [illegible]. Описываются здѣсь [illegible] губерніи, уѣзды или части той и другаго въ статистико-хозяйственномъ отношеніи: садоводство, [illegible], [illegible] искусственное травосѣяніе, скотоводство, пчеловодство, лѣсоводство, [illegible] употребленіе земледѣльческихъ орудій, введеніе, распространеніе и успѣхи усовершенствованныхъ, и сельскихъ [illegible], [illegible] заведеній [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], вѣтряныхъ, паровыхъ, [illegible], [illegible], ручныхъ крупорушекъ, маслобоенъ, кирпичныхъ заводовъ, на которыхъ ускорена работа машинами. Однимъ словомъ все, что можетъ познакомить съ обширными нашими губерніями и имѣніями; все, что достойно вниманія любознательныхъ, благонамѣренныхъ и любящихъ свое отечество сельскихъ хозяевъ. Послѣдовательное сведеніе всѣхъ этихъ предметовъ составило бы любопытное и поучительное изданіе, выражающее дѣятельность нашихъ сельскихъ хозяевъ и разнородное направленіе ихъ трудовъ, представляющихъ въ массѣ картину государственнаго хозяйства, картину достойную вниманія правителей и правительства» (стр. VI. Пред.)

Такимъ-то, по преимуществу, направленіемъ отличается и разматриваемое нами руководство. «Не столько теорія — говоритъ ваоръ — сколько практика сельскаго хозяйства будетъ предметомъ оихъ Бесѣдъ. Не учить неопытныхъ, начинающихъ хозяевъ, а одать имъ нѣсколько полезныхъ совѣтовъ, въ которыхъ и самъ уждался, извлеченныхъ изъ двадцатилѣтней опытности, указывая дѣ можно найти полезное» (Пред., стр. VII). Здѣсь кстати, мимохомъ, замѣтить, что и совѣты писать не мѣшало бы немножко порамотнѣе, но объ этомъ мы скажемъ послѣ, разбирая внѣшніе, бщіе недостатки книги. Теперь ограничимся только обзоромъ — тó хотѣлъ сдѣлать и чтó дѣйствительно сдѣлалъ г. Жуковъ, издавая вое «Руководство». Предметъ самъ по себѣ такъ важенъ, такъ въ астоящее время интересенъ, что, безспорно, заслуживаетъ напряженнаго, упорнаго вниманія. И вотъ почему мы съ особеннымъ довольствіемъ будемъ останавливаться на каждой вѣрной мысли, а всякомъ интересномъ фактѣ и въ тоже время будемъ преслѣдоать всякой недостатокъ, имѣя въ виду одну истину, ратуя за нее сѣми дозволенными средствами.

Объ общемъ характерѣ «Бесѣдъ» г. Жукова, послѣ сказаннаго ами, говорить почти нечего. Всѣхъ ихъ пятнадцать, и до того нѣтъ ежду ними ни единства, ни связи, что почти каждая можетъ быть азсматриваема отдѣльно и независимо отъ другихъ, — исключеній чень немного. Вотъ почему книга г. Жукова не представляетъ обою ничего цѣлаго, единаго; напрасно захотѣли бы мы искать въ ей проведенія одной и той же мысли; обо многомъ авторъ не упоянулъ ни слова, объ иномъ сказалъ то, чтó уже давно было извѣтно всѣмъ и каждому, иное повторилъ нѣсколько разъ, нерѣдко аже съ противорѣчіями самому себѣ; однимъ словомъ, «Руководтво» его отзывается чѣмъ-то незрѣлымъ, отрывочнымъ. Но не енѣе того, рѣдкая «Бесѣда» не отличается обиліемъ фактовъ, въ ысокой степени живыхъ, интересныхъ и поучительныхъ: мѣстами овершенно забываешь, что авторъ взялся дать нѣсколько добрыхъ овѣтовъ о сельскомъ хозяйствѣ, — думаешь, напротивъ, что въ укахъ какой-нибудь романъ: до такой степени живо, пластично изоражена дѣйствительность.

Мы начнемъ свой обзоръ съ предисловія, такъ-какъ въ немъ бычновенно высказывается и цѣль, и планъ, и средства всякаго итературнаго произведенія.

Послѣ нѣсколькихъ общихъ истинъ, которыя обыкновенно ничеи не доказываютъ, напримѣръ, что «бесѣдовать о сельскомъ хозяйствѣ весьма назидательно и полезно» (стр. I), и громкихъ фразъ,

въ родѣ слѣдующихъ: «будемъ трудиться, м. г., для блага нашего отечества», или: «будемъ совершенствовать вообще, соединенными силами, сельское хозяйство» (стр. VII), — авторъ спрашиваетъ самого себя, что такое сельское хозяйство, и рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: «*сельское хозяйство есть наука, съ помощію которой практикъ дѣйствуетъ раціонально-благоразумно-отчетливо*» (стр. VIII). Другими словами: если вы читаете книгу по всѣмъ правиламъ теоріи чтенія, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, то знайте, что вы въ тоже время занимаетесь наукой сельскаго хозяйства, какъ понимаетъ г. Жуковъ. Изъ такого опредѣленія нашей науки, основываясь логически-послѣдовательнымъ, необходимо слѣдовало бы вывести, что и сельскій хозяинъ есть практикъ, дѣйствующій раціонально-благоразумно-отчетливо; но по логикѣ автора вышло сколько иначе: «*сельскій хозяинъ есть промышленникъ, занимающійся разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ*» (стр. IX). Примѣняя это значеніе сельскаго хозяина къ наукѣ, съ помощію которой онъ занимается разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ, нетрудно вывести значеніе самой этой науки и сказать, что сельское хозяйство есть промышленность, занимающаяся разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ. Такимъ образомъ мы получаемъ два, далеко не тождественныя опредѣленія одной и той же науки; очевидно, что изъ нихъ вѣрно какое-нибудь одно. Но какое же именно? Вотъ вопросъ, котораго разсматриваемая книга не рѣшаетъ положительно. Основываясь на послѣдующихъ бесѣдахъ можно только догадываться, что самъ авторъ не слишкомъ довѣряетъ своему первому опредѣленію. Къ такой догадкѣ приводятъ насъ слѣдующія соображенія: въ четырнадцатой бесѣдѣ г. Жуковъ дастъ такое содержаніе наукѣ сельскаго хозяйства: она «*есть собраніе опытовъ, вѣками освященныхъ, которые послѣдовательно изложили мужи ученые*» (стр. 322). Если правило: «послѣдняя воля пуще первой», такъ справедливо прикладываемое юристами къ системѣ завѣщаній, справедливо и вообще, то нѣтъ сомнѣнія, что самъ г. Жуковъ смотритъ на свое первое опредѣленіе науки сельскаго хозяйства, какъ на несостоятельное. И въ-самомъ-дѣлѣ, что это за наука, съ помощію которой можно дѣйствовать раціонально-благоразумно-отчетливо?... Далѣе: «*наука сельскаго хозяйства заимствуетъ свои правила въ* (т. е. изъ) *области наукъ естественныхъ, математическихъ и политическихъ; сближаетъ природу и человѣчество*» (стр. 250). Въ этой фразѣ хотя собственно говоря и нѣтъ никакого опредѣленія, но знающій дѣло легко подмѣтитъ въ ней мрачное предчувствіе, инстинктъ истиннаго пониманія науки сельскаго хозяй-

ства. Наконецъ еще яснѣе пониманіе это высказалось въ дѣленіи сельскаго хозяйства на отрасли. По мнѣнію автора, занятія сельскаго хозяйства раздѣляются на четыре части, имѣющія свои промыслы и подраздѣленія:

1) *Земледѣліе*, котораго цѣль произведеніе питательныхъ растеній.

2) *Скотоводство*, занимающееся разведеніемъ животныхъ, рычагъ и помощникъ земледѣлія.

3) *Обработка сельскихъ произведеній*, которая имѣетъ въ предметѣ приготовить произведенія земли и скотоводства къ продажѣ и собственному употребленію.

4) *Устройство хозяйства*, которое научаетъ распоряжаться первыми тремя частями и прибыльно ихъ направлять» (стр. IX).

По поводу пяти лекцій г. Преображенскаго о сельскомъ хозяйствѣ, мы уже имѣли случай доказать всю нелѣпость мнѣнія, раздѣляемаго повидимому многими, будто и фабрикація сельскихъ продуктовъ составляетъ существенно-необходимую часть занятій сельскаго хозяина; избѣгая по мѣрѣ возможности всякихъ повтореній, мы отсылаемъ нашихъ читателей къ ноябрской книгѣ нашего журнала за прошлый годъ, сами же остановимся на устройствѣ хозяйства и посмотримъ въ какой мѣрѣ оно, это устройство, составляетъ отдѣльную, самобытную отрасль сельско-хозяйственной дѣятельности. Повидимому, нѣтъ ничего проще и несомнѣннѣе истины, что *вся* дѣятельность сельскаго хозяина въ отношеніи къ его хозяйству есть въ тоже время устройство этого хозяйства: личный эгоизмъ, личныя выгоды здѣсь все опредѣляютъ, и навѣрное вы не найдете ни одного хозяина, который бы умышленно *разстроивалъ* свое хозяйство. Все это ведетъ къ тому, что если наука сельскаго хозяйства даетъ вамъ правило успѣшно заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уже она необходимо научаетъ васъ и устроивать свое хозяйство; одно предполагаетъ другое и имъ условливается: *заниматься*, *не устроивая* — какъ-то не мыслимо. Но, по мнѣнію г. Жукова, выходитъ совершенно противное: «земледѣліе и скотоводство — говоритъ онъ — основныя части сельскаго хозяйства, а обработка сельскихъ произведеній и устройство (организація) сельскаго хозяйства — *необходимыя только ихъ послѣдствія*» (стр. X). Что устроенное хозяйство, и то не всегда, является слѣдствіемъ опредѣленной въ отношеніи къ нему дѣятельности, — это еще понятно; но нѣтъ никакой возможности понять, какимъ образомъ самое устройство, самая организація можетъ быть *слѣдствіемъ* именно того, на что́ устремлена она, — земледѣлія и скотоводства.

Авторъ раздѣляетъ, далѣе, земледѣліе на полеводство, лугопастьство, огородничество, садоводство и лѣсоводство, каждому изъ этихъ отдѣловъ даетъ краткое опредѣленіе (*), и замѣчаетъ, что «земледѣліе и скотоводство служатъ главнымъ основаніемъ (?) общественнаго трудолюбія, привязываютъ (?) къ мѣсту жительства и заставляютъ любить отечество» (стр. XI), и наконецъ, исчисливъ снова приведенныя нами выше отрасли сельско-хозяйственной дѣятельности, заключаетъ свое предисловіе такъ: «*все это и будетъ существеннымъ предметомъ моихъ бесѣдъ*» (стр. XII).

Такимъ образомъ задача автора состоитъ въ «*послѣдовательномъ изложеніи*» совѣтовъ, относящихся къ земледѣлію, скотоводству, фабрикаціи сельскихъ продуктовъ и наконецъ организаціи хозяйства. Посмотримъ же теперь, какъ и въ какой мѣрѣ рѣшена эта задача.

Первую бесѣду свою авторъ посвятилъ «*историческому обзору земледѣлія, частію промышленности и торговли*». Безспорно, начало всего существующаго лежитъ въ прошедшемъ, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленномъ; въ этомъ смыслѣ и многія (если не всѣ) явленія нашей промышленности могутъ быть объяснены только при помощи историческаго взгляда на тѣ условія, среди которыхъ суждено было ей.... не скажемъ, развиваться — это слишкомъ много! — прозябать. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что съ этой точки зрѣнія изслѣдованіе исторіи должно и послѣднюю объяснить изъ первой изъ бы величайшей заслугой для науки. Такой только трудъ и могъ бы послужить истиннымъ *руководствомъ* для молодыхъ хозяевъ: онъ показалъ бы имъ, какъ устранить тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ наше промышленность, и земледѣльческая въ особенности, существуя столько вѣковъ, не сдѣлала почти никакихъ успѣховъ, въ чемъ сознается и самъ авторъ; онъ одинъ раскрылъ бы окончательно и самыя эти причины, доселѣ понимаемыя весьма немногими, и то бо́льшею частію про себя. Къ сожалѣнію, на эта цѣль, ни это значеніе исторіи не существовали для автора «Руководства»: мы почти не сомнѣваемся, что и самъ онъ не знаетъ, для чего написано «историческое обозрѣніе земледѣлія»; въ противномъ случаѣ, обозрѣніе это не было бы такимъ, какимъ оно оказывается на самомъ

(*) Иныя изъ этихъ опредѣленій поразили насъ оригинальностію. Напримѣръ: «*Луговодство* не только что питаетъ животныхъ, но *производитъ растенія пресильныя и лекарственныя*» (стр. IX). «*Садоводство* разводитъ деревья и кусты (?), *плодами услаждающіе вкусъ человѣка и увеселяющіе его зрѣніе цвѣтами, которые запахомъ своимъ ласкаютъ его обоняніе*». *Лѣсоводство* научаетъ сохранять и разводить строевой и дровяной *лѣсъ*, котораго есть душа всякаго *просвѣщеннаго существованія*» (стр. X).

цѣлѣ. Довольно нѣсколькихъ выписокъ изъ этой бѣдной исторіи, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго и не упрекнуть насъ въ излишней строгости.

«Земледѣліе и скотоводство — говоритъ г. Жуковъ — *началось при Адамѣ*. Всемогущій Творецъ создалъ всѣхъ животныхъ для пользы, потребности и употребленія человѣка; а падшему Адаму повелѣлъ въ потѣ лица снискать себѣ хлѣбъ. Дѣти его: Авель былъ скотоводъ; Каинъ — земледѣлецъ» (стр. 1). За этими истинами огромнаго размѣра слѣдуетъ нѣсколько строкъ о древнемъ Египтѣ. Потомъ: «Въ Грецію З(з)емледѣліе *перешло* изъ Египта вмѣстѣ съ его колоніями. О производствѣ земледѣлія у древнихъ Грековъ есть цѣлая поэма, подъ названіемъ: *Работы и дни*, написанная Гезіодомъ; изъ нее(я) видно, что и тогда уже въ полевыхъ посѣвахъ наблюдался опредѣленный (?) порядокъ» (стр. 2), — другими словами: цѣлая поэма, изъ которой *ничего* не видно. Говоря о римлянахъ, авторъ простодушно повторяетъ истины временъ кайдановскихъ, что причиною упадка земледѣлія въ Римѣ было знакомство богачей и вельможъ съ *роскошною городскою жизнію;* ужь не отъ этого ли, подумали мы, и наше земледѣліе «въ младенчествѣ?» Далѣе еще страница посвящена римскому земледѣлію, приведено нѣсколько *изреченій* римскихъ агрономовъ, изъ которыхъ мы узнаемъ много новаго, напримѣръ, что »тщеславіе и роскошь въ земледѣліи (?) непохвальны», а «благость и человѣколюбіе къ рабамъ похвальны», и наконецъ на остальныхъ двухъ страницахъ разсказана исторія земледѣлія въ остальной Европѣ. Такимъ образомъ огромный періодъ *отъ Адама до нашихъ дней* вставленъ въ рамку *трехъ съ половиною осьмушекъ листа*, напечатанныхъ далеко не компактно... Спрашивается, кому нужна такая исторія? И удивительно ли, если никакой микроскопъ не въ силахъ будетъ представить картину въ томъ видѣ, въ какомъ это необходимо для человѣческаго зрѣнія? удивительно ли, если скорѣе высмотришь глаза, нежели разберешь сюжетъ картины?... Не лучше описано и нынѣшнее состояніе земледѣлія въ Европѣ; чтобы судить о немъ, довольно сказать, что оно помѣщено на трехъ страницахъ! Но ничто зато не можетъ сравниться съ исторіей земледѣлія въ Россіи: здѣсь вы найдете много такого, о чемъ слыхали и слыхали, то въ эпоху давно минувшихъ дней, во дни Карамзина, или же отъ г. Погодина. Прочтите слѣдующія строки — и вы видите, какъ много гармоніи, послѣдовательности и единства въ исторіи г. Жукова:

«Россія, по пространству и разнообразію климатовъ, обладаетъ большими удобствами къ земледѣлію и скотоводству, но доселѣ оба въ младенчествѣ.

въ родѣ слѣдующихъ: «будемъ трудиться, м. г., для блага нашего отечества», или: «будемъ совершенствовать *вообще*, соединенными силами, сельское хозяйство» (стр. VII), — авторъ спрашиваетъ самого себя, что́ такое сельское хозяйство, и рѣшаетъ этотъ вопросъ такъ: «*сельское хозяйство есть наука, съ помощію которой практикъ дѣйствуетъ раціонально-благоразумно-отчетливо*» (стр. VIII); другими словами: если вы читаете книгу по всѣмъ правиламъ теоріи чтенія, съ чувствомъ, толкомъ и разстановкой, то знайте, что вы въ тоже время занимаетесь наукой сельскаго хозяйства, какъ понимаетъ г. Жуковъ. Изъ такого опредѣленія нашей науки, основываясь логически-послѣдовательнымъ, необходимо слѣдовало бы вывести, что и сельскій хозяинъ есть практикъ, дѣйствующій раціонально-благоразумно-отчетливо; но по логикѣ автора вышло нѣсколько иначе: «*сельскій хозяинъ есть промышленникъ, занимающійся разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ*» (стр. IX). Примѣняя это значеніе сельскаго хозяина къ наукѣ, съ помощію которой онъ занимается разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ, нетрудно вывести значеніе самой этой науки и сказать, что сельское хозяйство есть промышленность, занимающаяся разведеніемъ и сбытомъ полезныхъ въ общежитіи растеній и животныхъ. Такимъ образомъ мы получаемъ два, далеко не тождественныя опредѣленія одной и той же науки; очевидно, что изъ нихъ вѣрно какое-нибудь одно. Какое же именно? Вотъ вопросъ, котораго разсматриваемая книга не рѣшаетъ положительно. Основываясь на послѣдующихъ бесѣдахъ, можно только догадываться, что самъ авторъ не слишкомъ довѣряетъ своему первому опредѣленію. Къ такой догадкѣ приводятъ насъ слѣдующія соображенія: въ четырнадцатой бесѣдѣ г. Жуковъ даетъ такое содержаніе наукѣ сельскаго хозяйства: она «*есть собраніе опытовъ, вѣками освященныхъ, которые послѣдовательно изложили мужи ученые*» (стр. 322). Если правило: «послѣдняя воля пуще первой», такъ справедливо прикладываемое юристами къ системѣ завѣщаній, справедливо и вообще, то нѣтъ сомнѣнія, что самъ г. Жуковъ смотритъ на свое первое опредѣленіе науки сельскаго хозяйства, какъ на несостоятельное. И въ-самомъ-дѣлѣ, что́ это за наука, съ помощію которой можно дѣйствовать раціонально-благоразумно-отчетливо?... Далѣе: «*наука сельскаго хозяйства заимствуетъ свои правила въ* (т. е. изъ) *области наукъ естественныхъ, математическихъ и политическихъ; сближаетъ природу и человѣчество*» (стр. 250). Въ этой фразѣ хотя собственно говоря и нѣтъ никакого опредѣленія, но знающій дѣло легко подмѣтитъ въ ней мрачное предчувствіе, инстинктъ истиннаго пониманія науки сельскаго хозяй-

ства. Наконецъ еще яснѣе пониманіе это высказалось въ дѣленіи сельскаго хозяйства на отрасли. По мнѣнію автора, занятія сельскаго хозяйства раздѣляются на четыре части, имѣющія свои промыслы и подраздѣленія:

1) *Земледѣліе*, котораго цѣль произведеніе питательныхъ растеній.

2) *Скотоводство*, занимающееся разведеніемъ животныхъ, рычагъ и помощникъ земледѣлія.

3) *Обработка сельскихъ произведеній*, которая имѣетъ въ предметѣ приготовить произведенія земли и скотоводства къ продажѣ и собственному употребленію.

4) *Устройство хозяйства*, которое научаетъ распоряжаться первыми тремя частями и прибыльно ихъ направлять» (стр. IX).

По поводу пяти лекцій г. Преображенскаго о сельскомъ хозяйствѣ, мы уже имѣли случай доказать всю нелѣпость мнѣнія, раздѣляемаго повидимому многими, будто и фабрикація сельскихъ продуктовъ составляетъ существенно-необходимую часть занятій сельскаго хозяина; избѣгая по мѣрѣ возможности всякихъ повтореній, мы отсылаемъ нашихъ читателей къ ноябрской книгѣ нашего журнала за прошлый годъ, сами же остановимся на устройствѣ хозяйства и посмотримъ въ какой мѣрѣ оно, это устройство, составляетъ отдѣльную, самобытную отрасль сельско-хозяйственной дѣятельности. Повидимому, нѣтъ ничего проще и несомнѣннѣе истины, что *вся* дѣятельность сельскаго хозяина въ отношеніи къ его хозяйству есть въ тоже время устройство этого хозяйства: личный эгоизмъ, личныя выгоды здѣсь все опредѣляютъ, и навѣрное вы не найдете ни одного хозяина, который бы умышленно *разстроивалъ* свое хозяйство. Все это ведетъ къ тому, что если наука сельскаго хозяйства даетъ вамъ правило успѣшно заниматься земледѣліемъ и скотоводствомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уже она необходимо научаетъ васъ и устроивать свое хозяйство; одно предполагаетъ другое и имъ условливается: *заниматься*, *не устроивая* — какъ-то не мыслимо. Но, по мнѣнію г. Жукова, выходитъ совершенно противное: «земледѣліе и скотоводство — говоритъ онъ — основныя части сельскаго хозяйства, а обработка сельскихъ произведеній и устройство (организація) сельскаго хозяйства — *необходимыя только ихъ послѣдствія*» (стр. X). Что устроенное хозяйство, и то не всегда, является слѣдствіемъ опредѣленной въ отношеніи къ нему дѣятельности, — это еще понятно; но нѣтъ никакой возможности понять, какимъ образомъ самое устройство, самая организація можетъ быть *слѣдствіемъ* именно того, на что́ устремлена она, — земледѣлія и скотоводства.

Авторъ раздѣляетъ, далѣе, земледѣліе на полеводство, луговодство, огородничество, садоводство и лѣсоводство, каждому изъ этихъ *водствъ* даетъ приличное опредѣленіе (*), и замѣчаетъ, что «земледѣліе и скотоводство служи(а)тъ главнымъ основаніемъ (?) общественнаго трудолюбія, привязыва(ю)тъ гражданъ къ мѣсту жительства и заставля(ю)тъ любить отечество» (стр. XI), и наконецъ, изчисливъ снова приведенныя нами выше отрасли сельско-хозяйственной дѣятельности, заключаетъ свое предисловіе такъ: «*все это и будетъ существеннымъ предметомъ моихъ бесѣдъ*» (стр. XII).

Такимъ образомъ задача автора состоитъ въ »*послѣдовательномъ изложеніи*» совѣтовъ, относящихся къ земледѣлію, скотоводству, фабрикаціи сельскихъ продуктовъ и наконецъ организаціи хозяйства. Посмотримъ же теперь, какъ и въ какой мѣрѣ рѣшена эта задача.

Первую бесѣду свою авторъ посвятилъ «*историческому обозрѣнію земледѣлія, частію промышленности и торговли*». Безспорно, начало всего существующаго лежитъ въ прошедшемъ, болѣе или менѣе отъ насъ отдаленномъ; въ этомъ смыслѣ и многія (если не всѣ) явленія нашей промышленности могутъ быть объяснены только при помощи историческаго взгляда на тѣ условія, среди которыхъ суждено было ей.... не скажемъ, развиваться — это слишкомъ много! — прозябать. Нѣтъ никакаго сомнѣнія, что съ этой точки зрѣнія проследить исторію догмѣ и послѣднюю объяснить изъ первой было бы величайшей заслугой для науки. Такой только трудъ и могъ бы послужить истиннымъ *руководствомъ для* молодыхъ хозяевъ: онъ показалъ бы имъ, какъ устранить тѣ причины, вслѣдствіе которыхъ наша промышленность, и земледѣльческая въ особенности, существуя столько вѣковъ, не сдѣлала почти никакихъ успѣховъ, и чемъ сознается и самъ авторъ; онъ одинъ раскрылъ бы окончательно и самыя эти причины, доселѣ понимаемыя весьма немногими, и и то бо́льшею частію про себя. Къ сожалѣнію, ни эта цѣль, ни это значеніе исторіи не существовали для автора «Руководства»: мы почти не сомнѣваемся, что и самъ онъ не знаетъ, для чего написано «историческое обозрѣніе земледѣлія»; въ противномъ случаѣ, обозрѣніе это не было бы такимъ, какимъ оно оказывается на самомъ

(*) Иные изъ этихъ опредѣленій поразили насъ оригинальностію. Напримѣръ: «*Луговодство* не только *что* питаетъ животныхъ, но *производитъ растенія красильныя и лекарственныя*» (стр. IX). «*Садоводство* разводитъ деревья и кусты (?), *плодами услаждающіе вкусъ человѣка и увеселяющіе его зрѣніе цвѣтами, которые запахомъ своимъ ньжатъ его обоняніе*». *Лѣсоводство* научаетъ сохранять и разводить строевой и дровяной *лѣсъ*, *которо(ы)й есть душа всякаго просвѣщеннаго существованія*» (стр. X).

цѣлѣ. Довольно нѣсколькихъ выписокъ изъ этой бѣдной исторіи, чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго и не упрекнуть насъ въ излишней строгости.

«Земледѣліе и скотоводство — говоритъ г. Жуковъ — *началось при Адамѣ*. Всемогущій Творецъ создалъ всѣхъ животныхъ для пользы, потребности и употребленія человѣка; а падшему Адаму повелѣлъ въ потѣ лица снискать себѣ хлѣбъ. Дѣти его: Авель былъ скотоводъ; Каинъ — земледѣлецъ» (стр. 1). За этими истинами огромнаго размѣра слѣдуетъ нѣсколько строкъ о древнемъ Египтѣ. Потомъ: «Въ Грецію З(з)емледѣліе *перешло* изъ Египта вмѣстѣ съ его колоніями. О производствѣ земледѣлія у древнихъ Грековъ есть цѣлая поэма, подъ названіемъ: *Работы и дни*, написанная Гезіодомъ; изъ нее(я) видно, что и тогда уже въ полевыхъ посѣвахъ наблюдался опредѣленный (?) порядокъ» (стр. 2), — другими словами: цѣлая поэма, изъ которой *ничего* не видно. Говоря о римлянахъ, авторъ простодушно повторяетъ истины временъ кайдановскихъ, что причиною упадка земледѣлія въ Римѣ было знакомство богачей и вельможъ съ *роскошною городскою жизнію;* ужь не отъ этого ли, подумали мы, и наше земледѣліе «въ младенчествѣ?» Далѣе еще страница посвящена римскому земледѣлію, приведено нѣсколько *изреченій* римскихъ агрономовъ, изъ которыхъ мы узнаемъ много новаго, напримѣръ, что »тщеславіе и роскошь въ земледѣліи (?) непохвальны», а «благость и человѣколюбіе къ рабамъ похвальны», и наконецъ на остальныхъ двухъ страницахъ разсказана исторія земледѣлія въ остальной Европѣ. Такимъ образомъ огромный періодъ *отъ Адама до нашихъ дней* вставленъ въ рамку *трехъ съ половиною осьмушекъ листа*, напечатанныхъ далеко не компактно... Спрашивается, кому нужна такая исторія? И удивительно ли, если никакой микроскопъ не въ силахъ будетъ представить картину въ томъ видѣ, въ какомъ это необходимо для человѣческаго зрѣнія? удивительно ли, если скорѣе высмотришь глаза, нежели разберешь сюжетъ картины?... Не лучше описано и нынѣшнее состояніе земледѣлія въ Европѣ; чтобы судить о немъ, довольно сказать, что оно помѣщено на трехъ страницахъ! Но ничто зато не можетъ сравниться съ исторіей земледѣлія въ Россіи: здѣсь вы найдете много такого, о чемъ если и слыхали, то въ эпоху давно минувшихъ дней, во дни Карамзина, или же отъ г. Погодина. Прочтите слѣдующія строки — и вы увидите, какъ много гармоніи, послѣдовательности и единства въ исторіи г. Жукова:

»Россія, по пространству и разнообразію климатовъ, обладаетъ большими удобствами къ земледѣлію и скотоводству, но доселѣ оба въ младенчествѣ.

«Земля Славянъ, изобильная дарами природы, издревле пита щедро своихъ жителей: скотоводство существовало вмѣстѣ съ зем дѣліемъ. *Славяне разводили лошадей, рогатый скотъ, овецъ, свин птицъ домашнихъ* (!). Одно названіе «Поляне» доказываетъ, что у ни земледѣліе было главнымъ промысломъ....»

«Деревянные *хозяйственные снаряды* — сохи, колеса, бочки Ру скіе приготовляли сами (?), а *металлическіе* (!) первоначально пол чали отъ Грековъ. Руссы доставляли Грекамъ: мѣха, медъ, воск *кожи, рыбу, икру* (?) и невольниковъ. Греки снабжали ихъ пурпур выми матеріями, шелковыми (?), *поясами, жемчугомъ, сафьянами, ц ными кореньями,* винами, плодами и золотомъ. Козары доставляли н которые В(в)осточные товары; а Печенѣги, въ мирное время, прин няли рогатый скотъ, лошадей и овецъ. Владиміръ Великій *облегчил* торговлю своихъ народовъ съ Болгарами; исправилъ *большія дор* (!), построилъ *мосты* (!), учредилъ опредѣленные вѣсы и мѣры, п велѣлъ находиться имъ близь церквей — подъ надзоромъ духовенств (стр. 11—12).

Авторъ и не подозрѣваетъ, конечно, что многія области Росс даже во второй половинѣ XVI вѣка, по свидѣтельству Папини, н только не воздѣлывали земли, но и не знали самого употребле хлѣба, каковы: Двинская, Устюжская, Вологодская, отчасти Вятс и Пермская, а наконецъ Печора и Сибирь (Старчевскаго II, 11–1 Уставъ оцерковныхъ судахъ, буквально переведенный съ грече онъ переноситъ преспокойно на русскую почву и заставляетъ Вл диміра чинить большія дороги и строить мосты!... Но пойдемъ л лѣе — то ли еще встрѣтимъ

«Междоусобныя войны, слѣдствіе удѣльной системы (,) и наконец порабощеніе Россіи Монголами остановили промышленную дѣятел ность, *процвѣтавшую столь успѣшно* подъ вліяніемъ Греціи. Русска земля оскудѣла людьми отъ меча, пленѣнія, *частыхъ голодовъ* и язв представляла обширную пустыню» (стр. 13).

Промышленность успѣшно процвѣтала, а частые голода вмѣст съ монголами истребляли народонаселеніе (которымъ, относитель земли, мы и теперь даже очень не богаты) и превратили землю в обширную пустыню.... Да здравствуетъ логика!...

Вотъ въ этомъ-то духѣ написана вся исторія. Видно, что г. Жу ковъ мало занимался сю и совершенно не знакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями, подъ вліяніемъ которыхъ можно бы наконецъ бро сить свѣтлый взглядъ на нашу промышленность. Предоставляя этотъ трудъ (впослѣдствіи) самимъ себѣ, мы тѣмъ охотнѣе разстаемся съ «историческимъ обозрѣніемъ земледѣлія», что оно частію не представляетъ ничего новаго, частію же не ведетъ ни къ какимъ ре-

ьтатамъ, изъ которыхъ бы можно было почерпнуть правила «от-
ливо, успѣшно и выгодно заниматься русскимъ сельскимъ хозяй-
омъ». И если мы позволили себѣ остановиться нѣсколько надъ
имъ обозрѣніемъ, то опять-таки съ цѣлью показать, какъ много
жно было сдѣлать, идя по пути исторіи, и между тѣмъ какъ мало
лано именно на этомъ пути. Земледѣліе у автора, тотчасъ по
рженіи монгольскаго ига, начало расти, постепенно болѣе и болѣе
звивалось; а въ окончательномъ результатѣ вышло, что «русское
льское хозяйство не сдѣлало успѣховъ къ постоянному изобилію:
но иногда не въ состояніи доставить на одинъ годъ хлѣба и сѣна»
тр. 37), и что вслѣдствіе этого оно «ожидаетъ многихъ усовершен-
твованій, что бы сдѣлаться изобильнымъ источникомъ народнаго
огатства, производителемъ разнообразныхъ сырыхъ матеріяловъ,
торые могли бы переработываться на нашихъ фабрикахъ, а отно-
ительною дешевизною къ иностраннымъ соперничествовать съ ними
всѣхъ Европейскихъ рынкахъ» (стр. 39). Ясно, что остается
инъ только шагъ къ вопросу: да какъ же это — развивалось, раз-
вивалось и ни къ чему не привело? И нисколько не удивительно, если
очтенный авторъ не съумѣетъ отвѣчать на такой вопросъ: для
того нужно знать исторію русской промышленности, а не «Госу-
арства Россійскаго» только.

Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ знаніи онъ не сталъ бы утверж-
ать, вопреки всѣмъ фактамъ, что, напримѣръ, наши мануфактур-
ыя произведенія постепенно «*распространяютъ* свой сбытъ (?) въ
осѣдственную Азію» (стр. 37); онъ не сталъ бы дивиться тому, что
ы до сихъ поръ получаемъ тонкія полотна, косы, серпы и другіе
нструменты изъ-за-границы; не удивлялся бы бо́льшему развитію
ануфактурной промышленности сравнительно съ земледѣліемъ
стр. 38): онъ ясно видѣлъ бы причины такихъ явленій, не станов-
лся бы предъ ними въ-тупикъ.

«Заключимъ эту бесѣду — говоритъ авторъ — сознаніемъ, что зем-
дѣлецъ трудится, чтобы посредствомъ своихъ произведеній добыть
ебѣ денегъ на разнообразныя свои нужды; а занимающіеся добычею
еталловъ на Уралѣ и въ Сибири — естественные потребители сель-
ихъ произведеній, *слѣдовательно* имѣютъ вліяніе на благосостояніе
емледѣльцевъ» (стр. 43).

Такое неожиданное, а тѣмъ менѣе — умѣстное, *сознаніе* даетъ
амъ полное право спросить, какое же живое существо не есть вмѣ-
тѣ и естественный потребитель сельскихъ продуктовъ? И что́ за-
тавило автора дать въ этомъ случаѣ преимущество золотопромыш-
ленникамъ? Мнѣніе ли, что безъ нихъ не было бы денегъ въ госу-

дарствѣ? но такое мнѣніе болѣе, нежели смѣшно. Желаніе ... сказать нѣсколько словъ о добытіи у насъ разныхъ металловъ? но такая причина далеко не состоятельна. Мы должны замѣтить, что авторъ руководился здѣсь чисто видом землевладѣльца! «Если расчесть — говоритъ онъ — *сколько должно занять рукъ* добываніе золота, платины, серебра, мѣди, свинца и другихъ металловъ, если они будутъ получать дальнѣйшую обработку внутри имперіи; то *сколько прибыльно убавится рукъ земледѣлія, котораго произведенія получаютъ высшую цѣнность*» (стр. 46). Не говоря уже о томъ, что въ этихъ словахъ такъ очевидно высказалось не совсѣмъ похвальное желаніе загребать жар чужими руками, слова эти показались намъ тѣмъ болѣе неожиданными, что во всѣхъ другихъ мѣстахъ своей книги, авторъ вмѣ жалуется на *малое число рукъ*, сравнительно съ огромнымъ количествомъ земли (стр. XI, 190, 212, 300, 333 и др.). Но.... видно справедливо говоритъ нашъ народъ, что своя рубашка ближе къ тѣл видно не о каждомъ изъ насъ можно сказать то, что́ сказалъ са авторъ о г. Шелеховѣ: «*вотъ безкорыстное желаніе подѣлиться своими познаніями и опытностію съ неопытнымъ, — свойствен только благородной душѣ Русскаго дворянина*» (стр. IV).

Авторъ окончилъ свою первую бесѣду утопіей, не рекомендующей въ немъ особеннаго знакомства даже съ основными начал политической экономіи:

«Если трудъ народа Русскаго получитъ выгодное направленіе, а хозяйство его не только сохранитъ благородные металлы отъ вывоза за границу, но и привлечетъ оттуда звонкую монету; то какъ быстро накопятся капиталы, которые усовершенствуютъ всѣ роды промышленностей и покроютъ необъятныя пространства Россіи желѣзными дорогами; а по рѣкамъ ея зашумятъ пароходы, быстро влекущіе сырыя произведенія ея земли къ предѣламъ Имперіи» (стр. 46).

Прежде всего замѣтимъ, что ни одна политическая экономія, по крайней-мѣрѣ со временъ меркантилистовъ, не измѣряетъ народнаго богатства количествомъ звонкой монеты; а потомъ ни одна не думаетъ, чтобы въ государствѣ масса денегъ могла быть болѣе или менѣе той, которая необходима для выраженія цѣнностей, въ немъ обращающихся,—каждая, напротивъ, положительно говоритъ, что если масса денегъ болѣе нормальной величины, то цѣна ихъ тотчасъ падаетъ, и излишекъ звонкой монеты, при всей строгости таможеннаго надзора, необходимо устремится туда, гдѣ цѣна ея выше, и наоборотъ. Такимъ образомъ, говорить въ наше время о привлеченіи иностраннаго золота — а на него авторъ поглядываетъ съ особеннымъ аппетитомъ — какъ на средство усовершенствованія сельскаго хозяй-

ства (См. стр. 47, 79, 85, 266), значитъ строить воздушные замки, въ прочность которыхъ уже не многіе вѣрятъ. Притомъ, по понятіямъ политической экономіи, не одни деньги составляютъ *капиталъ:* соху, борону, плугъ, овцу, лошадь она называетъ такъ же капиталомъ, и даже гораздо въ бо́льшей степени производительнымъ, нежели деньги, служащія только мѣриломъ, выраженіемъ всякаго другого капитала. Самая исторія блистательнымъ образомъ подтверждаетъ эту истину. Извѣстно, что вскорѣ послѣ открытія Америки не было государства, которое бы богатствомъ золота могло соперничать съ Испаніею, и однакожь Испанія до сихъ поръ не можетъ очнуться отъ страшнаго удара, нанесеннаго ей золотомъ. Въ этомъ смыслѣ Америка была первая, которая доказала міру, что «не все то золото, что блеститъ», и если странно не вѣрить такому убѣдительному доказательству, то совершенно нелѣпо основывать на немъ благоденствіе народа. Впрочемъ съ этимъ вопросомъ мы еще разъ встрѣтимся въ нашей статьѣ.

Вторая бесѣда г. Жукова, къ удивленію нашему, далеко не рѣшаетъ того, что̀ предположила себѣ рѣшить: въ заглавіи ея читаемъ: «*обозрѣніе сельскаго хозяйства вообще и причинъ, дѣйствующихъ на него неблагопріятно*»; на самомъ же дѣлѣ рѣчь идетъ о томъ, *могутъ ли помѣщики поддержать цѣны на хлѣбъ въ Моршанскѣ?* Мы не говоримъ, чтобы вопросъ этотъ не относился къ обширной области сельскаго хозяйства, не хотимъ даже лишать его вполнѣ заслуженнаго интереса и вниманія, но вообще какъ-то странно взяться за трактатъ химіи, а найти въ немъ механику. Такая оплошность какъ-то не къ лицу «Руководству». По странному обыкновенію г. Жукова, бесѣда начинается фразами, коли хотите, не имѣющими за себя даже звучности, не говоря уже о значеніи, важности, пользѣ. Что̀ значатъ, напримѣръ, выраженія: «будемъ дѣйствовать благоразумно, управлять нашими имѣніями отчетливо, итти вѣрными шагами по поприщу народнаго благоденствія» (стр. 47); а между тѣмъ съ нихъ-то именно и началъ авторъ свое обозрѣніе сельскаго хозяйства и причинъ, дѣйствующихъ на него неблагопріятно. Но послушаемъ далѣе:

«Дворянинъ, (продолжаетъ онъ), благоразумно отчетливо (?) занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, озаренный науками, чтеніемъ и опытностью, дѣлаетъ своею сотрудницею природу, которая награждаетъ его многими даровыми (?) своими произведеніями, служащими къ прокормленію, размноженію и благосостоянію рода человѣческаго.

...«крестьяне мало возятъ своего хлѣба на продажу въ нѣсколько отдаленныя мѣста сбыта. Итакъ хлѣбные торговцы закупаютъ боль-

шею частію помѣщичій хлѣбъ, отъ котораго наживаютъ огромные капиталы.

Въ Англіи 7200 землевладѣльцевъ *своими происками и вліяніемъ* поддерживали высокую цѣну на хлѣбъ въ теченіе болѣе столѣтія (поли такъ ли?). Въ Россіи не изъ среды ли дворянства министры, правители департаментовъ, губернаторы, градоначальники — до исправника и становаго пристава? И мы не можемъ дать нѣсколько выгодное направленіе земледѣлію и сельской промышленности, земледѣлію, которое самъ Императоръ милостиво покровительствуетъ (стр. 48).

Такимъ образомъ, односторонно, и слѣдовательно ложно, поятый фактъ англійской хлѣбной торговли естественно долженъ былъ привести автора къ странному вопросу: неужели наше дворянство, пользующееся такимъ вѣсомъ, авторитетомъ, властью, не можетъ *даже* располагать цѣнами сельско-хозяйственныхъ произведеній независимо отъ хлѣбныхъ торговцевъ. Прежде нежели мы приступимъ къ анализу этого вопроса, какъ видите, очень интереснаго, замѣтимъ, что изумленіе автора далеко не такъ умѣстно, какъ кажется съ перваго раза: есть положенія науки, до того твердыя и непреложныя, до того стойкія въ самой наукѣ, что ихъ не можетъ сокрушить никакая отдѣльная личность. Къ числу такихъ-то именно положеній относятся и тѣ условія, которыя опредѣляютъ цѣнность какого-либо произведенія. Извѣстно (всѣмъ и каждому, сказали бы мы, еслибъ авторъ «Руководства» не составлялъ исключенія), что цѣна всякой вещи, не говоря еще объ отношеніи, какое существуетъ между предложеніемъ и запросомъ ея, опредѣляется прежде всего *издержками производства*, а не происками и вліяніемъ частныхъ лицъ и даже сословій. Извѣстно, далѣе, что къ издержкамъ производства относятся всѣ тѣ цѣнности, которыя переходятъ въ данную вещь, слѣдовательно первоначальные матеріялы, заработанная плата и проценты съ употребленнаго капитала, въ чемъ бы ни состоялъ послѣдній — все равно! Такимъ образомъ, опредѣливъ цѣнность составныхъ частей издержекъ производства, очень нетрудно опредѣлить и цѣнность самаго продукта, и разумѣется всего легче это для производителя. Но, съ другой стороны, бываютъ нерѣдко случаи, что цѣна продукта не можетъ быть опредѣлена этимъ путемъ: въ такомъ случаѣ, кромѣ условій, менѣе важныхъ и менѣе для насъ интересныхъ, являются на сцену два рычага — предложеніе и требованіе продукта; если масса предложенія превышаетъ массу требованія, то цѣна будетъ ниже настоящей, опредѣляемой издержками производства; если же требованіе возвысится надъ предложеніемъ, то и цѣна можетъ

подняться до величины, далеко превосходящей нормальную. Таковы общія положенія науки. Посмотримъ теперь, какую роль играютъ они въ сферѣ нашей сельско-хозяйственной дѣятельности.

Мы знаемъ, что производителями нашихъ сельскихъ произведеній является классъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ наибо́льшее число (мы разумѣемъ здѣсь число въ качественномъ, а въ не количественномъ отношеніи) не можетъ опредѣлить цѣнности своихъ произведеній, во-первыхъ, потому, что само не знаетъ истинной цѣны своего капитала, состоящаго въ землѣ, а во-вторыхъ, потому, что пользуется трудомъ почти даровымъ, почти ничего ему не стоющимъ. И если г. Жуковъ утверждаетъ, что и владѣлецъ долженъ принять *за правило*, что трудъ его крестьянъ вознаграждаетъ его за владѣемую ими землю» (стр. 501), и, съ другой стороны, что «каждый помѣщикъ *можетъ* сдѣлать вѣрную разцѣнку, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ, во что ему обходится всякой хлѣбъ» (стр. 99), то это еще далеко не безусловныя истины: тотъ же г. Жуковъ, какъ мы видѣли уже неоднократно, утверждаетъ, что земли у насъ больше, нежели рукъ, что поэтому цѣнность первой далеко не такъ дорога, чтобы отнимала у земледѣльца по меньшей мѣрѣ три дня въ недѣлю (легко сказать!). Притомъ, если даже согласиться съ мудрымъ *правиломъ* автора, то все-таки останется одинъ изъ элементовъ издержекъ производства, который не будетъ опредѣленъ окончательно, — именно заработная плата; потому-что она не установливается путемъ свободнаго соперничества, а напротивъ, является результатомъ исторической необходимости, и слѣдовательно все-таки выйдетъ, что ни одинъ помѣщикъ *не можетъ* опредѣлить цѣны своего хлѣба. Отсюда-то и невозможность производителямъ опредѣлить цѣны сельско-хозяйственныхъ произведеній и по необходимости односторонняя зависимость этихъ цѣнъ отъ потребителей: есть требованіе — и цѣны на хлѣбъ растутъ по часамъ, нѣтъ его — и хлѣбъ едва окупаетъ проценты съ капитала, употребленнаго на его производство, не говоря уже о первоначальныхъ матеріалахъ, въ него перешедшихъ. При такомъ порядкѣ вещей нѣтъ ничего удивительнаго, если выгоды землевладѣльцевъ болѣе или менѣе шатки и случайны; удивительно, напротивъ, какъ не понять того, что иначе и быть не можетъ: если я самъ не знаю истинной цѣны моего произведенія, то чѣмъ же и опредѣлится она, какъ не условіями, благопріятными для одного потребителя? Послѣ этого никому не покажется невѣроятнымъ, что бывали годы (1827), когда четверть ржи въ Саратовской губерніи продавалась по *рублю осьмидесяти копеекъ*, и бывали другіе (1833), когда за четверть той же самой ржи въ той же самой губерніи пла-

тили по *двадцати пяти рублей ассигнаціями*, (см. стр. 99); все и виситъ, какъ и быть должно, отъ случая.

Всѣ эти истины, правда и рѣдко и смутно, однакожь были и высказываемы; но повидимому авторъ «Руководства не вѣритъ и ихъ справедливость, и изъ фактовъ, которые только окончатель подтверждаютъ ихъ же, онъ выводитъ другое, довольно странное несбыточное рѣшеніе заданнаго себѣ вопроса. Остановимся снача на фактахъ, если не потому, что они очевиднѣе всякихъ ра рѣній, то хоть по ихъ живому интересу и занимательности. Зам тимъ при томъ, что рѣчь идетъ о времени, еще очень памятно для каждаго изъ насъ, — объ осени 1845 года.

«Купечество, въ г. Моршанскѣ находившееся и разъѣзжавше осенью для закупки хлѣба по помѣщикамъ окрестнымъ и сосѣдст ныхъ губерній, опять не замедлило дать имъ *назидательный* ур Помѣщики осенью получили отъ него задатки подъ хлѣбъ съ тѣм что (бы) съ наступленіемъ зимняго пути немедленно начать его п ставку: первыхъ къ этому побуждалъ недостатокъ въ деньгахъ, дешевизнѣ сельскихъ произведеній въ прошедшіе годы.; но больш часть были столь благоразумны, что запродавали только половин и менѣе количество хлѣба, надѣясь, что зимою цѣна возвыси Купцы мысленно вѣроятно придерживались правилу: если хлѣб дорожаетъ, то они его будутъ принимать отъ помѣщиковъ по н вой цѣнѣ, въ осени; если подешевѣетъ, то примутъ только про своихъ задатковъ, а *препорцію* купятъ у другихъ, съ которыми *дѣла не имѣли.*

«Это не отвлеченное разсужденіе, а дѣйствительность прошедш зимы. Я вамъ поясню только примѣромъ. Одинъ купецъ осенью пр ѣхалъ къ помѣщику Саратовской губерніи, купилъ у него съ по ставкою до Моршанска 500 четвертей ржи по 8 рублей, 500 четв тей крупъ по 12 р., всего на 10,000 асс., далъ задатку 2,000 р ас Начинается поставка, хлѣбъ подешевелъ; купецъ принялъ на 2,000 р. асс., отъ остальнаго отказался. Между тѣмъ помѣщикъ был на дворянскихъ выборахъ въ губерніи, возвратился въ имѣніе в концѣ Января и, едва обогрѣвшись, поѣхалъ въ Моршанскъ лично объясниться съ купцомъ; объясненіе кончилось рѣшительнымъ отка зомъ купца принимать приторгованный хлѣбъ; время текло, цѣны упа дали, наконецъ помѣщикъ продалъ рожь по 4 р. 50 к. асс., а крупу по 8 р — получилъ 6,250 р. асс., или убытку 3,750 р. асс., что составляетъ процентовъ съ погашеніемъ въ Опекунскій Совѣтъ на 62, 500 р. асс.

«Происшествіе со мною. Значительное количество хлѣба, лежащее и по нынѣ, въ анбарахъ саратовскаго моего имѣнія, побудило меня по первому зимнему пути туда ѣхать на почтовыхъ: извѣстія о цѣ нахъ радовали. Пріѣзжаю, расчитываю, что если свезти одну гречиху

въ Моршанскъ, за 180 верстъ, то каждому тяглу придется сдѣлать болѣе шестнадцать поѣздокъ въ зиму — что не возможно. Намѣреваюсь продавать хлѣбъ на мѣстѣ или съ близкою поставкою. Въ самое время моихъ размышленій и расчетовъ является прикасчикъ купца; въ цѣнѣ не долго сходиться, когда хлѣба много: цѣну даетъ изрядную и хочется побольше денегъ выручить; продаю ему 5000 пудовъ ржаной муки по 46 к., 500 четвертей гречихи по 4 р. 40 к. асс. беру задатку 300 р. асс., съ тѣмъ, чтобы немедленно начать поставку — что и исполняю на другой же день. Кирсановъ отъ моего имѣнія въ 60 верстахъ; чтобы не задерживать крестьянъ при ссыпкѣ и насыпкѣ, я распорядился, чтобы каждый день отправлялось по 30 подводъ съ хлѣбнымъ сдатчикомъ. Возвращается первый обозъ и денегъ мнѣ не привозятъ. Что это значитъ? хозяина нѣтъ дома, уѣхалъ на мельницу. Второй обозъ уже выѣхалъ, сдатчику о пересыпкѣ хлѣба безъ денегъ подтвердить нельзя; однако сдатчику третьяго обоза подтверждаю, что если купецъ не расчелъ деньгами за первые два обоза, то, объявя Городничему, продать на базарѣ, а убытки заплатитъ купецъ, какъ не выполнившій письменнаго условія, въ которомъ именно было сказано: при каждомъ обозѣ сдатчику деньги уплачивать сполна, а задаточные зачесть въ послѣднемъ. Не стоитъ вниманія подробно разсказывать. Кончилось тѣмъ, что купецъ заплатилъ мнѣ за 120 четвертей гречихи по 3 р. 50 к. за 1000 пудъ муки по 46 к., сдѣлалъ мнѣ убытку 982 р. асс.

«Подобное не съ нами одними бывало; ссылаюсь на всѣхъ помѣщиковъ Тамбовской, Саратовской и Пензенской губерній». (стр. 55—58.)

Изъ этого почтенный авторъ вывелъ не менѣе *поучительное* правило, что «благовременный подрядъ *всегда* можетъ обратиться въ убытокъ одному помѣщику-продавцу; а не покупателю, которой, если хлѣбъ дороже, одною своею неотвязчивостью вынуждаетъ его выставить; если подешевѣлъ, то съ отказомъ его дѣлать нечего (стр. 58). Но извѣстно, что одна ошибка влечетъ за собою тысячи другихъ, — и нашъ авторъ, желая прекратить такое *самоуправство* купцовъ, хочетъ обязать ихъ брать дешевый хлѣбъ за дорогую цѣну особеннымъ условіемъ, для котораго сочиняетъ и особенную форму: «всего лучше, думаетъ онъ, если бы Высочайше повелѣно было такія условія, подписанныя купцомъ, продавателемъ и двумя свидѣтелями, считать дѣйствительными» (стр. 60). Нужно ли говорить, что даже и при такихъ условіяхъ купечество найдетъ тысячи средствъ обойти ихъ съ выгодою для себя и въ ущербъ землевладѣльцамъ? Окольныхъ дорогъ вѣдь много. И очень естественно: хотите устранить зло, подсѣките его основу, уничтожьте корень.

«Теперь, говорите вы, купцамъ хорошо: наступаетъ зимній путь и всѣ помѣщики въ-запуски везутъ хлѣбъ на пристани, не заботясь,

кто (странное дѣло!) *установитъ на него цѣны*. Купцы твердятъ, что Богъ *цѣны строитъ*. Правда, Богъ опредѣлилъ въ трудѣ спасеніе свой хлѣбъ; Богъ посылаетъ намъ и обиліе плодовъ земныхъ и не урожай, имѣющіе вліяніе на цѣны хлѣбныя; но Богъ одарилъ насъ разумомъ, *который можемъ употреблять въ свою пользу* (истинно-громнаго размѣра!) Обозы останавливаются на площади, тѣсно или холодно; первая дань приносена дворникамъ (а часто и другимъ, прибавимъ мы), вторая бахусу или цѣловальнику; а купцы посидѣвши себѣ въ теплѣ и ожидаютъ, пока православные проявятъ. Это купеческая стачка, а всѣмъ имъ извѣстная сноровка — опытомъ *ученіемъ* (?) пріобрѣтенная. *Кулаки* разсыпаются по площади; мѣщане, облеченные въ синіе кафтаны для большой важности, мучатъ купцовъ или покупателей; разкрываютъ передъ ними возы, забираютъ пробы, спрашиваютъ цѣну и подаютъ такую, какая иногда въ *пьяную голову* забредетъ (ну, кулаки наши слишкомъ умны, чтобы ходить на рынокъ, подъ вліяніемъ вина!); кричатъ во всѣ горіе голоса: у насъ такихъ цѣнъ нѣтъ; наконецъ мужиковъ подводятъ по купеческимъ домамъ. Начинается ссылка: мужички, глядите въ оба глаза — васъ обмѣряютъ. Нѣтъ, *хозяинъ* честнѣйшая душа, прикасчики и до гребла не дотрогиваются; даютъ волю сдатчику только по временамъ восклицаютъ. хлѣбецъ-то, братцы, не чистъ, не стоящая мякина, за то при расчетѣ скидывается процентикомъ съ сять на рубль. Заспорилъ — честнѣйшая душа гонитъ со двора: луйся кому *дискать* хочешь. Купцы похаживаютъ по площади, смотрятъ на хлѣбъ; намъ *дискать* ненадобно, мы накупились» (стр. 61 — 62).

Да, прибавимъ въ свою очередь и мы, теперь купцамъ, очень тепло и до тѣхъ поръ будетъ тепло, пока сами землевладѣльцы не употребятъ въ свою пользу разума, дарованнаго имъ Богомъ, и не подумаютъ о своихъ выгодахъ. Мы видѣли уже, что въ нашемъ хозяйствѣ самое главное — цѣна произведеній — предоставлено на исключительное распоряженіе случая; а кому же неизвѣстно, что все случайное есть въ тоже время шаткое, непрочное. Спрашивается, какъ же пособить горю? Задача каждаго врача — ознакомиться съ причинами, родившими болѣзнь. Но причины нашей болѣзни намъ уже извѣстны; стало-быть за средствами не далеко ходить.

«Духъ компаній, говоритъ нашъ авторъ, возродится и разовьется, когда накопятся капиталы; а съ ними неразлучна предпріимчивость.

«Капиталы быстро накопятся, когда дворянство будетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ не *въ тѣсныхъ предѣлахъ частности* (?), но соображаться съ правилами Политической Экономіи, *принимая къ пользамъ своего сословія — полезнѣйшія* (?) (стр. 66)

Но, во-первыхъ, вы сказали это не совсѣмъ толково; а во-вторыхъ, рѣшительно несправедливо. Знаете ли, что тотъ самый Кобденъ, который, по вашему мнѣнію, съ такою славою «подвизается для пользы русскаго земледѣлія» (стр. 284) и «котораго портретъ (!) должны имѣть русскіе землевладѣльцы» (стр. 83), — тотъ самый Кобденъ, бывши въ Россіи, удивлялся той неослѣдовательности, вслѣдствіе которой десятки милліоновъ лежатъ въ кредитныхъ установленіяхъ, довольствуя своихъ владѣльцевъ четырмя процентами, тогда-какъ *царскосельская* желѣзная дорога приноситъ отъ восьми до десяти въ годъ?...Кобдену позволительно было удивляться: онъ англичанинъ. Но въ насъ такое удивленіе было бы только смѣшно; а жалобы на мнимый недостатокъ капиталовъ были бы совсѣмъ напрасны. Капиталовъ довольно, даже много, если хотите; но кто же рѣшится зарыть ихъ въ ту землю, которая конечно поглотитъ ихъ, но никогда болѣе не возвратитъ (о вознагражденіи даже не говоримъ)? Отсутствіе *такой* предпріимчивости есть вѣрнѣйшій признакъ того свѣтлаго ума, дивнаго практическаго смысла, который составляетъ отличительное свойство русскаго человѣка; этимъ отсутствіемъ мы должны гордиться, даже еслибъ оно было безсознательно, а не жаловаться на него; ибо кто пожелаетъ себѣ худаго?

Къ сожалѣнію, не съ этой, единственно-вѣрной и неоспоримой, точки зрѣнія взглянулъ сочинитель «Руководства» на вопросъ, себѣ предложенный: «помѣщики—говоритъ онъ—единодушно, хотя разъединенные на значительномъ пространствѣ, хотя взаимно не знакомые, должны дать себѣ слово *продавать хлѣбъ предпочтительно на мѣстѣ*. Что купецъ видитъ, то и покупаетъ: спору и обману быть не можетъ. Притомъ купцы, поднимая хлѣбъ съ мѣста и платя за извозъ крестьянамъ добровольно условленную цѣну, *почувствуютъ свою зависимость отъ производителей и не станутъ безусловно сбивать цѣны на пристаняхъ*» (стр. 60). Не говоря уже о томъ, что такое *единодушіе* отзывается чѣмъ-то въ родѣ organisation du travail, оно тѣмъ болѣе щекотливо, что г. Жуковъ *сознаетъ* современное направленіе нашей промышленности, какъ «повсемѣстно-ошибочное» (стр. 63) и слѣдовательно ложное. Спрашивается, что́ же заставило его предложить другое, противъ этого средство? — Вотъ отвѣтъ:

«Въ имѣніи моемъ, Балашевскаго уѣзда, на мѣстѣ четверть ржи иной годъ стоитъ 2 р. асс.; за извозъ до г. Моршанска 2 же рубля съ четверти. Итакъ вы справедливо могли бы сказать, что дважды два — четыре; совсѣмъ нѣтъ: получите 3, много 3 р. 20 коп. асс. за

четверть. Эта несообразность разрѣшается тѣмъ, что на мѣстѣ большого количества продать *нельзя*, т. е. хочется большой части выгадать на провозъ. Помѣщики съ начала до конца зимняго пути, на подводахъ своихъ крестьянъ, доставляютъ свой хлѣбъ въ Моршанскъ, и соображаясь ни мало съ вольною цѣною, за извозъ существующею; цѣна въ городѣ и зависитъ отъ подвоза. И такъ мы сами себѣ вредимъ пріучивъ купцовъ ждать въ городѣ, а не ѣздить по имѣніямъ, если хотятъ торговать хлѣбомъ» (стр. 62).

Прочтя эти умныя и дѣльныя строки, никому не покажется страннымъ, почему авторъ въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи хочетъ устроить отдѣльный рынокъ, почему онъ всѣми силами ухватился за эту монополію, какъ за единственное, съ его точки зрѣнія, средство къ спасенію: она принесла бы конечно много выгодъ земледѣльцамъ! Къ счастію, политическая экономія давно уже раскрыла весь вредъ монополій въ области народнаго богатства, и намъ если ли нужно повторять здѣсь ея доводы: самъ авторъ, какъ мы увидимъ далѣе, не слишкомъ довѣряетъ своему средству, а это и есть лучшее доказательство его несостоятельности.

Мы сказали уже, что причину недостатковъ нашей сельской промышленности г. Жуковъ видитъ въ недостаткѣ у дворянъ единодушія, духа компаній и предпріимчивости. Двѣ слѣдующія бесѣды, окончательно развивая эту причину, предлагаютъ и ищутъ съ тѣмъ и средства къ ея устраненію. Мы имѣли бы полное право обойти эти средства, если бы, съ одной стороны, не видѣли въ нихъ типа самой несбыточной утопіи, съ другой—не опасались бы упрека въ недобросовѣстности, — и вотъ причина, заставляющая насъ изложить всѣ мечты г. Жукова въ самомъ, однакожь, бѣгломъ очеркѣ: уваженіе къ читателямъ — наше главное правило.

Замѣтимъ прежде всего, что мечты эти направлены къ тому, чтобы ограничить сословіе купцовъ, которое такъ самовластно пользуется естественными выгодами своего положенія. Авторъ замѣчаетъ, правда, что «это *не значитъ*, что бы не дружелюбно смотрѣть на все купечество» (стр. 276), что напротивъ «надобно, чтобы одно сословіе помогало другому и чтобы единодушно стремились къ общественной пользѣ» (стр. 277); но такія оговорки не помѣшали дѣлу. По мнѣнію г. Жукова, дворянство каждой губерніи должно избрать изъ своей среды уполномоченнаго, который бы жилъ въ выгоднѣйшемъ мѣстѣ сбыта (ясно, что уже отдѣльные рынки въ каждомъ имѣніи оказываются несостоятельными), напримѣръ въ Моршанскѣ, получалъ бы жалованье и помѣщеніе отъ своихъ довѣрителей и за это былъ бы комиссіоне-

ъмъ ихъ по хлѣбной торговлѣ, а иногда защитникомъ крестьянъ
ъ *коммерческихъ стѣсненій*. Къ дому его прибивается вывѣска,
ъмѣщики губерніи адресуютъ къ нему письма о количествѣ и цѣнѣ
оихъ продуктовъ, и изъ этихъ-то писемъ онъ выводитъ общій
огъ предположеннаго къ продажѣ хлѣба и среднюю цѣну его.
Потомъ уполномоченные всѣхъ губерній собираются вмѣстѣ (легко
азать!), объявляютъ взаимно о средней цѣнѣ своей губерніи; со-
авляютъ торговый листъ, за общимъ ихъ подписомъ, средней
знѣ на каждой хлѣбъ, которая *должна* существовать на рынкѣ и
возможности *хранятъ втайнѣ* (?); а о цѣнахъ временно суще-
вующихъ на рынкѣ и своихъ заключеніяхъ увѣдомляютъ помѣ-
иковъ своихъ губерній» (стр. 67). Само собою разумѣется, что
его лучше, если дворянство воспользуется Высочайше даровап-
имъ ему правомъ ставить хлѣбъ въ казну: «лучше сдѣлать уступ-
казнѣ, нежели, оставя операцію въ рукахъ купечества,
одавать ему дешевле цѣны, состоявшейся на торгахъ, что
минуемо (?) воспослѣдуетъ» (стр. 69). И на это-то всего бо-
е должны обращать вниманіе уполномоченные. Но такъ-какъ
я нѣкоторыхъ и невыгодно, да и невозможно ждать, пока
олномоченный продастъ ихъ хлѣбъ, то, чтобы торопливость
ъ не имѣла вліянія на цѣны; зажиточнѣйшіе изъ дворянъ должны
ставить при уполномоченномъ денежную кассу, изъ которой бы
ждающіеся получали деньги подъ учетъ хлѣба. Соперничество же
ободныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій не такъ страшно, чтобы
оило говорить о немъ; а «возвысится цѣна на хлѣбъ дворянской,
дорожаетъ и крестьянской» (стр.72). Сбытъ такимъ образомъ обез-
ченъ, т. е. положимъ, что обезпеченъ—вѣдь это все равно! Остается
шить вопросъ, какъ *доставлять* хлѣбъ къ мѣсту сбыта?—вопросъ,
и такой раскинутости нашего отечества, весьма важный и едва ли
первый. Подъ перомъ автора онъ рѣшается однакожь какъ
льзя легче: все зависитъ отъ дворянства! Оно исправитъ и суще-
вующія дороги, оно обратитъ вниманіе на судоходность рѣкъ, оно
наконецъ «*своимъ просвѣщеніемъ, чинами и мѣстами*» заставитъ
мое купечество завести повсюду пароходныя сообщенія; а «*чего
сдѣлаетъ русской человѣкъ капиталистъ за ласку вельможи, за
рское благоволеніе?* Стоитъ только приняться за дѣло; выгоды,
олученныя отъ пароходовъ, будутъ ихъ главными ходатаями и
ложителями» (стр. 74). Но чтобы достигнуть всего этого, дворян-
во должно обратить все свое «вниманіе на тѣ предметы, которые
*ходя изъ тѣснаго круга частности, тѣсно соединены съ частны-
и и общими выгодами*».

только! Что́ же касается до обзора обществъ и компаній сельск
хозяйства, то онъ уже извѣстенъ изъ «Приложеній» къ журн
министерства государственныхъ имуществъ за 1844 годъ и слѣ
вательно исключаетъ всякую необходимость говорить о немъ сам
Но мы рѣшительно не можетъ не остановиться на одномъ любопы
номъ фактѣ, который разсказанъ авторомъ по поводу слѣдующи
строкъ, приведенныхъ очень кстати и не лишенныхъ практическ
смысла: «думать и говорить, что у меня хозяйство хорошо, что м
съ излишкомъ удовлетворяетъ всѣмъ моимъ нуждамъ, что въ книг
пишутъ вздоръ или безполезное *для* меня всезнающаго, что напис
иностранныя у насъ *не могутъ быть* примѣнены: препятствуетъ
матъ, почва и обычаи,— свойственно невѣжеству, самонадѣянно
полупросвѣщенію и безпечности. Это (значитъ) сидѣть въ сво
тепломъ гнѣздѣ, не сознавать, что все совершенствуется услов
разнообразныхъ умовъ, что должно трудиться не для одного себ
для общества и потомства» (стр. 113). Вотъ этотъ фактъ:

«Мнѣ случилось, въ бытность мою въ саратовскомъ моем
ніи зимою 1846 года, познакомиться съ однимъ помѣщиком
котораго 500 десятинъ почти цѣлинной земли и 50 душъ крест
Назадъ тому осемь лѣтъ онъ женился и получилъ въ придан
душъ совершенно безземельныхъ крестьянъ, Пензенской губ
Одна дама, зная его стѣсненное положеніе и честность, предл
ему купить у нее 500 десятинъ *степи*, которая не давала ей н
никакого дохода; онъ откровенно ей признался, что у него всѣ
нетъ въ карманѣ 20 р. асс., не на что даже заключить условія. Н
ру вашу честность въ залогъ; переселяйтесь съ вашими крестья
на мою землю и хозяйничайте, какъ на вашей крѣпостной; плат
мнѣ, по истеченіи каждаго года, 1000 р. асс. найма и уплачивайте
число всей цѣны за землю 20,000 р. асс. Когда уплатите всю сум
то немедленно получите купчую крѣпость. Сказано, сдѣлано: пом
пензенской помѣщикъ, не строя воздушныхъ замковъ, рылся въ зем
вырылъ всю сумму, уплатилъ, совершилъ купчую, прикупилъ на чисты
денежки 30 душъ крестьянъ, получаетъ 4000 р. асс. ежегоднаго дохо
живетъ *знатнымъ бариномъ*. Мнѣ удалось видѣть нѣсколькихъ изъ э
крестьянъ: благодарятъ *денно и ночно* своего помѣщика; радуются своем
привольному житью, послѣ пензенскаго *утѣсненія*: — собственныя их
слова. Полюбопытствовалъ спросить самаго помѣщика: не читалъ л
онъ курса о сельскомъ хозяйствѣ? Что это такое? спросилъ онъ меня пр
стодушно. Книга, въ которой учатъ раціонально заниматься сельским
хозяйствомъ. — О раціонахъ слыхалъ я отъ людей военныхъ, служи
шихъ въ морѣ; но забылъ что это значитъ; книжка же мнѣ такая
отродясь не попадалась. Вамъ бы слѣдовало описать весь ходъ вашего
хозяйства, съ самаго начала и до настоящаго положенія. — Куда вамъ,
учившимся на мѣдныя деньги; да я не знаю *прямописанія* и опасаюсь

тики. Какъ же вы знаете, что такое критика, когда не занимаетесь сскою литературою? — Послѣдняя мнѣ не попадалась, а случилось Саратовѣ читать критическія книжки, есть пресмѣшныя» (стр. 4 — 115).

«Сколько подобныхъ случаевъ остается въ неизвѣстности, сколько личныхъ практическихъ хозяевъ живутъ, старѣютъ и умираютъ, не дозрѣвая даже, что могутъ служить наставительно-полезнымъ образцемъ!» (стр. 116).

Переходимъ къ слѣдующей бесѣдѣ, въ заглавіи которой стоитъ: *теорія и практика; управленіе крестьянъ(ами) или недвижимыхъ ми) имѣній(ями)*. Замѣтить надо, что вообще у г. Жукова заглавія атей какъ-то не ладятъ съ ихъ содержаніемъ и выражаютъ почти егда или болѣе, или менѣе того, что̀ дѣйствительно есть. Вотъ оть бы заглавіе этой бесѣды: подумаешь, что рѣчь идетъ о дѣйствительно-существующей теоріи и практикѣ нашего сельскаго хояйства, о ихъ взаимномъ соотношеніи — на сколько въ жизни они ходятся или расходятся, — ничуть не бывало! Все ограничивается азвитіемъ общеизвѣстной мысли: «*бѣда тому, кто ничему ли мало учился*» (стр. 134). Не говоря о томъ, что непонятно, акъ можно *учиться ничему*, мы бы спросили автора: въ комъ зъ читателей подозрѣваетъ онъ такой скептицизмъ? Неужели е извѣстна ему пословица русскаго человѣка: ученье — свѣтъ, а еученье — тьма? Странно!... Но пойдемъ далѣе. Не безъ основанія олагаетъ авторъ, что молодому теоретику сельскаго хозяйства необходимо *благоразумно*, *смотря по обстоятельствамъ*, примѣнять свои знанія къ дѣлу. Замѣчаніе это хотя и не отличается излишнею опредѣлительностью, но не меньше того и понятно и исполнено практическаго смысла: во-первыхъ, «каждая русская губернія, каждой уѣздъ, каждое почти имѣніе, имѣютъ *свои особенности;* возможно ли для нихъ начертать общія правила или раздробить эти правила до безконечности, чтобы они были пригодны на всякой мѣстности?» (стр. 303). Очевидно невозможно, очевидно необходимо изучать эти особенности и потомъ уже подводить ихъ подъ нормы, данныя наукою. Во-вторыхъ, не многіе изъ нашихъ теоретиковъ приступаютъ къ дѣлу съ тою любовью, подъ вліяніемъ которой только и возможно недовѣріе къ теоріи, разумѣется, условное; а такое недовѣріе болѣе или менѣе необходимо, какъ потому, что дѣйствительно нѣтъ и не можетъ быть всеобъемлющей теоріи, такъ съ другой стороны вслѣдствіе ложнаго положенія, въ которое издавна поставили себя теоретики и котораго, къ сожалѣнію, иные придерживаются и теперь. На сколько справедливы наши слова, можно видѣть изъ сравненія русскаго сельскаго хозяйства съ европейскимъ или хоть съ

бессарабскимъ, отъ котораго первое «отличается тѣмъ, что зд
въ помѣщичьихъ, дворянскихъ имѣніяхъ, обработываются крѣпо
ными людьми» (стр. XI). Здѣсь тѣмъ помѣщикъ получаетъ вм
тѣмъ больше достается крестьянамъ, и тѣмъ они довольн
(стр. 136). Слишкомъ довольно одного этого, чтобы убѣдиться
непримѣнимости теоріи ко всякому отдѣльному хозяйству, и н
ходимости болѣе или менѣе не довѣрять ей.

«Я думаю — говоритъ авторъ — что практическо-теоретиче
курсъ сельскаго хозяйства долженъ начинаться статьею: о упра
віи крестьянъ(ами)» (стр. 137). Жаль только, что самый вопр
рѣшенъ далеко не такъ, какъ можно бы было ожидать отъ челов
понимающаго всю его огромность. Тѣмъ охотнѣе мы позволи
себѣ остановиться нѣсколько на немъ. «Русское имѣніе недви
бываетъ трехъ видовъ: 1) оброчное, 2) хлѣбопашественное (т.
барщина; 3) смѣшанное» (стр. 138). Къ первому изъ нихъ авторъ
обще не благоволитъ; послѣднее допускаетъ въ такихъ имѣніяхъ,
есть богатые, зажиточные крестьяне; на второе же смотритъ,
на единственно выгодное для помѣщика, не обращая вниман
крестьянъ, объ управленіи которыми собственно и говоритъ
смотримъ теперь, на какихъ данныхъ опирается г. Жуковъ. По
мнѣнію, оброчное имѣніе только *повидимому* представляетъ
затрудненій для владѣльца; на самомъ же дѣлѣ *(будто бы)* кр
не постоянно не уплачиваютъ всего оброка, съ каждымъ годомъ
копляется болѣе и болѣе недоимки и все оканчивается тѣмъ,
«управляющій какъ-то наживается, мужики какъ-то разорятся
помѣщикъ бѣднѣетъ, а долги его увеличиваются» (стр. 140).
станемъ скрывать, что въ нашей сельско-хозяйственной прак
дѣйствительно встрѣчаются такіе случаи; но едва ли позволитель
изъ случая выводить рѣшительное общее правило, «что самое ху
шее положеніе имѣнія оброчное».

«Крестьяне вообще безпечны, частію есть изъ нихъ хорошіе р
зяева, которые запасаются на случай неурожая; но если неурож
постигаетъ все имѣніе, то бѣднѣйшіе не въ состояніи бываютъ вне
тить всего оброка, а за ними и исправные не желаютъ противъ ни
лишняго переплатить; въ самые счастливые годы сверхъ оклада
кто не внесетъ *(еще бы!)*. А пожаръ или скотской падежъ бываю
причиною, что крестьяне не только не платятъ оброка, но и просят
отъ помѣщика значительнаго вспомоществованія. Основная цѣнно
имѣнія уничтожена: поля распаханы, земли кое-какъ обработаны
мало удобрены, луга въ безпорядкѣ и частію распаханы, лѣса сов
возможно истреблены, самое состояніе крестьянъ разстроено (?). Почт
всегда и для владѣльца оброкъ не выгоденъ и для крестьянъ вообще
отяготителенъ» (стр. 141).

Вотъ и всѣ *доказательства!* Авторъ не нотрудился даже сообра-ь, что и въ имѣніи, на барщинѣ состоящемъ, точно такъ же возны неурожаи, скотскіе падежи, пожары и всѣ бѣдствія человѣ-ства, и что, съ другой стороны, и въ оброчномъ имѣніи очень недно ввести такой надзоръ, вслѣдствіе котораго бы луга не остаись въ безпорядкѣ, лѣса не были истреблены, состояніе крестъ-не было разстроено и т. д. Самое главное здѣсь въ количествѣ ока, и тутъ-то фонъ той печальной картины оброчнаго имѣнія, орую изобразилъ г. Жуковъ. Согласитесь опредѣлить, чтобы об-ъ, вмѣстѣ съ урочными работами вашихъ крестьянъ, ни въ ка-ъ случаѣ не превышалъ дѣйствительно существующей наемной ы вашей земли; перестаньте, вопреки всѣмъ фактамъ, утверж-ь, что оброкъ у васъ «*вообще* меньше, нежели на сколько крестъ-нъ пользуется землею и угодьями господскими» (стр. 212), — и да вы не станете жаловаться на недоимки и говорить, будто об-ное имѣніе «*никогда* не обезпечиваетъ доходовъ владѣльца» (стр.). Само собою разумѣется, что о непредвидимыхъ случаяхъ по-а, неурожая и т. п. и говорить нечего. Мы знаемъ примѣ-. что добросовѣстное управленіе оброчнымъ имѣніемъ, въ весьма родолжительное время, не только искупало старые грѣхи, но и ое имѣніе устроивало такъ, какъ лучше, при настоящихъ услоъ, и требовать нельзя; и если бы примѣры могли служить азательствомъ, мы бы насчитали ихъ десятками, не страь упрека. Кстати замѣтить здѣсь, что у г. Жукова иногда странная метода доказывать. Всѣми силами своего краснорѣчія раая на то, что оброчное имѣніе невыгодно, въ чемъ бы, вы ду-, еще находитъ онъ подтвержденіе? Вотъ въ чемъ: «разумѣется ритъ онъ о помѣщикѣ, приступающемъ лично къ управленію ми душами), имѣніе его на барщинѣ; *даже бывшее оброчнымъ кое обращается, что также доказываетъ преимущество бар-передъ оброкомъ*» (стр. 142).

Послѣ всего этого авторъ приступаетъ наконецъ къ трактату управленіи крестьянами. Въ ней нѣтъ почти ничего новаго, кроѣ развѣ того, что обязанности, возлагаемыя авторомъ на старшиго того многосложны, что едва ли есть человѣческая возможь выполнять ихъ постоянно и добросовѣстно. Особенно понраи намъ способъ г. Жукова отправлять одну изъ повинностей шаго класса:

Рекрутская повинность очень нелегка для крестьянъ, однако должбыть отправляема неупустительно, немедленно и справедливо. Для э непремѣнно должны быть заведены списки, которые первонаально опредѣляютъ очередь.

«Штрафная книга, въ которую неупустительно вносятъ прост крестьянъ (т. е. подразумѣевается: должна быть заведена). Н имъ предварительно объявить, что за кѣмъ болѣе записано бу проступковъ, тотъ подвергается рекрутству.

«Очередной списокъ долженъ быть составленъ по числу чл семейства, но не это опредѣляетъ первенство очереди, а лѣта ихъ вмѣстѣ сложенныя.

Напримѣръ: 4 брата.

Александръ. . .	23 лѣтъ
Иванъ	17 —
Никоноръ. . . .	9 —
Семенъ.	4 —
Итого	53 года

3 брата.

Василій.	34 лѣтъ
Митрофанъ . . .	32 —
Дмитрій	30 —
Итого	96 лѣтъ

«Явственно, что послѣдняя очередь старше, хотя и менѣе бр Въ первой, если отдать старшаго брата, то семейство останется подпоры; во второй, который бы ни поступилъ, въ хозяйствен порядительномъ отношеніи разницы не будетъ. Но если Але шалунъ, нѣсколько разъ записанъ въ штрафную книгу, то сл новатъ, что поступитъ въ солдаты» (стр. 149 — 150).

Все это очень справедливо; одно только можно бы зам здѣсь — относительно штрафныхъ книгъ. Такъ-какъ ими усл вается участь человѣка и его семьи, то справедливо желать, чт такія книги поручены были особенно-благонадежному надзору, т болѣе, что въ низшихъ слояхъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо вс чаются случаи безвинной вины. Возьмемъ хоть данный прим если бы судьи Александра были похожи на тѣхъ, которые у Кры оцѣниваютъ соловья, или же рядили по методѣ Шемяки, — виновато бѣдное семейство, что «останется безъ всякой подпо На этотъ предметъ наши хозяева должны обратить особенное маніе.

Седьмая бесѣда трактуетъ *«о предупрежденіи болѣзней; о бе сности крестьянскаго и господскаго имущества.»* И здѣсь н очень немного; за исключеніемъ нѣсколькихъ фактовъ, снова зывающихъ наблюдательность автора и его короткое знакомст бытомъ нашихъ крестьянъ, да кое-какихъ мѣръ, отличающ иногда странностію, нѣтъ ничего особенно интереснаго или важ Вотъ, напримѣръ, одно изъ средствъ предупрежденія пожара: «

ущественно дворовые люди курятъ трубки на дворѣ, въ конюшнѣ; даже ложась спать на сѣно. *Стараться, чтобы курителей не было;* въ *крайнемъ* только случаѣ дозволять курить въ избѣ; у ослушниковъ отбирать трубки, табакъ и штрафовать по вышеозначенному», т. е. деньгами. (Стр. 158). Не говоря уже о томъ, что денежные штрафы вообще не приложимы къ нашимъ крестьянамъ, у которыхъ часто нѣтъ копейки за душой, намъ не понятно, какъ это стараться, чтобы курителей не было? Хорошо еще, если самъ хозяинъ не куритъ; а въ противномъ случаѣ, ужели запрещать кому это удовольствіе? Пѣтъ, мы тѣмъ съ бо́льшею вѣроятностью надѣемся не встрѣтить такихъ фактовъ въ жизни, что цѣль, слѣдуемая авторомъ, легко можетъ быть достигнута другими, средствами — увѣщаніемъ, предостереженіемъ, наконецъ угрозой, наказаніемъ и т. п.

Восьмая бесѣда разсматриваетъ «*благосостояніе крестьянъ*» и имѣетъ «*внимательное ими управленіе*», какъ новое доказательство отсутствія въ разсматриваемой книгѣ всякой системы. По мнѣнію г. Жукова, «благосостояніемъ крестьянъ можно назвать, когда они суть имѣть достаточно лошадей, коровъ и овецъ, а въ хлѣбопашныхъ степныхъ губерніяхъ свиней, удовлетворяющихъ всѣ ихъ насущительныя нужды; могутъ платить своевременно господскія и государственныя повинности; когда имѣютъ хлѣба въ запасѣ на неурожайный годъ и залежныхъ денженокъ рублей по сту на семейство. Не много, но съ ихъ нуждами, весьма достаточно» (стр.178). Но какъ-какъ благосостояніе это условливается *хорошимъ управленіемъ*, то авторъ и переходитъ къ барщинѣ, которой, какъ мы видѣли, отдаетъ рѣшительное преимущество предъ другими методами....

«Барщина распредѣляется сообразно съ мѣстными обыкновеніями: работаютъ *поголовно*, т. е. прежде исполняютъ господскую работу, потомъ даютъ время крестьянамъ. Другая барщина *братъ на брата*, т. е. половина рабочихъ силъ каждаго семейства ежедневно работаетъ на барщинѣ, а другая у себя» (стр. 179). Такую барщину авторъ допускаетъ только при благопріятной мѣстной обстановкѣ, напримѣръ: «когда крестьяне надѣются не на хлѣбопашество, а на шелковую (или какую-либо другую) фабрику; а для барщины и своихъ полевыхъ работъ нанимаютъ работниковъ» (стр. 181). Наконецъ третья барщина *трехъ-дневная:* имѣніе дѣлится на двѣ почти равныя части, называемыя половинами. Первая работаетъ на барщинѣ понедѣльникъ, вторникъ, середу, а вторая — остальные три дня недѣли.»

«Эту барщину — говоритъ г. Жуковъ — я считаю справедливѣйшею, для обѣихъ сторонъ безъобидною, т. е. для помѣщика и крестьянъ;

За тѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ онъ устроилъ свою тору, какъ сначала самъ былъ счетоводомъ, какъ каждый вечт твердилъ своему старостѣ разныя назидательныя истины, котор предоставляемъ прочесть самимъ читателямъ. Замѣтимъ только отчетность автора далеко не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ и далек такъ проста, какъ думаетъ, впрочемъ очень естественно, самъ чинитель ея. «Нашему конторщику, говоритъ онъ, при 200 душ нужно часъ времени, что бы обстоятельно все записать вечер менѣе часа утромъ, что бы все вписать утромъ въ соотвѣтствен книги; два дня, по истеченіи мѣсяца, что бы подвести мѣсячны ключенія; день, что бы составить и набѣло переписать мѣсяч вѣдомость: одну оставить въ конторѣ, а другую представить ко щику. По истеченіи года, въ недѣлю можетъ кончить годовы ключенія по всѣмъ книгамъ, а черезъ другую составить и пред вить владѣльцу годовой отчетъ» (стр. 240). На самомъ дѣлѣ ока вается, что въ конторѣ г. Жукова, сверхъ несчетнаго множеств домостей, отчетовъ, даже какихъ-то «личныхъ счетовъ», су ствуетъ ровнехонько *тридцать шесть нумерованныхъ книгъ*, и добавокъ еще *исторія имѣнія*, въ которой каждый годъ описы отдѣльно, а черезъ пять лѣтъ дѣлается общее обозрѣніе (стр. И все это на рукахъ одного конторщика! Удивительно ли, если он безпрестанно жалуется на него? (стр. 241, 244). И напротив болѣе ли удивительно, какъ не понять, что такой трудъ не л ламъ. Но особенно поразилъ насъ обычай, принятый г. Жуков вести рабочій журналъ *«съ денежною оцѣнкою труда крест скаго»* (стр. 209). Мы не знаемъ, съ какою цѣлью и по каки даннымъ производитъ авторъ эту оцѣнку? тогда какъ эти вопросы и суть первой важности. Судите сами: работа *двухъ* человѣкъ и *ста восьмидесяти пяти лошадей* въ теченіи пя го *іюля* мѣсяца оцѣнена только въ *девятьсотъ два* рубля ассиг ціями! (стр. 241). Или: работа *семи сотъ сорока семи* лошад *семи сотъ сорока семи* мужчинъ и *тысячи семидесяти* бабъ въ т ченіи *августа*, когда доброму косцу платится отъ 20 до 40 и даж 45 коп. сер. въ сутки, у автора стоитъ всего *восемьсотъ пятьдеся три* рубля съ копейками! (стр. 236). Спрашивается, для чего так оцѣнка?... И не менѣе того — странное дѣло! — оцѣнка труда н радовала насъ въ высшей степени.

Что́ касается до одинадцатой бесѣды, то въ заглавіи ея читаем «*помѣщикъ. Обзоръ внѣшней торговли 1845 г. Заключеніе* (,) выведенное *изъ предыдущаго;*» а изъ чего именно — покрыто мракомъ совершенной неизвѣстности. О самомъ помѣщикѣ сказано здѣсь только потому, что онъ есть *главное дѣйствующее лицо* въ семьсот

ромышленности (стр. 248). Очевидно, что на этомъ легкомъ основаніи не несправедливо было бы весь курсъ сельскаго хозяйства наполнить трактатами о помѣщикахъ; но, съ другой стороны это не помѣшало почтенному автору высказать нѣсколько дѣльныхъ грокъ и тѣмъ выкупить надостатки цѣлой бесѣды, которая, надо замѣтить, слабѣе всѣхъ прочихъ.

«Я знаю — говоритъ г. Жуковъ — помѣщиковъ: у нѣкоторыхъ болѣе двумъ тысячъ душъ, у другихъ за тысячу, у иныхъ не менѣе 00 душъ, которые всѣ прекрасно живутъ, а не получаютъ земледѣльческаго журнала, ни Земледѣльческой газеты; едва ли имѣютъ въ омѣ хотя одну хозяйственную книгу, за исключеніемъ Парижскаго овара (хотя, замѣтимъ въ свою очередь и мы, между поваромъ и нигой все-таки есть маленькая разница!). Не знаю, у кого они учатся ельскому хозяйству: у своихъ ли управляющихъ, прикащиковъ или гаростъ?

«Къ 20,456 помѣщикамъ присоединимъ еще 15,000 распорядителей едвижимыхъ имѣній изъ всѣхъ сословій, и замѣтимъ, что книги о ельскомъ хозяйствѣ мало читаются, того меньше покупаются.

«Если бы помѣщикъ Русской владѣлъ землею и деньгами, которыми бы распоряжался безпечно; то разорялъ бы только себя, земля деньги перешли бы къ благоразумнѣйшему; но теперь иногда страдаютъ и разоряются крестьяне» (стр. 247—248).

За тѣмъ авторъ обозрѣваетъ всю многосложную дѣятельность омѣщика на одной страничкѣ, даетъ этой дѣятельности громкое азваніе науки сельскаго хозяйства и, къ удивленію нашему, заключаетъ тѣмъ, что «*разсматривать послѣдовательно эту науку я не считаю теперь нужнымъ* (хотя это-то именно, какъ мы видѣли въ предисловіи, и было его задачей), *ибо значитъ повторять изложенное во многихъ сочиненіяхъ;* а надобно только поименовать ихъ» стр. 250); вслѣдствіе чего и поименовываетъ, но опять не тутъ же, черезъ тридцать три страницы, въ другой бесѣдѣ.... ужь такова его система!

Обзоръ нашей внѣшней торговли 1845 года не связанъ съ предъидущимъ даже внѣшнею связью. Мы обходимъ его, во-первыхъ, потому, что онъ уже извѣстенъ всѣмъ читающимъ какія-нибудь газеты, а во-вторыхъ, и это главное, потому, что онъ не привелъ автора ни къ какимъ соображеніямъ, которыя бы могли оказать услугу сельскому хозяйству, тогда-какъ въ сущности могъ привести ко многому, весьма важному и интересному. Однимъ словомъ, зачѣмъ и какъ попалъ этотъ обзоръ въ разсматриваемую книгу?

Двѣнадцатая бесѣда заключаетъ въ себѣ: *указаніе на нынѣшнее состояніе мануфактурной дѣятельности въ Россіи. Благотворное ея*

За тѣмъ авторъ разсказываетъ, какъ онъ устроилъ свою
тору, какъ сначала самъ былъ счетоводомъ, какъ каждый
твердилъ своему старостѣ разныя назидательныя истины, кото
предоставляемъ прочесть самимъ читателямъ. Замѣтимъ только
отчетность автора далеко не заслуживаетъ тѣхъ похвалъ и дале
такъ проста, какъ думаетъ, впрочемъ очень естественно, самъ
чинитель ея. «Нашему конторщику, говоритъ онъ, при 200 душ
нужно часъ времени, что бы обстоятельно все записать вечер
менѣе часа утромъ, что бы все вписать утромъ въ соотвѣтствен
книги; два дня, по истеченіи мѣсяца, что бы подвести мѣсячны
ключенія; день, что бы составить и набѣло переписать мѣся
вѣдомость: одну оставить въ конторѣ, а другую представить
щику. По истеченіи года, въ недѣлю можетъ кончить годовы
ключенія по всѣмъ книгамъ, а черезъ другую составить и пред
вить владѣльцу годовой отчетъ» (стр. 240). На самомъ дѣлѣ
вается, что въ конторѣ г. Жукова, сверхъ несчетнаго множества
домостей, отчетовъ, даже какихъ-то «личныхъ счетовъ», су
ствуетъ ровнехонько *тридцать шесть нумерованныхъ книгъ*, к
добавокъ еще *исторія имѣнія*, въ которой каждый годъ описы
отдѣльно, а черезъ пять лѣтъ дѣлается общее обозрѣніе (стр.
И все это на рукахъ одного конторщика! Удивительно ли, если
безпрестанно жалуется на него? (стр. 241, 244). И напротивъ
болѣе ли удивительно, какъ не понять, что такой трудъ не
ламъ. Но особенно поразилъ насъ обычай, принятый г. Жуков
вести рабочій журналъ «*съ денежною оцѣнкою труда крест
скаго*» (стр. 209). Мы не знаемъ, съ какою цѣлью и по ка
даннымъ производитъ авторъ эту оцѣнку? тогда какъ эт
вопросы и суть первой важности. Судите сами: работа *ти
двухъ* человѣкъ и *ста восьмидесяти пяти лошадей* въ теченіи
го *іюля* мѣсяца оцѣнена только въ *девятьсотъ два* рубля ас
ціями! (стр. 241). Или: работа *семи сотъ сорока семи* лош
семи сотъ сорока семи мужчинъ и *тысячи семидесяти* бабъ в
ченіи *августа*, когда доброму косцу платится отъ 20 до 40 и да
45 коп. сер. въ сутки, у автора стоитъ всего *восемьсотъ пятьдес
три* рубля съ копейками! (стр. 236). Спрашивается, для чего та
оцѣнка?... И не менѣе того — странное дѣло! — оцѣнка труда
радовала насъ въ высшей степени.

Что́ касается до одинадцатой бесѣды, то въ заглавіи ея читаем
«*помѣщикъ. Обзоръ внѣшней торговли 1845 г. Заключеніе* (,) *вы
денное изъ предыдущаго;*» а изъ чего именно — покрыто мракомъ
совершенной неизвѣстности. О самомъ помѣщикѣ сказано здѣс
только потому, что онъ есть *главное дѣйствующее лицо* въ сельской

промышленности (стр. 248). Очевидно, что на этомъ легкомъ основаніи не несправедливо было бы весь курсъ сельскаго хозяйства наполнить трактатами о помѣщикахъ; но, съ другой стороны это не помѣшало почтенному автору высказать нѣсколько дѣльныхъ строкъ и тѣмъ выкупить недостатки цѣлой бесѣды, которая, надо замѣтить, слабѣе всѣхъ прочихъ.

«Я знаю — говоритъ г. Жуковъ — помѣщиковъ: у нѣкоторыхъ болѣе двумъ тысячъ душъ, у другихъ за тысячу, у иныхъ не менѣе 500 душъ, которые всѣ прекрасно живутъ, а не получаютъ земледѣльческаго журнала, ни Земледѣльческой газеты; едва ли имѣютъ въ домѣ хотя одну хозяйственную книгу, за исключеніемъ Парижскаго повара (хотя, замѣтимъ въ свою очередь и мы, между поваромъ и книгой все-таки есть маленькая разница!). Не знаю, у кого они учатся сельскому хозяйству: у своихъ ли управляющихъ, прикащиковъ или старостъ?

«Къ 20,456 помѣщикамъ присоединимъ еще 15,000 распорядителей недвижимыхъ имѣній изъ всѣхъ сословій, и замѣтимъ, что книги о сельскомъ хозяйствѣ мало читаются, того меньше покупаются.

«Если бы помѣщикъ Русской владѣлъ землею и деньгами, которыми бы распоряжался безпечно; то разорялъ бы только себя, земля и деньги перешли бы къ благоразумнѣйшему; но теперь иногда страдаютъ и разоряются крестьяне» (стр. 247—248).

За тѣмъ авторъ обозрѣваетъ всю многосложную дѣятельность помѣщика на одной страничкѣ, даетъ этой дѣятельности громкое названіе науки сельскаго хозяйства и, къ удивленію нашему, заключаетъ тѣмъ, что «*разсматривать послѣдовательно эту науку я не считаю теперь нужнымъ*» (хотя это-то именно, какъ мы видѣли въ предисловіи, и было его задачей), *ибо значитъ повторять изложенное во многихъ сочиненіяхъ;* а надобно только поименовать ихъ» (стр. 250); вслѣдствіе чего и поименовываетъ, но опять не тутъ же, а черезъ тридцать три страницы, въ другой бесѣдѣ.... ужь такова его система!

Обзоръ нашей внѣшней торговли 1845 года не связанъ съ предъидущимъ даже внѣшнею связью. Мы обходимъ его, во-первыхъ, потому, что онъ уже извѣстенъ всѣмъ читающимъ какія-нибудь газеты, а во-вторыхъ, и это главное, потому, что онъ не привелъ автора ни къ какимъ соображеніямъ, которыя бы могли оказать услугу сельскому хозяйству, тогда-какъ въ сущности могъ привести ко многому, весьма важному и интересному. Однимъ словомъ, зачѣмъ и какъ попалъ этотъ обзоръ въ разсматриваемую книгу?

Двѣнадцатая бесѣда заключаетъ въ себѣ: *указаніе на нынѣшнее состояніе мануфактурной дѣятельности въ Россіи. Благотворное ея*

вліяніе на крестьянъ и сельское хозяйство. Изслѣдованіе какъ [illegible] *мали хлѣбные законы въ Англіи всѣ сословія. Первое знакомство* [illegible] *Кобденомъ»*. И все это на двадцати трехъ страничкахъ разгонистой печати! Начинается эта бесѣда величайшей неправдой, будто коренное русское племя живетъ въ мѣстахъ, въ которыхъ *зима продолжается шесть мѣсяцевъ и* (даже!) *болѣе»* (стр. 267). Впрочемъ [illegible] сказать: можетъ быть къ кореннымъ русскимъ авторъ относитъ [illegible] кихъ-нибудь вогуличей, остяковъ, самоѣдовъ! Почему же имъ [illegible] быть русскими?... Далѣе говорится, что русскій мужичокъ [illegible] разстается съ сельскими работами, и если идетъ на фабрику, то [illegible] леко не по нуждѣ, а такъ себѣ, *отъ скуки*. За тѣмъ описываетъ бѣдность крестьянъ такъ называемыхъ богатыхъ, хлѣбородныхъ губерній и, въ pendant къ ней, богатство московскаго и богородскаго уѣздовъ. «Правда — замѣчаетъ г. Жуковъ — нѣтъ худа без добра и добра безъ худа. Крестьяне пренебрегаютъ земледѣліемъ, стремятся на фабрики за добычею денегъ и дѣйствительно добываютъ на всѣ свои нужды, которыя разнообразнѣе нуждъ крестьянина-земледѣльца. Имъ нужно прежде платежа государственныхъ повинностей и господскихъ оброковъ *спрыснуть* станъ, спрыснуть срѣзку; потомъ охмѣлиться, напиться и опять охмѣлиться — [illegible] отнимаетъ у нихъ въ году много времени и денегъ. На фабрикахъ страдаетъ нравственность, слабѣютъ семейныя узы, разстроивается здоровье крестьянъ; а между тѣмъ невоздержные, заработавшіе много денегъ, мало приносятъ ихъ въ домъ; за ними останавливаются подати и оброки. Впрочемъ это зло частное, которое [illegible] не должно принимать въ соображеніе (напротивъ, тысячу разъ должно и должно: вѣрнѣйшій путь — умственное и нравственное образованіе; нашего мужичка не трудно убѣдить, напримѣръ, что пьянство обращается ему же во вредъ; надо только приняться за это дѣло съ любовью!) въ сравненіи съ тою пользою, которую приноситъ развитіе фабричной промышленности» (стр. 271—272).

«Взгляните на селенія, деревни и даже уѣздные города хлѣбородныхъ губерній; потомъ поѣзжайте по Троицкой дорогѣ и сверните вправо по рѣкѣ Клязьмѣ: на каждой почти верстѣ представляется вамъ огромныя, хорошо выстроенныя фабрики, заведенія, крытыя тесомъ или желѣзомъ, раскрашенныя и нераскрашенныя. Крестьянскіе домы благообразные, свѣтлые, чистые, помѣстительные: иные каменные, крытые желѣзомъ, другіе деревянные, крытые тесомъ съ расписанными ярко ставнями. Вамъ покажется, что вы были въ двухъ отдѣльныхъ государствахъ: только елки на питейныхъ домахъ напомнятъ вамъ, что вы путешествуете по Великороссійскимъ губерніямъ. Подъ весенній вечеръ вы услышите тамъ и здѣсь хороводныя пѣсни веселящейся молодежи. Въ праздничные дни, черноземныхъ губерній, мужики [illegible]

въ коричневые кафтаны суконные, некрашенные, издѣлія ихъ ... которыя щеголяютъ въ кумачахъ или китайкахъ: въ фабричныхъ мѣстахъ мужики въ синихъ кафтанахъ, ситцевыхъ рубашкахъ, ...*водныхъ* картузахъ и щегольскихъ сапогахъ: бабы въ ситцевыхъ, ...ныхъ, даже шелковыхъ сарафанахъ, которыя(е) не знаю почему ...азываютъ *шубками*, дѣвки также щеголяютъ шубками, которыя ...ютъ преимущественно шелковыя и парчевыя, сверхъ того на ...тонкіе бѣлые или розоцвѣтные бумажные чулки и красные или ...ые башмаки; на рукахъ, дивитесь просвѣщенію и изысканности ...та, шелковыя длинныя или короткія перчатки: бѣлье тонкое ...о вымытое; иныя къ сожалѣнію бѣлятся и румянятся Видно, что ...ыя тяжело добываютъ насущный хлѣбъ; а вторымъ деньги перекотъ чаще и легче» (стр. 274—275).

Здѣсь авторъ, повидимому раздѣляющій съ нами любовь къ русскому человѣку, окончательно мирится съ нашимъ купечествомъ, однакожь не забывая дать ему значительный щелчокъ:

Изъ русскихъ фабрикантовъ есть такіе дальновидные политики (и ...много!), что выстроивъ фабрику, напротивъ ея заводятъ отъ себя ...трактиръ: каждую субботу расчитываютъ своихъ рабочихъ, а по ...никамъ считаютъ трактирщика: иногда недѣльная выручка трак... превышаетъ недѣльную расплату фабрики: ибо въ первомъ бы...ъ посторонніе посѣтители Пришелъ работникъ въ контору, не въ ...ное время, просить денегъ: «на что тебѣ, братецъ?» — Хлѣба ку... «У насъ много хлѣба въ анбарѣ, возьми». И тутъ фабрикантъ ...бываетъ 25% *и болѣе на рубль*» (стр. 276).

О хлѣбныхъ законахъ Англіи и знакомствѣ съ Кобденомъ мы говорить не будемъ и опять по прежнимъ основаніямъ: во-первыхъ, ...ья эта помѣщена здѣсь *потому*, *что* «Англія съ царствованія ...на Васильевича до настоящаго года имѣла значительное вліяніе ...удьбу русскаго земледѣлія, торговли и промышленности» (стр. ...), другими словами — *ни почему;* а во-вторыхъ, она слишкомъ ...на предъ изслѣдованіями о томъ же предметѣ незабвеннаго профессора Линовскаго.

Содержаніе слѣдующей бесѣды составляетъ: «*каталогъ хозяйственныхъ книгъ. Устройство помѣщичьяго хозяйства*». Что касается о перваго, то онъ очень и очень неполонъ: не только не названы многія превосходныя статьи, разбросанныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но не упомянуто даже о журналѣ министерства государственныхъ имуществъ, объ изданіяхъ департамента сельскаго хозяйства, о трудахъ гг. Заблоцкаго, Небольсина и т. д. Авторъ считаетъ, что на первый разъ молодому хозяину весьма достаточно писаться на Земледѣльческій Журналъ, Земледѣльческую Газету

и на Труды Вольнаго Экономическаго Общества, да купить кур
Павлова, Усова, Бесѣды Линовскаго и «Начальныя основанія ру
скаго сельскаго хозяйства, *моего сочиненія*». Съ увеличеніемъ
доходовъ можно выписать «*Тэера, а за нимъ все, что вамъ угод*
(стр. 294). Мы бы, признаться, соблюли другой порядокъ, —
чтобъ гусей не раздразнить.

Теперь есть у васъ и имѣніе, въ которомъ все благоденствуе
есть и контора, и библіотека. «Остается *раціонально* подумать о
ственномъ вашемъ устройствѣ». Какъ? скажете вы: — да ра
природа-то меня не устроила?... Не о томъ рѣчь-съ.... остается
вести въ вашемъ имѣніи разныхъ ремесленниковъ: плотник
портного, слесаря, кузнеца, сапожника, цырульника, мельника,
торый бы, по аналогіи съ водяными и вѣтряными, «чинилъ ко
(экипажные) и деревенскіе экипажи» и т. д.

Четырнадцатая бесѣда говоритъ «*о возможныхъ улучшеніяхъ
имѣніи безъ значительныхъ денежныхъ издержекъ*». Заглавіе
вольно заманчивое, но только для неопытныхъ. Мы видѣли уж
при теперешнихъ условіяхъ сельско-хозяйственной промышлен
не можетъ быть и рѣчи объ улучшеніяхъ, сколько-нибудь су
венныхъ, радикальныхъ. Настоящая бесѣда только окончате
подтверждаетъ насъ. Мѣры, предлагаемыя ею, предлагались «
дами Вольнаго Экономическаго Общества» еще въ послѣднихъ
прошедшаго столѣтія, и однакожь авторъ нашелъ необходи
поднять старину. Притомъ, кому же не извѣстно, что з
подъ яровое нужно пахать осенью, хлѣбъ убирать, когда он
спѣетъ, что должно внимательно слѣдить за скотоводствомъ, изу
теорію прежде практики, соблюдать бережливость и пр. и пр.
А между тѣмъ именно такими истинами начинена вся бесѣда. С
шивается, гдѣ же секретъ улучшить имѣніе безъ значительныхъ
держекъ? Вотъ онъ: «выучитесь оцѣнкѣ и употребленію време
все устроится къ вашему благосостоянію, деньги польются къ ва
обильнымъ источникомъ» (стр. 317). И только! О такихъ секрета
по всей справедливости можно и должно сказать тоже, что сказа
самъ авторъ о дурныхъ сельско-хозяйственныхъ книгахъ: «они х
самаго неурожая литературнаго!» (стр. V).

Переходимъ къ пятнадцатой и послѣдней бесѣдѣ, трактую
«*о земледѣльческихъ орудіяхъ, машинахъ и хозяйственныхъ
стройкахъ*». Нетрудно догадаться, что и здѣсь рѣчь идетъ главны
образомъ объ усовершенствованіяхъ, которыя желательно бы вид
въ области сельскаго хозяйства. Ясно, слѣдовательно, что
объ этой бесѣдѣ, въ главныхъ чертахъ, слѣдуетъ сказать тоже, что
о предъидущей. Приведемъ два-три примѣра. Авторъ говоритъ:

ли найдете невыгоднымъ возить навозъ за одну версту отъ ва-
съ скотныхъ дворовъ, то можете устроить водопроводъ, выщело-
ь въ немъ навозъ, эту жидкость провести на поля и луга ваши»
. 330). *Можете устроить водопроводъ!* странное дѣло! зарыть въ
кю нѣсколько тысячъ рублей и потомъ получить за четверть
5а два или три рубля ассигнаціями!... Другой примѣръ: «деше-
ма произведеній въ хлѣбородныхъ губерніяхъ происходитъ отъ
, что занимаются единообразными зерновыми посѣвами, кото-
даже не стравляютъ скотомъ, а выпускаютъ безрасчетно въ
ажу; тогда-какъ засѣвая болѣе маслянистыхъ растеній, требуе-
ъ постоянно за границу, могли бы уменьшить производство
5а; скармливая его скотомъ — поднять цѣну; скотомъ, котораго
въ Россіи относительно ея пространству, не только заграничъ
требованіямъ» (стр. 332). Легко сказать, сѣйте коноплю, ленъ
амбовской губерніи, потому-что продукты эти постоянно трегся въ Англію, Голландію и т. д.! Но вѣдь у васъ, почтенный ав-
, именно въ одной изъ хлѣбородныхъ губерній есть земля и ду-
начните же сами уменьшать производство хлѣба и увеличивать
вы конопельки, авось вашъ примѣръ убѣдитъ васъ, что меч-
гораздо легче, нежели дѣло дѣлать!

Не менѣе странна и логика г. Жукова. Извѣстно, что два амери-
кіе плуга могутъ сработать въ день столько же, сколько три
, съ тою огромною разницей, что первые гораздо болѣе раз-
яютъ землю и слѣдовательно «*гораздо лучше*» приготовляютъ
стр. 337) да въ добавокъ значительно облегчаютъ трудъ чело-
а (стр. 338). Кажется, какихъ еще доказательствъ ихъ преиму-
тва предъ сохами? Такъ нѣтъ, авторъ предположилъ себѣ от-
ть соху и вслѣдствіе того, одной только страничкой выше, гово-
ъ о плугахъ, что «въ одно лѣто такъ спашутся лемехи и ножи,
ихъ должно наварить къ осени вновь, а это не всякой кузнецъ
лаетъ; сломается оглобля, не всякой плотникъ исправитъ: по-
вкамъ и починкамъ въ сотнѣ плуговъ не будетъ конца, а въ
нѣ *не сдѣлаетъ ощутительнаго улучшенія*» (стр. 336). Полу-
шь, что соха не тонетъ, не горитъ, не портится, словомъ — не
падаетъ.

За тѣмъ авторъ доказываетъ, что лучше быть посредственнымъ
ииномъ, нежели отличнымъ игрокомъ, изъявляетъ желаніе, что
проведена была желѣзная дорога изъ Саратова въ Москву и за-
чаетъ свое «Руководство» слѣдующими словами:

«Судьба народовъ въ десницѣ Бога Всемогущаго! Будемъ надѣять-
а Его святую волю, а между тѣмъ приготовимъ себя благораз умно

воспользоваться благопріятными обстоятельствами (стр. 347), и прибавимъ мы, и пословица гласитъ: «на Бога надѣйся, а самъ плошай!

Здѣсь оканчивается первая и главная часть нашей задачи. простить намъ читатель, что мы позволили себѣ такъ до играть его вниманіемъ; но если дорого для насъ все р ское, то, безъ сомнѣнія, всего дороже успѣхи Россіи на п развитія, — и кому же неизвѣстно, что вопросы промы ленности составляютъ въ этомъ отношеніи вопросы первѣйшей ности? Недаромъ нашъ незабвенный Крыловъ (какъ справед замѣтилъ кто-то) въ комедіи своей «Урокъ дочкамъ», застав мнимаго француза отвѣчать дамамъ, на вопросъ ихъ — что но во Франціи? словами: «всѣ большіе города при большихъ дорогах Анализируйте этотъ глубокомысленный отвѣтъ до конца, и найдете въ немъ всю сущность политической экономіи, все вел промышленныхъ вопросовъ въ сферѣ народной, государственн

Сдѣлаемъ краткій выводъ изъ всего предъидущаго. Мы вид что авторъ предположилъ себѣ послѣдовательно разсмотрѣть вс земледѣлія, скотоводства, фабрикаціи сельскихъ произведеній и ганизаціи хозяйства, — задача трудная, чрезвычайно многос ная, требующая соединенныхъ усилій множества отдѣльныхъ и слѣдовательно далеко недоступная силамъ одного человѣка, дача, отъ которой, какъ мы знаемъ, самъ онъ отступился нецъ, испытавъ на опытѣ все бремя ея. Нѣтъ, поэтому, не удивительнаго, если задача эта осталась нерѣшенною, даже пол ностно, — это можно было предвидѣть, прочтя одно предисловіе «Руководству. Съ другой стороны, послѣ всего сказаннаго о ней нельзя остановиться конечно и на той мысли, что авторъ ничег не сдѣлалъ: разумѣется, лучше бы было избрать болѣе специа ный вопросъ и исчерпать его до конца, нежели разомъ взяться все; но далеко немаловажную заслугу составляетъ и то (мы пол ряемъ это съ особеннымъ удовольствіемъ), что г. Жуковъ броси много вѣрныхъ, практическихъ взглядовъ на нашу промышленност и ея разнообразныхъ представителей, — въ этомъ отношеніи нель сомнѣваться, что его книга способна раскрыть глаза многимъ н знающимъ.

Въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на внѣшнюю литер турную сторону разсматриваемой книги. Мы должны замѣтить что здѣсь прежде всего поражаетъ насъ неправильность языка, часто доходящая до рѣшительной невозможности понять, что хо тѣлъ сказать авторъ; — въ «Руководствѣ», болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь

такой недостатокъ весьма ощутителенъ. Приведемъ въ оправданіе нѣсколько примѣровъ, особенно бросающихся въ глаза.

На стр. 49: «въ Бесѣдахъ своихъ *предположилъ излагать, относящееся* до хозяйства Саратовской и Московской губерній, *то* сдѣлаю вопросъ:»...

На стр. 91: Южная Россія «*должна заниматься хлѣбопроизведеніемъ въ строгомъ смыслѣ своего продовольствія*».

На стр. 92: Русское дворянство владѣетъ своими и управляетъ чужими крестьянами. *И такъ* прямая обязанность дворянства защищать крестьянъ; изыскивать средства къ ихъ благоденствію, что немаловажнѣе внѣшней защиты отечества», если еще не гораздо важнѣе, прибавимъ мы; непонятно только, откуда это *и такъ*. Кажется бы, гораздо легче вывести тоже самое изъ чисто христіанскихъ отношеній человѣка къ другому, во всемъ ему подобному.

На стр. 111: «Частное С. Хозяйство мы будемъ разбирать, *углубляться въ него, послѣднее*, « — и за тѣмъ новая строка и новая мысль».

На стр. 151: «Рекрутскій наборъ сѣнокосъ или нажива для управителей; *то* мы опредѣлили правила, которыя должны непремѣнно исполнять».

На стр. 163: «*каждая скотина* должна быть подъ п рисотромъ *соотвѣтственнаго* пастуха». Это уже совсѣмъ не по-русски.

На стр. 181: «Помѣщикъ, прибывъ въ свое имѣніе, долженъ.... приняться за *удобреніе людей* прежде земли». Можетъ быть здѣсь и каламбуръ; но неопытный въ *прямописаніи*, чего добраго, *изломаетъ* себѣ всю голову.

На стр. 295: «Чаще приходится покупать въ долгъ чай, сахаръ, табакъ и прочія необходимости. Что за кислыя *рожи* строютъ тогда продавцы. Мнѣ натвердилъ одинъ капиталистъ-помѣщикъ, что въ Москвѣ на векселъ капусты не купишь; *что богатый пріобрѣтаетъ на деньги, то голь на выдумки. По этому*, по его мнѣнію, *и земледѣліе за моремъ усовершенствовалось*». Мы спросимъ только, есть ли возможность понять этотъ періодъ, и въ подлинникѣ ничѣмъ не связанный ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ?... Вотъ еще такой же отрывочный періодъ:

«Въ началѣ хозяйственнаго поприща не долженъ углубляться: въ природу и естественныя науки; въ теоретико-отвлеченную науку сельскаго хозяйства; въ средства къ быстрому усовершенствованію сельскаго хозяйства; доходы не обезпечатся свѣдѣніями физиче-

ческими. Поименуемъ ихъ, для доказательства, что это метафизика сельскаго хозяйства: не передъ больнымъ учатся медицинѣ, а подаютъ ему скорую помощь уже посвященные въ ея таинства (стр. 301). Это уже чистѣйшій вздоръ.

Можно бы привести еще много подобныхъ мѣстъ, но, кажется, довольно и этихъ. Замѣтимъ, что мы соблюли въ нихъ строжайшую точность подлинника. Изданіе книги довольно опрятно и даже красиво.

Обозрѣніе внѣшней исторіи русскаго законодательства, *съ предварительнымъ изложеніемъ общаго понятія и раздѣленія законовѣдѣнія, составленное экстра-ординарнымъ профессоромъ Петербургскаго Университета, докторомъ законовѣденія*, Никомъ Рождественскимъ. *Спб. 1849.*

Въ октябрьской книжкѣ нашего журнала (за 1848 годъ), по поду «Руководства къ россійскимъ законамъ», изданнаго г. Рождественскимъ, мы замѣтили почтенному автору, что сочинитель каж книги, если не хочетъ быть судимымъ критикою съ излишней огостію, долженъ непремѣнно объяснить съ надлежащей подробтію и обстоятельностію назначеніе и цѣль своего труда. Замѣчаше, повидимому, принесло плоды: на этотъ разъ сочиненіе г. ждественскаго снабжено предисловіемъ, въ которомъ авторъ объмлъ съ должной скромностію, что книга его не есть самостоятьный ученый трудъ, и что единственное назначеніе ея состоитъ томъ, чтобы служить учебнымъ руководствомъ къ преподаванію ктическаго законовѣдѣнія.

Если г. Рождественскій еще сомнѣвается въ необходимости и мьзѣ подобныхъ объясненій для автора каждой книги, то сомнѣ его, мы въ томъ увѣрены, разсѣются окончательно при чтеніи шего разбора. Критика, по нашему мнѣнію, должна требовать отъ ждаго ученаго произведенія не абсолютныхъ, а только относительхъ достоинствъ; другими словами, она должна имѣть постоянно виду цѣль самого автора и смотрѣть преимущественно на то, въ кой мѣрѣ достигнута или недостигнута эта цѣль. Примѣняя это щее правило къ данному частному случаю, къ книгѣ г. Рождествскаго, мы видимъ, что книга эта получитъ въ нашихъ глазахъ вершенно различныя значенія, смотря потому, съ какой точки нія станемъ мы на нее смотрѣть: — будемъ ли мы разсматривать какъ оригинальный ученый трудъ, или только какъ учебное руководство, написанное съ извѣстной, спеціяльной цѣлью.

Въ первомъ случаѣ, т. е. разсматривая «Обозрѣніе» г. Рождественскаго какъ трудъ ученый, самостоятельный, мы должны сознаться, что содержаніе его вовсе не соотвѣтствуетъ заглавію, что въ немъ помѣщены предметы, вовсе не относящіеся къ самой исторіи законодательства, что въ немъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ самостоятельной ученой дѣятельности, что почти вся книга состоитъ въ буквальныхъ или сокращенныхъ выпискахъ изъ другихъ сочиненій, что даже выборъ этихъ сочиненій не вполнѣ удаченъ, а выписки изъ нихъ сдѣланы весьма неловко, а часто и необдуманно.

Совсѣмъ иное сужденіе произнесемъ мы, если станемъ смотрѣть на сочиненіе г. Рождественскаго съ той точки, на которую указываетъ намъ самъ авторъ. Какъ учебное руководство, сочиненіе это можетъ имѣть свою цѣну; оно могло бы быть составлено лучше,— въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но и въ настоящемъ видѣ оно можетъ принести, и вѣроятно принесетъ, пользу. Оно важно уже потому, что до сихъ поръ мы не имѣли такого компендіума внѣшней исторіи нашего законодательства; существованіе же подобныхъ компендіумовъ для первоначальнаго обученія права совершенно необходимо, и отсутствіе ихъ не могло быть вполнѣ вознаграждено ни отдѣльными монографіями, по причинѣ ихъ отрывочности, ни прежними общими обзорами, по причинѣ ихъ устарѣлости. Такимъ образомъ книга г. Рождественскаго, если смотрѣть на него съ этой спеціяльной точки зрѣнія, заслуживаетъ вниманія и одобренія критики. Мы прибавимъ болѣе: самые недостатки «Обозрѣнія», какъ ученаго труда, выше нами замѣченные, исчезаютъ и даже превращаются въ достоинства, какъ скоро мы видимъ въ «Обозрѣніи» не болѣе, какъ только учебное руководство. Г. Рождественскій включилъ, напримѣръ, въ свою книгу двѣ главы, вовсе не относящіяся до внѣшней исторіи права: «Обозрѣніе устройства мѣстъ и лицъ управленія, существовавшихъ отъ Іоанна III до Петра Великаго» и «Обозрѣніе главнѣйшихъ узаконеній отъ Петра Великаго до начала настоящаго царствованія». Въ трудѣ ученомъ это показалось бы странностію, въ учебномъ же руководствѣ — это не составляетъ недостатка, потому-что ученикамъ, которые будутъ заниматься по книгѣ господина Рождественскаго, изученіе этихъ двухъ главъ принесетъ или по-крайней-мѣрѣ можетъ принести несомнѣнную пользу. Точно также и отсутствіе самостоятельности, замѣтное въ трудѣ г. Рождественскаго, не можетъ быть поставлено ему въ вину, какъ скоро онъ самъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе составить только учебное руководство. Во-первыхъ, отъ автора компиляціи, откровенно высказывающаго свою цѣль, несправедливо бы было

ребовать самостоятельности; а во-вторыхъ, оригинальность выво-
въ въ этомъ случаѣ болѣе бы повредила, нежели принесла пользы
тигѣ, потому-что учебное руководство должно, по самому назна-
нію своему, представить намъ только современное состояніе нау-
, — ни болѣе, ни менѣе; все лишнее, лично принадлежащее авто-
, было бы тутъ совершенно не у мѣста.

Положеніе, выбранное г. Рождественскимъ, весьма для него вы-
дно; въ этомъ легко могли убѣдиться читатели послѣ всего
ми сказаннаго. Но если авторъ воспользовался всѣми выгодами
его положенія, то долженъ подвергнуться вмѣстѣ съ тѣмъ и
мъ его невыгодамъ. Какъ составитель учебнаго руководства, онъ
инялъ на себя извѣстныя обязанности, за точнымъ исполненіемъ
торыхъ строго обязана наблюдать критика. Въ подобныхъ случа-
ъ критика должна даже показать особенную внимательность и
рогость, потому-что въ учебныхъ руководствахъ, назначенныхъ
я воспитанія нѣсколькихъ тысячъ юношей, обязанныхъ на-слово
рить автору, каждая мысль, каждая строка, каждое слово имѣютъ
ромную важность. Если автора учебнаго руководства, мы, по
мому свойству его труда, освобождаемъ отъ обязанности быть са-
остоятельнымъ въ своихъ изслѣдованіяхъ и выводахъ, то въ за-
нъ того мы вправѣ требовать отъ него больше, чѣмъ отъ вся-
го другого, точности и ясности въ изложеніи, правильности въ
ыводахъ и совершеннаго соотвѣтствія во взглядахъ на предметъ съ
овременнымъ состояніемъ науки. Посмотримъ же ближе, до какой
епени удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ сочиненіе г. Ро-
дественскаго.

Первая глава разбираемой нами книги заключаетъ въ себѣ: *Обѣ
ее понятіе и раздѣленіе законовѣдѣнія*. Тутъ авторъ разсматри-
етъ сущность закона, права и обязанности, различныя дѣленія
аконовъ, наконецъ сущность и дѣленіе законовѣдѣнія съ его вспо-
огательными науками. Не говоря уже о томъ, что вся эта глава
мѣетъ очень мало общаго съ внѣшней исторіей русскаго законода-
ельства, и что она могла бы быть гораздо приличнѣе помѣщена въ
идѣ введенія къ первой книгѣ г. Рождественскаго, т. е. къ изложе-
ію дѣйствующихъ законовъ, мы замѣтимъ, что она изложена не
овсѣмъ ясно для начинающихъ, что въ ней встрѣчаются нѣкото-
ыя явныя неправильности, и что наконецъ весьма многое высказа-
о въ ней совершенно догматически и бездоказательно. Особен-
о поразилъ насъ послѣдній недостатокъ: въ наше время, ка-
ется нѣтъ нужды доказывать, что истины философскія учениками
олжны быть понимаемы, а не заучиваемы только наизусть; но
къ могутъ понять они истину, когда она приводится имъ безъ

всякихъ основаній? Къ сожалѣнію, г. Рождественскій именно
дуетъ этой методѣ: въ бо́льшей части случаѣ онъ ограничи
тѣмъ, что высказываетъ извѣстную юридическую идею, вов
заботясь объ ея оправданіи или выводѣ изъ идей предшеств
шихъ. Такъ на стр. 6 авторъ говоритъ: «Внутренніе государ
«ные законы, опредѣляющіе права и обязанности, возникающ
«союза верховной власти и подданства, имѣютъ *семь* главны
«довъ. Они опредѣляютъ: 1) порядокъ наслѣдія престола»....
д.; за этимъ слѣдуетъ подробное исчисленіе *семи* видовъ. Но
му же только семь видовъ, а не шесть или не восемь? какія
ны побудили автора принять именно это дѣленіе, а не другое?
принято за основу при дѣленіи? Ни одного изъ этихъ вопрос
Рождественскій не разрѣшаетъ. Также точно поступаетъ
при раздѣленіи наукъ юридическихъ, особенно при дѣленіи
ческаго законовѣдѣнія на части, и даже при исчисленіи вс
тельныхъ наукъ. Вездѣ начинаетъ онъ словами: *можно* или
принять слѣдующія части.....; а почему можно или должно
тается неизвѣстнымъ. По нашему мнѣнію, это чрезвычайно
ный недостатокъ.

Что касается до погрѣшностей и недосмотровъ, то и ихъ
чается довольно много. На стр. 4, говоря о *формахъ* законо
ной дѣятельности, авторъ утверждаетъ, будто «изданіе отдѣ
«законовъ есть *первоначальная* форма законодательства. Бы
«изведеніемъ нуждъ и обстоятельствъ, законы не могутъ бы
«даваемы въ опредѣленной системѣ, также какъ и обычаи
«разуются систематически. Въ послѣдствіи времени, какъ отдѣ
«законы (указы), такъ и обычаи приводятся въ систему посре
«вомъ Сводовъ и Уложеній». Несправедливость этой мысли кид
въ глаза; вездѣ и всегда, напротивъ, развитіе законодательства
чиналось съ изданія сборниковъ, сводовъ, въ которыхъ сущест
вавшіе обычаи выражались письменно и освящались санкціей
ховной власти. Автору стоило бы только вспомнить значеніе Р
ской Правды и варварскихъ кодексовъ (*leges barbarorum*), и то
онъ навѣрное не сталъ бы вводить въ заблужденіе насч
предмета, столь важнаго. На страницѣ 6, излагая различ
виды законовъ государственныхъ, онъ говоритъ, что предм
Законовъ Благочинія составляютъ «мѣры, предпринимаемыя
«мимъ правительствомъ, для предупрежденія и пресѣченія нару
«нія правъ, принадлежащихъ какъ государству, такъ и его подд
«нымъ». Сколько намъ извѣстно, это составляетъ предметъ
новъ предупредительной полиціи, а вовсе не законовъ благочи
послѣдніе, на основаніи русскаго законодательства, котораго

ается авторъ въ своемъ дѣленіи, обнимаютъ и много другихъ
ъметовъ, между прочимъ уставы общественнаго призрѣнія и
бднаго продовольствія, въ которыхъ вовсе не говорится о пред-
ѣжденіи и пресѣченіи правонарушеній. На слѣдующей, 7, страни-
мы прочли, что «весь объемъ наукъ, относящихся къ законовѣ-
нію, можно раздѣлить на *главныя* и *вспомогательныя*». Приним-
мъ это за *lapsus linguae*, потому-что не можемъ никакъ допу-
ть причисленія вспомогательныхъ наукъ къ объему законовѣдѣ-
. Послѣ этого географію, статистику, исторію, даже математику,
орыя, по мнѣнію самого же автора, суть для юриста — науки
омогательныя, слѣдовало бы считать науками юридическими.
ъ до чего можетъ довести неточность въ изложеніи!

Но изложеніе г. Рождественскаго нетолько не точно, но и не
о, по-крайней-мѣрѣ мѣстами, и для юношей, еще не знакомыхъ
философскимъ языкомъ. Для примѣра, мы приведемъ то мѣсто,
авторъ говоритъ о различныхъ видахъ общежитія.

«Виды общежитія суть: 1) *семейство*, состоящее изъ мужа, же-
и и ихъ дѣтей; 2) *родъ* — совокупность лицъ и семействъ, проис-
ѣдшихъ отъ одного общаго лица и семейства, и соединенныхъ
жду собою сознаніемъ общаго своего происхожденія, единствомъ
авовъ, болѣе или менѣе общественнымъ имѣніемъ; 3) *Граждан-
е общество* — соединеніе родовъ въ одно общество для удовле-
ворѣнія частныхъ ихъ потребностей общими силами; 4) *Государ-
во* — совокупность людей, соединенныхъ семейными, родовыми
гражданскими отношеніями, живущихъ на извѣстномъ простран-
вѣ земли, подъ управленіемъ верховной власти» (стр. 3).

Спрашиваемъ всѣхъ и каждаго: можно ли не только юношѣ, но
зрослому читателю не-юристу понять и представить себѣ съ яс-
гію, на основаніи этихъ словъ, существенное различіе граждан-
го общества отъ государства? Но вотъ и еще примѣръ. На стр.
Рождественскій говоритъ, что государственное право въ *обшир-
ъ* смыслѣ «систематически излагаетъ отношеніе верховной власти
подданнымъ и отношеніе подданныхъ къ верховной власти».
Ѣдъ за тѣмъ, приступая къ исчисленію видовъ государственнаго
ва, онъ утверждаетъ, что «Государственное Право въ *тѣсномъ*
ыслѣ систематически излагаетъ отношеніе верховной власти къ
даннымъ и участіе гражданъ въ составѣ силъ и учрежденій го-
ударственныхъ». Но если такъ, то въ чемъ же заключается, по
нію автора, различіе между государственнымъ правомъ въ об-
номъ и государственнымъ правомъ въ тѣсномъ смыслѣ? Даже
ическое построеніе второго опредѣленія въ высшей степени не-
зильно. Можно подумать, основываясь на частичкѣ *и*, что «от-

ношеніе верховной власти къ подданнымъ» и «участіе гражданъ в составѣ силъ и учрежденій государственныхъ» — понятія соотв ствующія, а не подчиненныя одно другому. Между тѣмъ очевид что второе есть только одинъ изъ видовъ перваго. Повторяемъ: в такихъ книгахъ, каковы руководства учебныя, каждая строка, к дое слово имѣютъ свою важность; особенно надо быть осторожны въ опредѣленіяхъ: тутъ малѣйшая ошибка или неточность мож весьма легко породить и оставить самыя ложныя понятія.

За философской частію слѣдуетъ уже собственно-историческ Тутъ насъ поразила съ самого начала неправильность принятаго т торомъ дѣленія исторіи русскаго законодательства. Всю эту ис рію онъ раздѣляетъ на двѣ части: древнюю и новую; эпоху, р граничивающею ихъ, онъ принимаетъ Уложеніе царя Алексѣя Ми ловича. Свое мнѣніе г. Рождественскій основываетъ на томъ, ч всѣ законы, изданные до 1649 года, въ настоящее время у дѣйствуютъ, между тѣмъ какъ Уложеніе съ послѣдующими узак ненія составляютъ и до сихъ поръ законъ, болѣе или менѣе д ствующій. Но, во-первыхъ, это мнѣніе несправедливо, потом въ настоящее время, въ формальномъ отношеніи, Уложеніе у дѣйствуетъ; дѣйствуетъ только Сводъ Законовъ; въ матеріальн отношеніи еще менѣе можно говорить о дѣйствіи Уложенія, изъ тораго вошло въ Сводъ Законовъ весьма небольшое число ст Притомъ дѣленіе исторіи законодательства на періоды должно вываться не на практическомъ различіи дѣйствующихъ зако отъ недѣйствующихъ, а на существенныхъ измѣненіяхъ и пр зованіяхъ въ самой идеѣ права. Если бы г. Рождественскій см рѣлъ на свой предметъ съ этой точки зрѣнія, то предѣломъ др исторіи нашего законодательства онъ принялъ бы, безъ сомнѣн вступленіе на престолъ Петра Великаго, а не Уложеніе 1649 го тѣмъ болѣе, что ниже, на стр. 74, онъ самъ характеризуетъ слѣ щимъ образомъ періодъ Уложенія: въ этомъ періодѣ, по его с вамъ, «законодательная власть и образъ составленія законовъ ост «вались *на прежнихъ основаніяхъ*; формы, въ которыя облекали «были законы, проистекавшія отъ законодательной власти этого п «ріода, *не измѣнились*. Законы издавались и теперь въ видѣ гр «мотъ, наказовъ, уложеній и т. под.... Элементы русскаго законод «тельства *ничѣмъ не отличаются* отъ предшествовавшаго развит «права. Элементъ этотъ былъ національный, самостоятельный. Эти слова показываютъ ясно, что періодъ Уложенія долженъ быт отнесенъ не къ новой, а къ древней исторіи законодательства.

Источники и литература исторіи русскаго законодательства изложены у г. Рождественскаго довольно подробно; между прочимъ, не-

не поблагодарить автора за сдѣланное имъ исчисленіе книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, относящихся къ исторіи русскаго права. Исчисленіе это принесетъ пользу не только юношеству, которое будетъ обучаться по книгѣ г. Рождественскаго, но и всѣмъ занимающимся исторіей отечественныхъ законовъ. Нельзя не замѣтить однако, что исчисленіе это могло бы быть составлено полнѣе и отчетливѣе; мы полагаемъ, что авторъ поступилъ лучше, если бы книги и статьи, относящіяся къ внѣшней исторіи различныхъ памятниковъ законодательства, соединилъ бы въ одно съ книгами и статьями, относящимися къ внутренней исторіи права. Вмѣсто того г. Рождественскій разсѣялъ ихъ по всей своей книгѣ и тѣмъ затруднилъ общій обзоръ ихъ для читателей. Притомъ, въ самомъ исчисленіи книгъ мы замѣтили нѣкоторые пропуски и неточности; такъ между сборниками актовъ не показанъ Указатель Законовъ, Макаровича, первый томъ котораго сохраняетъ и до сихъ поръ свою цѣнность; сочиненіе Успенскаго отнесено, неизвѣстно почему, къ числу основныхъ законовъ и учрежденій; пропущена въ этомъ отдѣлѣ статья г. Лакіера объ исторіи государственнаго герба въ Россіи (С. Петербургскія вѣдомости. 1847. № 142); въ отдѣлѣ гражданскихъ законовъ сочиненіе Морошкина о владѣніи; въ отдѣлѣ межевыхъ законовъ сочиненія Иванова и Малиновскаго; въ отдѣлѣ уголовныхъ законовъ и судопроизводства — изслѣдованія Рейца объ уголовномъ судопроизводствѣ (Dorpater Jahrbücher. 1835. № 3), г. Неволина — объ исторіи новѣйшаго судопроизводства, г. Линовскаго объ уголовномъ Правѣ по Уложенію. Мы означаемъ здѣсь тѣ пропуски, которые намъ бросились прежде всего въ глаза; но при внимательномъ обозрѣніи вѣроятно нашлось бы ихъ и больше. Кромѣ того мы замѣтимъ г. Рождественскому, что онъ напрасно не послѣдовалъ примѣру нѣмецкихъ ученыхъ, которые въ подобныхъ случаяхъ никогда не ограничиваются однимъ исчисленіемъ заглавій, но всегда прибавляютъ къ этому краткую характеристику каждой книги. Рождественскій не счелъ нужнымъ это сдѣлать и высказалъ свое мнѣніе только объ «Исторіи гражданскихъ законовъ» г. Неволина, назвавъ это сочиненіе «превосходнымъ». Нисколько не сомнѣваясь въ справедливости этихъ словъ, мы находимъ однако же преждевременнымъ такой отзывъ о книгѣ, еще не вышедшей въ свѣтъ.

Въ обозрѣніи памятниковъ древней исторіи русскаго законодательства г. Рождественскій слѣдовалъ преимущественно, какъ и онъ сознается, Энциклопедіи Законовѣдѣнія г. Неволина, дополняя ее однако же выписками изъ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ сочиненій. Но выписки г. Рождественскаго сдѣланы не совсѣмъ удачно и ловко; по этому самому многіе изъ памятниковъ законодательства

характеризованы не совсѣмъ вѣрно; значеніе ихъ въ исторіи пр
не показано съ надлежащей ясностію; самые споры, возбужде
ими въ наукѣ, вслѣдствіе неполноты и неточности въ изложе
представлены не въ настоящемъ своемъ видѣ. Особенно порази
насъ недостатокъ опредѣлительности и точности въ мнѣніяхъ сво
автора; въ бо́льшей части случаевъ, г. Рождественскій, приводя
противоположные взгляда на памятникъ, не считаетъ вовсе по
нымъ объяснять степень справедливости каждаго изъ нихъ; ино
даже ему случается приводить одно мнѣніе и вовсе опускать друго
совершенно ему противорѣчащее. Подобная метода, по нашему м
нію, никакъ не можетъ быть допущена въ учебномъ руководств
гдѣ всякой фактъ или выводъ долженъ быть изложенъ ясно, отчет
ливо и опредѣлительно. Напрасно стали бы мы искать этихъ качес
въ книгѣ г. Рождественскаго, при чтеніи которой возникаютъ одн
за другимъ вопросы, остающіеся безъ всякаго рѣшенія. Приведе
нѣсколько примѣровъ въ оправданіе нашихъ словъ.

Разсматривая первый памятникъ нашего законодательства — д
говоры русскихъ съ греками, г. Рождественскій слегка упомина
о возраженіяхъ Каченовскаго противъ ихъ подлинности, но не го
ритъ ни слова ни о степени справедливости этихъ возраженій, ни
гораздо важнѣйшихъ для науки сомнѣніяхъ Шлёцера и мнѣ
Круга и Эверса. Точно также поступаетъ онъ съ церков
уставами Владиміра и Ярослава; приводя возраженія против
подлинности, сдѣланныя Карамзинымъ и Рейцомъ, упоминая
изслѣдованіяхъ г. Неволина, онъ не говоритъ ни одного слова о
раженіяхъ послѣдняго, которыя во всякомъ случаѣ важнѣе кар
зинскихъ, уже потому, что вторыя опровергнуты, а первыя
нѣтъ. Русскую Правду г. Рождественскій называетъ *первымъ* про
веденіемъ законодательной дѣятельности русскихъ князей, тогд
какъ изъ его же словъ слѣдуетъ, что Уставъ Владиміра онъ пр
знаетъ подлиннымъ. Въ отношеніи къ этому памятнику онъ посту
паетъ также, какъ и въ отношеніи къ предъидущимъ, т. е. ук
зывая на самыя противорѣчащія мнѣнія Карамзина, Болтина, Эвер
са, Каченовскаго и Полевого, не высказываетъ самъ никакого за
ключенія. Которое изъ этихъ различныхъ мнѣній справедливѣе? —
предоставляется угадывать самимъ читателямъ или ученикамъ.
Странно также, что г. Рождественскій утверждаетъ, будто нѣтъ
критическаго изданія Русской Правды, и что къ сочиненіямъ объ
этомъ предметѣ, заслуживающимъ особаго уваженія (такихъ сочи
неній, по его мнѣнію, только *два*), онъ причисляетъ.... что́ бы вы
думали.... плохую и давно забытую диссертацію г. Попова!!... За
бавна также характеристика Правды, постановленія которой, по

автора, «принадлежатъ къ совершеннѣйшимъ Уложеніямъ
яго времени и свидѣтельствуютъ столько же о мудрости за-
еля, сколько о *совершенствѣ гражданскаго устройства* на-
течества въ XI столѣтіи.... Совершенство гражданскаго
гва Россіи *въ XI столѣтіи!*—какъ вамъ это нравится? Намъ
, что г. Рождественскій поступилъ бы гораздо лучше
ı въ этомъ случаѣ воздержался отъ изложенія своихъ
въ, а зато высказалъ бы ихъ въ другихъ случаяхъ, напри-
ри разсмотрѣніи Устава о мостовыхъ, про который онъ го-
что Карамзинъ сомнѣвался въ его подлинности и опять не
ластъ, справедливы ли эти сомнѣнія, или нѣтъ? Разсматривая
ы Мстислава Смоленскаго съ Ригой, трактатъ Новгорода съ
ими городами, ханскіе ярлыки и Стоглавъ, г. Рождественскій
етъ совершенно также: приводитъ одно мнѣніе, опуская
и не высказывая своего. Спрашивается, какое же мнѣніе
хъ памятникахъ составятъ себѣ юноши, которымъ придется
ся по книгѣ г. Рождественскаго?

зя также не обратить вниманія на многочисленныя про-
неточности. На стр. 40 г. Рождественскій утверждаетъ, совер-
несновательно и вопреки общему мнѣнію, получившему уже
ıраво гражданства въ наукѣ, что пространная Правда есть
: законовъ, *дѣйствовавшихъ въ Новгородѣ*. На стр. 42—43
ряетъ, будто Ярославъ далъ новгородцамъ льготныя грамо-
ужившія основаніемъ послѣдующимъ новгородскимъ грамо-
огда-какъ г. Соловьевъ, въ своемъ изслѣдованіи объ исторіи
ода, доказалъ положительно и ясно, что ярославовы льготы
одержанія финансоваго и не заключали въ себѣ ничего поли-
го. По словамъ г. Рождественскаго, уставъ о земскихъ дѣлахъ
ıтанъ на греческомъ языкѣ съ латинскимъ переводомъ у
авія... въ указателѣ Максимовича; въ Академическомъ изда-
ебника» (Стр. 43); изъ словъ этихъ всякой не знающій дѣла
ь выведетъ то прямое и совершенно-несправедливое заклю-
что и въ послѣднихъ двухъ изданіяхъ уставъ о земскихъ дѣ-
ıпечатанъ также на греческомъ и латинскомъ языкахъ. На
г. Рождественскій соединяетъ въ одинъ — два трактата, за-
ныхъ Мстиславомъ Смоленскимъ съ Ригою и Готландскимъ
ъ. На стр. 58 онъ увѣряетъ, неизвѣстно, на какомъ основа-
ı, точнѣе, безъ всякаго основанія, что въ періодъ времень
нна III до изданія Уложенія наше законодательство не допу-
же примѣси римско-византійскихъ законовъ, игравшихъ важ-
ль въ предшествовавшемъ періодѣ. Тамъ же говоритъ онъ,
ıи заимствованы «изъ Права Германскаго смертная казнь за

«второе воровство, судебные поединки и (вѣроятно) пытки и «купъ»!!.. Послѣ всего того, что было писано объ этомъ предм едва ли нужно доказывать всю странность и неосновательность та мысли. Весьма странно также, что, по мнѣнію г. Рождественск въ періодъ Уложенія «начала процвѣтать наука законовѣдѣнія (стр. 75). Гдѣ нашелъ г. Рождественскій слѣды этой науки, — рѣшительно не знаемъ.

Остальные отдѣлы книги г. Рождественскаго составлены гор лучше, и главнымъ образомъ потому, что выписаны почти цѣлик изъ другихъ сочиненій: отдѣлъ первый — изъ статьи г. Невол отдѣлъ третій — изъ брошюръ, изданныхъ Вторымъ Отдѣлен Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Второй отдѣлъ, содержащ себѣ обозрѣніе главнѣйшихъ узаконеній отъ Петра Великаго до стоящаго царствованія, принадлежитъ самому автору; онъ сос лень кратко, но тѣмъ не менѣе, при совершенномъ отсутствіи у обзоровъ такого рода, можетъ принести значительную пользу однимъ только юношамъ.

Вообще, несмотря на недостатки, сочиненіе господина Р ственскаго, какъ мы замѣтили уже выше, имѣетъ свою цѣну; просимъ почтеннаго автора не принимать нашихъ замѣчаній за дую сторону, а воспользоваться ими, буде онъ признаетъ ихъ ведливыми, при второмъ изданіи своего «Обозрѣнія.»

Естественная исторія животныхъ. *Составила по новѣйшимъ образцамъ (?)* Анна Дараганъ. *Выпускъ 1-й. С. Петер 1849. Съ рисунками въ текстѣ. Изд. В. А. Исакова.*

Еще естественная исторія!

При разборѣ всякаго сочиненія, мы всегда стараемся опред тѣ общія идеи, которыя имѣетъ авторъ о своемъ предметѣ и рыми руководствуется онъ при изслѣдованіи частностей: так книгѣ, касающейся естествовѣдѣнія, мы ищемъ прежде всего точку зрѣнія, съ которой авторъ смотритъ на природу вообще отношеніе человѣка къ остальной природѣ, на значеніе, цѣл средства естествоиспытанія. Того, кто въ дѣтѣ естествоиспыта кромѣ пяти чувствъ и разума, беретъ въ помощь разныя друг потетическія данности, того мы считаемъ еще худо приготовл нымъ къ естествоиспытанію. Скажемъ болѣе: съ введеніемъ так гипотезъ для объясненія явленій пропадаетъ уже естествоиспыта въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и начинаются фантастическ варіяціи, которымъ темами служатъ явленія природы.

Книжка г-жи Дараганъ начинается вступленіемъ, которому еще такое заглавіе: *что надо знать, чтобы съ пользою прочит*

ественную исторію животныхъ. Въ этомъ вступленіи, гладкимъ, очемъ мѣстами цвѣтистымъ, языкомъ, сначала говорится о томъ, повсюду, и на сушѣ и въ водѣ, есть животныя; потомъ рѣчь тъ о томъ, что и въ оживленной природѣ и въ неоживленной рѣчается много такихъ явленій, которыя при первомъ взглядѣ ются простыми, понятными, и которыя однакожь тотчасъ усло-ются, запутываются, какъ скоро мы подробнѣе станемъ ихъ смотривать: естественныя науки съ помощію 5-ти чувствъ и ра-а стараются разъяснить эту многосложность и запутанность, рывая связь и зависимость между явленіями. Вотъ образикъ, ка-ъ языкомъ и въ какомъ тонѣ разсуждаетъ объ этомъ авторъ:

Куда ни посмотришь, куда ни оглянешся на бѣломъ свѣтѣ, вездѣ животныя, вездѣ есть движеніе, жизнь, и не найдешь на свѣтѣ ка, въ которомъ не было бы хоть какого нибудь живаго сущест-Посмотришь на улицу: тамъ ходятъ и суетятся люди; солдаты въ атыхъ шишакахъ идутъ на службу Царскую; мужики весело ра-ютъ, распѣвая свои пѣсни; ребятишки играютъ или ссорятся, са-ше зная изъ за чего; разносчики увѣряютъ, будто у нихъ очень ошіе апельсины и лимоны, и все это,—солдаты, ребятишки, раз-ики, бабы, офицеры, чиновники, дамы, извозчики, дѣвочки, куп-кадеты, молочницы, слуги, всѣ они идутъ и ѣдутъ въ разныя оны, встрѣчаются, толкаются, молчатъ, расходятся, бѣгутъ, кри-, кланяются, спѣшатъ, и все это живетъ, движется, и все это отныя. Вѣдь всякій изъ васъ давно знаетъ, что человѣкъ тоже отное, только гораздо лучше, умнѣе всѣхъ остальныхъ живот-ъ. Кромѣ человѣка, на улицѣ увидишь еще множество живот-ъ: лошадь, которая какъ будто за тѣмъ и создана, чтобы помо-человѣку въ самыхъ тяжелыхъ работахъ; вѣрную собаку, кото-бѣжитъ за своимъ господиномъ, сводя знакомство со всѣми ѣчными собаками; иной разъ увидишь и корову, которая вѣчно то жуетъ. Но кромѣ ихъ, сколько еще птицъ, сколько воронъ, бей, воробьевъ, ласточекъ, и какое безчисленное множество мухъ, овъ, мошекъ, комаровъ, червяковъ, которыхъ съ перваго взгляда не замѣтишь! и все это живетъ, движется; и все это животныя. Послѣ улицы взглянешь куда нибудь на крышу, — и тамъ вездѣ отныя, вездѣ жизнь. Тутъ долгоносая ворона заботливо гложетъ ю нибудь косточку; тамъ курносый воробей торопливо скачетъ ми погами разомъ и отыскиваетъ себѣ какого нибудь зернушка мухи; здѣсь потихоньку, виляя хвостомъ, крадется хитрая кош-подбираясь къ неосторожной птичкѣ; а тутъ, подъ крышей, ласточка искуснѣе всякаго каменьщика строитъ себѣ гнѣздо; толстый къ заботливо раскидываетъ свои сѣти; большія зеленоватыя мухи шумомъ и жужжаньемъ летаютъ въ перегонку, дѣлаютъ круги, и ятся отдохнуть на солнушкѣ; иная муха летаетъ не двигаясь съ

мѣста, машетъ крыльями такъ проворно, что невозможно прим
а не подвигается впередъ; вотъ налетѣла на нее другая, сшиблись, и
жужжали, мигомъ облетѣли небольшой кругъ, и опять объ неподви
но держатся въ воздухѣ; маленькіе стѣнные муравьи по всей проп
танной дорожкѣ хлопотливо пробираются одинъ за другимъ и несут
себѣ домой запаснаго корму на зиму; худенькіе комары, которы
кажется, цѣлый свой вѣкъ на досугѣ, празднуютъ хорошую погод
собравшись поплясать въ одну большую кучу, и носятся, и пры
ютъ, и толпятся около одного и того же мѣста; кромѣ того множ
тво малѣйшихъ, едва примѣтныхъ желтыхъ, голубыхъ, зеленыхъ, и
ричневыхъ. красноватыхъ, сѣрыхъ, черныхъ мошекъ и червячк
ползаетъ, крадется, скачетъ, летаетъ, жужжитъ и ищетъ пожив
чѣмъ Богъ пошлетъ.

Подумаешь о томъ, что дѣлается гдѣ нибудь не въ городѣ, а
леко, въ какомъ нибудь лѣсу, — и тамъ животныя, и тамъ жизнь
каждомъ шагу. Медвѣди, волки, лисицы, зайцы, кролики, тетерева
рябчики, совы, ястребы, коршуны, куропатки, голуби, овсянки, и
воронки, муравьи, черви, бабочки, пчелы, мухи, мошки, все там
кипитъ жизнью, все ходитъ, бѣгаетъ, ползаетъ, суетится, ищетъ
бѣ пропитанія.

И въ водѣ, въ морѣ — такъ же много жизни и животныхъ, к
на землѣ. Громадный китъ, прожорливая акула, ерши, окуни, ще
сиги, стерляди, и безчисленое множество такихъ рыбъ и такихъ
вяковъ, о которыхъ даже не всякій и слыхалъ.

Да, по правдѣ сказать, на свѣтѣ много и не червяковъ, и н
вотныхъ, а другихъ вещей, гораздо обыкновеннѣе и проще, кото
знаетъ не всякій и не всякій понимаетъ.

Возьмемъ въ примѣръ хоть самую простую вещь, камень. Вот
бросить камень какъ можно дальше вверхъ, то почему онъ непр
мѣнно упадетъ на землю? Дѣло очень простое и отвѣтъ самый легк
не правда ли? — Потому что онъ тяжелъ. — Очень хорошо; да поче
му же все тяжелое, брошенное, падаетъ непремѣнно на землю? поче
му именно падаетъ, летитъ прямо къ землѣ? — Вотъ это ужъ не так
просто, надъ этимъ и призадуматься можно; а между тѣмъ был
одинъ великій человѣкъ, который уже давнымъ давно умеръ, и кото
рый лучше всѣхъ отвѣчалъ на этотъ вопросъ и объяснилъ его так
подробно, что и прибавить нечего.

Или вотъ еще любопытный вопросъ: ежели злое дитя у мухи
отрѣжетъ голову, то муха непремѣнно умретъ, а ежели у деревца
отрѣзать вершину, да кромѣ того обкарнать половину вѣтвей, — де
ревцо не умретъ, а будетъ продолжать расти. Почему? — Отчего муха
умретъ, а деревцо будетъ жить?

Или еще: ежели кого нибудь слегка, потихоньку, такъ чтобы он
не видалъ, уколоть булавкой, то почему онъ въ ту же самую секунд
почувствуетъ боль? Можетъ быть вамъ кажется, что и на это отв

ъ легко? Да, это правда, очень легко отвѣчать на всякій вопросъ, или отвѣчать на него кое-какъ; а между тѣмъ, ежели захотимъ дѣло объяснить подробно и понятно, такъ чтобы послѣ того и просить ничего не оставалось, то отвѣтить очень трудно. Такъ чему же человѣкъ почувствуетъ боль? Потому что у него нѣжная жа? Потому что онъ живъ, и только неживое не чувствуетъ боли? Этого мало; послѣ этого можно еще спросить: почему же нѣжная жа чувствуетъ боль? почему живому тѣлу больно то, что не живому чего? и такъ далѣе, можно разспрашивать до того, что вы ужь не состояніи будете отвѣчать. А между тѣмъ отвѣтъ на этотъ вопросъ ть совсѣмъ готовый, только вы его не знаете, потому что не зна-е всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя вмѣстѣ называются Естественной сторіей.

Мы сдѣлали эту выписку, чтобъ показать, что книжка написана ыкомъ гладкимъ и правильнымъ.

Далѣе авторъ старается провести границу между растеніемъ и ивотнымъ. Трудная задача! Въ нашемъ журналѣ (въ апрѣльской ижкѣ 1848. Смѣсь, стр. 140) показано, какія трудности представетъ ея разрѣшеніе. Разумѣется въ разбираемой книгѣ она и рѣется очень неудовлетворительно. «И растѣніе и животное — говоитъ авторъ, живутъ, но живутъ не одинаково, потому что въ жизглавное дѣло питаніе, а животныя питаются вовсе не такъ, какъ стѣнія.» Это еще почти правда, но далѣе на стр. 10: «Но какъ бы ни было, *земной сокъ входитъ* въ растѣніе *сквозь корень совсѣмъ повый, такой, какой нуженъ для его питанія, и какъ пробрался въ рень, почти въ такомъ же видѣ пробирается по всему дереву до сльдняго листка.* Напротивъ то, что съѣстъ, проглотитъ, выпьетъ и высосетъ животное — еще не совсѣмъ готово, и въ жилахъ лоади совсѣмъ не овесъ, и не сѣно, а у человѣка въ жилахъ не супъ, жаркое, не пирожное, не соусъ какой нибудь, и не что иное, что ловѣкъ ѣстъ обыкновенно каждый день, а кровь. Какъ же у лоади изъ овса и сѣна, а у человѣка изъ супу, жаркаго, пирожнаго соусу дѣлается кровь?»

Трудно представить, изъ какого *извѣстнѣйшаго образца* взято напечатанное здѣсь курсивомъ. *Земной сокъ входитъ въ растѣніе всѣмъ готовый, такой какой нуженъ для его питанія!* Стало быть зеленое вещество, которое окрашиваетъ листья, тѣ пахучія вещева, которыми благоухаютъ лепестки цвѣтовъ, тотъ сахаръ, тѣ киоты, которыя придаютъ плодамъ ихъ пріятный вкусъ, то индиго, торымъ мы красимъ наши ткани и множество другихъ веществъ, торыя мы находимъ въ растеніяхъ, — все это уже было готово въ млѣ? А тѣ опыты, гдѣ сѣяли зерна въ прокаленной почвѣ, кото-

рая, какъ показали и химическіе анализы, содержала только ... невую кислоту (песокъ), глину, фосфорнокислую известь и кали, ... вѣ не доказываютъ, что растеніе вырабатываетъ само тѣ вещест... которыя мы находимъ въ нихъ? Жаль, что не назвалъ тотъ ... *стильйшій* образецъ, который утверждаетъ парадоксальную ... о питаніи растеній. Продолжая показаніе разницы между питан... растеній и животныхъ, авторъ говоритъ далѣе: «желудокъ, это ... беннаго рода кухня, въ которой безъ огня и безъ плиты пища ... реработывается, или, какъ говорятъ, переваривается, *выжимает... изъ нея питательный сокъ* и *различными органами превращает... кровь*. Замѣтимъ же, что пищевареніе, т. е. приведеніе питат... ныхъ веществъ въ растворимое состояніе, не оканчивается въ ... лудкѣ, что пища не въ желудкѣ превращается различными (?) ор... нами въ кровь: въ желудкѣ только азотистыя вещества перех... въ растворимое состояніе отъ дѣйствія желудочнаго сока; пищ... реніе продолжается и въ тонкихъ кишкахъ, гдѣ вещества крах... ныя превращаются въ сахаръ, а жирныя образуютъ эмульсію. ... этого видно, что выраженіе — *выжимается изъ нея* (изъ пищ... *тательный сокъ* — невѣрно: пищевареніе главнымъ образомъ ... стоитъ въ химическомъ дѣйствіи желудочнаго сока, желчи, ... поджелудочной железы на принятую пищу, а не въ механичес... выжиманіи. Вообще авторъ часто употребляетъ выраженія ... ныя и невѣрныя: такъ напримѣръ говоритъ, что сердце есть ... стой (?) толстый, грубый жилистый (?) мѣшокъ (?), что стар... кровь черная тяжелая (?) густая, негодная (?) для обращенія, ... самую минуту, какъ только прикоснется къ ней воздухъ, стан... ся красною, *очищается* (?) и *пріобрѣтаетъ разныя питатель... свойства* (?), что дыханіе возобновляетъ (?) старую кровь.»

Вспомнимъ, что всѣ физіологическія идеи автора имѣ... главною цѣлью показать различіе между растеніемъ и животны... *вообще*, а все что́ наговорено въ книгѣ о питаніи, о кровеобращ... о дыханіи, о нервной системѣ, *если бы даже и было вѣрно*, относ... ся *только къ позвоночнымъ*. Подтвержденіе этому мы читаемъ ... на стр. 19: «этотъ *нѣжный мозгъ* и эти *кости* самыя важныя част... въ тѣлѣ животнаго, потому что *на нихъ то прежде всего основ... вается самое различіе животнаго отъ растенія*.» Гораздо бы луч... ше было, согласно съ современнымъ состояніемъ нашихъ свѣдѣній ... объ организмахъ, сказать слѣдующее о различіи между растеніемъ ... и животнымъ: многіе классы и отряды животныхъ такъ рѣзко отли... чаются въ проявленіяхъ жизни отъ растеній, что мы можемъ ясно ... показать, въ чемъ именно состоятъ эти различія; напримѣръ, никто ... не поставитъ слона или человѣка въ одинъ разрядъ съ дубомъ или

Зомъ, но существуютъ такія организаціи, проявленія жизни ко-ыхъ такъ мало намъ извѣстны, что представляется затрудненіе, гать ли ихъ растеніями, или животными.

Вообще, много попадается въ книгѣ мѣстъ, которыя показыва-ъ въ авторѣ недостатокъ положительно-философскаго взгляда на ироду. Мы можемъ указать для примѣра еще на слѣдующія мы-: «Человѣкъ не въ состояніи объяснить ни одной изъ безчислен-ъ тайнъ природы.» Но сказать это — значитъ совершенно уни-жить естествоиспытаніе, потому-что цѣль его именно и состоитъ омъ, чтобы объяснить тѣ явленія, которыя стоятъ въ области ма и пяти чувствъ; во всякомъ случаѣ, здѣсь слову тайна при-какое-то неопредѣленное значеніе, и отъ этого мысль, неоспо-ая въ томъ смыслѣ, что мы не узнаемъ лежащаго внѣ предѣловъ людения, становится неясною и допускаетъ возраженія. Или, тр. 19: «Этотъ нѣжный мозгъ и эти кости, *устроенныя прему-природой для* того, *чтобы покрывать и предохранять мозгъ отъ го нибудь наружнаго поврежденія* и проч.» Также на стр. 22: *рода не хотѣла оставить никакого животнаго безъ защиты.*» уралистъ вовсе не понимаетъ, *какъ* „*почему* извѣстный орга-мъ устроился такъ, какъ онъ есть, а не иначе; *это для него тай-*и онъ не имѣетъ ни малѣйшаго права являться на помощь съ ими гипотезами, какія высказаны у автора, въ приведенныхъ ъ мѣстахъ, т. е. навязывать творческой силѣ природы для ея ельности планы о конечныхъ цѣляхъ, имъ самимъ приду-ые.

Вотъ что мы могли замѣтить касательно общихъ идей автора о одѣ. Въ изложеніи частныхъ фактовъ есть непослѣдовательно-Такъ напримѣръ на стр. 18 говорится, что шиншилла животное рода зайцевъ, а на стр. 129, что шиншилла принадлежитъ къ *Cricetus*; на стр. 186 говорится, что у верблюда около перваго ленія желудка есть особенный прибавочный мѣшокъ, въ кото-ъ долго сохраняется вода и *котораго нѣтъ у другихъ животныхъ;* стр. 189 читаемъ, что Лама можетъ нѣсколько дней обойтись ъ питья, *потому что у нея, какъ у верблюда, въ желудкѣ есть енное отдѣленіе для запасной воды;* на стр. 149 ихтіозаурось анъ рыбою, а на стр. 157 говорится про него, что онъ столько охожъ на рыбу, сколько на ящерицу, на кита, на крокодила и ъ далѣе.» Такимъ образомъ каждому предоставлена полная ода продолжать сравненіе такъ далеко, какъ ему заблагоразсу-ся: замѣчательное выйдетъ животное, которое похоже на всѣхъ ъмножку! На стр. 88, при описаніи характеристическихъ призна-ъ рода *лисица*, говорится, что у него рядъ зубовъ *непрерывный*,

а черезъ строку читаемъ, что у него *особенно широкій промежутокъ* между клыками и первыми коренными зубами. На стр. 5 говорится, что у звѣздчатки ротъ находится *въ углу между двумя лучами*; но то, что́ авторъ на рисункѣ принимаетъ за ротъ, вовсе не ротъ, и даже не отверстіе, а остатокъ присасывательной бородавки, которою животное прикрѣплялось къ твердымъ предметамъ; ротъ у звѣздчатки находится въ центрѣ. На стр. 6 сказано, что гидры *не несутъ яичекъ*, а родятся отростками; невѣрно: гидры размножаются и яйцами и отростками. На стр. 15: изъ каждаго яичка (лягушки) выходитъ маленькій червячекъ и скоро превращается въ головастика; — невѣрно: изъ яичка прямо выходитъ головастикъ. На стр. 18 говорится, что позвонокъ хребетнаго столба *обращенъ отросткомъ внутрь тѣла, а толстою частью наружу*; тогда какъ должно бы сказать наоборотъ—отросткомъ наружу, а толстою частью внутрь тѣла. Стр. 19: *позвоночный столбъ важенъ для чувствительности;*—не позвоночный столбъ, а мозговая масса лежащая въ немъ. Стр. 37: упоминая о *ципреѣ*, авторъ говоритъ, что изъ этой раковины дѣлаютъ перламутровыя вещи, тогда-какъ ихъ приготовляютъ изъ двустворчатой раковины *Meleagris margaritifera*. На стр. 39 говорится, что у медузъ *нѣтъ никакой кожи и устройство ихъ тѣла чрезвычайно просто:* всего только желудокъ съ однимъ наружнымъ отверстіемъ, а отъ него идетъ нѣсколько дѣтательныхъ каналовъ во всѣ части тѣла»; это также невѣрно: у нихъ открыта и нервная система и двоякаго рода сосудистые органы: одни представляютъ жабры, другіе соотвѣтствуютъ кровеносным сосудамъ; даже на рисункѣ, приложенномъ въ книгѣ, видны нервные органы. Стр. 157: аптериксъ названа *ископаемою* птицею, тогда-какъ она и теперь существуетъ.

Въ книгѣ есть много анекдотовъ о различныхъ животныхъ: мы не знаемъ, въ какой степени авторъ можетъ ручаться за ихъ достовѣрность, но слѣдующій намъ кажется очень невѣроятнымъ:

«Дикіе Лабрадора и Ньюфоундленда дѣйствуютъ, по разсказамъ путешественниковъ, еще гораздо смѣлѣе: приближаясь къ киту въ челнокѣ, одинъ изъ нихъ бросается вплавь, взбирается на кита, проворно заколачиваетъ ему на лбу одно дыхало, забивая туда приготовленный для этого деревянный колъ; китъ ныряетъ, и если дикарямъ удастся повторить эту продѣлку и заколотить другое дыхало, то животное вскорѣ задыхается и дѣлается добычей смѣльчаковъ.»

Рисунки въ книгѣ некрасивы и часто невѣрны.

Но довольно: ограничимся этими замѣчаніями и выписками.

Записки Археологическо-Нумизматическаго общества въ Санктпетербургѣ. III. (*Съ восемью таблицами рисунковъ.*) *Засѣданіе 11—20. С. Петербургъ 1848.*

И этотъ выпускъ Археологическо-Нумизматическаго Общества, подобно предъидущимъ, очень замѣчателенъ какъ богатствомъ новыхъ изложенныхъ въ немъ свѣдѣній, такъ и изяществомъ самого изложенія. Вотъ содержаніе этой книги:

I. Описаніе монетъ Фареансеса и Ареансеса, босфорскихъ царей. (И. Спасскаго).

II. Замѣчанія на статью Г. Спасскаго о монетахъ царей Фареансеса и Ареансеса (Б. В. Кене).

III. Неизданныя надписи Сарматіи. (Э. Г. Муральта).

IV. О поддѣлкѣ русскихъ монетъ. (Князя Ѳ. Г. Гагарина).

V. О значеніи отечественной иконописи. Письма къ графу А. С. Уварову. (И. М. Снегирева).

VI. Неизданныя русскія монеты. (Я. Я. Рейхеля).

VII. О нѣкоторыхъ новѣйшихъ медаляхъ, выбитыхъ на разные случаи. (Б. В. Кене).

VIII. О литовскихъ гербахъ. (Его же).

IX. Замѣчанія о генуэзско-крымской монетѣ, упомянутой въ предъидущей статьѣ. (П. С. Савельева).

X. Описаніе найденныхъ въ звенигородскомъ уѣздѣ древностей. (А. Д. Черткова).

XI. Письмо къ П. С. Савельеву о поддѣльной арабской надписи на одномъ кинжалѣ. (В. В. Григорьева).

XII. Засѣданія Общества: 11-е по 15, 1847 года.
16-е по 20, 1848 года.

XIII. Члены Общества.

XIV. Собранія монетъ и древностей.

XV. Библіотека.

Для большинства читателей особенно интересна статья князя Ѳ. Г. Гагарина о поддѣлкѣ русскихъ монетъ, и письма къ графу А. С. Уварову (И. М. Снегирова) о значеніи отечественной иконописи. Провинціяльнымъ антикваріямъ особенно мы совѣтуемъ обратить вниманіе на статью Г. Гагарина: она спасетъ ихъ отъ множества обмановъ. Сообщая подробности объ историческомъ ходѣ поддѣлки русскихъ монетъ, онъ описываетъ въ ней прежде всего разныя средства, употребляемыя поддѣлывателями, а потомъ исчисляетъ и главнѣйшія изъ извѣстныхъ поддѣльныхъ монетъ, доселѣ выдаваемыхъ за подлинныя или уже признанныя за поддѣльныя, равно какъ нѣкоторыя еще неизданныя. Повторяемъ, что вся книга вполнѣ достойна ученаго общества.

Введеніе къ познанію философіи. *Часть первая.* Спб. 184

Съ какою цѣлью написано это «Введеніе? предшествуетъ ли полному курсу философіи, или будетъ существовать само по себѣ какъ отдѣльное цѣлое? послѣдуетъ ли за первою частью втора какого рода вопросы будутъ рѣшаться въ ней? — авторъ книги сообщаетъ намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній. Что же касается первой части, то ея авторъ рѣшился объясниться съ публикою насчет одного, дѣйствительно темнаго и современнаго вопроса, а имен наука ли это, или такъ, ни то, ни се, — и если наука, то что она наука? — Но, несмотря на жаръ, на добросовѣстность и усердіе своей задачѣ, авторъ не только не рѣшаетъ ея, но еще больше путываетъ, такъ-что самыя обыкновенныя явленія мысли полу ютъ въ его глазахъ какой-то особенный темный колоритъ, и да и вовсе потемняются.—Въ-добавокъ онъ говоритъ такими д ми періодами, съ такимъ латинскимъ складомъ рѣчи, съ такою правильностію въ употребленіи русскихъ словъ, что мы счит это Введеніе весьма неудовлетворительнымъ. Но въ подтверж сказанному считаемъ однакожь необходимымъ представить любопытному читателю хоть главнѣйшія черты этой оригина философіи, отличающейся, кромѣ означенныхъ достоинствъ, какою-то особенною наивностію, которую мы лучше всего наз наивностію философскою. Послѣдуемъ за авторомъ, за ходом главныхъ идей, отъ начала до конца его книги.

Въ самомъ началѣ онъ изумляется, почему философія до сихъ поръ не достигла «той степени, *въ* которой бы можно ее назвать н кою, въ полномъ смыслѣ *этаго* слова» (стр. 2—4). Изумленіе е такъ велико, что съ первыхъ словъ онъ дѣлаетъ уже вовсе непр стительныя ни философу, ни простому литератору, грамматическ и философскія ошибки: вмѣсто тысящелѣтій, говоритъ тысячел тій; вмѣсто вошло — взошло, и т. д. Но читатель уже предупре денъ насчетъ языка этой книги вообще и мы не будемъ болѣе о танавливать его вниманія своими филологическими замѣчаніями, безчисленныхъ грамматическихъ ея аномаліяхъ; послѣдуемъ же ея идеями.

Почемужь авторъ не считаетъ философію наукою въ полном смыслѣ этого слова? потому, что ему не попадалась ни одна книг «*подъ точнымъ названіемъ не только науки о философіи, но даже подъ скромнѣйшимъ но опредѣлительнымъ заглавіемъ: о философіи*, разсматриваемой въ видѣ науки». (страница 4). За тѣмъ он говоритъ (своимъ разумѣется языкомъ), что и Англія и

ь и занимается философіей (все-таки безъ точныхъ изъ-
хъ читателю названій), и во Франціи былъ Картезій и раз-
сиконы философическіе и сужденія болѣе или менѣе полныя
орыхъ частяхъ, относящихся къ философіи, но никоторый
болѣе германскаго не занимался философствованіемъ о
) рода предметахъ, входящихъ въ кругъ философскихъ
ній; вспомнивъ имена и труды Лейбница, Вольфа, Канта
чавъ о другихъ, которые еще и теперь философствуютъ,
но ли не изумиться, какъ отъ столькихъ мыслителей
скользнуть мысль привести философію въ науку опредѣлен-
оложительную, точную и немогущую быть никакъ и ничѣмъ
ргаемою, такъ, какъ изложены прочія намъ извѣстныя науки
ихъ, о словѣ, о Естествѣ и о другихъ къ этимъ тремъ глав-
раздѣленіямъ принадлежащихъ предметахъ человѣческаго зна-
р. 5—6). Въ этихъ краснорѣчивыхъ замѣчаніяхъ такая безд-
и учености, что мы рѣшительно пропускаемъ ихъ безъ вся-
ь нашей стороны замѣчаній, съ молчаніемъ; но вспомнимъ
, по совѣту же самого автора, имя Канта и попросимъ наше-
ософа сначала прочесть сочиненія этого мыслителя и потомъ
ивляться ему въ какомъ угодно отношеніи, между тѣмъ какъ
ный авторъ, напротивъ того (на стр. 44), разсказываетъ о
тъ какія вещи:

нта я самъ не имѣлъ случая читать; выхваляютъ въ нѣмецкой
опедіи его какія то категоріи, какую то критику ума, но изъ
бъ немъ писаннаго какъ то *и охоты не рождается приняться
еніе оригинала*, который выхваляли Германцы, начинаютъ
ять Французы, едва въ библіотекахъ своихъ имѣютъ Англи-
я многіе изъ тѣхъ, которые пытались узнать такъ называемую
скую новѣйшую Философію, сознаются, что мало что могли
въ ея часто мистическихъ, и ужасно новословныхъ умствова-

сать о томъ, что́ такое философія, и не знать одного изъ глав-
хъ ея представителей! Вотъ образикъ наивности, которую
звали философскою. Но это ли еще наивность въ почтенномъ
! Сказавъ кое-что, или, лучше, ничего не сказавъ о роли глав-
европейскихъ народовъ въ разработкѣ философіи, онъ обра-
к ъ Россіи — и тутъ-то наивность его является въ полъ-
блескѣ:

ссія слишкомъ недавно начала заниматься умственными изъи-
ми, *чтобы смѣть и подумать о такомъ важномъ предпріятіи*;
къ начинающая, прежде чѣмъ приниматься за философствованіе

въ законахъ вселенной. Изъ этого ясно видѣть можно, что ни ли в
должны быть разсматриваемы въ двухъ различныхъ видахъ, во не
ыхъ, какъ науки верховныя, всеобщія, свыше составленныя и три
кровенно дѣйствующія ежечасно во всемъ безпревывномъ ходѣ и тре
теченіи извѣстныхъ намъ составовъ вселенной, и во вторыхъ, ни Бу
науки изложенныя человѣкомъ и выбранныя имъ по каждому пр ме
мету въ особенности и, по частнымъ его обстоятельствамъ, ни и
правильно, иногда искаженно, ошибочно или совершенно ложно, о
требующія исправленія, но все изъ той же верховной и вѣчно д у
ствующей и неизмѣнной извлечены науки всѣхъ наукъ, которой с т
ществованіе и законы открываются здравому уму и проницатель ь
му наблюденію на каждомъ шагу и при каждомъ взглядѣ его н
окружающую насъ природу и на собственный составъ ему само
единственно принадлежащій».

Право, трудно допустить, чтобъ это писалъ кто-нибудь из
шихъ современниковъ; мы думаемъ, что это Введеніе написано
тѣ времена, когда русскій умъ только-что начиналъ мысли
только этимъ предположеніемъ мы можемъ объяснить себѣ и
латинскій складъ рѣчи, такъ и самую наивность размышленій,
полняющихъ эту книгу.

Курсъ морскаго кадетскаго корпуса. Прямолинейная и сферическая тригонометрія. *Составилъ* С. Зеленой. *Спб. 1848.*

Г. С. Зеленой составленіемъ курса тригонометріи плоской и сферической пополнилъ чувствительный недостатокъ въ хорошем руководствѣ по этой отрасли знаній, столь необходимой для мор ковъ при дальнѣйшихъ занятіяхъ ихъ по части кораблевожден Автору этой книги, какъ преподающему уже съ давняго времени Морскомъ корпусѣ астрономію и астрономическія средства кораб вожденія, болѣе чѣмъ кому-либо извѣстны всѣ камни преткновен всѣ болѣе или менѣе трудные тригонометрическіе вопросы и задачи встрѣчающіеся въ морскихъ наукахъ, а потому и эту необходим вспомогательную науку въ изложеніи онъ довелъ до такой степен ясности и полноты, что дальнѣйшія изслѣдованія, даже и въ област болѣе серьёзныхъ наукъ, не могутъ представить учащимся ник кихъ затрудненій.

Прямолинейная или плоская тригонометрія доведена новѣйшими французскими геометрами до такой степени полноты, ясности и изящества, что ввести въ эту науку, при элементарномъ ея изложеніи, что-нибудь новое и существенно необходимое — есть дѣло едва

возможное. Вотъ почему современные курсы тригонометріи какъ нельзя болѣе похожи одинъ на другой: сравните курсъ тригонометріи Лежандра съ цѣлымъ рядомъ слѣдующихъ за нимъ тригонометрическихъ учебниковъ, составленныхъ Лефебюромъ де Фурси, Бурдономъ, Рено, Монферье и другими, и вы увидите, что разница между ними только въ частностяхъ и въ болѣе или менѣе легкомъ и ящномъ изложеніи; въ общемъ же ихъ можно назвать сколками одного курса съ другого, и въ этомъ, по нашему мнѣнію, нельзя прекать составителей этихъ курсовъ, потому-что предметъ элементарной теоріи плоской тригонометріи совершенно истощенъ. Если некоторые изъ нѣмецкихъ писателей и хотятъ блеснуть нововведеніемъ въ учебникахъ такого рода, то все же это только безполезныя попытки, притязанія на оригинальность, которыя едва ли могутъ быть приняты наукою. Можно даже рѣшительно сказать, что извѣстные нѣмецкіе курсы Вундера, Паукера, Грюнерта, Вуцценгейгера и другихъ, со всѣми ихъ хитросплетенными подраздѣленіями: гоніометріей, тетрагонометріей и полигонометріей — какъ учебники, не выдержатъ строгой критики, хотя отличаются многими прекрасно обработанными статьями.

Не будемъ же и отъ г. С. Зеленаго требовать преобразованій по этой части тригонометріи; довольно и того, что, излагая ее по новѣйшимъ источникамъ, при всестороннемъ ея изученіи, при вѣрномъ взглядѣ на предметъ, онъ представилъ его такъ полно и вмѣстѣ съ такою ясностію, что едва ли найдется другое сочиненіе по этому предмету, которое бы можно было поставить съ нимъ въ паралель.

Предварительныя понятія о тригонометрическихъ линіяхъ, глава о соотносительныхъ величинахъ и о выгодѣ основныхъ тригонометрическихъ формулъ изложены имъ ясно, безъ излишествъ, и между тѣмъ въ нихъ сказано все существенно нужное. Послѣ обыкновеннаго способа опредѣленія минуса суммы и разности двухъ дугъ весьма кстати помѣщенъ, въ видѣ прибавленія, общій способъ доказательства этой теоремы помощію хордъ, предложенныхъ геометромъ Саррусомъ *(Sarrus)*. Глава о составленіи тригонометрическихъ таблицъ также отличается если не полнотою, то, по-крайней-мѣрѣ, легкостію изложенія. Теоремы, относящіяся къ рѣшенію треугольниковъ, изложены такъ вразумительно и такъ полно, что не остается желать ничего болѣе. Достаточное количество примѣровъ, выбранныхъ изъ теоріи морского искусства, геодезіи, астрономіи, оснастки кораблей, математической географіи и другихъ отраслей прикладной математики, имѣющихъ непосредственную связь съ тригонометріею, составляютъ прекрасное прибавленіе для тѣхъ, которые готовятся изучать морское искусство во всей его полнотѣ. Къ

такъ называемой *Потенотовой* задачѣ (*) сдѣлано нѣсколько всѣ интересныхъ численныхъ примѣненій, необходимыхъ для мора однимъ словомъ, сдѣлано все, чтобы примѣнить науку къ жизни службѣ.

Нѣкоторые находятъ эти прибавленія излишними; подобны упрекъ добросовѣстному составителю этого курса кажется нап совершенно несправедливымъ: изложить сухую теорію тригонометри изолировать ее отъ практики, желать, чтобы учащіеся только а тверживали наизустъ тригонометрическія формулы безъ практи скихъ примѣненій — есть мысль діаметрально противополож здравому смыслу. Надо изложить науку такъ, чтобы она въ самы ея основаніи и теоріею и практикою была тѣсно связана съ жизн Только помощію подобныхъ собраній задачъ открывается возмо ность въ особенности въ многолюдныхъ классахъ занимать учи ковъ по мѣрѣ успѣховъ каждаго и укрѣплять мыслящую силу посредствомъ самобытнаго труда. Задачъ и численныхъ приме должно быть столько, чтобы преподаватель могъ предлагать по соображаясь съ способностями учащихся; болѣе успѣвшимъ он долженъ указать средства пытать свои силы въ примѣненіи щихъ законовъ къ частнымъ случаямъ и вообще, не отступая шагъ, итти въ паралель съ развитіемъ учениковъ. Односто воззрѣніе на предметъ и схоластическіе способы преподава разовьютъ ихъ мышленія, не дадутъ устойчивости ихъ позна Въ этомъ отношеніи нельзя не сознать словъ великаго Лагр *L'esprit est paresseux, il faut prévenir sa lâcheté naturelle et l en haleine pour en développer toutes les forces et les avoir prêts besoin. Il n'y a que l'exercice pour cela.*»

И дѣйствительно, формализмъ такой науки, какъ тригонометр можетъ быть весьма скоро удержанъ памятью; но ея сущность жетъ быть сообщена разсудку только посредствомъ практическ примѣненій. Неужели изученіе тригонометріи есть дѣло памяти, не дѣло ума? неужели учащіеся должны отстранить дѣятельность мыслящей силы и быть только эхомъ проходимаго ими учебни Излишнимъ считаемъ опровергать такую мысль.

(*) Мы говоримъ: *къ такъ называемой* Потенотовой задачѣ, потому, что фр цузскіе геометры несправедливо приписываютъ изобретеніе ея Потеноту. Вопр этотъ прежде всѣхъ былъ рѣшенъ Шнелліусомъ *(Snellius)*, и потому должен бы былъ назваться его именемъ. Потенотъ занимался этимъ важнымъ въ триг нометріи вопросомъ въ концѣ XVII столѣтія *(Mém. de l'Acad. de Paris 169* слѣдовательно гораздо позже Шнелліуса, котораго рѣшеніе напечатано было *Eratoshtenes Batavus*, обнародованномъ еще въ 1614 году. Особеннаго же внима нія заслуживаютъ изслѣдованія этой задачи, предложенныя Гаусомъ въ его *Astr nomische Nachrichten*, стр. 81 до 86.

Сферическая тригонометрія изложена г. С. Зеленымъ систематически, со всѣми улучшеніями, принятыми новѣйшими геометрами. Относительно полноты и ясности изложенія мы смѣло можемъ сказать, что на русскомъ языкѣ нѣтъ подобнаго сочиненія по этому предмету, которое бы съ такою полнотою очертило передъ нами цѣю этой науки и съ такою легкостію предложило отвѣты на всѣ ругущія въ ней встрѣтиться трудности и недоразумѣнія.

Въ предварительныхъ свѣдѣніяхъ о сферической тригонометріи редложены почти всѣ геометрическія теоремы, на которыхъ основанъ выводъ тригонометрическихъ формулъ; въ рѣшеніи треугольниковъ выбранъ общій, простѣйшій способъ; къ рѣшенію прямоугольныхъ сферическихъ треугольниковъ прибавлены *мнемоническія правила* Непера (стр. 229—243), которыя со времени ихъ открытія были такъ долго забыты геометрами и, если не ошибаемся, въ послѣднее время въ первый разъ возобновлены были Сузаномъ (*Suzanne*) въ его *Manière d'étudier les Mathématiques*. Нельзя не поблагодарить г. С. Зеленаго за прекрасную мысль перенести эти правила на почву русской математической литературы: они при вычисленіи чрезвычайно удобны для памяти. Доказательства аналогій Непера и формулы Гауса изложены такъ ясно, что уже не будутъ угать учащихся. Наконецъ вопросы стереографической проэкціи редложены не бездоказательно, какъ то было въ прежнихъ курахъ, и объясненіемъ этого лабиринта чертежей г. С. Зеленой оказалъ большую услугу, какъ преподавателямъ, такъ и учащимся. Въ идѣ прибавленія помѣщены многія прекрасныя статьи: разборъ омнительныхъ случаевъ рѣшенія сферическихъ треугольниковъ; ыраженіе синуса и косинуса угла помощію самого угла; опредѣлеіе точнаго логариѳма синуса и тангенса весьма малаго угла, и братно; способъ Лежандра рѣшать сферическій треугольникъ, кораго стороны весьма малы въ сравненіи съ радіусомъ шара и т. д. Нельзя такъже не указать на 6-й и 7-й §§ прибавленій, въ которыхъ жъ хорошо изложены опредѣленія сферическаго избытка въ секундахъ, по извѣстной площади на землѣ въ футахъ, и общее правило опредѣленія угла, когда онъ близокъ къ нулю, а величина его ыражена косинусомъ, или когда онъ близокъ къ 90° и извѣстенъ инусъ его величины. Вообще, въ курсѣ этомъ собрано все существенно нужное для моряка; книга эта составлена такъ, что разсматриваемая какъ учебникъ она удовлетворитъ строгимъ требованіямъ критики, и вмѣстѣ съ тѣмъ, обогащенная примѣчаніями, можетъ, согласно съ програмою ученой коммиссіи, быть справочною книгою во всѣхъ недоразумѣніяхъ морскаго офицера, по части тригонометріи. Ни въ одномъ изъ учебниковъ намъ не случалось видѣть

такой полноты изложенія; соразмѣрность частей, систематическ порядокъ и простота доказательствъ, — вотъ главныя достоинст тригонометріи г. С. Зеленаго.

Отдавая полную справедливость этому добросовѣстному, прон нутому знаніемъ, прекрасному труду, мы, безъ всякаго сомнѣнія, ж жемъ указать на нѣкоторые пропуски, недосмотры, а также и точности въ вычисленіи и въ выкладкахъ логариѳмическихъ. Н упрекать ли въ этомъ автора? Въ такомъ обширномъ математ ческомъ трудѣ подобныя ошибки почти неизбѣжны; довольно и то что онѣ исчезаютъ въ сравненіи съ достоинствами книги. Мы ж жемъ на нѣкоторыя изъ нихъ, въ томъ убѣжденіи, что указанія ши не могутъ уменьшить достоинства этого курса.

Такъ, напримѣръ, для полноты главы о составленіи тригоно трическихъ таблицъ не достаетъ существенно нужной теоремы, к казывающей предѣлъ погрѣшности, когда мы положимъ синусъ равнымъ дугѣ въ $1''$. Если объемъ учебнаго курса не позволя помѣстить доказательства, что предѣлъ этой погрѣшности ра шестой части куба дуги, то по-крайней-мѣрѣ нужно бы было ка зать, что онъ менѣе куба дуги, что̀ доказывается весьма лег просто; отъ этого прибавленія вся глава о составленіи триго трическихъ таблицъ много бы выиграла. Учащійся тогда не з знательно бы повторялъ слова учебника, что при величинѣ дуг одну секунду «*эту дугу по малости можно принять за ея си* (стр. 39). Теорема девятая сферической тригонометріи (стр. 3 могла бы быть изложена короче помощію свойства трехгранн угла, и тогда имѣла бы болѣе общности, потому-что доказыва бы точно также и для сферическаго многоугольника вообще, п мощію угла многограннаго.

Можно бы было указать и еще на нѣкоторые пропуски и нед смотры, но, повторяемъ, что мелкимъ считаемъ входить въ полны разборъ ихъ: достоинства этого труда съ избыткомъ окупают всѣ его мелочные недостатки. Скажемъ безъ пристрастія: книг эта есть рѣдкое явленіе въ нашей математической литературѣ и если бы примѣненія къ морской службѣ, не входя въ общ составъ учебника, изданы были въ видѣ отдѣльнаго прибавленія, т книга эта и для другихъ учебныхъ заведеній была бы лучшимъ из всѣхъ переводныхъ руководствъ, по которымъ у насъ преподаютъ тригонометрію. Кончимъ разборъ этой книги благодарностію трудо любивому автору и начальству Морского Корпуса, которое скудный каталогъ нашей математической литературы обогатило уже столь ми прекрасными учебными пособіями.

Остается только желать, чтобы и остальныя руководства обширного морского курса не замедлили своимъ выходомъ въ свѣтъ и отвѣтствовали четыремъ уже напечатаннымъ, изъ которыхъ два удостоились отъ Академіи Наукъ поощрительной Демидовской преміи.

Вудстокъ. *Романъ* Валтеръ-Скотта. *Часть I и II. С. Петербургъ 1848.*

Перѳская красна-дѣвица (?!) *или день св. Валентина. Романъ* Валтеръ-Скотта. *С. Петербургъ. 1848.*

Романы Вальтеръ-Скотта прочтены едва ли не всею грамотною Россіею въ плохихъ переводахъ: ни одинъ изъ иностранныхъ писателей не пользовался у насъ такою извѣстностію, какъ великій англійскій романистъ; о немъ столько разглагольствовали въ нашихъ журналахъ, начиная съ гг. Полевого и Марлинскаго, что критически разсматривать его романы въ настоящую минуту было бы уже совершеннымъ анахронизмомъ. Имена Вальтеръ-Скотта и Купера неизгладятся никогда изъ лѣтописей европейской литературы. Вальтеръ-Скоттъ и Куперъ блистательно замыкаютъ собою фалангу писателей, занимавшихся *искусствомъ для искусства*; но Вальтеръ-Скоттъ былъ счастливѣе Купера: онъ до послѣдней минуты сохранилъ свой высоко-художественный талантъ и кончилъ вовремя; художественное вдохновеніе давно оставило Купера, но онъ все еще продолжаетъ писать. Его лебединою пѣснью былъ его превосходный романъ *Путеводитель въ Пустынь*.

Года три назадъ тому кто-то вздумалъ издавать на русскомъ языкѣ полное собраніе сочиненій Вальтеръ-Скотта; но изданіе это, послѣ 3-хъ или 4-хъ романовъ, переведенныхъ болѣе или менѣе удачно и изданныхъ довольно красиво, вдругъ остановилось, говорятъ потому, что не окупало издержекъ. И это впрочемъ очень понятно: образованная часть русской публики прочла Вальтеръ-Скотта въ подлинникѣ или во французскомъ переводѣ, а грамотные русскіе люди удовольствовались плохими переводами, которые расходились по Россіи во время оно въ безчисленномъ количествѣ экземпляровъ. Переводы романовъ, заглавіе которыхъ мы выписали выше, помѣщены были въ прошломъ году въ одномъ русскомъ журналѣ; теперь они издаются отдѣльно. Переводы эти менѣе нежели посредственны, но всего замѣчательнѣе то, что *Пертѳская Красавица* превратилась въ новомъ журнальномъ переводѣ въ *Перѳскую красну-дѣвицу*. Какъ это мило! Мы очень рады были бы снова увидѣть Вальтеръ-Скотта на нашемъ языкѣ, но въ переводѣ, достойномъ подлинника,

а не въ искаженномъ видѣ, въ какомъ являются теперь передъ на
Первская красавица и *Вудстокъ*.

Святая быль на руси православной. Соч. А. К...в. *С. Петербургъ. 1849.*

На первомъ листѣ этой книжки, читатель увидитъ воздвигнуты
на Крещатикѣ въ Кіевѣ памятникъ, и останется можетъ быть бол
или менѣе доволенъ его изображеніемъ; что же касается до изобр
женія самого событія, о которомъ въ этой книгѣ идетъ рѣчь, то он
можетъ понравиться только такому читателю, который любитъ, по
добно автору, ораторскій тонъ рѣчи, со всѣми реторическими
прикрасами, подъ которыми сокрыта несовременность понятій
чувствъ. Мы рѣшительно не можемъ понять, съ какою цѣлью напи
на эта реторическая компиляція лѣтописныхъ преданій о распрост
ненiи христіянства въ Россіи при Владимірѣ, и какого рода читател
предполагалъ для своей книги авторъ. Хотѣлъ ли показать онъ н
народно любовь свою къ родинѣ? Но въ наше время, уважающій
самомъ дѣлѣ какъ историческія событія, такъ и свое отечество,
обожанія, нерѣшится писать книги, непріобрѣтши ни предвари
ныхъ понятій о жизни вообще, ни необходимыхъ предварительны
свѣдѣній о предметѣ своего сочиненія; однимъ словомъ, чело
обожающій истину и отечество сначала хорошенько поучит
мать и говорить, а потомъ уже начнетъ и писать.

Чтеніе для умственнаго развитія малолѣтны
дѣтей и обогащенія ихъ познаніями. *Осьмое изда
исправленное. С. Петербургъ 1849.*

Эта книга на первый разъ такъ озадачиваетъ внимательнаго р
нителя педагогіи, что онъ, смотря на *осьмое изданіе* и на первые
сты, остается въ рѣшительномъ недоумѣніи насчетъ столь рѣдкой
такихъ книгъ цыфры. Вотъ напримѣръ (глава 1-я, о чтеніи), нѣскол
ко изреченій, которыми озадачиваетъ васъ почтенный авторъ:

«Читая, не должно ни кашлять, ни глотать.

«Иныя дѣти дѣлаютъ это: когда они немогутъ выговорить какого
либо слова; но это *ни къ чему не служитъ;* въ такомъ случаѣ должно
лучше сложить слово сіе по складамъ въ умѣ.»

Потомъ, напримѣръ, наставленія о различеніи буквы ы отъ и,
ъ отъ ь, *е* отъ *ѣ*, далѣе о соблюденіи удареній. Подумаешь, что
самъ авторъ отъ-нечего-дѣлать, для развлеченія, подбиралъ грам
тическіе синонимы. Напримѣръ: *я* приближаюсь къ бе́регу, и — *я*
его берегу, и т. д. Или, напримѣръ — и это вещь очень замѣчате

ія, рѣшительно вооружающая педагога противъ почтеннаго авто-
— дальнѣйшіе совѣты его о произношеніи.

«Если, читая, тебѣ встрѣчаются возвышенныя мысли, то ты
жденъ усилить голосъ.»

Напримѣръ: «Безсмертна душа человѣческая!» Здѣсь замѣ-
аетъ авторъ) особенно усиливается голосъ на словѣ: «Безсмертна.»
такъ далѣе.

Но начиная съ третьей главы, вы постепенно, все болѣе и болѣе
римиряетесь съ авторомъ, и, взявъ во вниманіе разныя лите-
атурныя условія, понимаете наконецъ, что его книга дѣйстви-
ельно могла достигнуть осьмого изданія и въ нѣкоторыхъ отноше-
іяхъ достигала своей цѣли, — именно съ главы III. Мы совѣ-
уемъ автору вовсе выбросить изъ этой книги первыя двѣ: онѣ
резвычайно вредятъ, при не всегда внимательной педагогіи, цѣлой
нигѣ.

Чтеніе для дѣтей изъ священной исторіи. *Составила* Анна Дараганъ, урожденная Балугьянская. *Спб. 1848.*

Вотъ что говоритъ сочинительница въ предисловіи къ своей кни-
кѣ. Это предисловіе нельзя не выписать вполнѣ.

«Какая благоразумная мать, имѣя возможность обогатить умъ и
ердце своей 12-ти или 13-ти лѣтней дочери чтеніемъ исторіи о до-
родѣтельной Руѳи, цѣломудренной Сусаннѣ, или мужественной Іуди-
ѣ, дозволитъ ей разстроивать свое воображеніе разсказами, подоб-
ыми разсказу о Синей Бородѣ, о спящей красавицѣ, или другими
еестественными сказками? Не важная-ли ошибка въ дѣлѣ образова-
ія, — изучать со всѣми географическими и хронологическими подроб-
остями баснословныя, или недостовѣрныя приключенія совершенно
уждыхъ для насъ народовъ; а между тѣмъ Исторію Священную,
сторію Церковную читать дѣтямъ поверхностно, неудовлетворитель-
о для ума и сердца? Дѣти любятъ сверхъестественное, чудесное; въ
ихъ кроется безсознательное стремленіе къ поэзіи; а гдѣ болѣе
стинныхъ чудесъ и дивныхъ явленій, какъ не въ исторіи народа
ожія, народа избраннаго, и вообще въ Исторіяхъ Священной и Цер-
овной?

«Что можетъ быть важнѣе для дѣтей, какъ не изученіе вѣчныхъ,
епоколебимыхъ истинъ Священнаго Писанія?

«Только на незыблемомъ основаніи Страха Божія, вѣры въ Про-
ыслъ Божій и на Христіанскомъ смиреніи можно основать истинное
бразованіе ума и сердца, и положить твердый оплотъ страстямъ,
авно разрушительнымъ и для счастія семейной жизни, и для спо-
ойствія и порядка жизни общественной.

«Нѣтъ страха Божія—нѣтъ и гражданскаго благоустройства; нѣ
вѣры въ Недремлющее Провидѣніе и дивное могущество Божіе, нѣ
и твердаго, ненарушимаго стремленія къ добру. Всякая другая осн
воспитанія шатка, вредна, пагубна.

«Это убѣжденіе развило во мнѣ желаніе составить такое чтеніе д
дѣтей, которое, съ самаго начала воспитанія способствовало-бы п
вильному развитію умственныхъ и душевныхъ способностей, и ни
нило бы картинностью и разнообразіемъ содержанія тѣ разсказы, б
сословныя повѣсти и сказки, на которыя у насъ такъ легкомыс
но тратится дорогое время и которыми такъ неосторожно раздраж
ся воспріимчивое воображеніе дѣтей, при чемъ вовсе упускается и
виду, что впечатлѣнія дѣтства остаются на всю жизнь.

«Въ избранные мною разсказы изъ Священной Исторіи включи
краткое описаніе обрядовъ, нравовъ, обычаевъ, учрежденій и ни
торыхъ законовъ Іудейскихъ, полагая, что знаніе этихъ археологи
скихъ подробностей будетъ въ послѣдствіи не безполезно даже п
чтеніи жизни нашего Спасителя.

«При составленіи этихъ разсказовъ, обращено вниманіе не столь
на слогъ, сколько на сущность дѣла. Руководствомъ служила ис
ключительно *Славянская* Библія, во избѣжаніе тѣхъ невѣрностей, к
торыя часто встрѣчаются въ Св. Исторіяхъ *для* дѣтей, по боль
части составленныхъ по иностраннымъ *новѣйшимъ* образцамъ.

«Такія невѣрности могутъ ввести въ заблужденіе нашихъ дѣт
это заблужденіе — не малая отвѣтственность предъ судомъ родит
предъ совѣстью и предъ Богомъ.

«Эпиграфы, преимущественно заимствованные изъ Псалмовъ, по
щены въ началѣ каждой главы съ тою цѣлью, чтобъ незамѣтно, п
степенно, безъ усилій и принужденія, ознакомить дѣтей съ слав
скимъ языкомъ, безъ котораго, не говоря уже о книгахъ Св. Писа
они даже не могутъ вполнѣ понимать ни ежедневныхъ молитвъ, н
церковныхъ пѣснопѣній.

«Если мой взглядъ на этотъ основной предметъ воспитанія неош
боченъ, и книга моя будетъ принята благосклонно, то я съ радостью
посвящу этому труду всѣ мои способности и силы.»

Въ томъ, что книга г-жи Дараганъ будетъ принята благосклон
но, что она будетъ имѣть большой успѣхъ, нѣтъ никакого сомнѣнія.
Ея *Чтеніе для дѣтей* — драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей дѣт
ской литературы, которая такъ бѣдна сочиненіями дѣльными.

Первая книжка *чтенія для дѣтей* заключаетъ въ себѣ три раз
сказа: 1) Исторію Руѳи, праматери царя Давида, 2) Исторію Товита
и сына его Товіи и 3) Исторію Іудиѳы.

Эти разсказы написаны языкомъ сильнымъ и простымъ, безъ
всякихъ реторическихъ украшеній, именно такимъ языкомъ, ка-

ъ должны быть излагаемы разсказы, заключающіе въ себѣ столь бокое и важное содержаніе. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать рой части *чтенія для дѣтей*. Книга г-жи Дараганъ посвящена густѣйшимъ дѣтямъ Ея Императорскаго Высочества Государыни икой Княгини Цесаревны.

Опытъ о народномъ богатствѣ или о началахъ политической экономіи. *Соч.* А. Бутовскаго. *Отвѣтъ на критики: Библіотеки для Чтенія, Отечественныхъ Записокъ и Современника. Статья вторая. Спб. 1849.*

Г. Бутовскій рѣшительно не хочетъ оставить въ покоѣ ни критиковъ своихъ, ни публики. Вотъ уже третья статья (*), которую онъ печатаетъ въ опроверженіе тѣхъ людей, которые, несмотря на всѣ доводы автора, никакъ не соглашаются признать ученыхъ достоинствъ его «Опытѣ о народномъ богатствѣ». И надо прибавить къ этому, что книга г. Бутовскаго вышла въ іюнѣ или іюлѣ мѣсяцѣ 1847 года! Что если примѣръ г. Бутовскаго можетъ породить многочисленныхъ подражателей! Насъ поражаетъ въ этомъ случаѣ весьма простое и логическое разсужденіе: русская литературная дѣятельность производитъ ежемѣсячно весьма значительное число плохихъ книгъ; авторъ каждой плохой книги воображаетъ непремѣнно, что его сочиненіе — превосходно, что оно имѣетъ огромную важность *для* науки и *для* литературы, и что важность эту могутъ отрицать только неблагонамѣренные или завистливые люди. Весьма естественно, что при такомъ настроеніи духа, каждый авторъ будетъ считать себя вправѣ издавать въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ брошюры за брошюрами въ опроверженіе своихъ критиковъ. Права этого у сочинителей плохихъ книгъ отнять невозможно; но что́ если всѣ они будутъ имъ пользоваться по примѣру г. Бутовскаго? Что́ станется тогда съ русской критикой, съ русской литературой?

Редакція Современника положила себѣ за твердое и непремѣнное правило вступать въ полемическіе споры только въ томъ случаѣ, когда результатъ такихъ споровъ можетъ быть важенъ *для* науки или *для* литературы. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ не о высшихъ интересахъ науки или искусства, а только о мелочныхъ авторскихъ притязаніяхъ, редакція Современника обѣщала и обѣщаетъ впредь своимъ читателямъ воздерживаться отъ всякой полемики. Такъ поступимъ мы и въ настоящемъ случаѣ, тѣмъ болѣе, что нападенія г. Бутовскаго направлены на этотъ разъ не противъ

(*) Первая помѣщена была въ Сѣверной Пчелѣ, въ 1847 году; вторая появившись отдѣльной брошюрой въ концѣ 1848 года.

Современника, но противъ другихъ журналовъ. Мы замѣтимъ только, что намъ не понравился и показался даже нѣсколько странный общій тонъ, господствующій въ брошюрѣ г. Бутовскаго. По этому поводу мы можемъ только повторить то, что́ уже замѣтили авторъ въ сентябрьской книжкѣ нашего журнала: «есть такія оружія, которыя въ спорахъ ученыхъ не слѣдуетъ никогда браться. Можно «опровергать, какъ угодно, взгляды своего противника, но не слѣдуетъ приписывать ему такія мнѣнія, которыхъ онъ вовсе не имѣлъ, придавать употребленнымъ имъ терминамъ такое значеніе, «котораго онъ съ ними не соединялъ». Къ послѣдней статьѣ г. Бутовскаго это замѣчаніе примѣняется еще болѣе, нежели къ предшествовавшей.

IV.

TORY OF THE CONQUEST OF PEROU, with a preliminari view of the civilization of the Incas, by *William H. Prescott*, etc., etc., etc. London, 1848. 2 vol. (ИСТОРІЯ ЗАВОЕВАНІЯ ПЕРУ, съ предварительнымъ взглядомъ на образованность инковъ, сочин. *Вильяма Прескота*, члена корреспондента Французскаго института, Берлинской академіи наукъ, Исторической академіи въ Мадритѣ, Неаполитанской академіи и др. Лондонъ, 1848, 2 части, съ картою древняго Перу).

СТАТЬЯ ПЯТАЯ.

Возвратимся къ Альмагру, совершающему достопамятную свою
педицію въ Чили. Мы уже сказали, что онъ выступилъ изъ Ку-
только съ частію назначеннаго въ походъ отряда, приказавъ
альнымъ слѣдовать за нимъ въ видѣ резерва. Сперва шли наши
ны по государственной дорогѣ инковъ, проложенной на большое
стояніе къ границѣ Чили; но какъ скоро эта искуственная дорога
чилась, то пришлось блуждать по горнымъ ущельямъ, гдѣ не
но было не только тропинки, но даже слѣда человѣческаго. Легко
бразить трудности альмагрова пути среди пустынной и дикой
роды Кордильеры, гдѣ единственныя тропы были протоптаны
тами овецъ и часто огибали глубокіе овраги, изрытые горными
оками, или пересѣкались бездонными пропастями, черезъ кото-
нужно было перескакивать, по примѣру легконогихъ алпакъ и
уней андскихъ пажитей. Стремительныя рѣки низвергались съ
отъ гремящими водопадами; темные лѣса исполинскихъ хвой-

ныхъ деревьевъ смѣнялись песчаными долинами и нагими ни
ными утесами. Солдаты, едва пробившіеся сквозь непроходимую
сную чащу, выходили на пустынныя горныя поляны, гдѣ изне
гали отъ стужи, не находя для топлива ни травы, ни кустар
Холодъ на этихъ высотахъ былъ нестерпимъ для людей, при
шихъ къ тропическому климату, и многіе изъ испанцевъ отмор
себѣ руки и ноги; другіе ослѣпли отъ сильнаго блеска снѣгу, от
жавшаго отвѣсные солнечные лучи. На снѣжныхъ вершинахъ,
шенныхъ всякой растительности, голодъ началъ терзать путни
здѣсь не встрѣчалось ни растительныхъ, ни животныхъ предмет
годныхъ въ пищу, и единственное живое существо, обитавше
тѣхъ негостепріимныхъ мѣстахъ, былъ хищный кондоръ. Нем
ждалъ онъ добычи во время достопамятнаго похода, о которомъ
перь идетъ рѣчь: ежедневно доставались ему десятки труповъ
мерзшихъ и изнемогшихъ отъ голода индѣйцевъ, сопровождав
экспедицію; часто и испанцы оставались на жертву хищной пт
Только недоставало лошадиныхъ труповъ, которыми исключит
теперь питались участники тяжелаго похода.

Страданія, выпавшія на долю испанцамъ, не пробудили въ
ихъ состраданія къ несчастнымъ туземцамъ. Попадавшіяся на
индѣйскія селенія были безжалостно предаваемы мечу и огню.
счастные жители, избѣгшіе смерти, должны были нести
панцами ихъ путевые припасы и, подобно рабочему скоту,
мертвые отъ усталости и голода. Солдаты изъ шайки Альм
составлявшіе бо́льшую часть альмагрова отряда, были гораздо
человѣчнѣе пизарровыхъ воиновъ, и, несмотря на всю суров
предводителя чилійской экспедиціи, онъ не разъ вынужденъ бы
заявлять негодованіе на неистовство своихъ подчиненныхъ.

Наконецъ испанцы выбрались изъ дикаго хаоса Андовъ и вст
пили въ цвѣтущую равнину Коквимбо (Coquimbo), лежащую по
30° южной широты, гдѣ изнуренные усталостію и лишеніями отд
нули среди благословенной мѣстности. Послѣ многодневнаго отдых
Альмагро отправилъ передовой отрядъ для отысканія лучшаго
удобнѣйшаго пути къ югу. Едва только этотъ отрядъ ушелъ вп
редъ, какъ прибыли въ испанскій лагерь остальные воины, состав
ляшіе резервъ альмагрова корпуса. Этотъ резервъ находился под
командою Родрига де Оргоньеца (Rodrigo de Orgonez), альмагро
офицера, на котораго стоитъ обратить особенное вниманіе.

Родриго де Оргоньецъ, родомъ изъ Оропезы, началъ изучать
военное искусство въ итальянскихъ войнахъ того времени и отли
лился при осадѣ Рима въ рядахъ коннетабля Бурбона. Въ этой шк
лѣ нашъ испанецъ закалился какъ старый солдатъ, и, пріобрѣт

рдость воли и терпѣніе, готовое на всевозможныя лишенія, онъ лушилъ въ себѣ всякое чувство состраданія къ ближнему, коль ро оно противорѣчило цѣли военныхъ дѣйствій. Точный и неук ный исполнитель порученій начальства, онъ соединялъ быстроту ствій съ отличнымъ мужествомъ и безусловною дисциплиною. ія качества обратили на него вниманіе испанскаго правительства, рое, въ награду заслугъ Родрига, назначило его комендантомъ аго Толедо. Этотъ офицеръ былъ однакожь плохой начальникъ, и отличный подчиненный, и поприще независимой дѣятельно было ему не по силамъ.

льмагро между тѣмъ получилъ королевскую инвеституру, кото подчиняла его власти значительное пространство южно-амери ихъ земель. Воины его, полагая по своимъ соображеніямъ, что ко должно входить въ составъ альмагрова удѣла, и притомъ наску ъ тяжелымъ и безприбыльнымъ походомъ, громко требовали воз щенія въ древнюю перуанскую столицу, гдѣ ожидало ихъ изобил покой въ замѣну настоящихъ лишеній. Видя, что Альмагро ется глухъ къ просьбамъ и доводамъ, хитрѣйшіе изъ его спут овъ дали ему почувствовать, что завладѣніе Кускомъ представ ъ превосходный и едва ли не единственный способъ доставить ршій удѣлъ альмагрову сыну Діэгу. Этотъ молодой человѣкъ ъ незаконорожденный, но пользовался неограниченною любо ю довѣренностію отца; впрочемъ такая привязанность оправды сь превосходными душевными качествами, отличавшими этого ошу.

Послѣ двухмѣсячнаго отсутствія, возвратился назадъ офицеръ, ндовавшій отрядомъ, посланнымъ для рекогносцировки къ югу утренность Чили. Привезенныя имъ свѣдѣнія были не слишкомъ ительны для испанцевъ, вездѣ искавшихъ только одного зо . Еще, къ счастію, отрядъ не достигъ до земли аравкановъ, гдѣ рѣ послѣ того должна была ручьями пролиться испанская кровь. брые индѣйцы, населявшіе эту область, не хотѣли покориться земному игу и до сихъ поръ сохранили свою независимость, не гря на порабощеніе сосѣднихъ племенъ и на всѣ усилія европей ъ къ покоренію небольшой области, населенной отважными полу рями.

Неблагопріятныя вѣсти, принесенныя передовымъ отрядомъ, всей ропотъ войска, а можетъ быть еще и другія причины, побу и Альмагра оставить неконченнымъ завоеваніе Чили и возвра ься къ сѣверу. Не желая однакожь подвергнуться вновь трудно мъ пути по ущеліямъ Андовъ, онъ выбралъ другую дорогу, вед-

шую вдоль морского берега чрезъ пустыню Атакамы. Но пут
этой песчаной и безплодной пустынѣ, на протяженіи слишком
миль, оказался не менѣе труднымъ, какъ переходъ Кордильеры. Н
вительно, какъ альмагровы спутники могли перенести всѣ
ненія этихъ страшныхъ переходовъ! Впрочемъ Геррера, истор
Индіи, описываетъ своихъ соотечественниковъ XVI вѣка, замѣ
шихъ Америку, людьми атлетическаго тѣлосложенія, ничего не
шимися, равнодушно встрѣчавшими смерть подъ всевозможными
дами и терпѣливо боровшимися съ непріятелемъ и враждебн
стихіями.

Послѣ многотруднаго перехода, Альмагро достигъ до древ
города Ареквипы, лежащаго въ 60 лигахъ отъ Куско. Здѣсь,
крайнему своему удивленію, онъ узналъ о возмущеніи перуан
противъ Пизарра. Такъ-какъ Альмагро находился прежде въ
дружескихъ отношеніяхъ съ инкою Манкомъ, то прежде начат
пріятельскихъ дѣйствій испанскій генералъ пожелалъ увидѣть
перуанскимъ государемъ и объясниться лично о мѣрахъ къ пр
щенію вражды. Посланный Альмагромъ гонецъ былъ весьма
принятъ Манкомъ, который, объяснивъ причины своихъ неудо
ствій противъ пизарровыхъ братьевъ, согласился на предло
Альмагромъ свиданіе и назначилъ для того долину Юкая. Пол
этотъ отвѣтъ, Альмагро тотчасъ раздѣлилъ свой корпусъ на
ряда и, оставивъ одинъ изъ нихъ въ Уркосѣ, въ шести лигах
столицы, пошелъ съ другими на предназначенное свиданіе. Н
тѣмъ испанцы, составлявшіе гарнизонъ Куско, не знали, что
мать о возвращеніи Альмагра, и Эрнандо Пизарро пошелъ немедл
съ небольшимъ отрядомъ къ Уркосу, гдѣ получилъ непріятное
вѣстіе, что Альмагро съ оружіемъ въ рукахъ хочетъ стоять за
мнимыя права на Куско. Пизарровъ братъ чувствовалъ слабость
своихъ силъ въ отношеніи къ Альмагру, но рѣшился не уступ
опасному сопернику ни одной пяди земли, которую считалъ при
лежащею къ территоріи губернаторства брата своего Франциска.

Между тѣмъ перуанцы, узнавъ о сношеніяхъ альмагрова и пи
заррова отрядовъ, начали подозрѣвать измѣну и заключили, что е
ропейцы хотятъ погубить ихъ, ударивъ неожиданно съ двухъ про
тивоположныхъ сторонъ. Манко раздѣлялъ эти подозрѣнія и, пол
гая самъ воспользоваться неожиданностью удара, напалъ на испан
цевъ въ долинѣ Юкая съ 50 тысячнымъ войскомъ. Однакожъ ал
магровы ветераны слишкомъ хорошо были знакомы съ индѣйской
тактикою, и потому, ни мало не смѣшавшись, дали сильный отпоръ
Завязалась ужасная сѣча, въ которой испанцы ока али чудеса храб
рости и прогнали инку съ значительнымъ урономъ, такъ-что Манко

ень былъ на нѣкоторое время отказаться отъ всякихъ попы-
противъ испанскаго войска.

Послѣ этой побѣды, Альмагро соединилъ свои отряды и рѣшился
твовать для овладѣнія древнею столицею Перу. Прежде всего
послалъ туда копію съ королевскаго рескрипта и предписалъ
дскимъ властямъ провозгласить его законнымъ губернаторомъ
да. Но чтобы яснѣе понять, на чемъ основывались спорныя
ва обоихъ завоевателей Перу, въ отношеніи обладанія Кускомъ,
но предварительно познакомить читателей съ географическимъ
женіемъ мѣстности.

Королевскимъ указомъ предоставлена была во владѣніе Пизарра
на къ югу отъ рѣки Санъ-Яго (*) на 270 испанскихъ лигъ по ме-
іану; слѣдовательно, и Куско и Лима находились въ предѣлахъ
рровой территоріи. Кажется, дѣло было очень ясно; но такъ-
ъ необразованные завоеватели Перу не имѣли точнаго понятія о
графической долготѣ и широтѣ и вовсе не знали точнаго протя-
ія и положенія завоеванныхъ мѣстностей, а судили только по
нѣ извилистыхъ дорогъ, то весьма естественно, что альмагрово
язаніе привело пизарровыхъ спутниковъ въ крайнее недоумѣ-

Въ такомъ критическомъ случаѣ, для разрѣшенія спорнаго ге-
фическаго вопроса, былъ собранъ городовой совѣтъ и положено
рать мнѣнія отъ нѣкоторыхъ моряковъ, которымъ вопросы о
леліяхъ широты должны были быть извѣстнѣе, чѣмъ удалымъ,
образованнымъ рыцарямъ и солдатамъ.

Въ ожиданіи рѣшенія этого вопроса ученымъ путемъ, оба про-
ые корпуса заключили между собою перемиріе, при чемъ было
жено каждому оставаться на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Но въ
время погода стояла ненастная и альмагровы солдаты, не довол-
лагерною стоянкою подъ дождемъ и холоднымъ вѣтромъ, рады
ы привязаться къ случаю, чтобы выйти изъ своего непріятнаго
женія. Узнавъ, что Эрнандо укрѣпляетъ столицу, они громко
али жаловаться на такое нарушеніе условій, положенныхъ при
емиріи. Къ этому присоединились еще слухи, что будто самъ
анциско Пизарро выслалъ изъ Лимы сильный отрядъ подъ
андою Алонза де Альварада, которому приказано было итти на
могу гарнизону. Альмагровы солдаты кричали, что нечего долѣе
ить, и что перемиріе нарушено противною стороною. Какъ-
го нехотя, но съ тайнымъ удовольствіемъ, Альмагро согласился
требованіе своихъ солдатъ и приказалъ имъ съ наступленіемъ
и строиться въ боевой порядокъ. Эта ночь была темная и ненаст-

*) Одинъ градусъ и двадцать минутъ къ сѣверу отъ экватора.

шая, и, подъ кровомъ ея, Альмагро безъ сопротивленія вступил
Куско (8 апрѣля 1537 года), овладѣлъ главною площадью, ра
вилъ часовыхъ и послалъ отрядъ подъ командою Оргоньеца дл
тія приступомъ пизаррова дома. Эрнандо и Гонзало жили вмѣст
одномъ изъ обширныхъ публичныхъ зданій, построенныхъ на
ной площади; съ ними было человѣкъ двадцать солдатъ, кот
мужественно защищались противъ превосходныхъ силъ непрія
несмотря на то, ворота были сбиты, и число нападающихъ бе
станно увеличивалось. Оргоньецъ, видя такое упорное сопрот
ніе, зажегъ крышу дома и огнемъ принудилъ непріятелей къ
впрочемъ Пизарры держались до послѣдней крайности и едва усп
выйти изъ дома, какъ стропила его вмѣстѣ съ крышею ру
внутрь оставленнаго зданія.

Сдѣлавшись хозяиномъ въ столицѣ, Альмагро велѣлъ немед
арестовать пизарровыхъ братьевъ и еще человѣкъ двадцать изъ
датъ и офицеровъ гарнизона. Что же касается до прочихъ жи
города, то жизнь, свобода и имущество каждаго остались при
случаѣ неприкосновенными. Габріель де Рохасъ былъ назначе
мендантомъ Куско, и городовой совѣтъ немедленно согласил
Альмагромъ въ его манерѣ считать лиги и градусы меридіа
югу отъ рѣки Санъ-Яго, такъ-что Куско оказалось внутри
ловъ территоріи, назначенной въ управленіе Альмагра.

Въ то время, какъ случились эти происшествія, Алонзо де
радо стоялъ съ отрядомъ изъ 500 человѣкъ близъ Хаухи, въ
гахъ отъ столицы. За нѣсколько уже мѣсяцовъ выступилъ он
Лимы на помощь гарнизону столицы, но, по необъяснимому сте
нію обстоятельствъ, не явился на помощь городу, а остановил
Хаухѣ, съ намѣреніемъ защищать ее отъ нападеній возмутивш
перуанцевъ. Альмагро, по овладѣніи Кускомъ, немедленно посл
къ Альвараду гонца съ требованіемъ повиновенія; но пизарровъ
дручникъ заключилъ этого гонца въ оковы и послалъ къ Пиз
въ Лиму вѣсть о случившихся происшествіяхъ.

Узнавъ о поступкѣ Альварада, Альмагро немедленно рѣшился
противъ него съ оружіемъ въ рукахъ, къ чему былъ особенно по
стрѣкаемъ Оргоньецомъ. Этотъ офицеръ совѣтовалъ своему нач
нику, передъ выступленіемъ въ походъ, отрубить обоимъ Пиз
рамъ головы, утверждая, что пока эти люди живы, Альмагро
можетъ спокойно спать. Несмотря на всю ненависть свою къ Эрнан
Альмагро не смѣлъ рѣшиться на мѣру, которая бы сдѣлала Фр
циска Пизарра его вѣчнымъ и смертельнымъ врагомъ. Послѣ
гихъ размышленій, онъ приказалъ содержать обоихъ Пизарровъ
строгимъ надзоромъ, въ зданіи, прилегавшемъ къ храму солнц

ъ съ сильнымъ отрядомъ пустился въ походъ противъ Альва-
а.

Послѣдній расположился съ главными силами своего отряда за
ою Абанкаемъ (Rio Abancay), защищая мостъ, перекинутый
ъ глубокія и стремительныя ея воды. Нѣсколько пониже по
нію поставилъ онъ сильный пикетъ для защищенія брода, тамъ
дившагося. Принявъ всѣ мѣры осторожности, Альварадо съ му-
вомъ ожидалъ появленія непріятелей.

Въ его дружинѣ находился рыцарь Педро де Лерма, кото-
питалъ противъ своего начальника какое-то неудовольст-
этотъ рыцарь задумалъ измѣну и вступилъ въ тайные го-
оворы съ непріятелемъ. По его коварному совѣту, Альмагро,
близясь къ рѣкѣ, сталъ у самого моста противъ альварадо-
отряда и дѣлалъ видъ, будто хочетъ насильно овладѣть мо-
мъ, чѣмъ самымъ и привлекъ на этотъ пунктъ все вниманіе
аррова сподвижника. Такъ простоялъ онъ до ночи, какъ бы не
паясь вступить въ бой, а по наступленіи мрака отправилъ Ор-
ьеца съ бо́льшею частію войска, приказавъ ему перейти черезъ
къ и дѣйствовать за-одно съ Лермою. Оргоньецъ былъ человѣкъ
кій и расторопный: несмотря на глубину брода и силу теченія,
кшаго и потопившаго нѣсколькихъ человѣкъ, онъ успѣлъ пе-
авиться на непріятельскій берегъ и стремительно ударилъ на
овъ. При этомъ нападеніи онъ получилъ рану въ лицо, но не
алъ сдавать команды и продолжалъ наступать, пока не присоеди-
ся къ нему Лерма, съ отрядомъ, который онъ успѣлъ склонить на
сторону. Остальные солдаты пикета, видя измѣну, пришли въ
ршенное разстройство и обратились въ бѣгство. Альварадо,
ышавъ шумъ сраженія, бросился на выручку къ своимъ, оста-
въ для защиты моста только слабый отрядъ; въ это время Альма-
перешелъ мостъ и, безъ труда разсѣявъ небольшую дружину,
защищавшую, ударилъ на Альварада съ тыла. Видя себя окру-
нымъ съ всѣхъ сторонъ и два отдѣльныхъ отряда совершенно
битыми, несчастный Алонзо, не надѣясь болѣе на боевое счастье,
лся побѣдителю и положилъ оружіе. Одержавъ абанкайскую по-
ду, Альмагро съ торжествомъ воротился въ Куско, ведя за собою
пу плѣнниковъ, равную числомъ всему войску побѣдителей.

Въ то время, какъ совершались всѣ эти событія, Франциск Пи-
ро оставался въ Лимѣ, тоскливо выжидая подкрѣпленій, съ ко-
ыми хотѣлъ пуститься на выручку гарнизона, осажденнаго пе-
нцами. Отчаянное воззваніе его къ испанскимъ губернаторамъ въ
ериканскихъ колоніяхъ не осталось безъотвѣтнымъ, и отовсюду
ыпила къ нему помощь. Въ числѣ прочихъ, прибылъ къ нему от-

рядъ, подъ командою Лиценціата Гаспара де Эспиноза, того с
го, который былъ участникомъ въ первоначальномъ планѣ
диціи противъ Перу. Лиценціатъ вывелъ изъ Панамы на
своему бывшему союзнику 250 человѣкъ воиновъ, хорошо
женныхъ и готовыхъ на все. Отъ завоевателя Мексики,
ца, явился корабль съ провіантомъ, военными припасами
дарками для Пизарра; такъ-что вскорѣ завоеватель Перу
ствовалъ себя въ-силахъ обезопасить Лиму отъ нападеній
ся съ достаточными силами на выручку своихъ отрядовъ,
внутри имперіи.

Губернаторъ выступилъ изъ Лимы по направленію къ Куско
рядомъ изъ 450 человѣкъ, и въ томъ числѣ было болѣе половины
ницы. Но едва успѣлъ онъ отойти на нѣсколько лигъ отъ Лимы,
явился къ нему альварадовъ гонецъ съ вѣстію о возвращеніи
гра, завоеваніи Куско и плѣнѣ его братьевъ. Не успѣлъ он
оправиться отъ такого неожиданнаго удара, какъ получилъ
о проигрышѣ абанкайской битвы и плѣнѣ Альварада со
рядомъ. Пораженный внезапностію такихъ бѣдствій и бол
нѣйшихъ успѣховъ своего соперника, онъ поспѣшно воро
Лиму и немедленно занялся приведеніемъ ея въ оборонитель
стояніе, ожидая, что Альмагро не замедлитъ явиться подъ
новой столицы. Впрочемъ при этомъ случаѣ должно упомя
чести Пизарра, что онъ не предался безполезнымъ порыва
и безплодѣнымъ сожалѣніямъ объ утратахъ, понесенныхъ въ
нее время. Пизарро весьма благоразумно придавалъ всему
дѣлу видъ не собственнаго раздора его съ Альмагромъ, а
королевскихъ постановленій, и выставлялъ на первомъ планѣ
который произойдетъ отъ этихъ междоусобицъ для интересовъ
стильской короны.

Готовясь къ безотлагательнымъ военнымъ дѣйствіямъ, Пи
не оставилъ испытать возможность примиренія помощію перег
ровъ. Онъ отправилъ въ Куско посольство, составленное изъ
на благоразуміе и осмотрительность которыхъ можно было
житься, и поручилъ свое полномочіе Эспиносѣ, какъ человѣку
болѣе интересующемуся возстановленіемъ мирныхъ отношеній
могшему имѣть значительное вліяніе на Альмагра.

По прибытіи въ Куско, Лиценціатъ, противъ ожиданія, не
тилъ въ Альмагрѣ никакого желанія къ мирному окончанію
усобицы. Надменный недавними побѣдами, завоеватель Куско
валъ не только уступки этой столицы, но даже и Лимы, входив
по его мнѣнію, въ составъ предоставленныхъ ему владѣній. Всѣ
горазумные доводы Эспиносы не могли привести Альмагра къ

ѣйшимъ условіямъ. Мнимыя права свои онъ хотѣлъ защищать пасностію жизни и ни за что не соглашался отъ нихъ отступить. Видя безуспѣшность всѣхъ своихъ доводовъ, Эспиноза прекра- ь всякое сношеніе съ надменнымъ полководцемъ и простился съ ь испанскою пословицею:

«El vencido vencido, y el vencidor perdido!»

что́ значитъ:

«Побѣжденный побѣжденъ, но и побѣдитель пропалъ!»

При надменности Альмагра и его недавнихъ побѣдахъ, трудно о надѣяться на успѣхъ посольства Эспинозы, и благоразумные и предсказывали безуспѣшное возвращеніе посланника въ Лиму. ѣло разыгралось еще хуже, потому-что Эспиноза, по прекраще- переговоровъ, немедленно и скоропостижно умеръ, отъ неизвѣст- причины. Впрочемъ никто изъ современниковъ не объяснялъ внезапной смерти отравою.

Имя Эспинозы осталось достопамятнымъ въ исторіи завоеванія у, какъ одного изъ главныхъ виновниковъ этого великаго собы- Конечно, участіе Лиценціата проявлялось здѣсь подъ рукою; езъ финансовыхъ средствъ, имъ доставленныхъ, елва ли бы когда ось Пизарру и Альмагру совершить ихъ дивное предпріятіе. Онъ гоянно жилъ въ испанскихъ колоніяхъ Терра-Фирмѣ и Панамѣ и гоялъ тамъ въ коронной службѣ однимъ изъ важнѣйшихъ лицъ судебной части, хотя иногда пускался и въ военныя экспедиціи, альствуя значительными отрядами. Вездѣ умѣлъ онъ пріобрѣсть ую репутацію ума, честности и мужества, и смерть его была инымъ несчастіемъ при тогдашнихъ критическихъ обстоятель- ахъ.

По прекращеніи переговоровъ и по смерти Эспинозы, Альмагро об- ужилъ намѣреніе итти къ морскому берегу и заложить тамъ го- ъ съ гаванью, откуда бы онъ могъ имѣть прямое сообщеніе съ аніею. Ранѣе совершенія этого предпріятія онъ не хотѣлъ слы- ть ни о какихъ переговорахъ.

Собираясь оставить Куско, Альмагро отправилъ Оргоньеца съ ьнымъ отрядомъ для наблюденія за инкою и обезпеченія въ слу- нападенія съ этой стороны. Но инка, послѣ проиграннаго имъ йскаго сраженія, совершенно упалъ духомъ, не заботился о рѣ новаго войска и, оставивъ твердыню Тамбо, пошелъ въ горы. оньецъ жарко его преслѣдовалъ, пока царственный бѣглецъ, инутый всѣми приверженцами, не скрылся только съ одною изъ ихъ жонъ въ неприступныхъ пещерахъ андской Кордильеры.

Выступая противъ инки, Оргоньецъ вновь угова
гра казнить пизарровыхъ братьевъ и немедленно итти на Лиму,
бы разомъ кончить войну совершеннымъ покореніемъ или
бленіемъ своихъ враговъ. Въ это время является на сцену
цо—донъ Діего, братъ дона Педра де Альварада, предводи
вавшаго неудачною экспедиціею противъ Кито. По отъѣздѣ
своего въ Гватималу, донъ Діего присоединился къ Альмагру,
путствовалъ ему въ экспедиціи противъ Чили и скоро успѣлъ
вязать къ себѣ своего начальника. Должно впрочемъ сказать,
донъ Діего отличался какъ знатностью рода, такъ и многими
ческими и умственными качествами. Діего де Альварадо
сѣщалъ Эрнанда, сидѣвшаго въ заключеніи и искавшаго
въ игрѣ — господствующей страсти испанцевъ. Оба рыцаря
играли другъ съ другомъ, и Діего проигралъ Эрнанду
сумму — восемьдесять тысячь золотыхъ кастельяновъ! Когда
дошло до расплаты, то Эрнандо рѣшительно отказался
суммы, совершенно раззорявшей дона Діего. Это обдуманное
кодушіе пріобрѣло плѣннику могущественнаго ходатая въ
ближайшихъ совѣтниковъ Альмагра. Діего считалъ
долгомъ отплатить Эрнанду за его великодушіе: онъ
генералу, что казнь плѣнныхъ пизарровыхъ братьевъ
не только ропотъ во всѣхъ испанцахъ, несмотря на партіи,
будетъ поводомъ къ гнѣву короля и повредитъ дальнѣйшимъ
хамъ Альмагра. Генералъ согласился съ этимъ мнѣніемъ,
на противныя убѣжденія Оргоньеца, который въ гнѣвѣ
Альмагру дурными послѣдствіями неумѣстной кротости.
слишкомъ велика, говорилъ онъ, и Пизарры не забудутъ
ти, а потому чѣмъ скорѣе казнишь ихъ, тѣмъ лучше. Оргоньецъ
на этотъ разъ сказалъ правду, и слова его исполнились.

Уходя изъ Куско, Альмагро велѣлъ содержать Гонзала Пизарро
прочихъ плѣнниковъ подъ надежною стражею, Эрнанда же взялъ
собою, принявъ мѣры противъ возможности бѣгства. Быстро
скаясь къ прибрежью, Альмагро въ концѣ августа добрался до
лестной долины Чинча, гдѣ и остановился для основанія города,
торому хотѣлъ дать свое имя и сдѣлать столицею Перуанскаго
ства. Пренебрегая Пизарромъ, запершимся въ Лимѣ, онъ
занялся постройками, какъ вдругъ услыхалъ, что Гонзало, Алонзо
де Альварадо и прочіе плѣнники, подкупивъ стражу, бѣжали
Куско и благополучно добрались до Лимы.

Разгнѣванный Альмагро хотѣлъ казнить Эрнанда, какъ вдруг
вниманіе его было отвлечено предложеніемъ переговоровъ со
ны Франциска Пизарра. Послѣ предварительныхъ обсылокъ

жено предоставить дѣло третейскому суду и избрать для рѣшенія
а Франциска де Вовадилла, монаха ордена милосердыхъ брать-
Хотя онъ жилъ въ Лимѣ и слѣдовательно былъ подъ вліяніемъ
рра, но пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ и репута-
неподкупной справедливости, что Альмагро не усомнился со-
ться на его посредничество. Оргоньецъ и на этотъ разъ не
ѣялъ довѣрчивости Альмагра къ монаху, выбранному въ тре-
кіе судьи.
Мѣстомъ для свиданія соперниковъ былъ назначенъ городъ Ма-
Здѣсь сошлись бывшіе сподвижники, а нынѣ враги, въ ноябрѣ
года; свиданіе это было чрезвычайно любопытно.
льмагро, подойдя къ Пизарру, снялъ шляпу и дружески его
Бтствовалъ; но послѣдній, едва отвѣтивъ на поклонъ, надменно
спрашивать у Альмагра, по какому праву тотъ осмѣлился за-
ть городомъ Куско и взять въ плѣнъ его братьевъ? Отвѣтъ
агра подалъ поводъ къ жаркому спору, который превратился
стую брань. Видя неуклонную надменность Пизарра, Альмагро
подозрѣвать измѣну и, неожиданно выйдя изъ залы совѣщаній,
лся на стоявшаго у дверей коня и поскакалъ въ Чинчу. Тѣмъ
чилось это свиданіе, которое не только не сблизило, но еще
разссорило обоихъ противниковъ. Монахъ, предоставленный
му себѣ, послѣ зрѣлыхъ соображеній и размышленій, объявилъ
приговоръ. Онъ опредѣлилъ отправить корабль съ искуснымъ
чимъ для точнаго опредѣленія градуса широты, подъ которымъ
тъ Санъ-Яго, сѣвернымъ предѣлъ пизаррова владѣнія, отъ ко-
го должны были считаться лиги къ южной границѣ. Съ тѣмъ
гѣ предписывалось Альмагру возвратить Куско и освободить
да, съ условіемъ, что послѣдній въ теченіи шести мѣсяцовъ
ятится въ Испанію. Затѣмъ враждующія стороны должны бы-
екратить военныя дѣйствія и спокойно ожидать окончанія на-
ій.
кой приговоръ очевидно былъ выгоденъ для Пизарра и пото-
винятъ альмагровыми сподвижниками съ чрезвычайнымъ не-
льствіемъ: имъ было очень непріятно разставаться съ пре-
ымъ Куско и промѣнять его на пустынныя горы и долины
въ которомъ тогда не подозрѣвали еще существованія неис-
емыхъ рудниковъ Потози. Недовольные солдаты обвиняли
генерала въ уступчивости и оплошности, а монаха — посред-
— въ пристрастіи къ пизарровымъ интересамъ. Этотъ ропотъ
ржавался особенно Оргоньецомъ, которымъ притомъ громко
валъ головы Эрнанда. Никогда еще послѣдній не находился въ
страшной опасности, но и здѣсь выручилъ его донъ Діего.

Губернаторъ Перу употреблялъ всевозможныя средства д
освобожденія своего брата и готовъ былъ за его свободу запла
уступчивостью во всѣхъ прочихъ спорныхъ вопросахъ. Заклю
новые переговоры: ихъ рѣшили тѣмъ, чтобы передать дѣло о
граниченіи на судъ короля, а до полученія указа изъ Испаніи К
останется во власти Альмагра, который за эту уступку обязы
немедленно освободить Эрнанда, съ условіемъ, что послѣдній от
вится въ Испанію въ шестинедѣльный срокъ. Такія условія у
творяли обѣ стороны; только одинъ Оргоньецъ былъ ими не
ленъ и предсказывалъ, что альмагрова уступчивость будетъ сто
ему головы.

Альмагро, довольный прекращеніемъ спора и надѣясь на б
пріятное рѣшеніе короля, не хотѣлъ ничего слушать и немед
утвердилъ договоръ. Желая при этомъ случаѣ, по возможно
опять сблизиться съ Пизарромъ, онъ самъ посѣтилъ своего пл
ка и лично извѣстилъ его о скоромъ освобожденіи, при чемъ
явилъ готовность забыть всѣ прежнія ссоры и помнить только
рую дружбу; онъ окончилъ словами надежды, что и Пизарр
дутъ впредь одушевляться подобными же миролюбивыми чувст
Эрнандо, съ видомъ искренности, изъявилъ готовность забы
пріятности и поклялся свято хранить условія договора. После
формальности, Альмагро пригласилъ Эрнанда къ обѣду, на ко
присутствовали всѣ офицеры его войска, и потомъ сынъ А
Діего самъ проводилъ Эрнанда до губернаторскаго лагеря, ку
сеннаго въ городъ Малу. Франциск Пизарро радостно встр
ихъ и пышно угощалъ Дієга, котораго осыпалъ знаками вним
уваженія. Молодой человѣкъ былъ такъ восхищенъ вѣжлив
губернатора, что по возвращеніи въ Куско описывалъ сдѣл
ему пріемъ самыми блестящими красками и не могъ довольно
хвалиться Франциском Пизарром. Слыша такія рѣчи, ста
Альмагро вполнѣ убѣдился, что примиреніе со стороны губерна
было искреннее, и что наконецъ междоусобица рѣшительно прек
щена. Не смотря на давнишнее знакомство, онъ видно еще не
всѣмъ понялъ характеръ Пизарра.

Едва только Діего Альмагро со свитою уѣхалъ изъ Малы, Пиз
ро собралъ всю свою дружину, яркими красками описалъ насил
Альмагра, взятіе Куско, плѣнъ губернаторскихъ братьевъ, гарни
на столицы и альварадова отряда, и призывалъ своихъ подчине
ныхъ къ отмщенію за всѣ эти обиды. Еще во время перегово
Пизарро дѣятельно заботился о военныхъ приготовленіяхъ и с
бралъ въ Лимѣ и Малѣ значительныя силы, превосходившія чи
ломъ корпусъ Альмагра. Но самъ онъ не хотѣлъ принять начальст

войскомъ, отзываясь тѣмъ, что уже довольно подрался на
ъ вѣку и устарѣлъ для военныхъ трудностей; команду же по-
ъ онъ брату своему Эрнанду, только-что освободившемуся изъ
ченія. Эрнандо, какъ-будто бы уважая данную имъ Альмагру
у, отговаривался начальствовать въ этой экспедиціи, ссылаясь
тость своихъ обѣщаній; но Пизарро именемъ короля разрѣ-
его отъ обязанности исполнить обѣщанное и во имя военной
плины требовалъ повиновенія. Эрнандо повиновался, какъ бы
въ воли и только изъ уваженія къ повелѣнію короля, объяв-
му губернаторомъ.

ка разъигрывалась эта комедія, Пизарро послалъ къ Альмаг-
ца съ извѣщеніемъ, что онъ считаетъ перемиріе окончен-
и приглашаетъ Альмагра немедленно удалиться изъ Куско;
е это не будетъ исполнено, то губернаторъ принудитъ его къ
илою и сверхъ того Альмагро будетъ отвѣчать королю за всѣ
дствія междоусобной войны. Получивъ такое извѣщеніе, Аль-
не могъ опомниться отъ изумленія и ужаса и уже поздно рас-
я въ томъ, что повѣрилъ Пизарру и выпустилъ живыми
атьевъ. Вспомнилъ онъ совѣты и слова Оргоньеца, но
было нечего и потерянаго нельзя было возвратить. Онъ
лъ теперь на что́ рѣшиться, потому-что самъ былъ боленъ
ески и морально, вслѣдствіе неумѣреннаго и необузданнаго
ства. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ обратился къ
ьецу и сдалъ ему главное начальство, какъ человѣку вполнѣ
ному и безгранично преданному.

ятельный Оргоньецъ тотчасъ приказалъ занять ущеліе Гвай-
ведшее въ долину Занчалла, на которой былъ расположенъ
ровъ лагерь. Необыкновенная безпечность и довѣренность къ
юбію Пизарра оставили этотъ пунктъ прежде не занятымъ.
ожь, еще до исполненія приказанія Оргоньеца, войско Эрнан-
шло ущеліе, гдѣ десятокъ человѣкъ могли остановить цѣлую
. Счастіе явно начинало измѣнять покорителю Чили.

дя неудачу съ этой стороны и сознавая невозможность удер-
я въ настоящей позиціи, Альмагро обратилъ все свое вниманіе
рону Квито и рѣшился, во что́ бы то ни стало, поспѣть туда
е непріятеля. Больной и не будучи въ состояніи ѣхать вер-
онъ слѣдовалъ въ носилкахъ за войскомъ, спѣшившимъ къ
цѣ; но недалеко отъ Гваманча, въ мѣстечкѣ Билькасѣ, бо-
генерала такъ усилилась, что онъ почти безъ движенія проле-
тутъ цѣлыя три недѣли въ совершенномъ бездѣйствіи.

жду тѣмъ пизарровъ отрядъ, пройдя безъ сопротивленія
рское ущеліе, спустился въ долину Ика, гдѣ войско останови-

лось для отдыха. Самъ губернаторъ провожалъ экспедицію до это мѣста и, сдѣлавъ здѣсь генеральный смотръ отряду, простился с дружиною и возвратился въ Лиму. Главнымъ начальникомъ остал какъ мы уже говорили, Эрнандо, а старшимъ по немъ былъ бра его Гонзало; самъ губернаторъ, сознавая свои физическіе недуг былъ убѣжденъ, что эти пылкіе молодые люди поведутъ дѣло с большею энергіею, чѣмъ онъ самъ, разслабленный годами, труд стями прежнихъ походовъ и, сказать правду, распутною жизнію послѣдніе годы.

Эрнандо, проводя губернатора, обошелъ Ику и сталъ пробират ся въ Куско окольною дорогою, не желая встрѣтиться съ Альма ромъ въ ущеліяхъ Кордильеры, гдѣ легко можно было скрыть г бительную засаду. Природныя трудности этого пути были таков что Альмагро, потерявшій безполезно три недѣли въ Билькасѣ, ис таки прибылъ въ Куско десятью днями раньше Эрнанда. Узнав приближеніи непріятеля, Альмагро созвалъ военный совѣтъ д опредѣленія плана военныхъ дѣйствій. Бо́льшая часть голосов ѣтовала запереться въ городѣ и дѣлать по временамъ вылаз самъ же генералъ полагалъ полезнѣе вступить въ переговоры. Оргоньецъ отвергъ оба эти мнѣнія. Теперь не время переговар ваться — сказалъ онъ Альмагру: — эти проклятые переговоры жется, стоятъ тебѣ довольно дорого и должны бы отучить тебя вѣры въ слова Пизарровъ. Мы уже до половины погибли, н есть надежда все поправить и выйти съ славою и выгодою изъ пріятнаго положенія. Одна рѣшительная побѣда можетъ спас насъ; въ противномъ случаѣ мы всѣ невозвратно погибли. Мнѣ Оргоньеца одержало верхъ, и было рѣшено: — выйдя на долину, да сраженіе. Генералъ, не могшій, по болѣзни, лично начальствовать надъ войскомъ, передалъ команду вѣрному другу Оргоньецу.

Этотъ офицеръ вывелъ изъ города назначенный въ дѣло отрядъ и расположился близъ урочища Ласъ Салинасъ (*Las Salinas*), полу чившаго названіе отъ вырытыхъ въ этомъ мѣстѣ прудовъ, для добыванія соли изъ вытекавшаго здѣсь соляного источника. Мы уж упоминали, что Оргоньецъ былъ храбрый и расторопный офицеръ, когда находился подъ командою опытнаго вождя, но самъ былъ не способенъ играть роль главнокомандующаго. Нельзя было выбрать худшей стратегической позиціи, потому-что изрытая прудами до лина чрезвычайно затрудняла движенія кавалеріи, составлявшей главную силу альмагрова корпуса. Нѣкоторые изъ подчиненныхъ офицеровъ замѣчали Оргоньецу эти невыгоды и убѣждали перемѣ нить позицію; но главнокомандующій упрямо стоялъ на своемъ, го воря, что позиція представляетъ много удобствъ, будучи защищена

болотомъ и маленькою рѣчкою. Эрнандо, приближась къ непріятелю, сталъ противъ него бивуакомъ и рѣшился ожидать нападенія до другаго дня.

Вѣсть о междоусобной войнѣ и предстоявшемъ сраженіи между отрядами двухъ завоевателей пролетѣла далеко по странѣ, и покатости окрестныхъ высотъ были усѣяны туземцами, жаждавшими видѣть, какъ непобѣдимые ихъ утѣснители станутъ истреблять другъ друга. Для нихъ было все-равно, кто бы ни остался побѣдителемъ, и они радовались только тому, что число ихъ мучителей уменьшится. Съ другой стороны, жены и дѣти испанцевъ высыпали изъ города смотрѣть на смертный бой своихъ мужей, отцовъ и братьевъ.

Ночь прошла тихо; величественное солнце взошло въ полномъ блескѣ на безоблачное небо. То была суббота, 26 апрѣля 1538 года. Незадолго до разсвѣта Пизарры разбудили своихъ солдатъ, число которыхъ простиралось до семи сотъ человѣкъ: тутъ были ветераны Пизарра, сподвижники завоеванія, и люди, составлявшіе разбитый Альварадовъ отрядъ; такъ же удальцы, пришедшіе изъ различныхъ колоній на помощь Пизарру, люди, закаленные въ войнахъ съ туземными племенами. У Пизарровъ было менѣе конницы, чѣмъ у Альмагра; но зато у первыхъ была отличная пѣхота, въ авангардѣ которой находилась образцовая рота застрѣльщиковъ, сформированная на островѣ Санъ-Доминго; эти застрѣльщики были вооружены фландрскими ружьями огромнаго калибра, которыя заряжались двумя пулями, связанными желѣзною цѣпочкою. Конечно, эти самопалы были далеко хуже нашихъ настоящихъ ружей, но при тогдашнемъ младенческомъ состояніи огнестрѣльнаго оружія и въ непривычныхъ рукахъ они составляли страшное орудіе смерти. Эрнандо выстроилъ свой отрядъ въ томъ же порядкѣ, какъ и Оргоньецъ, поставивъ пѣхоту въ центрѣ, а конницу на флангахъ: центромъ командовали Гонзало Пизарро и Педро де Вальдивіа, а крыльями — Альварадо и самъ Эрнандо. Этотъ Валдивіа былъ тотъ самый, который впослѣдствіи отличился въ войнѣ противъ аравкановъ.

Передъ сраженіемъ, въ обоихъ противныхъ отрядахъ отслужили молебны и монахи благословили воиновъ, какъ-будто на битву во имя вѣры. Эрнандо обратился къ своимъ людямъ съ краткою рѣчью, въ которой изложилъ всѣ обиды и несправедливости, потерпѣнныя отъ Альмагра, и указывалъ на древнюю столицу инковъ, какъ на достойную награду побѣдителямъ. Послѣ этой рѣчи, принятой съ общимъ восторгомъ, онъ отдалъ приказаніе наступать. Передъ ними бѣкала рѣка, впрочемъ не быстрая и не глубокая: Гонзало съ мечемъ въ рукахъ пошелъ черезъ нее въ бродъ, и за нимъ вся пѣхо-

та совершила этотъ переходъ весьма легко и почти безъ сопротив
нія, потому-что лежавшія по ту сторону болота не позволили ин
леріи приблизиться для защиты переправы. Но какъ скоро пизар
вы солдаты ступили на болотную почву, Оргоньецъ открылъ и
нимъ огонь и успѣлъ привести ихъ въ замѣшательство; одинъ
Гонзало и Вальдивіа успѣли, хотя и съ большимъ трудомъ, вывес
пѣхоту изъ болота. Тотчасъ санъ-домингскіе стрѣлки построил
на отдѣльномъ холмѣ и въ свою очередь мѣткими выстрѣлами и
огромныхъ ружей привели въ смятеніе солдатъ Оргоньеца. Полаг
ясь этою минутою, Эрнандо, соединивъ оба эскадрона конницы,
ударилъ съ ними на фронтъ непріятеля. Пѣхота зашаталась, но Ор
гоньецъ съ конницею явился на выручку. Сѣча была ужасна, и
стукъ оружія и крики сражающихся заглушались пронзительны
воплями и дикимъ ревомъ туземцевъ, усыпавшихъ покатости окр
стныхъ горъ. Здѣсь было дѣло не съ полунагими индѣйцами, н
латники бились противъ латниковъ, съ криками одной стороны: «д
здравствуетъ Пизарро», съ другой стороны— «да здравствуетъ Ал
магро», и съ обѣихъ сторонъ: «во имя Санъ-Яго!»

Эрнандо и Оргоньецъ лично ненавидѣли другъ друга, и оба был
смѣлые воины, а потому, желая сойтись во время битвы, Эрнан
послалъ сказать своему противнику, что онъ надѣнетъ сверхъ ла
оранжевую мантію. Оргоньецъ не забылъ этого вызова; но и
зарровомъ отрядѣ былъ еще одинъ рыцарь, одѣтый въ оранже
мантію, и Оргоньецъ, принявъ его за Эрнандо, пробился къ нем
ударомъ копья сшибъ съ лошади. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сбилъ на
одного рыцаря и разрубилъ голову третьему, какъ вдругъ двойна
цѣпная пуля санъ-домингскаго застрѣльщика пробила наличник
оргоньецова шлема и сильно задѣла его по лбу. Ошеломленный
этимъ ударомъ, онъ не успѣлъ еще опомниться, а лошадь подъ
нимъ была уже убита. Распростертый на землѣ и окруженный
врагами, онъ принужденъ былъ сдаться и отдалъ свой мечъ одном
изъ оруженосцевъ Пизарра, Фуэнтесу; въ это время вѣроломный
солдатъ ударилъ его въ грудь кинжаломъ и пробилъ сердце отваж
наго рыцаря. Голова его, воткнутая на длинный шестъ, долгое
время была выставлена на главной площади Куско, какъ голова из
мѣнника.

Битва длилась болѣе часа, и счастье видимо покидало сподвижни
ковъ Альмагра. Смерть Оргоньеца и мѣткіе выстрѣлы санъ-доминг
ской роты совершенно смутили пѣхоту, которая дрогнула и побѣ
жала прятаться за развалинами, разсѣянными въ долинѣ. Конница,
бывшая подъ командою Педро де Лерма, такъ же заколебалась, и
этотъ рыцарь, предвидя близкое бѣгство своего отряда, рѣшился

ѣло убіеніемъ непріятельскаго вождя. Для этого онъ стре-
› пробился къ Эрнанду Пизарру и вступилъ съ нимъ въ
ство: рыцари ранили другъ друга копьями; но въ эту ми-
ница Альмагра побѣжала, и Лерма, увлеченный бѣгущими,
рошенъ ими съ лошади и израненный остался на полѣ бит-
ецы искали убѣжища въ городѣ.

Альмагро смотрѣлъ на эту битву съ одного изъ сосѣднихъ
и слѣдилъ за всѣми ея случайностями, съ участіемъ чело-
ѣреннаго, что отъ успѣха этой битвы зависятъ его владѣ-
тства, честь и самая жизнь. Съ невыразимою скорбію ви-
ь пораженіе и бѣгство своихъ солдатъ, оказавшихъ въ этотъ
еса храбрости. До послѣдней минуты, пока оставалась еще
адежды, старый генералъ не хотѣлъ покинуть своего обсер-
го пункта; наконецъ, когда бѣгство сдѣлалось общимъ, онъ
мула и поѣхалъ въ городъ, но былъ настигнутъ непріяте-
зятъ въ плѣнъ. Пизарры съ тріумфомъ вступили въ безза-
городъ, ведя съ собою знаменитаго плѣнника, котораго за-
въ ту же самую темницу, въ которой нѣкогда сидѣлъ Эр-
братомъ. Битва длилась не долѣе двухъ часовъ, и сто пять-
ловѣкъ легло убитыми, да почти всѣ кавалеристы были
ны. Ненависть противныхъ партій была такъ сильна, что
литіе длилось еще долгое время по окончаніи общаго сра-

еннаго вниманія заслуживаетъ несчастная участь Лермы.
ный семнадцатью ранами, храбрый рыцарь былъ за-живо
ъ въ Куско, въ домъ одного изъ своихъ друзей. Томясь
и въ предсмертныхъ мукахъ, онъ былъ открытъ и узнанъ
ъ (по имени Самальего), котораго однажды ударилъ въ
несоблюденіе дисциплины. Злодѣй сперва началъ осыпать
› начальника самыми грубыми ругательствами и потомъ,
лый убійца, прекратилъ жизнь и безъ того уже полумерт-
царя. Негодяй въ теченіи пяти лѣтъ хвастался звѣрскимъ
ъ; но дѣло дошло какъ-то до ушей губернатора Пуертото-
тотъ приказалъ повѣсить гнуснаго злодѣя.

со Эрнанда ворвалось въ Куско по слѣдамъ альмагровыхъ
ъ. Поле битвы осталось во власть туземцамъ, которые
съ окрестныхъ высотъ и обобрали до нитки убитыхъ и
ыхъ раненыхъ, изъ которыхъ многимъ нанесли смертельные

о время столпилось въ Куско до тысячи трехъ сотъ испан-
ихъ партій: этотъ сбродъ не могъ не безпокоить Эрнанда.
ли и личные враги, слѣдившіе за каждымъ его шагомъ, и

пріятели недававшіе ему покоя своими просьбами и требованіями. Не довольствуясь богатою добычею, найденною во дворцѣ и кладовыхранилищѣ Альмагра, они выставляли свои заслуги и въ награду себѣ требовали снаряженія экспедиціи внутрь страны, гдѣ надѣялись найти груды золота. Пизарро, желая отвязаться отъ докучныхъ друзей, а вмѣстѣ удалить и опасныхъ враговъ, согласился дозволить снаряженіе экспедиціи. Въ матеріяльномъ отношеніи она принесла мало выгоды, хотя, ознакомивъ испанцевъ съ мѣстностью, проложила удобную дорогу будущимъ завоеваніямъ.

Первымъ дѣломъ Эрнанда, послѣ водворенія порядка въ завоеванной столицѣ, было удаленіе оттуда альмагрова сына Діега, которого онъ отправилъ за конвоемъ въ Лиму. Самъ же Альмагро изнемогалъ отъ физической боли и нравственныхъ страданій; но Эрнандо не желалъ, чтобы соперникъ его брата кончилъ дни свои естественнымъ образомъ, и потому, за недостаткомъ медицинскихъ средствъ, поддерживалъ силы угасавшаго старца обѣщаніемъ скораго освобожденія, которое должно было послѣдовать немедленно по пріѣздѣ губернатора въ Куско. Желая будто бы ускорить освобожденіе, онъ предлагалъ плѣннику ѣхать самому для свиданія съ Пизарромъ въ Лиму и даже отдавалъ приказанія объ устройствѣ покойныхъ носилокъ для больного носилокъ; а между тѣмъ постоянно посылалъ узнику кушанья съ собственнаго стола, чтобы по возможности поддержать угасающія силы. Такая внимательность и надежда на скорое освобожденіе какъ нельзя содѣйствовали къ поправленію альмагрова здоровья. Несчастный плѣнникъ не зналъ, что его холятъ какъ теленка на убой, и что цѣлая коммиссія наряжена для произнесенія надъ нимъ приговора.

Въ-самомъ-дѣлѣ, тотчасъ послѣ взятія города было объявлено, что всякой имѣющій въ чемъ-либо обвинить Альмагра можетъ явиться съ доносомъ. У кого изъ людей съ властію нѣтъ враговъ? А у Альмагра ихъ было чрезвычайно много; многіе даже изъ облагодѣтельствованныхъ имъ спѣшили взводить на него, безъ разбора, правду и небылицу, въ надеждѣ подслужиться тѣмъ побѣдителю. Доносы умножились до того, что въ скоромъ времени составился обвинительный актъ, заключавшій въ себѣ не менѣе двухъ тысячъ листовъ.

Плѣнному генералу ставили въ вину междоусобныя войны, стоившія жизни многимъ изъ подданныхъ короля, мнимые заговоры съ инкою противъ испанской короны и изгнаніе королевскаго намѣстника изъ столицы. Признанный виновнымъ по всѣмъ этимъ пунктамъ, онъ былъ приговоренъ къ смертной казни, которая должна была совершиться публично на главной площади Куско. Этотъ приговоръ былъ объявленъ осужденному, ничего не знавшему о про-

вшемъ надъ нимъ судѣ и ожидавшему скораго освобожденія.
сначала никакъ не могъ повѣрить такому вѣроломству со сто-
ы Эрнанда и на-отрѣзъ отвѣчалъ монаху — вѣстнику смерти,
не вѣритъ его словамъ. Пораздумавъ немножко, онъ приказалъ
ить къ себѣ Эрнанда, чтобы отъ него самаго услышать истину.
ачь нехотя явился на преждевременный зовъ жертвы. Услышавъ
свержденіе страшной вѣсти, Альмагро кинулся на колѣни и умо-
ъ Эрнанда пощадить его жизнь, ради прежней дружбы съ Пизар-
ъ и въ вознагражденіе помощи, оказанной имъ при завоеваніи
ру: уже и безъ того старику осталось немного дней жизни. Эр-
до холодно и почти съ презрѣніемъ выслушалъ всѣ эти моленія
упрекая его въ уничиженіи, недостойномъ рыцаря, совѣтовалъ
ше приготовиться къ смерти, какъ слѣдуетъ христіанину. Но
магро, все еще надѣясь смягчить своего палача, вспомнилъ о
адѣ, оказанной Эрнанду во время его узничества, несмотря на
тивныя убѣжденія Оргоньеца и бо́льшей части офицеровъ; на-
ецъ, видя, что пизарровъ братъ остается холоденъ какъ камень,
вилъ ему гнѣвомъ короля за произвольное убійство кастильскаго
рала и королевскаго намѣстника провинціи Чили. И эти дово-
нисколько не поколебали Эрнанда: онъ вышелъ изъ темницы,
ря, что произнесенный приговоръ будетъ неизбѣжно испол-
ъ.

По уходѣ неумолимаго врага, Альмагро потерялъ всякую надежду
асеніе отъ казни и занялся составленіемъ духовнаго завѣщанія.
илѣ королевской инвеституры, онъ имѣлъ право самъ назначить
преемника, и потому завѣщалъ подвластную ему провинцію
своему малолѣтнему сыну, подъ опекою Діега де Альварада,
ого изъ отличнѣйшихъ офицеровъ чилійскаго отряда; всѣ же
сокровища онъ завѣщалъ королю, желая и за гробомъ пользо-
ся вниманіемъ своего государя и возбудить въ немъ сожалѣніе
огибели человѣка, павшаго отъ противозаконныхъ и насиль-
нныхъ мѣръ Пизарра.

Слухъ о предстоящей казни между тѣмъ разнесся по городу и
извелъ на жителей весьма глубокое впечатлѣніе. Когда узнали,
жребій узника невозвратно рѣшенъ, то проявилось всеобщее
олѣзнованіе къ падшему полководцу, и всякой наперерывъ хва-
ъ его добрыя качества, извиняя по возможности дурныя; даже
и обвинители Альмагра, не воображавшіе, что дѣло зайдетъ такъ
еко, роптали на жестокость Эрнанда и готовы были отступиться
прежнихъ своихъ навѣтовъ. Всѣ удивлялись, какъ осмѣлился
ландо, лицо второстепенное и облеченное только временно выс-
о распорядительною властію, судить такого важнаго и значитель-

наго человѣка, носившаго званіе королевскаго намѣстника и гу
натора. Благоразумнѣйшіе изъ офицеровъ старались отклонить
заррова брата отъ исполненія приговора, произнесеннаго так
думанно и который долженъ повлечь за собою непремѣнныя бѣдст
Но Эрнандо не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ, и все, къ
могли его уговорить благонамѣренные сподвижники, состояло то
въ приказаніи умертвить Альмагра въ темницѣ, а неказнить его
блично на площади, какъ было предположено.

Въ назначенный для казни день караулы у домовъ главнѣй
приверженцевъ Альмагра были удвоены и значительный отр
воиновъ былъ выстроенъ на площади. Священникъ вошелъ
темницу осужденнаго и послѣ краткой исповѣди причастилъ его
Тайнъ, послѣ чего несчастный узникъ съ христіянскимъ смирен
предался своей участи. Вслѣдъ за вышедшимъ священникомъ
шелъ въ темницу палачъ, и казнь отважнаго завоевателя соверш
посреди мрака и безмолвія тюрьмы. Какъ только замерли послѣ
судороги трупа, онъ былъ вытащенъ на площадь, и здѣсь отру
ему голову. Герольды между тѣмъ ѣздили по городу и на
дяхъ и перекресткахъ повторяли исчисленіе преступленій, за
рыя былъ осужденъ казненный. Обезглавленный трупъ до
лежалъ на площади и при наступленіи мрака отвезенъ въ дом
магрова друга, рыцаря Эрнана Понса де Леонъ, который на
день похоронилъ бренные остатки чилійскаго намѣстника
подобающею церемоніею и пышностію. За гробомъ шли всѣ
цы въ глубокомъ траурѣ и впереди прочихъ оба Пизарра,
женные повидимому въ неутѣшную горесть. Многіе изъ прис
вовавшихъ вспомнили тутъ, что самъ Франциско Пизарро,
Атахуальпу, разъигралъ подобную же комедію.

Казненному было около 70 лѣтъ отъ роду, хотя и невозмож
точностію опредѣлить годъ его рожденія. Онъ былъ одаренъ
природы отличными способностями, а пороки его были слѣдст
недостатка воспитанія и дурного общества, въ которомъ онъ про
почти всю свою жизнь. Подкидышъ, возросшій безъ надзора и
ководителя, онъ естественно долженъ былъ поддаться соблазну
вратной жизни. Сильныя страсти, находившія столько пищи посре
треволненій военной жизни, заглушали въ немъ часто голосъ вр
деннаго великодушія и побуждали къ мстительности и вѣроломст
Несмотря на крайнюю жестокость къ индѣйцамъ, почти об
тогда между испанскими завоевателями, Альмагро болѣе дру
европейцевъ пользовался любовію и довѣріемъ туземныхъ жите
Открытый характеръ и щедрость дѣлали его идоломъ солдатъ,
всегда былъ готовъ пособить нуждавшемуся въ деньгахъ вошу,

я воротятся ли его деньги. Храбрый и расчетливый, хотя и не
льный, полководецъ, онъ глубоко обдумывалъ планы своихъ
едицій и рѣшившись однажды твердо держался предначертаннаго
. Одаренный личною храбростію, онъ всегда кидался въ опасно-
весь былъ покрытъ ранами. Но въ политической хитрости онъ
не по-плечу Пизарру, которому хотя равнялся въ физическихъ,
гупалъ въ умственныхъ способностяхъ. Въ особенности сдѣлалъ
въ концѣ своего поприща двѣ великія ошибки, бывшія глав-
причинами его гибели. Во-первыхъ, онъ силою оружія хотѣлъ
дѣлить границы между Чили и Перу, предметъ, требовавшій
покровнаго разсужденія и миролюбивыхъ соглашеній; во-вто-
, завоевавъ Куско и плѣнивъ двухъ Пизарровъ и значительный
дъ войска перуанскаго губернатора, онъ вступилъ съ ними въ
говоры и понадѣялся на слова и обѣщанія людей, которыхъ вѣ-
мство было ему слишкомъ хорошо извѣстно. За эти ошибки
агро поплатился жизнію.

Пора намъ воротиться къ маркизу Пизарру, который, простясь
рнандомъ, поѣхалъ въ Лиму и тамъ съ мучительнымъ безпо-
ствомъ ждалъ извѣстій объ успѣхѣ экспедиціи противъ Альмаг-
Получивъ радостную вѣсть о ласъ-салинасской побѣдѣ, губер-
ръ немедленно отправился въ Куско, однакожь, не доѣхавъ до
ицы, остановился въ Хаухѣ. Онъ сдѣлалъ это изъ опасенія при-
въ Куско ранѣе окончанія суда надъ Альмагромъ, хотя и по-
видъ, что боится ѣхать безъ сильнаго прикрытія по мѣстамъ,
о населеннымъ возмутившимися перуанцами. Вслѣдъ за прибы-
ь маркиза въ Хауху, явился туда альмагровъ сынъ Діего, вы-
ный Эрнандомъ изъ Куско. Несчастный юноша, прощаясь съ
мъ, былъ полонъ самыхъ горестныхъ предчувствій, но неожи-
о ласковый пріемъ Пизарра оживилъ его новыми надеждами.
ренный вниманіемъ губернатора, онъ палъ предъ нимъ на ко-
, умоляя пощадить жизнь престарѣлаго и больного отца, и въ
ъ ходатайствѣ былъ подкрѣпленъ просьбами главнѣйшихъ
вижниковъ завоеванія, и увѣщаніями епископа Вальверде, при-
вшихъ самое живое участіе въ судьбѣ Альмагра. Губернаторъ
илъ всѣхъ, что за жизнь его стараго союзника опасаться нечего,
ъ поводъ надѣяться на возстановленіе прежнихъ дружескихъ
пеній между намѣстниками. Успокоенный Діего поблагодарилъ
иза и отправился въ Лиму, гдѣ ему была отведена квартира въ
наторскомъ домѣ.

ромедливъ еще нѣсколько дней въ Хаухѣ, Пизарро поѣхалъ въ
о, но разсчиталъ время такъ, что не доѣзжая до Абанкая полу-
извѣстіе о казни Альмагра. Тутъ разъигралъ онъ комедію

какъ искусный актеръ: услышавъ, какъ бы неожиданно, стр
ную вѣсть, онъ затрясся всѣмъ тѣломъ и потомъ простоялъ дол
время ничего не говоря и повѣсивъ голову. Все это конечно бы
одною личиною, потому-что Пизарру были извѣстны малѣйшія п
робности суда надъ Альмагромъ. Современные историки разска
ваютъ, что по окончаніи суда Эрнандо послалъ къ маркизу го
съ вопросомъ: что́ дѣлать съ Альмагромъ? на это губернаторъ о
вѣчалъ: поступи съ нимъ такъ, чтобы онъ никогда впередъ н
могъ вредить Пизаррамъ! Самъ Эрнандо, подпавъ впослѣдствіи о
вѣтственности за самовольную казнь Альмагра, извинялся тѣм, чт
исполнилъ волю намѣстника, который имѣлъ право приказыв
именемъ короля въ завоеванномъ краѣ. Смѣшно было бы дум
что Франциск Пизарро ничего не зналъ о намѣреніи брата с
относительно подсудимаго, и что Эрнандо самовольно рѣшился п
нить такое важное лицо.

Послѣдующія дѣйствія Пизарра свидѣтельствуютъ, что он
сколько не раскаявался въ кровавой развязкѣ, которою окончи
вражду съ своимъ соперникомъ. Съ торжествующимъ видомъ в
богатой одеждѣ, подаренной ему Кортецомъ, въѣхалъ онъ въ Кн
сопровождаемый блестящею свитою. Громъ трубъ и литавръ ви
щалъ шествіе намѣстника, и тысячи народа привѣтствовали по
носнаго властителя.

Діего де Альварадо, заботливости котораго Альмагро порт
участь своего сына, старался выхлопотать у Пизарра подтвержде
альмагрова завѣщанія; но перуанскій губернаторъ отвѣчалъ, ч
казненный генералъ, виновникъ междоусобной войны, лишил
себя этимъ всякаго права на удѣлъ, и слѣдовательно не могъ рас
лагать имъ въ пользу своего сына. Альмагровъ удѣлъ былъ приса
диненъ къ губернаторству Перу.

Честолюбивый маркизъ, побѣдивъ одного соперника и зав
дѣвъ его областію, рѣшился прибрать къ рукамъ и другого, имен
Бенальказара, завоевателя Квито. Ясно было видно, что Бенальк
заръ принималъ всѣ мѣры для утвержденія владычества въ пок
ренной имъ странѣ, независимо отъ всякаго вліянія перуанскаго г
бернатора; потому послѣдній еще раньше описанныхъ нами тепе
событій отправилъ въ Квито эмиссаровъ съ тайнымъ порученіем
захватить Бенальказара или хитростію завлечь его въ Лиму. Но з
воеватель Квито, распространившій далеко на сѣверъ свои побѣд
успѣлъ избѣгнуть козней Пизарра и отправился въ Испанію дл
исходатайствованія награды за свои подвиги.

Восторжествовавъ въ борьбѣ, которая угрожала гибелію ему с
мому, Пизарро далъ почувствовать побѣжденнымъ всю тяжесть сво

неудовольствія за сопротивленіе. Онъ жестоко притѣснялъ туземцевъ, которыхъ считалъ расположенными къ интересамъ Альмагра, и показывалъ при всякомъ случаѣ самое унизительное пренебреженіе къ сподвижникамъ казненнаго генерала. Эрнандо съ своей стороны старался щедростію и ласками привлечь къ себѣ побѣжденныхъ; братъ же его Франциск тѣснилъ противную партію, отбивалъ отъ нея имущество и владѣнія и отдавалъ ихъ своимъ клевретамъ, такъ-что многіе изъ офицеровъ Альмагра, быстро повергнувшись въ нищету, бѣжали изъ столицы, дабы не оставлять себя въ добычу ограбившимъ ихъ побѣдителямъ.

Теперь губернаторъ не хотѣлъ болѣе знать никакой мѣры въ удовлетвореніи своей воли. Братьямъ своимъ отмежевалъ онъ такіе удѣлы и обогатилъ ихъ до того, что возбудилъ всеобщій ропотъ надъ собственными сподвижниками. Желая еще болѣе раздвинуть предѣлы своихъ владѣній, онъ поручилъ Гонзалу сильный отрядъ для покоренія чаркасовъ (Charcas), народа, жившаго въ одной изъ провинцій, предназначенныхъ королемъ въ удѣлъ Альмагру. Храбрые туземцы упорно сопротивлялись завоевателямъ, и покореніе обошлось испанцамъ не дешево. Гонзало и Эрнандо были награждены за свои побѣды богатыми и обширными помѣстьями въ округѣ Порко. Гористая мѣстность этихъ земель заключала въ себѣ серебряныя копи, разработывавшіяся еще во времена инковъ и послѣдствіи наводнившія Европу драгоцѣнными металлами: то были знаменитые рудники Потози.

Эрнандо, вступивъ во владѣніе новоподаренными ему помѣстьями, успѣлъ постигъ огромную важность богатствъ, заключающихся въ его нѣдрахъ, и повелъ разработку въ увеличенныхъ размѣрахъ и съ большею, чѣмъ прежде, правильностію. Но неистощимыя жилы благороднаго металла, прославившія впослѣдствіи Потози, укрылись отъ жадныхъ поисковъ писаррова брата и были найдены впослѣдствіи счастливою случайностью. Разсказываютъ, что индѣецъ, вырывая изъ земли кустарникъ, замѣтилъ на корняхъ его множество крупинокъ серебра, и открылъ такимъ образомъ мѣстонахожденіе богатѣйшей жилы, которую стали обработывать въ 1545 году.

Эрнандо заботился теперь о собраніи сколь возможно большаго количества драгоцѣнныхъ металловъ, собираясь отправиться съ своими сокровищами въ Испанію. Прошелъ уже годъ послѣ казни Альмагра, и палача давно требовали къ кастильскому двору. Донъ Педро де Альварадо, затаивши глубокую ненависть къ прежнему сопернику, удалился въ Кастилію и обвинялъ убійцъ своего бывшаго начальника, требуя суда и наказанія виновныхъ и возвращенія несчастному сыну удѣла, пожалованнаго злодѣйски казненному

отцу. Эрнандо, довѣряя могуществу золота, котораго имѣлъ м
много, не боялся этихъ происковъ и спокойно продолжалъ наб
свои сундуки, предоставляя защитникамъ памяти Альмагра вол
о наказаніи убійцъ.

Наконецъ однакожь должно было послушаться приказа коро
ѣхать въ Испанію. Передъ отъѣздомъ онъ совѣтовалъ губерн
опасаться *чилійцевъ*, разумѣя подъ этимъ названіемъ друзей А
магра. Эти люди, угнетенные, доведенные до нищеты и раздра
ные въ высшей степени, готовы были рѣшиться на всякую
ность для наказанія своихъ побѣдителей и искали удобнаго сл
удовлетворить справедливой мести за обиды и насилія. Эрнандо у
варивалъ губернатора запретить этимъ людямъ всякія сходби
разослать ихъ по разнымъ мѣстамъ, не позволяя имъ приближ
къ столицѣ на разстояніи пятидесяти лигъ; сверхъ того сов
онъ Франциску окружить себя сильною стражею тѣлохранит
Отважный маркизъ, не знавшій характера своихъ враговъ, см
надъ опасеніями Эрнанда и не хотѣлъ принимать никакихъ м
предосторожности, считая себя особою, которой не осмѣлятся
нуться месть сообщниковъ казненнаго соперника. Эрнандо, вид
Франциска не переувѣришь, простился съ нимъ и отправил
Европу. Это происходило въ 1539 году.

Опасаясь насилія со стороны мѣстныхъ властей въ Панам
нандо не поплылъ туда, а выйдя на берегъ въ заливѣ Тем
пекъ, сталъ тайкомъ перебираться черезъ узкій перешеекъ
этомъ пути онъ былъ пойманъ и приведенъ къ вице-королю Пе
дозѣ, который впрочемъ, не считая себя вправѣ подвергать ар
ника судебному изслѣдованію, приказалъ его освободить и пр
ставить ему волю продолжать путь, куда пожелаетъ. Эрнандо
Вера-Круца поплылъ въ Европу; но, желая сперва узнать о т
какъ будетъ принятъ въ Испаніи, онъ остановился у Азорск
острововъ и оттуда написалъ къ сильнымъ покровителямъ, с
рыхъ имѣлъ при дворѣ, прося ихъ защиты. Получивъ успокоите
ный отвѣтъ, онъ опять пошелъ въ море и благополучно достигъ
рега Испаніи.

Дворъ въ это время находился въ Вальядолидѣ. Эрнандо пр
туда, окруженный царскою пышностію, свидѣтельствовавшею о
смѣтныхъ богатствахъ, пріобрѣтенныхъ имъ въ Перу. Но пріем
ему сдѣланный, былъ чрезвычайно холоденъ, благодаря происк
дона Діего де Альварада, человѣка, имѣвшаго знатную родню и по
зовавшагося могущественными связями при дворѣ. Несмотря на
изворотливый умъ Эрнанда, при пособіи золота, щедро расточаемаго,
умѣлъ перетолковать казнь Альмагра и представить безаконно

ство въ выгодномъ для убійцы свѣтѣ. Мало-по-малу общественное мнѣніе измѣнилось, негодованіе замолкло и справедливость су-
наряженныхъ для изслѣдованія дѣла, поколебалась. Раздражен-
и сдлительностію юридическихъ формъ и будучи ближе знакомъ
енными натисками, чѣмъ съ интригами испанскихъ грандовъ,
де Альварадо предложилъ Эрнанду рѣшить споръ ихъ поедин-
. Осторожный Пизарро не хотѣлъ однакожь ввѣриться сомни-
ому счастію оружія и прибѣгнулъ къ другому, вѣрнѣйшему
ству побѣды: черезъ пять дней послѣ вызова, Діего умеръ,
вленный, какъ говорятъ, подкупленными Пизарромъ людьми.
меръ Діего, но доносы его остались цѣлы, и Эрнанду было
чѣмъ призадуматься. Насильственныя мѣры, жертвою кото-
ь палъ Альмагро, отзывались такимъ наглымъ самоуправствомъ
езрѣніемъ законовъ, что дѣло не могло пройти даромъ, безъ
ведливаго возмездія. Формальнаго судебнаго приговора не было
ано, однакожь было рѣшено келейнымъ образомъ — посадить
цу на 20 лѣтъ въ крѣпость. Съ этою цѣлію избрали крѣпкій за-
ъ Медина-дель-Кампо и засадили туда альмагрова побѣдителя.
Тяжкая доля постигла Эрнанда: его честное имя и слава, стяжан-
прежними подвигами, запятнаны были неизгладимымъ позоромъ,
дущее рисовалось самыми мрачными красками. Пока длилось
заточеніе, вымерли одинъ за другимъ его братья, родственники,
ья и приверженцы, словомъ, всѣ, отъ кого онъ могъ ждать при-
и помощи. Бо́льшая часть его огромнаго богатства взята въ
ну; остальное же мало-по-малу поглотилось раззорительнымъ
цессомъ. Самый сильный характеръ могъ бы тутъ поколебаться
асть въ отчаяніе; но узникъ перенесъ всѣ испытанія съ изуми-
ною твердостію. Двадцать лѣтъ высидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, и
ко въ 1560 году, когда время миротворною рукою загладило
авые слѣды прошедшаго, выпустили изъ темницы маститаго,
власаго старца, одряхлѣвшаго тѣломъ и душою и возбуждав-
о уже не чувство негодованія, а невольную жалость. Освобож-
ый узникъ еще долгое время прожилъ въ тишинѣ уединенія и
чался столѣтнимъ старцомъ. Родные, друзья и соперники, съ
рыми онъ подвизался на поприщѣ жизненной дѣятельности,
прежде его слегли въ могилу.

ичность Эрнанда замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ
шій изъ Пизарровъ и единственный законный сынъ ихъ отца;
его происходила изъ знатной фамиліи. По тогдашнему времени,
получилъ превосходное воспитаніе, а военное свое поприще на-
ь въ отличной школѣ итальянскихъ походовъ. Возвратившись
одину, онъ жилъ въ безвѣстности, пока завоеваніе Перу не от-

крыло ему обширнаго круга дѣйствій, въ которомъ онъ отличал
своими блестящими качествами. Братъ его Франциско питалъ к
нему любовь смѣшанную съ искреннимъ уваженіемъ и слушался е
совѣтовъ, всегда благоразумныхъ, когда только страсти не помр
чали ума эрнандова, въ которомъ блестящія качества соединял
съ непомѣрнымъ честолюбіемъ, надменностью, упрямствомъ, н
примиримою мстительностью, презрѣніемъ къ чужимъ достоин
ствамъ и скупостью. Къ Альмагру онъ питалъ ненависть съ пер
ваго дня знакомства и видѣлъ въ немъ уже тогда не вѣрнаго и
надежнаго сподвижника, а опаснаго соперника; этихъ чувствъ он
не скрывалъ предъ самимъ Альмагромъ, не говоря уже о томъ, ч
при каждомъ удобномъ случаѣ чернилъ его заочно, особливо п
испанскомъ дворѣ. Попавшись въ руки врага, онъ думалъ поплати
ся жизнію за нанесенныя ему обиды, но когда Альмагро отпусти
его, то первымъ дѣломъ освобожденнаго плѣнника было наруше
клятвенно подтвержденныхъ условій, нападеніе на человѣка, пощ
дившаго его жизнь, и наконецъ казнь Альмагра, во всѣхъ отноше
ніяхъ незаконная и неоправдываемая никакими обстоятельствам
Напрасно искалъ Эрнандо цѣною золота смыть съ себя это пят
потерею всего имущества и почестей и долгимъ заключеніемъ п
платился убійца за свое преступленіе.

Пока совершался судъ надъ Эрнандомъ, неустройства въ
дошли до невѣроятной степени, и всѣ священнѣйшія права, не т
туземцевъ, но даже испанцевъ, были попираемы безъ всякаго п
бора. Испанское правительство понимало всю необходимость вве
въ этомъ отдаленномъ краѣ правильную администрацію, но видѣл
притомъ всю трудность выполненія такого плана. Чрезвычайно
разстояніе не дозволяло ни быстроты сношеній, ни строгаго контр
ля за дѣйствіями мѣстныхъ властей; къ тому же власть Пизарр
мало-по-малу упрочилась въ цѣломъ Перу, и онъ, сознавая собствен
ную силу, старался отклонять отъ себя всякаго рода надзоръ или п
стороннее вмѣшательство въ дѣла его управленія. Испанскій дворъ
зная характеръ Пизарра, не безъ основанія опасался, что при пер
вомъ знакѣ явнаго неудовольствія перуанскій губернаторъ отложит
ся отъ матери-отчизны и объявитъ себя независимымъ; поэтому
не могли рѣшиться на предложенную противъ него мѣру: назначит
слѣдственную коммиссію для разбора на мѣстѣ всѣхъ поступковъ
дѣйствій губернатора и, до окончанія слѣдствія, отрѣшить его отъ
управленія намѣстничествомъ. Такая мѣра возможна была только съ
Кортецомъ и другими правителями, которыхъ преданность ко
ронѣ была вполнѣ несомнѣнна; пизаррова же вѣрность королю был
основана на одномъ только расчетѣ, и онъ былъ окруженъ людьми,

орые не безъ удовольствія увидали бы отложеніе Перу отъ Испа-
и основаніе въ завоеванной странѣ независимой монархіи.

Въ этихъ обстоятельствахъ было придумано слѣдующее сред-
о. Рѣшились противоставить Пизарру лицо, которое, находясь въ
ошеніи къ нему въ наружной подчиненности, имѣло бы въ са-
мъ дѣлѣ право наблюдать за его поступками и пользовалось бы
ствительною властью, не уступающею власти губернатора. Эта
дная роль была поручена лиценціату Вако де Кастро (Vaco de
го), одному изъ членовъ Мадритскаго Королевскаго судилища.
ва о его честности и благоразуміи, обширныя юридическія по-
нія и всеобщее уваженіе, которымъ онъ пользовался, обратили
его вниманіе индѣйскаго совѣта. Повидимому выборъ былъ не
ѣмъ удаченъ, потому-что лиценціатъ не имѣлъ рѣшительно ни-
ихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, но зато Кастро отличался
ніемъ людей и умѣлъ пользоваться чужими дарованіями.

Вако де Кастро неохотно взялъ на себя чрезвычайно трудную
занность, возложенную на него правительствомъ. Онъ долженъ
ъ явиться къ Пизарру въ качествѣ *королевскаго судьи*, послан-
о для того, чтобы мудрыми совѣтами и опытностью споспѣше-
овать къ истребленію злоупотребленій, на которыя такъ громко
овались, особливо несчастные угнетенные туземцы; подъ рукою
было поручено ему заняться сколь возможно точнымъ и подроб-
имъ изслѣдованіемъ страны во всѣхъ отношеніяхъ, съ цѣлію ко-
е познакомить кастильскій дворъ съ Перу и его средствами. Въ
олевскомъ указѣ о назначеніи Вака де Кастра было между про-
имъ сказано, что въ случаѣ смерти Пизарра королевскій судья
екается властію намѣстника.

Получивъ нужныя инструкціи, Кастро отправился изъ Вальядо-
а въ Севилью и оттуда осенью 1540 года поплылъ въ Америку.
стигнувъ Панамы, онъ перебрался черезъ перешеекъ и опять по-
ылъ водою къ мѣсту своего назначенія; но на Великомъ океанѣ
тали его сильныя бури, которыя чуть не разбили утлое судно
ценціата и заставили его зайти въ гавань Бонавентуры. Плачев-
состояніе здѣшняго края показало лиценціату, что и здѣсь его
исутствіе весьма необходимо.

Послѣднія междоусобія такъ потрясли всю страну, что произве-
ное ими волненіе еще не утихло въ эпоху пріѣзда королевскаго
ьи. Особенная неурядица царствовала въ такъ называемыхъ *ре-
тимьентахъ*, или отдѣльныхъ помѣстьяхъ, распредѣленныхъ ме-
завоевателями. Эти помѣстья такъ часто переходили изъ однихъ
ъ въ другія и притомъ безъ соблюденія малѣйшихъ законныхъ
ормальностей, а по большой части по праву сильнаго, что несчаст-

ные туземцы, не зная, кого считать настоящимъ владѣльцемъ, и
вергались всевозможнымъ утѣсненіямъ. Военачальники враждо
другъ съ другомъ и отнимали поочередно другъ у друга владѣ
такъ-что народъ рѣшительно не зналъ, кому повиноваться и на
жаловаться на грабителей, при чемъ получалъ большое недовѣріе
власти верховнаго владыки, царившаго далеко за морями и не ум
шаго держать въ порядкѣ и повиновеніи своихъ намѣстниковъ. С
нимъ словомъ, перуанцы были одушевлены самыми непріязнен
ми къ европейцамъ чувствами. Инка Манко не упустилъ воспол
заться такимъ расположеніемъ умовъ и, покинувъ свое уедин
набралъ порядочное войско, съ которымъ засѣлъ въ ущельяхъ Кор
дильеры, отдѣлявшей Куско отъ прибрежья. Отсюда дѣлал
вылазки на испанскія помѣстья, грабилъ ихъ и убивалъ посѣ
цевъ; часто перехватывалъ онъ гонцовъ, путешественниковъ и
большіе отряды, проходившіе чрезъ ущелія; плѣнныхъ испан
предавали жесточайшимъ мукамъ. Снаряженныя противъ Манко
спедиціи не принесли никакой пользы: одни изъ нихъ не усп
добраться до инки, а другія терпѣли отъ него пораженія, так
въ одномъ случаѣ онъ истребилъ отрядъ, состоявшій изъ трид
всадниковъ.

Наконецъ Пизарро увидѣлъ необходимость выслать против
сильный отрядъ, подъ командою брата своего Гонзала. Завя
упорная и продолжительная борьба, въ которой дикія скалы Ан
обильно оросились кровію. Инка терпѣлъ частыя пораженія и
чительные уроны, однакожь не унывалъ и, постоянно ускользая
рукъ испанцевъ, продолжалъ вести войну. Несмотря на всѣ хит
сти Гонзала, Манко послѣ каждаго пораженія скрывался въ тай
убѣжища среди Андовъ, и всѣ усилія открыть эти тайники оста
лись безуспѣшными, благодаря неколебимой преданности и рѣдк
самоотверженію сподвижниковъ инки.

Видя безуспѣшность военныхъ мѣръ, принятыхъ для усмир
инки, Пизарро прибѣгнулъ къ мирнымъ переговорамъ. Это предл
женіе было сдѣлано отъ имени Пизарра и епископа энархіи Куск
человѣка, къ которому Манко питалъ глубокое уваженіе. Впрочем
перуанскій принцъ отказался отъ свиданія съ епископомъ, который
будучи лицомъ подчиненнымъ Пизарру, не могъ представить дост
точнаго ручательства своего полномочія; но съ губернаторомъ он
согласился видѣться въ долинѣ Юкая. Въ назначенное время, Пизар
ро отправился туда съ большою свитою и сильнымъ конвоемъ, от
правивъ предварительно къ Манкѣ богатые дары; но посланный съ
подарками попалъ на толпу индѣйцевъ, которые его убили и огра
били. Получивъ извѣстіе объ этомъ происшествіи и считая его дѣ

инки, Пизарро рѣшился отплатить ему жестокою местію. Въ
ѣ плѣнницъ находилась у него одна изъ жонъ инки, красавица
о, къ которой инка былъ страстно привязанъ: Пизарро прика-
раздѣть ее до-нага въ присутствіи всего войска и, привязавъ
реву, засѣчь до смерти розгами. Страдалица, зная безполез-
просьбъ, съ геройскимъ терпѣніемъ перенесла страшныя му-
во все продолженіе казни не выронила ни одной жалобы, ни
о стенанія. Такая необыкновенная твердость въ слабомъ тѣлѣ
ила суровыхъ палачей, привыкшихъ къ пролитію крови, и они
и противъ воли доканали несчастную жертву.

Гадобно было однакожь прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ,
ъ подавить возстаніе туземцевъ. Пизарро придумалъ пособить
устройствомъ испанскихъ поселеній въ центрѣ возмутившихся
ицій и постройкою укрѣпленныхъ зданій для военныхъ ко-
стовъ, которымъ отдавались въ собственность окрестныя зем-
вмѣстѣ съ ихъ жителями. Эта приманка сильно подѣйствовала
ногихъ испанскихъ бродягъ, которые быстро населили устроен-
колоніи, перебираясь туда на жительство вмѣстѣ съ жонами и
йствами. Бывшія пустыни стали оживляться, и отдѣльные фор-
служили складочными мѣстами для внутренней торговли, достав-
въ случаѣ нужды защиту отъ туземцевъ, которыхъ впрочемъ
ные колонисты держали въ строгомъ повиновеніи.

Одно изъ такихъ поселеній возникло въ Гваманге, на половинѣ
между Кускомъ и Лимою: оно оказало важныя услуги каса-
но безопасности сношеній между обѣими столицами. Другое по-
ніе въ широкомъ размѣрѣ, скоро превратившееся въ городъ,
одилось въ округѣ Чаркасѣ, богатомъ рудниками, и поэтому по-
ло названіе Вилла де ла Плата (*Villa de la Plata*), то есть *го-
серебра*. Третье изъ упомянутыхъ поселеній, прославившееся
дѣйствіи торговлею, было Арекипа (*Arequipa*), заложенное са-
ъ Пизарромъ, возвращавшимся изъ Куско въ Лиму береговым-
мъ.

Устройство этихъ городовъ сильно занимало губернатора; впро-
ь онъ не терялъ изъ виду и другихъ поселеній, мало-по-малу
икавшихъ на берегу Тихаго океана. Разныя мѣры были приня-
ля усиленія торговыхъ сношеній съ провинціями сѣвернаго
у и къ облегченію сообщеній столицы съ другими частями мо-
ніи. Пизарро всячески старался пробудить и поддержать промы-
ную дѣятельность и въ особенности хлѣбопашество, для чего
исывалъ изъ Европы различныя хлѣбныя сѣмена, отлично при-
вшіяся на дѣвственномъ и богатомъ грунтѣ, въ странѣ, обла-
ей самыми разнообразными климатами и почвами. Выше всего

однакожъ ставилъ Пизарро разработку рудниковъ, и вскорѣ
благородныхъ металловъ сдѣлалась столь значительною, что
на самые обыкновенные предметы потребленія непомѣрно
сились, въ той самой пропорціи, какъ золото и серебро
отъ чрезвычайнаго изобилія. Такое напряженное и неестест
состояніе продолжалось однакожъ недолго, и благородные
утекая въ Европу, имѣли здѣсь значительное вліяніе на
денежнаго курса, или цѣны денегъ. Богатство края, съ
днемъ все болѣе и болѣе развивавшееся, привлекало изъ
Перу множество выходцевъ, которые многочисленными
разсѣялись по всей странѣ и составили твердый оплотъ
владычества надъ покоренною страною.

Пополнивъ новобранцами ряды своей дружины, Пизарро
тилъ вниманіе на отдаленныя провинціи. Педро де Валдивіа,
казанію губернатора, отправился въ свою достопамятную
въ Чили, а Гонзалу, получившему въ удѣлъ Квито, поруче
изслѣдовать страны, лежавшія на востокъ и, по слухамъ,
корицею и другими пряностями.

Гонзало, занимавшій понынѣ второстепенное мѣсто, на
теперь играть первостепенную роль. Онъ былъ также как
братъ Франциско незаконнорожденный и съ малолѣтства от
склонностію къ военной службѣ и ловкостью въ тѣлесных
неніяхъ, особливо въ наѣздничествѣ. О первой его молодост
сохранилось свѣдѣній, и онъ становится замѣчательнымъ то
времени прибытія въ Перу, гдѣ отличался какъ одинъ изъ хр
шихъ сподвижниковъ завоеванія. Умственными талантами он
ниже своихъ братьевъ, но если не обладалъ холодною ихъ рас
востью, готовою на все для достиженія желанной цѣли, то
съ ними мужествомъ и неустрашимостью. Красавецъ лицомъ,
былъ обходителенъ съ равными и подчиненными и отличался
родными пріемами. Отважный энтузіастъ, онъ умѣлъ воспла
отвагою сообщниковъ своихъ предпріятій. Въ партизанской
онъ не имѣлъ себѣ равнаго, но зато не отличался качествами
водца и еще менѣе гражданскаго правителя. Къ несчастію, обс
тельства заставили его принять на себя двѣ послѣднія роли.

Гонзало былъ чрезвычайно доволенъ пожалованною ему
ромъ провинціею. Онъ дорожилъ обладаніемъ Квито не столько
за самой этой страны, какъ по причинѣ сосѣдства ея съ неизсл
ваннымъ еще пространствомъ земель на востокъ внутрь матер
гдѣ, по слухамъ, росли всѣ пряности азіятской Индіи, и гдѣ
цѣннѣйшія растительныя произведенія покрывали необъятныя

цвѣтущихъ долинъ. Немедленно отправился Гонзало въ
ь и успѣлъ внушить сподвижникамъ энтузіазмъ, которымъ
ѣялся: триста пятьдесятъ испанцевъ и до четырехъ ты-
йцевъ клялись слѣдовать за Гонзаломъ повсюду, несмотря
я препятствія и трудности. Эта дружина была прекрасно
, и не только испанцы, но даже 150 индѣйцевъ были вер-
мѣ большихъ запасовъ оружія и провіанта, нагружавшихъ
ій обозъ, за арміею слѣдовали цѣлыя стада свиней и дру-
пныхъ животныхъ, обезпечивавшихъ продовольствіе войска.
о выступилъ въ походъ въ началѣ 1540 года. Путь шелъ
землямъ, подвластнымъ нѣкогда скипетру инковъ, благо-
мъ и населеннымъ трудолюбивыми племенами; здѣсь ес-
не могло встрѣтиться для экспедиціи важныхъ затрудне-
болѣе, что смуты, волновавшія Перу, не коснулись этихъ
ихъ предѣловъ монархіи инковъ. Здѣшнее мирное и трудо-
аселеніе продолжало свои сельскія занятія съ ненаруши-
койствіемъ, не заботясь о томъ, кто теперь сдѣлался ихъ
. Но едва перешагнули за границу владѣній дѣтей Солнца,
Quixos (Quixos), какъ вдругъ картина природы, нравы жи-
амый климатъ приняли совершенно чуждый отпечатокъ.
ряды Андовъ перерѣзывали страну и образовали частыя
ія ущелія, высоко лежавшія надъ уровнемъ долинъ, по ко-
добно было взбираться до пояса вѣчныхъ снѣговъ, въ цар-
ъ и снѣжныхъ бурь. Привыкшіе къ тропическимъ жарамъ
ерзли отъ стужи и, не имѣя теплой одежды, ежедневно по-
сятками. Въ-добавокъ, при этомъ переходѣ черезъ горный
кспедиція испытала ужасы страшнаго землетрясенія, яв-
здкаго въ этой части Америки, гдѣ колоссальные вулканы
другъ къ другу. Въ продолженіи этого судорожнаго состоя-
і коры, горы шатались на ихъ гранитныхъ подножіяхъ,
ступалась и поглощала въ глубинѣ образовавшихся безднъ
ѣса и селенія, испуская притомъ цѣлые потоки удушли-
ыхъ паровъ.

агнувъ Анды, Гонзало встрѣтилъ тамъ новый климатъ
рироду. По мѣрѣ того, какъ спускались съ горъ, стужа
томительнымъ зноемъ, а между тѣмъ тучи, сгущавшіяся
пами Кордильеры, разражались ослѣпительными молніями,
ьными перекатами грома и проливными дождями. Страш-
съ грозою и ливнемъ длились почти безъ перемежки цѣ-
недѣль, и измученные странники едва передвигали ноги
рязи, образовавшейся отъ постояннаго дѣйствія дождей.
не знали дороги для выхода изъ страшныхъ ущелій и цѣ-

лые мѣсяцы бродили, какъ осужденные на адскую муку грѣш… она.
пока наконецъ выбрались на равнину и достигли страны, назва… чите
ими *Канелась* (Canelas), т. е *землею корицы*. Въ-самомъ-дѣлѣ, … въ
ширные лѣса, покрывавшіе тысячи десятинъ, состояли почти… прин
ключительно изъ деревъ, доставляющихъ драгоцѣнную пряную … и сп
богатство было неизчислимое, но трудно было имъ воспользова… пре.
потому-что отдаленность отъ прибрежья и недостатокъ путей сооб… впе
нія препятствовали извлечь выгоду изъ драгоцѣннаго открытія.

Совершая этотъ путь, Гонзало случайно узналъ отъ попадав… воль
ся ему кочующихъ племенъ, что на десять дней пути далѣе по… похо
стоку находится чрезвычайно плодоносная, богатая золотомъ и… свое
селенная страна. Эти указанія пробудили въ немъ новыя надежд… отвѣ
онъ рѣшился итти далѣе по указаннолу направленію. имѣ

Едва тронулись впередъ наши авантюристы, какъ предъ ними … гул
зостлались необъятныя степи, называемыя *саваннами;* сперва … ныя
окаймлялись лѣсами, но чѣмъ далѣе подвигались впередъ, тѣмъ … слѣ
раздвигался горизонтъ, и наконецъ сводъ неба уперся въ безгра… ные
ную степь. Впрочемъ эта степь была покрыта могущественною … рас
стительностью тропическихъ климатовъ; здѣсь, среди исполи… въ
травы возвышались гигантскія деревья по сту и болѣе футов… руш
окружности ствола (*), обвитыя ліанами и другими чужеядны… бед
ползучими растеніями, которыя, перекидываясь съ одного дер… лов
другое и сплетаясь на воздухѣ гибкими стволами, спускались … соз
лю красивыми фестонами, усѣянными чрезвычайнымъ разно… пе
зіемъ цвѣтовъ и формъ; эти фестоны, сплетаясь между собою, … ре
свою очередь, образовали часто непроницаемыя сѣти, загражда… др
дорогу, такъ-что дальнѣйшій путь надлежало пролагать острія… пр
чей и топоровъ, при чемъ сучья рвали полусгнившую отъ безпре… ло
ныхъ дождей одежду. Къ этимъ препятствіямъ присоединилось … на
новое горе. Провизія по большой части испортилась отъ сырости… не
стада разбѣжались при переходахъ черезъ хребетъ и по саван… л
единственное средство пропитанія заключалось въ стадѣ изъ тыся… б
собакъ, употреблявшихся для травли индѣйскихъ туземцевъ. При… к.
голодавшіеся солдаты убивали этихъ животныхъ и съ жадностію … —
жирали ихъ жосткое и вонючее мясо; скоро однакожь истощился … все
этотъ источникъ продовольствія и должно было прибѣгнуть къ тра… пре
и дикимъ кореньямъ, чтобы не умереть съ голоду. зам

Наконецъ достигли изнуренные солдаты до береговъ широкаго … на
потока Напо, одного изъ главныхъ притоковъ царя рѣкъ, Мара… нар
Ма

(*) Размѣры эти нисколько не преувеличены. Мы имѣемъ свидѣтельства Гум… больдта и другихъ путешественниковъ, увѣряющихъ, что многія деревья въ са… ваннахъ имѣютъ стволы по 120 футовъ въ окружности.

Въ любой системѣ Стараго Свѣта Напо занялъ бы по своей зна-ельности первостепенное мѣсто, но въ Америкѣ онъ считается ряду рѣкъ третьей величины. Испанцы радостными кликами вѣтствовали эту рѣку, по берегамъ которой думали найти удобную покойную дорогу; но и тутъ чаща тѣснилась къ самой рѣкѣ и ставляла прежнія едва одолимыя препятствія, гдѣ каждый шагъ редъ стоилъ сотни ударовъ топоромъ.

Слѣдуя вдоль по теченію этой рѣки, Гонзало прошелъ уже дно далеко, какъ вдругъ неожиданно услышалъ странный шумъ, жій на раскаты подземнаго грома; рѣка, ежеминутно ускоряя теченіе, мчалась наконецъ съ быстротою молніи и, достигнувъ сной скалы, низвергалась колоссальнымъ столбомъ въ бездну шую 12,000 футовъ глубины (*). Издалека гремѣлъ страшный исполинскаго водопада среди безмолвныхъ равнинъ и пустынъ лѣсовъ. Нигдѣ ни души человѣческой, ни даже человѣческаго а; только огромные удавы вились по деревьямъ да отвратительаллигаторы грѣлись на песчаномъ берегу рѣки. Могучія деревья, ндывая столѣтнія вѣтви, покрытыя вѣчно зеленымъ листомъ, евидаемой красотѣ высились къ облакамъ, и безмолвіе ихъ нарушалось только ревомъ волнъ, катившихся по каменному ложу въ онную пропасть. Здѣсь казалось, что природа проявляется чеку въ томъ дикомъ величіи, въ которомъ она красовалась до анія этого владыки земли.

Недалеко отъ водопада рѣка съуживалась такъ, что можно было екинуть черезъ нее мостъ изъ нѣсколькихъ срубленныхъ дерь, и испанцы рѣшились перебраться по этому опасному пути на гую сторону, гдѣ надѣялись найти болѣе средствъ для своего довольствія. Скороспѣлый мостъ упирался на края противопоиныхъ скалъ и висѣлъ въ вышинѣ нѣсколькихъ сотъ футовъ ъ ревущею бездною; по этимъ утлымъ перекладинамъ испанцы только благополучно перебрались сами, но и успѣли перевести падей. Одинъ только рыцарь, осмѣлившійся взглянуть внизъ, лъ ошеломленъ головокруженіемъ, пошатнулся и слетѣлъ въ котавшую пучину.

---

*) Весьма вѣроятно, что воображеніе гонзаловыхъ спутниковъ, настроенное ычайнымъ величіемъ красотъ природы въ пройденной ими части Америки, величило размѣры водопада, котораго потомъ никто не могъ найти въ укаомъ мѣстѣ. Самый огромный водопадъ южной Америки находится въ Боготѣ, рѣкѣ Текендамѣ и только немногимъ превосходитъ высочайшіе изъ швейихъ водопадовъ. Надобно вообще замѣтить, что въ мѣстахъ, гдѣ проходилъ арро, большіе водопады довольно рѣдки.

Испанцы однакожь ничего не выиграли чрезъ эту опасную переправу: страна была также пустынна и по берегу тянулась чаща деревъ, кустарниковъ и непроходимыхъ сплетеній лianъ. Рѣдка попадавшіяся индѣйскія племена отличались дикостью нравовъ и не разъ затѣвали съ пришлецами кровавыя битвы. Впрочемъ они подтвердили слухъ о существованіи на нѣсколько дней пути, ниже по теченію рѣки, плодородной страны, изобилующей горазличными произведеніями. Такое извѣстіе ободрило испанцевъ, видѣвшихъ понынѣ однѣ только трудности и вѣчно обманывавшихся въ своей надеждѣ, въ ту минуту, когда они думали уже ступить на обѣтованную землю. Рѣшились опять итти впередъ.

Однакожь Гонзало, видя крайнее утомленіе своего отряда, изнемогшаго послѣднія силы, сталъ помышлять о средствахъ для облегченія дальнѣйшаго пути болѣе удобнымъ образомъ. Для этого онъ рѣшился выстроить судно, достаточное для помѣщенія слабыхъ, поклажи и совершенно обезсилѣвшихъ воиновъ. Близкій лѣсъ снабдилъ его нужными бревнами и смолою; изъ подковъ павшихъ и убитыхъ для прокормленія команды лошадей выковали гвозди, изъ оборваннаго платья кое-какъ смастерили снасти. Дѣло постройки судна и его оснащенія было нелегкое, но Гонзало словомъ и ломъ поощрялъ работниковъ и вселялъ въ унывающихъ терпѣніе. Наконецъ безобразная, но довольно крѣпкая бригантина поспѣла въ два мѣсяца, и ёмкость ея была достаточна для помѣщенія всего отряда: то было первое европейское судно на дѣвственныхъ водахъ южно-американскихъ рѣкъ.

Начальство надъ бригантиною было ввѣрено одному изъ офицеровъ отряда, Франциску де Орельянѣ (Orellana), уроженцу города Трухильо, человѣку твердому, рѣшительному и неустрашимому. Самые изнуренные солдаты были посажены для отдыха на бригантину; остальные же пошли берегомъ въ виду судна и по временамъ смѣнялись съ отдохнувшими на суднѣ товарищами.

Такимъ образомъ походъ опять продолжался нѣсколько недѣль по дикой и безлюдной пустынѣ. Послѣднія лошади были убиты. Недостаткомъ другихъ съѣстныхъ припасовъ, и голодная смерть грозила нашимъ искателямъ приключеній: счастливы были они, если случалось имъ поймать змѣю, жабу или другую гадину, за недостаткомъ которыхъ грызли кожу сѣдѣлъ и шпажныхъ ноженъ. Они наконецъ дико посматривать другъ на друга, не видя причины, почему бы въ такой бѣдѣ не пожертвовать нѣкоторыми товарищами, чтобы утолить голодъ человѣческимъ мясомъ! Между тѣмъ отъ попавшихся случайно кочевыхъ дикарей узнали, что тамъ, гдѣ Напо сли

другою гораздо бо́льшею рѣкою, текущею на востокъ, начи-
я богатая и населенная страна. И на этотъ разъ индѣйцы опре-
ли разстояніе въ нѣсколько дней пути, но Гонзало потерялъ
ру въ такія увѣренія и, пріостановивъ на время походъ сухо-
го отряда, отправилъ бригантину къ сліянію рѣкъ, дабы за-
ъ тамъ предварительно необходимыми для войска съѣстными
сами. Сперва надобно подкрѣпить силы солдатъ, говорилъ
и какъ скоро у насъ будетъ достаточно провизіи, то походъ
ется бездѣлицею.

итьдесятъ охотниковъ вызвались сопровождать Орельяну въ
утешествіи, въ невѣдомую страну, по невѣдомой рѣкѣ. Храб-
командиръ бригантины, получивъ отъ Гонзала нужныя наста-
, выѣхалъ на середину рѣки и поплылъ внизъ по теченію, не
ерживаясь, какъ прежде, берега. Какъ скоро судно достигло се-
ы потока, быстрина теченія схватила его и стрѣлою помчала
ь: вскорѣ бригантина скрылась изъ глазъ воиновъ, оставшихся
регу.

ролетѣли дни, прошли недѣли, а судно Орельяны не возвраща-
напрасно глядѣли гонзаловы спутники на быстрыя волны: ни-
возвѣщало имъ возвращенія товарищей. Небольшіе отряды,
нные для рекогносцировокъ, возвращались безъ всякихъ вѣ-
котя иногда блуждали въ окрестностяхъ по нѣскольку сутокъ.
я съ голода, несчастные авантюристы не могли долѣе оста-
на одномъ мѣстѣ и рѣшились двинуться впередъ къ сліянію
Томимые голодомъ, они совершили этотъ путь, не превышав-
вухъ сотъ лигъ, только въ два мѣсяца и притомъ потеряли въ
бо́льшую часть своихъ товарищей: несчастные умерли въ
нѣ голодною смертію! Уцѣлѣвшіе достигли до желаннаго мѣ-
дѣ воды Напо вливаются въ колоссальную Амазонскую рѣку,
ую дань своихъ обильныхъ водъ Атлантическому океану. Но
сь не было ни слуху, ни духу объ Орельянѣ, и страна была
также негостепріимна для странниковъ. Населеніе только бы-
гочисленнѣе, но состояло изъ племенъ, необыкновенно сви-
хъ. Уже Гонзало думалъ, что Орельяна съ товарищами нашелъ
ь въ своей экспедиціи, какъ вдругъ неожиданно является къ
нагой бѣлый человѣкъ, вышедшій изъ лѣса, гдѣ онъ истомил-
галостію и голодомъ. Въ немъ съ удивленіемъ и ужасомъ узна-
ного изъ спутниковъ Орельяны, Санчеса де Варгаса, рыцаря
аго рода и пользовавшагося большимъ уваженіемъ отъ своихъ
менниковъ. Онъ сообщилъ имъ печальныя вѣсти.

рельяна, унесенный быстрымъ теченіемъ Напо, на третій день
гъ того мѣста, гдѣ порывистый потокъ поглощается колос-

сальною Амазонкою, впервые увидавшею европейцовъ: въ три совершилъ онъ путь, на который Гонзалу потребовалось болѣе мѣсяцовъ. Прибывъ къ устью Нано, Орельяна увидѣлъ всю не вательность своихъ надеждъ: страна оказалась столь дикою и бѣд что не только нельзя было думать о сборѣ провіянта, достато для всего гонзалова отряда, но едва и для экипажа Орельяны по ло съѣстныхъ припасовъ. Что́ было дѣлать въ такомъ затру тельномъ положеніи? Плыть обратно противъ теченія было со шенно невозможно, а возвратиться назадъ сухимъ путемъ, съ стыми руками, было также нелегко, да и не заманчиво. Въ этих выгодныхъ обстоятельствахъ не знали что́ дѣлать, какъ вдруг важная мысль блеснула въ умѣ Орельяны: онъ предложилъ на середину огромной рѣки и пуститься по волѣ быстрины до го ея устья! Если только вѣсти о богатомъ и населенномъ кра ществовавшемъ на берегахъ большой рѣки, были справедливы путешественники необходимо должны были открыть ихъ; и нувъ же устья новооткрытой рѣки, странники могли пустить открытое море и достигнуть Испаніи, гдѣ слава и почести о ихъ за отважный подвигъ. Удалые испанцы, жаждавшіе тол рысти и притомъ одушевляемые желаніемъ выпутаться по изъ настоящаго затруднительнаго положенія, съ восторгомъ ли такое предложеніе, не заботясь о товарищахъ, покинутых въ негостепріимной пустынѣ на вѣрную гибель.

Намъ невозможно распространяться здѣсь описаніемъ по ній Орельяны; довольно упомянуть, что онъ счастливо сов свое отважное предпріятіе. Можно почесть за диво, что во все долженіе долгаго плаванія по совершенно неизвѣстной рѣкѣ бр тина не разбилась о подводные камни въ стремнинахъ, с обильныхъ въ Амазонкѣ. Большая опасность грозила путе ственникамъ и со стороны дикихъ прибрежныхъ племенъ, ма свирѣпыхъ и воинственныхъ, которыя не только нападали испанцевъ при ихъ высадкахъ на берега, но даже по цѣл днямъ преслѣдовали бригантину на челнокахъ. Проплывъ теченію рѣки, чрезъ всю ширину южно-американскаго мат ка, Орельяна смѣло вошелъ въ устье и потомъ открытымъ ремъ приплылъ къ острову Кубагуа. Отсюда онъ переправился Испанію и явился ко двору, гдѣ разсказалъ чудныя диковинки сво полубасословнаго путешествія. Этимъ путемъ сдѣлались извѣст ми въ Европѣ разсказы о существованіи вблизи колоссальной р усѣяннаго сокровищами Эль-Дорадо и воинственной общины Ама нокъ, отъ которыхъ впослѣдствіи рѣка получила настоящее на ніе, хотя самъ Орельяна далъ ей свое имя, подъ которымъ она

ѣть у нѣкоторыхъ писателей (*). Орельяна, разсказывалъ
) другихъ чудесъ и такъ заинтересовалъ своихъ благо-
слушателей, что ему безъ труда было дано королевское
е на завоеваніе открытыхъ имъ земель. Онъ скоро со-
ю пяти сотъ удальцовъ, готовыхъ итти съ нимъ въ огонь и
ему, ни его соотечественникамъ не удалось воспользовать-
іемъ Амазонской рѣки, потому-что экспедиція Орельяны
лась за его смертію на возвратномъ пути въ Америку, а
ываемая Мараньономъ, выпала впослѣдствіи на долю пор-
ъ.

время, когда Орельяна, достигнувъ Амазонки, предложилъ
теченіемъ до ея устья, предоставивъ Гонзала собственной
инъ изъ рыцарей, сопровождавшихъ Орельяну, никакъ не
гласиться на предложеніе начальника бригантины, считая
мъ и безчеловѣчнымъ оставить товарищей на вѣрную гп-
устынѣ. Орельяна оскорбился этими упреками и высадилъ
го рыцаря на пустынный берегъ, гдѣ онъ впослѣдствіи
ъ своими соотечественниками.

о и его товарищи съ ужасомъ выслушали разсказы Варга-
ніе овладѣло ими, когда они узнали, что бригантина, един-
редство спасенія изъ этой пустыни, навсегда похищена у
ізало однакожь кое-какъ ободрилъ ихъ и, представивъ не-
ть голодной смерти въ пустынѣ, уговорилъ попытаться
ь обратный путь, при чемъ хоть нѣкоторые могли еще
ежду на возвращеніе въ Квито. Въ минуту отчаянія и по-
бѣжной смерти Гонзало явился отличнымъ начальникомъ и
ъ весь свой умъ и другія блестящія качества души. Онъ
ито ни впереди, ни кругомъ его не было никакой надежды
іе, и что должно было или умереть съ голоду, или истомив-
ться въ руки свирѣпыхъ туземцевъ; оставалась одна на-
возвращеніе въ Квито, отъ котораго наши смѣльчаки уда-
четыреста лигъ, употребивъ на этотъ путь болѣе года.
е было возвращаться тѣмъ же путемъ, гдѣ они, идучи впе-
е бодрые и крѣпкіе силами, подверглись столькимъ лише-
пасностямъ?! Но выборъ былъ невозможенъ и необходимо
иться на все, во избѣжаніе вѣрной и ужасной смерти. Гон-
озможности ободрилъ самыхъ малодушныхъ, обѣщая имъ
и въ случаѣ неудачи совѣтовалъ умереть съ твердостью,

(*) Время пребыванія своего въ южной Америкѣ, Ла Кондамин тщательно
ъ теченіе Мараньона (Амазонской рѣки) и говоритъ, что есть причины
ествованію тамъ нѣкогда общины воинственныхъ женщинъ. Теперь
словно утверждать или отрицать этотъ фактъ.

приличною кастильскимъ солдатамъ. Такія убѣжденія имѣли усп
потому-что Гонзало пользовался любовію своихъ приверже
раздѣляя труды, опасности и страданія на-равнѣ съ послѣдни
солдатъ.

Возвращаясь въ Квито, испанцы пошли немного сѣверн
ней дороги, по которой проникли во внутренность материка. К
ственныя препятствія пути здѣсь были нѣсколько меньше, н
лодъ, слѣдствіе совершеннаго недостатка въ съѣстныхъ прип
былъ тотъ же самый, и единственная пища состояла въ слу
убитыхъ звѣряхъ и гадахъ да въ скудныхъ припасахъ, к
отнимаемыхъ силою у туземцевъ. Изнуренные голодомъ и ус
стію, солдаты падали на землю, не въ состояніи будучи итти д
и оставались въ пустынѣ на жертву свирѣпымъ дикарямъ и
нымъ птицамъ.

Больше года длилось это страшное отступленіе, когда нак
въ іюнѣ 1542 года скитальцы подошли къ возвышенной р
опоясывающей Квито. За два съ половиною года передъ тѣм
вышли изъ этой столицы въ блестящемъ вооруженіи, полны
мыхъ обольстительныхъ надеждъ; теперь же возвращались он
живые, безъ коней и одежды, съ изломаннымъ оружіемъ
прикрывая тѣло звѣриными шкурами. Страданія и голодъ
шенно обезобразили ихъ лица, такъ-что родные и близкіе зн
съ трудомъ узнавали несчастныхъ. Больше половины инд
погибло, а испанцевъ воротилось только восемьдесятъ челов
ито по большой части больныхъ, изъ которыхъ многіе вскор
тѣмъ умерли.

Христіянское народонаселеніе столицы, не исключая жен
тей, высыпало на встрѣчу странникамъ, съ съѣстными припас
одеждою. Уцѣлѣвшіе солдаты спѣшили въ храмъ для благодар
ной молитвы за ихъ чудесное избавленіе.

Едва Гонзало возвратился въ Квито, какъ до него дошли сл
происшествіяхъ, случившихся въ Перу. Это извѣстіе сильно пор
ло рыцаря: онъ увидѣлъ, что его экспедиція на Амазонскую р
не только не принесла ему никакой пользы, но еще удалил
отъ брата, въ то самое время, когда братняя помощь была ве
нужнѣе для перуанскаго губернатора. Мы уже говорили, что от
ставъ Эрнанда въ Испанію, маркизъ возвратился въ Лиму и зан
тамъ постройками и различными административными мѣрами.
груженный въ эти занятія, губернаторъ не хотѣлъ ничего слы
о грозѣ, собравшейся надъ его головою, и не обращалъ никакого
манія на дружескія предостереженія. Мы увидимъ, какъ онъ по
тился за такую безпечность.

Послѣ казни Альмагра, нѣсколько сотъ человѣкъ изъ его при-
нцевъ разсѣялись по всему пространству, покоренному испан-
ъ оружіемъ, но, несмотря на недостатки централизаціи, оста-
связанными общею ненавистью къ Пизаррамъ, убійцамъ ихъ
аго начальника. Болѣе всего негодовали побѣжденные противъ
нда, потому-что губернаторъ игралъ второстепенную роль въ
авой драмѣ; однакожь, какъ скоро Эрнандо отплылъ въ Европу,
я ненависть и злоба сосредоточились на Францискѣ, которому
вались на выборъ два средства: стараться привлечь къ себѣ
ей Альмагра или истребить ихъ, какъ открытыхъ враговъ. Если
онъ захотѣлъ, то щедростью и кроткимъ обхожденіемъ легко бы
язалъ къ себѣ бывшихъ сподвижниковъ Альмагра, которые
и бы очень рады обезпечить свою будущность ставъ подъ зна-
губернатора. Такая мѣра была самая благоразумная изъ всѣхъ
ожныхъ для Пизарра, потому-что она способствовала бы утвер-
нію его власти въ завоеванной странѣ; но у Пизарра не хватило
кодушія простить своимъ противникамъ и было слишкомъ мало
рожности для принятія нужныхъ мѣръ къ предупрежденію вра-
ихъ козней. Благоразумный Эрнандо совѣтовалъ ему размѣстить
агровыхъ друзей на жительство по отдаленнымъ провинціямъ,
оспрещеніемъ имъ сходиться вмѣстѣ и являться по близости
ицы. Но Пизарро такъ презиралъ своихъ враговъ, что не могъ
разить себѣ опасности съ ихъ стороны: онъ даже позволилъ
въ столицѣ альмагрову сыну, которого домъ сдѣлался мѣстомъ
ища и убѣжищемъ всѣхъ, кто только недоброжелательствовалъ
рру. Альмагровъ сынъ, сопровождавшій отца во всѣхъ его по-
хъ, зналъ лично всѣхъ солдатъ и офицеровъ отцовской друже-
и былъ искренно ими любимъ, а потому немудрено, что старые
вижники казненнаго генерала готовы были служить его сыну.
акожь губернаторъ, желая лишить юношу средствъ поддерживать
и связи, отнялъ у него завѣщанный ему отцомъ Новый Толедо
очіе доходы, чѣмъ самымъ заставилъ его терпѣть нужду на-
нѣ съ прочими *чилійцами*, какъ называли тогда сподвижниковъ
магра. Люди эти жили въ такой бѣдности, что на двѣнадцать
вѣкъ приходилось у нихъ по одному плащу, и когда одни изъ
ь выходили со двора, отъ одинадцать другихъ должны были си-
дома. Пизарровы офицеры чванились, напротивъ, пышною одеж-
и не упускали случая посмѣяться надъ бѣдными гидальгами.
е поступки разумѣется разжигали негодованіе притѣсненныхъ;
изарро видѣлъ все это и оставался спокойнымъ зрителемъ, бе-
истнымъ къ отчаянію враговъ и къ предостереженіямъ друзей.

Заслышали наконецъ и въ Перу о назначеніи королевскаго с
для ревизіи перуанской администраціи: встревоженный Пизарр
далъ однакожь приказаніе о приличномъ пріемѣ королевскаго и
сара. Вѣсть о прибытіи Вака де Кастра обрадовала приверже
Альмагра, ожидавшихъ отъ королевскаго судьи защиты и
въ теперешнемъ безотрадномъ положеніи. Тотчасъ послали о
путацію изъ двухъ человѣкъ для встрѣчи лиценціата на
для подачи ему жалобы на притѣсненія губернатора.

Прошли однакожь мѣсяцы, а Вако де Кастро все еще не
наконецъ купеческій корабль привезъ въ Лиму извѣстіе о кр
судна, везшаго судью, и о погибели всего экипажа. Альмагро
и его приверженцы съ горестію услышали такую вѣсть, потом
положеніе ихъ, въ-самомъ-дѣлѣ, становилось невыносимымъ.
время начали обнаруживаться явные знаки ненависти къ губ
ру, главному судьѣ Веласкецу и пизаррову секретарю Пика
тораго особенно не любили чилійцы. Пикадо былъ правою
Пизарра, не умѣвшаго ни читать, ни писать, и давалъ ему
весьма неблагопріятные для угнетенныхъ приверженцевъ
вождя. Однажды нашли бумагу съ именами Пизарра, Ве
Пикада, прибитую къ висѣлицѣ, и за эту безъименную обид
не преминулъ жестоко оскорбить молодого Альмагра. Выв
изъ терпѣнія чилійцы, лишившіеся надежды на прибытіе л
та, рѣшились сами управиться съ губернаторомъ. Составил
воръ, чтобы убить Пизарра въ воскресенье 26 іюня 1541 го
то время, какъ онъ будетъ возвращаться отъ обѣдни изъ со
церкви. Двадцать рыцарей должны были собраться для эт
домѣ альмагрова сына и ожидать сигнала. Весьма вѣроятно, ч
зяинъ дома зналъ объ этомъ заговорѣ, однакожь ни по чему не
чтобы онъ самъ принималъ въ немъ участіе. Неопытный
былъ одаренъ многими блестящими качествами, но былъ еще
молодъ для самостоятельныхъ дѣйствій, а служилъ только орудіе
которымъ управляли люди болѣе опытные.

Самый дальновидный изъ совѣтниковъ Альмагра былъ Х
де Херрада (Juan de Herrada), или Рада, какъ его обыкновенно
вали сокращеннымъ именемъ. Происходя изъ знатнаго рода,
вступилъ въ военную службу простымъ солдатомъ и возвысился
значительнаго чина личными способностями и храбростію. Он
былъ не молодъ во время происшествій, о которыхъ идетъ рѣчь,
пылъ юношескихъ лѣтъ еще не потухъ въ немъ, и онъ горѣлъ
маніемъ отмстить Пизарру за смерть Альмагра-отца и за униж
сына. Рада не заботился о себѣ самомъ, но имѣлъ въ виду
только пользу угнетеннаго наслѣдника, на котораго перенесъ

ства преданности и усердія къ отцу. Этотъ рыцарь былъ глав-
пружиною составившагося заговора.

Въ числѣ заговорщиковъ находился одинъ, который, терзаясь
ызеніями совѣсти, открылъ замыселъ своему духовному отцу.
ященникъ, измѣнивъ тайнѣ, ввѣренной ему кающимся, не-
менно увѣдомилъ Пикада о заговорѣ. Секретарь тотчасъ же
съ о томъ губернатору, но послѣдній не обратилъ на этотъ
съ ни малѣйшаго вниманія и сказалъ, что это просто выдумка
олюбца, которому хочется епископской митры. Когда объ этомъ
о сообщено главному судьѣ, то и Веласкецъ принялъ извѣстіе
ма равнодушно и сказалъ съ самонадѣянностью, что пока жезлъ
осудія въ его рукѣ, правительство Перу можетъ спать покойно.
отря на такое равнодушіе, Пизарро сказался больнымъ и не
лъ въ церковь въ день, назначенный заговорщиками для совер-
я убійства. Рада съ сообщниками собрались въ домѣ Альмагра
нетерпѣніемъ ждали, пока губернаторъ выйдетъ изъ церкви;
дивленіемъ узнали они, что Пизарро по болѣзни вовсе не ходилъ
бѣднѣ. Подозрѣвая, что замыселъ ихъ открытъ, они не знали
дѣлать: одни ждали неминуемой гибели, другіе совѣтовали от-
ить исполненіе предпріятія до другого времени, надѣясь, что
рнаторъ ничего не знаетъ о заговорѣ и дѣйствительно боленъ;
о́льшая часть заговорщиковъ хотѣла дѣйствовать немедленно и
сть на Пизарра въ собственномъ его домѣ. Одинъ изъ заговор-
овъ, видя общую нерѣшительность, пагубную для всѣхъ, отво-
ъ настежь двери и сказалъ: идите всѣ за мною на Пизарра или я
ду одинъ къ судьѣ и открою ему заговоръ и имена заговорщи-
въ! Этотъ поступокъ положилъ конецъ несогласіямъ, и заговор-
ки, подъ командою Рады, бросились на улицу, съ кликами: да
авствуетъ король! смерть тирану!

Тогда былъ полдень, и хотя бо́льшая часть жителей Лимы сидѣли
это время за обѣдомъ, но, услышавъ шумъ и восклицанія на ули-
, бросились узнать причину смятенія. Идемъ бить Пизарра и его
бщниковъ! кричали заговорщики, и никто не загородилъ имъ до-
и, потому-что никто не любилъ губернатора.

Здѣсь къ мѣсту упомянуть объ одномъ анекдотѣ, характеризую-
ъ тогдашнихъ людей. Переходя черезъ площадь, гдѣ стояла глу-
ая лужа, одинъ изъ заговорщиковъ хотѣлъ обойти ее, чтобы не
очить ногъ. Убирайся домой, если ты боишся замочить ноги въ
ѣ; черезъ нѣсколько минутъ мы будемъ стоять по колѣни въ
ви, сказалъ хладнокровно Рада осторожному сообщнику, и тотъ,
оворя ни слова, повиновался приказанію.

Дворецъ губернатора, выходившій на площадь, былъ окруженъ

двумя дворами, запиравшимися весьма крѣпкими и тяжелыми во
тами. Нескоро бы удалось заговорщикамъ сбить эти ворота, ес
они были заперты; но Пизарро, презирая враговъ, счелъ эту
досторожность излишнею. Шайка Рады, перебѣжавъ первый дв
встрѣтила на второмъ двухъ губернаторскихъ служителей, из
торыхъ одного тутъ же убили, а другой бросился бѣжать съ
комъ: помогите! чилійцы хотятъ убить маркиза!

Въ это время Пизарро только-что всталъ изъ-за обѣденнаго с
ла, окруженный друзьями, которые, узнавъ въ церкви о его но
ровьи, зашли навѣстить его и остались у него обѣдать. Въ числ
стей были: донъ Мартинецъ де Алкантара, родственникъ П
съ материей стороны, судья Веласкецъ, епископъ Валверде и
вѣкъ пятьнадцать рыцарей. Удивленные шумомъ, гости выш
столовой, чтобы узнать о причинѣ; но лишь только они у
шали въ чемъ дѣло, то, видя невозможность защищаться без
жія, побѣжали чрезъ коридоръ въ садъ, куда и достигли без
каго вреда. Пизарро кликнулъ немедленно Франциска де Ч
(Francisco de Chaves), бывшаго въ другой комнатѣ, и приказал
творить выходы на лѣстницу; самъ же съ Алкантарою стал
жаться и готовиться къ оборонѣ. Если бы Чавесъ исполнил
ему приказаніе съ тѣмъ же хладнокровіемъ, какъ Пизарро да
то нѣтъ сомнѣнія, что губернаторъ былъ бы спасенъ: за
дверь удержала бы на нѣсколько времени заговорщиковъ, а
тѣмъ убѣжавшіе въ садъ друзья маркиза воротились бы съ
жіемъ. Но Чавесъ не исполнилъ приказанія и вступилъ въ пер
ры съ убійцами. Рада подскочилъ къ нему и, разрубивъ ему го
ворвался въ двери.

Съ криками: *смерть тирану!* перебѣжали заговорщики в
нюю комнату. Въ это время Пизарро находился въ спальнѣ,
Мартинецъ де Алкантара пособлялъ ему надѣвать латы. Уви
Раду, Мартинецъ съ двумя пажами бросился къ дверямъ сва
гдѣ произошла отчаянная схватка: двое изъ заговорщиковъ б
убиты, а Алкантара и пажи смертельно ранены. Между тѣмъ П
ро, не успѣвшій надѣть латъ, бросилъ ихъ въ сторону и, обвер
руку плащомъ, подоспѣлъ на помощь Алкантарѣ въ ту самую
нуту, когда храбрый рыцарь, обезсиленный тяжелыми ранами и
терею крови, упалъ на полъ.

Пизарро, какъ левъ встревоженный въ своемъ убѣжищѣ, р
ся на враговъ и началъ рубить на всѣ стороны съ юношескою
лою. Вы хотите убить меня въ моемъ домѣ, ревѣлъ онъ: — так
покажу вамъ, каковъ я!

Двое изъ нападающихъ покатились мертвыми, и остальные

сь и отступили назадъ, но вскорѣ, ободренные своею много-
енносію, начали опять напирать на Пизарра. Пажи пали мерт-
и Рада, ожесточенный упорнымъ сопротивленіемъ, схватилъ
го изъ своихъ сообщниковъ, Нарваеца, поперекъ тѣла и бро-
его на маркиза. Ошеломленный этимъ маневромъ, герой не
лъ пронзить мечемъ Нарваеца, какъ самъ палъ раненый въ
ю. Тутъ всѣ мечи устремились разомъ на богатыря; онъ успѣлъ
креститься, вскричалъ: Христосъ! и испустилъ духъ.
Совершивъ убійство, заговорщики, размахивая окровавленными
ами, бросились по улицамъ съ радостными криками: тиранъ
ъ! да здравствуетъ испанскій король! да здравствуетъ губерна-
Альмагро! Вызванные этими криками, друзья Альмагра стека-
отвсюду подъ знамена Рады и составили въ скоромъ времени
нительный отрядъ войска.
Немедленно приставили караулы около домовъ главныхъ привер-
евъ убитаго губернатора и взяли этихъ людей подъ арестъ.
а Пизарра и Пикада отданы были на разграбленіе и доставили
ителямъ богатую добычу; самъ же Пикадо скрылся въ домъ
ачея Рикельма, который, не желая языкомъ выдать гостя,
ами указывалъ чилійцамъ на комнату, гдѣ спрятался пизарровъ
етарь. Несчастнаго нашли и повлекли въ темницу.
Весь городъ приведенъ былъ въ крайнее смятеніе, и всякой, не
надлежащій къ альмагровой партіи, трепеталъ за свою жизнь.
порядокъ дошелъ до того, что духовенство принуждено было
ти на площадь съ Св. Дарами, чтобы хотя этимъ зрѣлищемъ
ятить взволнованную толпу. Впрочемъ насиліе ограничилось
тію немногихъ людей и грабежемъ двухъ или трехъ домовъ.
магро былъ провозглашенъ намѣстникомъ, при трубномъ звукѣ
достныхъ кликахъ рыцарей его партіи. Чиновники и другія пра-
льственныя лица, непріязненныя Альмагру, были удалены
должностей и немедлено замѣнены друзьями новаго губернатора.
Между тѣмъ пизаррово тѣло валялось въ крови и прахѣ: многіе
альмагровыхъ рыцарей настоятельно требовали, чтобы голова
таго была выставлена на лобномъ мѣстѣ, а тѣло повѣшено на
лицу. Но молодой Альмагро не согласился на это и отдалъ тѣло
таго врага лицамъ, которыя похоронили его, втайнѣ и безъ
ой церемоніи, въ уголкѣ собора. Этотъ печальный обрядъ былъ
ршенъ женою и однимъ изъ друзей покойнаго.
Такъ кончилъ свою жизнь грозный завоеватель Перу, до самой
ины своей неограниченно царствовавшій надъ обширною монар-
. Онъ былъ убитъ среди бѣлаго дня, среди столицы, имъ по-
енной и среди людей, много лѣтъ дѣлившихъ съ нимъ опасности

войны и военную добычу. Чрезъ нѣсколько лѣтъ прахъ его бы
перенесенъ на другое, болѣе видное мѣсто собора и положенъ
богато украшеномъ гробѣ, а въ 1607 году тѣло Пизарра было пе
жено рядомъ съ трупомъ Мендоцы, мудраго правителя Перу. П
зарро умеръ 65 лѣтъ. Онъ не былъ женатъ законнымъ образом
но жилъ съ царевною изъ рода инковъ, дочерью Атахуальпы и вн
кою великаго Уайна Капака, отъ которой имѣлъ сына и дочь; п
вый умеръ еще въ малолѣтствѣ. Царевна, по смерти Пизарра, вы
за-мужъ за испанскаго рыцаря Ампуера и уѣхала съ нимъ въ Ис
нію; а дочь ея, Франциска, вышла за-мужъ за *дядю* своего Эрн
Пизарра, сидѣвшаго тогда въ темницѣ за альмагрову казнь. Н
чемъ вдова и дочь маркиза не наслѣдовали ни пизаррова титула, н
его сокровищъ, и только при Филиппѣ IV было возстановлено т
маркиза завоеванія (Marques de la Conquista) въ третьемъ поколѣ
фамиліи завоевателя Перу и въ лицѣ дона Хуана Эрнанда Пиз
До сихъ поръ живы его потомки въ провинціи Эстрамадурѣ, и
родѣ Трухильо, родинѣ славнаго Франциска Пизарра.

Завоеватель Перу былъ высокаго росту и хотя не отличался
ченными пріемами, но умѣлъ не уронить себя даже при кастиль
дворѣ. Не раздѣляя съ своими земляками страсти къ пышны
рядамъ, маркизъ одѣвался очень просто. Онъ былъ воздерж
пищѣ и питьѣ, но любилъ игру, хотя никогда не рѣшался об
вать бѣдныхъ людей, а нарочно имъ проигрывалъ, иногда да
чительныя суммы. Единственная его роскошь, на которую он
тилъ груды золота, заключалась въ страсти къ постройкамъ. О
былъ щедръ для окружающихъ и несмѣтное его богатство по
ляло ему дѣлать самые богатые подарки друзьямъ и приверж
цамъ. Такъ-какъ онъ не умѣлъ писать и даже подписывать сво
имени, то всѣ подписи дѣлалъ за него секретарь, а онъ самъ то
расчеркивался подъ секретарскою подписью. Мужество Пизарр
знало предѣловъ, воля была желѣзная и рѣшимость непоколеби
вся жизнь его служитъ доказательствомъ преобладанія въ н
этихъ трехъ качествъ.

Но если Пизарро былъ щедръ, храбръ, рѣшителенъ и непок
бимъ, зато онъ отличался также коварствомъ и самою вѣролом
политикою. Въ характерѣ и жизни Кортеца и Пизарра есть м
сходнаго, но завоеватель Мексики дѣйствовалъ подъ преимущ
веннымъ вліяніемъ религіозныхъ идей, тогда-какъ покоритель П
искалъ только власти, славы и золота.

Въ слѣдующей статьѣ, мы разскажемъ происшествія, случив
въ Перу непосредственно послѣ смерти Пизарра.

ДУХОВИДЕЦЪ и проч. (The haunted man and the ghost's gain). *Новый святочный разсказъ Диккенса.*

Читателямъ нашимъ хорошо извѣстно имя Диккенса; еще недавно ознакомили ихъ съ однимъ изъ послѣднихъ и, безъ сомнѣнія, однимъ изъ лучшихъ его произведеній «*Домби и Сынъ*». Несмотря на то, что этотъ романъ являлся ливрезонами, въ эпоху вовсе неблагопріятную для литературнаго успѣха (1847—1848 г.), онъ нашелъ отголосокъ во всей Европѣ и заставилъ самыхъ невѣрующихъ сознаться, что Диккенсъ долженъ занять мѣсто перваго европейскаго романиста новѣйшаго времени. Неотъемлемое право на это мѣсто Диккенсъ пріобрѣлъ не столько тѣмъ, что многія изъ его созданій отличаются художественностію исполненія, сколько тѣмъ, что всѣ они, безъ исключенія, проникнуты теплотой чувства и истинною *гуманностію*, безъ которой невозможенъ прочный успѣхъ ни для какого романиста. Нынѣ одна педантическая критика еще можетъ смотрѣть на литературное произведеніе со стороны исключительно художественной; публика судитъ гораздо глубже.

Одно изъ великихъ достоинствъ Диккенса есть умѣніе коснуться современныхъ общественныхъ вопросовъ, безъ всякаго притязанія рѣшать ихъ, но такъ, чтобы заставить читателя задуматься надъ ними и невольно понять глубину ихъ. Забавляя читателя разсказомъ, развлекая его мелочами, онъ, какъ бы мимоходомъ, заставляетъ его изучать самыя трудныя задачи. Въ этомъ отношеніи Диккенсъ по преимуществу *моралистъ* и писатель *народный*, но не въ пошломъ значеніи этихъ словъ, и именно тамъ, гдѣ, повидимому, онъ и не думаетъ быть моралистомъ и народнымъ, гдѣ мораль и народность не составляютъ главной цѣли, а вытекаютъ сами собой изъ цѣлаго впечатлѣнія, оставляемаго на душѣ читателя.

Для того, чтобы быть писателемъ народнымъ и моральнымъ, нужно льстить народу и подчивать его нравоученіями *à la* Ромео достаточно быть справедливымъ и гуманнымъ; достаточно, не дивъ послѣдствія, немножко поглубже взглянуть на причины. Э превосходно понялъ Диккенсъ: все эгоистическое, все грубое и невѣжественное находитъ въ немъ строгаго судью; все страдан падшее или униженное — глубокую симпатію. Если Диккенсъ особеннымъ мастерствомъ и могуществомъ рисуетъ портреты л огрубѣлыхъ въ порокѣ и матеріялизмѣ, зато съ какимъ вниман съ какою любовью старается онъ подмѣтить въ нихъ хоть какій-н будь слѣдъ человѣчности! Онъ знаетъ, что врожденнаго нѣтъ, что въ глубинѣ заблудшаго сердца всегда спитъ остат первоначальнаго чувства, и, при всякомъ случаѣ, онъ энергич повторяетъ пуританской Англіи, что нетерпимость и жосткость ср ца позорна для тѣхъ, которые сами не чужды устройству того рядка, среди котораго развиваются эти пороки и преступленія.

Помните ли, напримѣръ, въ романѣ «*Домби и Сынъ*» преступ развратную Алису Марвудъ? Авторъ не пожалѣлъ черныхъ кр чтобъ написать портретъ ея; но не пощадилъ онъ и тѣхъ, кто корбила она своимъ преступленіемъ и развратомъ:

«И повели ее въ судъ, и судили ее и присудили. Какъ об вижу строгихъ джентльменовъ, которые разговаривали въ какъ предсѣдатель разсуждалъ о ея обязанностяхъ, и о том она попрала въ себѣ божественные дары природы, и о томъ, законъ долженъ ее возвратить на путь истины, и о томъ, что доб дѣтель всегда и вездѣ получаетъ достойную награду, а порокъ стойное возмездіе!» и проч.

Или это заключеніе «*Мартына Чазлвита*», одного изъ лучш созданій Диккенса:

«Моралисты! Вы, которые такъ хорошо говорите о человѣч скихъ достоинствахъ и о самоуваженіи, вспомните, что есть милл ны, да, милліоны людей, которые такъ поставлены среди ваш общества, что имъ никогда не придется не только постигнуть ва чувства, но даже услыхать о нихъ. Спуститесь въ рудники и р бочія, посѣтите смрадныя глубины, въ которыхъ скрывается нев жество, эта бездна, въ которую преступное нерадѣніе вверга слишкомъ значительную часть человѣчества, и скажите, какое р стеніе можетъ взойти и созрѣть тамъ, гдѣ воздухъ такъ густъ и з разителенъ, что малѣйшая искра интелигенціи потухаетъ въ нем немедленно!»

Мы вырвали эти строки наудачу, изъ первыхъ, попавшихся намъ романовъ; но можемъ сказать утвердительно, что эти отрывк

ь вѣрное понятіе о томъ духѣ, которымъ насквозь проникнуты
зія Диккенса. Нужно ли послѣ этого удивляться, что Дик-
могущественно народенъ въ Англіи? Народность его, естест-
питавшись на улицѣ, давно проникла и въ высшіе слои англій-
общества; но тутъ на него смотрятъ съ высоты своего соб-
наго величія и видятъ въ немъ не столько глубокаго морали-
сколько искуснаго разскащика; онъ забавляетъ.

ъ сожалѣнію, самъ Диккенсъ не удовлетворился тою народно-
которую доставляли и доставляютъ ему его романы, съ ихъ
кимъ моральнымъ значеніемъ. Онъ какъ-будто пожелалъ
еще болѣе народнымъ, еще болѣе моральнымъ, и лѣтъ пять
назадъ началъ рядъ народныхъ сказокъ, избравъ эпохой ихъ
енія *святки*, самый народный праздникъ въ Англіи и связанный,
ожествомъ предразсудковъ и повѣрій. Мы сказали: *къ сожалѣ-*
ю-первыхъ потому, что мы не раздѣляемъ той мысли, будто
ь надо забавлять сказками съ нравоучительной приправой; во-
хъ потому, что намъ жалко видѣть столько дѣйствительныхъ
гъ, втиснутыхъ въ узенькую рамку нравоучительной фантазіи, и
ецъ потому, что самъ Диккенсъ въ своихъ народныхъ сказкахъ,
ся намъ, не совсѣмъ дома: всѣ онѣ заключаютъ въ себѣ фан-
ческій элементъ (1), который онъ силится объяснить или при-
ь дѣйствительностію, и это ему не всегда удается; во всѣхъ нихъ
силія быть глубокимъ — онъ часто впадаетъ въ пафосъ; отъ
ія быть поучительнымъ — дѣлается мелочнымъ или притор-
: даже языкъ его принимаетъ какую-то вычурность, которой
въ языкѣ его романовъ и которая оскорбляетъ истинно обра-
ный вкусъ.

сихъ поръ Диккенсъ издалъ пять святочныхъ сказокъ. (2).
ія двѣ: *Святочная пѣснь въ прозѣ* (*A Christmas carol in prose*)
окола (the Chimes), за исключеніемъ нѣкоторыхъ недостат-
свойственныхъ этому роду сочиненій, были прекрасны; вто-
вѣ: *Сверчокъ (the cricket on the hearth)* и *Битва жизни (the*
of life), были уже не такъ строго выдержаны и грѣшили не
неестественностію; наконецъ *святочная фантазія (a*
for Christmas time) нынѣшняго года: *Духовидецъ* и проч.
aunted man and the ghost's bargain), по нашему мнѣ-
лабѣе всѣхъ предъидущихъ, какъ по созданію, такъ и по ис-
нію. Достаточно сказать, что въ этомъ разсказѣ, написанномъ

а исключеніемъ *Битвы жизни*, которая, не знаемъ почему, причислена
очнымъ разсказамъ.

м. прекрасную статью г. Кронеберга: *Святочные разсказы Диккенса*,
рникъ, 1847 г. ч. 2.

самымъ изысканнымъ языкомъ, въ привидѣніи олицетворя... чего не
печальныя мысли, а въ главномъ женскомъ лицѣ — *разума* ... мужчина
повѣсти, и что изъ коллизіи печальныхъ мыслей и разума вы... И д
но самое узенькое нравоученіе. Ну за привидѣніе мы не стоимъ... своемъ
немъ можно олицетворять что́ угодно; но олицетворить разумъ... дѣлает
его героя въ женщинѣ и пустить ее играть главную роль въ ... друже.
разсказѣ, — этого, признаемся, мы никакъ не можемъ прос... физик
знаменитому романисту. Та

Но лучше мы постараемся въ немногихъ словахъ переда... трупъ
шимъ читателямъ самое содержаніе новаго произведенія Дик... далеки
пусть судятъ они сами, справедливы ли мы. Пр

Герой фантазіи, профессоръ химіи Ридловъ. Всѣ считали его... обман
духовидца, и дѣйствительно, онъ былъ духовидцемъ, и ни... нили,
никто бы не усомнился, что онъ духовидецъ. Онъ былъ выс... мять
роста, очень худъ, блѣденъ, постоянно растрепанъ и весь одѣ... Фредъ
черное; имѣлъ блестящіе глубоко-впалые глаза и длинные, ... Ду
волосы, на половину сѣдые. Никто не видалъ его улыбки; ... венно
разсѣянный, задумчивый, чѣмъ-то озабоченный, мрачный. ... зовалс
постоянно какъ-будто думалъ о дняхъ давно прошедшихъ, ... Эт
сился мыслію въ мѣста давно покинутыя, прислушивался къ ... или, т
да вновь затихшимъ. Говорилъ онъ медленно и торжественно, как... Од
намѣренно лишалъ голосъ свой его естественной полноты ... маны,
ности. Къ тому же, домъ, въ которомъ онъ жилъ, также ... ласть
походилъ на жилище, посѣщаемое духами. Этотъ домъ былъ ... вечь.
мраченъ, такъ закопченъ, такъ задавленъ другими зданіями, ... До
рыя деревья, окружавшія его и давно переставшія видѣть солнце, ... рожа
зались такими больными, газоны его двора были такъ бѣдны ... пост
сыры, камни его лѣстницъ такъ поросли мхомъ, что при ... шее
взглядѣ на это жилище невольная дрожь пробѣгала по тѣлу. Но ... собн
тренность его была еще печальнѣе. Сырыя, мрачныя, обыкновен... шени
безмолвныя комнаты оглашались оглушительнымъ эхомъ отъ ... Т
лѣйшаго шума, произведеннаго отворенною или затворенною ... буд
Ридловъ почти не выходилъ изъ комнаты, которая служила ... чес
вмѣстѣ библіотекой и лабораторіей; если бы кто увидалъ его въ ... мин
комнатѣ, зимнимъ вечеромъ, среди его книгъ и инструментовъ, ... нул
рыхъ тѣни, фантастически измѣняя величину и форму, прыгали ... ряни
потолку и по стѣнамъ, покоряясь движенію пламени въ ... прос
ежели бы кто увидалъ, говоримъ мы, какъ почтенный профессор... Но ч
неподвижный какъ трупъ, сидитъ въ своихъ креслахъ передъ ... лого
номъ, смотритъ пристально ничего не видя, шевелитъ плоскими ... ност
бами, не произнося ни звука, внимательно прислушивается, ... холс
... про

не слыша, тотъ, безъ сомнѣнія, принялъ бы его за человѣка
аго привидѣніями или вызывающаго духовъ.
дѣйствительно, мистеръ Ридловъ — духовидецъ; онъ часто въ
ъ уединеніи видитъ, какъ его собственная тѣнь сама собой от-
тся отъ стѣны, оживается, становится его *двойникомъ* и пре-
елюбно пускается съ нимъ въ разговоры, въ которыхъ ученый
къ является иногда довольно плохимъ метафизикомъ.
ікъ однажды, наканунѣ Рождества, Ридловъ, неподвижный какъ
, сидѣлъ въ своихъ креслахъ передъ каминомъ и внимая от-
ной рождественской музыкѣ, думалъ о прошедшемъ.
ошедшее его было печально: онъ былъ несчастливъ, онъ былъ
утъ въ своихъ самыхъ нѣжныхъ привязанностяхъ, ему измѣ-
его оскорбили, и ему казалось ясно какъ день, что только на-
прошедшемъ отравляетъ жизнь его, и онъ, какъ новый Ман-
, просилъ забвенія у духа своего уединенія.
хъ незаставилъ долго ждать себя; онъ явился, какъ обыкно-
являются духи, т. е. изъ мрака, который мало-по-малу обра-
ся и сгустился за креслами духовидца.
отъ духъ былъ печальное и страшное подобіе самого Ридлова,
очнѣе, олицетвореніе печальныхъ мыслей его.
но за другимъ, повторяетъ ему духъ всѣ оскорбленія, всѣ об-
, испытанные имъ въ прошедшемъ; капля за каплей наполн-
онъ душу его страшною горечью, и когда сосудъ перепол-
онъ предлагаетъ ему въ даръ способность забывать прошедшее.
говоръ заключенъ. Но духи въ договорахъ своихъ съ неосто-
ыми смертными любятъ ввернуть какой-нибудь крючокъ; такъ
пилъ и духъ Ридлова: давъ ему способность забывать прошед-
онъ поставилъ ему въ неизбѣжное условіе сообщить эту спо-
ость всѣмъ, съ кѣмъ онъ будетъ находиться въ прямыхъ сно-
ихъ.
ченый профессоръ пренаивно воображаетъ, что не только онъ
ъ самъ счастливѣе, но и сдѣлается благодѣтелемъ рода челов-
го.... На свѣтѣ такъ много несчастныхъ, для которыхъ воспо-
нія составляютъ истинное мученіе! Но, увы! онъ жестоко обма-
; разорвавъ связь съ прошедшимъ, онъ чувствуетъ себя зате-
ымъ въ пространствѣ, какъ корабль безъ баласта и компаса; онъ
ился съ воспоминаніемъ, но простился также и съ надеждой!
о дѣлаетъ его несчастнѣе, такъ это условіе, которое ввернулъ въ
оръ коварный духъ, условіе сообщать свою гибельную способ-
другимъ. Куда ни является Ридловъ, всюду сообщаетъ онъ
ъ, отъ котораго леденится всякое проявленіе чувства; всюду
жаютъ его проклятія.

Ридловъ былъ добрый человѣкъ: онъ любилъ быть полез... своимъ ближнимъ, несмотря на зло, которое они ему сдѣлал... навъ отъ Милли, жены своего болтливаго слуги Вильяма, и о... творенія своего собственнаго разума, что одинъ изъ его учен... боленъ и находится безъ всякой помощи, онъ отправился н... стить его. Отыскивая больного студента, Ридловъ попа... въ семейство разнощика журналовъ, Теттерби. Оригинальное, ... ческое семейство, въ описаніи котораго, со всѣми мелочны... робностями, Диккенсъ является геніяльнымъ художникомъ. Тет... и жена его живутъ въ бѣдности, они обременены кучею ма... ныхъ дѣтей; но они не ропщутъ на судьбу свою, воспоминаніе ... шедшаго согрѣваютъ ихъ печальное настоящее; много всѣ ... пережили они горя, да вѣдь въ пережитомъ были и свѣтлыя ... Къ тому же, когда имъ горевать? это роскошь позволительна ... богатому, а бѣдный, неумѣренно предаваясь безплодному горю, ... жалуй умретъ съ голода. Теттерби продаетъ журналы и ... книжки; жена его бѣгаетъ на рынокъ, стряпаетъ, моетъ ... даетъ щелчки шалунамъ... по щелчку каждому, такъ семь щел... и на это нужно время. Дѣти также помогаютъ родителямъ: ... шій, 12 лѣтъ, носитъ журналы на станціи желѣзной дороги; ... самый толстый, самый неуклюжій, служитъ нянюшкой своей ... шой сестрѣ; она такъ привязалась къ нему, что не сходитъ с... его, и они похожи больше на сіамскихъ близнецовъ, чѣмъ ... дѣльныя существа; двое другихъ строятъ крѣпость изъ ... ныхъ раковинъ, а остальныя дѣлаютъ отчаянныя вылазки ... угла и бомбардируютъ крѣпость башмаками и всѣмъ, что ... дется подъ руку, — тоже хорошее средство, чтобъ дѣти не ... хлѣба, котораго иногда не на что купить. Много шуму и ... этомъ семействѣ, но въ немъ процвѣтали миръ и согласіе! На... мой, какую страшную перемѣну производитъ появленіе мистр... лова съ его пагубнымъ даромъ сообщать забвеніе прошедшаго! ... нравственнное перерожденіе совершилось во всемъ семействѣ! ... Теттерби не хочетъ работать и бранитъ жену, зачѣмъ она ... столько дѣтей; мистриссъ Теттерби называетъ себя рабыней ... счастной жертвой своего мужа; дѣти дерутся и просятъ ѣсть: ... сынъ-нянюшка, этотъ смѣшной, толстый, терпѣливый и сни... тельный Жоннп, осмѣливается поднять руку на свою маленьку... стру и находитъ, что она слишкомъ тяжела и навязчива.

Ридловъ бѣжитъ отъ нихъ, какъ воръ, застигнутый на мѣстѣ ... ступленія. Онъ входитъ къ больному студенту, который оказы... ся сыномъ друга юности и возлюбленной Ридлова; сыномъ ... существъ, которыя обманули, оскорбили его самымъ жестоким...

ъ. Молодой человѣкъ тронутъ посѣщеніемъ Ридлова, онъ ду-
, что онъ простилъ его несчастной матери, что изъ воспомина-
ней онъ пришелъ навѣстить его.... Онъ со слезами разсказы-
Ридлову о своей матери, о томъ, какъ она страдала, какъ была
ана за свое преступленіе, какъ она любила Ридлова и какъ сына
о научила любить его....
о лицо Ридлова остается холодно; никакого чувства не пробуди-
ъ немъ при этомъ разсказѣ; прошедшее болѣе для него не су-
уетъ, и онъ чувствуетъ, что какая-то страшная пустота обра-
ась въ груди его. «Прошедшее прошло, говоритъ онъ. Кто го-
ъ мнѣ о слѣдахъ, оставленныхъ прошедшимъ въ моей жизни,
или безумецъ, или лжецъ! Что мнѣ за дѣло до вашихъ глупыхъ
ній? Вамъ нужны деньги, вотъ онѣ; я только за этимъ при-
сюда.... больше ни зачѣмъ.... ни зачѣмъ....»
э въ то время какъ удивленный, оскорбленный юноша возвра-
ь ему его непрошенныя деньги, руки ихъ коснулись, взоры
тились, и, Боже мой, какая страшная перемѣна совершилась
мъ! Какъ становится холоденъ и бездушенъ этотъ добрый,
чувствительный юноша! Сію минуту онъ плакалъ, воспоминая
з горе, а теперь онъ хладнокровно готовъ оскорблять самое
ое, самое доброе существо, которое помогало ему переносить
обственное горе.
ъ нему приходитъ Милли; единственно изъ доброты души, она
ивала за нимъ, когда онъ былъ боленъ, убирала его комнату,
ила ему о его матери, о его невѣстѣ.... Она по прежнему до-
привѣтлива, а онъ, онъ холодно намекаетъ ей, что онъ очень
о понимаетъ причину ея участія, что все это она дѣлала изъ
стнаго разсчета получить отъ него хорошее вознагражденіе....
рая Милли въ слезахъ выходитъ изъ комнаты.
олодой человѣкъ самъ не понимаетъ, какъ онъ могъ поступить
неблагодарно; онъ самъ не понимаетъ чудной перемѣны, совер-
шейся съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ Ридловъ коснулся руки его, и
чувствуетъ, что въ груди его образовалась какая-то страшная
ота.
- Что вы сдѣлали со мной? говоритъ онъ Ридлову:—какую пере-
совершили во мнѣ? Какимъ проклятіемъ обременили меня? Воз-
те меня самому себѣ!
- О, если бы я могъ тоже возвратить себя! восклицаетъ Рид-
— Я одержимъ заразительною болѣзнью, которую рас-
раняю всюду. Все, что внушало мнѣ участіе, симпатію,
аданіе, передъ всѣмъ этимъ я остаюсь теперь равнодушенъ и
енъ какъ камень.

И Ридловъ какъ безумный бѣжитъ далѣе.

— Но есть же несчастные, есть страдальцы, для которыхъ
веніе было бы истинною благодатью! и съ этою мыслію идетъ
въ глухую часть города, гдѣ среди развалинъ, голода, ни
и разврата прозябаютъ толпы живыхъ существъ, едва сохранив
образъ человѣческій.

Мы не послѣдуемъ за нимъ туда; довольно сказать, что он
ходитъ, что воспоминаніе прошедшаго, какъ бы ни было оно ве
но, служитъ и для этихъ существъ, падшихъ такъ низко, единст
ной нравственной опорой въ настоящемъ, послѣднею связью съ
что̀ дѣйствительно человѣчно. И тамъ встрѣчаетъ онъ прил
отъ тѣхъ, которымъ сообщилъ пагубный даръ свой. Это
ожесточеніе, нравственная смерть распространяются при ст
вленіи.

На одно только существо способность Ридлова не оказыва
малѣйшаго впечатлѣнія; это существо — нѣчто въ родѣ Кал
уродъ, идіотъ, безобразный кусокъ мяса, чувствующій тольк
физическія потребности. И чувство, которое ощутилъ Ридловъ
какъ этотъ бездушный кусокъ мяса нисколько не подверга
вліянію, въ то время, какъ все, въ чемъ остался хотя слабы
человѣчности, мгновенно поддается ему, было невыносимо т
Ученый профессоръ начинаетъ догадываться, что онъ надѣ
постей.

— Тѣни! восклицаетъ онъ, возвратившись домой въ
нія: — мстители моихъ преступныхъ мыслей! смотрите на меня
тесь моимъ страданіемъ! Теперь я знаю, что для человѣка и вос
наніе дурного также необходимо, какъ воспоминаніе хорошаго
ты, духъ моего уединенія, приди снова, мучь меня день и ноч
возьми назадъ пагубный даръ свой. Но если я осужденъ тобо
крайней-мѣрѣ спаси тѣхъ, которыхъ я сдѣлалъ несчастными. Усл
меня, исполни мою молитву!

Къ счастію человѣческаго рода вообще и профессора хими
лова въ особенности, духъ попался довольно снисходительный:
мучивъ еще нѣсколько мистера Ридлова, онъ указываетъ ему
брую, чистую, немножко приторную Милли, которая спасетъ
самого и несчастныхъ жертвъ его.

Сдѣлавъ ему это обѣщаніе, духъ не упускаетъ благопріят
случая сдѣлать маленькое нравоученіе мистеру Ридлову, а съ
вмѣстѣ и вамъ, почтенные читатели.

Указывая на маленькаго урода, онъ говоритъ:

— Смотри, вотъ лучшій типъ того, чѣмъ ты хотѣлъ быть,
человѣческаго существа, совершенно лишеннаго воспоминаній,

ыхъ ты добровольно отказался. Ты не могъ сообщить ему сво-
чальной способности, потому-что ему нечего изгонять изъ
: памяти: у него нѣтъ ея. На душѣ его нѣтъ ни одного слѣда
ли или чувства; это пустыня безплодная, голая.... И ты добро-
но уподобился ему! Онъ — произведеніе человѣческаго равноду-
, ты — человѣческой гордости; вы оба вышли изъ противныхъ
овъ нравственнаго міра, чтобы сойтись въ общей срединѣ ни-
ества!

Въ этомъ состоитъ мораль сказки. Вы видите, что она сшита
выми нитками.

Мы говорили уже, что Диккенсъ имѣлъ несчастную мысль ввес
въ свой разсказъ женщину — *олицетвореніе разума;* это Милли,
рая должна снова все привести въ порядокъ и гармонію. Изъ
о лица, какъ и надо было ожидать, вышло не олицетвореніе
ма, смѣлою рукою художника высѣченное изъ мрамора, и которое
но бы узнать по его строгимъ, благороднымъ чертамъ, но, увы!
рная куколка, на хрупкомъ пьедесталѣ которой для недогадли-
ъ подписано: «*Се есть олицетвореніе разума*».

ie-то олицетвореніе отправляется на другой день поправлять
ому, надѣланную почтеннымъ профессоромъ и разносить міръ и
йствіе въ интересное семейство разнощика журналовъ, въ
ату влюбленнаго студента, въ смрадное жилище нищеты и раз-
и наконецъ въ душу самого Ридлова.

Се кончается къ общему удовольствію сытнымъ, веселымъ обѣ-
у мистера Ридлова и молитвой, повторяемой хоромъ и заключа-
ю книгу:

Lord, keep my memory green!
Господи, сохрани мнѣ память мою!

лость, натянутость и многіе другіе недостатки этого произве-
и служатъ намъ достаточнымъ оправданіемъ передъ читателями,
вмѣсто полнаго перевода передаемъ имъ только голый остовъ
й *фантазіи* Диккенса (a fancy — такъ называетъ свое произве-
самъ авторъ). Несмотря на недостатки, которые авторъ какъ
амѣренно преувеличилъ въ этомъ разсказѣ, въ немъ есть кар-
, есть лица, написанныя рукою мастера. Но въ цѣломъ, новый
очный разсказъ, съ своей претензіей на метафизику, произвелъ
ісъ такое непріятное впечатлѣніе, что мы не рѣшились перево-
его; тѣмъ не менѣе, мы не хотѣли оставить нашихъ читате-
въ совершенной неизвѣстности о новомъ произведеніи Дик-
а.

Не думаемъ, чтобъ *Духовидецъ* прибавилъ много славы Дик
но знаемъ уже, что онъ доставилъ ему много денегъ: въ первы
дня своего появленія онъ былъ раскупленъ въ Лондонѣ въ ч
18,000 экземпляровъ, по 5 шиллинговъ (1 руб. 75 коп. сер.) а
ждый. Сверхъ того, Диккенсъ передѣлалъ его для театра, и, хо
лѣпно обставленный, онъ ежедневно привлекаетъ толпы наро
театръ Адельфи.

V.

КАРТИНЫ МИСИССИПИ

СВѢТЛЫЯ И ТЕМНЫЯ СТОРОНЫ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИЗНИ.

IV.

ДОКТОРЪ МИДДЛТОНЪ.

Былъ холодный, но ясный февральскій день; одинокій всадникъ ѣхалъ изъ незначительнаго городка Ф... въ Иллинойсѣ на широ- дорогу — въ степи. То былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати и или осьми, съ добродушными темными глазами; поверхъ оде- его былъ, по обычаю холодныхъ странъ, надѣтъ огромный тукъ изъ бѣлой фланели, такъ-что только блестящіе глаза да раснѣвшія отъ холоднаго вѣтра щоки выглядывали изъ подня- вверхъ воротника; на голову была нахлобучена шапка изъ мяг- темношерстной выдры.

Нижняя часть ногъ была также обвязана большимъ кускомъ ей фланели, которая въ свою очередь стягивалась зелеными под- ками. На правомъ каблукѣ торчала простая желѣзная шпора, а спинѣ висѣла красивая кентукская винтовка, принадлежавшая къ ду тѣхъ, которыя жителямъ этой страны доставили славу искус- ъ охотниковъ. Но, несмотря на винтовку, всадникъ, казалось, ѣхалъ не для охоты; на немъ не было ни ягташа, ни пороховни- ; онъ ѣхалъ крупной рысью по замерзшей дорогѣ и не обращалъ малѣйшаго вниманія на дичь, которая безпрестанно подымалась лѣ дороги. Онъ замѣтилъ передъ собою другого всадника и ста- ся его нагнать, чтобы сколько-нибудь сократить разговорами образную степь, тянувшуюся по необозримой дали гладкою тою равниною.

И дѣйствительно, печальна была эта страшная, желтая степь. На восточномъ горизонтѣ лежали черныя тучи, прорываемыя тамъ-сямъ сине-зелеными клочками неба, дѣлавшаго видъ ихъ еще печальнѣе; холодно и рѣзко несся сѣверо-западный вѣтеръ съ близъ-лежащихъ озеръ; даже теплые лучи полуденнаго солнца не были въ состояніи согрѣть озябнувшаго всадника, погонявшаго своего маленькаго, быстроногаго нонни (*), чтобы сколько-нибудь согрѣться этою рысью.

Онъ нагналъ ѣхавшаго передъ нимъ всадника и придержалъ лошадь.

— Здоровы ли вы, докторъ? спросилъ тотъ. — Несмотря на морозъ, вы собрались въ городъ? куда какъ не кстати этотъ сѣверо-западный вѣтеръ, — однако погодите, недолго онъ продолжится: видите темныя длинныя полосы тучь? онѣ всѣ идутъ съ востока на западъ: это означаетъ снѣгъ или дождь, а тогда и морозъ пройдетъ.

— Дай Богъ! сказалъ молодой человѣкъ, подавая руку, которую тотъ дружески пожалъ. — Скажите мнѣ, Смитфильдъ, вы развѣ не зябнете? морозъ пробралъ меня сквозь толстый фланелевый сюртукъ, такъ-что кости трещатъ, а вы сидите себѣ спокойно на лошади съ открытою шеей, какъ-будто теперь стоитъ не февраль, а густъ, и вѣтеръ дуетъ слѣва, а не справа.

Второй всадникъ былъ добродушный старикъ, съ бѣлыми какъ сами, которыхъ короткія кудри выглядывали изъ-подъ старой шляпы. На немъ была темно-синяя шерстяная охотничья куртка, такія же панталоны и домашней работы грубые желтые башмаки. Бѣлая чистая рубашка, несмотря на сильный морозъ, была открыта на груди и показывала раскраснѣвшуюся отъ пронзительнаго вѣтра шею. Изъ кармана куртки показывалась деревянная рукоятка простого ножа, составлявшаго его единственное оружіе.

Онъ взглянулъ добродушно на доктора и отвѣчалъ:

— Вы слишкомъ много сидите въ комнатѣ, докторъ, слишкомъ много за печкой; когда вздумаете выйти на воздухъ, закутываетесь такъ, что едва носъ выглядываетъ, и малѣйшій вѣтерокъ пробираетъ васъ насквозь! Да, да, докторъ, если бы наша милая провинція не была такъ плоска, и испаряющіеся лѣтомъ дожди не производили проклятыхъ лихорадокъ, то, не знаю, было ли бы у васъ много больныхъ. Что́ это, докторъ! я думалъ, что вы не охотитесь, а теперь вижу, что у васъ чудная винтовка. О, да я видѣлъ гдѣ-то это оружіе — оно изъ города.

(*) Порода малорослыхъ, но крѣпкихъ и быстрыхъ лошадей.

— Нѣтъ, сегодня утромъ я зашелъ къ оружейнику за порой для пистолетовъ, и онъ просилъ меня взять ружье домой и при ой возможности отослать къ Джону Сингерсу.

— Джонъ Сингерсъ? я не ошибся, частенько лежали мы ночью: ъ, я и винтовка въ лѣсу, частенько, частенько; а знаете, отчего узналъ винтовки? Джонъ велѣлъ снять мѣдную насѣчку и обить тымъ желѣзомъ. Оно и лучше: я ему всегда говорилъ, что мѣдь ится въ лѣсу, особенно если солнце въ ней отражается; гораздо ше желѣзо или вороненая сталь, какъ у того нѣмца на штуцерѣ. нный народъ нѣмцы! наши длинныя винтовки имъ не нравятся, и возятся съ своими короткими игрушками. Правда, маленькіе цера бьютъ лихо, если бы можно было держать ихъ тверя же въ пятидесяти шагахъ едва могу прицѣлиться въ буйвола. вно я видѣлъ одного нѣмца; у него на штуцерѣ былъ ремень; умалъ сначала, что кожа ему страшно мѣшаетъ при проходѣ въ кусты, и спросилъ его, къ чему она служитъ; тогда онъ пока мнѣ, какъ онъ стрѣляетъ, — и, надо признаться, мастерски; забрасываетъ ремень за лѣвый локоть, сгибаетъ руку, такъ-что нь приходится къ замку и штуцеръ лежитъ твердо, какъ прианный; я самъ попробовалъ; умно выдумано. Что же касается до винтовки, то я могу избавить васъ отъ труда: Джонъ Сингерсъ етъ только въ полумилѣ отъ меня, и сынъ мой долженъ каждое о проѣзжать мимо него, по дорогѣ въ школу. Онъ можетъ взять съ собою, потому-что я во всякомъ случаѣ буду сегодня вечеъ дома, даже если бы пришлось ѣхать до полуночи.

— Вы мнѣ этимъ сдѣлаете большое одолженіе; говоря откровен. тяжелое желѣзо почти отдавило мнѣ плечо.

— Я это замѣтилъ съ перваго взгляда, сказалъ смѣясь старикъ: я тотчасъ увидѣлъ, что вы не охотникъ, по тому, какъ вы дерли винтовку; я же къ нимъ такъ привыкъ, что безъ ружья на ечѣ мнѣ какъ-будто чего-то недостаетъ. Однако, докторъ, долгъ атежемъ красенъ: если вы въ замѣну того согласитесь сдѣлать ѣ услугу, то избавите меня отъ лишней поѣздки, а именно въ ъ городокъ. Мнѣ нужно заплатить тамъ сто пять долларовъ купРозенбергу; завтра срокъ, и вы меня крайне обяжете, если соситесь взять деньги съ собою; но возьмите квитанцію: я не слиомъ довѣряю этому молодцу; у него что-то очень горбатый носъ урчавые волосы; маленькій нѣмецъ, мой сосѣдъ, разсказываетъ емъ разныя вещи.... сдѣлайте мнѣ эту милость!

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, любезный другъ; деньги дутъ вѣрно доставлены и квитанція взята; я самъ не очень довѣ этому купцу; товарищъ его, отправившійся съ нимъ, шесть

нѣтъ тому назадъ, въ Индіану, говорилъ ему въ лицо столько д
ного, когда они недавно разбранились, что я за него въ душѣ п
нѣлъ. Но какъ бы ни было, квитанцію онъ долженъ дать, и н
нечего бояться.

— Въ такомъ случаѣ возьмите, вотъ бумажникъ, сказалъ С
фильдъ, подавая молодому человѣку маленькій, обтертый б
никъ, изъ красноватой кожи. — Не вынимайте, сказалъ онъ, н
что докторъ хочетъ вынуть ассигнаціи, чтобъ возвратить ем
мажникъ: — мнѣ его не нужно, и вы мнѣ возвратите его въ д
разъ.

— Однако, докторъ, продолжалъ онъ, положивъ винтовку п
собою на сѣдло: — нѣтъ ли съ вами пороху? я не люблю ѣздит
незаряженнымъ ружьемъ и вѣроятно до ночи повстрѣчаю п
оленей.

— Порохъ-то у меня есть, да нѣтъ пуль; я взялъ четверть ф
та для моихъ пистолетовъ, потому-что порохъ, который прод
Розенбергъ, никуда не годится, между тѣмъ какъ ему плат
фунтъ по доллару.

— Ну, одна пуля найдется у меня въ карманѣ; она отъ м
винтовки и непремѣнно будетъ впору для джонова ствола, если
только добрую тряпку; онъ часто стрѣлялъ моими пулями; м
пули немного велики для моего ружья.

Съ этими словами онъ сошелъ съ лошади и отыскалъ въ п
комъ карманѣ пулю.

Докторъ также соскочилъ съ лошади и подошелъ къ н
онъ обернулъ поводья лошади около праваго локтя и началъ нем
скакать и топать ногами, чтобы сколько-нибудь согрѣть полузам
нѣвшіе члены.

— У васъ нѣтъ мѣрки, Смитфильдъ? отвѣчалъ онъ старику, к
гда тотъ спросилъ пороху.

— Не бѣда! насыпьте мнѣ только пороху на ладонь, чтобы п
много прикрыть пулю; стой! не такъ скоро — такъ — довольн
Посмотрите, продолжалъ онъ, заткнувъ въ затравку коротый ко
чикъ пера степной птицы: — посмотрите, съ этимъ лоскуткомъ и
жи пуля совершенно впору. И теперь, сказалъ онъ, спустивъ ее м
дленно въ дуло, но вѣрною и спокойною рукою: — я бы желалъ и
дѣть оленя, который бы осмѣлился стать въ осьмидесяти или с
шагахъ отъ меня.

Два пріятеля сѣли опять на лошадей и проѣхали вмѣстѣ окол
трехъ миль, разсказывая другъ другу разныя новости; вдругъ д
рога раздѣлилась на-двое и докторъ пріостановилъ лошадь.

— Здѣсь намъ нужно разстаться, сказалъ онъ, дружески протя-ъ руку старику: — меня тянетъ въ теплую комнату, и если я не ѣюсь скоро отъ ѣзды, то заѣду въ первый домъ и переночую ъ.

— Прощайте, прощайте! закричалъ старикъ, привѣтливо кивая ою и поворачивая налѣво, между тѣмъ какъ докторъ направилъ ю лошадь по дорогѣ къ сѣверу: — прощайте, на той недѣлѣ я ду къ вамъ за квитанціей

— Хорошо, отвѣчалъ докторъ: — тогда вы непремѣнно будете евать у меня.

Между тѣмъ они отъѣхали другъ отъ друга болѣе, чѣмъ на сто овъ, еще разъ дружески сказали: «прощайте!» и поскакали ка-ый своей дорогой по гладкой, мерзлой равнинѣ.

Смитфильду оставалось почти еще двадцать миль до фермы, по-му онъ пришпорилъ рѣзваго коня своего, такъ-что тотъ, сдѣлавъ сколько скачковъ, помчался по ровной степи скорою иноходью.

Уже немного времени оставалось до солнечнаго заката, когда ъ подъѣхалъ къ небольшому лѣсу, тянувшемуся длинною темною лосою и составлявшему первый предѣлъ тѣхъ большихъ лѣсовъ, горые отъ озеръ идутъ на югъ почти до рѣки Огіо.

Приблизившись къ окраинѣ лѣса, Смитфильдъ пустилъ лошадь гомъ и внимательно смотрѣлъ на обѣ стороны дороги, въ надеж-ь, если можно, подстрѣлить беззаботно пасущагося гдѣ-нибудь леня и привезти домой кусокъ вкусной дичины.

Подъѣхавъ къ кустарнику, на мѣстѣ, гдѣ дорога сворачивала нс-ного вправо, онъ внезапно услышалъ подлѣ самой дороги крикъ ыдѣйки; тотчасъ остановилъ онъ лошадь и сталъ прислушиваться, ткуда происходятъ эти звуки, какъ вдругъ въ пятнадцати шагахъ къ него, въ низкомъ кустарникѣ, сверкнула блестящая молнія, здался громкій выстрѣлъ, и, высоко подскочивъ на сѣдлѣ, старый митфильдъ, до смерти раненый, грянулся на мерзлую землю. Еще динъ разъ судорожно приподнялся онъ, упалъ назадъ, вытянулся умеръ, между тѣмъ какъ теплая кровь переливалась темными ру-ьями чрезъ синюю охотничью куртку на снѣжную поверхность емли.

Испуганная лошадь полетѣла съ бѣшеною скоростію къ домаш-ему крову.

Около пяти минутъ старикъ пролежалъ спокойно; кровь пере-тала течь и остановилась густою массою на дорогѣ. Лицо его по-рылось смертною блѣдностію, между тѣмъ какъ совершенно от-рытые глаза были дико устремлены къ голубому небу, подернуто-ду легкими полосами тумана, какъ-будто прося помощи или требуя

мщенія убійцѣ. Тогда зашевелились кусты подлѣ самой дороги, изъ-за нихъ выскочилъ, быстро и дико озираясь, блѣдный небольшого росту человѣкъ.

На немъ была кожаная охотничья рубашка и такіе же панталоны, на ногахъ крѣпкіе, грубые башмаки, а на головѣ шапка изъ лисьяго мѣху; лицо его, покрытое остатками оспы, въ одно и то мгновеніе выражало ужасныя страсти: удовлетворенное мщеніе, трусость и жестокость, придававшія его чертамъ какую-то сверхъестественную дикость.

Въ рукахъ держалъ онъ длинное, тяжелое ружье, посылающее смертельную пулю.

Почти неслышными, но быстрыми шагами проскользнулъ онъ къ трупу и съ холодною радостью во взорѣ нагнулся надъ неподвижнымъ трупомъ стараго охотника, въ чертахъ котораго добродушіе и откровенность не могли даже изгладиться послѣ внезапной страдальческой смерти.

— Теперь ты не будешь смѣяться надъ моимъ ружьемъ и не скажешь, что это игрушка; сего-дня оно попало въ свою цѣль — прямо въ сердце, бормоталъ онъ про себя, приподнявъ трупъ за лѣвое плечо: — и насквозь — на здоровье — свинецъ мой по-крайней мѣрѣ не выдастъ меня, когда они найдутъ тѣло; теперь, старичокъ, давай-ка сюда денежки. И съ внимательною, боязливою торопливостію началъ убійца ощупывать тѣло своей жертвы, чтобы предполагаемыя имъ у старика деньги, такъ-какъ онъ утромъ слышалъ въ городѣ, что Смитфильдъ долженъ былъ взять домой значительную сумму.

Однако денегъ не было, и все бѣшеннѣе, все усерднѣе обыскивалъ онъ десять разъ ощупанное мѣсто, отворилъ даже клапанъ въ прикладѣ ружья, чтобы удостовѣриться, не спряталъ ли тамъ старикъ своего сокровища; но напрасно.

— Будь я проклятъ! закричалъ онъ, вскочивъ на ноги и въ бѣшенствѣ бросивъ шапку на землю: даромъ, совершенно даромъ убилъ стараго грѣшника! — Однако не можетъ быть, прервалъ онъ себя снова: — онѣ должны быть у него; и опять началъ онъ страшную работу и обыскалъ еще разъ всѣ мѣста, гдѣ могъ предполагать ожиданныя деньги; напрасно! скрежеща зубами, утомленный, сѣлъ онъ на опрокинутое дерево; однако опасеніе быть пойманнымъ, если бы онъ долѣе оставался на мѣстѣ совершоннаго имъ преступленія, скоро вытѣснило всѣ другія мысли.

Онъ вскочилъ, подошелъ къ трупу и поднялъ съ земли ружье, выпавшее изъ рукъ старика, при его паденіи.

— Пуля прошла насквозь, бормоталъ онъ сквозь зубы: — и если я рѣлю изъ винтовки стараго дурака, люди, которые найдутъ его, маютъ, что онъ самъ случайно застрѣлился...не въ первый ...ато, скверно будетъ, если, даже не получивъ денегъ, еще при- я въ добавокъ быть повѣшеннымъ.

Съ этими словами онъ выстрѣлилъ изъ винтовки и положилъ ее ѣ старика, въ такомъ положеніи, что можно было подозрѣвать частный случай, отъ котораго она сама выстрѣлила; потомъ, тивъ свое собственное ружье и шапку, побѣжалъ въ лѣсъ, гдѣ зи стояла привязанная лошадь его, и быстро помчался по до- ѣ, чтобы какъ-можно скорѣе показаться въ трактирѣ и тѣмъ юнить отъ себя всякое подозрѣніе.

Домъ Мансфильда былъ первый попавшійся ему на пути, когда совершенно стемнѣло; онъ хотѣлъ подъѣхать къ нему и поз- кого-нибудь, какъ увидѣлъ мальчика, который, напоивъ ло- ь у ближняго источника, возвращался съ нею въ конюшню.

Чья это лошадь? спросилъ онъ мальчика, когда тотъ подо- ь къ нему.

— Доктора Мидльтона, отвѣчалъ мальчикъ. А вы кто?

— Я путешественникъ, отвѣчалъ тотъ отрывисто и поскакалъ ше по дорогѣ къ трактиру, находившемуся въ двухъ миляхъ дома Мансфильда. Никѣмъ не замѣченный, вошелъ онъ въ ко- у низкаго домика, служившую буфетомъ.

Едва полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ убійца оставилъ свою гву; еще мракъ боролся со свѣтомъ и готовился окружить шное мѣсто преступленія, между тѣмъ какъ нѣсколько орловъ, влеченныхъ запахомъ крови, качались на верхушкахъ ближнихъ вьевъ и ожидали перваго разсвѣта, чтобы начать свою трапезу; гъ два всадника появились на той же дорогѣ, гдѣ за полчаса не- тный Смитфильдъ такъ страшно кончилъ жизнь свою.

Подъѣхавъ къ этому мѣсту, обѣ лошади въ испугѣ отскочили торону, фыркая и дрожа всѣмъ тѣломъ. Испуганные всадники, не выброшенные изъ сѣдла внезапностію скачковъ своихъ ло- ей, насилу сдержали оторопѣвшихъ животныхъ.

— Во-о-о! — ты, негодная тварь, не можешь стоять спокойно, а тебѣ приказываютъ! крикнулъ съ гнѣвомъ одинъ изъ всад- въ, стройный молодой человѣкъ, пытавшійся всѣми силами коить своего коня.—Послушай, Томъ, вѣрно на дорогѣ лежитъ ая лошадь; только это и можетъ заставить моего старика бѣ- ся; онъ обыкновенно смиренъ какъ овца.

— Мой гнѣдой долженъ пройти мимо, отвѣчалъ товарищъ, широ- ечій и крѣпко сложенный мужчина, въ которомъ по выговору

можно было узнать нѣмца; между тѣмъ онъ снова ударилъ шпо
въ бока скакавшей и фыркавшей лошади. Но напрасны были
попытки всадниковъ проѣхать мимо страшнаго для лошадей ме

— Что за чудо! закричалъ одинъ изъ нихъ, называвшійся
момъ Престономъ, надо посмотрѣть, что тамъ лежитъ въ дорог
этими словами онъ спрыгнулъ съ лошади, перебросилъ поводья
рищу и подошелъ къ роковому мѣсту, между тѣмъ какъ нѣмецъ
его было Томасъ Фольгеймъ) спокойно ожидалъ конца изслѣдова
Съ дикимъ крикомъ ужаса отскочилъ молодой Престонъ, когда,
послѣднемъ свѣтѣ угасавшаго дня, увидѣлъ онъ блѣдныя черты
ловѣческаго трупа.

— Пойди сюда, Томъ, закричалъ онъ, перегибаясь чрезъ
чтобы узнать, если можно, лицо убитаго — великій Боже! это
рый Смитфильдъ!

Однимъ скачкомъ нѣмецъ очутился на землѣ, привязалъ
дья обѣихъ лошадей къ наклонившейся дубовой вѣтви и по
шелъ, внутренно содрогаясь, къ Престону.

— Что намъ дѣлать, сказалъ тотъ, видя, что товарищъ его
и задумчиво стоялъ и разсматривалъ блѣдное лицо старика: —
ли ко мнѣ въ домъ, который въ пяти миляхъ отсюда, или воро
ся въ городъ и привезти судъ?

— Послѣднее будетъ, кажется, лучше, отвѣчалъ Фольгейм
но Боже мой! какъ могло случиться это ужасное происшествіе!

— Совершенно стемнѣло; мы ничего не можемъ узнать; разве
тутъ огонь: при свѣтѣ его мы все ближе изслѣдуемъ и сговорим
что дѣлать; признаюсь откровенно, мнѣ что-то неловко здѣсь
потьмахъ, хотя я право не трусъ.

Не говоря ни слова, они высѣкли огня, и вскорѣ запылалъ сил
лый костеръ. Пламя, обнявшее сухія листья и дерево, скоро ос
тило мѣсто преступленія.

Оба пріятеля тотчасъ принялись изслѣдовать, какимъ образо
погибъ старикъ.

— Посмотри, Томъ, сказалъ Престонъ, вставшій на колѣни и
регнувшійся чрезъ трупъ: — пуля прошла чрезъ лѣвый бокъ,
смотри, винтовка его разряжена.

Съ этими словами онъ поднялъ съ земли винтовку и началъ вн
мательно разсматривать ее.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, отвѣчалъ подошедшій ближе Фольгейм
ужели старикъ упалъ съ лошади и самъ себя застрѣлилъ? это бы
бы странно: онъ такъ хорошо ѣздилъ верхомъ.

— Послушай, Томъ, продолжалъ Престонъ: мнѣ это кажется не
роятнымъ; посмотри, въ какомъ безпорядкѣ его платье! я боюс

, старика предательски убили, и съ нимъ быть можетъ были
. Выстрѣлъ былъ смертеленъ, — и, смотри, карманъ въ
лонахъ вывороченъ... видишь тамъ, и здѣсь... и здѣсь, кри-
онъ, нагибаясь и разсматривая при свѣтѣ огня довольно ясные
ѣческіе слѣды... здѣсь человѣкъ топталъ твердою ногою зем-
они вѣроятно другъ съ другомъ боролись.
ъ боязливымъ напряженіемъ осматривалъ Престонъ малѣйшія
ченныя имъ обстоятельства, которыя могли навести его на
ъ убійцы, потому-что для него съ перваго разу не существовало
нія, что то было умышленное убійство, между тѣмъ какъ нѣ-
задумчиво и печально разсматривалъ бренные остатки чест-
и добраго старика, котораго всѣ любили и уважали.
— Послушай, Биль, прервалъ онъ наконецъ молчаніе: мы посту-
ь умнѣе, если поѣдемъ отсюда въ городъ, такъ скоро, какъ тол-
шади могутъ нести насъ, и приведемъ констабля и судей. Здѣсь
лось страшное убійство, и мы до разсвѣта успѣемъ быть мо-
ь найти слѣды, которые помогутъ намъ открыть убійцу.
— Я согласенъ, Томъ, и намъ нужно поторопиться, посмотри,
заволокло небо. Сегодня будетъ снѣгъ—это такъ вѣрно, какъ
го мы стоимъ здѣсь—и тогда мы не отыщемъ слѣдовъ убійцы.
знаетъ, простоитъ ли погода до утра, а намъ нужно еще въ
очь воротиться сюда съ факелами. Но какъ оставить трупъ не-
ытымъ? волки могутъ найти его и разтаскаютъ кости старика.
у тѣмъ я бы не хотѣлъ перенести его на другое мѣсто: для того,
ы судъ нашелъ его въ такомъ же положеніи, какъ мы.
— Послушай, Биль, что я скажу тебѣ, замѣтилъ спокойно нѣ-
ъ: — ты съумѣешь найти дорогу въ городъ и въ-потьмахъ; поѣз-
безъ меня, а я буду стеречь трупъ; если волки почуютъ живого
вѣка, то нечего ихъ опасаться.
— Ты не боишься остаться наединѣ съ трупомъ? спросилъ то-
щъ.
— При огнѣ нестрашно; да и два часа пройдутъ скоро; поста-
я только скорѣе воротиться, отвѣчалъ нѣмецъ и, не ожидая от-
, началъ таскать къ огню большіе куски дерева, и костеръ за-
лся еще сильнѣе.
Молодой Престонъ вполнѣ согласился на предложеніе Фольгейма,
ился на свою лошадь и помчался въ городъ; между тѣмъ Фоль-
ъ снялъ съ лошади чепракъ и сѣдло и, разложивъ ихъ между
ромъ и трупомъ, спокойно улегся и впалъ въ глубокую задум-
сть.
Черезъ нѣсколько времени его стала одолѣвать безпокойная дре-
; но часто, пробуждаемый непріятными сновидѣніями, онъ сно-

ва припоминалъ себѣ настоящее положеніе свое и старался ра… мягкой
ять мысли, разводя огонь и подбрасывая въ костеръ новые … как
дерева. блескъ

Послѣ полуночи нѣсколько волковъ, почуявъ кровь, … На
выть и обходить мѣсто широкими кругами, но, чувствуя бли… того м
живого человѣка, не смѣли близко подойти къ огню. могли

Наконецъ, когда часы Фольгейма показали три четверти пр… Во
го, услышалъ онъ давно-жданные голоса людей, которые … домъ
ны были смѣнить его съ печальнаго поста. слѣды

Изслѣдованіе было произведено чрезвычайно тщательно, … услыш
свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ, и кончилось единогласнымъ … слѣды
емъ, что старикъ предательски убитъ и ограбленъ. Пуля прош… верше
сквозь, и ее трудно было отыскать; поэтому нельзя было суд… —
величинѣ ея о ружьѣ, изъ котораго былъ сдѣланъ выстрѣлъ. пусти

Когда они обшаривали мѣсто, подъ кустомъ, гдѣ лежалъ уб… на сѣ
Престонъ нашелъ пороховой рожокъ, съ грубо вырѣзанными … П
вами: П. М. М. Д. Это с

Никто изъ слѣдователей не зналъ этого рожка и не могъ опр… ніе п
значенія буквъ. Фольгеймъ подошелъ и, внимательно разсмо… ною
буквы, спросилъ Престона, какъ зовутъ доктора Мидльтона? его б

— Поль, отвѣчалъ тотъ: — зачѣмъ тебѣ? не сп

— Всемогущій Боже! прошепталъ нѣмецъ: — неужел… убійц
могъ рѣшиться на такой страшный поступокъ? К

— Кто? докторъ? съ живостію спросилъ Престонъ: — … рака
вѣроятно было бы, если бы въ этомъ преступленіи я подозр… вор
отца моего; нѣтъ, нѣтъ, это сумашествіе. Но что же означаютъ … бы.
вы М. Д., а это, безъ сомнѣнія, чье-нибудь имя? том

— Поль Мидльтонъ, Medicinae Doctor, задумчиво читалъ Фо… бы.
геймъ однообразнымъ голосомъ.

— Вздоръ, вздоръ! кричалъ неистово Престонъ: — впрочем… точно я видѣлъ, какъ докторъ вчера вечеромъ выѣхалъ за стары… Смитфильдомъ изъ города, и, если не ошибаюсь, то съ нимъ бы… винтовка... О Боже милосердый! это было бы ужасно, бѣдная … ся.
старая мать!

Онъ присѣлъ на опрокинутое дерево и въ глубокомъ разду… жи
склонилъ голову на руку.

— Пойдемъ, Престонъ, закричалъ Фольгеймъ: — пойдемъ … вни
слѣду; ты умѣешь отыскивать слѣдъ; быть можетъ мы найдем… онъ
преступника. жен

У трупа оставили караульнаго, другого послали къ семейств… его
убитаго, чтобы увѣдомить о постигшемъ его несчастіи, и для … …
гребенія трупа, а остальные начали при свѣтѣ факеловъ искать … въ

ой землѣ слѣдъ убійцы; поиски шли довольно медленно, такъ-
мерцаніе факеловъ бросало на землю очень обманчивый
ъ.
аконецъ, когда на востокѣ показался разсвѣтъ, они дошли до
мѣста, гдѣ была привязана лошадь вора, и отсюда уже легче
и слѣдить по направленію, принятому убійцей.
о время ночи небо обложилось тучами, и когда вдали показался
мирнаго судьи Мансфильда, къ которому прямо были отысканы
ы, вдругъ началъ выпадать снѣжокъ, который вскорѣ такъ
лся, что погоня не успѣла дойти до дому судьи, а уже конскіе
ы пропали изъ виду и дальнѣйшее преслѣдованіе сдѣлалось со-
енно невозможнымъ.
- Счастье наше, сказалъ одинъ изъ погони: — что мы во-время
лись по слѣду; двумя часами позже, и мы не знали бы, итти ли
верхъ, или на югъ.
рестонъ ничего не отвѣчалъ; онъ былъ задумчивъ и молчаливъ.
странное стеченіе обстоятельствъ, прямо подававшее подозрѣ-
ротивъ доктора, извѣстнаго своею честностію и безукоризнен-
изнію, его сильно опечалило, тѣмъ болѣе, что въ семействѣ
ылъ онъ какъ свой. Его поддерживала еще надежда, что докторъ
особенъ къ подобному преступленію, и что слѣдъ настоящаго
ы будетъ найденъ ими въ домѣ Мансфильда.
огда они подошли къ дому мирнаго судьи, онъ собирался завт-
ть, и пригласилъ пришедшихъ войти и поѣсть чего-нибудь, го-
, что они, вѣроятно, рано выѣхали, если въ такую пору при-
и къ его дому. Онъ отдалъ нужныя приказанія служанкѣ, по-
обратился къ гостямъ своимъ.
– Судья, сказалъ Престонъ, послѣ первыхъ привѣтствій: —
ь у васъ ночью кто-нибудь?
- Да, докторъ Мидльтонъ. Для чего вы спрашиваете?
ости обмѣнялись взглядами.
– Не замѣтили ли въ немъ чего-нибудь необыкновеннаго? спро-
одинъ изъ присяжныхъ.
– Не правда ли, онъ былъ веселъ, какъ всегда? спросилъ съ
стію Престонъ?
- Необыкновеннаго? повторилъ медленно судья, не обращая
нія на вопросъ молодого человѣка: — необыкновеннаго? нѣтъ,
показался мнѣ нѣсколько встревоженнымъ: онъ говорилъ, что
его больна, а съ разсвѣтомъ уѣхалъ; я даже мало и видѣлъ

- Боже, Боже, если это правда, простоналъ Престонъ и бросился
изможеніи на стулъ.

— Но что съ вами? что случилось? воскликнулъ мирный суд

Въ короткихъ, но ясныхъ словахъ разсказалъ ему Престонъ что было имъ извѣстно въ этомъ странномъ событіи, и показалъ пороховой рожокъ съ роковыми буквами. Тутъ же былъ при въ свидѣтели одинъ изъ присутствовавшихъ, давшій наканун рому Смитфильду въ займы сто пять долларовъ.

— Будь я проклятъ! въ заключеніе прибавилъ огорченный стонъ: — если бы Мидльтонъ самъ сказалъ мнѣ, что онъ у старика, то и тогда бы я не повѣрилъ, — клянусь Богомъ, не рилъ бы!

Судья Мансфильдъ, почтенный, добрый старикъ, знавшій тора съ ранняго дѣтства, поблѣднѣлъ какъ смерть, когда услы страшное обвиненіе; если онъ и вполнѣ былъ увѣренъ, что ту ществуетъ какое-нибудь недоумѣніе, то все-таки не могъ проти ся требованію присяжныхъ, немедленно приготовилъ листъ стованія доктора и послалъ съ ними констабля, жившаго у него лодого человѣка.

Престонъ не хотѣлъ итти въ домъ доктора, но мирный судь ворилъ его, представивъ, что все это дѣло есть слѣдствіе како будь несчастнаго стеченія обстоятельствъ, и что настоящій неминуемо долженъ быть открытъ

Уже было около десяти часовъ, когда Престонъ, Фольгей присяжныхъ изъ городка Ф. и констабль прибыли въ домъ до

Юдиѳь, молодая, краснощокая ирландка, бывшая работниц домѣ доктора, отворила имъ дверь и не мало удивилась, увидѣ кое собраніе молодыхъ людей въ этотъ ранній часъ.

Престонъ вошелъ послѣднимъ, и легкій румянецъ пробѣжал лицу и плечамъ красивой ирландки, когда молодой человѣкъ ей руку; но тотчасъ же на лицѣ ея выразилось чувство опас когда она замѣтила блѣдность и грусть Престона, бывшаго лю цемъ дома и не совсѣмъ постороннимъ ея собственному сердцу.

— Дома докторъ, Юдиѳь? спросилъ онъ робкимъ голос такъ-что Юдиѳь не вдругъ собралась отвѣчать и боязливо озир на посѣтителей.

— Ради Бога, что случилось? мистеръ Престонъ, вы сегодня обыкновенно грустны... и эти господа, и констабль? что же слу лось?

— Оставь, Юдиѳь, я все разскажу тебѣ послѣ; скажи мнѣ тол дома ли докторъ; намъ нужно поговорить съ нимъ, отвѣчалъ мо дой человѣкъ.

— Онъ на верху, сказала испуганная дѣвушка. — Но идите тише, ложала она, видя, что всѣ хотятъ войти къ нему: — госпожа ьтонъ больна и только передъ утромъ уснула.

Докторъ Мидльтонъ, ничего не подозрѣвая о происшествіяхъ ѣдняго дня, сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, когда посѣтители во- къ нему, и пересчитывалъ деньги, повѣренныя ему несчаст- ъ Смитфильдомъ, готовясь отнести ихъ купцу, жившему въ нѣ- кихъ шагахъ отъ его дома.

Дружески пожалъ онъ руку Престону и тѣмъ изъ посѣтителей, которыми былъ знакомъ, и вѣжливо, спокойно просилъ ихъ ъ; Престонъ, не выпуская руки его изъ своей, боязливо смотря глаза друга, сказалъ:

— Докторъ, вчера вечеромъ убили стараго Смитфильда!

— Убили? ради Бога! закричалъ докторъ, до смерти испуганный всною вѣстью и припоминая, какъ онъ самъ еще наканунѣ ви- ся со старикомъ.

Одинъ изъ людей, пріѣхавшій ночью изъ Ф, подошелъ между ъ къ столу и закричалъ въ эту минуту грознымъ голосомъ:

— Это деньги, которыя вчера я выплатилъ старому Смитфильду; бумажникъ, куда онъ вложилъ ихъ, и этой самой красной тесем- обвязалъ онъ бумажникъ.

— Докторъ Мидльтонъ, вы мой арестантъ, прибавилъ констабль, шедши къ нему и положивши руку на плечо доктора, онѣмѣв- отъ испуга при внезапномъ обвиненіи.

— Но, ради Бога, Престонъ, Фольгеймъ, Дугласъ, ужели вы ду- е.... великій Боже, не сонъ ли это.... Ужели вы думаете, что я, илъ и ограбилъ старика?

Воцарилось страшное молчаніе, но вскорѣ Престонъ схватилъ докторa и громко закричалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, докторъ, пропадай, если я это думаю, нѣтъ! и ы бы вы сами утверждали это, я и не повѣрилъ бы. Не можетъ, ожетъ быть, чтобы вы это сдѣлали!

— Благодарю васъ, Престонъ, сказалъ докторъ, горячо сжимая руку: — благодарю васъ; я увѣренъ, что по-крайней-мѣрѣ вы знаете.

— Докторъ, обязанность моя очень тяжела, сказалъ почти тро- ый Констабль: — но вы знаете, это мой долгъ, и вы должны ь со мною.

— Боже, жена моя! пробормоталъ несчастный, вспомнивъ слаг ь и раздражительность любимой имъ женщины: — она не пережи- ь этого, если узнаетъ.

— Останьте, докторъ, сказалъ Престонъ, успокоивая его: — [illegible] невинность должна открыться, и если вамъ придется не б[illegible] два дома, то жена ваша можетъ и не знать, гдѣ вы находитесь. — Ост[illegible] пайте съ Богомъ; Фольгеймъ и я останемся здѣсь, объяснимся [illegible] витушкѣ дѣло и, если можно, успокоимъ ее.

Всѣ согласились съ этимъ мнѣніемъ, и самъ докторъ бы[illegible] не будетъ въ состояніи скрыть своихъ чувствъ при разлук[illegible] терью и женою, поэтому пошелъ въ конюшню, самъ осѣдл[illegible] шадь и по прошествіи нѣсколькихъ минутъ ѣхалъ съ свои[illegible] никами по дорогѣ къ городку Ф., гдѣ съ начатіемъ сл[illegible] должны были отвести его въ тюрьму.

Но надежда молодого Престона видѣть скорое оправданіе [illegible] осталась тщетною; улики противъ него становились все сил[illegible] страшнѣе. Оружейникъ показывалъ, что докторъ приход[illegible] нему и спрашивалъ пуль для пистолетовъ, и когда узналъ, [illegible] лавкѣ находится винтовка Джона Сингерса, тотчасъ пре[illegible] взять ее съ собою, говоря, что непремѣнно на-дняхъ увид[illegible] герса: винтовку нашли подлѣ трупа. Купецъ, увлатившій [illegible] Смитфильду деньги, за поставленную старикомъ соленую [illegible] присягнулъ, что эти деньги тѣ самыя, которыя онъ отдал[illegible] тому, и подтвердилъ, что видѣлъ у него найденный у докт[illegible] бажникъ. Пороховой рожокъ несъ на себѣ начальныя буквы [illegible] Мидльтона, и хотя онъ упорно увѣрялъ, что никогда его не [illegible] но всѣ остальныя доказательства были противъ него; къ то[illegible] онъ откровенно сознался, что догналъ старика въ нѣсколь[illegible] ляхъ отъ города и ѣхалъ съ нимъ до перепутья.

Къ несчастію, рано выпавшій снѣгъ помѣшалъ дальнѣйшему [illegible] нію слѣдовъ, и, несмотря на упорныя клятвы доктора въ неви[illegible] положеніе его было очень затруднительно.

Наконецъ назначенъ былъ день, въ который должна была [illegible] шиться судьба несчастнаго.

Судъ собрался, и допросъ начался. Адвокатъ Мидльтона опр[illegible] валъ его съ жаромъ, призвалъ всѣхъ сосѣдей въ свидѣтели бе[illegible] ризненности его поведенія, указалъ на прошедшую жизнь его, [illegible] дружескія отношенія къ старому Смитфильду; все было напр[illegible] судъ удалился, совѣщался минутъ десять о преступленіи, дока[illegible] тельства котораго были слишкомъ явны, и произнесъ свое страш[illegible] «виновенъ».

Докторъ упалъ въ безпамятствѣ на стулъ, когда услышалъ [illegible] ковое слово.

На слѣдующій день послѣ обѣда, Престонъ сидѣлъ задумчив[illegible] нижней комнатѣ квартиры доктора; передъ нимъ стояла Юлія [illegible]

ея капали крупныя прозрачныя слезы и медленно катились
бѣдным и похудѣвшимъ щекамъ.

Оставьте, оставьте, мистеръ Престонъ, сказала она, преры-
вшимся голосомъ, отворачиваясь отъ него: — что помогутъ ваши
ласковыя слова! вы также вмѣстѣ съ другими арестовали бѣд-
наго доктора, и если его несчастная жена умретъ, когда узнаетъ
жестокій приговоръ, то вы перестанете называть меня своей
сестрою; кажется, и я не переживу этого.

Бѣдная дѣвушка горько плакала.

— Юдиѳь, развѣ это моя вина? могъ ли я поступить иначе, могъ
не подозрѣвать, когда мы нашли трупъ, что обвиненіе падетъ на
сына Мидльтона?

— Но и вы также думаете, что онъ преступникъ? возразила
она, съ живостію обращаясь къ нему.

— Ты жестока Юдиѳь; клянусь, одинъ Богъ знаетъ, что я го-
товъ сдѣлать все, что въ-силахъ моихъ, лишь бы помочь бѣдному
другу; я свято вѣрю, что онъ невиненъ, хотя и не понимаю, какъ
обстоятельства такъ страшно его обвиняютъ.

— Вы хотите все сдѣлать, что въ-силахъ вашихъ, Биль? вы хо-
тите все сдѣлать, чтобы спасти бѣднаго доктора? поспѣшно спра-
шивала Юдиѳь, положивъ маленькую ручку свою на плечо молодого
человѣка и пристально смотря на него дѣтски-прекрасными голу-
быми глазами.

— Что съ тобой другъ мой? что могу я сдѣлать? страшный
приговоръ произнесенъ и долженъ быть исполненъ!

— Слушайте меня, продолжала въ волненіи Юдиѳь: — онъ си-
дитъ въ тюрьмѣ въ Ф., бѣдная мать его была вчера у него, чтобы
видѣть его въ послѣдній разъ и внушить ему надежду; жена его бо-
ится здѣсь со смертію; истина, когда она ее узнаетъ, убьетъ ее! док-
торъ былъ вашимъ благодѣтелемъ, вашимъ другомъ, и послѣ завтра,
завтра его повѣсятъ!

— Что говоришь ты, Юдиѳь, прервалъ ее Престонъ, изумленный
внезапною горячностью обыкновенно спокойной дѣвушки.

— Тише, не прерывайте меня.... завтра до разсвѣта вы можете
быть въ городѣ.... пойдите къ нему, уговорите его бѣжать и помо-
гите ему. Онъ убѣжитъ, онъ долженъ бѣжать!

— Вы не можете сказать мнѣ, что нельзя освободить его, про-
должала она: — потому-что вы когда-то мнѣ сами разсказывали,
что тюрьма худо устроена и узнику легко убѣжать, что для этого
нужно только распилить заднія бревна... вотъ все, что нужно: пила
и напилки,— Фольгеймъ досталъ мнѣ ихъ. И вотъ, продолжала она
вынимая потомъ: — вотъ пятьдесятъ долларовъ; это все, что я могла ско-

пить себѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.... я предназначила [illegible] другой цѣли; но теперь я бы охотно отдала и вдесятеро боль[ше], бы у меня было, лишь бы освободить добраго доктора и спас[ти] смерти бѣдную жену его.

— А тюремщикъ, Юдиѳь? возразилъ въ нерѣшимости [illegible] стонъ.

— Докторъ спасъ ему жену и дѣтей отъ нервной горяч[ки], взялъ отъ него ни одного цента; онъ не смѣетъ его выпустить, онъ не осмѣлится стеречь его слишкомъ строго; вы молоды[е], старикъ можетъ и не видѣть вашихъ дѣйствій. Идите, идите; [я] ляю васъ, и если вы освободите бѣднаго доктора, если он[ъ] ливо скроется въ Техасѣ, мы послѣдуемъ за нимъ,— и тогда, [что] Престонъ схватилъ руку покраснѣвшей дѣвушки; она [вся] съ рыданьемъ бросилась на грудь крѣпко обнявшаго ее [мо]человѣка и, вырвавшись отъ него, стремглавъ выбѣжала [изъ] наты, какъ испуганная лань.

Престонъ былъ побѣжденъ. Онъ быть можетъ боле[е] былъ убѣжденъ въ совершенной невинности Мидльтона, [но] на всѣ улики и доказательства, и съ облегченнымъ сердцем[ъ] вился въ городъ, для того, чтобы исполнить просьбу Юдиѳ[и].

Но онъ встрѣтилъ препятствія тамъ, гдѣ всего меньше [ихъ].

Когда онъ былъ допущенъ къ доктору и объявилъ ем[у] спасенія, тотъ съ неноколебимою твердостію объявилъ, что [не] детъ изъ тюрьмы и даже позоветъ стражу, если услышитъ [ма]шій признакъ покушенія противозаконно освободить его.

— Теперь еще есть честные люди, заключилъ онъ: — [кото]несмотря на ожидающую меня позорную казнь, вѣрятъ моей [неви]ности; если же я убѣгу, никто не будетъ сомнѣваться въ [моей] но я охотнѣе испытаю тысячу смертей, чѣмъ буду жить на [свѣ]въ чужой землѣ подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ. Нѣтъ, Престо[нъ], не бѣгу; жизнь моя въ рукахъ Бога, и если мнѣ суждено [умер]ужасною смертію, да будетъ воля его; онъ одинъ знаетъ, спосо[бенъ] ли я на такое дѣло!

Престонъ вышелъ отъ него съ глубокою горестію; онъ пыт[ался] внушить ему надежду, хотя самъ не имѣлъ ея, и, не зная, куда [ему] правиться, медленно въѣхалъ въ городъ, предоставивъ лошади [итти] куда она хочетъ.

Наконецъ онъ остановился у одной гостинницы кормить [свою] лошадь. Изъ открытыхъ дверей раздавались громкій споръ, [смѣхъ] и пѣніе; дикій шумъ и грубая радость худо ладили съ чувств[ами], наполнявшими грудь его, и онъ собирался проѣхать мимо, [когда]

› Фольгеймъ показался въ дверяхъ и пригласилъ его войти на
' въ гостинницу.
·стонъ привязалъ лошадь къ прибитому въ стѣну кольцу и
› въ наполненную посѣтителями гостинницу, тихо передавая
ію разговоръ его съ докторомъ и результатъ попытки спасти

Я зналъ это, возразилъ Фольгеймъ: — онъ невиненъ и не хо-
ѣжать какъ преступникъ... Юфиньтакъ убѣдительно просила
что я долженъ былъ достать ей пилу. Какъ ни жаль бѣднаго
а; но, признаюсь, мнѣ пріятно, что онъ не измѣнилъ себѣ;
агородный человѣкъ и я позволилъ бы отрубить себѣ руку,
ы могъ спасти его.
вмкій смѣхъ и крикъ прервали разговоръ двухъ друзей. Фоль-
и Престонъ присоединились къ прочимъ гостямъ, бывшимъ
натѣ. То были бо́льшею частію иностранцы, пріѣхавшіе въ
ь посмотрѣть на казнь доктора; всѣ они шумно и весело гово-
› предстоявшемъ печальномъ событіи.
·стону было больно слышать рѣчи ихъ передъ смертію чело-
котораго онъ любилъ какъ брата. Онъ едва успѣлъ выпить
ъ водки съ водой, для подкрѣпленія ослабѣвшихъ силъ своихъ,
лъ выйти изъ комнаты, какъ вдругъ наткнулся на человѣка,
ый, казалось, успѣлъ уже хватить не въ мѣру горячихъ напит-
потомъ поклонился ему какъ старому знакомому и сказалъ:
Я говорю, Престонъ, какъ вы поживаете, давно васъ не ви-
Я очень радъ, что вижу васъ. Вы прекрасный человѣкъ!
ь тоже время онъ распростеръ свои объятія и намѣревался по-
ать новаго друга.
Что? Месвортъ? спросилъ Престонъ, удаляя пьянаго рукою,
у-что такая внезапная встрѣча всего менѣе была ему пріятна
стоящую минуту: — откуда вы вдругъ явились? я думалъ, что
› Техасѣ.
Былъ и тамъ, другъ мой, закричалъ Месвортъ, садясь на
шій у дверей пень, служившій вмѣсто стула: — былъ и тамъ,
дня вечеромъ пріѣхалъ сюда, потому-что услышалъ въ Сенъ-
что бывшій пріятель мой, докторъ Мидльтонъ, будетъ повѣ-
.... Пропадай онъ! кто велѣлъ ему убивать людей?
До свиданія! отвѣчалъ Престонъ и хотѣлъ уйти, чтобы изба-
и отъ человѣка, извѣстнаго негодяя, жившаго въ Ф., но за
мѣсяцевъ передъ тѣмъ переѣхавшаго въ Техасъ, и по старой
занности посѣтившаго свое прежнее мѣстопребываніе.
да, что Престонъ хочетъ удалиться, онъ вдругъ схватилъ мо-
о человѣка за руку и закричалъ:

— Нѣтъ, пріятель, нѣтъ, ты отъ меня даромъ не уйдешь: нужно вмѣстѣ выпить; мы давно не пили, и меня мучитъ жаж Въ горлѣ пересохло, а вода здѣсь скверная!

Престонъ старался освободиться отъ неотвязчиваго Ме но тотъ вдругъ схватилъ пороховой рожокъ, насѣянный на гр лодого человѣка.

— Что́ это! закричалъ онъ: — какъ вамъ достался мой р

Престонъ и Фольгеймъ содрогнулись въ одно мгновеніе, пораженные громомъ, и обмѣнялись взглядами изумленія пр это нисколько не смутило Месфорта, и онъ настойчиво пра

— Да, *мой* рожокъ, хотя бы вы тутъ смотрѣли другъ на съ такимъ удивленіемъ, какъ-будто никогда не видѣлись; рожокъ; я же его отдалъ на время подлецу Курнелесу, отъѣзда моего, а онъ, ракалія, съ тѣхъ поръ не показывалъ глаза, такъ-что когда мнѣ понадобился рожокъ, я долженъ купить себѣ новый?

— Позвольте, возразилъ Престонъ, почти задыхаясь отъ нія и радости и не вѣря неожиданности открытія: — точно знаете, что это вашъ собственный рожокъ, и что вы от Курнелесу?

— Знаю ли я? Вотъ новость! кажется, на немъ довольно вырѣзано мое имя и мѣсторожденіе? посмотрите: П — П М — Месворть, изъ М — Мильфорда, въ Д — Делаварѣ! Ну же принадлежитъ онъ? Кромѣ того, онъ стоитъ мнѣ полтора лара, потому-что крышка, какъ сказалъ мнѣ нѣмецкій куп котораго я купилъ его, изъ чистаго серебра!

Престонъ стоялъ нѣсколько минутъ какъ окаменѣлый: сильно кипѣли въ немъ различныя чувства. Фольгеймъ, не теря сутствія духа, предложилъ пьяницѣ полтора доллара и просилъ дать пороховой рожокъ, говоря, что онъ купилъ его и проигр съ Престономъ, не зная, что человѣкъ, продавшій рожокъ, не на то права.

Месворть, очень довольный чистыми деньгами, клялся, что жокъ ему не нуженъ, и что они могутъ оставить его у себя; онъ премѣнно хотѣлъ пойти въ буфетъ, чтобы пропить съ ними де молодые люди успѣли однако вырваться, бросились на лошад вскорѣ были уже за городомъ середи открытой степи.

Побѣда! закричалъ Фольгеймъ, когда дома остались за ними! бѣда! слѣдъ найденъ.

— Куда же отправимся мы теперь, спросилъ Престонъ:—что найти Курнелеса, который Богъ знаетъ куда скрылся? — и если отопрется.

Пойдемъ только со мной, весело кричалъ Фольгеймъ: — пой
олько со мной; я знаю, гдѣ гнѣздо этой птицы.
ъ разсказалъ пріятелю, что еще наканунѣ вечеромъ видѣлся
рилъ съ этимъ Курнелесомъ, и что онъ находится въ корчмѣ
ми миляхъ отъ докторскаго дома, гдѣ живетъ уже долгое вре-
нимается одной охотой, угрюмо и пасмурно расхаживаетъ и
ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова. По словамъ хозяина корчмы,
лесъ ждалъ только пятидесяти долларовъ, которые ему задол-
купецъ въ Ф., чтобы тотчасъ же отправиться въ Техасъ и по-
ься тамъ.

орою рысью мчались оба всадника по замерзшей равнинѣ и
полудня пріѣхали къ дому судьи Мансфильда, гдѣ они желали
ь, не видѣли ли тамъ въ тотъ злополучный вечеръ какого-ни-
подозрительнаго человѣка. Никто не могъ имъ дать объясне-
Мидльтонъ былъ, казалось, единственный человѣкъ, замѣ-
ій въ окрестности; скоро маленькій конюхъ вспомнилъ, что
ъ незнакомца, но прибавилъ, что лица его онъ не могъ раз-
ть ясно, потому-что тогда уже было темно; только голосъ по-
ся ему знакомымъ.

удья подошелъ къ нимъ и полагалъ, тихо покачивая головою,
го мало поможетъ доктору.

Поможетъ, судья, поможетъ! рѣшительно возразилъ Престонъ,
и не въ состояніи обуздывать своего нетерпѣнія: — невинность
ткрыта, слѣдъ убійцы найденъ!

онъ подробно разсказалъ происшествіе съ пороховымъ рож-
и подозрѣніе, павшее на Курнелеса.

рдце стараго судьи сильно билось при разсказѣ Престона, и
его блестѣли радостнымъ чувствомъ.

Да, воскликнулъ онъ вдругъ: есть провидѣніе, которое не поз-
ъ невинному погибнуть; убійца будетъ отысканъ, а несчаст-
окторъ, жестоко испытанный подозрѣніемъ, будетъ оправданъ.

Но, перебилъ его Престонъ:—съ вашего позволенья, судья,
ь моя чуть жива, я со вчерашняго дня почти не сходилъ съ

Возьмите мою лучшую верховую лошадь, Престонъ, радушно
алъ старикъ:—загоните ее, но поймайте мнѣ злодѣя и за-
ге его признаться; я дамъ вамъ открытый листъ и пошлю съ
констабля; а между тѣмъ сынъ мой отвезетъ въ городъ пись-
ь приказаніемъ отложить казнь, до тѣхъ поръ, пока я самъ
е пріѣду; самъ я отправлюсь въ домъ доктора, чтобы утѣшить
бдную мать и жену, которыя очень въ томъ нуждаются.

Старикъ принялъ всѣ мѣры и, казалось, самъ помолодѣлъ
цатью годами, въ надеждѣ спасти доктора, котораго любилъ
родного сына. Вслѣдъ за тѣмъ Престонъ, Фольгеймъ и констебл
скакали ближайшей дорогой къ корчмѣ, гдѣ предполагали
Курнелеса.

Солнце уже давно закатилось и ночь покрыла землю,
всадники увидѣли домъ у окраины маленькаго лѣса; изъ един
наго окошка прокрадывался тусклый свѣтъ сальнаго огарка.

Прибывъ туда, они передали лошадей молодому ирландц
приказаніемъ выводить ихъ и потомъ задать имъ корму, а
въ маленькую лавку, сверху до низу уставленную разнородны
варами.

— Здѣсь Курнелесъ? спросилъ Престонъ продавца, с
развалившагося на прилавкѣ и не обращавшаго вниманія н
вых пришлецовъ.

— Курнелесъ? да, въ другомъ домѣ, только теперь нельз
видѣть: хватилъ черезъ край, и вѣроятно потому голова у
тяжелѣла; онъ спитъ уже часа два.

— Намъ надобно видѣть его, твердо отвѣчалъ констебль
шелъ впередъ; однако Фольгеймъ удержалъ его за руку и пр
пустить его и Престона впередъ, опасаясь внезапнымъ появл
констебля испугать преступника.

Тотъ согласился на предложеніе, и оба пріятеля вошли в
гое строеніе, отдѣленное отъ лавки узкимъ проходомъ, но соед
ное одной общею крышей.

Жена торговца стояла у печки и готовила ужинъ; передъ огн
на медвѣжьей шкурѣ, лежалъ Курнелесъ, подложивъ подъ го
вмѣсто подушки старое испанское сѣдло. Онъ не спалъ, при
друзей приподнялся и посмотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ, н
узналъ въ нихъ тѣхъ самыхъ, которые первые объявили о слу
шемся убійствѣ.

— Курнелесъ, началъ Престонъ послѣ обычныхъ привѣтстві
я хотѣлъ бы показать вамъ кое-что; подойди сюда, къ огню.

Курнелесъ всталъ медленно и угрюмо спросилъ:

— Что́ принесло васъ сюда такъ поздно, чтобы потревожи
честнаго христіянина?

— Знаешь ты эту вещь? скоро и громко спросилъ его Престо
поднося пороховой рожокъ къ самымъ глазамъ безпокойно озир
шагося Курнелеса, который невольно вскрикнулъ и отскочилъ
сторону, между тѣмъ какъ правая рука судорожно схватилась
сердце. Въ эту минуту незамѣтно вошелъ констебль и, положи
ему руку на плечо, сказалъ:

— Вы мой арестантъ.

Какъ молнія сверкнулъ въ рукѣ убійцы широкій и тяжелый кинчій ножъ; страшнымъ скачкомъ и дико рубя около себя, вовьзовался онъ первымъ недоумѣніемъ враговъ и полетѣлъ къ рытымъ дверямъ.

Радость его была однако кратковременна: торговецъ, подозрѣвшій съ первой минуты что-нибудь очень худое, стоялъ за дверьми ышалъ весь разговоръ; отъ одного удара его кулака отшатнулся ща; его схватили и, несмотря на страшное сопротивленіе, повали на землю и связали.

Страшно бился и рвался онъ въ рукахъ своихъ враговъ, но руки остона держали его какъ желѣзные обручи. Наконецъ видя, что кое сопротивленіе напрасно, онъ успокоился и лежалъ на землѣ ъ убитый.

Однако на всѣ вопросы отвѣчалъ онъ только ругательствами и ся, что они ему поплатятся.

Между тѣмъ лошади отдохнули, и Престонъ, не будучи въ сонніи остаться долѣе въ корчмѣ, попросилъ Фольгейма помочь стаблю въ охраненіи преступника и отвести его въ тюрьму, а ъ бросился на лошадь и полетѣлъ, сколько достало силъ, къ дому ора.

Съ какими радостными чувствами мчался онъ къ своей цѣли! врѣ засверкали передъ нимъ огни когда-то веселаго жилища, гдѣ ремени печальнаго происшествія поселились горе и тоска. Чѣмъ е приближался онъ, тѣмъ сильнѣе понукалъ коня, какъ буря шагося съ нимъ по равнинѣ. Наконецъ въѣхалъ онъ въ ворота, чилъ съ сѣдла и, бросивъ поводья дрожавшей отъ усталости ади, вошелъ въ двери, отворенныя ему Юдиѳью.

Какъ ни крѣпко было тѣлосложеніе молодого человѣка, но онъ могъ долѣе перенести сверхъестественныхъ усилій; колѣни его кали, пульсъ остановился; лицо было блѣдно какъ полотно; увидъ Юдиѳь, онъ успѣлъ только прошептать: «онъ невиненъ, мы мали убійцу.» При этихъ словахъ, ноги его подкосились, и безъ ати грянулся онъ къ ногамъ испуганной дѣвушки.

— Онъ умираетъ, онъ умираетъ! кричала Юдиѳь, забывъ все на гѣ, кромѣ опасности любимаго ею человѣка, и бросилась его поать. — О, пресвятая Богородица! онъ умираетъ на рукахъ мо, и я, я убила его... рыдая страшно, обняла она бездыханное о и упала безъ чувствъ подлѣ него.

Но вскорѣ судья Мансфильдъ, находившійся тогда въ домѣ докра, успѣлъ съ помощью другихъ возвратить чувства обоимъ.

— Нѣтъ, пріятель, нѣтъ, ты отъ меня даромъ не уйдешь: н
нужно вмѣстѣ выпить; мы давно не пили, и меня мучитъ жаж
Въ горлѣ пересохло, а вода здѣсь скверная!

Престонъ старался освободиться отъ неотвязчиваго Месс
но тотъ вдругъ схватилъ пороховой рожокъ, висѣвшій на груд
лодого человѣка.

— Что́ это! закричалъ онъ: — какъ вамъ достался мой ро

Престонъ и Фольгеймъ содрогнулись въ одно мгновеніе, ка
пораженные громомъ, и обмѣнялись взглядами изумленія и ра
это нисколько не смутило Месфорта, и онъ настойчиво продол

— Да, *мой* рожокъ, хотя бы вы тутъ смотрѣли другъ на
съ такимъ удивленіемъ, какъ-будто никогда не видѣлись; эт
рожокъ; я же его отдалъ на время подлецу Курнелесу, ког
отъѣзда моего, а онъ, ракалія, съ тѣхъ поръ не показывался
глаза, такъ-что когда мнѣ понадобился рожокъ, я долженъ
купить себѣ новый?

— Позвольте, возразилъ Престонъ, почти задыхаясь отъ
нія и радости и не вѣря неожиданности открытія: — точно
знаете, что это вашъ собственный рожокъ, и что вы отд
Курнелесу?

— Знаю ли я? Вотъ новость! кажется, на немъ довольн
вырѣзано мое имя и мѣсторожденіе? посмотрите: П — Р
М — Месвортъ, изъ М — Мильфорда, въ Д — Делаваръ! Ну
же принадлежитъ онъ? Кромѣ того, онъ стоитъ мнѣ полтор
лара, потому-что крышка, какъ сказалъ мнѣ нѣмецкій купе
котораго я купилъ его, изъ чистаго серебра!

Престонъ стоялъ нѣсколько минутъ какъ окаменѣлый: м
сильно кипѣли въ немъ различныя чувства. Фольгеймъ, не терп
сутствія духа, предложилъ пьяницѣ полтора доллара и просилъ
дать пороховой рожокъ, говоря, что онъ купилъ его и прои
съ Престономъ, не зная, что человѣкъ, продавшій рожокъ, не
на то права.

Месвортъ, очень довольный чистыми деньгами, клялся, чт
жокъ ему не нуженъ, и что они могутъ оставить его у себя; он
премѣнно хотѣлъ пойти въ буфетъ, чтобы пропить съ ними де
молодые люди успѣли однако вырваться, бросились на лоша
вскорѣ были уже за городомъ середи открытой степи.

Побѣда! закричалъ Фольгеймъ, когда дома остались за ним
бѣда! слѣдъ найденъ.

— Куда же отправимся мы теперь, спросилъ Престонъ:—ч
чайти Курнелеса, который Богъ знаетъ куда скрылся? — и если
отопрется.

— Пойдемъ только со мной, весело кричалъ Фольгеймъ: — пой только со мной; я знаю, гдѣ гнѣздо этой птицы.

ъ разсказалъ пріятелю, что еще наканунѣ вечеромъ видѣлся орилъ съ этимъ Курнелесомъ, и что онъ находится въ корчмѣ ати миляхъ отъ докторскаго дома, гдѣ живетъ уже долгое вре- занимается одной охотой, угрюмо и пасмурно расхаживаетъ и и ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова. По словамъ хозяина корчмы, елесъ ждалъ только пятидесяти долларовъ, которые ему задол- купецъ въ Ф., чтобы тотчасъ же отправиться въ Техасъ и по- ься тамъ.

корою рысью мчались оба всадника по замерзшей равнинѣ и полудня пріѣхали къ дому судьи Мансфильда, гдѣ они желали ъ, не видѣли ли тамъ въ тотъ злополучный вечеръ какого-ни- подозрительнаго человѣка. Никто не могъ имъ дать объясне- Мидльтонъ былъ, казалось, единственный человѣкъ, замѣ- ый въ окрестности; скоро маленькій конюхъ вспомнилъ, что ъ незнакомца, но прибавилъ, что лица его онъ не могъ раз- ть ясно, потому-что тогда уже было темно; только голосъ по- ся ему знакомымъ.

удья подошелъ къ нимъ и полагалъ, тихо покачивая головою, то мало поможетъ доктору.

— Поможетъ, судья, поможетъ! рѣшительно возразилъ Престонъ, чи не въ состояніи обуздывать своего нетерпѣнія: — невинность открыта, слѣдъ убійцы найденъ!

онъ подробно разсказалъ происшествіе съ пороховымъ рож- и подозрѣніе, павшее на Курнелеса.

ердце стараго судьи сильно билось при разсказѣ Престона, и его блестѣли радостнымъ чувствомъ.

— Да, воскликнулъ онъ вдругъ: есть провидѣніе, которое не поз- тъ невинному погибнуть; убійца будетъ отысканъ, а несчаст- докторъ, жестоко испытанный подозрѣніемъ, будетъ оправданъ.

— Но, перебилъ его Престонъ:—съ вашего позволенья, судья, дь моя чуть жива, я со вчерашняго дня почти не сходилъ съ

— Возьмите мою лучшую верховую лошадь, Престонъ, радушно чалъ старикъ:—загоните ее, но поймайте мнѣ злодѣя и за- ьте его признаться; я дамъ вамъ открытый листъ и пошлю съ констабля; а между тѣмъ сынъ мой отвезетъ въ городъ пись- съ приказаніемъ отложить казнь, до тѣхъ поръ, пока я самъ не пріѣду; самъ я отправлюсь въ домъ доктора, чтобы утѣшить бѣдную мать и жену, которыя очень въ томъ нуждаются.

Старикъ принялъ всѣ мѣры и, казалось, самъ помолодѣлъ
цатью годами, въ надеждѣ спасти доктора, котораго любилъ
родного сына. Вслѣдъ за тѣмъ Престонъ, Фольгеймъ и констабл
скакали ближайшей дорогой къ корчмѣ, гдѣ предполагали
Курнелеса.

Солнце уже давно закатилось и ночь покрыла землю,
всадники увидѣли домъ у окраины маленькаго лѣса; изъ един
наго окошка прокрадывался тусклый свѣтъ сальнаго огарка.

Прибывъ туда, они передали лошадей молодому крестья
приказаніемъ выводить ихъ и потомъ задать имъ корму, а
въ маленькую лавку, сверху до низу уставленную разнородны
варами.

— Здѣсь Курнелесъ? спросилъ Престонъ продавца, с
развалившагося на прилавкѣ и не обращавшаго вниманія на
вых пришлецовъ.

— Курнелесъ? да, въ другомъ домѣ, только теперь нельз
видѣть: хватилъ черезъ край, и вѣроятно потому голова у
тяжелѣла; онъ спитъ уже часа два.

— Намъ надобно видѣть его, твердо отвѣчалъ констабль
шелъ впередъ; однако Фольгеймъ удержалъ его за руку и
пустить его и Престона впередъ, опасаясь внезапнымъ появл
констабля испугать преступника.

Тотъ согласился на предложеніе, и оба пріятеля вошли в
гое строеніе, отдѣленное отъ лавки узкимъ проходомъ, но соед
ное одной общею крышей.

Жена торговца стояла у печки и готовила ужинъ; передъ огн
на медвѣжьей шкурѣ, лежалъ Курнелесъ, подложивъ подъ го
вмѣсто подушки старое испанское сѣдло. Онъ не спалъ, при
друзей приподнялся и посмотрѣлъ на нихъ съ изумленіемъ, ка
узналъ въ нихъ тѣхъ самыхъ, которые первые объявили о слу
шемся убійствѣ.

— Курнелесъ, началъ Престонъ послѣ обычныхъ привѣтстві
я хотѣлъ бы показать вамъ кое-что; подойди сюда, къ огню.

Курнелесъ всталъ медленно и угрюмо спросилъ:

— Что́ принесло васъ сюда такъ поздно, чтобы потревожи
честнаго христіянина?

— Знаешь ты эту вещь? скоро и громко спросилъ его Престо
поднося пороховой рожокъ къ самымъ глазамъ безпокойно озир
шагося Курнелеса, который невольно вскрикнулъ и отскочилъ
сторону, между тѣмъ какъ правая рука судорожно схватилась
сердце. Въ эту минуту незамѣтно вошелъ констабль и, положив
ему руку на плечо, сказалъ:

— Вы мой арестантъ.

Какъ молнія сверкнулъ въ рукѣ убійцы широкій и тяжелый ничій ножъ; страшнымъ скачкомъ и дико рубя около себя, во-ьзовался онъ первымъ недоумѣніемъ враговъ и полетѣлъ къ ытымъ дверямъ.

Радость его была однако кратковременна: торговецъ, подозрѣ-ій съ первой минуты что-нибудь очень худое, стоялъ за дверьми ышалъ весь разговоръ; отъ одного удара его кулака отшатнулся ща; его схватили и, несмотря на страшное сопротивленіе, пова-и на землю и связали.

Страшно бился и рвался онъ въ рукахъ своихъ враговъ, но руки стона держали его какъ желѣзные обручи. Наконецъ видя, что ое сопротивленіе напрасно, онъ успокоился и лежалъ на землѣ ъ убитый.

Однако на всѣ вопросы отвѣчалъ онъ только ругательствами и ся, что они ему поплатятся.

Между тѣмъ лошади отдохнули, и Престонъ, не будучи въ со-ніи остаться долѣе въ корчмѣ, попросилъ Фольгейма помочь таблю въ охраненіи преступника и отвести его въ тюрьму, а ъ бросился на лошадь и полетѣлъ, сколько достало силъ, къ дому юра.

Съ какими радостными чувствами мчался онъ къ своей цѣли! ъ засверкали передъ нимъ огни когда-то веселаго жилища, гдѣ ремени печальнаго происшествія поселились горе и тоска. Чѣмъ е приближался онъ, тѣмъ сильнѣе понукалъ коня, какъ буря ышагося съ нимъ по равнинѣ. Наконецъ въѣхалъ онъ въ ворота, очилъ съ сѣдла и, бросивъ поводья дрожавшей отъ усталости ади, вошелъ въ двери, отворенныя ему Юдиѳью.

Какъ ни крѣпко было тѣлосложеніе молодого человѣка, но онъ огъ долѣе перенести сверхъестественныхъ усилій; колѣни его кали, пульсъ остановился; лицо было блѣдно какъ полотно; уви-ь Юдиѳь, онъ успѣлъ только прошептать: «онъ невиненъ, мы али убійцу.» При этихъ словахъ, ноги его подкосились, и безъ ти грянулся онъ къ ногамъ испуганной дѣвушки.

— Онъ умираетъ, онъ умираетъ! кричала Юдиѳь, забывъ все на ѣ, кромѣ опасности любимаго ею человѣка, и бросилась его по-ать. — О, пресвятая Богородица! онъ умираетъ на рукахъ мо-и я, я убила его... рыдая страшно, обняла она бездыханное и упала безъ чувствъ подлѣ него.

Но вскорѣ судья Мансфильдъ, находившійся тогда въ домѣ док-, успѣлъ съ помощью другихъ возвратить чувства обоимъ.

Престона отнесли на постель; едва успѣлъ онъ прійти въ себ
какъ снова хотѣлъ вскочить; но Мансфильдъ удержалъ его насил
и велѣлъ лежать спокойно.

— Я долженъ ѣхать! кричалъ Престонъ:—я долженъ ѣхать въ г
родъ; велите осѣдлать мнѣ лучшую лошадь доктора; спѣшите: от
каждой минуты зависитъ жизнь его.

— Нѣтъ, сказалъ судья:—это было бы сумасшествіемъ—отп
стить васъ теперь: вы такъ слабы, что едва можете поднять руку

— Я?! я силенъ, какъ медвѣдь! кричалъ встревоженный Пр
стонъ:—пустите меня, если вамъ дорога жизнь доктора! онъ ви
ненъ...мы поймали убійцу; я долженъ ѣхать.

— А если въ дорогѣ вы опять ослабѣете и безъ памяти упад
съ лошади, кто тогда узнаетъ въ Ф. хоть одно слово, изъ того, ч
вы хотите сказать? нѣтъ, съѣздить долженъ здоровый, крѣпкій ч
ловѣкъ, и на моей собственной лошади, а не вы и не я. Мы остан
ся здѣсь и приготовимъ дамъ къ неожидаемому счастію; онѣ об
ныя давно нуждаются въ утѣшеніи и радости.

Престонъ долженъ былъ сознаться, что онъ слишкомъ слаб,
черезъ десять минутъ другой всадникъ летѣлъ уже по замерз
степи; онъ везъ отъ судьи письмо, въ которомъ тотъ обѣщалъ
другое утро доставить въ Ф. настоящаго убійцу стараго Смитсо

Нужны ли слова, чтобы описать радость свиданія добрыхъ
дей, когда освобожденный докторъ воротился въ кругъ своего
мейства? Но долго, долго чувствовалъ онъ тоску, послѣ ужасн
подозрѣнія, тяготившаго его, хотя недолго;—и сильная горячка
вергла его на болѣзненный одръ; однако какъ онъ такъ и жена е
ро совершенно выздоровѣли.

Хотя сосѣди носили его почти на рукахъ, дѣлая для него вс
что было въ-силахъ, чтобы заставить его забыть обиду, нанесенну
ему подозрѣніемъ и вознаградить его за страданія, но онъ всегд
помнилъ, что люди, которыхъ онъ привыкъ считать друзьями, н
гли почесть его убійцей и разбойникомъ и осудили его на казн
Несмотря на всѣ убѣжденія и просьбы судьи Мансфильда, онъ п
другой годъ переселился въ Миссури.

Кажется не стоитъ упоминать, что съ нимъ отправилось и
дальній западъ другое маленькое семейство. Вильямъ Престонъ с
молодой женой старались развлечь жизнь тяжело испытаннаго че
ловѣка, въ тихихъ лѣсахъ новой отчизны, такъ-что, въ кругу этих
добрыхъ людей, онъ скоро забылъ прошедшее.

Фольгеймъ послѣдовалъ двумъ семействамъ годомъ позже; пр
обрѣлъ себѣ свинцовыя руды и разработкою ихъ и устройство
плавильныхъ печей сдѣлался богатымъ человѣкомъ.

урнелесъ, переведенный въ тюрьму, сознался въ убійствѣ, но
ıулъ наканунѣ казни, и, какъ говорятъ, съ помощью Месвор-
икто ие могъ однако доказать этого, и послѣ побѣга Курнелеса
ıамъ оставался недолго въ тѣхъ краяхъ. Какъ полагаютъ, Кур-
ъ бѣжалъ на западъ.

V.

ОХОТНИКЪ СТЕФЕНСЪ И СОБАКА ЕГО ПОППИ.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ И ПЕЧАЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

рекрасная черная нью-фаундлендская собака, принадлежавшая
ату Флойду въ Голмфирсѣ, *утопилась* въ рѣкѣ, протекающей
момъ ея господина; за нѣсколько дней передъ смертію она была
ыкновенно скучна. Однажды видѣли, какъ она бросилась въ
и усиливалась пойти ко дну. Ее вытащили и привязали на ко-
ое время къ цѣпи; но когда ее опять отвязали, она возобновила
покушеніе, и послѣ нѣсколькихъ усилій ей удалось исполнить
намѣреніе. Когда ее вытащили изъ воды, она была мертва.
акъ, въ недавнее время, почти въ каждомъ журналѣ было воз-
вно странное самоубійство собаки; если есть люди, невѣрящіе
у разсказу, то все-таки нельзя сомнѣваться въ истинѣ этого со-
я.
Іо какимъ образомъ бѣдное животное было доведено до степени
нія, встрѣчаемаго только у образованныхъ людей, о томъ есть
огимъ извѣстная трогательная повѣсть, которую мы намѣрены
казать читателямъ.
алеко на западѣ, тамъ, гдѣ Миссури гонитъ свои темныя волны
огущественной «матери водъ» Мисиссипи, у подошвы увѣнчан-
ı соснами холмовъ, окружающихъ низкую долину, стоитъ не-
шая хижинка, выстроенная изъ необтесанныхъ бревенъ и по-
ая досками.
ѣдко случается человѣческому глазу видѣть эту хижинку, рѣдко
человѣка, исключая хозяина хижины, переступаетъ чрезъ по-
ея; она стоитъ въ глубокой чащѣ, окруженная громадными
ьдми первобытнаго лѣса, и только маленькая, едва замѣтная
инка соединяетъ ее съ остальнымъ міромъ.
го дикій, романическій край земли; только человѣкъ и хищный
ı могли находить тамъ, не вдалекѣ другъ отъ друга, свое ложе;
ікій охотникъ поселился тамъ, чтобы легче охотиться и не ви-
скучныхъ лицъ людскихъ.

Внутренность хижины была какъ-то странно и причудливо ра… крашена. На стѣнахъ ея не было видно и слѣдовъ необтесан… бревенъ, потому-что они были увѣшаны огромною шкурою бу… ловъ, а полъ былъ покрытъ широкою и густошерстою кожею м… вѣдей.

Половину одной стѣны занималъ большой, покрытый г… каминъ, въ которомъ часто весело горѣли дрова; против… находилась высокая постель, покрытая шкурами, а у подно… другое маленькое ложе, въ которомъ, по лежавшимъ на нем… даннымъ костямъ, можно было узнать мѣсто отдыха собаки.

Надъ низкихъ входомъ, на двухъ деревянныхъ скобкахъ, … длинная винтовка; за дверью висѣла дробница съ пороховым… комъ; въ широкомъ кожаномъ кушакѣ были воткнуты … ножъ и шило.

Единственную мебель хижины составляли грубо обтесанный … къ которому повидимому прикасался только топоръ; такой же … обитый медвѣжьей шкурой; искусно придѣланная къ стѣнѣ … съ деревянной тарелкой, маленькимъ желѣзнымъ котелком… стянымъ кубкомъ; въ углу стоялъ кусокъ пустаго пня, … ный очищеннымъ маисомъ. Эти украшенія были дополнен… ромъ, да нѣсколькими пустыми мѣшками изъ оленьей шкуры, … шими съ потолочныхъ перекладинъ. Кто же жилъ въ этой …

Передъ каминомъ, на стулѣ, обтянутомъ мѣхомъ, сидѣлъ … лецъ хижины, крѣпкій, краснощокій старикъ, съ бѣлосѣдыми … волосами и голубыми глазами; онъ точилъ свой длинный … чій ножъ на маленькомъ оселкѣ. Одежда на немъ была охотни…

Кожаные панталоны и моккасины плотно обхватывали ноги; … рокая рубашка, также изъ кожи, по швамъ обшитая бахромой, … дала широкими складками на плечи, и старая шляпа, принявшая … бурь и непогодъ какой-то странный видъ, покрывала его сѣдую … лову. Шея у него была открыта, несмотря на холодный осенній … теръ, бушевавшій въ лѣсу по безлистымъ деревьямъ; широкій … жаный поясъ обтягивалъ станъ; ножъ, маленькій томагаукъ и … стяная кружка висѣли на поясѣ, у ногъ лежалъ свернутый шерст… ной плащь. Старикъ, повидимому, снаряжался на охоту и въ … минуту пробовалъ, годенъ ли и довольно ли остеръ его вѣрны… стальной ножъ.

Передъ нимъ сидѣлъ другой жилецъ хижины и нетерпѣли… смотрѣлъ въ его лицо своими большими, добродушными глазам… То была огромная, черная, нью-фаундленская собака, съ длинно… шерстью, широкою грудью и крѣпкимъ тѣлосложеніемъ. Вездѣ … нѣлись на прекрасной, блестящей шкурѣ сильнаго животнаго ши…

и доказывали, что не разъ оно съ своимъ господиномъ
изъ опаснаго боя. Она знала себѣ цѣну, и конечно никогда
ювало болѣе вѣрной дружбы между человѣкомъ и соба-
между этимъ охотникомъ и его Поппи. Она внимательно
движеніями старика, окончившаго свою работу и вот-
оселокъ въ скважину надъ каминомъ, а ножикъ въ поясъ.
пи! сказалъ онъ дружески, взглянувъ на вѣрнаго товарища:
пойдемъ охотиться?
Поппи уже не былъ щенкомъ, но сохранилъ свою юноше-
ку и, казалось, совершенно свыкся съ нею; потому-что
палъ онъ дружескій голосъ господина, какъ, склонивъ го-
орону, поднялъ верхнюю губу, такъ-что оскалились бѣ-
лящіе зубы, и замахалъ длиннымъ пушистымъ хвостомъ.
пи! сказалъ охотникъ еще разъ: — хочешь?
» отвѣчалъ Поппи и положилъ широкую лапу на колѣно

а же мы пойдемъ сегодня, Поппи?» спросилъ старикъ и
рукою голову вѣрнаго животнаго: — гм? зачѣмъ вор-
ти развѣ на индѣекъ, а? — тебѣ, кажется, не хочется?
снялъ лапу съ колѣна и смотрѣлъ внизъ; онъ по видимо-
ь доволенъ охотою на индѣекъ.
ойти намъ отыскать большого оленя въ тростникѣ? что́
ть?
кажется, не понравилось собакѣ; она поскребла лапой по
ить успокоилась.
ппи, такъ нечего дѣлать, надобно пойти въ горы и убить
у — вѣдь и онѣ вкусны, а?
смотрѣлъ своему господину очень угрюмо въ лицо, но, не
болѣе ни одного слова, всталъ, проворчалъ что́-то и по-
воей постели, гдѣ и легъ, раздосадованный и въ дурномъ
ніи духа.
ъ съ довольной улыбкой наблюдалъ за умной собакой;
на закрыла глаза и, казалось, ничего болѣе не хотѣла
бъ охотѣ, онъ снова заговорилъ:
пи?
ничего не слышалъ.
ппи! — я не хочу двуутробокъ!
приподняла голову, какъ-будто готовилась слушать.
пи, пойдемъ къ рѣкѣ?—посмотримъ, не перешелъ ли че-
медвѣдь? Въ-мигъ очутилась собака подлѣ господина и
ему въ глаза, какъ-будто сомнѣваясь въ словахъ старика.—
едвѣдя, Поппи? продолжалъ охотникъ. — Съ громкимъ

лаемъ и дикой радостью вспрыгнула собака, лизала его руки, се
сѣла и завыла самымъ трогательнымъ голосомъ.

— Такъ, такъ! — смѣясь говорилъ старикъ. — Пойдемъ; ты
веди себя умно, Поппи; ты добрая собака, — вотъ такъ! — Въ
же время онъ надѣлъ дробницу и шерстяной плащь, снялъ
товку и вышелъ въ сопровожденіи собаки, затворивъ дверь с
жи деревянной задвижкой.

— Подожди, Поппи! закричалъ онъ собакѣ, которая поб
впередъ по извѣстному ей направленію: — подожди, Поппи;
чала заглянемъ въ кладовую: все ли въ порядкѣ. Съ этими с
онъ подошелъ къ дому, который скорѣе можно было назвать
чикомъ, сдѣланнымъ изъ вбитыхъ въ землю шестовъ; верхъ
покрытъ древесной корой, поддерживаемой шестидесятью о
рогами. Низкая дверь, крѣпко затворенная деревянной задв
образовала входъ, а внутри было складочное мѣсто припасовъ
тельнаго охотника. Главные припасы состояли изъ нѣскол
кусковъ медвѣжьяго сала, ряда оленьихъ окороковъ и двухъ
ковъ изъ оленьей шкуры, наполненныхъ медомъ; кромѣ то
полу стояло нѣсколько выдолбленныхъ пней съ сарачинским
номъ и солью, а на потолочныхъ перекладинахъ висѣли сухіе
тыквы, лучшій салатъ въ западныхъ штатахъ.

Стефенсъ — такъ звали охотника — хотѣлъ-было запереть
бросивъ довольный взглядъ во внутренность кладовой, ка
вздумалось еще разъ взглянуть на рядъ оленьихъ окороковъ:
томъ онъ нагнулся къ одному изъ шестовъ забора и внимат
перечелъ знаки, вырѣзанные на деревѣ.

— Разъ, два, три, шесть, девять — вѣрно. А внутри? пр
жалъ онъ, приподнявшись: — разъ, два, пять, семь, восемь —
сказалъ онъ и задумчиво посмотрѣлъ на пустое мѣсто, гдѣ
девятый копченый окорокъ. Это странно! Поппи! не знаешь
Поппи, куда дѣвался девятый окорокъ?»

Поппи, снова присоединившійся къ своему господину, казал
не слышалъ вопроса и совершенно углубился въ созерцаніе
шеннаго солнцемъ медвѣжьяго черепа, который онъ очень вни
тельно разсматривалъ.

— Гм! удивительно!... ворчалъ сквозь зубы Стефенсъ: —
слѣда нѣтъ живого существа, кромѣ Поппи и меня, а окор
нѣтъ. Не обчелся ли я? Но вѣдь уже вотъ третій разъ.... По
пи, Поппи, стереги лучше, продолжалъ онъ, обращаясь къ с
бакѣ: — такъ нельзя; если опять что-нибудь пропадетъ, я посте
тебѣ въ кладовой!

Поппи косо взглянулъ на своего господина и, видя, что старикъ
ъ дверь и поднялъ винтовку на плечо, весело запрыгалъ пе-
нимъ и помчался искать медвѣжій слѣдъ.
Эгда они отдалились отъ хижины, Поппи началъ сильно пома-
ь хвостомъ.
Охотникъ хорошо зналъ прекрасныя качества своей собаки, цѣ-
ихъ, давалъ ей во всемъ полную волю, и никто не слышалъ,
ы между ними когда-либо произошла ссора; они понимали и
или другъ друга, а любовь и дружба, какъ извѣстно, могутъ
отекать только изъ обоюднаго уваженія.
Поппи былъ на свѣжемъ слѣду; онъ нѣсколько разъ останавли-
ся и, оборачиваясь, смотрѣлъ весело на господина, какъ-будто
отѣлъ сказать: «развѣ мы съ тобой не молодцы? посмотри,
будетъ весело». Старикъ только кивалъ головой и улыбался.
— Такъ, собака моя, — славное животное!
Была осень, бѣлый дубъ былъ покрытъ зрѣлымъ плодомъ, и
ѣди взлѣзали на деревья за жолудями. Этотъ край еще до нынѣ
тся дичью. Медвѣдей здѣсь множество; но вскорѣ бѣдняки бу-
выгнаны изъ родины отцовъ своихъ, и духи убитыхъ индѣй-
будутъ охотиться за ними въ «вѣчныхъ охотничьихъ дубра-
».
— Поппи! вдругъ тихо сказалъ старикъ: — Поппи, стой, я что-
ышу.
Поппи имѣлъ также вѣрный слухъ и такое же чутье; онъ под-
носъ кверху, постоялъ нѣсколько секундъ, и потомъ, возвра-
къ своему господину, поднялъ правую лапу.
— Да, другъ мой, я знаю! сказалъ улыбаясь старикъ и погла-
голову умнаго животнаго: — я слышу; но пойдемъ, будь осто-
ъ; — сегодня къ вечеру будетъ у насъ медвѣжина.
Охотникъ и собака пошли по направленію, откуда слышался
все громче и явственнѣе, пока наконецъ раздался надъ самымъ
ъ; нѣсколько сломанныхъ тяжелыхъ сучьевъ, упавъ сверху,
звели въ тишинѣ лѣса оглушительный трескъ.
Старикъ и Поппи подошли вскорѣ къ маленькому ручью, крутой
ъ котораго шелъ подъ самое дерево, такъ-что сидѣвшій на
медвѣдь не могъ ихъ замѣтить; въ пятидесяти шагахъ отъ де-
старикъ остановился, далъ знакъ собакѣ и началъ осторожно
одыматься, чтобы разсмотрѣть беззаботнаго лакомку, которому
рху и не снился опасный непріятель.
Медвѣдь стоялъ, въ девятидесяти футахъ надъ землею на доволь-
ольшомъ суку и усердно старался пригнуть къ себѣ висѣвшій
нимъ сучекъ; гибкое дерево противилось его усиліямъ, и онъ

очевидно боялся сдѣлать шагъ далѣе, не довѣряя, по тяжести
слабому подножію.

Стефенсъ взвелъ курокъ; но, видя, по всѣмъ движеніямъ
ря, что оно чувствуетъ себя довольнымъ и не скоро сойдетъ
вовсе не торопился выстрѣломъ и рѣшился выждать, чѣмъ кон
попытки медвѣдя. Поппи, стоя въ ручьѣ, ничего не видѣл,
чалъ безпокоиться и тереться объ ногу господина.

— Поппи! шепнулъ Стефенсъ, тихо погрозивши собакѣ.

Поппи сѣлъ, переминалъ безпрерывно передними ногами,
шался на нѣкоторое время угрозы старика, но, видно, ожида
казалось ему слишкомъ долгимъ, и онъ во второй разъ перегну
началъ снова тереть лапой ногу господина. Старикъ поднялъ
какъ бы хотѣлъ ступить, Поппи нельзя было этимъ испугать;
очень хорошо зналъ, что на него не наступятъ, и оставался въ
немъ положеніи.

Между тѣмъ медвѣдь убѣдился, что вѣтка, которой ему
сильно хотѣлось, ни въ какомъ случаѣ не переломится, и
стоялъ онъ, очень ненадежно; поэтому онъ полѣзъ выше,
шелъ на желанный сукъ, на оконечности своей украшенный
ствомъ прекрасныхъ желудей, и пробовалъ переломить его;
рѣе, чѣмъ ожидалъ, дерево поддалось, и едва-едва успѣлъ
стись на сосѣднемъ сукѣ, гдѣ онъ засѣлъ, весьма довольный
и сталъ чесать себѣ голову.

Поппи испугался при трескѣ сука и смотрѣлъ съ напряж
вниманіемъ на господина, стоявшаго по прежнему на своемъ
между тѣмъ, какъ медвѣдь, перегнувши къ себѣ надлом
сукъ, ѣлъ съ большимъ наслажденіемъ трудно добытый плод
бака потеряла терпѣніе, она ухватилась зубами за кожаную
охотничьей рубашки и дернула такъ сильно, что старикъ съ
громъ закричалъ:

— Поппи!

Голосъ охотника достигъ до медвѣдя; сдѣлавшись внимат
онъ нѣсколько разъ пріостанавливался, осматривался осторо
всѣ стороны, глядѣлъ внизъ и почувствовалъ, что не совсѣмъ
пасно сидѣть на деревѣ. Стефенсъ понялъ, что настала рѣшит
минута; медвѣдь еще не трогался, желая узнать, откуда послы
подозрительный голосъ; быстро и вѣрно поднялъ старикъ смер
сный стволъ, прицѣлился одну секунду, и эхо съ громомъ пов
ло выстрѣлъ. Дубовый сукъ выскользнулъ изъ лапъ звѣря и
чался; медвѣдь держался еще нѣсколько секундъ въ прежнем
ложеніи, потомъ покачнулся два раза впередъ и стремглавъ

головой впередъ съ вышины на крѣпкую землю; отъ паденія дрожала окрестность.

Поппи тотчасъ послѣ выстрѣла очутился подлѣ дерева, подъ нимъ валялся медвѣдь въ предсмертныхъ судорогахъ; послѣ нѣсколькихъ минутъ его не стало.

Онъ былъ нетерпѣливъ Поппи до того времени, такъ смирно теперь ведетъ онъ себя теперь. Онъ полизалъ рану и прилегъ спокойно подлѣ убитаго звѣря, пока господинъ не разрѣзалъ его и не собрался нести домой.

Стефенсъ не взялъ съ собою лошади, потому-что единственный его бѣгалъ на волѣ въ лѣсу и два дня уже не возвращался домой, поэтому едва къ солнечному закату успѣлъ онъ воротиться домой съ своей добычей; мясо и сало повѣсилъ онъ въ кладовой, а себѣ самому изжарилъ къ ужину бокъ и два вкусные куска окорока.

— Вотъ, Поппи, сказалъ онъ, отрѣзавъ порядочный кусокъ и бросая его собакѣ: — вотъ ты въ лѣсу не хотѣлъ ѣсть, быть можетъ теперь понравится.

Но и теперь собакѣ не хотѣлось; Поппи понюхалъ мясо, покачалъ головой и прилегъ на свое ложе. Стефенсъ посмотрѣлъ на него внимательно и спросилъ наконецъ съ участіемъ:

— Ты боленъ, Поппи?

Поппи не считалъ нужнымъ отвѣчать и вскорѣ заснулъ глубокимъ сномъ.

Когда Стефенсъ проснулся утромъ, солнце поднялось уже надъ вершинами горъ; было воскресенье, и ему не хотѣлось въ этотъ день итти на охоту; онъ, совершенно спокойно, приготовилъ себѣ завтракъ, съѣлъ его и сѣвши къ окну, принялся чинить мокассины. Поппи снова отказался отъ пищи и старикъ нѣсколько разъ взглянулъ на товарища, безпокоясь о его здоровьи; собака мало обращала на него вниманія и лежала съ закрытыми глазами.

— Поппи, что съ тобой? спросилъ старикъ, спустя нѣсколько времени и внимательно разсматривая собаку: — это что? онъ раненъ! закричалъ онъ вдругъ и бросился къ собакѣ, чтобы удостовѣриться въ истинѣ своего предположенія. Но это не была настоящая рана: на одномъ боку шерсть была стерта, какъ-будто отъ удара, самая шкура была легко оцарапана на двухъ мѣстахъ.

— Проклятый медвѣдь! сказалъ съ сожалѣніемъ старикъ, поглаживая голову собаки: — онъ таки успѣлъ тебя оцарапать! Я думалъ, онъ тотчасъ околѣлъ. Но подожди, Поппи! мы тебя вылечимъ; знаешь, что чистое медвѣжье сало вылечиваетъ всѣ такія раны.

Поппи бросилъ безпокойный взглядъ на господина, [illegible] хвостомъ и послѣдовалъ за нимъ къ дверямъ. Стефенсъ, [illegible] въ кладовую, тотчасъ посмотрѣлъ оленьи окорока, опасаясь, [illegible] ли ли у него вчера еще одного?

— Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, с-е-м-ь! закричал протяжно: — с-е-м-ь! Поппи, они у насъ опять украли [illegible] Нѣтъ, довольно, будетъ съ нихъ! ты будешь спать въ [illegible] Поппи — слышишь?

Поппи помахалъ немного хвостомъ, показывая, что понял господина, но вообще, казалось, мало интересовался кладовою; какъ и вчера, глубокомысленно разсматривалъ старый медный репъ; между тѣмъ охотникъ внимательно обошелъ кладовую, [illegible] рѣлъ, нѣтъ ли гдѣ-нибудь отверстія. Все было крѣпко и [illegible] видно чужого слѣда.

— Ты эту ночь будешь спать въ кладовой, Поппи! повто старикъ еще разъ: — и если услышишь что́-нибудь подозрител то зашуми, быть можетъ поймаемъ вора.

Сказано — сдѣлано. Поппи спалъ, начиная съ этой ночи, мягкихъ, разложенныхъ для него въ кладовой шкурахъ. [illegible] прекратилась; но эта «перемѣна воздуха», казалось, благо подѣйствовала на здоровье собаки: бокъ его излечился, апе ротился; онъ ѣлъ все: медвѣжину и оленье мясо и по време отказывался отъ жареной индѣйки, которую до того времени галъ съ презрѣніемъ.

Спустя двѣ недѣли, въ которыя все шло благополучно, казалось, потерялъ охоту ночевать въ новой спальной; онъ шелъ къ постели господина и вытянулся у ногъ его.

— Все цѣло, Поппи? спросилъ Стефенсъ: — все цѣло? ты не хочешь спать въ кладовой?

Собака, казалось, поняла вопросъ хозяина, встала и почеса редней лапой моккасины старика.

— Добрая собака! сказалъ Стефенсъ и погладилъ ея голо славная собака!

Оба единодушно согласились предоставить на эту ночь кла своей собственной судьбѣ. Каково же было удивленіе охотника, онъ, осмотрѣвъ на другое утро кладовую, увидѣлъ только *шесть* ченыхъ окороковъ! Это было слишкомъ загадочно. Онъ въ по ніе дни убилъ еще четыре оленя и повѣсилъ ихъ окорока; но ной воръ предпочелъ сухіе, копченые, и не трогалъ другихъ пасовъ.

— Поппи, сказалъ Стефенсъ: — дѣло мнѣ подозрительно. Я караулить эту ночь; мѣсяцъ свѣтитъ, и я съ постели своей,

ввину шкуры, могу удобно обстрѣливать кладовую; а ты, Поппи, во пойди сюда и брось скверный старый черепъ — а ты, Поппи, олженъ спать внутри, но подлѣ кладовой; если кто приблизится, ейчасъ почуешь и можешь преслѣдовать.

Три ночи сряду караулилъ Стефенсъ, три ночи сряду обходилъ ли кладовую, при лунномъ свѣтѣ: никто не показывался; въ ертую, когда оба устали и соснули, воръ снова появился, и на е утро висѣло только пять окороковъ.

то хоть кого бы вывело изъ терпѣнія. Стефенсъ остановился ленный на порогѣ, или на томъ мѣстѣ, гдѣ могъ быть порогъ, лся, что готовъ повѣситься, если онъ что-нибудь понимаетъ томъ дѣлѣ. Поппи тоже ничего не понималъ; онъ стоялъ такоколо своего господина и смотрѣлъ съ удивленіемъ на пустые ди.

Оба съ сомнѣніемъ качали головою.

Стефенсу дѣло показалось важнымъ. Было что́-то необъяснимо ственное въ этихъ покражахъ, и онъ рѣшился не спать еще одну ь и на другой день съ разсвѣтомъ отправиться къ ближайшему ду, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Ближайшій сосѣдъ жилъ, да, въ двадцати слишкомъ миляхъ; но по тому же направленію шась лошадь Стефенса, и онъ рѣшился воспользоваться этимъ слуъ, чтобы сдѣлать два дѣла вдругъ.

Возвратясь домой, онъ снялъ съ гвоздей винтовку, почистилъ заъ, влилъ свѣжаго оленьяго сала въ особое отверстіе приклада, срѣ два новыхъ ремня и растопилъ немного свинцу для пуль. Поппивидя всѣ приготовленія господина, сѣлъ между тѣмъ передъ ъ и добродушно смотрѣлъ на него большими темными глазами, тно ожидая, что они тотчасъ пойдутъ въ лѣсъ. Хотя бѣдное тное и проспало цѣлую ночь, но оно было утомлено; глаза его кались, и черезъ нѣсколько минутъ голова его покачивалась то у, то въ другую сторону.

— Ступай спать, Поппи! сказалъ старикъ: — мы сегодня не пойъ на охоту; можешь спокойно улечься.

Поппи не ждалъ вторичнаго приказанія, всталъ, протянулъ сналѣвую заднюю ногу, потомъ правую, съ удивительною ловкостію ъсалъ себѣ шею, пошелъ къ постели, перевернулся раза три съ на бокъ и улегся, готовясь порядкомъ выспаться.

Стефенсъ снялъ между тѣмъ дробницу и осмотрѣлъ, все ли въ въ порядкѣ для завтрашняго похода: пять пуль и одна въ винтѣ, всего шесть, — этого хватало на три или четыре дня; отвертри кремня, кусочекъ трута, немного войлока для чистки ствола, къ тонкой кожи, трубочка для приманки индѣекъ и маленькій

мѣшочекъ соли; итакъ, все было въ порядкѣ; онъ всыпалъ нѣ
го пороху изъ большого рога въ обыкновенный охотничій р
свой, какъ вдругъ Поппи зашевелился, дѣлалъ безпокойныя дв
нія и тихо началъ визжать — онъ бредилъ.

— Гм! сказалъ Стефенсъ и смотрѣлъ съ улыбкой на товари
— старый индѣецъ, которому я недавно подарилъ медвѣдя, ра
зывалъ, что если спящей собакѣ покрыть голову своимъ плат
и имъ же накроешь послѣ того свою собственную голову, и зас
то приснится самому тоже, что́ снилось собакѣ; дай попробу
Поппи.

Поппи началъ дергать обѣими ногами, какъ-будто бы его
жалъ кто-то и онъ желалъ освободиться, и визжалъ тихо и жал

— Эхъ, попробую, сказалъ старикъ, снялъ свою косынку
крылъ ею спящаго Поппи и наблюдалъ внимательно за всѣм
движеніями. Долго лежалъ онъ неподвижно; скорое дыханіе дв
вало, что инстинктъ его былъ въ дѣйствіи; наконецъ онъ н
обѣими передними лапами шарить, полежалъ опять спокойно
томъ снова зашевелился всѣмъ тѣломъ и успокоился. Сте
снялъ осторожно косынку, положилъ ее себѣ подъ голову и за
тотчасъ послѣ того; добрый охотникъ долженъ былъ воспольз
ся временемъ для отдохновенія, чтобы въ случаѣ необходимо
казаться отъ сна.

Осеннее солнце смотрѣло тепло и весело на хижинку окн
въ которой отдыхали два друга.

Было два часа пополудни, когда Стефенсъ проснулся. П
бывшій около получаса внѣ хижины, передъ тѣмъ воротился
жалъ спокойно на своемъ старомъ мѣстѣ; Стефенсъ приподн
сѣлъ на постель и сидѣлъ долгое время, неподвижно устремив
за передъ собой, какъ-будто забывшись въ раздумьи; потом
взглянулъ на собаку, вздохнулъ тяжело, какъ-будто отъ т
страданія, покачалъ головой и закричалъ:

— Поппи!

Поппи не спалъ, открылъ тотчасъ глаза и началъ махат
стомъ; господинъ сильнѣе закачалъ головой и взглянулъ на
ку съ упрекомъ, остановивъ на ней пристальный и испыт
взглядъ. Поппи сдѣлалось неловко отъ этого взгляда, онъ
всталъ, медленно поднялъ голову вверхъ и смотрѣлъ то въ
то въ другую сторону, но повсюду встрѣчалъ онъ присто
взоръ господина, такъ-что наконецъ, какъ бы привлекаемый
лимою силою, всталъ, подошелъ къ нему, началъ ласкаться
тѣлъ полизать его руку; Стефенсъ отдернулъ ее и повтор
упрекомъ:

Поппи!

амъ, гамъ!» завыла собака и почесала передней лапой колѣно ка, какъ-будто желая сказать: «полно! не шути: это непрія-

Охотникъ оттолкнулъ его, спустилъ ноги и сказалъ собакѣ, вшей его съ полнымъ вниманіемъ:

Поппи! вотъ уже четыре года съ тѣхъ поръ, какъ ты былъ маленькимъ щенкомъ, — жили мы съ тобою въ искренней дру- я тебя никогда не билъ, исключая когда ты побѣжалъ за кро- мъ, вмѣсто того, чтобы итти по найденному нами медвѣжьему , да еще разъ, когда ты не хотѣлъ выйти изъ-подъ дерева, гдѣ ла дикая кошка, между тѣмъ какъ у меня была всего одна пуля. азвѣ голодалъ у меня? былъ ли у тебя въ чемъ-нибудь недо- къ? помнишь ли, какъ мы три дня сряду не нашли дичи, — не лился ли я съ тобою честно послѣднимъ кускомъ? можешь ли казать противное?

Поппи разсмотрѣлъ между тѣмъ всѣ углы и предметы комнаты, ая лица своего господина, и повидимому чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ; онъ взглянулъ даже одинъ разъ грустно ерь, какъ-будто думая: «не улизнуть ли?» Но хотя дверь и бы- ворена, онъ не трогался съ мѣста; совѣсть его была нечиста.

— Поппи! продолжалъ старикъ послѣ короткаго молчанія: — ! ты неблагодарная, дурная собака: ты употребилъ во зло овѣріе, вкрался въ мою любовь, а теперь ты воруешь. Да, Поп- ы воруешь: видишь эту неплотную доску внизу камина? Тамъ очью пролѣзаешь. Ты запираешься, закричалъ онъ съ гнѣ- когда Поппи всталъ и, какъ-будто ничего не понимая, обнюхи- показанную ему доску: — ты запираешься? Такъ послушай же, , исполнивъ совѣтъ стараго индѣйца, видѣлъ сегодня во снѣ. положилъ я подъ голову платокъ, поймавшій твой сонъ, какъ нулъ, и мнѣ въ ту же минуту показалось, будто я нахожусь въ стіи, тамъ, у камина, что половина моего тѣла головой впередъ вывалась наружу, и я бился изо всѣхъ силъ, чтобы освободить- изъ тѣснаго отверстія, и это наконецъ удалось мнѣ; бокъ болѣлъ ня, когда я пролѣзъ, но несмотря на то, я быстро побѣжалъ — анно — на четырехъ ногахъ, — къ кладовой, гдѣ, привставъ, рнулъ задвижку, не какъ всегда — рукой, но зубами. Поппи, я и стыжусь разсказывать, что́ я сдѣлалъ тамъ. Я взлѣзъ на пень олью, стащилъ зубами одинъ изъ копченыхъ оленьихъ окоро- и понесъ его къ дверямъ; задвинулъ задвижку, какъ было де, и понесъ окорокъ въ чащу къ опрокинутому красному дубу. о вздохомъ пріостановился старикъ на минуту и, глядя на Поп- съ упрекомъ покачалъ головой; собака не могла успокоиться,

бросалась съ одной ноги на другую, смотрѣла то въ тотъ, то въ
гой уголъ, порыла передней лапой землю и, изкоса бросая
на открытую дверь, не смѣла однако убѣжать.

— Тамъ, продолжалъ тоскливымъ голосомъ старый охотн
стирая ладонью двѣ большія слезы, повиснувшія на глазахъ ест
тамъ легъ я обѣими руками — мнѣ казалось, будто у меня
на окорокъ и сгрызъ все мясо съ кости, зарылъ потомъ
нодъ листьями и мхомъ и воротился чрезъ тоже отверстіе в
нату; для того, чтобы скрыть свой подлый поступокъ, я
доску, отправился на свою постель, и здѣсь, повернувшись
необыкновеннымъ образомъ, заснулъ. Куда, Поппи? закричал
громовымъ голосомъ собакѣ, которая старалась разными
улизнуть отъ непріятнаго для нея разговора: — куда, Поппи?
дись, скверная, неблагодарная собака. Но погоди, сначала
доказательства твоей вины; пойдемъ къ дубу.

Съ этими словами онъ взялъ винтовку и ягдташъ (хорош
никъ безъ оружія не отойдетъ и десяти шаговъ отъ своего
строгимъ знакомъ приказалъ собакѣ слѣдовать за собою.
замѣтившій по разговорамъ о каминномъ отверстіи, что дѣло
но, и видя, по какому направленію идетъ господинъ, повѣсил
запустилъ хвостъ подъ брюхо и шелъ въ молчаніи за
Два раза останавливался онъ на дорогѣ и оглядывался, желая
жать, но Стефенсъ наблюдалъ за нимъ, и напрасно пытался
бѣгнуть его вниманія. Наконецъ пришли они къ мѣсту, гд
фенсъ во снѣ зарылъ кости — тамъ лежалъ дубъ; старый
обвитый густымъ сассафрасомъ и сассапарилемъ подъ
стволомъ; Стефенсъ отодвинулъ ружьемъ листья и мохъ.
жала улика вора — остатки украденныхъ окороковъ.

Еслибъ для Поппи была возможность пролѣзть сквозь
ушко, онъ бы сдѣлалъ это съ величайшимъ наслажденіемъ:
подло и нестерпимо было его положеніе; его узнали, обличили,
зналъ, что гнѣвъ и досада выражались въ эту минуту въ
его добраго господина. Въ это мгновеніе Поппи, безспорно, счит
себя самой несчатной собакой въ Миссури.

Съ повисшей головой, дрожащими ногами и полузакрытыми
зами стоялъ онъ нѣсколько минутъ, безсмысленно смотря въ
лые листья и ожидая отъ господина брани, а быть можетъ и
наказанія. Къ удивленію его, однако не было ни того, ни
старый Стефенсъ нѣсколько времени смотрѣлъ на него пристально
съ грустію, поднялъ винтовку на плечо и пошелъ молча въ
Поппи печально побѣжалъ за нимъ.

астала ночь, и оба улеглись подъ широкими вѣтвями дуба, но
няя дружба между ними исчезла.
оппи хотѣлъ-было приласкаться, но Стефенсъ оттолкнулъ его
залъ: «ступай прочь — ты волкъ!» и онъ не могъ найти бра-
уже этой, потому-что ничего въ свѣтѣ Поппи такъ не ненави-
какъ волка. Поппи воротился печально и легъ подъ деревомъ,
со отъ господина и костра.
а другое утро Стефенсъ отправился съ разсвѣтомъ и около де-
часовъ пришелъ къ Миссури. Сначала намѣреніе его было же-
о. Чѣмъ болѣе онъ любилъ свою собаку, тѣмъ болѣе огорчила
скрытность ея характера, и онъ хотѣлъ ее застрѣлить, но, не бу-
въ состояніи исполнить этого страшнаго рѣшенія, придумалъ
ть Поппи въ ближайшее поселеніе и подарить его кому-нибудь,
и не вѣрилъ возможности, чтобы удалось удержать собаку у
о хозяина.
нъ сидѣлъ и печально, нерѣшительно смотрѣлъ въ даль; вдругъ
шалъ онъ приближеніе парохода, одного изъ тѣхъ, которые
отъ времени идутъ внизъ и вверхъ по рѣкѣ, частію при-
охотниковъ во внутренность страны, частію доставляя въ Сенъ-
мѣха и другія произведенія. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ
отдохновенія старика, присталъ пароходъ къ берегу, для того,
ы запастись дровами.
тефенсъ пошелъ къ пароходу.
— Эй, старый, у васъ славная собака! закричалъ одинъ изъ пас-
ровъ, бѣлокурый, стройный молодой человѣкъ: — не продади-
вы ее?
— Продать? сказалъ Стефенсъ: — нѣтъ, никогда; если же вы
те взять ее и обѣщаете увезти далеко.... хорошо обходиться съ
продолжалъ онъ, взглянувъ на Поппи, стоявшаго съ поджа-
хвостомъ и повисшими ушами подлѣ старика: — то.... то....
мите ее....
— Можетъ ли быть? спросилъ пораженный пассажиръ, которому
ь понравилось прекрасное мохнатое животное: — я съ первымъ
ходомъ иду изъ Нью-Орлеана въ Англію: довольно ли это дале-
ля васъ?
— Возьмите ее, сказалъ Стефенсъ и отворотился.
Въ эту минуту раздался звонъ на палубѣ; англичанинъ быстро
залъ шею присмирѣвшей собаки своимъ платкомъ и потащилъ
пароходъ, который тотчасъ же отправился въ путь.
[о того времени Поппи велъ себя смирно и страдательно, подав-
ый нечистою совѣстію и молчаніемъ господина, но видя, какъ
странство все болѣе и болѣе увеличивалось между нимъ и его по-

кровителемъ, у него промелькнула въ головѣ мысль о судьбѣ
и онъ завылъ и залаялъ, какъ въ старыя времена, когда про
старика на охоту.

Этому не могло противостоять доброе сердце охотника, ко
уже и такъ горька была разлука съ собакой; онъ поверну
крикнулъ:

— Поппи, собака моя; сюда, сюда! и громко и радостно з
Поппи и хотѣлъ броситься на зовъ; новый господинъ пред
это, и бѣдное, изо всѣхъ силъ сопротивлявшееся животное
привязано на цѣпь.

— Поппи! Поппи! кричалъ раздирающимъ голосомъ о
охотникъ. — Поппи исчезалъ вдали, зовъ его перелеталъ, ка
хій вѣтерокъ, а пароходъ, фыркая и пыхтя, летѣлъ по глад
верхности рѣки.

Четыре дня послѣ того скакалъ чрезъ Сенъ-Луи всадни
кожаной охотничьей курткѣ, съ винтовкой на плечѣ; лошадь
измучена и утомлена до смерти; всадникъ соскочилъ съ ло
пристани и спросилъ одного стоявшаго тутъ поденщика: гдѣ
ходъ «Yellow Stone?»

— Вчера отправился въ Нью-Орлеанъ, сказалъ поденщ
взваливъ послѣдній мѣшокъ муки на телѣжку, отправился въ
всадникъ простоялъ болѣе часа на берегу широкаго Мисси
смотрѣлъ на дико волновавшуюся рѣку, потомъ медленно с
лошадь и шагомъ поѣхалъ въ лѣсъ, не взглянувъ ни разу на го

Поппи былъ отвезенъ въ Англію, и такъ-какъ онъ отъ то
морской болѣзни очень похудѣлъ, то новый господинъ бере
съ неимовѣрнымъ вниманіемъ и любовью. Поппи видѣлъ это
билъ новаго господина, но былъ всегда печаленъ, ѣлъ, что с
вали, и жилъ осенью и всю зиму такъ спокойно въ Англіи,
это возможно бѣдной собакѣ, увезенной изъ своего отечества.

Когда же настала весна съ новыми цвѣтами и почками,
послѣ долгаго зимняго сна природа проснулась освѣженная,
ласточки воротились домой, и онъ вспомнилъ родимый лѣсъ,
все разцвѣло и позеленѣло, птицы запѣли, тогда напала то
сердце бѣднаго Поппи: онъ вспомнилъ свой лѣсъ, зеленѣющі
красные кусты, серебристый ручей, протекающій подлѣ дом
думалъ объ охотѣ, о прекрасной лѣсной жизни, какъ тамъ г
небо лучше, какъ звѣзды тамъ свѣтлѣе; онъ думалъ о слѣдѣ
звѣрей, о боѣ съ медвѣдемъ и тигромъ, и сердце у него затос
Поджавши хвостъ, бродилъ онъ, какъ-будто вылили на него
воды.

Однажды господинъ его получилъ изъ Сенъ-Лун посылку и от-
ылъ ее (Поппи сидѣлъ тутъ же) — и вынулъ изъ ящика: разъ,
, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять копченыхъ
ньихъ окороковъ. Это было слишкомъ: старыя воспоминанія
кресли, Поппи вспомнилъ своего прежняго господина, какъ тотъ
билъ его, какъ подло онъ обманулъ его, и какъ страшно было
азаніе; внезапно рѣшился онъ окончить жизнь и бросился въ
екающую за домомъ рѣку.

Бѣдный Поппи, ты лежишь теперь въ чужой землѣ, — и только
къ проступокъ удалилъ тебя изъ родины!

А господинъ твой? что сталось съ твоимъ бѣднымъ господи-
ъ? Тихо и одиноко сидѣлъ онъ въ хижинѣ, винтовка безъ дѣла
ла на стѣнѣ. Старый Стефенсъ заболѣлъ и долго пролежалъ на
зненномъ одрѣ. Когда же настала весна, когда послѣ зимняго
природа воскресла, ласточки воротились въ его хижину, все по-
нѣло и разцвѣло, птички запѣли, старику сдѣлалось больно и
рустнулось въ хижинѣ. Онъ вычистилъ винтовку отъ ржавчины
ыли, собралъ охотничьи снаряды, осѣдлалъ коня и помчался да-
о, далеко, въ западныя степи; на сѣдлѣ была привязана сверну-
медвѣжья шкура, шкура того медвѣдя, котораго онъ убилъ, ко-
ъ послѣдній разъ охотился съ Поппи.

ИСТИННЫЕ ПРИЗРАКИ.

Разсказъ I.

ПРИЗРАКЪ ПРАДѢДА.

— Всѣ несовременные вопросы такого свойства, что они не воз-
ждаютъ никакого любопытства къ тому, что могутъ на нихъ отвѣ-
ъ. Да и точно, неужели въ наше время можетъ существовать еще
росъ о возможности призраковъ?

— Вы говорите, что призраки — вопросъ совершенно не совре-
нный, а не рѣшили ли вы сами, что Сю и Дюма совершенно со-
менные романисты? Давно ли вы восхищались знаменитымъ
зракомъ Сю, «Вѣчнымъ Жидомъ» и, какъ говорятъ французы,
as venez de lire призракъ Дюма, «Іосифъ Бальзамо».

— Зато эти романы явились и исчезли, подобно призракамъ —
ъ слѣдовъ, замѣтилъ тотъ, кто до сихъ поръ не вмѣшивался въ
оръ о призракахъ.

— Правда, возразилъ ихъ защитникъ: — но это потому, что призракъ есть преходящая форма мысли, и эта форма скоро изнажается.

— Вы имѣете какое-то особенное понятіе о призракахъ, сказалъ начавшій споръ: — но примѣръ, который вы привели, чтобы оправдать ихъ современность, ничего не доказываетъ. У Сю, у Дюма призраки — только форма мысли, мысли дѣйствительной, современной, и совсѣмъ не призрачной, и, по всей вѣроятности, форма неудачная, потому-что она-то можетъ быть причиною преходимости самихъ сочиненій, ихъ *Vergänglichkeit*.

— Преходимость — существенное свойство призраковъ. А если вы сказали, что призраки у Сю и Дюма только формы ихъ мыслей, то я могу такъ же сказать, съ такою же основательностію, что мысли ихъ служатъ формами для призраковъ, описываемыхъ въ ихъ романахъ.

— Не понимаю.

— Я говорю, что конечно въ «Іосифѣ Бальзамо» трудно рѣшить, беретъ ли Дюма мысль, и средствомъ распространенія ея въ большинствѣ употребляетъ заманчивые призраки, или, наоборотъ, мысль употребляетъ онъ какъ средство придать интересъ и изъясненіе призракамъ, какъ напримѣръ явленіямъ животнаго магнетизма.

— Очень хорошо. Но скажите, что собственно хотите вы сказать?

— Ничего.

Многіе засмѣялись; спорщикъ продолжалъ:

— Но вы говорили сначала такъ, какъ-будто бы хотѣли сказать, что призраки могутъ дѣйствительно являться людямъ: вотъ что́ мнѣ показалось странно и несовременно, несовременно до такой степени, что, я думаю, самый разговоръ нашъ, если онъ дойдетъ до такихъ вопросовъ, потеряетъ всякой интересъ для насъ самихъ и прекратится самъ собою.

— Вы думаете, что разговоръ объ этомъ вопросѣ не интересенъ въ наше время именно потому, что ныньче рѣшено, что призраки являться не могутъ. Я не такъ думаю. Но я сказалъ бы односторонность, утверждая, что этотъ вопросъ потому неинтересенъ, что рѣшено, что призраки являться *могутъ*. Нѣтъ, я скажу, что явленіе призраковъ ныньче потому потеряло интересъ, что мы знаемъ *какъ* они являются. Впрочемъ, противорѣча вамъ и утверждая современность призраковъ, я не думалъ доказывать ихъ подлинности, а хотѣлъ только обратить вниманіе на другую сторону положительности, которою прославляется нашъ вѣкъ. Эта другая сторона нашей положительности есть наша призрачность, безъ которой самая

ожительность нашего вѣка не обходится, и къ которой она без-
станно приходитъ сама собою. Я ссылаюсь на литературу. Снача-
напримѣръ, вамъ кажется, что Гончаровъ въ своей «Обыкновен-
Исторіи» доказалъ предпочтительность положительности дядюш-
предъ призрачностію племянника, а потомъ вы замѣчаете, что
я эта предпочтительность заставила автора немножко круто,
ножко неестественно, немножко неудовлетворительно повернуть
ктеръ племянника въ противную сторону, а далѣе самый ходъ
йныхъ дѣлъ дяди опять доказываетъ недостаточность чистой
жительности. Вотъ наприм., наша литература, положительность
явленія которой есть натурализмъ, переродившійся въ фанта-
ческое направленіе въ гг. Достоевскомъ и Бутковѣ! Да и самого
вателя положительнаго направленія въ литературѣ, Гоголя, это
правленіе довело до «Переписки съ друзьями», въ которой фан-
ическое доходитъ уже до мистицизма. А все это потому, что,
икая въ глубь положительнаго, въ глубь природы, вы дости-
е наконецъ до сущности природы, а сущность всегда есть толь-
ысль, нѣчто идеальное, на которомъ однакожь, идя все въ одну
ону, вы уже не остановитесь, а преувеличивая идеальное, вы
чаете чистый призракъ.

— Пусть такъ. Но меня интересуетъ совсѣмъ не эта сторона ва-
мысли, а то, что вы сказали въ началѣ, именно: какъ, по вашему
нію, объясняете вы явленіе призраковъ, т. е. привидѣній?—вы,
рый признаете за существенное только мысль, защищаете су-
ственность призраковъ, которые право не дѣлаютъ чести человѣ-
ому смыслу!

ащитникъ призраковъ не отвѣчалъ. В — ій повторилъ свой во-
съ.

— Скажите намъ, какимъ образомъ, по вашему мнѣнію, являются
раки? Право, это очень любопытно!

— Слѣдовательно, васъ интересуетъ этотъ вопросъ, не смотря
ю его несовременность? Однакожь, если вы напередъ увѣрены,
мой отвѣтъ не болѣе, какъ только мое личное мнѣніе, то онъ не
женъ нисколько удовлетворить васъ, потому-что теперешнее ва-
мнѣніе о немъ осудило его напередъ, какъ односторонность
случайность, мысль свойственную только мнѣ одному и слѣдова-
но ложную. И такъ какъ вы еще, не зная моей мысли, уже ее
ищаете, то и я хочу доказывать свою мысль о дѣйствительности
раковъ такъ же отрицательно: я прошу васъ отвергнуть со
логическою строгостію явленіе какого-нибудь призрака, о ко-
мъ вы слышали или даже читали.

— Помилуйте, стоитъ ли затѣвать такіе святочные разсказы: и съ вами не ребяты!

— Какъ же васъ интересуетъ мое мнѣніе о фактѣ, когда сами фактъ васъ не интересуетъ: это несовременно, неположительно тоже призрачно.

— Меня интересуетъ ваше мнѣніе по очень простой причинѣ потому-что я его не знаю; а не интересуютъ факты о призракахъ, или, просто, разсказы о нихъ, потому-что всѣ они слишкомъ похожи одинъ на другой, и я не надѣюсь узнать ничего изъ нихъ новаго; о нихъ поэтому всѣ знаю.

— Если разсказы о призракахъ всѣ имѣютъ между собою так много общаго, какъ вы говорите, то не принимается ли такое сходство разсказовъ за достовѣрность событія, на основаніи началъ той строгой критики, которая, замѣтьте, отвергаетъ всѣ призраки?

— Если ужь такъ, то я вамъ скажу рѣшительно, что я, напримѣръ, *pour fixer les idées*, нисколько невѣрю въ призракъ Вѣчнаго Жида въ то, чтобъ холера былъ призракъ съ зеленоватымъ лицомъ и красными глазами!

— А между тѣмъ холера дѣйствительно представляется такимъ призракомъ. Умирающіе отъ холеры именно имѣютъ такой видъ! этотъ видъ настоящій призракъ и въ отношеніи къ умирающему въ отношеніи къ холерѣ, потому-что онъ является только въ мгновеніе самой смерти; потомъ тѣло мертваго темнѣетъ, глаза портятся; да и холеры тогда уже нѣтъ въ больномъ, когда этотъ призракъ исчезъ, когда человѣкъ мертвъ. Холера разумѣется является вмѣстѣ самою смертію больного, *dans l'acte même de la mort*, которая и результатъ, и этотъ результатъ есть явленіе призрака Сю. Вообразите всѣхъ умирающими отъ холеры: вы легко поймете, что холера безпрестанно является и безпрестанно исчезаетъ, какъ настоящій призракъ, и переходитъ отъ одного къ другому. Призракъ этотъ и въ состояніи убить, когда при взглядѣ на умирающаго дѣлается отъ испуга холера у того, кто взглянулъ; сила призрака совершенно реальная, а вы отказываете въ реальности самому призраку!

— Взглядъ вашъ довольно оригиналенъ. Такъ вы думаете, что любопытство, съ которымъ мы читаемъ разсказы о призракахъ Сю и Дюма, происходитъ оттого, что эти господа описываютъ дѣйствительно существующіе призраки?

— Непремѣнно

— Но скажите ваше общее начало, на которомъ вы основываете дѣйствительность призраковъ?

— Дѣйствительность основывается только на дѣйствительности.

— Это игра словъ.

— Нѣтъ. Если вы мнѣ разскажете несомнѣнный фактъ явленія зрака, то я вамъ объясню этотъ фактъ несомнѣнно истиннымъ азомъ.

— Вы мнѣ объясните мой фактъ тѣмъ, что докажете, что приа несомнѣнно не было и, какъ обыкновенно выражаются, все исходило естественнымъ образомъ?

— Напротивъ, я докажу, что призракъ несомнѣнно былъ.

— И для этого вы требуете отъ меня несомнѣннаго факта явленпризрака, а по всей вѣроятности такого факта о призракахъ уществуетъ, поэтому и вашего объясненія вы никогда мнѣ не кете!

— Какъ же вы хотите, чтобъ я доказывалъ существованіе факта, а самый фактъ не существуетъ!

— Это уловка; вы ускользаете.... съ вашимъ условіемъ можно снять все, что́ угодно.

— Съ условіемъ, чтобы было что́ объяснять.

Въ этотъ споръ вмѣшался В—ій.

— Позвольте! Я вамъ разскажу, если угодно, цѣлую вереницу раковъ, которые всѣ несомнѣнны, потому-что всѣ происходили ругъ меня, очень близко, а отчасти въ нашемъ семействѣ. Мать немножко суевѣрна, а это хуже, нежели совершенно суевѣрна; именно на столько не суевѣрна, что не думаетъ о явленіи приовъ, и на столько суевѣрна, что боится объ этомъ думать....

— Результатъ тотъ, перебилъ Б—овъ:—что нѣкоторыя ея мыостаются поэтому въ такихъ формахъ, въ которыхъ онѣ ей внушено которыхъ она не сознаетъ, потому-что о нихъ не думаетъ, торыя, предоставленныя сами себѣ, развиваются въ мозгу ея антастическіе образы, представляющіеся ей во снѣ и на яву, и му независимыя отъ ея воли, что не зависятъ отъ сознанія.

— Я думаю, ей должны сниться сбывающіеся сны, и предстаться предвѣщательныя видѣнія? Мысль непремѣнно развивается озгу сама собою, по необходимымъ логическимъ законамъ, воли неволею. Человѣкъ, который не хочетъ этого развитія, женъ быть безпрестанно на сторожѣ; воля его должна безпрестанйствовать, и быть въ непрерывномъ напряженіи, а иначе въ ентъ недѣятельности воли, какъ напримѣръ, когда онъ не совершно проснулся, мысль будетъ ему являться рядомъ образовъ, кобые будутъ его безпокоить.

— Именно я и хочу говорить о тѣхъ призракахъ, которые являлъ матери моей во снѣ и на яву. Но прежде о самомъ себѣ, а вы, -овъ, господинъ объяснитель, должны будете доказать намъ, что

въ исторіи, которую я разскажу и въ которой есть призракъ, не дѣйствительно зависѣло отъ призрака,— словомъ, объяснить существенное участіе призрака въ исторіи, потому-что это участіе для меня самого непонятно. — Въ нашемъ семействѣ было предубѣжденіе противъ портрета моего прадѣда. Этотъ портретъ внушалъ всѣмъ суевѣрный ужасъ. Онъ былъ для насъ призракъ, потому-что на холстѣ портрета не видно было никакого яснаго человѣческаго образа: отъ времени все потемнѣло и представляло почти на черномъ полѣ только нѣсколько пятенъ посвѣтлѣе неопредѣленнаго цвѣта. Притомъ я никогда не слышалъ, въ чемъ собственно состояло вліяніе этого портрета на кого-нибудь. (Въ то время, когда происходилъ мой разсказъ, было мнѣ около десяти лѣтъ). Но самая безвѣстность свойствъ портрета и придавала ему ту таинственность, которая мнѣ внушала боязнь. Одинъ никакъ я не хотѣлъ остаться въ той комнатѣ, въ которой портретъ висѣлъ, а если случайно оставался на мгновеніе, то, вспомнивъ о томъ, съ кѣмъ я наединѣ, не смѣя взглянуть на него, бѣжалъ изъ комнаты. Одно было мнѣ опредѣленно извѣстно объ этомъ портретѣ: — это — что на того онъ упадетъ, тотъ долженъ умереть не позже, какъ на третій день, и мнѣ казалось, что онъ можетъ упасть на кого угодно, собственною произвольною силою, что онъ одушевленъ этою страшною мыслію. Прислуга не смѣла касаться къ портрету, до того, что, казалось, его рѣшительно никто въ домѣ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, и онъ постоянно былъ покрытъ пылью.

— Вѣрили ли ваши родители преданію о портретѣ?

— Не знаю. Я думаю, что вѣрили. По-крайней-мѣрѣ мать моя замѣтно боялась портрета, хотя и старалась, особенно передо мною, скрывать свой страхъ. Но замѣтивъ ея желаніе не говорить о портретѣ, скрывать отъ меня, что именно дурного можетъ онъ сдѣлать, я тѣмъ больше боялся его. Когда я съ дѣтскою рѣзвостію спрашивалъ ее, правда ли, что говорятъ, на кого упадетъ портретъ, тотъ умретъ до третьяго дня? она меня утѣшала словами: «все зависитъ отъ Бога; Богъ милосердъ; молись хорошенько Богу: отъ него все возможно». И я молился о томъ, чтобъ не на меня упалъ портретъ. Эта молитва, которую я постоянно шепталъ при видѣ портрета, произвела во мнѣ увѣренность, что портретъ не можетъ упасть на меня, по-крайней-мѣрѣ пока я произношу молитву, и я бывалъ въ ужасномъ страхѣ, когда, случайно находясь въ-близи портрета, забывалъ шептать молитву. Я никому не говорилъ о своемъ средствѣ избавиться отъ вліянія портрета; иногда мнѣ даже приходило въ голову, что если я открою это средство, то оно перестанетъ быть спасительнымъ для меня самого. Однакожь, несмотря на мою увѣренность

своей безопасности, я все-таки со страхомъ смотрѣлъ на порт-
ь. Мнѣ казалось, что во время моей молитвы происходитъ таин-
ная борьба невидимыхъ силъ, изъ которыхъ одна, подкрѣп-
ая молитвою, препятствуетъ портрету упасть, а другая побуж-
ъ его къ этому. Притомъ, кто бы ни умеръ отъ портрета, мнѣ
было страшно подумать объ этомъ.

— Зачѣмъ, при такой опасности со стороны портрета, не прика-
его снять и вынести прочь?

— Я думаю потому, что всѣ боялись объ этомъ хорошенько по-
ть. Дать такое приказаніе значило бы для матери моей сознать
суевѣріе, а этого она не могла. Съ другой стороны, уваженіе къ
камъ, которое жило въ нашемъ семействѣ, было также при-
но, что мысль о такомъ приказаніи и не входила никому въ го-
— Я съ намѣреніемъ распространился обо всѣхъ этихъ психоло-
ческихъ отношеніяхъ портрета, или, лучше, призрака моего пра-
къ нашему семейству, потому, что Б—овъ, для своего будущаго
ъсненія, потребовалъ бы отъ меня всѣхъ этихъ подробностей
-а.

— Но точно ли это подробности *факта?* замѣтилъ тотъ, кто по-
мому рѣшился сомнѣваться въ призракахъ *до послѣдней возмож-
ти:* — я хочу сказать, увѣрены ли вы, что все, что́ вы намъ раз-
ли теперь, точно такимъ образомъ вы чувствовали, когда вамъ
десять лѣтъ? Я вѣрю вашему факту, но не вашей психологіи,
рая, какъ я думаю, есть игра теперешней вашей фантазіи, воз-
ѣенной воспоминаніями дѣтства. Б—овъ имѣетъ право отдѣлать-
съ всякихъ объясненій тѣмъ, что фактъ въ подробностяхъ сво-
не несомнѣненъ. Неправда ли?

— Какъ же вы это понимаете?

— Фантазія, возбужденная воспоминаніями дѣтства, какъ вы
ите, воскрешаетъ прошедшія мысли и чувствованія, и тѣмъ
ѣе и съ бо́льшими подробностями, чѣмъ она сильнѣе разыгры-
ся, чѣмъ она ближе къ тому, что́ называется талантомъ. Мысли,
рыя по поводу этой фантазіи высказалъ В—ій, и которыхъ, безъ
нія, онъ не могъ имѣть въ дѣтствѣ, мысли эти нечто иное,
логическое слѣдствіе впечатлѣній дѣтства, которыя въ немъ
лись посредствомъ фантазіи. А развиться значитъ быть от-
ту, слѣдовательно объяснить въ себѣ все то, что́ до развитія су-
вовало, не было сознаваемо, не выходило на свѣтъ. Поэтому
аю, что самый актъ возбужденія фантазіи В—аго показываетъ
, непремѣнно только новую сторону факта, о которомъ онъ раз-
ваетъ, или — какъ говоритъ Гёте — поэзія, присоединясь къ

сомнительному факту, дѣлаетъ его несомнѣннымъ; я бы сказал
другими словами: дѣлаетъ фактъ полнѣйшимъ, дополняетъ его.

— Зато самый фактъ мой, сказалъ В—ій: — очень коротокъ
Вотъ онъ. У меня былъ братъ меньше меня, который ничѣмъ н
обнаруживалъ своего участія въ таинственномъ портретѣ. Съ этим
братомъ я однажды вечеромъ подошелъ къ той стѣнѣ, на котор
портретъ висѣлъ. И вдругъ, взглянувъ на портретъ, я былъ пор
женъ ужаснымъ страхомъ: я забылъ о своей молитвѣ; этотъ стра
былъ таковъ, что я и не могъ читать ее. Въ тоже время портрет
упалъ и накрылъ собою моего брата. Онъ ужасно испугался, ил
можно было судить по его блѣдности и по нервному трепету, отъ ко
тораго онъ долго не могъ освободиться; однакожь онъ не вскри
нулъ и не тронулся съ мѣста. Поднялась суматоха въ домѣ; я сил
былъ въ большомъ страхѣ. Мать, чтобы успокоить, увела меня в
свои комнаты, разбранивши мимоходомъ служанку за то, что она
мекнула о страшномъ значеніи случая. Въ комнатѣ своей матери
пробылъ весь вечеръ этого дня, и во все это время я не видалъ
его брата. Въ продолженіи вечера мать часто выходила изъ свои
комнатъ, не позволяя мнѣ за собою слѣдовать, а возвращаясь к
мнѣ, каждый разъ старалась занять меня новыми играми. Но я,
какъ-будто оглушенный событіемъ, былъ какъ-то несвойственно
себѣ равнодушенъ ко всей ея внимательности. Она сама уложи
меня спать. На другой день я догадался, что братъ мой умер
ночь, какъ отъ меня ни старались скрыть это. Этотъ случай д
остался на всегда въ моей памяти.

Не признающій призраковъ вопросительно посмотрѣлъ на В—ог
Разскащикъ также къ нему обратился.

— Теперь ваша очередь говорить и объяснить намъ смерть бр
та и реальность призрака моего прадѣда.

— Весь разсказъ вашъ доказываетъ превосходно реальность м
сли, или то, что мысль имѣетъ силу дѣйствовать независимо отъ
знанія, сама-по-себѣ. Посмотрите, какъ мысль о вредѣ портр
существовала у всѣхъ въ вашемъ семействѣ, несмотря на то, ч
о ней каждый боялся подумать. Всѣ оставили эту мысль самой
себѣ, и она вѣрно самой себѣ осуществилась, пришла въ полну
дѣйствительность: что́ знали о портретѣ, сбылось. Мысль о не
ужаснула своимъ содержаніемъ прислугу и заставила ее не обращ
вниманія на портретъ, пока отъ времени кольцо, гвоздь или сн
рокъ, то, на чемъ онъ висѣлъ, не перетлѣло въ пыли. Не будь э
мысли, портретъ бы дѣйствительно не упалъ. Таже мысль дѣйств
вала такъ, что не смѣли дать приказанія принять портретъ про
Но, несмотря на такую ея силу надъ вашимъ семействомъ, по кот

она противъ воли всѣхъ господствовала надъ всѣми, заставляя исполнять свое содержаніе, она была призракъ, потому-что нераздѣльно соединялась съ портретомъ, съ паденіемъ котораго должна исчезнуть дѣятельность этой мысли. Во всемъ этомъ событіи видите, чувствуете и испытываете дѣйствіе мысли внѣ васъ самихъ, но все-таки дѣйствіе это — невидимое, неосязаемое, потому именно таково свойство чистой мысли, хотя тѣмъ оно не только сильнѣе, но еще болѣе могущественно и реально, потому-что являлся въ дѣйствіи. Для меня подробный разборъ отдѣльныхъ такихъ міровъ, создаваемыхъ мыслью, какова жизнь преданія о портретѣ въ вашемъ семействѣ, міровъ призрачныхъ, очень интересенъ.

— Это мистицизмъ. Я понимаю свою исторію очень просто: все произошло отъ пугливости воображенія, которое и убило моего брата; братъ умеръ отъ испуга, и это очень естественно.

— Это общія фразы. Почему же братъ вашъ не умеръ отъ какого-нибудь другого испуга?

— Случай!

— Случай — значитъ: не знаю, какъ произошло.

— Вы видите въ словахъ другого то, чего другой и не думалъ выразить.

— То есть я схватываю такую часть смысла рѣчи, которую выговариваютъ безсознательно, непроизвольно, и которую необходимо даетъ самый предметъ. Эта часть нашей мысли не принадлежитъ намъ, по общей разумности устройства языка и логичности той природы, а потому она истинна какъ сама природа.

— Господа! вы сбились на споръ, изъ котораго не будетъ ни для кого никакого выхода. Лучше пусть Б-овъ договоритъ свое объясненіе, то есть какимъ образомъ мысль убила В-аго?

— Конечно, посредствомъ портрета?

— Разумѣется. Но замѣтьте, самый этотъ портретъ убилъ не какою физическою силою, не вѣсомъ, а мыслью, которую съ нимъ связали, и которая, перешедши въ организмъ брата В-аго, подѣйствовала на этотъ организмъ, какъ настоящая физическая сила, какъ напримѣръ молнія: я скажу, мысль сотворила физическую силу.

— Выше этого мистическая фантазія подняться не можетъ.

— Удивительно, что называя дѣйствіе мысли неточнымъ именемъ воображенія, вы находите свое объясненіе совершенно естественнымъ, не объясняя даже, какъ дѣйствовало воображеніе въ нашемъ случаѣ, то есть удовлетворяясь однимъ названіемъ вмѣсто дѣла! А сущность мысли кажется вамъ мистицизмомъ.

— Позвольте, еще остается объяснить, почему портретъ упа
не на меня, а на моего брата, и почему я чувствовалъ особенн
страхъ передъ самымъ паденіемъ портрета, который помѣшалъ м
(чего до того не было) читать молитву.

— Портретъ упалъ на вашего брата потому именно, что онъ
заботился, подобно вамъ, чтобъ онъ не упалъ на него. Одинъ
братъ вашъ боялся портрета, что́ доказывается его смертію. Из
этого видно, что его беззаботность была не безпечность храбраго
но отчаянie трусости, въ которой онъ, не думая объ этомъ, обре
себя жертвою портрету, и эта мысль его пришла въ полную дѣ
ствительность. Что́ же касается до вашего ужаса передъ самымъ п
деніемъ, то это подходитъ подъ общее явленіе предчувствій, ин
рыя нечто иное, какъ нѣсколько особенно развитый инстинктъ с
мосохраненія.

— Такъ вы беретесь объяснять даже предчувствія, то есть н
объяснимое?

— А я объясняю всѣ случаи, подобные моему, могущество
воображенія, сказалъ В — ій.

— Если ужь вамъ угодно непремѣнно употребить въ дѣло об
раженіе, то я спрошу васъ, что́ воображалъ вашъ братъ во вр
паденія портрета? Отъ страху, безъ сомнѣнія, онъ ничего не мо
вообразить въ это время. Если вы говорите, что его убила сил
ображенія, то я скажу, что его убилъ недостатокъ воображенія
же и послѣ этого случая, онъ умеръ отъ такого нервнаго поражен
которое смѣшало въ головѣ его всѣ мысли, не позволяя ему ничег
ясно представить, или, какъ вы говорите, вообразить.

— Хорошо, такъ я вамъ разскажу другую исторію, въ которо
герой ясно видѣлъ призракъ, но не прадѣда, а бабки и своей жены
Что́жь это, если не воображеніе?

— Говорите. Разскажите фактъ.

Н. ГОЛОВКОВЪ.

**ПРИЛОЖЕНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ ТЕЛЕГРАФОВЪ КЪ МЕТЕ
РОЛОГИЧЕСКИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ.** Въ общежитейскомъ язы
словомъ *погода* мы вообще означаемъ физическое состояніе ат
сферы въ отношеніи ея теплоты, плотности, сырости, скорости
направленія, съ какими она движется. Различныя состоянія ат
сферы въ данномъ мѣстѣ опредѣляются причинами двоякаго ро
однѣ изъ нихъ, для небольшихъ періодовъ времени, можно счит
постоянными; это тѣ, которыя зависятъ отъ положенія самого мѣ
ста и отъ физическаго устройства окрестной страны. Другой ро

инъ, обусловливающихъ вошедшее въ пословицу *непостоянство*
ы, состоитъ въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя каждая частица атмо-
наго воздуха производитъ на ближайшія, ее окружающія части-
ого же воздуха; эти-то послѣднія вліянія причиною того, что
ѣденіе, измѣненіе въ плотности, въ направленіи движенія бы-
распространяется отъ одного мѣста къ другому. Мы говоримъ
сно съ этимъ, что направленіе вѣтра есть причина и вмѣстѣ
тель перемѣнъ погоды. Хотя мы еще очень далеки отъ полнаго
нія задачи объ измѣненіяхъ состоянія атмосферы, однакожъ
рологи сдѣлали много успѣховъ въ изученіи тѣхъ изъ нихъ,
ыя зависятъ отъ взаимнаго вліянія одной части атмосферы на
ственныя съ нею. Всѣ эти пріобрѣтенія сдѣланы *à posteriori*,
ествомъ сравненія извѣстныхъ результатовъ съ наблюденіями,
остраняющимися на значительныя пространства, т. е., замѣ-
измѣненія въ состояніи атмосферы въ какомъ-нибудь данномъ
, прибѣгали къ наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ другихъ мѣ-
, лежащихъ кругомъ даннаго мѣста, и разсматривали, какія
ферныя измѣненія въ этихъ окрестныхъ мѣстахъ соотвѣтство-
но времени тѣмъ измѣненіямъ, которыя были наблюдаемы въ
мъ мѣстѣ. Теперь, когда съ помощію электрическихъ телегра-
извѣстія могутъ быть передаваемы *мгновенно* отъ одного мѣ-
ь другому, какъ бы ни были значительны разстоянія, ихъ раз-
ющія, теперь можно непосредственно узнавать состояніе атмо-
ы окрестныхъ мѣстъ, соотвѣтствующія наблюдаемому въ из-
ное время въ данномъ мѣстѣ. Напримѣръ, въ Лондонѣ можно
ть, каково состояніе атмосферы почти во всѣхъ концахъ Велико-
ніи, т. е., что тамъ показываютъ термометръ и барометръ,
і тамъ вѣтеръ и какова его скорость, сколько водяныхъ паровъ
ится въ атмосферѣ; четырехъ часовъ достаточно, чтобы полу-
подобныя извѣстія съ западнаго берега Ирландіи; не болѣе
ни потребовалось бы на то для передачи извѣстій изъ Фран-
съ береговъ Рейна и даже отъ границъ Венгріи и Польши.
съ помощію такихъ средствъ будетъ собрано много наблюденій,
ь сравненія ихъ можно будетъ вывести, какія измѣненія зави-
отъ мѣстныхъ условій, отъ положенія мѣста наблюденія и отъ
гера окрестной страны, и исключить эти вліянія: тогда мы бу-
знать, въ какомъ отношеніи стоятъ атмосферныя измѣненія у
съ атмосферными измѣненіями странъ сосѣдственныхъ, и слѣ-
ельно, получивъ свѣдѣнія о состояніи атмосферы у сосѣдей,
ь состояніи будемъ предсказать, какія наступятъ измѣненія у
, т. е. предсказать, какъ измѣнится погода. Полагаютъ при-
что быстрота, съ какою передаются измѣненія въ атмосферѣ

отъ одного мѣста къ другому, не прерышаетъ тридцати верстъ в часъ; слѣдовательно, если кругъ наблюденій будетъ имѣть радіусом семьсотъ пятьдесятъ верстъ, то по извѣстіямъ, получаемымъ из мѣстъ, лежащихъ на окружности этого круга, можно будетъ пре сказать за двадцать четыре часа измѣненіе погоды въ центрѣ. Эт мысль была уже отчасти осуществлена Ламономъ, въ Мюнхен только онъ пользовался для собранія свѣдѣній о состояніи атмосфе ры обыкновенными телеграфами. Собирая такимъ образомъ съ раз ныхъ концовъ Баваріи свѣдѣнія о состояніи барометра, термомет и направленіи вѣтра, онъ предсказывалъ почти за сутки грозы другія измѣненія въ атмосферѣ, къ великому удивленію тѣхъ, ко не зналъ, какимъ средствомъ онъ для этого пользовался.

Лондонскій вечерній журналъ *Expess* также приводитъ в полненіе счастливую мысль Беля (*) (*Ball*) примѣнить электри ческіе телеграфы къ метеорологіи: онъ ежедневно публикуетъ, п посредствѣ компаніи электрическихъ телеграфовъ, свѣдѣнія о состо яніи атмосферы въ различныхъ частяхъ Англіи, соотвѣтственно дан ному часу. (*L'Institut 14 Fevrier 1849*).

ДѢЙСТВІЕ ХЛОРОФОРМА НА РАСТЕНІЕ МИМОЗУ. Кто не слы халъ о существованіи особеннаго рода растеній, мимозъ, необык венно чувствительныхъ къ внѣшнимъ раздраженіямъ, механи ческимъ и химическимъ? Отъ самаго легкаго прикосновенія листоч мимозы стыдливой (*M. pudica*) складываются, стебельки, ихъ под держивающіе, теряютъ твердость, увядаютъ; скачетъ ли вблизи мимо, и стыдливая мимоза тотчасъ свертываетъ свои листочки: от трясенія почвы тому причиною. Жаль, что древніе греки не знал мимозы, ато у насъ вѣрно было бы однимъ миѳомъ больше! Отчего зависитъ, чѣмъ опредѣляется такая чувствительность въ этихъ ра стеніяхъ, вовсе неизвѣстно, и естествоиспытатели не знаютъ даже о мой внѣшней стороны этого явленія, т. е. механизма этихъ движе ній. Профессоръ Марсе, въ Женевѣ, вздумалъ испытать дѣйствіе хлороформа на мимозу. Вотъ какіе результаты получилъ онъ. Если на конецъ листочнаго стебелька мимозы стыдливой положить одну или двѣ капли чистаго хлороформа, то стебелекъ тотчасъ увядаетъ, а потомъ и самые листочки, сидящіе на немъ, складываются, начи ная съ тѣхъ, которые сидятъ на концѣ каждой вѣточки. Если вмѣ сто хлороформа взять каплю воды и осторожно помѣстить ее на

(*) Бель сообщилъ свою мысль *Британскому обществу для успѣховъ нау* въ іюнѣ 1848.

цѣ стебелька, то растеніе остается безъ измѣненія. Спустя одну
двѣ минуты, иногда болѣе, смотря по чувствительности растенія,
шая часть листочковъ, находящихся вблизи того, на который
ствовалъ хлороформъ и расположенныхъ подъ нимъ на томъ же
мъ стеблѣ, начинаютъ увядать и ихъ листочки складываться,
вообще въ слабѣйшей степени, нежели тѣ, на которые хлоро-
мъ непосредственно дѣйствовалъ. По истеченіи болѣе или менѣе
аго времени, смотря по силѣ растенія, листья опять постепенно
рываются; если тогда раздражать ихъ посредствомъ прикосно-
, то они оказываются совершенно нечувствительными къ этому
раздраженія и не складываются какъ обыкновенно. Прежняя
твительность возвращается къ растенію только по прошествіи
ольких часовъ. Однакожь если растеніе, находящееся въ этомъ
оянін безчувствія, подвергнуть опять дѣйствію хлороформа, то
очки его складываются, какъ и прежде.
Подобное же явленіе замѣчается, если вмѣсто того, чтобъ помѣ-
каплю хлороформа на основаніи стебелька, мы положимъ ее
инъ изъ листочковъ, сидящихъ на концѣ вѣточки. Листочки,
щіе на этой вѣткѣ, тотчасъ складываются, потомъ увядаетъ
й стебелекъ, наконецъ складываются листочки, сидящіе и на
хъ вѣточкахъ. Спустя двѣ или три минуты, ближайшій про-
оложный листъ, и если растеніе сильно, то бо́льшая часть ли-
ъ, расположенныхъ на томъ же самомъ стеблѣ, слѣдуютъ тому
римѣру. Когда листья опять раскроются, то и въ этомъ случаѣ
еніе показываетъ тоже отсутствіе чувствительности къ механи-
мъ раздраженіямъ.
Въ этихъ явленіяхъ особенно замѣчательно, что дѣйствіе хлоро-
а распространяется отъ одной вѣточки къ другой и отъ одного
ка къ другому, въ нисходящемъ направленіи; листья, располо-
ые выше того мѣста, на которое подѣйствовалъ хлороформомъ,
оказываютъ никакого измѣненія. Декандоль, подвергая подоб-
ъ образомъ мимозу дѣйствію сѣрной и азотной кислоты, замѣ-
, напротивъ того, что дѣйствіе распространялось въ восходя-
ъ направленіи, что складывались тѣ листочки, которые сидѣли
е того мѣста, на которое дѣйствовала кислота. Декандоль объ-
яетъ это тѣмъ, что всосанная кислота переносится вверхъ вмѣстѣ
восходящимъ сокомъ. Но какъ объяснить распространеніе дѣй-
й хлороформа въ противоположномъ направленіи? зависитъ ли
оттого, что нисходящему соку въ особенности принадлежитъ
собность передавать наркотическія дѣйствія хлороформа? или въ
озѣ есть особенные органы, способные принимать впечатлѣнія,
подобіе нервной системы животныхъ? Несмотря на интересныя

изслѣдованія Дютроше и другихъ физіологовъ, въ отношеніи чу
ствительности растеній, наши свѣдѣнія такъ недостаточны, чт
безполезно составлять въ этомъ отношеніи какое-нибудь мнѣніе.

Подобные же результаты получаются, если вмѣсто хлорофор
употреблять эѳиръ, съ тою однако разницею, что дѣйствіе эѳи
простирается только на тотъ листъ, на который эѳиръ непосре
ственно дѣйствовалъ. Впрочемъ опыты посредствомъ эѳира бы
произведены съ растеніями ослабѣвшими отъ предшествовавши
опытовъ съ хлороформомъ и въ такое время года, когда чувст
тельность мимозъ ослабѣваетъ. (*Philos. Magazine, February 1849*).

НОВЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О РАСПРОСТРАНІИ ЗВУКА. Когда какое-н
будь тѣло звучитъ, т. е., когда сотрясенія передаются воздуху, и
посредствомъ воздуха нашему слуховому прибору, то высокость
низость тона зависитъ отъ числа сотрясеній, получаемыхъ нашим
слуховымъ приборомъ. Если звучащее тѣло издаетъ одинъ и тотъ
тонъ, и мы находимся отъ него въ неизмѣнномъ разстояніи, то и
слышимъ одинъ и тотъ же тонъ неизмѣнно. Но если это разстоя
измѣняется, оттого ли, что звучащій предметъ удаляется отъ на
или мы удаляемся отъ него, и притомъ быстрота удаленія не ма
мала, сравнительно съ скоростью распространенія звука (т. е. 1
футовъ въ секунду), то тонъ измѣняется въ своей высотѣ: при
личеніи разстоянія онъ дѣлается ниже, при уменьшеніи разстоя
выше. Это совершенно понятно: звучныя волны распространяю
отъ звучащаго тѣла симметрично, во всѣ стороны, со скорост
1100 футовъ; если мы удаляемся отъ звучащаго тѣла, то мы как
будто уходимъ отъ звучныхъ волнъ и, слѣдовательно, наше ухо по
лучаетъ въ секунду менѣе сотрясеній, нежели при неизмѣнном
разстояніи, и мы будемъ слышать тонъ ниже; обратное про
ходитъ при приближеніи къ звучащему тѣлу. Еще въ 1845 го
Бюи-Бальо (*Buys Ballot*) дѣлалъ касательно этого предмета очен
точные опыты (*Ann. der Physik und Chemie T. 66, p. 321*) на ж
лѣзной дорогѣ между Утрехтомъ и Марсеномъ; быстрота удале
могла быть такимъ образомъ очень значительна, и все-таки изм
неніе тона рѣдко достигало *полутона*. Физо (*L'Institut 10 Janv
1849*) дѣлалъ подобные опыты, посредствомъ особаго инструмент
похожаго на инструментъ Савара для опредѣленія числа потрясе
ній, соотвѣтствующихъ извѣстному тону. Вычисляя скорость, с
какою должно происходить удаленіе уха отъ звучащаго предмет
чтобы получить извѣстное измѣненіе въ тонѣ, онъ нашелъ, что
если измѣненіе равно *полутону*, то скорость, съ какою звучащ

удаляется отъ уха, должна быть 21 метръ, а если измѣненіе
о *октавѣ*, то скорость 170 метровъ. Если же звучащій предметъ
ется неподвижнымъ, а ухо удаляется или приближается, то вы-
еніе даетъ другія числа для скоростей, именно 22 для полутона
0 для октавы. Во всякомъ случаѣ, видно, что скорости должны
ь очень значительны, чтобы произвести измѣненіе въ тонѣ,
на полутонѣ; послѣ этого покажется довольно странно, что
вѣкъ, идя пѣшкомъ, могъ замѣтить разности въ тонѣ колокола,
приближеніи или удаленіи отъ колокольни, какъ это наблюдалъ
онтиньи (*L'Institut 31 Janvier 1849*). «Я быстро опускался —
ятъ онъ — подъ гору, по дорогѣ у Намюра; въ концѣ этой до-
находилась соборная колокольня, на которой въ это время зво-
, и я замѣтилъ, что тонъ колокола становится все выше и выше,
ѣрѣ того, какъ я приближался къ молокольнѣ; когда я сталъ
удаляться, тонъ опять понижался». Впрочемъ всѣ эти опыты
ѣчанія служатъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ, что
дѣйствительно зависитъ, какъ показываетъ теорія, отъ числа
сеній, совершаемыхъ звучащимъ тѣломъ въ данное время; оно
ытъ вмѣстѣ съ тѣмъ подтвержденіемъ общепринятой теоріи
(если еще она нуждается въ подтвержденіи) и опроверженіемъ
хъ мнѣній г. Мэкензи касательно происхожденія и распростра-
звука.

акъ-какъ явленія свѣта, по общепринятой теоріи, состоятъ
е въ волнообразныхъ движеніяхъ особой упругой жидкости —
а, то конечно измѣненіе разстоянія между источникомъ свѣта
азомъ окажетъ подобное же вліяніе на длину свѣтовой волны; но
ы это вліяніе можно было наблюдать, надобно, чтобы скорость,
акою измѣняется разстояніе между глазомъ и источникомъ свѣта,
довольно велика сравнительно съ скоростью свѣта. Но скорость
а составляетъ 280,000 верстъ въ секунду, и сравнительно съ
всѣ скорости, какими можемъ воспользоваться, исчезаютъ, такъ-
эксперементальное подтвержденіе вліянія измѣняющагося раз-
нія на длину свѣтовой волны едва ли возможно.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ПИСЬМА ИНОГОРОДНАГО ПОДПИСЧИКА ВЪ РЕДАКЦІЮ СОВРЕМЕННИКА О РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

III.

Въ первомъ письмѣ моемъ передалъ я вамъ разговоръ съ одним изъ моихъ сосѣдей о стихотвореніяхъ старыхъ и новѣйшихъ. Теперь я сообщу вамъ нѣсколько свѣдѣній объ этомъ помѣщикѣ, который поистинѣ заслуживаетъ названіе «просвѣщеннаго читателя». Вы скажете мнѣ, что, *сила* въ глуши, человѣкъ дѣлается неразборчивъ в дружескихъ сношеніяхъ и часто называетъ просвѣщеннымъ пріятел котораго въ другое время не пустилъ бы къ себѣ въ переднюю и публично прославилъ бы несноснѣйшимъ надоѣдалой. Но сосѣдъ м несмотря на свои странности, не принадлежитъ къ такимъ особа

Онъ долго шатался за-границей, жилъ въ большихъ городахъ, в вятнадцати лѣтъ отъ роду зубрилъ нѣмецкую философію, потом пересталъ читать, возненавидѣлъ философію и занялся проматыван своего состоянія. Но состояніе было такъ велико, что промотать е не удалось. Теперь онъ безвыѣздно живетъ въ своей прекрасн усадьбѣ, которую устроилъ и довелъ до возможнаго совершенств всѣхъ отношеніяхъ.

Я подозрѣваю, что мой пріятель въ старое время имѣлъ пополне ніе написать историческій романъ, а можетъ быть и драму бѣлы стихами. Кажется даже, онъ и сочинилъ что-то подобное. Его *раск тиковали*, и онъ разозлился. Никогда и ни въ чемъ до того времени встрѣчалъ онъ неудачи. Эта первая неудача оставила неизгладимы слѣды въ его характерѣ. Этимъ-то обстоятельствомъ и объясню нѣкоторыя его литературныя причуды и постоянную рѣзкость е приговоровъ.

Вы помните, что онъ любитъ оплакивать «грустное положеніе рус ской музы», и утѣшается только, если въ какомъ-нибудь журнал встрѣтитъ цѣлый рядъ восторженныхъ стихотвореній. Онъ горько с туетъ на прихоть большей части петербургскихъ журналовъ, которы

ваютъ любителей наслажденія читать плохія стихотворенія. На-
існо говорилъ я, что теперь не пишутъ порядочныхъ стиховъ,—что
ытать посредственныя вирши значитъ ронять свой журналъ передъ
ми дилетантами, — что предметы прежнихъ вдохновеній не ше-
ятъ людей нашего времени, — что теперешніе піиты, выучившись
ать гладко, разучились помѣщать въ своихъ твореніяхъ мысли
ля или старыя мысли выражать новымъ и оригинальнымъ спо-
мъ. Но сосѣдъ мой человѣкъ парадоксальный и если захочетъ
вить и не капризничать, то его парадоксы становятся почти исти-
ы.

— Вы очень хорошо знаете, говорилъ онъ мнѣ, недавно: —что вся-
человѣкъ лѣтъ двадцати отъ роду пописываетъ стишки. Причина
у понятна: въ эти годы ощущенія наши бываютъ особенно живы
рячи, а всякое горячее ощущеніе, по натурѣ своей, стремится
ь высказаннымъ въ самой рѣзкой и сжатой формѣ. Почти всѣ
кія изрѣченія, всѣ выходки великихъ людей, которыя передаются
сторіи, а иногда въ сѣромъ изданіи Собранія Анекдотовъ, были
ены подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго чувства. Лучшія пар-
нтскія рѣчи многихъ вѣковъ и народовъ всего чаще сказаны были
ритическихъ или торжественныхъ обстоятельствахъ, а лучшія изъ
ихъ рѣчей были импровизированы. Еслибъ Шериданъ, обвиняя
енъ Гестингса въ своей знаменитой рѣчи, отъ которой томныя
падали въ обморокъ,—еслибъ Шериданъ, говорю я, разсвирѣпѣлъ
немножко.... онъ заговорилъ бы стихами. Еслибъ Верньо, въ
ремя, когда передъ всѣмъ конвентомъ сравнивалъ онъ Францію
ромадными пирамидами, внутри которыхъ лежатъ пепелъ и мерт-
кости, — еслибъ Верньо, говоря эту импровизацію, понатужился
немного, у него составилась бы поэма въ родѣ байронова
ака».

Я засмѣялся, и сосѣдъ мой, замѣтивши, что слишкомъ предался
вдоксальнымъ выходкамъ, поспѣшилъ свернуть свою импронизацію
русскимъ стихотвореніямъ.

— Человѣкъ двадцати лѣтъ отъ роду, продолжалъ онъ: — есть самое
ородное, смѣлое, горячее и глуповатое существо изъ всѣхъ живот-
ъ. Онъ любитъ, страдаетъ, наслаждается, — это его хорошія стороны;
любитъ передавать свои страсти, бѣды и наслажденія, и передавать
размѣренными строчками, — вотъ его слабая сторона. Но развѣ въ
і темной сторонѣ не виденъ юный человѣкъ, съ его порывами, съ
умомъ, не успѣвшимъ еще закоснѣть въ подражаніи своимъ болѣе
ослымъ собратамъ. «Dis-moi qui tu hante, je te dirai ce que tu es»,

говоритъ французская поговорка: а я ее перевожу такъ: Дай мнѣ своихъ стиховъ, и я узнаю, что ты за человѣкъ.

— Писать стихи (вмѣру и изрѣдка) весьма полезно для того, кто готовитъ себя на литературное поприще. Писавши стихи, человѣкъ можетъ пріучиться къ сжатости слога и вѣрности выраженій. Писавши стихи, научаемся избѣгать общихъ мѣстъ и вѣчныхъ подражаній, пріучаемся сравнивать свой трудъ съ образцами великихъ писателей, которые упорно держатся въ памяти. Не говорите мнѣ, что у писателя нѣтъ вкуса на оцѣнку собственныхъ своихъ произведеній: этому я не вполнѣ вѣрю, потому-что знаю нѣсколькихъ человѣкъ, которые не могутъ безъ внутренняго содроганія читать даже своей прозы, напечатанной за годъ назадъ и понравившейся многимъ читателямъ.

— Доказавши пользу стихосплетанія для самихъ піитовъ, перехожу къ читателямъ.

— Случалось ли вамъ, во французскихъ и англійскихъ литературныхъ обозрѣніяхъ, встрѣчать статьи подъ однимъ общимъ заглавіемъ «Poetae Minores», содержащія въ себѣ разборы стихотвореній, сочиненныхъ поэтами юными и малоизвѣстными, о которыхъ бы никто не вспомнилъ, еслибъ не понадобилась живая статейка для обозрѣнія. Въ подобныхъ статьяхъ очень много выписокъ, и, я говорю не шутя, между этими неизвѣстными отрывками, которые гибнутъ на второй день своего появленія, нерѣдко встрѣчается смѣлая и новая мысль, стихъ въ высшей степени звучный, картинный и энергическій. Но это въ порядкѣ вещей, все и должно быть такъ. Отъявленная посредственность также рѣдко встрѣчается, какъ блестящій талантъ или рѣшительное ничтожество. Презирая стихотворенія, вы вредите читателямъ и писателямъ. Какъ часто, останавливаясь надъ умною мыслью, надъ ловкимъ стихомъ такого неизвѣстнаго піиты, я думалъ съ отрадою «хорошо, что все это въ двухъ, трехъ строчкахъ,— хорошо, что ему не взбрело въ голову затопить эту мысль въ какомъ-нибудь романѣ или скучнѣйшей повѣсти.

— Все, что вы наговорили сейчасъ, отвѣчалъ я: — имѣетъ свою истинную сторону, кромѣ нѣсколькихъ сарказмовъ, отъ которыхъ вы отвыкнуть не можете. Выслушайте же мой отвѣтъ. У насъ не въ ходу изученіе отечественныхъ поэтовъ, и очень понятно, почему: русскій языкъ такъ недавно установился, что сочиненія авторовъ, писавшихъ лѣтъ за сорокъ назадъ, при всемъ своемъ достоинствѣ, служатъ плохимъ пособіемъ для учащихся. Вотъ почему наши юныя піиты пишутъ плохо, и, за нѣкоторыми исключеніями, можно смѣло сказать, что въ

ія пять лѣтъ не появилось ни одного стихотворенія, стоящаго апечатаннымъ.

а кто же требуетъ, перебилъ мой сосѣдъ, не вытерпѣвъ и увь саркастическимъ настроеніемъ духа: — кто же требуетъ, чтобъ были гладки, правильны, чтобъ въ нихъ встрѣчалась какая-нисль или картина? Я хочу стиховъ трескучихъ, стиховъ привоъ недоумѣніе, — стиховъ, послѣ которыхъ читатель почесыолову, говоря подъ носъ: «ишь какъ пишетъ!... вотъ бойкое

Да не хотите ли, я прочту вамъ одно стихотвореніе изъ феой книжки Сына Отечества.

ПЕРЕДЪ БОКАЛАМИ.

Кубки наполнены! Пѣна, *какъ младость*,
Шумно играетъ на гранях стекла.
Други! какая жъ внезапная радость
Насъ на вакхическій пиръ собрала?

Радость... о нѣтъ! Еслибъ съ Божьяго неба
Лучь ея свѣтлый намъ въ душу запалъ,
Прочь сока гроздій, хотя бы и Геба
Вышла полнесть намъ *сладчайшій фіалъ!*
«Прочь этотъ нектаръ!» воскликнемъ мы дружно,
Радостью духъ нашъ *до* полнится весь!
Двухъ упоеній сердцу не нужно:
Вкусъ оскорбляетъ *преступная смѣсь*.
Если жъ кто можетъ струей виноградной,
Бурно кипящей и искристо-хладной
Радость возвысить и грудь *пламеня*
Сердцу подбавить влящую сладость,
Други, — то бѣдная, жалкая радость,
Радость такая — горю родня.
Кубки высокіе, полны шипѣнья,
Блещутъ, и *кругъ разгарается нашъ*.
Други! ужели въ бѣдахъ утѣшенья
Ищемъ мы нынѣ *въ искристой чашѣ*?

Нѣтъ! *лютой горести зубъ всегрызущій*
Душу терзалъ бы средь оргіи пуще!
. . . . . .
. . . . . .
Если кто въ страхѣ надъ жизненнымъ моремъ
Духъ врачевалъ свой игривымъ клико,
Други, повѣрьте, тотъ хвасталъ лишь горемъ
Скорби не зналъ, не страдалъ глубоко!

Нѣтъ, мы не въ радости, мы и не въ горѣ
Дѣйствуемъ винко въ семъ дружномъ соборѣ:
Жизнь лишь сухую сошлись окропить,
И потому, равнодушно, спокойно,

Такъ какъ мужамъ средь бесѣды пристойно,
Тихо, степенно, обдуманно пить!

В. Бенедиктовъ.

— Одно жалко, сказалъ мой сосѣдъ, по прочтеніи стихотворенія — что поэтъ воспользовался моею идеею. То, что онъ высказалъ въ конц пьесы, было уже изрѣчено мною, въ болѣе рѣзкомъ видѣ, и въ четырехъ только строчкахъ. Вотъ мое стихотвореніе:

ЮНОШѢ.

Подражаніе древнимъ.

«Не упивайся какъ Скиѳъ», проповѣдуетъ старецъ Ѳеосскій;
Я же скажу тебѣ: «пей, только на драку не лѣзь.
Грѣхъ не великій, напившися смирно, всю ночь провести подъ бильярдомъ.
Стыдновъ и грустно домой съ носомъ разбитымъ прійти».

Я въ свою очередь вышелъ изъ терпѣнія.

— Вотъ это насмѣшливое пренебреженіе, сказалъ я:— это то равнодушіе образованныхъ людей и составляетъ одну изъ причинъ, по которой литературная дѣятельность такъ мало у насъ развита. Вы любите читать плохія стихотворенія и стало быть портите свой вкусъ, пріучаете насмѣшливый взглядъ на всѣхъ дѣятелей нашей словесности и вообще охлаждаете себя къ чтенію. Любитель живописи не станет останавливаться передъ ученическимъ мараньемъ или передъ картинками бездарнаго маляра; ежели онъ примется ихъ разглядывать, хотя бы и съ доброю цѣлью, его артистическая понятливость пострадаетъ. Никто не мѣшаетъ издателямъ журналовъ печатать плохіе стихи, но истинный любитель чтенія не тѣшится этими жалкими произведеніями, не смѣется надъ ними, онъ проходитъ мимо, «Guarda e passa» (взгляни и проходи мимо), какъ говоритъ Виргилій Данту, а вы знаете, по какому случаю сказаны были эти памятныя слова.

Сосѣдъ мой ничего не отвѣчалъ и рѣже прежняго сталъ говорить о русской литературѣ.

Начавши мое письмо разсужденіями о стихотвореніяхъ февральской книжки Сына Отечества, я бы долженъ былъ сказать еще что-нибудь объ этомъ нумерѣ, но сказать нечего....

Одинъ Петербургскій вѣстникъ потѣшилъ меня, но далеко не такъ, какъ въ январѣ мѣсяцѣ. Образецъ свѣткости, левъ, Дмитрій Николаичъ (См. Янв. 1849 г.), «еще въ постели читающій Сѣверную Пчелу» и «всякій день совершающій» «обильныя возліянія Бахусу» сбросилъ съ себя всякое притворство и оказался не только не львомъ, даже не медвѣдемъ, но какимъ-то поэтомъ дурного тона. Восхищаясь

еровскими вечерами въ Новой деревнѣ, идеальный Дмитрій Нико-ичъ написалъ слѣдующее стихотвореніе (См. 43 стр. Сына Отеч.):

Тамъ музыка военная
Казанскихъ хоръ пѣвцовъ,
Тамъ публика степенная
Со всѣхъ, со всѣхъ концовъ,
Тамъ штуки *акробатовъ*,
Катанье съ зимнихъ горъ,
Тамъ поприще *для хватовъ* —
Двѣ залы, садъ и дворъ...
Оркестръ гремитъ тамъ музыки,
И фейерверкъ лихой,
У васъ, messieurs французики,
Забавы нѣтъ такой!

Это стихи Дмитрія Николаича, прибавляетъ отъ себя авторъ Пе-Ургской лѣтописи.

Какъ-то пишетъ этотъ левъ, герой велико-свѣтской жизни... да онъ ъ, да и поэтъ не вполнѣ знакомый съ правилами стихотворенія!... адо отдать ему справедливость: будто устыдясь своей послѣдней ратурной продѣлки, изящный Дмитрій Николаичъ тутъ же и ис-

изъ Петербургскаго вѣстника, и *нявъ* въ немъ только полторы ницы. Когда же мы увидимся съ вами, блестящій Дмитрій Ни-ичъ?

Чтобы утѣшить насъ въ разлукѣ съ нимъ, авторъ Петербургскаго ника разсказываетъ о своихъ собственныхъ похожденіяхъ въ карадѣ съ лотереею-аллегри. Одинъ мой пріятель изъ нѣмцевъ, казывая о посѣщеніи какого-то докучливаго родственника, выра-я такъ: *Я наговорилъ ему много остротъ*, увидя, что онъ удалился». ображаю, какъ остритъ человѣкъ, самъ называющій свои рѣчи ютами. Подобнаго рода острот наслушался авторъ Петербург-го вѣстника въ маскарадѣ. Вотъ разговоры, которые онъ перенъ намъ (Стр. 41):

— Я выигралъ вакханку! сказалъ кто-то.

— А я ужинъ, отвѣчалъ другой. — *Отправимся на хоры съ твоею анкою!* (какова мысль!) Ахъ, да она гипсовая: не станетъ пить панскаго! ха, ха, ха!

— Завтра не пойду въ концертъ къ Гильману, говорилъ третій, ходя мимо.

— Вѣрно у тебя дома будетъ собственный *концертъ обезьянъ*! Ужь ыигралъ ли ты механическую картинку, такъ названную въ ука-лѣ!

— Нѣтъ, я ничего не выигралъ, хотя пробовалъ счастія во всѣхъ двѣнадцати колесахъ

— *И ни одно не оказалось для тебя колесомъ фортуны.... околесна!*

— Острятъ! говорятъ каламбуры! замѣтилъ туристъ. — Внесъ ихъ въ свой Пет — скій Вѣстникъ.

— Боюсь украшаться чужими перьями.

— Полно *скромничать своимъ перомъ!*

— Какое скромничанье» и т. д.

Изъ окончанія разговора узнаемъ мы, что авторъ Вѣстника писалъ какія-то сочиненія... Не зная этихъ сочиненій, не судимъ о нихъ, но Вѣстникъ очень забавенъ.

Отъ Сына Отечества, по аналогіи, перехожу къ февральской книжкѣ Москвитянина. Къ счастію, въ прошломъ моемъ письмѣ, я столько наговорилъ о Москвитянинѣ, что теперь могу пройти молчаніемъ его не совсѣмъ интересныя литературныя новости Большая часть отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ *№*, такъ коротки и необдѣланы, что не разъ задавалъ я себѣ вопросъ: не написаны ли онѣ наскоро, чтобъ не запоздать къ сроку. Вторая статья г. Шевырева о переводѣ Одиссеи почти не имѣетъ въ себѣ текста, принадлежащаго самому автору. Однако же, несмотря на выводящее изъ терпѣнія множество выписокъ, авторъ успѣлъ посвятить свое вдохновенное перо разнымъ отступленіямъ и громкимъ дивирамбамъ. Что касается до патетической стилистики г. Шевырева, то я умолчу о ней, потому-что о ней и безъ того уже много и часто было говорено. Замѣчу только, что, дѣлая выписки, авторъ не принялъ въ соображеніе совершенной ихъ безполезности: читавшій переводъ Одиссеи, въ выпискахъ не нуждается, а не читавшій его вѣроятно не прочтетъ и статьи г. Шевырева.

Г. Погодинъ вводитъ въ русскую литературу новую лаконическую школу писанія, Но вы спрашиваете меня, гдѣ же послѣдователи этой школы, — потому-что до сихъ поръ одинъ только человѣкъ во всей Россіи могъ писать такимъ языкомъ, каковъ языкъ г. Погодина.

Нѣтъ, не одинъ. Я убѣдился, что у г. Погодина есть подражатель, что его слогъ не умретъ, и чтобы подѣлиться съ читателями моимъ открытіемъ, приглашаю ихъ взглянуть на 59-ю страницу Москвитянина. Тамъ есть отрывокъ изъ письма отъ одного болгарина, воспитывавшагося въ одесской семинаріи, къ М. П. Погодину изъ Константинополя. Вотъ какъ пишетъ почтенный болгаринъ, воспитывавшійся въ одесской семинаріи

Получивъ фирманъ, отправился я чрезъ Адріанополь въ г. Ески
ъ, гдѣ еще въ 1844 году основано центральное училище для всей
аріи.... Здѣсь преподаются языки: Славянскій, Греческій, Ту-
ій и Латинскій. Предметы всѣ, преподаются на живомъ Болгар-
ъ языкѣ.

акова сжатость слога? Далѣе.

Я долженъ былъ возвратиться въ Константинополь, разбираю те-
ъ собранные матеріалы, и готовлюсь занять должность учителя
Эски Захрѣ. Нашелъ много древностей. Прошу васъ высылать
Москвитянинъ, черезъ Одессу. Нельзя ли присоединить къ нему
ловицы г. Снегирева», и т. д. (стр. 60).

а, г. Погодинъ имѣетъ теперь подражателей. Пожелавъ всякаго
ха болгарину, воспитывавшемуся въ одесской семинаріи, обра-
ъ къ Библіотекѣ для Чтенія.

акоиецъ, достаточно запоздавши, явился ко мнѣ первый нумеръ
Отеки для Чтенія за 1849 годъ, и я очень обрадовался его при-
Ъ. Два мѣсяца, если позволено будетъ употребить военное выра-
, «не могъ я попасть въ ногу» съ Библіотекой для Чтенія, бла-
я особенной, разнообразной прихотливости въ выпускѣ ея кни-
. Подписчики получаютъ этотъ журналъ совершенно неожидан-
редварительно посердясь на редакцію, и такимъ образомъ досада
омедленіе выкупается пріятностью сюрприза. Стоитъ пожить въ
ъ года три безвыѣздно, чтобы совершенно привыкнуть къ та-
печаннностямъ и находить въ нихъ своего рода удовольствіе.

ъ первомъ моемъ письмѣ (янв. 1849) я сказалъ нѣсколько откро-
ыхъ словъ насчетъ общей физіономіи журнала, котораго первая
ка теперь передо мною. Обвиняя Библіотеку для Чтенія въ от-
ствіи литературныхъ убѣжденій, въ равнодушіи къ вопросамъ, за-
ющимъ любителей словесности, я не думалъ охуждать самого
ава ея книжекъ. Пока еще въ нихъ помѣщались обзоры иностран-
словесности, пока еще остроуміе не совсѣмъ испарилось изъ ли-
турной ея лѣтописи, я почиталъ Библіотеку для Чтенія журналомъ
асмѣшливымъ, немного скептическимъ направленіемъ (само собою
мѣется, что я говорю не о зломъ и разрушительномъ скептициз-
а о скептицизмѣ свѣтскомъ, безвредномъ и веселомъ). Но вотъ уже
олько лѣтъ, какъ остроуміе постепенно ослабѣваетъ въ Библіотекѣ
Чтенія и какъ въ ней гораздо болѣе говорится о піанистахъ и
пачахъ, чѣмъ о литературѣ отечественной или иностранной. Те-
я не смотрю на Библіотеку для Чтенія какъ на журналъ, а ско-
какъ на литературно-ученый сборникъ, выходящій довольно не-

правильно. Статьи этого сборника (за исключеніемъ стихотвореній) выбираются тщательно и по временамъ бываютъ интересны, хотя с перваго разу поражаютъ читателя хитросплетенными заглавіями. Так напримѣръ, въ ней печатались: «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова»; послѣ нихъ «Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго», потомъ «Замосковная лѣтопись о нашихъ женскихъ дѣлахъ и другихъ», сочиненія *Левиды*, а потомъ явилось продолженіе повѣсти г. Ковалевскаго «Люди странствующіе, люди страждущіе». Досадно мнѣ, что даровитый нашъ туристъ по временамъ берется за романы и повѣсти, да еще подъ такими странными названіями. Съ этого произведенія г. Ковалевскаго и начну я разборъ январской книжки Библіотеки для Чтенія.

Въ дѣлѣ беллетристическихъ произведеній, я не совсѣмъ вѣрю в существованіе неуловимаго *нѣчто*, прозываемаго талантомъ. Съ этим уже нечего дѣлать, у всякаго свой вкусъ и свои убѣжденія. Въ замѣну того, я вполнѣ вѣрю значенію въ этомъ дѣлѣ *ума, вкуса* и *опыта*. Я почти готовъ согласиться съ мыслью Бюффона о томъ, что и самый геній есть терпѣніе, доведенное до высочайшей степени.

Отчего же г. Ковалевскій, писатель, безъ сомнѣнія, соединяющій въ себѣ и умъ, и вкусъ, и жизненную опытность, не имѣетъ успѣха въ беллетристическихъ своихъ попыткахъ? Мнѣ кажется, что ему при созданіи характеровъ и происшествій, недостаетъ терпѣнія и охоты обдумывать подробности своего произведенія. Содержаніе «Людей странствующихъ» весьма интересно: сильная привязанность молодой цыганки къ человѣку, который призрѣлъ ее въ дѣтствѣ и потомъ бросилъ, какъ ненужную игрушку, успѣхъ этой цыганки в московскомъ обществѣ, странствованія ея передъ приходомъ въ Москву, — всѣ эти обстоятельства могли бы сильно завлечь читателя, еслибъ были развиты съ соразмѣрностью и подробностью. Но г. Ковалевскій не сдѣлалъ этого. Читая его спѣшный и сжатый разсказъ, такъ и видишь, что разсказъ этотъ писанъ любителемъ путешествій. Всѣ происшествія совершаются впопыхахъ, дѣйствующія лица будто не в состояніи дня прожить на одномъ мѣстѣ: вся эта публика ѣздитъ, странствуетъ, торопится; годы мелькаютъ какъ минуты; героиня разсказа, бывшая дитятей, черезъ пять строчекъ становится взрослою дѣвушкою, — еще одна страница, и она пріобрѣтаетъ себѣ громкую славу, изъ-за прекраснаго своего голоса. Бѣда читателю!

Вслѣдствіе своего спѣшнаго разсказа, авторъ упустилъ изъ виду множество подробностей, безъ которыхъ нельзя составить хорошей повѣсти. Ни лица, ни одежда, ни помѣщеніе его героевъ не описа-

— читатель блуждаетъ въ неопредѣленномъ пространствѣ. Кромѣ
го этого, какой прекрасный случай представлялся г. Ковалевскому
сать быть московскихъ цыганъ, не теперешнихъ, а цыганъ стараго
мени... московскіе старожилы помнятъ еще Стешку... Но довольно
овой повѣсти г Ковалевскаго, тѣмъ болѣе, что она еще не кончена.
могу умолчать о томъ, что меня поразилъ высокій слогъ, которымъ
ясняются герои повѣсти.

Вторая повѣсть, помѣщенная въ январской книжкѣ Библіотеки для
нія, принадлежитъ г. Гореву и называется «Маіорша». Написана
чистымъ языкомъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько простыхъ, не-
ыщенныхъ подробностей о жизни военныхъ людей, жизни, еще
ю изслѣдованной нашими писателями. Вотъ ея содержаніе: какимъ-
пѣхотнымъ батальономъ командуетъ заслуженный майоръ, раздѣ-
ющій трудъ командованія со своей молодой женою, идеаломъ «пол-
ой дамы». женщиною бойкой, снисходительной и любезной Со-
сіе общества, пріятные вечера, заступничество и ободреніе,—всѣмъ
мъ обязаны офицеры своей майоршѣ. Она счастлива, потому-что
гребности ея не велики; она любитъ своего мужа и его подчинен-
хъ, которые сами вполнѣ цѣнятъ единственное существо, ожив-
ющее ихъ кругъ. Тихо и спокойно проходятъ дни молодой майорши,

Между тѣмъ въ батальонъ поступаетъ красивый молодой офицеръ,
перваго шагу вооружившій противъ себя своихъ товарищей. Въ-
омъ-дѣлѣ, молодой этотъ человѣкъ и глупъ, и скупъ, и ничтоженъ.
майорша беретъ его подъ свое покровительство, ей жаль бѣдняж-
она защищаетъ его — и наконецъ потерявъ свое спокойствіе влю-
ется въ загнаннаго юношу, который, подъ конецъ разсказа, ока-
ается Ловеласомъ, только принявшимъ на себя видъ тихаго и ску-
о простачка. Послѣднія страницы повѣсти написаны съ чувствомъ
пособны породить нѣсколько мыслей въ человѣкѣ, котораго мысли
время порхать во всѣ стороны.

Авторъ повѣсти не разсердится, если я замѣчу, что завязка его
вести показываетъ въ сочинителѣ совершенную неопытность въ
раженіи женскаго характера. Любовь, основанная на заступниче-
и покровительствѣ, возможна какъ со стороны мужчины, такъ и
стороны женщины, но любовь, основанная на сознаніи ничтоже-
того человѣка, котораго мы поддерживаемъ, есть любовь неесте-
нная и не заслуживающая описанія. Женщина никогда не полю-
ь отъявленнаго дурака, какъ бы ни былъ онъ жалокъ. Къ несча-
, противное мнѣніе сильно укоренилось въ обществѣ; поминутно

люди говорятъ: «глупымъ въ любви счастье». Но тутъ рождается вопросъ: что̀ называемъ мы глупостью? почему мужчины имѣютъ претензію вѣрнѣе женщинъ распознавать глупаго отъ умнаго человѣка? Позвольте мнѣ потолковать объ этомъ предметѣ, съ цѣлію отвратить отъ женщинъ несправедливое нареканіе въ неразборчивости по части любовныхъ дѣлъ.

Мужчины, особенно тѣ изъ нихъ, которые много жили въ свѣтѣ и видѣли горе, становятся самолюбивѣйшими и взыскательнѣйшими существами, — подъ-часъ дѣльными, чаще нестерпимыми. Для нихъ ровно ничего не значитъ ославить своего ближняго дуракомъ, за то только, что онъ не любитъ политики и предпочитаетъ невинное женское общество какимъ-нибудь сильнымъ ощущеніямъ въ родѣ азартной игры. Эта взыскательность и жолчная нетерпимость къ чужой жизни и чужимъ понятіямъ легко развивается вслѣдствіе еще того обстоятельства, что общество обыкновенно бываетъ высокаго мнѣнія о людяхъ угрюмыхъ и холодныхъ. Одинъ изъ такихъ персонажей прехладнокровно излагалъ мнѣ такое умозрѣніе. «Кто хочетъ успѣха — говорилъ онъ — кто хочетъ успѣха въ какомъ бы то ни было кругу, «пусть явится онъ въ этотъ кругъ, запасшись рѣзкими выходками, «раздражительностью, холодностью и самыми неблагосклонными от«зывами о своихъ ближнихъ. Пусть сперва отъ него пятятся и злятся «на него, — все это пустяки. Выждавши время, пусть онъ сдѣлаетъ «первый шагъ, и все общество добряковъ упадетъ въ его объятія. «Таковъ ужь родъ человѣческій».

Вотъ каковы мужчины, но женщины не похожи на нихъ. Женщина отличается снисходительностью, невзыскательностью и умѣньемъ подмѣтить въ человѣкѣ его хорошую сторону. Оттого-то намъ и отрадно среди женскаго общества, оттого-то иной юноша, которому холодно и тѣсно въ кругу насъ, истасканныхъ мизантроповъ, оживляется и дѣлается умнѣе посреди женщинъ. Но глупъ будетъ человѣкъ, заключившій изъ всего этого, что кротость и мягкость женщины происходятъ отъ вялой неразборчивости. У женщины есть тактъ, вѣрный и тонкій тактъ на пониманіе мужчины,—и плохо тому мужчинѣ, который точно глупъ, сухъ и ничтоженъ. Добрый и кроткій судья рѣдко рѣшается на неумолимо-строгій приговоръ; но если слово уже сказано, на этотъ приговоръ не можетъ быть ни аппеляціи, ни давности, ни какихъ-нибудь увертокъ. Въ сношеніяхъ съ женщинами нужна не одна горячность и довѣрчивость: потребно еще безпрестанное, усиленное наблюденіе надъ самимъ собою. Человѣкъ, уронившій себя въ глазахъ мужского кружка, можетъ легко поднять

и пріобрѣсть старое расположеніе! но не такъ то легко исправ-
тся глупость, сказанная или сдѣланная передъ женщиною.
Нѣтъ ничего ужаснѣе воспоминаній о сдѣланной глупости. Кому
насъ, въ молодыхъ лѣтахъ, не приходилось возвращаться домой
лѣ бесѣды съ любимою женщиною, передумывать то, что было
зано во время этой бесѣды, припоминать всѣ свои рѣчи, малѣй-
я свои движенія? Горе тому, кого совѣсть начинаетъ въ эти мину-
упрекать въ какой-нибудь нелѣпости, горе тому, который гово-
тъ самъ себѣ: «я былъ глупъ, я былъ ничтоженъ сегодня». Чтобъ
ѣшить себя, молодой человѣкъ припоминаетъ себѣ ласковость лю-
мой женщины, ея кроткую улыбку, ея снисходительное стараніе
ть въ уровень съ нимъ, — всѣ эти утѣшенія напрасны: совѣсть го-
итъ ему: я былъ ничтоженъ, она поняла мою ничтожность....
По объ этомъ предметѣ никогда не кончишь.
Итакъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи: молодая женщина, выве-
ная на сцену въ повѣсти «Маіорша», не могла ни въ какомъ слу-
полюбить молодого подпоручика Соторина, котораго ничтожество
ъ ясно было выставлено въ первой половинѣ повѣсти. Судите объ
мъ человѣкѣ по одному его поступку. Полковые товарищи, зная
пость Соторина, пробрались толпой на его квартиру, зажгли всѣ
чи, какія у него были, произвели безпорядокъ и начали пировать.
оша, весь блѣдный, въ отчаяніи прибѣжалъ къ майоршѣ и пожа-
лся ей, разсказавъ подробно о поступкахъ товарищей, за что
получили строгій выговоръ. Какъ вы думаете, можетъ ли какая-
удь любовь устоять противъ такой жалкой выходки?
Авторъ «Майорши» обѣщаетъ еще продолженіе похожденій Лове-
-Соторина.
Продолженіе, статья вторая, статья третья и послѣдняя, часть пер-
продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ... наконецъ .. со всѣми этими
долженіями нѣкоторые журналы наши заходятъ слишкомъ далеко.
ліотека для Чтенія въ особенности неумолима въ этомъ отношеніи.
Представьте себѣ положеніе какого-нибудь помѣщика, который не
етъ средствъ подписываться на всѣ журналы и между тѣмъ лю-
ь чтеніе. Онъ проситъ у своего сосѣда чего-нибудь почитать, и
присылаютъ январьскую книжку Библіотеки для Чтенія. Полный
тнаго ожиданія, смотритъ онъ на оглавленіе. Вотъ что онъ тамъ
атъ:
Люди Странствующіе. *Часть вторая.*
Маіорша (*т. Горевъ обѣщаетъ продолженіе*).
Гарольдъ, романъ Бульвера *части 3, 4 и 5-я.*

«Жизнь Н. М. Карамзина. *Статья 2-я.*

«Записки Шатобріана. *Часть 3-я.*

«Новыя стихотворенія Жуковскаго». *Статья 1-я.*

За тѣмъ въ книжкѣ остается листа три печатныхъ, и бѣдный помѣщикъ начинаетъ скорбѣть духомъ.

О «Гарольдѣ» скажу нѣсколько словъ, прочитавши романъ въ оригиналѣ, о «Карамзинѣ»—послѣ окончанія самой статьи, о «Шатобріанѣ» потолкую говоря объ Отечественныхъ Запискахъ. Тамъ это замѣчательное произведеніе помѣщено въ почетномъ отдѣлѣ журнала, крупными буквами, въ Библіотекѣ же для Чтенія «Замогильныя записки» помѣщены въ Смѣсь, и кромѣ того въ статьѣ о новыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго встрѣчаемъ нѣсколько насмѣшекъ надъ знаменитымъ авторомъ Рене и Mémoires d'Outre-Tombe.

Если пришлось къ слову, то перейдемъ теперь же къ этой статьѣ о Жуковскомъ и о переводѣ Одиссеи. Подъ статьею подписано имя писателя весьма извѣстнаго въ нашей литературѣ. Впрочемъ я и безъ подписи узналъ бы трудъ г. Сенковскаго, по легкости и живости изложенія, пересыпаннаго эпитетами, шутками, парадоксами, которымъ приданъ видъ истины, и истинами, выраженными такъ шутливо, что вѣрить имъ не хочется. Подобнаго рода статьи необходимы въ журналѣ, и г. Сенковскій въ высшей степени способенъ писать такія статьи. Его способность передавать сложныя идеи шутливымъ языкомъ, его умѣнье озадачить читателя бойкою выходкою, изумить его страшными свѣдѣніями и разнообразіемъ манеры, въ свое время доставили ему любовь читающей публики. Надобно быть страшнымъ книгоѣдомъ, чтобъ похладнокровнѣе разглядѣть все, что выходитъ изъ-подъ пера О. И. Сенковскаго, и, надо признаться, если сыщется такой книгоѣдъ, то онъ не совсѣмъ будетъ раздѣлять общій восторгъ. Онъ подмѣтитъ въ даровитомъ писателѣ много кое-чего чужого, набраннаго цѣликомъ изъ Моріера, Гука, Бальзака и другихъ болѣе старыхъ писателей, а манера г. Сенковскаго напомнитъ нашему книгоѣду манеру Жюль Жанена, только пятнадцать лѣтъ тому назадъ: а кто помнитъ, какъ писалъ Жаненъ за 15 лѣтъ до нашего времени?

Но все это не можетъ служить нареканіемъ автору статьи «О новыхъ стихотвореніяхъ Жуковскаго». Наука писать можетъ отчасти назваться наукой заимствованія. «Je prends mon bien où je le trouve», говорилъ великій писатель, котораго упрекали въ заимствованіяхъ. Да и самъ г. Сенковскій въ своей статьѣ говоритъ: «на свѣтѣ ново только то, что было хорошо забыто» (стр. 33). Основная идея статьи г. Сенковскаго заключается въ томъ, «что Одиссея передана г.

ковскимъ на русскій языкъ не такъ, какъ бы слѣдовало ее пере-
ь; слогъ Жуковскаго слишкомъ высокъ и не напоминаетъ собою
стоты подлинника; чѣмъ проще будетъ языкъ въ переложеніяхъ
ровыхъ поэмъ, тѣмъ лучше будетъ выполненъ трудъ». Все это
на вѣрно, дѣльно и умно, хотя не совсѣмъ ново. Въ наше время
грети эллинистовъ такъ думаютъ, хотя, сколько запомню, никто
ыражалъ своей мысли такъ рѣзко, отчетливо и *популярно*, какъ
вилъ ее г. Сенковскій.

о, высказавши эту идею, авторъ статьи тотчасъ же увлекся па-
ссальнымъ настроеніемъ своего духа. Ему представился превос-
ый случай озадачить добродушнаго читателя, который въ простотѣ
ца до сихъ поръ думаетъ, что никакой переводъ Гомера не мо-
быть безъ словъ «лилейно-раненый», «свѣтозарный», «тучъ
ысатель Кроніонъ» и т. под. Этого-то читателя захотѣлъ г. Сен-
ій увѣрить, что для перевода Одиссеи нужно употребить не
гой языкъ, не разговорный языкъ, а какое-то особенное «просто-
», ни дать ни взять, смахивающее на слогъ «Энеиды на из-
».

отъ какъ переводитъ Жуковскій:

Муза, скажи мнѣ о томъ многоопытномъ мужѣ, который
Странствуя долго со дня, какъ святой Иліонъ имъ разрушенъ,
Многихъ людей города посѣтилъ и обычаи видѣлъ....

вотъ теперь переводъ г. Сенковскаго:

муза *поразскажи* мнѣ, муза, *преувертливаго*, который очень много
лся, послѣ того, какъ Троя *святой городишко* разрушилъ....

ще примѣръ:

Стихи Жуковскаго:

. . . . . преисполнились жалостью боги
Всѣ, Посидонъ лишь единый упорствовалъ гнать Одиссея,
Богоподобнаго мужа, пока не достигъ онъ отчизны.
Но въ то время онъ былъ въ отдаленной странѣ Эѳіоповъ.

Переводъ г. Сенковскаго:

. . . . . Боги то помиловали всѣ
Кромѣ Нептуна; этотъ *безостановочно бѣсновался*
Противъ равнобожнаго Одиссея, пока онъ домой не пріѣхалъ.
Да этотъ, *почитай*, къ *Черномазымъ* отправился было дальножилымъ.

всъ говоритъ Аѳинѣ:

Странное, дочь моя, слово изъ устъ у тебя излетѣло....

г. Сенковскій передаетъ такъ эту рѣчь

Литя мое! что это у тебя за рѣчь *удрала* изъ острога зубовъ!

ончимъ здѣсь выписки.

Я спрашиваю васъ: кто сомнѣвается въ томъ, что слогъ Жуковскаго, при всемъ своемъ изяществѣ, слишкомъ высокъ и торжественъ? Но развѣ нѣтъ середины между его слогомъ и тѣми карикатурными оборотами, которые г Сенковскій, будто шутя, выставилъ на судъ публики? Можетъ быть этотъ забавный переводъ и есть просторѣчіе, но онъ не есть простая русская рѣчь. Русскія сказки писаны не такимъ слогомъ. Простой нашъ народъ говоритъ не такъ. Разговорный языкъ нашего высшаго сословія тоже не похожъ на это «просторѣчіе». Чего же хотѣлъ г. Сенковскій, открывая намъ новый способъ переводить Гомера? — онъ хотѣлъ подшутить надъ читателями.

Я увѣренъ, что писавши эту строку:

Дитя мое! что это у тебя за рѣчь удрала изъ острога зубовъ, —

авторъ статьи самъ отъ души смѣялся. Выраженіе *удрать* возбуждаетъ комическую идею о человѣкѣ, который, не извѣстно изъ какихъ причинъ, бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Послѣ того, отчего же не допустить въ гекзаметръ словъ *наяривать, елимонить, отсандалить?* Вѣдь это тоже просторѣчіе! И напрасно г. Сенковскій приправляетъ свой стихъ милою и умною восточною баснею о языкѣ, злѣйшемъ врагѣ человѣка, посаженнаго за рѣшотку зубовъ: басня глубока и прекрасна, но она не оправдываетъ смѣшного стиха.

Гомеръ не имѣлъ въ виду этой басни: еслибъ онъ зналъ ее, онъ не преминулъ бы разсказать ее всю, обставивъ ее превосходными подробностями. Вспомните разсказы Нестора въ Иліадѣ. У Гомера нѣтъ намековъ: у него все ясно, просто и неподражаемо наивно.

Кто изъ насъ не любитъ простоты слога, кто изъ насъ не возмущался громозвучными и высокопарными тирадами, которыя еще недавно изгнаны изъ нашей словесности? Но любя простоту слога, мы не можемъ полюбить просторѣчія, выставленнаго г. Сенковскимъ. Я скажу болѣе: еслибъ г. Сенковскій предлагалъ переводить Гомера фразами изъ русскихъ сказокъ (которыя гораздо проще и приличнѣе его просторѣчія), и съ этимъ я бы не согласился. Зачѣмъ насильно сближать первобытный языкъ двухъ народовъ, несходныхъ ни въ чемъ между собою? Наши предки не были похожи на «Агаменнона *Атреича*» и «Ахиллеса *Пелвенко*», и Гомеръ не былъ «мужикомъ въ оборванномъ платьѣ, котораго на базарѣ закидывали мѣдными грошами и булками». Гомеръ былъ простолюдинъ, но онъ былъ грекъ, — пѣвецъ слова о полку Игоревѣ былъ русскій человѣкъ, — и оба они жили въ разномъ климатѣ, въ разное время, и между народомъ развитымъ совершенно различно одинъ отъ другого.

Я не хотѣлъ было ничего писать о «Неточкѣ Незвановой» до окон-
ія всего романа, но не могу удержаться отъ нѣсколькихъ словъ о
рой части новаго произведенія г. Достоевскаго. До сихъ поръ въ
мъ романѣ нѣтъ ни завязки, ни дѣйствія; соразмѣрность произве-
ія явно нарушена излишними подробностями о дѣтскомъ возрастѣ
ани,—и, несмотря на то, послѣднія страницы второй части напи-
ы увлекательно, въ ней встрѣчаются мѣста живыя и оригинальныя,
весь романъ, если разсматривать его какъ рядъ отдѣльныхъ сценъ,
ается съ удовольствіемъ. Въ этой части авторъ заставилъ дѣйство-
трехъ дѣтей; изъ нихъ двое: мальчикъ Ларенька и слезливая
очка, довольно вялы и безцвѣтны, но третье лицо, крошечная
ина Катя, очерчано съ живостью и граціею, которыя дѣлаютъ
ь г. Достоевскому. Но рядомъ съ этими дѣтьми, авторъ предста-
ъ намъ собаку Фальстафа: Фальстафъ напомнилъ мнѣ диккенсова
ена (въ Домби и Сынѣ), а Діогенъ привелъ мнѣ на мысль малень-
Флоренсу и больного крошку Павла, и передъ этими милыми
ліями Диккенса потускнѣли дѣтскіе образы, нарисованные авто-
ь Неточки. Диккенсъ великій мастеръ рисовать дѣтскія фигуры;
Грёзъ между романистами, и потому подражать ему нестыдно,
и опасно.

Кто изъ почитателей диккенсова таланта не помнитъ восхититель-
картины дѣтскаго бала у доктора Блимбера, на которомъ ребя-
ки расхаживаютъ въ бѣлыхъ галстукахъ, Тутсъ играетъ на пуго-
хъ своего жилета, какъ на какомъ-то неслыханномъ инструментѣ,
анцмейстеръ толкуетъ съ гостями о томъ, что дѣлать Англіи въ
каѣ изобилія сырыхъ матеріяловъ? Въ описаніи этого бала есть
колько мѣстъ, при чтеніи которыхъ слезы навертываются на глаза,
е слишкомъ слезливые. Когда маленькій Павелъ встрѣчаетъ сестру
ю въ чайной комнатѣ, когда Флоренса, прелестный ангелъ въ бѣ-
ъ платьицѣ и съ букетомъ цвѣтовъ, становится на колѣни, чтобъ
нимъ поцаловаться, и когда слеза катится по ея свѣжему личику
видѣ слабенькаго и худенькаго брата, когда наконецъ Павелъ
ирается на диванъ и, обложившись подушками, смотритъ на сестру
ю, миніатюрную царицу бала, когда онъ упрашиваетъ ее пѣть, и
дце его радостно бьется при звукахъ ея дѣтскаго, сдѣженькаго
оса.... когда я читаю сцены эти, я признаю Диккенса великимъ
ожникомъ, и говорю, что никто, ни до него, ни послѣ него, не
алъ такихъ дѣтскихъ портретовъ.

Чтобы разойтись въ разныя стороны съ авторомъ «Домби и Сына»,
бъ не выказаться его подражателемъ, автору Неточки можно, да-

же должно было, ухватиться за одно средство. Его Катя княжна; г. Достоевскому слѣдовало извлечь многое изъ этого обстоятельства, по-видимому незначительнаго. Онъ долженъ былъ съ этого дитяти снять типъ аристократическаго ребенка, типъ, нетронутый Диккенсомъ, и типъ до крайности граціозный и многознаменательный.

Дѣти, какъ и взрослые люди, дѣлятся на множество разнородныхъ классовъ; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣленіе это высказывается еще рѣзче, нежели въ зрѣломъ возрастѣ. Возьмите двухъ двадцатилѣтнихъ юношей, прилично одѣтыхъ, и угадайте, кто изъ нихъ принадлежитъ къ знатному роду? Этого вы часто не угадаете, и большею частію ваша догадка не будетъ согласна съ дѣйствительностью; но изъ двухъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ или мальчиковъ вамъ легко будетъ узнать то дитя, которое воспитывается среди комфорта, блеска и роскоши. Я безъ памяти люблю дѣтей, отъ двухъ до шестнадцатилѣтняго возраста; да и кто не любитъ дѣтей? Между дѣтьми и цвѣтами много сходства, но аристократическія дѣти также отличаются отъ прочихъ, какъ оранжерейный цвѣтокъ отъ садоваго. И тотъ и другой равно хороши, но оранжерейный какъ-то рѣзче бросается вамъ въ глаза, какъ-то выше цѣнится, его колоръ ярче и живѣе....

Съ дѣтьми церемониться нечего, и потому я скажу, что порода и блескъ нигдѣ такъ не отражаются на дѣтяхъ, какъ у насъ. Причина тому понятна: страсть къ комфорту и наблюденіе за малѣйшими подробностями домашней жизни не вполнѣ еще проникли въ наши нравы и остаются исключительнымъ достояніемъ сословій высшихъ, у которыхъ богатство переходило черезъ всѣ поколѣнія. Я знаю много богатыхъ домовъ, гдѣ дѣтскія комнаты грязны, тѣсны и неблагообразны, много семействъ, въ которыхъ дѣти ходятъ чисто только по праздникамъ. Оно пожалуй и недурно: зачѣмъ пріучать дѣтей къ преждевременной роскоши, къ ненужной свѣтскости и блеску?... а все-таки мое сердце радуется, когда въ немногихъ, весьма немногихъ кружкахъ я вижу дѣтей въ кружевахъ и бархатѣ, дѣтей смѣлыхъ и ласковыхъ, которымъ уже надоѣло рядиться и которые кокетничаютъ передъ вами уже своею собственною персоною, дѣтей гордыхъ и граціозныхъ, самоувѣренныхъ и нѣжныхъ, mêchants et câlins въ одно и тоже время. Я любуюсь на нихъ, зная, что причина этого удовольствія не совсѣмъ разумна. Я знаю, что эти дѣти, сперва опередивши по уму своихъ однолѣтковъ, по самому закону природы, достигнутъ извѣстнаго возраста, начнутъ отставать въ свою очередь, знаю, что воспитаніе ихъ не совсѣмъ безукоризненно, знаю, что самая блестящая ихъ красота недолговѣчна и будто ненатуральна. Въ-самомъ

лѣ, эти дѣти по временамъ походятъ на прелестныя картинки
боты великаго мастера. Ихъ глаза блестятъ какъ сапфиры, ихъ
жа бѣла и гладка какъ перламутръ, ихъ зубки похожи на жемчугъ.
est trop beau pour durer, mais c'est incomparablement beau! (Недол-
ѣчно, но неподражаемо прекрасно!)

Я застанвался, бывало, по цѣлымъ часамъ передъ такими дѣтьми.
по два и по три дня любовался за осьмилѣтними дѣвочками, и
знаюсь вамъ откровенно, только изъ-заодного этого обстоятель
а признаю я законность слова: «порода», введеннаго во Франціи
ьзакомъ, а у насъ Лермонтовымъ.

Такого-то рода ребенка хотѣлось бы мнѣ видѣть въ княжнѣ Катѣ;
въ миленькомъ дитяти, выведенномъ на сцену г. Достоевскимъ, я
замѣтилъ ничего характеристически-знатнаго, ничего, что бы по-
ывало, что эта дѣвочка — русская дѣвочка и русская княжна. А
жду тѣмъ дѣти, изображенныя британскимъ романистомъ, Павелъ и
ориса, могли существовать только въ одной Англіи, только посре-
лондонскаго богатаго и все-таки мѣщанскаго круга. Весьма вѣрно
отчетливо выставлена безумная, жгучая привязанность загнанной и
ылой Неточки къ ея маленькой подругѣ: дѣти, развившіяся подъ
этомъ враждебныхъ обстоятельствъ, чрезвычайно способны къ та-
мъ преждевременнымъ, эксцентрическимъ страстямъ, и эта мысль
ге не такъ давно была выражена однимъ изъ вашихъ сотрудни-
въ.

Но что сказать о новой повѣсти г. Буткова: «Странная Исторія?»
ельзя ничего не сказать, только-что говоривши о г. Достоевскомъ.
два имени какъ-то срослись между собою, одно изъ нихъ напо-
аетъ о другомъ; отозвавшись о повѣстяхъ г. Достоевскаго, нельзя
ачать о таковыхъ же г. Буткова. Говоря о Тассѣ, невольно вспо-
аешь объ Аріостѣ; разбирая Купера, непремѣнно затронешь Ва-
нгтона Ирвинга: Питтъ и Фоксъ были соперниками, но сказавши
одного, невольно обращаешься въ мысляхъ къ другому. Такимъ
образомъ судьба связала литературную дѣятельность автора *Не-*
ки съ авторомъ *Странной Исторіи*, или, вѣрнѣе, не судьба, а ре-
ція Отечеств. Записокъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ ежемѣсячно
носящая читателямъ или повѣсть г. Достоевскаго, или разсказъ г.
кова. Въ этомъ мѣсяцѣ редакція превзошла самое себя: и то и
гое имя встрѣчается въ февральской книжкѣ Отеч. Записокъ! Та-
роскошь пріятна, но вредитъ разнообразію. Что, если въ мар-
ской книжкѣ опять появится романъ г. Достоевскаго и повѣсть г
кова?...

Г. Бутковъ по справедливости можетъ назваться «писателемъ не для дамъ», — именемъ, которое давалъ самому себѣ добрый и почтенный А. Е. Измайловъ. Подобно издателю *Благонамѣреннаго*, авторъ «Невскаго Проспекта» любитъ по временамъ, бросивъ презрительный взглядъ на удобства жизни, на комфортъ и прочія ухищренія человѣчества, порываться въ шумныя, безцеремонныя собранія, гдѣ табачный дымъ стоитъ столбомъ, гдѣ, какъ звѣзды, мелькаютъ фіолетовые носы собесѣдниковъ, половые бѣгаютъ какъ облитые пятномъ, и гдѣ, по временамъ, раздается рѣзкій звукъ сталкивающихся бильярдныхъ шаровъ. Я не нахожу во всемъ этомъ ничего дурного, и еслибъ былъ женщиною, читалъ бы подобныя повѣсти не безъ пріятности, потому-что юморъ ихъ автора хотя и не отличается тонкостью и знаніемъ мѣры, но зато никогда не впадаетъ въ непристойность. Удовольствіе отъ чтенія повѣстей и сказокъ г. Измайлова можно было сравнить съ тѣмъ забавнымъ и довольно пріятнымъ впечатлѣніемъ, которое чувствуетъ добродушный флеръ, послѣ прогулки по тихимъ улицамъ, заглянувши въ окна какого-нибудь *ресторацiона*, подъ названіемъ Мысъ Доброй Надежды, Берлинъ или Веселые Острова. Тамъ, въ атмосферѣ, сгущенной отъ паровъ самовара, видитъ онъ толстыхъ прикащиковъ, осушающихъ двадцатый стаканъ чаю; тамъ какая нибудь фіолетовая фигура забавляетъ слушателей своими остротами; иной постоянный посѣтитель, нагрузившись трапкомъ, покоится, свѣсившись со стула, не замѣчая бильярдныхъ игроковъ, которые наступаютъ ему на ноги.

Одно нехорошо въ повѣстяхъ г. Буткова: нерѣдко который-нибудь изъ его героевъ, въ чуйкѣ или фризовой шинели, только-что отписавшій казачка, передъ своими собесѣдниками, вдругъ становится на ходули, начинаетъ отпускать какія-то напыщенныя фразы, полныя пафоса, совершенно непонятнаго и нисколько не забавнаго....

Въ повѣсти «Странная Исторія» не встрѣчаемъ мы тѣхъ людей, съ которыми знакомы по прежнимъ разсказамъ г. Буткова, и однакожъ отъ этого повѣсть нисколько не выиграла. Въ «Невскомъ Проспектѣ» иногда проскакиваютъ искорки остроумія, неизысканнаго, неизящнаго, но тѣмъ не менѣе забавнаго; въ «Странной Исторіи» не встрѣчаемъ мы ни одной живой страницы, ни одной веселой выходки. Хотѣлъ ли г. Бутковъ сдѣлаться «писателемъ для дамъ», или просто почувствовалъ отвращеніе къ прежнимъ своимъ героямъ, только вся новая его повѣсть проникнута какою-то холодною натянутостью, приправленной совершенно непонятнымъ окончаніемъ. Кромѣ того, ея содержаніе темно, несмотря на то, что самое происшествіе, послужившее основой разсказу, весьма

сто, чтобы не сказать ничтожно. Одинъ скряга, любитель живо-
и, покупаетъ за огромную цѣну дрянную картину и, промотавши
ея пріобрѣтеніе такую большую сумму, едва не сходитъ съ ума отъ
плоднаго сожалѣнія. Страннаго въ этой исторіи ничего нѣтъ, за-
мательнаго тоже, искусства въ изложеніи очень мало, и по-
му болѣе нечего говорить объ этой повѣсти. Слогъ ея гораз-
лучше слога прежнихъ произведеній г. Буткова, но, при-
юсь вамъ откровенно, я не поклонникъ стилистики. За одну новую
сль я готовъ отдать двѣсти правильно закругленныхъ періодовъ, а
бойкое и вѣрное изображеніе какого-нибудь характера позволяю
ателю сдѣлать нѣсколько грамматическихъ, даже ореографическихъ
шбокъ, еслибъ эти послѣднія ошибки и не исправлялись корректо-
ми. Въ этомъ отношеніи, я увѣренъ, огромное большинство публи-
раздѣлитъ мое мнѣніе, хотя нельзя очень радоваться этому обсто-
льству. Не очень далеко отъ насъ то время, когда въ русской ли-
атурѣ преобладалъ великій пуризмъ относительно слога. Цѣлыя
тьи, въ которыхъ писатели упрекали другъ друга въ ошибкахъ
тивъ синтаксиса, недавно еще печатались и въ газетахъ и въ жур-
ахъ. Въ нихъ было много дѣльнаго, и никто не станетъ отвергать
бходимости правильнаго слога; но всему есть своя пора: всякое
равленіе въ литературѣ ведетъ за собою необходимую реакцію, и
ому-то теперь мало говорятъ и пишутъ о слогѣ и языкѣ писате-

Я же раздѣляю въ этомъ случаѣ общее настроеніе умовъ чита-
ей публики, съ тою только разницею, что никогда не обращусь
обожанію стилистики, да и вообще можно сказать, что люди, до-
ное читавшіе на своемъ вѣку, или черезчуръ снисходительны, или
не неразборчивы въ этомъ отношеніи.

Но если бельлетрическая часть февральскаго № Отеч. Записокъ
отличается ничѣмъ особенно хорошимъ, зато отдѣлъ наукъ и ху-
ествъ полонъ разнообразія и занимательности. Оригинальная статья
немъ только одна: прекрасный очеркъ исторіи Малороссіи, состав-
ный г. Соловьевымъ и оконченный въ этомъ нумерѣ; но, по моему
нію, журналъ не долженъ гнаться за тѣмъ, чтобы всѣ ученыя
тьи, въ немъ помѣщаемыя, принадлежали русскимъ писателямъ.
слѣдуетъ упускать изъ виду, что между подписчиками каждаго
рнала есть много читателей, незнакомыхъ съ иностранною литера-
рою, и особенно съ серьёзными и вѣковыми ея произведеніями.

Предметъ первой изъ переводныхъ статей въ отдѣлѣ наукъ и ху-
ествъ № 2 Отеч. Зап.,—«Завоеваніе Перу», достаточно извѣстенъ
гателямъ Современника. Еще съ одинадцатой книжкѣ прошлаго

года въ Современникѣ начался обзоръ этого прекраснаго сочиненія. Редакція Современника предпочла представить его своимъ читателямъ въ формѣ нѣсколько сжатой противъ подлинника, — за что, скажу мимоходомъ, многіе ей весьма благодарны, потому-что охотниковъ до сухихъ историческихъ подробностей и тонкостей у насъ въ большинствѣ публики немного, — и уже приближается къ концу своего труда. Но я не думаю, чтобъ и переводъ «Завоеванія Перу», начавшійся съ января 1849 г. въ Отеч. Записк., былъ безполезенъ. Вѣроятно найдутся и для него читатели. Къ сожалѣнію моему, до сихъ поръ не могу сказать того же о переводѣ «Замогильныхъ записокъ Шатобріана», и холодность нашихъ читателей къ этому превосходному произведенію побуждаетъ меня сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ твореніи автора «Рене» и «Аталы».

Изъ десяти человѣкъ, прочитавшихъ «Замогильныя записки», въ оригиналѣ или переводѣ, девять отзываются о нихъ, какъ о произведеніи слабомъ, несоразмѣрномъ въ частяхъ, и по временамъ повергающемъ въ скуку. Общая холодность къ нимъ ясно высказалась и самой Франціи, но Франціи теперь не до литературныхъ произведеній; за что же у насъ-то сочиненіе Шатобріана не нашло себѣ горячихъ заступниковъ? Я протестую противъ этой холодности и говорю откровенно: я не удивлялся прежнимъ сочиненіямъ Шатобріана, но *Атала*, *Рене*, *Абенсеражи* и нѣкоторыя другія произведенія возбуждали во мнѣ не полное сочувствіе. Я тупъ на пониманіе блестящей стилистики, я не люблю іереміадъ о томъ, что уже совершилось и вѣки записано въ лѣтописи исторіи, я не вполнѣ постигаю порывы грусти, которой причина мнѣ малоизвѣстна, мизантропія, которой зародышъ отъ меня скрытъ во мракѣ неизвѣстности. Но, не любя первыхъ произведеній Шатобріана, я всею душею полюбилъ послѣднее его твореніе; я читалъ его съ жадностью, съ грустью, съ замираніемъ сердца, съ наслажденіемъ.

Предсмертная исповѣдь поэта — «Замогильныя записки» — этого великаго таланта срываютъ съ моихъ глазъ завѣсу, скрывавшую отъ меня благородную, нѣжную, истинно рыцарскую личность ихъ автора; я начинаю понимать эту высокую, поэтическую грусть, это разочарованіе страстной души, разрѣшившееся не отчаяніемъ, а смиреніемъ и любовью къ ближнимъ, сквозь которыя такъ ярко свѣтится безотрадная, безвыходная душевная боль, смѣшанная съ проблесками скептицизма, глубокаго, непроизвольнаго скептицизма.

Какія событія видѣлъ, какія бури перенесъ этотъ человѣкъ, созданный для одиночества, тихой жизни, страстей благородныхъ и нѣж-

хъ? Всю жизнь стоялъ онъ на рубежѣ двухъ поколѣній, тоскуя и
бя людей, которые терзали другъ друга. И старое и новое поко-
ніе увѣнчало терніями голову поэта: въ борьбѣ безпощадной и кро-
ой онъ терялъ всѣхъ людей близкихъ его сердцу, едва сохранялъ
и драгоцѣнныя убѣжденія; но онъ не могъ вымолвить слово про-
тія и говорилъ только слова возвышенныя, слова вѣры и прими-
нія. И сколько разъ, при видѣ человѣческаго безумія, падающихъ
рствъ, уничтоженныхъ вѣрованій, возникала въ жаркой душѣ поэта
сль полная сомнѣній и отчаянія! Но онъ не поддавался духу своего
змени, онъ не пошелъ по одному пути съ другимъ великимъ стра-
льцемъ, съ лордомъ Байрономъ. При всякомъ наступленіи враждеб-
й мысли, при всякой побѣдѣ злого начала, онъ обращался къ двумъ
ликимъ заступникамъ человѣка: къ мысли о провидѣніи и къ оди-
честву. И всякой разъ, окунувшись въ этотъ живительный источ-
къ, чувствовалъ онъ въ себѣ новыя силы, и вся жизнь его напоми-
ла собою борьбу Антея съ Иракломъ, этотъ миѳъ древности, пол-
й необъятно глубокаго значенія.... Шатобріанъ не превышалъ го-
ою своихъ современниковъ, но онъ былъ выше ихъ по сердцу.
ъ много любилъ и долженъ былъ отказаться отъ любви къ челове-
ству, претерпѣвъ отъ людей все, что можно было претерпѣть. И
-таки онъ не роптalъ, не требовалъ невозможнаго; онъ желалъ всю
изнь одного только — спокойствія.

Но и спокойствія не было ему дано. Слава, почести, богатство,
матическое значеніе отыскали Шатобріана; съ насмѣшливою нагло-
ю посыпались эти когда-то желанные дары на человѣка, который
но пересталъ къ нимъ стремиться, который охладѣлъ къ жизни,
людямъ и ихъ рукоплесканіямъ. Этотъ блескъ и почести не дали
ни минуты наслажденія: они пришли несвоевременно, будто на-
но затѣмъ, чтобъ не давать ему добраться ни до покоя, ни до уе-
нія. Такъ больной человѣкъ, распростившійся съ наслажденіями
хъ лѣтъ, начавшій вести жизнь правильную, досадуетъ и роп-
ъ, если толпа молодыхъ пріятелей тянетъ его противъ воли къ
а-то цѣнимымъ удовольствіямъ.

Я пишу не импровизацію съ цѣлью поклоненія собственнымъ сво-
мдеямъ. Лицамъ, желающимъ удостовѣриться въ безотрадно уны-
ъ настроеніи шатобріановой души во время апогея его извѣст-
, я совѣтую дождаться третьей части его Воспоминаній или
тотой части, на стран. 199 и слѣдующихъ, прочесть прологъ,
анный имъ по пріѣздѣ въ Лондонъ въ качествѣ посланни-
при британскомъ дворѣ. Грустная насмѣшливость этихъ стра-

ницъ хватаетъ за душу, ѣдкіе отзывы автора о блескѣ его пріема, воспоминаніе о томъ времени, когда онъ жилъ въ Лондонѣ эмигрантомъ, безъ копейки въ карманѣ, съ планомъ своихъ твореній въ головѣ, — эти отзывы, эти воспоминанія способны возбудить страстное сочувствіе во *внимательномъ* читателѣ. Я съ намѣреніемъ подчеркнулъ слово внимательный, чтобы показать, что «Записки Шатобріана» нельзя читать на-скорую-руку, съ-плеча, не допросивъ себя самого насчетъ собственныхъ своихъ свѣдѣній о той эпохѣ, которую пережилъ ихъ авторъ. Въ-самомъ-дѣлѣ: читать les Mémoires d'Outre Tombe безъ основательнаго познанія исторіи французской революціи, Имперіи и Реставраціи, также невозможно, какъ читать «Исповѣдь» Ж. Ж. Руссо, не ознакомившись съ умственнымъ движеніемъ Франціи въ срединѣ XVIII столѣтія. Ничто высокое не достается даромъ, и если должно знать всю медицину для того, чтобы сдѣлать малѣйшую операцію, сколько же надобно имѣть свѣдѣній всякаго рода для пониманія исторіи душевной болѣзни, особенно, если личность субъекта выше многихъ другихъ личностей?...

АЛЕКСАНДРЫНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Не помню гдѣ и въ какое время, но уже сколько разъ, замѣчено было, что бо́льшая часть обвиненій, падающихъ на нашу публику, ни на чемъ не основаны и часто вовсе несправедливы: и непостоянна она, и нѣтъ въ ней увлеченья, и холодна-то она къ искусству вообще и къ художествамъ въ особенности, и проч. и проч.; и въ-самомъ-дѣлѣ, откуда берутся такія заключенія? изъ какого источника они выходятъ?

Хрестоматіи, посвящаемыя и взрослымъ людямъ, и юношамъ, и дѣтямъ! хоть вы по-крайней-мѣрѣ дайте отвѣтъ, — вы, такъ рѣзко опредѣлявшія когда-то характеристическія особенности всѣхъ народовъ и націй.... Но хрестоматіи не даютъ никакого отвѣта, онѣ должно быть предположили выставлять одни факты: французъ — вѣтренъ, нѣмецъ — глубокомысленъ, испанецъ — горлъ, англичанинъ — положителенъ, русскій — великодушенъ... Вотъ что́ утверждаютъ хрестоматіи, не углубляясь въ изслѣдованія. Забавнѣе всего однакожъ, что въ этихъ обвиненіяхъ каждый считаетъ себя почему-то образцовою, примѣрною исключительностію и упускаетъ совершенно изъ виду: что какъ же можетъ случиться, чтобы при такомъ совершенствѣ единицъ цѣлое выходило такъ дурно и плохо?... странное противорѣчіе! Возьмите любую семью: тамъ, наоборотъ, каждый членъ сво-

на другого съ трогательнымъ пристрастіемъ: бабушка видитъ
мъ внучкѣ генія, внучекъ въ бабушкѣ — добродѣтельную ста-
ужъ непремѣнно добродѣтельную, тетка подобострастно слѣ
а племянницей, племянникъ обожаетъ тетку и каждую кузину
ю; объ отцахъ и матеряхъ говорить нѣчего: тѣ просто про-
ъ слезы умиленія надъ нѣжно любимыми чадами. Все это
оно прекрасно, трогательно, утѣшительно, но да позволено
спросить: откуда же при всемъ томъ столько дурныхъ
появляется на бѣломъ свѣтѣ?... Но господа, не довольные
ой, не внемлютъ этимъ доводамъ. Они даже не признаютъ въ
лонности, признанной всѣми, — проявлять крайности! гдѣжь
реченной, мгновенный упадокъ духа, часто ни на чемъ не основан-
о всегда носящій въ себѣ зародышь чего-то дѣльнаго и думнаго?
увлеченье, дѣйствительно способное вовлекать иногда въ крайно-
акъ гдѣ увлеченье! забыли вы Тальони и ея балеты? Неужто мало
трачено въ то время энтузіазма? Развѣ забыли вы *театраловъ*,
кихъ представителей френетическихъ поклонниковъ Терпсихоры,
хъ промѣнять всѣ блага міра за кресло перваго ряда и бинокль?
ьянская опера? а Рубини? а циркъ, циркъ незабвеннаго Гвер-
Іежара! Развѣ жонглерство не исторгало неистовыхъ кликовъ
аго, неподдѣльнаго восхищенья? вольтижорство не дѣлало въ
ремя *furore*? гимнастика не приковывала вниманія? акробатизмъ
ъ потребностію?... Какъ нѣтъ увлеченья, когда каждый день
ѣтъ васъ въ противномъ! Но позвольте, вы отвергали въ нашей
ѣ склонность къ крайностямъ. Неужто вамъ не случалось ви-
акъ часто одинъ и тотъ же артистъ, возбуждая съ одной сто-
нтузіазмъ, доходившій до фанатизма, — съ другой не произво-
овно никакого эффекта, или, просто, не нравился? Какихъ же
ще крайностей? Часто не успѣетъ развернуться талантъ, глянуть
е на свѣтъ Божій, критика ужь тутъ какъ тутъ, съ нахмурен-
бровями, вооруженная съ головы до ногъ, какъ Минерва, вышед-
ъ головы Юпитера. Вообще, критику нашей публики можно
ть съ слишкомъ молодою и потому самому не своевременно за-
ою матерью; она оказывается на практикѣ очень дурною ма-
; въ ней нѣтъ истиннаго сочувствія къ роднымъ дѣтямъ.
странное дѣло — критика наша дѣлается вдругъ тише воды,
равы, когда то, что могло бы быть точно такою же жертвой,
ено чужимъ мнѣніемъ. Впрочемъ она страшна лишь снаружи;
я одна лѣнь заставляетъ ее принимать такой грозный видъ;
бнаружить напрямикъ неудовольствіе гораздо легче, чѣмъ пойти

еще толковать да пускаться въ разсужденія. Сходите въ Александрынскій театръ: тамъ услышите вы скорѣе чѣмъ гдѣ-нибудь переходы отъ неумѣренной строгости къ трогательному раскаянію. Покойный Полевой что ни годъ бывало поставлялъ драму; кто спасалъ ему во время спасибо, кто не истощалъ весь запасъ остроумія, чтобы зацѣпить съ какой бы то ни было стороны его произведеніе. Полевой умеръ, репертуаръ его замолкъ; его смѣнили Булочная да Герои Префераиса, Герои Префераиса да Булочная. Отъ оркестра до нѣкоторыхъ за креслами, отъ партера до райка послышались жалобы: То и дѣло, бывало, Уголино! Вероника! Вероника! Веронику уже давно схоронили.

Прошло еще нѣсколько времени. Булочная пріѣлась, Префераис надоѣлъ, «вѣчно одно и тоже, хоть бы что-нибудь новенькое....» Явился нѣкто г. Ефимовичъ, одаренный сценическимъ дарованіемъ, правда посредственнымъ, но все же дарованіемъ. Булочную смѣнили: *Кощей Безсмертный*, *Нашествіе иноплеменныхъ*, *Эспаньолетто*, *Владиміръ Заревскій*, *Отставной музыкантъ и княгиня*... Что бы, кажись, лучше, — такъ нѣтъ, порицаніямъ конца не было: «и что̀ это похоже, гдѣжь виданы такія страсти! Вотъ, напримѣръ, *Музыкантъ и княгиня* не совсѣмъ дурно, да сюжетъ-то, говорятъ, заимствованъ изъ французской повѣсти; ничего нѣтъ своего, ничего самобытнаго, оригинальнаго. На сценѣ появилась наконецъ толпа водевилей, — здравствуйте Андрей, или Иванъ Степанычъ Бука! какъ мы вамъ рады! какъ ваше драгоцѣнное здоровье?! — Да плохо, очеиьплохо, совсѣмъ изъ силъ выбился,загонялъ... ухъ! и сегодня я, и завтра я, и послѣзавтра я, — моченьки нѣтъ, господа, за всѣхъ одинъ отдуваюсь, духу не дадутъ перевести, — какое ужь тутъ здоровье? Вы въ театръ каждый день да и знать ничего не хотите, вамъ все равно, что я у васъ одинъ-одинешенекъ на репертуарѣ.... вамъ знай только подавай Андрея Буку ..., Андрей Степанычъ Бука почти совсѣмъ похирѣлъ, а замѣнить его некому. Что дѣлать? какъ быть?... О, Вероника! о, Музыкантъ и княгиня! о, Бука! гдѣ вы? Что̀ такое? Бенефисъ г. Сосницкаго, громогласно возвѣщаетъ афиша! Передъ нами садъ, т. е. потому только садъ, что на дѣлѣ сцены виднѣется боскетъ; является меланхоликъ Леонъ Мильфлеръ (mille — тысяча, fleur — цвѣтокъ; пьеса называется *Одушевленные цвѣты*). За нимъ слѣдомъ тащится его слуга Морисъ, старый драбантъ, носившій когда-то своего тысячецвѣтнаго барчика на рукахъ. Леонъ медленно разводитъ руками по воздуху, какъ бы хватая налету бабочекъ; но это только такъ, обманъ зрѣнія; юноша мечтаетъ. «Ахъ

ритъ онъ, съуживая глазки и придавая своему голосу нѣжную
націю: — какъ сладко поютъ розаны; но больше всѣхъ люблю я
ку, она повѣряетъ мнѣ свои сердечныя тайны.... о, милая тубе-
!... помнишь ли тотъ вечеръ, когда я танцовалъ съ тобою редо-
..» — Ну, совсѣмъ рехнулся барчина восклицаетъ слуга: —
, танцовалъ, говоритъ, съ березой!... И въ-самомъ-дѣлѣ, правъ
исъ: бѣдный юноша не въ своемъ умѣ. Причина его помѣша-
ства очень трогательна. Онъ влюбился въ одну графиню, дочку
нтаго, но, увы! очень бѣднаго отца; она также любитъ своего
нхолическаго обожателя, но, какъ благоразумная дѣвушка, пред-
итаетъ выйти за-мужъ за богача. Въ день сватьбы, Леонъ полу-
ъ букетъ цвѣтовъ; въ этомъ букетѣ находится записка, въ кото-
Леокадія (имя графини) старается всячески образумить своего
кателя. Но Леону уже не до чтенія записокъ; онъ все узналъ.
анія несчастнаго любовника наполняютъ окрестные сады и тем-
гроты, злачныя поля и росистыя долины.... «Она измѣнила! из-
ла!!!...» произноситъ бѣдняжка, ломая руки. Онъ прижимаетъ
тъ къ груди своей, нюхаетъ одинъ цвѣтокъ за другимъ. Запахъ
онъ, какъ извѣстно, очень вредный, производитъ самое разруши-
ое дѣйствіе на мозгъ Леона, и безъ того уже потрясенный стра-
мъ извѣстіемъ. День за день помѣшательство его усиливается;
весь міръ представляется ему огромною оранжереей; онъ изъяс-
ся въ любви съ фіялками, вальсируетъ съ гландышами, цалуется
резедой, вступаетъ въ кровавый бой съ злымъ піономъ, не ѣстъ,
ьетъ и чахнетъ, чахнетъ какъ незабудка, вырванная изъ корня и
ненная на подмостки Александрынскаго театра.... Въ это время
ъ Леокадіи успѣлъ уже, какъ водится, отдать Богу грѣшную свою
у, мужъ Леокадіи также умеръ, оставивъ ей все свое богатство.
совершеннаго благополучія Леокадіи недостаетъ, чтобы Леонъ,
раго она не переставала любить (бѣдный покойный мужъ!), при-
ъ въ себя. Но какъ достичь этого? Прекрасно! Садовникъ графи-
слѣдуя ея наставленію, увѣряетъ Леона, что гландыши и фіялки,
оторыми онъ такъ любитъ цаловаться, соскакиваютъ по ночамъ
своихъ стебельковъ и обращаются въ хорошенькихъ женщинъ.
не повѣритъ сумасшедшій? Наступаетъ ночь. Графиня и ея по-
прячутся въ боскетъ; нужно замѣтить, что каждая изъ нихъ
алываетъ себѣ на голову и на грудь тотъ цвѣтокъ, который бо-
другихъ приходится ей по-сердцу. Отсюда вы увидите на афишѣ
Жулеву, переименованную въ розу, г. Боченкову въ камелію, г.
леву въ ночную красавицу, и т. д. Является Леонъ. Слышатся от-

далекіе звуки музыки, боскетъ раскрывается, группы женщинъ, предводительствуемыя Леонадіею, вбѣгаютъ на сцену и окружаютъ Леона, который тутъ же начинаетъ приходить въ себя и наконецъ совсѣмъ исцѣляется. Нечего говорить, чѣмъ кончается пьеса; уже хорошо то, что она кончилась. Несравненно любопытнѣе было бы узнать тѣ сцены, которыя г. Араповъ, счастливый переводчикъ этого фіалочнаго водевиля, сочинилъ самъ отъ себя; еще любопытнѣе было бы знать, какія выгоды думалъ извлечь бенефиціантъ, выставивъ на афишѣ, что нѣкоторыя сцены вновь написаны г. Араповымъ? Уже не трогательная ли сцена чуднаго исцѣленія Леона принадлежитъ перу г. Арапова? Нѣтъ, она находится въ томъ же видѣ во французскомъ оригиналѣ. Что же наконецъ? Сценъ, кажется, кромѣ этой, нѣтъ ни одной во всемъ водевилѣ?... Какъ! а сцена, гдѣ Леонъ объявляетъ слугѣ, что онъ танцовалъ редову съ туберозой. «Ну, мой барчикъ совсѣмъ рехнулся — восклицаетъ Морисъ — ишь, танцовалъ, говоритъ, съ березой!» И въ-самомъ-дѣлѣ, вѣдь этой сцены нѣтъ и оригиналѣ.... Г. Араповъ принялъ ее на себя и этимъ самымъ выручилъ французскаго водевилиста. Гдѣ вы найдете что-нибудь подобное и настоящее время? Теперь, наоборотъ, всячески стараются присвоить себѣ все, что отыщутъ хорошаго въ другомъ, а дурное сваливаютъ на сторону своего ближняго.... Пьеса г. Арапова увлекла насъ такъ сильно, что мы начали бенефисъ прямо съ нея, забывъ, что въ этомъ случаѣ дѣйствуемъ вовсе не послѣдовательно, ибо *Одушевленныя* должны были сохранены къ концу бенефиса, а первою пьесою шла комедія Скриба: *Сверху внизъ*: но что же прикажете дѣлать съ увлеченьемъ!

Сверху внизъ, комедія уже старая, давно игранная на французской сценѣ; но что до этого! пьеса возбуждаетъ самый живой интересъ: къ тому же она обставлена и разыграна очень хорошо. Вотъ ея содержаніе: жилъ былъ въ Парижѣ нѣкто Сенъ-Годенъ, человѣкъ богатый, но болѣзненный и слабый; смерть жены еще больше разстроила его здоровье. Чувствуя свой конецъ, онъ призвалъ родного брата, также Сенъ-Годена, назначилъ его опекуномъ сына, годового ребенка, оставшагося послѣ жены, передалъ ему бумаги и завѣщаніе, въ которыхъ говорилось между прочимъ, что въ случаѣ смерти малолѣтнаго наслѣдника имѣніе переходитъ къ дядѣ, и отдалъ Богу душу. Дядя этотъ былъ человѣкъ незлобный и некорыстолюбивый, но совсѣмъ тѣмъ трудно было сыскать менѣе надежнаго опекуна. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ почтенныхъ стариковъ, которые, считая себя почему-то вѣчно молодыми, не перестаютъ носить розовые галстухи, самодовольно взбиваютъ коки своихъ парниковъ, подмигивая при этомъ

ь лукаво въ зеркало, вѣтренничаютъ, влюбляются до безумія, во-
ятся, выдаютъ себя за Ловеласовъ и чувствуютъ при всей своей
лости какое-то особенно-пріятное замираніе въ сердцѣ при
ѣчѣ съ мало-мальски смазливою шляпенкой. Закрывъ брату глаза,
ъ-Годенъ поглядѣлся въ зеркало, поправилъ галстухъ, сунулъ бу-
и завѣщаніе въ карманъ коричневаго фрака съ свѣтлыми пуго-
ами, а ребенка тутъ же поручилъ кормилицѣ, бѣдной деревенской
щинѣ, проживавшей въ окрестностяхъ Парижа. За тѣмъ онъ над-
улъ на бокъ шляпу, надѣлъ желтыя перчатки и отправился на
льянскій бульваръ. Но что-то скучно вдругъ стало Сенъ-Годену; и
удрено: лоретокъ зналъ онъ наперечетъ, гризетокъ также. Сенъ-
енъ зѣвнулъ разъ, другой, взялъ билетъ въ конторѣ Лафита и
ьяра и отправился попытать счастье съ лоретками Бордо, Мар-
и т. д. Прошелъ годъ, другой; Сенъ-Годенъ снова вернулся въ
жъ, и вотъ онъ снова на Итальянскомъ бульварѣ. Знакомыя мѣ-
возбудили въ немъ рой пріятныхъ воспоминаній. Между прочимъ
вспомнилъ и о покойномъ братѣ. Эта мысль привела его къ пле-
нику. Онъ ударилъ себя по лбу и полетѣлъ отыскивать кормилицу.
кормилицы уже не было на свѣтѣ. Даже ферма, гдѣ жила она
ужемъ, честнымъ и добрымъ Лоріо, перешла въ другія руки:
іо и ребенокъ исчезли Богъ вѣсть куда. Иные говорили, что онъ
лъ въ Парижъ, другіе утверждали, что ребенокъ умеръ, третьи,
умеръ и самъ Лоріо, — словомъ, Сенъ-Годенъ не добился толку.
умеръ такъ умеръ, воля Божья, жаль мальчугана!» поду-
опекунъ, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ завтракать въ кафе.
ъ дѣло и покончилось, старый вѣтренникъ забылъ окончательно
го племянника. А племянникъ тѣмъ временемъ росъ не по днямъ,
часямъ, подъ теплымъ крылышкомъ честнаго Лоріо, который
вязался къ нему какъ къ родному дѣтищу и души въ немъ не
шалъ. У Лоріо оставалось въ запасѣ нѣсколько денегъ; онъ могъ бы
ести лавочку въ Парижѣ, но предпочелъ сдѣлаться лоскутникомъ
обывать хлѣбъ потомъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи имѣть средства
ь воспитаніе своему пріемышу. На этомъ основаніи Лоріо всту-
ъ въ товарищество съ лоскутникомъ Бальтазаромъ, мужемъ покой-
сестры, лихимъ, разбитнымъ малымъ, весельчакомъ и гулякой.
ійствомъ обоихъ холостяковъ занимается Маріана, племянница
іо. Дѣла идутъ кой-какъ: сегодня хлѣбъ, а завтра нѣтъ; но бѣд-
ть ни мало не разрушаетъ гармоніи и миру въ тихомъ убѣжищѣ
кутниковъ. Споры возникаютъ тогда только, когда кто-нибудь при-
убитъ Адольфа (имя пріемыша). Зависть разгарается страшная;

каждый хочетъ съ нимъ поиначиться, посадить къ себѣ на колѣни, взять его на руки. Но скоро и эти споры стихаютъ; Адольфа уж уже трудно приподнять съ полу, ему минуло 12 лѣтъ. Лоріо и Бальтазаръ совѣщаются. Рѣшили. Адольфа отдаютъ въ училище. Что ни день, новая радость старику Лоріо: Адольфъ учится отлично. Лоріо дождался наконецъ вожделеннаго дня; его пріемышъ получаетъ отличное мѣсто въ провинціи, въ домѣ одного богатаго банкира. Но вотъ бѣда: у банкира товарищъ, нѣкто Дюрозуаръ, у Дюрозуара дочь Эмилія. Эмилія ѣздила верхомъ, лошадь понесла, Адольфъ спасъ дѣвушку, и оба влюбились по уши другъ въ друга. Вскорѣ послѣ этого Дюрозуаръ уѣзжаетъ по дѣламъ торговаго дома въ Парижъ. Разлука только усиливаетъ страсть молодыхъ людей. Всѣ эти происшествія не образуютъ однакожь движенія пьесы; они служатъ какъ бы прологомъ и составляютъ внутреннія пружины драмы, объясняющіе ея движеніе. Продолженіе этихъ происшествій, или, скорѣе, ихъ окончаніе составляетъ предметъ самой пьесы. Дѣйствіе въ Парижѣ; сцена разгорожена на два этажа и представляетъ внизу бѣдное жилище лоскутниковъ Бальтазара и Лоріо, вверху— великолѣпную гостиную банкира Дюрозуара. Адольфъ пріѣзжаетъ изъ своей провинціи къ Лоріо, котораго все еще считаетъ роднымъ отцомъ; домъ знаменитаго банкира, товарища Дюрозуара, гдѣ находился молодой человѣкъ, пришелъ въ разстройство; разсказавъ отцу свое горе, Адольфъ повѣряетъ ему между прочимъ и любовь къ Эмиліи. Но каково удивленіе Адольфа, когда онъ узнаетъ, что домъ, гдѣ онъ остановился, принадлежитъ ея отцу, и что самъ Дюрозуаръ живетъ въ этомъ домѣ. Минуту спустя Адольфъ въ гостиной банкира. Эмилія въ отчаяніи. Отецъ выдаетъ ее противъ воли за-мужъ. Является Дюрозуаръ. Адольфъ разсказываетъ ему исторію своей любви и проситъ руку Эмиліи. «Какъ! сынъ лоскутника!» презрительно восклицаетъ надменный богачъ. Адольфъ объявляетъ Дюрозуару близкое разрушеніе его богатства; слуга, вошедшій въ то время съ письмами, подтверждаетъ слова молодого человѣка. Два корабля, принадлежавшіе Дюрозуару, погибли. Въ эту минуту является женихъ; женихъ никто иной, какъ Сенъ-Годенъ, дядя Адольфа. Опасаясь, чтобы молодой человѣкъ не сказалъ лишняго слова въ присутствіи жениха, Дюрозуаръ выгоняетъ Адольфа вонъ. Внизу между тѣмъ кто-то изъ знакомыхъ обоимъ лоскутникамъ принесъ извѣстіе объ открывшейся денежной лотереѣ. Бальтазаръ отдаетъ послѣдній франкъ за билетъ. Вверху между тѣмъ Сенъ-Годенъ, оставшись одинъ, толкуетъ съ плутомъ камердинеромъ; ему успѣла уже приглянуться Маріанна, племянница Лоріо; все дѣло въ томъ, какъ бы передать ей любовную

иску. Чтобы вѣрнѣе повести дѣло, старый волокита даритъ камер-
еру фракъ съ своего плеча. Камердинеръ относитъ фракъ къ лос-
никамъ, начинается торгъ, фракъ купленъ. Лоскутники осматри-
отъ покупку; выворачивая карманы, Бальтазаръ нащупываетъ ка-
-то бумаги. Бумаги оказываются тѣми самыми, какія отецъ Адольфа
авилъ брату; завѣщаніе тутъ же на лицо. Тогда Бальтазаръ раз-
азываетъ Адольфу всю подноготную. Лоріо не отецъ его; Сенъ-Го-
ъ, женихъ Эмиліи, его дядя. Къ лоскутникамъ врывается уличная
ина; всѣ бросаются поздравлять Бальтазара: онъ выигралъ сто ты-
чъ франковъ. Въ верхнемъ этажѣ разыгрываются между тѣмъ пе-
альныя сцены; Дюрозуаръ объявленъ банкротомъ; домъ и все дви-
имое имущество банкира назначается къ продажѣ съ молотка. Сенъ-
оденъ отказывается на-прямикъ отъ руки Эмиліи. На сценѣ, какъ
звѣстно, дѣла производятся очень скоро. Вотъ уже въ богатой го-
иной расположился нотаріусъ, приставъ; сходятся отовсюду по-
щики. Въ числѣ ихъ является также лоскутникъ Бальтазаръ и
угъ его старый Лоріо. Бальтазаръ забилъ себѣ въ голову пріобрѣ-
и, во что́ бы ни стало, домъ Дюрозуара. Начинается продажа. Баль-
заръ набиваетъ сумму до ста тысячъ франковъ, и домъ остается за
мъ. Дверь отворяется, вбѣгаетъ Сенъ-Годенъ; онъ также обна-
живаетъ желаніе быть въ числѣ покупщиковъ; ему помѣшала Ма-
ина, которая заперла его въ шкафъ. Опоздали, милостивый госу-
рь, домъ уже купленъ! «Какъ, этотъ тряпичникъ купилъ домъ за
тысячъ!» восклицаетъ Сенъ-Годенъ, презрительно оглядывая Баль-
зара. — «Да, г. Сенъ-Годенъ, этотъ тряпичникъ да еще другой, по
ени Лоріо, придутся вамъ очень солоны». Тутъ Лоріо, въ присут-
іи нотаріуса, раскрываетъ бумаги и завѣщаніе Адольфа. Послѣдую-
ихъ за тѣмъ сценъ описывать нечего. Адольфъ женится на Эмиліи и
селяется въ домѣ Бальтазара вмѣстѣ съ Лоріо и отцомъ жены, ко-
рый сдѣлался тихъ и кротокъ послѣ того, какъ лишился своего бо-
ства. Мартыновъ (Лоріо) и Сосницкій (Бальтазаръ), исполнили свои
ли въ совершенствѣ. Нѣтъ ничего труднѣе для актера, какъ пере-
ать такихъ лицъ или типовъ, которые, бывъ совершенно чуждыми его
зры, никогда не представляли ему случая наблюдать надъ ними; нужно
ого инстинктивнаго чутья, составляющаго между прочимъ исключи-
льную принадлежность большихъ талантовъ, чтобы съумѣть почув-
овать и передать хоть приблизительно вѣрно то, о чемъ лишь зна-
ь по наслышкѣ. Для окончательной, художественной отдѣлки типа
рижскихъ блузниковъ, какови Лоріо и Бальтазаръ, недоставало развѣ
хъ тонкихъ внѣшнихъ чертъ, которыя даются одною наглядностію.

Совсѣмъ тѣмъ осталось однакожь много недовольныхъ какъ пьесою, такъ и игрою артистовъ. Но что̀ же прикажете дѣлать? Я уже сказалъ, что безъ критики у насъ не обойдется ни одно дѣло: какъ пустой желудокъ, она не очень разборчива въ пищѣ; ей все равно, было бы чѣмъ закусить. Такъ, напримѣръ, она принялась въ тотъ вечеръ за г. Сосницкаго: однообразенъ, говоритъ, да и полно. Но впрочемъ въ этомъ случаѣ она возбудила только свой апетитъ. Ей тотчасъ же доказали, что разнообразіе не заключается въ томъ, чтобы въ одинъ и тотъ же вечеръ перемѣнить шесть костюмовъ, столько же разъ перекрасить лицо; ей припомнили Сосницкаго въ роли Фигаро, гдѣ, говорятъ, онъ былъ неподражаемъ, за тѣмъ перебрали весь его старый репертуаръ; оказалось, что онъ былъ такимъ первымъ любовникомъ, какихъ нѣтъ у насъ въ настоящее время; потомъ уже сама критика созналась, что Сосницкій превосходенъ въ роли городничаго Сквозника-Дмухановскаго въ Ревизорѣ,—роль, которая почти такъ же несхожа съ предъидущими ролями, какъ роль Полонія въ Гамлетѣ несхожа съ ролью Тартюфа, и т. д... Застигнутая въ-расплохъ и не зная, на комъ поточить зубы, критика уцѣпилась-было за г. Гриневу; но Гринева не привыкла давать себя въ обиду; она схватила въ одну руку лучшую свою роль Лизы изъ Горя отъ ума, въ другую — полновѣсную роль Фаншоны изъ Материнскаго Благословенья, прибавила къ ней роль Параши Сибирячки, да такъ отдѣлала критику, что та не явилась въ театръ даже въ бенефисъ г. Максимова. Впрочемъ и дѣлать-то тамъ ей нечего было; пожива была самая плохая. Шла *Ольга русская сирота*, а роль Ольги играетъ г-жа Фанни Эльслеръ: за тѣмъ данъ былъ большой дивертисементъ, въ которомъ также участвовала знаменитая артистка... Но вотъ новость! въ городѣ внезапно распространяется слу̀хъ о бенефисѣ г-жи Самойловой 2-й. Любители Александрынскаго театра встрепенулись. Что̀ такое? какъ! говорятъ, идетъ какая-то русская драма подъ названіемъ *Мѣстничество*! Наконецъ-то дождались дѣла; драма! шутка ли, вотъ ужь два года какъ не появлялось у насъ на сценѣ не только оригинальной драмы, но даже порядочнаго оригинальнаго водевиля! А тамъ что̀? да тамъ просто чудеса въ решетѣ, глазамъ не вѣришь: цѣлые три водевиля — слышите ли? — три русскіе оригинальные водевиля: *Аллегри или взявшись за гужь не говори что не дюжь*, потомъ, *Кафе-ресторанъ* или *Излеровскіе недѣльные пирожки*, еще *Вѣрочка*, или... да нѣтъ, на этотъ разъ просто: Вѣрочка, и въ заключеніе *Живая картина*. Вотъ это по-крайней-мѣрѣ бенефисъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, бенефисъ г-жи Самойловой 2-й чуть ли не лучшій за всю нынѣшнюю зиму. Театръ былъ полонъ. Спектакль начался съ *Вѣрочки* и прекрасно, — всему свое мѣ-

Вѣрочка принадлежитъ къ числу тѣхъ водевилей, которыхъ даютъ
новенно для съѣзда, такъ-чтобы публика, находившаяся уже въ
ѣ, не очень безпокоилась хлопаньемъ дверей ложъ и шумомъ
ера; чтобы ей все равно было, смотрѣть ли на сцену, гдѣ разъ-
ается пьеса, или на туалеты дамъ, появляющіеся то въ одной
ѣ, то въ другой. Говоря о водевилѣ *Вѣрочка*, не мѣшаетъ одна-
ъ замѣтить, что, какъ для него самого, такъ и для автора, несрав-
но было бы выгоднѣе, еслибъ публика, съѣхавшаяся къ началу пред-
ленія, исключительно занималась туалетомъ пріѣзжающихъ. У
Невѣрова молоденькая жена и дочка Вѣрочка отъ перваго брака.
очка, ея мачиха, да еще гувернантка, страстно влюблены въ одного
го же учителя рисованія, Артемія Зорскаго. Является помѣщикъ
онъ Елисѣичъ Дудня и проситъ у г. Невѣрова Вѣрочкину руку.
очка признается въ любви къ учителю рисованія. Учитель рисова-
падаетъ передъ ней на колѣни. Дудня, видя, что дѣлать больше не-
предлагаетъ руку гувернанткѣ: гувернантка, тронутая великоду-
ъ помѣщика, бросается къ нему на шею. Всѣ довольны, кромѣ
Невѣровой, да еще той части публики, которая имѣетъ обыкно-
не пропускать ни единаго слова изъ того, что говорится на сценѣ.
Вѣрочкой слѣдовалъ прологъ изъ драмы Мѣстничество, написанной
оллогубомъ. Но такъ-какъ драма эта цѣликомъ появится въ Иллю-
рованномъ Альманахѣ Современника, то судить о ней предоставимъ
мъ читателямъ. По одному дѣйствію ничего нельзя сказать о
ическомъ достоинствѣ всей пьесы. Нельзя не замѣтить од-
жь, что хотя у насъ и появлялось много драмъ съ содер-
емъ, заимствованнымъ изъ отдаленной эпохи исторіи, ни въ
й, сколько помнится, дѣйствующія лица не говорили язы-
, который бы приближался къ тому времени, какъ въ пьесѣ
а Соллогуба. Г-жа Самойлова 2 была очень мила въ роли Ольги,
ри стрѣльца Петрова. Къ ней идутъ однакожь несравненно лучше
, гдѣ приходится обнаруживать менѣе порывовъ, менѣе театраль-
эффектированнаго чувства. Въ ея игрѣ проглядываетъ больше
и обдуманности, чѣмъ тѣхъ мгновенныхъ вспышекъ истиннаго
ченія, которыя раждались бы на сценѣ и возбуждались ситуаці-
драмы или самой ролью. Вотъ почему въ драмѣ она рѣдко тро-
ъ зрителя; тѣ, которые не согласятся съ этимъ, пусть отдадутъ
хорошенько отчетъ въ тѣхъ сценахъ, гдѣ были затронуты за-
ое игрою г-жи Самойловой 2 они увидятъ тогда, что къ этому
чно способствовала не столько игра даровитой артистки, сколько
а, произносимыя ею въ эту минуту, или наконецъ драматическое

положеніе, которое уже само по себѣ всегда дѣйствуетъ сильно на внимательнаго зрителя. Лучшія ея роли, до сихъ поръ по-крайней-мѣрѣ, роль Софьи Павловны, въ комедіи Горе отъ ума, и роль Луизы въ Коварства и Любовь. Въ ней много достоинства, благородства; пріемы ея отличаются простотою и показываютъ женщину съ тактомъ и наглядностію. Странное дѣло! всѣ наши молоденькія актрисы, кромѣ развѣ одной г-жи Гриневой, отличаются на сценѣ какою-то натянутою, притворною холодностію. Посмотрите на нихъ въ любомъ водевилѣ. Покуда онѣ прыгаютъ, рѣзвятся и хлопаютъ въ ладоши, положивъ руки на грудь (принятый уже способъ выраженія радости), все идетъ хорошо; какъ только наступила сцена, гдѣ нужно обнаружить немножко чувства, — кончено! онѣ опускаютъ глазки какъ двѣнадцатилѣтнія пансіонерки на публичномъ экзаменѣ. Знаешь, напримѣръ, что такая-то обдумала свою роль основательно, расчитала всѣ сцены и фразы, на которыхъ вращается вся пьеса; знаешь также, что достанетъ у ней и силы и таланта выразить все это какъ нельзя лучше; наступила одна изъ такихъ сценъ, ждешь, — и что же? она взглянула изъ-подтишка на публику и все какъ рукой сняло. вмѣсто живого, горячаго слова, вышла вялая, фіалочная, безцвѣтная фраза. Онѣ совѣстятся обнаруживать передъ публикой увлеченіе, забывая, что эта самая публика ни за что не бываетъ такъ благодарна, ничѣмъ такъ быстро не воспламеняется, какъ звукомъ, вырвавшимся изъ души актера. Бывали примѣры, что одно слово, она нота, сказанная съ истиннымъ одушевленіемъ, составляла карьеру артиста....

Вѣроятно, каждый взглянувшій на бенефисную афишу г-жи Самойловой 2 остановился съ предубѣжденіемъ на водевилѣ: *Аллегри*; заглавіе дѣйствительно обѣщало фарсъ-аргогоs; вышло однакожъ иначе: предубѣжденія разрушились, какъ только поднялся занавѣсъ. Аллегри оказался такимъ миленькимъ водевилемъ, что могъ бы даже занять не совсѣмъ послѣднее мѣсто въ старомъ водевильномъ репертуарѣ. Тутъ дѣло вовсе не въ интригѣ или завязкѣ: интрига самая простая и обыкновенная; но въ множествѣ маленькихъ вводныхъ сценокъ, показывающихъ въ авторѣ наблюдательность и вмѣстѣ съ тѣмъ литературный тактъ. Тутъ не встрѣчаешь ни рѣзкой пошлости, ни претензіи; въ расположеніи сценъ замѣтна сценическая сноровка. Нѣкто г Харлакѣевъ не можетъ рѣшиться, какое бы удовольствіе доставить своей дочкѣ. И въ самомъ-дѣлѣ, Петербургъ такъ богатъ увеселеніями, что выбрать трудно: театры, циркъ, Минеральныя воды, концерты пассажа, афиши возвѣщаютъ безпрестанно то привозъ свѣжихъ устрицъ, то кормленіе звѣрей у Зама, то маскарадъ съ томболою

ягри, то итальянскую ночь съ венеціянскими гондолами и бенгальмъ огнемъ. Долго колебался г. Харлакѣевъ: свести ли дочку посмотть на свѣжія устрицы или ѣхать съ нею въ маскарадъ поиграть аллегри. Наконецъ онъ остановился на послѣднемъ, какъ соединяемъ пріятное съ полезнымъ: отдашь полтинникъ, смотришь — выалъ четырехмѣстное *купе* или серебряный сервизъ. Напрасно увѣвала его жена: Харлакѣевъ слышать ничего не хочетъ: ѣду. говоть, играть въ алегри, да и все тутъ! Онъ обѣщаетъ взять нѣсколько летовъ на имя жены и дочери и въ припадкѣ великодушія предлаетъ сдѣлать тоже самое для кухарки. Матрена отдаетъ хозяину лтинникъ. Г. Харлакѣевъ одѣвается. Въ это время входитъ Туринй, молодой человѣкъ, тайно влюбленный въ Наташу, дочку Харкѣева. Онъ также ѣдетъ въ маскарадъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣзжаъ Евклій Дементьичъ Антоновъ, хвастунъ и щеголь средней руки, тораго родители Наташи прочатъ ей въ женихи. Слѣдствіемъ этихъ витовъ Харлакѣевъ отказывается ѣхать въ маскарадъ; онъ узнаетъ, о за одинъ входъ въ собраніе нужно заплатить два цѣлковыхъ. едпочитая взять на эти деньги билеты, — ибо тутъ по-крайней мѣрѣ видно за что платишь,—Харлакѣевъ препоручаетъ Антонову собранаемъ полтиннички. Но Антонову никакъ нельзя ѣхать въ маскакъ безъ человѣка: кто же будетъ шубу держать? Снаряжается поому случаю Матрена. Молодые люди уѣзжаютъ, сопровождаемые аркой. Ночь. Хозяевамъ что-то не спится. Одному грезится во купе, другому серебряный сервизъ не даетъ ни минуты покоя. мъ въ сѣняхъ. Всѣ бѣгутъ впопыхахъ. На порогѣ показывается грена. — Какъ! какими судьбами? развѣ маскарадъ уже кончился? кой кончился! да мнѣ неужто конца еще ждать!» Тутъ Матрена сказываетъ всѣ бѣдствія, какія привелось ей терпѣть въ сѣняхъ ранія отъ лакеевъ. — А какъ же ты сдѣлала съ шубой Евклія ентьича? «Какъ сдѣлала, взяла да и принесла ее съ собою.» — о же станется безъ нея съ Антоновымъ! вѣдь двадцать градусовъ озу. «А пущай его дѣлаетъ какъ знаетъ.» Звонятъ. Въ дверяхъ казывается фигура Антонова, который еле-еле передвигаетъ ногаъ плечи его закутаны шалью, купленною у лакея, взявшагося объять госпожѣ, что шаль украли на подъѣздѣ; щоки его перетянуты совымъ платкомъ, шляпа надвинута на уши. — Билеты! билеты! клей Дементьичъ! кричатъ ему отовсюду. Билеты кладутъ въ шля- — Вынимайте! торжественно провозглашаетъ Харлакѣевъ. — Выграли! выиграли! всѣ билеты выиграли! — Что́ такое? — Аллегри! кое! это значитъ всѣ вы проиграли. — «Быть не можетъ!» — Ей-

Богу, правда. Остается еще семь билетовъ; каждый беретъ по два, седьмой достается Матренѣ. У Харлакѣевыхъ снова аллегри. — У тебя что? спрашиваетъ наконецъ Харлакѣевъ, обращаясь къ Матренѣ. — «Да не знаю, батюшка, а что-то, смотри, нацарапано.» Харлакѣевъ взглянулъ и прирос на мѣстѣ. Онъ только въ силахъ шепнуть жен: «дай Матренѣ три цѣлковыхъ!» Матрена бросается чуть не въ ног. — Что такое? спрашиваютъ окружающіе. — «Купе! купе на четыре персоны!!...» — Какое купе, папенька! это не купе, а супе, т. е. ужинъ на четыре персоны, отвѣчаетъ Наташа. — «Гдѣ же этотъ ужинъ?» — Да въ Собраніи; но вы уже опоздали: маскарадъ кончился. Проклятія сыплются на Антонова. Входитъ Туринскій. — Что это, батюшка, какъ поздно! Люди спать ложатся давно, а вы по гостямъ. — «Извините, Сергѣй Егорычъ, извините, Лизавета Петровна, я брал билеты на ваше счастье, и тотъ, который былъ назначенъ Наталь Сергѣевнѣ, выигралъ...» — Какъ! — «Да-съ, серебряный сервизъ.» Это обстоятельство располагаетъ родителей Наташи въ пользу Туринскаго. Водевиль обставленъ отлично; въ немъ участвуютъ лучшіе артисты. *О кафе-ресторанѣ* рѣшительно говорить не стоитъ. Это одно изъ тѣхъ жалкихъ созданій, которымъ суждено умирать тотчасъ послѣ рожденія. Пьеса, если только такую пошлость дозволено будетъ назвать пьесою, основана на томъ, что пирожки Излера получили нѣкотораго времени каждый свое прозвище. Въ кафе ресторанѣ являются, одинъ за другимъ, разные франты. Любитель оперы объѣдается пирожками подъ названіемъ Фреццолини, любитель цыганъ истребляетъ сарафанчикъ, театралъ глотаетъ Фанни-Эльслеръ, и т. д., и бѣлѣе ничего, ну буквально таки ровно ничего. *Живая картина*, данная въ заключеніе бенефиса, представляла аравійскую пустыню. Посреди пустыни г. Сосницкій въ восточномъ костюмѣ, держащій въ объятіяхъ сына, г Самойлова; надъ ними въ прозрачной одеждѣ перья г-жа Самойлова 2. Картина, какъ видите, столько же красивая, сколько трогательная. За всѣмъ тѣмъ, остается пожалѣть, что бенефисъ г-жи Самойловой 2 явился такъ поздно — почти передъ самою масляницею, т. е. въ то время, когда уже оканчиваются спектакли. Онъ могъ бы много способствовать къ оживленію репертуара нынѣшней зимы, который въ общей сложности былъ чрезвычайно бѣденъ, бѣднѣе, чѣмъ въ примѣръ противъ прошлыхъ годовъ!...

Г***.

— Къ числу замѣчательныхъ театральныхъ новостей прошедшаго мѣсяца принадлежитъ новый балетъ: *Катерина или дочь Разбойника*

авленный на сцену г. Перо и первый разъ данный въ его бенефисъ. Въ этомъ балетѣ талантъ г. Перо, какъ хореграфа и какъ танцора, ился въ полномъ блескѣ. Г. Перо — истинный поэтъ.

II.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Вся поверхность Великобританіи составляетъ 86,454 квадр. англ. и и въ томъ числѣ подъ лѣсомъ 1,438миль (менѣе 3 милліоновъ десятъ); слѣдовательно, лѣса занимаютъ нынѣ только шестидесятую ъ всей поверхности соединенныхъ королевствъ. Во времена римбольшая часть Британіи была покрыта лѣсами; но это государственное богатство было, особенно въ средніе вѣка, такъ легкомысленно расточаемо, что нынѣ тамъ считается только 18 большихъ въ (принадлежащихъ почти исключительно королевскому дому). Англіи недостаетъ лѣса не только для кораблестроенія, но даже и домашнихъ построекъ.

Въ послѣднія девять лѣтъ Англія построила болѣе 35 тысячъ коей (военныхъ и купеческихъ) и около милліона домовъ. На пойку военнаго корабля идетъ, среднимъ числомъ, слишкомъ двѣ чи кубическихъ футовъ корабельнаго лѣса, возрастъ котораго жетъ быть отъ 80 до 100 лѣтъ. Можно себѣ представить, сколько нужно Англіи! Но только въ 1845 году былъ составленъ проэктъ еденія въ Англіи лѣса на пространствѣ 40 тысячъ десятинъ. Высчено, что если это пространство покроется однажды столѣтними ьями, то при ежегодной вырубкѣ 400 десятинъ удовлетворитъ ъ потребностямъ кораблестроенія. До сихъ поръ разведена уже, снованіи упомянутаго проэкта, лѣсная культура на 25 тысячахъ тинъ.

Изъ частныхъ владѣльцевъ всѣхъ богаче лѣсомъ шотландскій герцогъ Этоль. Земли его, лежащія на гористыхъ мѣстахъ Шотландіи, давались сперва за безцѣнокъ: ему вздумалось разводить на нихъ , и теперь даютъ за каждую десятину этихъ земель отъ 300 до руб. сер.

Валовой доходъ съ англійскихъ лѣсовъ простирается немного выше двухъ съ половиною милліоновъ рублей серебромъ, а за вычетомъ расходовъ на содержаніе остается чистаго дохода около двухъ милліоновъ рублей. Почти тотъ же самый доходъ получалъ Людовикъ Фи-

липпъ, бывшій король французовъ, отъ лѣсовъ, составлявшихъ его частную собственность.

Несмотря на бѣдность Англіи лѣсомъ, она потребляетъ его болѣе всѣхъ прочихъ государствъ; и это потребленіе возрастаетъ постоянно съ увеличеніемъ англійской промышленности, торговли и вообще народнаго богатства. Вотъ въ какой постепенности развился въ послѣднее четырехлѣтіе ввозъ въ Англію иностраннаго лѣса:

Въ 1844 году.	1,475,836	лоадовъ (*)
— 1845 —	1,931,204	— —
— 1846 —	1,995,991	— —
— 1847 —	1,867,000	— —

Такъ-что въ четыре года привезено въ Англію 7,187,991 лоадовъ лѣса, не считая еще 400 тысячъ лоадовъ дубовыхъ досокъ.

Если спросятъ насъ, куда дѣвалось это огромное количество лѣса, то мы скажемъ, что Англія построила:

Въ 1845 г.	1,218 кораблей	въ	163,169 тоннъ.
— 1846 —	1,483 —	—	— 212,997 —
— 1847 —	1,395 —	—	— 210,905 —
Въ три года	4,096 кораблей	въ	587,071 тоннъ.

И въ этомъ числѣ у насъ не включено еще судовъ, употребленныхъ для каботажнаго плаванія.

Въ Великобританіи считается 111 портовъ, и изъ нихъ съ 1808 г. пользуются правомъ лѣсного торга 67, куда приходитъ ежегодно болѣе 500 кораблей съ лѣснымъ товаромъ изъ Россіи, Америки, Швеціи, Норвегіи и др. Главныя складочныя мѣста находятся въ Лондонѣ, Сондерландѣ, Ливерпулѣ, Лейтѣ, Гуллѣ, Ярмутѣ, Манчестрѣ, Ньюкестлѣ и Дублинѣ. Сюда привозятся особливо слѣдующіе виды лѣса:

Еловыя доски (Deals or deal boards) изъ Христіаніи и Россіи.

Батенсы (Battens).

Дубъ (Oak) изъ Канады и Пруссіи; послѣдній цѣнится въ полтора раза дороже перваго.

Дранки (Lathwood).

Сосна (Pine) изъ Швеціи, Норвегіи и Россіи.

Мачтовый лѣсъ (Spars) преимущественно изъ Норвегіи.

Съ 1843 года, вслѣдствіе пониженія пошлины на иностранный лѣсъ, цѣны его понизились на англійскихъ рынкахъ.

Англійское правительство покровительствуетъ вывозу лѣса изъ Канады и другихъ своихъ колоній; несмотря на недобротность товара

(*) Лоадъ есть англійская мѣра, равняющаяся 50 кубическимъ футамъ.

оянно съ 1808 года набавляло пошлины на лѣсъ, привозимый изъ рныхъ европейскихъ государствъ, что̀ имѣло сильное вліяніе на ьшеніе привоза съ этой стороны. Такъ, напр., изъ балтійскихъ совъ вывезено въ Англію:

въ 1809 году	428,000	тоннъ.
— 1834 —	242,000	—

ге въ 1842 году, несмотря на сильно возросшую потребность въ ѣ, отпущено изъ балтійскихъ портовъ въ Англію только 295 тыс. нъ. Такое измѣненіе торговыхъ отношеній еще замѣтнѣе въ отношеніи къ Швеціи и Норвегіи. Вслѣдствіе уменьшенія вывоза шведскаго и норвежскаго лѣса, Англія привезла въ Швецію товаровъ:

въ 1814 году	на	512	тыс.	фунт.	стерлинг.		
— 1819 —	—	46	—	—	—	—	
— 1842 —	—	200	—	—	—	—	

а въ Норвегію:

въ 1815 году	на	200	—	—	—	—	
— 1819 —	—	65	—	—	—	—	
— 1842 —	—	135	—	—	—	—	

Чтобы пояснить приведенныя выше цыфры, нужно сказать, что говыя сношенія Англіи съ сѣверными государствами такъ сдѣлазатруднительны, что въ 1821 году англійское правительство приено было сбавить привозную пошлину съ европейскаго лѣса и жить небольшую пошлину на канадскій. Несмотря на значительразность этихъ пошлинъ, дорогой привозъ американскаго лѣса ъ причиною, что купцамъ было совершенно равно закупать свой ъ въ Ригѣ или на берегахъ Мирамичи.

Актомъ парламента, утвержденнымъ въ 1842 году и дѣйствующимъ 10 октября 1843 года, было постановлено уменьшеніе пошлинъ съ а, начало реформы, довершенной въ 1847 году Робертомъ Пилемъ, ъ значительнаго убытка для государственныхъ доходовъ.

Бо́льшая половина лѣса вывозимаго изъ Россіи идетъ въ Англію; 1846 году этимъ товаромъ было нагружено для Англіи 264 корабля 9 тысячь тоннъ, а въ 1847 году 330 кораблей въ 80 тысячь тоннъ. ги вся масса этого груза пошла въ Лондонъ и потреблена тамъ ѣстѣ.

Недавно начали вывозить изъ Индіи и Африки дерево *текъ*, замѣщее дубъ; вслѣдствіе этого сильно уменьшилось требованіе на ы русскій и прусскій.

Мы уже говорили о разведеніи обширныхъ лѣсныхъ культуръ ри соединенныхъ королевствъ; заключимъ нашу статью исчисле-

ніемъ породъ лѣса, которыя предположено разводить, потому-что опытъ показалъ успѣшность ихъ по мѣстнымъ условіямъ почвы и климата.

Дубъ (quercus robus), сосна (pinus), ель (pinus abies), клент (acer pseudo-platanus), ясень (fraxinus), букъ (fagus silvatica), береза (betula), грабина (carpinus betulus), вязъ (ulmus), липа (filia europea), каштанъ (fagus castanea) и осина (populus tremulus).

Любопытно будетъ посмотрѣть, какіе размѣры приметъ англійская лѣсная торговля при безпрестанно увеличивающихся нынѣ постройкахъ военныхъ кораблей и пароходовъ. (Изъ Mercant. Times. Nov. 1848).

— Въ трехъ соединенныхъ королевствахъ выходитъ 447 газетъ (news papers), по большой части ежедневныхъ; только немногія изъ нихъ появляются по три, по два и даже по одному разу въ недѣлю. Эти газеты стоятъ издателямъ матеріальныхъ расходовъ по 25 тысячъ фунт. стерл. въ мѣсяцъ (болѣе 150 тысячъ руб. серебромъ) или 300 тысячъ фунтовъ ежегодно (почти 2 милліона руб. сер.). Каждый газетный листъ клеймится особеннымъ штемпелемъ, и въ 1848 году такимъ клеймомъ оттиснуто 60,920,000, и въ томъ числѣ болѣе половины для 79 газетъ издающихся въ Лондонѣ. Въ англійскихъ графствахъ 221 газетъ выдали въ теченіи того же года 17 милліоновъ листовъ, въ Шотландіи и Валлисѣ 77 газетъ 5 милліоновъ листовъ; въ Ирландіи 79 газетъ 6½ милліоновъ листовъ. Средняя цѣна газетнаго листа 5 пенсовъ, и всего собирается отъ ихъ продажи около 1,250,000 фунтовъ (немного менѣе 8 милліоновъ рублей серебромъ).

Въ томъ же году разошлось книгъ на 435 тысячъ фунтовъ стерл. и періодическихъ изданій (за исключеніемъ газетъ) на 300 тысячъ фунтовъ. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ газетами оборотной книжной торговли было слишкомъ на 2 милліона фунтовъ, или 12½ милліоновъ серебромъ рублей. За сто лѣтъ тому назадъ книжная торговля едва обрачивала въ годъ около 50 тысячъ рублей. (Изъ *Times*).

Пароходство въ Соединенныхъ Штатахъ принимаетъ нынѣ самые гигантскіе размѣры. Нѣкто Коллинсъ, нью-йоркскій арматоръ, занимается теперь учрежденіемъ прямого парового сообщенія между Нью-Йоркомъ и Ливерпулемъ и строитъ для этого пять пароходовъ, изъ которыхъ каждый не уступаетъ знаменитому *Great Britain*, погибшему недавно у англійскихъ береговъ: длина этихъ пароходовъ будетъ 285 футовъ, ширина 46 фут. и глубина 30 фут.; вмѣстимость по 3 тысячи тоннъ. Каждый пароходъ обойдется по полумилліону долларовъ (слишкомъ 700 тысячъ руб. сер.) и въ этомъ числѣ машина составляетъ половину всей стоимости судна. Все предпріятіе будетъ

ловательно стоитъ два съ половиною милліона долларовъ и окон-
ся въ нынѣшнемъ году.

Между Нью-Йоркомъ и Нью-Орлеаномъ учреждены двѣ линіи па-
одства, и одна между Нью-Орлеаномъ и Гаванной. Пароходы на
хъ линіяхъ такъ же очень велики. Между островами совершаютъ
ісы нѣсколько маленькихъ пароходовъ.

Между Панамой и Санъ-Франциско въ Калифорніи ходятъ три
рохода, соединяющіеся съ линіею, идущею изъ Нью-Йорка. Пред-
лагаютъ въ скоромъ времени развѣтвить эту линію до Сандвичевыхъ
ровъ, такъ-что можно будетъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ пріѣхать
Нью-Йорка на Отаити. *(New-York. Observer. № 2)*

— Въ первое полугодіе 1848 года (какъ видно изъ офиціальныхъ
етовъ) проѣхало по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ Великобританіи
30,492 человѣка, то есть число людей, равное всему населенію со-
ненныхъ королевствъ. При этомъ числѣ путешественниковъ про-
шли 189 несчастныхъ случаевъ, именно 90 человѣкъ было убито
9 ранено, и, въ томъ числѣ 66 отъ собственной вины. Бо́льшая
ть несчастій случалась съ работниками и машинистами, находив-
шися на службѣ при дорогахъ.

Акціи англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, еще недавно такъ высоко
давшіяся на европейскихъ биржахъ, потерпѣли сильный упадокъ.
ыя высокія цѣны стояли въ 1846 году и съ тѣхъ поръ постоянно
жались; но главное паденіе цѣнности совершилось въ прошломъ
8 году, послѣ политическаго кризиса, взволновавшаго западную
опу. Акціи сѣверо-западной дороги еще въ январѣ 1848 года сто-
на 153 фунтахъ, а въ октябрѣ упали до 103 фунтовъ; акціи Большой
адной дороги съ 103 упали на 74 фунта, и акціи дороги среднихъ
ствъ съ 115 на 77 фунтовъ. (Изъ *Eisenbahnzeitung* 1848. *November*).

— Нигдѣ не увеличивается народонаселеніе такъ быстро, какъ въ
диненныхъ-Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Изъ показаній Бют-
а видно, что эта страна имѣла:

въ 1790 году	. . .	3,929,800 жителей.
— 1800 —	. . .	5,305,900 —
— 1810 —	. . .	7,239,700 —
— 1820 —	. . .	9,658,100 —
— 1830 —	. . .	12,866,900 —
— 1840 —	. . .	17,065,300 —
— 1844 —	слишкомъ 20 милліоновъ жителей.	

Если народонаселеніе будетъ продолжать увеличиваться въ каждое
тилѣтіе одною третью, что́ весьма вѣроятно, то Соединенные
таты будутъ имѣть

въ 1850 году	. . .	23	милліона	жителей.
— 1860 —	. . .	30	—	—
— 1900 —	. . .	100	—	—
— 1920 —	. . .	200	—	—

Земля впрочемъ здѣсь такъ плодородна, что безъ труда прокормитъ болѣе 200 милліоновъ людей. (Изъ *New-York Observer*. № 142, 1848)

— Въ минувшемъ 1848 году вышелъ въ Мадритѣ третій томъ испанскаго горнаго періодическаго изданія *Anales de Minas*. Въ немъ находимъ слѣдующее офиціяльное свѣдѣніе о дѣятельности испанскаго горнаго производства въ 1847 году, составленное Дономъ Іоахимомъ Эсверра дель Байо, генералъ-инспекторомъ испанскихъ рудниковъ.

Въ 1847 году добыто въ Испаніи:

Золота (изъ Галиціи)	26¹/₄	фунтовъ (¹).
Серебра (изъ Сіерра Алмагрера) .	2,400	пудовъ (²).
Ртути.	65,200	—
Мѣди	18,000	—
Свинцоваго блеска	122,000	—
Свинца	1,410,000	—
Гнета	1,600	—
Олова	850	—
Цинка	4,200	—
Сурьмы.	25	—
Марганца	3,400	—
Кобальтовой руды	150	—
Чугуна	730,000	—
Желѣза	1,100,000	—
Сѣры.	31,000	—
Квасцовъ	38,000	—
Купороса	9,000	—
Соды.	12,500	—
Каменнаго угля	2,150,000	—

— Путешествіе корвета *Фаворитка (la Favorite)* по индѣйскимъ и кит айскимъ морямъ по нынѣ нигдѣ не было описано. Мы нашли теперь свѣдѣнія объ этомъ предметѣ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ извѣстнаго журнала *Nouvelles Annales des Voyages* и сообщаемъ здѣсь извлеченіе изъ этихъ свѣдѣній:

Корветъ Фаворитка вышелъ изъ Бреста 3 іюня 1841 года, подъ командою капитана Пажа *(Page)*, и направился въ Индѣйское море. До самого Бомбея, куда корветъ прибылъ 21 сентября, плаваніе его было весьма благополучно. Приставаніе въ бомбейской гавани длилось

(¹) При перечисленіи испанскаго вѣса на русскій, мы вездѣ даемъ приблизительныя цыфры, впрочемъ весьма близкія къ испанскимъ.

(²) Въ 1843 году добыто слишкомъ 3,270 пудовъ.

21 сентября по 16 ноября. Съ 15 октября настали тамъ чрезмѣр-
ie жары, которые дѣлаютъ пребываніе въ городѣ почти невыноси-
имъ, такъ-что всѣ достаточные жители спѣшатъ укрыться въ заго-
дныхъ домахъ или подъ палатками, расположенными внѣ города.
внѣ города впрочемъ температура была довольно высока (около 30°
ше нуля). Бомбей окруженъ болотами, изъ которыхъ поднимаются
ь жаркое время самыя зловредныя испаренія.

Оставивъ Бомбей, корветъ послѣ четырехдневнаго плаванія достигъ
ванн Куратчи *(Kuratchy)* въ Сайндѣ (*Scinde*), въ которую по мел-
оводію входятъ только небольшія суда. Недалеко отсюда находится
очеть, близъ которой бьютъ два ключа горячей минеральной воды и
ходится обширный прудъ, наполненный *ручными крокодилами!* Этотъ
удъ лежитъ въ долинѣ, окруженной известковыми горами, и берега
о поросли кактусами и колючими кустарниками. Моггеръ-Тола (бо-
го крокодиловъ) имѣетъ отъ 25 до 30 саженъ въ поперечникѣ, и въ
мъ живутъ десятка четыре крокодиловъ, изъ которыхъ иные дли-
ю болѣе двухъ сажень. Странное дѣло! По голосу факира, который
ежедневно бросаетъ пищу этимъ тварямъ, ужасныя амфибіи выхо-
ятъ на берегъ и до того ручны, что ихъ можно трогать руками!
чти невозможно вѣрить, если бы фактъ не былъ подтвержденъ сот-
ня очевидцевъ.

Отъ береговъ Инда Фаворитка пошла въ Персидскій заливъ и
асное море и 5 декабря кинула якорь предъ Маскатомъ. Города и
ань окружены со стороны материка амфитеатромъ горъ, покры-
хъ лавою. Въ Маскатѣ живетъ теперь одинъ изъ сыновей имана,
султана, который самъ пребываетъ въ Занзибарѣ. Населеніе го-
ода простирается до 20 тысячъ человѣкъ, частію арабовъ, частію
шѣси арабовъ съ неграми и евреями; арабы чистой крови отлича-
ся своимъ необыкновенно высокимъ ростомъ. Маскатъ служитъ
инымъ складочнымъ мѣстомъ торговли Персидскаго залива съ Ин-
ю и частію съ Европою, и потому отличается своимъ богатствомъ.
Почемъ нигдѣ нельзя видѣть столько слѣпыхъ, кривыхъ и больныхъ
азами какъ здѣсь: это приписываютъ отраженію отвѣсныхъ солнеч-
ыхъ лучей отъ блестящей лавы окрестныхъ горъ и мелкой пыли, на-
шимой вѣтромъ изъ внутреннихъ пустынь: немало способствуетъ
ютію здѣсь глазныхъ болѣзней обычай натирать брови и вѣки
ьмою. Близъ города находится деревня, населенная одними *прока-
женными*.

Посѣтивъ Буширо (въ Персіи) и острова Каракъ, населенный те-
ерь нищими, а прежде знаменитый ловлею жемчужныхъ раковинъ,

фаворитка прибыла въ Адекъ 25 марта 1842 года. Эта превосходная гавань, столь драгоцѣнная для англичанъ, находится близъ города, населеннаго полунагими неграми; здѣсь, по преданію, Али, пророкъ персіянъ, началъ свою проповѣдь. Нынѣ Аденъ одна изъ отличнѣйшихъ гаваней въ свѣтѣ, бѣденъ до того, что въ немъ даже нѣтъ порядочной воды; здѣшнюю воду пьютъ только по крайней нуждѣ: такъ она невкусна и нездорова.

На пути въ Китайское море Фаворитка посѣтила Пондишери, Мадрасъ, Сингапуръ, Макао и Хоангъ-Конгъ *(Hoang-Kong)*. Архипелагъ между Макао и Хоангъ-Конгомъ составляетъ кряжъ горныхъ вершинъ, поросшихъ низкою травою, кустарниками и немногими деревьями; послѣднія являются особенно тамъ, гдѣ въ ущелинахъ накопилась растительная земля и протекаютъ ручейки, наполненные по большой части превосходною водою. Гавань Хоангъ-Конга превосходна, но воздухъ въ ней спертъ высокими горами; днемъ здѣсь болѣе 30° жара, а ночью холодно. Отъ этого раждаются здѣсь злокачественныя лихорадки, пагубныя для англійскаго гарнизона.

Тинъ-Хае на островѣ Чусанѣ красуется китайскою цитаделью, въ которой стоитъ теперь англійскій гарнизонъ. Это истинный *некрополисъ* для англійскихъ солдатъ, которыхъ здѣсь ежегодно умираетъ 450 человѣкъ изъ тысячи. Дурное расположеніе города, выстроеннаго китайцами, довершаетъ дѣло пагубнаго климата.

Близъ устья Желтой рѣки (вода которой имѣетъ дѣйствительно желтый цвѣтъ) находятся два священные острова — *Серебряный* и *Золотой*. Они покрыты богатою растительностью и застроены великолѣпными *пагодами*, къ которымъ восходятъ со стороны моря по широкимъ, мрачнымъ лѣстницамъ, перемежающимся обширными каменными террасами. Идолы въ пагодахъ слиты изъ драгоцѣнныхъ металловъ и вообще храмы отличаются какъ внутреннимъ, такъ и наружнымъ великолѣпіемъ. Отсюда прорытъ *большой императорскій каналъ*, вплоть до самого Пекина.

Бѣдное окрестное населеніе занимается воздѣлываніемъ риса и хлопчатой бумаги. Хлопчатобумажникъ растетъ кустами въ аршинъ вышины, какъ скоро стручки на немъ начнутъ лопаться, ихъ обрываютъ и сушатъ на солнцѣ. Способы, употребляемые туземцами для очищенія хлопчатой бумаги и ея пряжи, отзываются младенческимъ состояніемъ ремеслъ и искусствъ. Рисъ, главная, если не единственная пища туземнаго населенія, собирается въ сентябрѣ и октябрѣ; поле, на которомъ онъ растетъ, обыкновенно покрыто водою, подъ которою косятъ рисъ, какъ можно ближе къ корню и кладутъ стебли на сол-

я просушки, послѣ чего его молотятъ и мелютъ жерновами, при-
ыми въ движеніе силою быковъ. Вообще растительность китай-
берега представляетъ переходъ отъ тропической къ раститель-
умѣренныхъ странъ: орѣховыя пальмы, латаны, финики, розо
авры и бананы растутъ подлѣ апельсиновъ, персиковъ, сливъ,
ь, винограда, дубовъ, сосенъ, — сарачинское пшено и китайскій
ъ—подлѣ видовъ европейскаго зернового хлѣба; кукуруза разво-
рядомъ съ чайнымъ кустарникомъ.

итайскій бамбукъ есть одно изъ полезнѣйшихъ растеній: изъ
евъ его приготовляется обыкновенный сортъ бумаги, а изъ ство-
строятъ дома, изгороды, приготовляютъ мебели, инструменты, и
я многоразличныя подѣлки.

итайскій ленъ *(urtica nivosa)* служитъ для выдѣлки недавно поя-
ихся и въ Европѣ тканей, извѣстныхъ подъ именемъ грассъ-
(grass-clot), или *ліенцо:* онѣ довольно прочны, мягки и отлича-
шелковистымъ лоскомъ.

Пажъ описываетъ китайцевъ съ невыгодной стороны: онъ ихъ
ставляетъ трусливыми, нечистоплотными и по большой части
дущими золотухою и другими накожными болѣзнями. О клима-
его китайскаго поморья онъ отзывается какъ о странѣ весьма не-
вой для чужеземцевъ.

Фаворитка посѣтила также многіе острова Малайскаго архипелага,
писаніи г. Пажа мы читаемъ поразительную, но тѣмъ болѣе от-
тельную картину болѣзней туземнаго населенія, особливо накож-
: проказы, лишаевъ, золотухи, паршей и страшнаго элефіантіаз-
ли слоновой болѣзни. О водѣ Сулусскаго рейда онъ говоритъ, что
ю того нечиста и обременена органическими веществами, быстро
дящими въ гніеніе, что если съ вечера налить въ стаканъ свѣ-
оды, то она, постоявъ ночь, пахнетъ уже къ утру гнилыми яй-

самое нездоровое по климату для европейцевъ мѣсто есть Безa-
, на островѣ Явѣ. Онъ выстроенъ на берегу рѣчки, посреди бо-
окруженнаго высокими горами, и пропадаетъ между рисовыми
аціями. Окрестныя поля покрыты гніющею стоячею водою и
ающимся черноземомъ: здѣсь холера, кровавый поносъ и лихо-
царствуютъ постоянно. Когда вѣтеръ съ берега пахнетъ на ко-
, стоящіе на рейдѣ, то едва можно выносить приносимое имъ
ніе.

овершивъ свой длинный путь, Фаворитка возвратилась въ Брестъ,
равъ только четырехъ человѣкъ изъ экипажа.

— Всякой знаетъ, что хамелеонъ, эта небольшая ящерица, имѣетъ странную способность измѣнять цвѣтъ своей кожи, смотря на цвѣтъ окружающихъ предметовъ; но въ объясненіяхъ этого явленія встрѣчалось множество разнорѣчій. Вотъ что̀ недавно сообщилъ объ этомъ предметѣ Парижской Академіи Наукъ извѣстный натуралистъ Милн Эдвардсъ.

Естественный, или основной цвѣтъ хамелеона есть сѣро-бѣлый, и въ темнотѣ или тотчасъ послѣ своей смерти животное постоянно имѣетъ этотъ цвѣтъ. Онъ же пребываетъ всегда преобладающимъ, несмотря на то, что животное во время жизни на различныхъ частяхъ тѣла одновременно показываетъ отливы коричневые, зеленые и лиловые, и отъ этой одновременности окрашиванья различныхъ частей различными цвѣтами происходитъ чрезвычайное разнообразіе оттѣнковъ. Наблюдая образованіе этихъ побочныхъ красокъ, можно замѣтить, что при появленіи ихъ подъ бѣлою кожицею (эпидермою) животнаго, покрывающею кожу, вдругъ появляются темнаго цвѣта точки, придающія кожѣ свой собственный цвѣтъ. Дѣйствіе измѣненія цвѣтовъ кожи соотвѣтствуютъ цвѣтамъ окружающихъ предметовъ, потому-что хамелеонъ проводитъ жизнь свою между зелеными листьями и коричневою корою и вѣтвями деревьевъ. Въ Монпелье натуралистъ Жерве держалъ хамелеона въ теченіи нѣсколькихъ недѣль на листьяхъ померанцоваго дерева, и животное было постоянно зеленаго цвѣта, такъ-что трудно его было замѣтить между листьями. Пущенный на коричневый полъ, звѣрекъ принялъ цвѣтъ пола и едва различался отъ него.

Мильнъ Эдвардсъ убѣдился, что это животное можетъ по произволу выпускать подъ верхнюю кожицу зеленоватую и коричневую жидкости и при этомъ, по необъяснимому инстинкту, всегда выпускаетъ жидкость того цвѣта, который наиболѣе подходитъ къ окружающимъ предметамъ. *(Comptes rendus de l'Académie des Sciences. T. XXVII).*

— Въ этомъ засѣданіи между прочимъ раздавались медали. Первую Королевскую медаль *(Royal Medal)* получилъ Галловай *(Galloway)* за изслѣдованія о собственномъ движеніи нашей солнечной системы. Вторую королевскую медаль получилъ Гергрю *(Hargreave)* за изслѣдованія касательно математическаго анализа. — Третью медаль Копли *(Copley Medal)* получилъ Адамсъ, за изслѣдованія о новой планетѣ, производящей возмущенія въ движеніяхъ планеты Ураna. — Четвертую медаль Румфорда *(Rumford Medal)* получилъ Реньо за изысканія касательно зависимости между температурою и упругостью водянаго пара, когда онъ насыщаетъ занимаемое имъ пространство. — При врученіи каждой медали, президентъ, маркизъ Норзамптонъ *(Nor-*

tom), говорилъ удостоиваемому награды приличное привѣтствіе — ледемъ слова, съ которыми онъ обратился къ Адамсу; изъ нихъ о, какъ Англичане смотрятъ на вопросъ — кому принадлежитъ вство въ открытіи планеты Нептунъ, Леверрье или Адамсу.

Мистеръ Адамсъ — говоритъ президентъ — мнѣ въ высшей степени но вручить вамъ отъ Совѣта Королевскаго Общества медаль ея. — Я увѣренъ, что этимъ Совѣтъ Общества сдѣлалъ только то, требовала справедливость за любовь къ наукѣ, прилежаніе и ис- во, оказанныя вами въ изысканіяхъ о величинѣ и разстояніи тѣ- ронзводящаго возмущенія въ движеніи планеты Урана,—изыска- увѣнчавшихся успѣхомъ, точно также, какъ и изысканія ва- знаменитаго друга Леверрье.»

Если онъ составляетъ честь своей націи, тѣмъ не менѣе вы со етете честь Англіи; если онъ достойный послѣдователь Лапласа, мѣньшимъ правомъ вы достойный послѣдователь Ньютона. Имя рье и ваше останутся всегда вмѣстѣ въ лѣтописяхъ торжествъ , которой вы оба посвятили себя съ такою любовію и съ такими ательными успѣхами.»

— Въ одномъ французскомъ журналѣ сообщаютъ слѣдующее пись- ъ 24 ноября 1848 года изъ Вальпарезо, написанное офицеромъ кода *Poursuivante*.

Англійскій фрегатъ Констанція, прибывшій сюда (въ Вальпарезо) ября, принесъ намъ изъ Калифорніи такія извѣстія, которыя жили голову всѣмъ жителямъ Вальпарезо; теперь здѣсь все за- —Франція, Италія и ихъ революціи; ни о чемъ не говорятъ, какъ о золотѣ, все стремится въ Калифорнію; первыя слова при чѣ: скоро ли отправляетесь? Прикащики самыхъ важныхъ рческихъ домовъ оставляютъ вѣрное жалованье въ восемь, ьсять тысячъ франковъ, и отправляются въ Калифорнію копать ъ.

то сто семидесяти пяти миляхъ отъ Санъ-Франциско находится рная горная равнина во сто льё длины, пересѣкаемая нѣсколькими ми, въ буквальномъ смыслѣ усѣянными кусками и пылью золота. дня назадъ, я видѣлъ одинъ кусокъ неочищеннаго золота, приве- ій сюда какимъ-то купеческимъ кораблемъ, въ десять ливровъ ъ.

Вотъ фактъ, который лучше всего можетъ дать понятіе какъ о ніи того края, такъ и объ энтузіазмѣ, съ какимъ всѣ туда ятся: одинъ военный англійскій корабль бросилъ якорь въ при- Санъ Франциско, и пять человѣкъ дезертировали; за ними по-

сылаютъ десять человѣкъ, и эти десять дезертируютъ тоже; за ними десятью человѣками посылаютъ еще двадцать человѣкъ и двухъ офицеровъ, но до сихъ поръ ничего и о нихъ не слышно; наконецъ и всѣми бѣглецами посылаютъ пять офицеровъ и капеллана корабля, но и они пропадаютъ.

«Одинъ французскій капитанъ, служащій подъ чилійскимъ флагомъ, разсказывалъ мнѣ, что въ Санъ-Франциско онъ продалъ старую деревянную полуразбитую лопату за шестьдесятъ франковъ. Онъ возвратился оттуда съ одной рубашкой, панталонами, парою сапогъ, соломенною шляпою и въ грубой блузѣ изъ холста: все свое платье продалъ въ Санъ-Франциско. Онъ показывалъ мнѣ свои панталоны, изношенные немилосердымъ образомъ, и за нихъ ему предлагали осемьдесятъ піастровъ (95 фр.). Пустыя бутылки, бывшія съ о-де-колономъ, онъ продалъ по пяти піастровъ (26 фр. 50 сер.): ихъ купили для золотого пороху.

«Одинъ негоціантъ изъ Санъ-Франциско писалъ адмиралу, что въ теченіи одного дня онъ одинъ собралъ золота на тысячу двѣсти піастровъ (6,300 фр.)!

«Этотъ же капитанъ, о которомъ упомянуто выше, отправился съ товарами на четырнадцать тысячъ піастровъ, а воротился съ осьмью десятью тысячами піастрами.

«Оттуда уже пять кораблей готовы отплыть въ Калифорнію. За перевозъ платятъ двѣсти піастровъ.

«Въ Вальпарезо находится теперь американскій капитанъ, который беретъ на свой корабль всякаго, кому угодно отправиться въ Санъ-Франциско, съ условіемъ заплатить ему за перевозъ, черезъ три мѣсяца по прибытіи, золотомъ по курсу»....

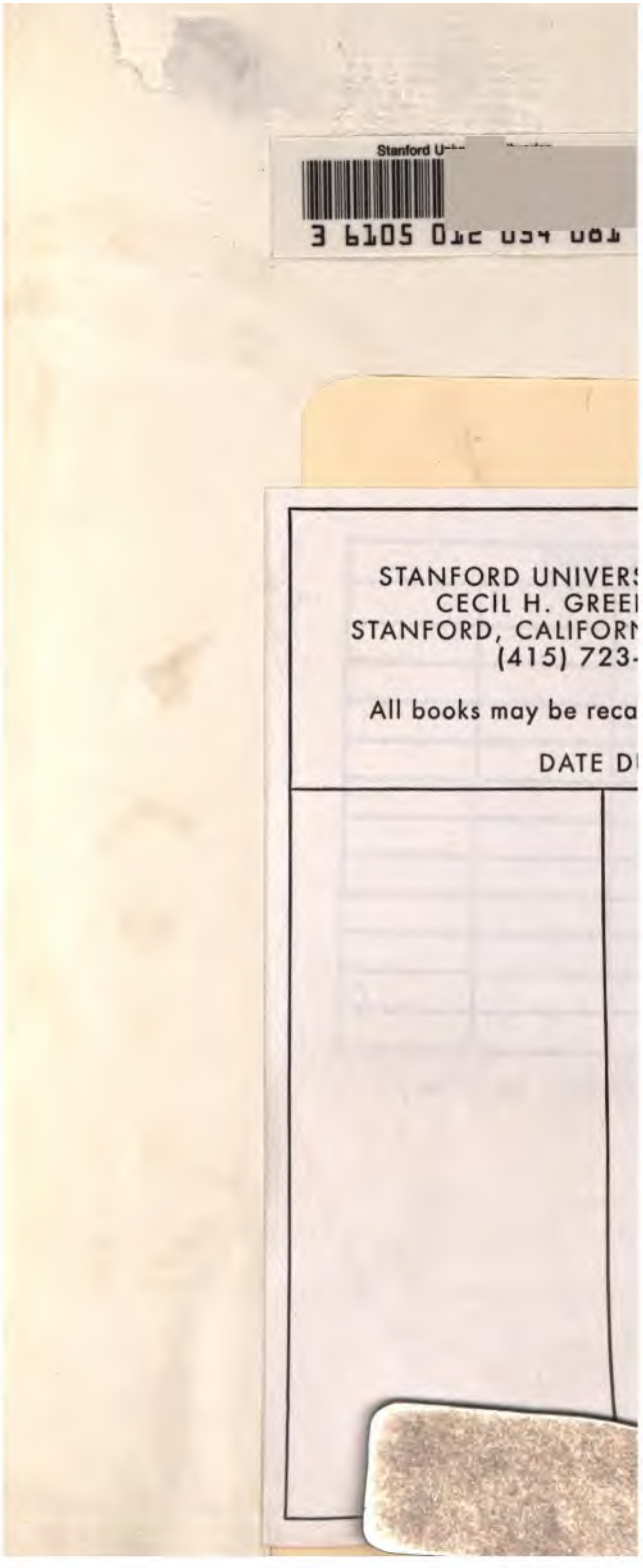
(Въ *слѣдующемъ №* Современника, мы представимъ нашимъ читателямъ подробную и весьма любопытную статью о Калифорніи).

— Самыя любопытныя сочиненія вышедшія въ послѣднее время во Франціи, это, безъ сомнѣнія: первая часть «*Признаній*» Ламартина, которую мы помѣщаемъ въ этой же книжкѣ Современника; *О Демократіи во Франціи* соч. Гизо и восьмой томъ Исторіи Консульства и Имперіи, Тьера. Онъ раздѣленъ на три книги подъ названіями: Фонтенебло, Аранхуецъ и Байонна.

VI.

Время баловъ и маскарадовъ прошло; зимній сезонъ нынѣшняго
былъ слишкомъ коротокъ. Давноли мы удивлялись таланту г.
о, который поставилъ на нашей сценѣ два балета: *Эсмеральду*
тарину, приводившіе въ восторгъ всю петербургскую публи-
—а теперь уже сцена Большого театра пуста. Правда, г. Роллеръ
одушевляетъ ее нѣсколько живыми картинами. Въ этихъ жи-
ъ картинахъ мы видѣли въ послѣдній разъ въ нынѣшнемъ се-
ѣ г-жу Фанни Эльслеръ и г. Перо. Концерты мало посѣщаются;
нимѣръ зала Большого театра въ концертѣ г-жи Воронцовой—
истки была почти пуста,—и не безъ причины: у г-жи Воронцо-
нельзя отнять таланта, но зачѣмъ же назначать такія громад-
цѣны мѣстамъ? За удовольствіе слушать г. Рубини, г-жъ Віар-
Фрецполини можно заплатить послѣдніе 8 рублей сер. за кре-
но вѣдь г-жа Воронцова не Віардо и не Фрецполини!... Все это
замѣчаемъ впрочемъ мимоходомъ, и то потому только, что собѣ-
нно о модахъ въ этомъ мѣсяцѣ говорить почти нечего: въ про-
женіи послѣднихъ четырехъ недѣль никакой рѣзкой и значи-
ой перемѣны не произошло въ области петербургскихъ модъ.
ко г. Излеръ, обладающій *неистощимымъ воображеніемъ*, объя-
по случаю великаго поста, программу новыхъ *модныхъ* постныхъ
жковъ. Пирожки эти носятъ удивительно остроумныя и милыя
нія, какъ напримѣръ: *съ рыбкой-съ! успокоительные. Просто-
сь! Въ добрый часъ!* Г. Излеръ между прочимъ, какъ видно, очень

ловкій и тонкій угодникъ: пирожки, продающіеся по субботамъ, он назвалъ *Пчолка или что съ рота то спасибо!*... Это очень хорошо. Тѣхъ же, которыхъ собственно интересуютъ не модные пирожки, а парижскія моды, мы приглашаемъ полюбоваться, во-первыхъ, парижской картинкой приложенной къ этому № Современника, а во-вторыхъ, въ магазинѣ г. Соболева новыми дамскими бархатными туфлями à la Louis XV съ каблучками, цвѣта темно-лиловаго безъ задка, на бѣломъ выстеганномъ атласѣ съ кокардой изъ кружевъ и атласныхъ лентъ. Эти туфли удивительно изящны!


Stanford U
3 6105 0
STANFORD UNIVERS
CECIL H. GREE
STANFORD, CALIFORN
(415) 723-
All books may be reca
DATE D